

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Г. П. Щедровицкий

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Георгий Петрович Щедровицкий

Г. Щедровицкий

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
второй половины XX века

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ второй половины XX века

Редакционный совет:

В. С. Стёпин (*председатель*)

А. А. Гусейнов

В. А. Лекторский

В. И. Толстых

П. Г. Щедровицкий

Главный редактор серии В. А. Лекторский

Москва
РОССПЭН
2010

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
второй половины XX века

Георгий Петрович Щедровицкий

Под редакцией П. Г. Щедровицкого,
В. Л. Даниловой

Москва
РОСПЭН
2010

УДК 14 (082.1)

ББК 87.3(2)6

Щ36

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Г. Э. Афанасьева, М. М. Мулюкова
и Фонда «Центр стратегических разработок
«Северо-Запад»*

Георгий Петрович Щедровицкий / Г. П. Щедровицкий ;
Щ36 [под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой]. — М. : Рос-
сийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. —
600 с. : ил. — (Философия России второй половины XX в.).

ISBN 978-5-8243-1387-1

Книга посвящена анализу наследия Г. П. Щедровицкого (1929—1994) — выдающегося отечественного мыслителя, философа, методолога, общественного и культурного деятеля, организатора и лидера Московского методологического кружка (ММК).

В сборник вошли статьи участников ММК, учеников и последователей Г. П. Щедровицкого, в которых рассматриваются лишь основные темы из его обширного и до сих пор малоисследованного наследия: проблемы теории мышления и деятельности, семиотики и эпистемологии, системо-мыследеятельностного подхода, организационно-деятельностных игр. В книге впервые публикуется доклад Г. П. Щедровицкого 1972 г., посвященный идее деятельности и деятельностному подходу, а также полная библиография работ Г. П. Щедровицкого и работ о нем.

Книга рекомендована специалистам по философии, методологии науки, студентам, аспирантам, а также широкому кругу людей, которых интересует интеллектуальная история современной России.

УДК 14 (082.1)

ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-8243-1387-1

© Лекторский В. А., общая редакция серии, 2010
© Щедровицкий П. Г., Данилова В. Л., составление и общая редакция тома, 2010
© Институт философии РАН, 2010
© Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Оформление. Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010

От редактора

Изменения, происшедшие за последние 25 лет в интеллектуальном ландшафте России, настолько заметны, что мы уже без какого-либо насилия над собственным чувством времени можем говорить о Г. П. Щедровицком и его современниках как о философах прошлого века. Этот «разрыв временной ткани» отделяет нас не только от апологетов официальной идеологии, но и от любого мыслителя того времени, требуя сейчас осознанного усилия, направленного на восстановление проблемных контекстов, в которых возникала мысль, собеседников (реальных и идеальных), которым она была адресована, экзистенциальных ситуаций, с нею связанных. Затрудняя непосредственное понимание текстов и прямое продолжение привычных еще 15–20 лет назад дискуссий, этот разрыв дает нам редкостный шанс посмотреть на рассуждения, которые некогда были даны нам как свидетелям или участникам, глазами другого поколения, поместить их в другие практические контексты и смысловые горизонты.

Серия, которую мы подготовили и в которую включен данный том, впервые, на наш взгляд, создает сам феномен русской советской философии 1960-х гг. Г. П. Щедровицкий, как мыслитель и личность, с одной стороны, стоит несколько особняком — он всегда подчеркивал наличие кризиса современного ему философ-

ского мышления и сосредоточивался в своей работе на проекте создания методологического мышления как мышления будущего. С другой стороны, рискну предположить, что именно логика и философия была той «родной землей», на которую при прочих равных ему хотелось бы вернуться в конце своего творческого пути (и на которую он всегда в какой-то мере опирался).

Я не хочу утверждать, что разделяющая нас временная дистанция уже достаточна для написания объективной истории — мы находимся только в самом начале пути. Сам Г. П. Щедровицкий неоднократно проделывал работу по переписыванию (пере-рассказыванию) «малой истории» Московского методологического кружка — однако всякий раз создаваемые им истории были сознательно подчинены актуальной для него проблемной ситуации и замыслу следующего шага развития ММК. Таков его доклад 1972 г., опубликованный в настоящем сборнике. Он представляет для нас интерес не только как подробное и глубокое описание зарождения в ММК идеи деятельности и программы разработок в этой области, но и как скрупулезное обсуждение связи этой идеи с методологией и логикой анализа мышления, которые были развиты им на предыдущих этапах.

Однако сколь бы глубоки и интересны ни были тексты Георгия Петровича, посвященные истории идей ММК, они не отменяют и не заменяют сегодняшнюю работу по реконструкции и осмыслению этой истории.

В 2004 г. был подготовлен сборник статей «Познающее мышление и социальное действие» (под ред. Н. И. Кузнецовой). В этом «желтом сборнике» современники Г. П. Щедровицкого и более молодые авторы (не побоюсь этого выражения — цвет современной российской философии) анализируют и оценивают отдельные аспекты его творчества. Эти статьи, сколь бы близко ни были отдельные авторы сборника знакомы лично с Георгием Петровичем, написаны из внешней позиции — понимающей, иногда критической.

Внутри школы Щедровицкого появление подобного сборника вызвало вполне естественную реакцию — критику не столько способа рассмотрения и представленных интерпретаций отдельных моментов и положений концепции, сколько рамок и горизонтов осмысления устремленности его творчества в целом. Однако процесс формирования собственной — внутренней — позиции тех, кто называет себя учениками Г. П. Щедровицкого и последователями системо-деятельностного или

СМД-подхода, оказался не только долог, но и труден, что можно увидеть, в частности, читая статьи настоящего сборника.

Все его авторы были не только лично знакомы с Г. П. Щедровицким, но и непосредственно участвовали в работе методологического кружка (и оставили в этой работе свой след). Однако активный период их ученичества и работы в силу исторических причин объективно принадлежал различным периодам деятельности ММК, и хотя бы в силу этого, понимание ими сути методологического подхода, достижений и ключевой проблематики работ Г. П. Щедровицкого сильно различается.

Сборник открывает статья В. Г. Марачи (пришедшего в Кружок в конце 1980-х гг.), представляющая собой по замыслу автора шаг в реконструкции интеллектуальной традиции Московского методологического кружка и определение специфики методологического мышления как «идеального ядра» этой традиции. Тем самым начинается один из «сквозных сюжетов» этой книги — размышление о принципиальных особенностях и культурных основаниях тех форм и методов мышления, которые мы находим в работах Г. П. Щедровицкого и его последователей. Так или иначе, к этому вопросу обращается каждый из авторов сборника.

Следующий раздел посвящен анализу онтологических оснований методологического мышления и их эволюции на протяжении творческого пути Г. П. Щедровицкого. Его авторы принадлежат к различным «поколениям» ММК: В. М. Розин — один из первых учеников Щедровицкого, В. Я. Дубровский, пришедший в Кружок во второй половине 1960-х гг. (в так называемый деятельностный период), Ю. В. Громыко — один из его последних учеников. Нельзя сказать, что в этом сборнике уже состоялся диалог между различными поколениями Кружка, но можно надеяться, что подготовка и публикация этих текстов даст для него толчок и содержание.

На всем протяжении истории ММК разрабатываемые там концепции, культивируемые формы мышления и образа жизни вызывали предельно неоднозначную оценку окружающих, поляризуя тех, кто попадал в орбиту семинара, на его горячих сторонников и яростных противников. Не менее острые оппозиции и дискуссии по поводу ключевых идей и их оснований складывались внутри семинара — достаточно быстро они были осознаны как принципиально важное условие мышления и стали традиционными для ММК. Осмыслению принципа и тех-

ник проблематизации посвящена статья одного из старейших участников семинара Б. В. Сазонова.

В статье профессора кафедры немецкой филологии В. П. Литвинова рассмотрена философия знака Г. П. Щедровицкого и осуществлена попытка синтеза его представлений о знаке на основе всего опубликованного массива текстов. Другой важный аспект интеллектуального наследия Г. П. Щедровицкого — его концепцию знания — реконструирует В. Л. Данилова (пришедшая в семинар в начале 1970-х гг.), рассматривая разворачивание идеи знания и связанных с нею проблем в «малой истории» ММК 1950-х — 1970-х гг.

Категориальная пара «искусственное — естественное», играющая важнейшую роль в идеях и разработках ММК, обсуждается в статье М. В. Раца (доктора геолого-минералогических наук, с начала 1980-х гг. принимавшего участие в методологической работе).

Как известно, формой реализации методологических идей в 1980-е гг. стала организационно-деятельностная игра. Связанный с нею круг вопросов обсуждает в своей статье Л. М. Карнозова, опираясь как на собственный богатый опыт участника и разработчика организационно-деятельностных игр, так и на предшествующие дискуссии.

Особое место среди статей сборника занимает очерк М. С. Хромченко. В отличие от других авторов сборника, рассматривающих и анализирующих «жизнь идей», он, опираясь на воспоминания участников, показывает методологический кружок как переплетение человеческих судеб, воле, сложных (и нередко отчаянно запутанных) взаимоотношений и пронизывающего всю эту историю напряженного стремления к подлинности мышления и жизни.

П. Г. Щедровицкий

I. Вместо введения

В. Г. Марача

Отличительные черты методологического мышления как «идеального ядра» интеллектуальной традиции Московского методологического кружка

1

1.1. Замысел данной работы состоит в том, чтобы предложить *реконструкцию основных характеристик методологического мышления, развиваемого в рамках Московского методологического кружка* (далее — ММК или Кружок), лидером которого в течение нескольких десятилетий был Г. П. Щедровицкий. При этом я буду акцентировать внимание на *отличительных чертах этого мышления в его сопоставлении с другими типами, прежде всего с философским и научным.*

С моей точки зрения, такая работа может стать началом *осмысления ММК как интеллектуальной традиции*, по отношению к которой *методологическое мышление рассматривается мной в качестве «идеального ядра»* (далее буду писать этот термин без кавычек). Такое осмысление значимо прежде всего для самосознания участников методологического движения, продолжающего дело Г. П. Щедровицкого и ММК, в условиях, когда сама возможность такого продолжения ставится под сомнение (тезис о «смерти ММК»). Представление же результатов этого осмысления философскому широкому сообществу я считаю важным для налаживания диалога между представителями различных традиций и направлений мысли, причем диалога подлинного, то есть основанного на глубоком понимании и взаимной рефлексии оснований позиций сторон.

Кроме того, я рассматриваю данную работу как продвижение в понимании характеристик методологического мышления, которое в дальнейшем могло бы стать *основанием для углубленных методологических исследований* в данном направлении.

1.2. Таким образом, в настоящей работе *реконструкция основных характеристик методологического мышления* осуществляется в контексте осмысления ММК как интеллектуальной традиции. При этом *понятие «интеллектуальной традиции»*, которое используется для характеристики ММК и продолжающего его методологического движения как интеллектуально-общественного и культурного феномена, существующего уже более полувека, берется как составляющая *триады «традиции — институты/организации — практики/функции»* (О. И. Генисаретский).

На фоне того, что методологическое движение, в которое перерос в 1980-е годы Кружок, популятивно и плюралистично в плане практик и институционально-организационного оформления, *фокусировка на традиции характеризует единство идеального ядра методологического движения как «эпистемического со-общества»* (от слова «общность»). Именно апелляция к этому ядру позволяет говорить о *продолжении ММК как интеллектуально-общественного и культурно-исторического феномена*.

Но факт существования такого ядра далеко не очевиден. *«Кружка» как формы*, в которой факт общности идеального содержания был ясен в силу самих принципов организации работы*, уже не существует. *Существенно изменились и практики*: после смерти Г. П. Щедровицкого, который был безусловным и всеми признаваемым лидером Кружка, в условиях изменения социально-экономического строя произошел «дрейф» практик, в которых задействованы участники методологического сообщества. Те практики, которые раньше были ведущими в жизни сообщества (семинары, организационно-деятельностные игры), отошли на второй план — при этом

* В данном контексте наиболее значимы два принципиальных момента устройства семинаров ММК: 1) вынесение идеального содержания «на доску» (объективация), осуществлявшаяся в ходе коллективного обсуждения; 2) признаваемое всеми лидерство Г. П. Щедровицкого как основание для задания «генеральной линии» разворачивания содержания и преодоления конфликтных ситуаций.

основное практикование участников сообщества сместилось в области, в которых роль и значение собственно методологических средств еще требует специального прояснения.

В то же время *после распада лидерской формы организации сообщества и единого интеллектуального пространства семинаров* (см. сноску на с. 10) *не было найдено новой формы, которая бы, с одной стороны, обеспечивала связь практик с идеальным ядром традиции и, с другой стороны, обладала бы достаточной степенью популятивности и плюрализма**. В результате была потеряна консолидация усилий в развитии идеального ядра традиции, а само ядро во многом потеряло функцию задания общепризнанных норм работы, то есть в этом смысле саму свою «ядерность».

В связи со всем вышесказанным неоднократно выдвигался тезис о смерти ММК (А. П. Зинченко, В. А. Подорога и др.). Если под Кружком понимать только форму организации методологической работы и жизни сообщества**, соотнесенную с рядом практик, маркированных как собственно методологические, то этот тезис верен. Но тем самым *отрицается факт существования идеального содержательного ядра, материализация которого может иметь продолжение в других формах организации и практиках, то есть отрицается существование того, что было названо выше «интеллектуальной традицией».*

1.3. Удивительно, что это происходит *на фоне возрастания значения методологии* и появления целого ряда вызовов, требующих именно методологического ответа (ограничусь перечислением тех факторов, о которых пишет в своей обстоятельной книге о становлении и современном состоянии методологии В. М. Розин [35. С. 3–5]):

— усложнение мышления, рост содержательного и типологического разнообразия подходов и дискурсов, школ и направ-

* Подробнее о генезисе и оценке данной ситуации см. пп. 3.3–3.7 статьи [22].

** Г. П. Щедровицкий подчеркивал, что семинар ММК «соединяет учебную группу, работающую машину, что-то вроде партиячейки... — и вместе с тем это — клубный коллектив, где строятся отношения». То есть он является, с одной стороны, «мыслительной машиной», а с другой — «представляет собой органическое единство всех форм жизни», «микрокосмос, взятый во всей полноте его проявлений», обеспечивающий «развитие всех нас, развитие человеческое в плане институционализации» [61. С. 160–161].

лений, требующие соответствующей «интеллектуальной навигации», планирования и программирования мышления;

— «антиметодологический» вызов постмодернизма, подвергший сомнению саму возможность нормирования мышления, что порождает необходимость нового анализа оснований мышления и методологического обеспечения соответствующих процессов рефлексии, коммуникации и взаимопонимания носителей различных дискурсов в условиях запрета на «метанарративы»;

— расширение действительности «технологии» на информационные и социокультурные процессы, в частности на механизмы инноваций и развития, поставившее вопрос о технологизации «производства знаний» и в целом мыслительной деятельности.

Даже ограниченное опубликованными к настоящему времени работами знакомство с наследием ММК наводит на мысль о том, что *характер и масштаб проблем, порождаемые перечисленными выше вызовами, вполне соответствуют тем, что ставились и решались в «героический период» ММК.* И методологическому сообществу вполне по силам, как любил говорить Г. П. Щедровицкий, «набраться окаянства» и совершить не менее славные дела. Тем более что внутреннее состояние сообщества свидетельствует: «Пациент скорее жив». Данное впечатление основано на том, что активно публикуются методологические работы, собираются семинары и конференции, на ежегодные Чтения памяти Г. П. Щедровицкого собираются по несколько сот человек и т. д.

1.4. *То есть проблема продолжения традиции ММК в ее идеальном ядре?* Если отнестись к данной ситуации с позиций деятельностного подхода, принятого в качестве одного из основоположений ММК, то *факт смерти или продолжения традиции зависит от нашего самоопределения**. Если мы принимаем *точку зрения «рефлектированного традиционализма»*, реконструируем (и тем самым воссоздаем) идеальное ядро традиции в виде нормативных принципов и предписаний, в соответствии с которыми строим нашу практику (т. е. ставим и решаем практические задачи), то традиция имеет шанс продолжиться.

* На этот момент, а также на необходимость восстановления выработанных в ММК принципов организации *методологической работы* неоднократно указывал Б. В. Сазонов — см., например [43. С. 151–153].

Для воссоздания идеального ядра помимо нормативных принципов и собственной практики, в которой они реализуются, должны быть восстановлены и другие компоненты интеллектуальной традиции, в частности *онтологические представления, логика, а также история развития соответствующих идей и представлений*. При этом ключевые моменты истории развития идей («малой истории», как ее называли в Кружке) и отношение к предшественникам переосмысливаются в соответствии с актуальным пониманием идеального ядра и направления развития методологии.

Блестящие образцы подобной работы много раз демонстрировал Г. П. Щедровицкий*, опираясь при этом на *двуединый принцип анализа исторически развивающихся систем*. С одной стороны, необходимо исследовать развитые состояния «органических объектов» с точки зрения истории их развития. С другой стороны, «ключ к пониманию анатомии обезьяны лежит в анатомии человека» (К. Маркс). Преодоление этой антиномии, — указывал Г. П. Щедровицкий, — заключается в разработке такого способа исследования, в котором бы исследование «наиболее развитого» состояния объекта было средством для адекватного воспроизведения его генезиса, а понимание генезиса служило бы средством для анализа и более глубокого понимания структуры функционирования в самом развитом состоянии [56. С. 180].

Только такой подход к пониманию истории Кружка может быть основанием как осмысления ММК как интеллектуальной традиции, так и для определения направлений и путей дальнейшего развития методологического движения. Необходимо следовать ему и при исследовании характеристик методологического мышления, если, конечно, мышление это понимается не как налично данное раз и навсегда, а как имеющее историю становления и развития.

2

2.1. В соответствии с определенным в предыдущей главе (п. 1.4) принципом анализа исторически развивающихся систем первый шаг должен заключаться в полагании идеального ядра интеллектуальной традиции ММК в его «наиболее развитой» форме.

Гипотеза, на которую я буду опираться, заключается в следующем: *существует идея, выступающая смысловым и ор-*

* См., например [46; 57; 55; 66; 47; 60].

ганизирующим центром идеального ядра интеллектуальной традиции ММК, основанием становления и продолжения этой традиции. Предполагая, что эта идея, для того, чтобы выполнять свою роль задающей «предназначение» методологии, должна была быть известна участникам ММК, мы можем попытаться выделить ее суть на основе анализа последних опубликованных при жизни текстов Г. П. Щедровицкого.

2.2. Формально последней опубликованной при жизни работой Георгия Петровича (если не считать интервью) является доклад «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах, опубликованный в № 1—2 журнала «Вопросы методологии» за 1992 г. Но этот доклад произнесен в 1975 г., т. е. речь идет о публикации архивного материала.

Предыдущим по дате публикации текстом является большая статья «Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов» [49]. Цель данной работы вроде бы совершенно ясна из ее названия, и можно предположить, что, прояснив понятие «подхода» и «методологического различия в подходах» как более значимого, чем различия в научных предметах, Г. П. Щедровицкий хотел завещать своим ученикам твердо стоять на позициях деятельностного (системодетельностного) подхода [49. С. 153—154]*.

Но «стоять на позициях» пусть даже и самого продвинутого подхода явно не может быть предназначением методологии. Не может им быть и реализация подхода сама по себе, поскольку подход — это «знаниевая связка нового типа» [49. С. 149], т. е. особым образом организованный комплекс способов онтологического видения, средств и методов нашей мыслительной работы, «логик» мышления и т. д. [49. С. 143]. Средство (даже в самом широком методологическом смысле этого слова) не может быть целью и предназначением.

2.3. Может быть, Учитель завещал нам *решить определенную проблему*, полагая, что лучшим средством для этого является деятельностный подход? В данной статье он обсуждает *две формы постановки проблемы, выступающие как разные уровни или масштабы осмысления ситуации, связанной с отсутствием адекватных форм совместной ра-*

* Здесь и далее, если не оговорено иное, в случае цитирования опубликованных при жизни работ Г. П. Щедровицкого, перепечатанных в «Избранных трудах», вышедших в 1995 г. [45], ссылка на страницы указана в соответствии с этим изданием.

боты представителей разных профессиональных сфер и научных дисциплин над общими для них «комплексными» проблемами, форм междисциплинарной коммуникации и полипредметного мышления [49. С. 143].

Первая форма постановки проблемы заключается в том, что социокультурная ситуация, в которую мы при этом попадаем, очень напоминает «ту, в которой начинали свою работу философы, методологи, математики и физики XVII века: подобно тому, как они создали тогда *новые онтологические представления о мире природы* и таким образом заложили основания для развития всей системы “натуральных” наук, так и мы сейчас должны создать *принципиально новые онтологические представления о мире деятельности и мышления* и таким образом заложить основания для развития системы мыследеятельностных наук. Но это, в свою очередь, предполагает, с одной стороны, *обращение к принципиально новым категориальным схемам*, а с другой — *использование совершенно иного, не натуралистического, а деятельностьного или, еще точнее, системодеятельностного подхода*» [49. С. 148].

Задачи построения новых онтологических представлений и категориальных схем при всей своей философской значимости относятся к тому же «инструментальному цеху» методологии, что и системодеятельностный подход (а в пределе входят в арсенал его средств), а поэтому решение этих задач может рассматриваться как одна из возможных локальных целей — но не как предназначение методологии. Что же касается «развития системы мыследеятельностных наук», то для методологии это либо один из продуктов, либо инструмент для достижения каких-то более общих целей — подобно тому, как Ф. Бэкон задумывал свое «великое восстановление наук» не как самоцель, а как средство «покорения природы» и построения «царства человека» [38].

Вторая, более общая форма постановки проблемы заключается в том, что мы «*приходим к ситуации, реально угрожающей целостности человеческой мыследеятельности*»* [49. С. 152]. При этом особенность отношений методологии со

* В оригинале Г. П. Щедровицкий использовал сокращение «МД». Здесь и далее в аналогичных случаях сокращение заменено на полный термин. Курсивы в данной и последующих цитатах, если не оговорено иное, принадлежат Г. П. Щедровицкому.

все более дифференцирующимися профессиональными сферами и научными дисциплинами заключается в том, что «каждый тип мышления благодаря организующим функциям своей профессиональной методологии обособляется от других типов мышления и “оуклиивается”»; вместе с тем происходит разделение и оуклиивание разных форм методологического мышления, превращающихся в так называемые “частные методологии”. Таким образом, и на уровне методологического мышления, по идее призванного интегрировать сферу мыследеятельности, начинается воспроизводиться та разобщенность и обособленность, которая характерна для современных наук и профессиональных типов мышления» [49. С. 152].

2.4. Обсуждая постановку проблемы на данном уровне, Г. П. Щедровицкий говорит, что *методологическое мышление по идее призвано интегрировать сферу мыследеятельности*. Именно это он и предлагает в качестве решения проблемы, альтернативного происходящему ныне «опусканию» интегрирующей функции на более простые, массовые формы мышления и деятельности: он говорит о необходимости *развития «методологического мышления как универсальной формы мышления, организованной в самостоятельную сферу мыследеятельности и рефлексивно (в том числе и исследовательски) охватывающей все другие формы и типы мышления»* [49. С. 152].

И, чтобы не было сомнений в том, что все остальные цели и задачи подчинены этой главной цели, он поясняет: «Развитая таким образом методология должна будет включать образцы всех форм, способов и стилей мышления — методические, конструктивно-технические, научные, проектные, организационно-управленческие, исторические и т. д.» [49. С. 152]. Далее идет длинный перечень разнообразных средств, дисциплин и представлений, которые будет свободно использовать методология и/или на которых она будет базироваться.

Таким образом, предназначение методологии выражается в идее формирования и развития методологического мышления как новой универсальной формы мышления. Именно это, а не какой-то конкретный инструмент или продукт мышления, является самоценным. Именно данная идея выступает смысловым и организующим центром идеального ядра интеллектуальной традиции ММК, основанием становления и продолжения этой традиции.

Г. П. Щедровицкий еще раз повторяет эту мысль уже в связи с деятельностью подходом: благодаря такому нововведению, как подходы, «методологическое мышление получило возмож-

ность оформиться в *новый вид и тип мышледеятельности*, в “методологическую работу” и методологическую сферу, которая... становится *новой исторической формой “всеобщего” мышления, замыкающего на время рамки нашего мира* [49. С. 149].

2.5. Интересно, что данный тезис, характеризующий «наиболее развитое» состояние методологии ММК, содержательно очень близок к тому, который Г. П. Щедровицкий высказал уже в период возникновения Кружка. В апреле—мае 1954 г. в ходе состоявшейся по инициативе Т. И. Ойзермана «гносеологической» дискуссии о соотношении философии и естествознания, возражая Э. В. Ильенкову и В. И. Коровикову, он утверждал: «Предмет философии — познание и тем самым мир, данный через познание» [67. С. 28]. Учитывая, что методология высшими формами познания мира считала научное и философское мышление, данный тезис можно переформулировать так: *«Предмет методологии — мышление и тем самым мир, данный через мышление»*. То есть методология включает в свой предмет (в сферу, в систему методологической работы) все типы мышления, через которые дан нам мир — сама становясь при этом формой «всеобщего» (или «универсального») мышления.

Упомянутые в п. 2.3 задачи развития арсенала средств деятельностного подхода, в том числе построения новых онтологических представлений и категориальных схем, а также действия, подобные «созданию оснований для развития системы мышледеятельностных наук», конечно же, не противоречат сформулированной выше идее развития методологического мышления в его универсальной форме. Но на фоне этого всеобщего предназначения методологии они являются частными и исторически конкретными задачами — даже если для их решения разворачиваются весьма масштабные программы исследований и разработок.

Суть этих задач меняется со временем — и только мышление в его всеобщей форме всегда актуально и способно отвечать на вызовы времени, подобные тем, что сформулированы в п. 1.3. Практическое значение такого мышления и авторитет такой методологии в мире будут только возрастать.

3

3.1. В соответствии с определенным в первой главе принципом анализа исторически развивающихся систем (п. 1.4) пер-

вый шаг должен был заключаться в полагании идеального ядра интеллектуальной традиции ММК в его «наиболее развитой» форме. Пока эта работа выполнена лишь частично: выделена сущностная идея, задающая предназначение методологии. Для того же, *чтобы получить представление идеального ядра традиции ММК, необходимо, основываясь на этой идее, развернуть идеальную действительность.*

Исходя из выявленного содержания идеи это должна быть *идеальная действительность методологического мышления как новой универсальной формы мышления*: вначале — «наиболее развитой» его формы, а потом — действительность формирования и развития (или исторического развития) методологического мышления. Именно такое рассмотрение методологического мышления позволит адекватно выделить его отличительные черты и другие характеристики, включая этапы формирования и развития.

3.2. Данной работе предшествовали две попытки реконструкции этапов формирования и развития методологического мышления [27; 24]. Вторая отличалась от первой более развернутым характером и постановкой вопроса о методологическом мышлении в контекст восстановления нормативных принципов интеллектуальной традиции ММК. Но результаты обеих работ в целом совпадали, поэтому приведу их, следуя второй работе [24].

Для характеристики этапов формирования и развития методологического мышления использовалось *понятие «парадигмы нормативности»*, под которой понималось соединение в системе отрефлектированных и описанных образцов мышления трех элементов: 1) онтологических представлений о мышлении и о мире; 2) нормативных принципов организации мышления; 3) категориальных схем организации мышления.

При этом интеллектуальная традиция ММК понималась как линия преемственности интеллектуальных разработок, характеризующаяся сохранением базовых нормативных принципов организации мышления. Развитие методологического мышления в ММК представлялась как смена парадигм в рамках единой интеллектуальной традиции, сохраняющей базовые нормативные принципы организации мышления. То есть нормативные принципы полагались как неизменные, в качестве изменяющихся рассматривались два других элемента парадигм, а также толкование принципов в контексте связей с этими элементами.

В результате реконструкции удалось выделить *три парадигмы нормативности методологического мышления.*

I. *Логико-эмпирическая парадигма*, для которой характерно представление о «языковом мышлении», имеющее набор нормированных операций. Эти нормы существуют «естественно» в самом материале языкового мышления и выделяются путем логических исследований мышления. При этом логические исследования понимаются как имеющие эмпирический характер.

II. *Инженерно-конструктивистская парадигма* связана с представлениями о мышлении как деятельности. Мышление как один из видов деятельности нормативно, потому что деятельность «искусственно» организуется в соответствии с нормами. При этом методологическая работа уподобляется деятельности инженера-конструктора или технолога: мы можем осуществлять конструктивную работу с нормами и закреплять наиболее удачные образцы организации мыслительной деятельности как культурные нормы (а в некоторых случаях — даже технологизировать их реализацию).

В какой-то момент, примерно в самом конце шестидесятых — начале семидесятых годов, эти две первые парадигмы слились в одну на почве теоретико-деятельностной эпистемологии и семиотики, выражающей собой *интегративную «научно-инженерную» парадигму нормативности**.

Две первые парадигмы теперь могут рассматриваться как «крайние случаи» этой *интегративной парадигмы*: первая — как сосредоточенная преимущественно на логико-методологических исследованиях (и полюсе «естественного» в паре «естественное—искусственное»), вторая — как гипертрофирующая ценность проектирования и конструирования (и полюс «искусственного») в ущерб исследованиям.

Ситуация критики научно-инженерной парадигмы с гуманитарно-культурологических позиций создает предпосылки формирования третьей, социокультурной парадигмы.

III. *Социокультурная парадигма* связана с идеей мыслительности, а также с институциональными представлениями о воспроизводстве деятельности, коммуникации и интеллектуальных функций, которые начали обсуждаться О. И. Гениса-

* Данный термин введен по аналогии с представлением о «научно-инженерных мирах», предложенным Г. Г. Копыловым [14]. Однако характерная для таких миров установка на познание природы с целью ее преобразования (на основе ее же законов) в данном случае переносится с природы на мышление (мыслительную деятельность).

ретским на рубеже 60–70-х гг. XX века*, но тогда оказались не востребованными** и вновь стали развиваться лишь в последние годы.

3.3. Также в результате данной реконструкции были выделены *два базовых нормативных принципа методологического мышления, которые сохранялись неизменными в рамках интеллектуальной традиции ММК*. И которые, на мой взгляд, должны быть сохранены, если мы хотим продолжать эту традицию [24. С. 88–89].

Первый принцип: *практическое отношение мышления к миру («фронезис»)****, которое выражалось в антинатурализме, «методологическом повороте» мышления и деятельностном подходе.

Второй принцип: *практическое отношение мышления к самому себе («метафронезис»)*****. Он подразумевает двухплоскостную организацию и рефлексивную самоорганизацию методологического мышления. Отсюда возникает требование рефлексии способа мышления и форм его организации. В контексте практического отношения мышления к самому себе это приводит к принципу рефлексивной самоорганизации мышления.

Именно эти нормативные принципы, сворачивая основные характеристики методологического мышления, определяют отличительные черты методологического мышления от других его типов — как со сложившимися нормами (философское и юридическое мышление, мышление в «точных» науках и инженерии, в классической (описательной) гуманитаристике и т. д.), так и от тех, где такие нормы только формируются (проектное, управленческое, социально-инженерное, экологическое мышление etc.).

3.4. Основная претензия к данной реконструкции касалась не столько содержания, сколько метода. Третья парадигма трактовалась как еще только формирующаяся, находящаяся в процессе становления. А поэтому ее характеристики в значительной степени оказались непроясненными [24. С. 149] и вводились через указания на гуманитарно-культурологическую критику предшествующего этапа и возможности развития институцио-

* См., например [4; 3].

** В значительной степени по политико-идеологическим причинам: Генисаретскому даже было отказано в праве защищать диссертацию на эту тему.

*** Понятие «фронезис» восходит к Аристотелю. Подробнее см. [19; 17].

**** О понятии «метафронезис» подробнее см. [21].

нального подхода, намеченные в работах О. И. Генисаретского, но не реализованные по причинам внешнего характера*.

Тем самым был нарушен принцип метода исторической реконструкции (п. 1.4), требующий вначале положить «наиболее развитое» состояние и двигаться «от человека к обезьяне», т. е. «обратно историческому времени». И лишь когда в самом раннем этапе будут найдены «ростки» более развитых состояний, можно двигаться уже «по ходу» исторического времени, обосновывая «более развитые» состояния описанием их генезиса**.

Устранение указанной погрешности подразумевает решение трех задач:

1) самостоятельного полагания третьей парадигмы как действительности методологического мышления в его «наиболее развитой» форме;

2) корректировка содержания первой и второй парадигм в ходе движения «обратно историческому времени»;

3) корректировка описания генезиса.

В данной работе, учитывая ограничения объема, я *сосредоточусь на первой задаче*, оставив две другие в качестве тем для будущих исследований.

4

4.1. Представить действительность методологического мышления в его «наиболее развитой» форме можно, двигаясь двумя путями:

1) «подвести» методологическое мышление под одну из имеющихся категорий, схем или моделей мышления, а затем попытаться специфицировать полученное представление применительно к особенностям методологического мышления (путь «от общего к частному», или «определяющая способность суждения»);

2) выделить отличительные особенности методологического мышления, после чего, привлекая по мере необходимости имеющиеся категории, схемы или модели мышления, попытаться

* Схема мыследеятельности и системомыследеятельностный подход (СМД-подход) трактовались при этом как промежуточная фаза становления новой парадигмы.

** Именно так трактует логику своего движения В. М. Розин в уже упомянутой нами ранее книге, посвященной реконструкции «большой истории» метода: вначале — «от Щедровицкого к Бэкону», и только потом — «от Бэкона к Щедровицкому» [35. С. 83].

построить структурное изображение методологического мышления, объясняющее весь комплекс выявленных особенностей (путь «от частного к общему», или «рефлектирующая способность суждения»).

В данном случае представляется более предпочтительным второй путь, поскольку при первом пути, основываясь на одном из уже существующих общих представлений, мы рискуем просто «не заметить» каких-то существенных *новых* характеристик методологического мышления, проявляющихся в ходе становления третьей парадигмы. Ведь, как заметил В. М. Розин, «интенсивное развитие методологии не сопровождается столь же активным ее осознанием» [35. С. 7], а поэтому далеко не все характеристики методологического мышления «лежат на поверхности».

Выделение отличительных особенностей методологического мышления будет осуществляться на основе *сопоставления с философским и научным мышлением**, поскольку здесь имеется и определенная *близость* (методология выделяется из философии и первое время осознает себя как наука), и *конкуренция* (за выполнение культурной функции «универсального мышления»), и *оппозиция* в организации и способах работы.

4.2. Быть формой «всеобщего» мышления — традиционная функция философии. Как писал в свое время Гуссерль: «Философия сохраняет за собой ведущую функцию и свою особую бесконечную задачу — функцию свободного и универсального осмысления, охватывающего одновременно все идеалы сразу и всеобщий идеал — иначе говоря, универсум всех норм» [7. С. 41–42]. Таким образом, *методологическое мышление, формируясь в лоне философии, претендует на выполнение ее функций*.

Какие же трудности развития философии вызывают необходимость появления методологии как новой исторической формы мышления? «Философия, — полагает Г. П. Щедровицкий, — лишилась своих средств управления наукой и потеряла роль координатора в развитии наук, роль посредника, переносящего методы и средства из одних наук в другие. Это обстоятельство выяснилось

* В приписывании объекту атрибутивной характеристики на основе действий сопоставления с другим известным или эталонным объектом и отнесения знака, фиксирующего эту характеристику, к объекту заключалась одна из первых схем идеальной действительности мышления и знания в содержательно-генетической логике [68; 52. С. 593].

уже в первой четверти XIX столетия и стало предметом специального обсуждения... Потеря непосредственной связи с философией заставила различные науки вырабатывать свои собственные формы осознания, свою собственную частную философию. Это дало базу различным формам позитивизма, а в последнее время породило так называемый сциентизм [54. С. 91].

В XIX и XX вв. *функции рефлексивного представления и рефлексивной организации* всей сферы мыследеятельности переходят к науке [49. С. 150], однако традиционные научные формы мышления с ними не справляются. Это обусловлено углубляющейся дифференциацией наук и профессий, включающей выделение в особые виды деятельности инженерии и проектирования, увеличением значения и роли в общественной жизни организационно-управленческой деятельности, а также технологических форм организации деятельности, распространяющихся также и на мышление [54. С. 91–92].

Формирование методологического мышления можно рассматривать как философскую реакцию на позитивизм и сциентизм, выражающуюся в их преодолении: «Методология, — пишет Г. П. Щедровицкий, — *не только не отвергает научного подхода, но, наоборот, продолжает и расширяет его, распространяя на такие области, где раньше он был невозможен*» [54. С. 96]. При этом методологическая сфера «складывается как бы над наукой, захватывает и подчиняет ее себе» [49. С. 149].

4.3. Помимо сказанного выше методологическая работа может быть выделена и противопоставлена конкретно-научной и философской работе еще по пяти основным признакам:

«(1) Методологическая работа не есть исследование в “чистом виде”; она включает в себя также критику и схематизацию, программирование и проблематизацию, конструирование и проектирование, онтологический анализ и нормирование в качестве сознательно выделенных форм и этапов работы. Суть методологической работы не столько в познании, сколько *в создании методик и проектов*, она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново, в том числе — через конструкцию и проект. И этим же определяется основная функция методологии: она обслуживает весь универсум человеческой деятельности прежде всего *проектами и предписаниями*...

(2) *Методологическая работа и методологическое мышление соединяют проектирование, критику и нормирование с исследованием и познанием*. При этом исследование подчинено проектированию и нормированию, хотя может

быть организовано как автономная система; но в конечном счете исследование в рамках методологии всегда обслуживает проектирование и нормирование, оно направляется их специфическими целями...

(3) Методология *стремится соединить и соединяет знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах этой деятельности и мышления*, или, если перевернуть это отношение, — непосредственно объектные знания с рефлексивными знаниями...

(4) Для методологии характерен *учет различия и множественности разных позиций деятеля в отношении к объекту*; отсюда — работа с разными представлениями об одном и том же объекте, в том числе с разными профессиональными представлениями: при этом сами знания и факт их множественности рассматриваются как *объективный момент мыслительной ситуации*...

(5) В методологии *связывание и объединение разных знаний происходит прежде всего не по схемам объекта деятельности, а по схемам самой деятельности*... В этом состоит основной принцип методологического мышления: *представление о сложной кооперированной деятельности выступает в качестве средства связывания разных представлений об объекте этой деятельности*» [54. С. 97–100].

4.4. Выделенные Г. П. Щедровицким отличительные признаки методологического мышления характеризуют последнее как *синтетическое* (первый и второй признаки) и *комплексное* (третий — пятый признаки). Но это — в точном соответствии с первым признаком — пока скорее *проект и предписание на создание такого мышления*, который может оказаться нереализуемым, попросту — невозможным. Кроме того, эти признаки пока ничего не говорят нам о том *качестве методологического мышления, которое делает его формой универсального мышления*, позволяя ему не только «включать образцы всех форм, способов и стилей мышления» и «надстраиваться» над ними, но и «рефлексивно... охватывать все другие формы и типы мышления» [49. С. 152].

Иными словами: как возможно методологическое мышление в качестве синтетического и комплексного, а также всеобщего и универсального? Постановка данной проблемы в ее кантовской форме («как возможно мышление?») подразумевает два аспекта:

1. *Онтологический*: какими онтологическими основаниями эта возможность определяется и полагается реальной?
2. *Логический*: как устроена логика такого мышления?

Отвечая на первый вопрос, Г. П. Щедровицкий пишет: «В методологической работе бывает всегда не одно онтологическое представление, а по меньшей мере два: одно из них изображает структуру профессионально-кооперированной деятельности — это так называемая *организационно-деятельностная онтология*, а другое изображает объект этой кооперированной деятельности — это *натурально-объектная онтология*. Особое соединение и связь этих двух онтологических представлений составляет каждый раз специфическую особенность конкретной методологической работы» [54. С. 100].

4.5. Таким образом, методологическое мышление опирается не на одно, как в традиционной онтологии, а сразу на два онтологических представления, что накладывает *дополнительные требования на его логику*: методологическое мышление должно быть не только синтетическим, комплексным и универсальным, но и способным соединять и связывать два онтологических представления. Но как при этом *избежать трудностей, связанных с дуализмом*, подобных тем, с которыми столкнулся Декарт?

Логический анализ показывает, что трудности возникают тогда, когда онтологические представления имеют равный категориальный статус (так, у Декарта и материя, и мышление — субстанции). Основной принцип методологического мышления, сформулированный при описании пятого признака, позволяет снять данную проблему за счет того, что *представления об объекте в логическом плане как бы охватываются представлениями о кооперированной деятельности* с этими представлениями и с самими объектами. В этом «*неравноправии*» онтологических представлений, когда представления об объекте связываются по схемам деятельности, которые в этом смысле выступают «последним основанием» синтетических суждений, и заключается суть *деятельностного подхода*.

«Все названные выше моменты, — продолжает Г. П. Щедровицкий, — могут быть подытожены в одном тезисе: *методологическая работа направлена не на природу как таковую, а на мыследеятельность и ее организованности*... Но это обстоятельство — смена природной действительности на деятельность при переходе к методологическим формам работы — ставит перед нами новый круг весьма сложных проблем: чтобы научиться работать с комплексными структурами знаний, объединяющими, с одной стороны, методические,

конструктивно-технические, естественнонаучные, исторические и философские знания, а с другой стороны, знания об объектах и знания о знаниях и мышлелательности, нужно разработать новую логику мышления, которую суммарно можно назвать *логикой рефлексии*; с этой точки зрения современная методология будет характеризоваться как основывающаяся на логике рефлексии» [54. С. 100].

5

5.1. Но что такое «логика рефлексии»? Интеллектуальные формы рефлексии присущи как раз философскому мышлению — сначала понятийно-категориальные, а затем, когда философия стала стремиться к «научности», — теоретические. Можно ли утверждать, что искомая «логика рефлексии» — это логика философского мышления? Строго говоря, нет — если философское мышление понимать как индивидуальное, а рефлексию, в соответствии с представлением Дж. Локка — как «обращение сознания на самое себя». Методология же, как следует из сказанного ранее, должна подвергать рефлексии не индивидуальное сознание, а структуры сложной профессионально-кооперированной (т. е. коллективной!) деятельности в ее связи с представлениями объектов. Именно рефлексия сложной кооперированной (а в общем случае — коллективно-распределенной) деятельности и должна оформляться в виде «логики рефлексии».

С этой точки зрения под определение «логики рефлексии» подходит философская логика диалектических рассуждений, — в той мере, в какой последние подразумевают и снимают ситуации реального спора двух или более участников, в котором формулируются и разрешаются противоречия. Диалектическая логика — в форме метода восхождения от абстрактного к конкретному, — реализованная в «Капитале» Карла Маркса [9], действительно стала отправной точкой для формирования методологии ММК, которое началось с выдвижения программы построения содержательно-генетической логики [68; 52; 69; 51].

Но содержательно-генетическая логика формировалась путем логико-методологических исследований работы отдельных великих мыслителей, которые воспринимались как образцы «наиболее развитого» мышления. А представления о рефлексии вошли в методологию ММК значительно позже под влиянием работ В. А. Лефевра, предложившего формальный

аппарат для описания работы сознания в ситуациях конфликтов, рефлексивных игр и рефлексивного управления [16], т. е. с самого начала связывались с ситуациями взаимодействия двух или множества участников.

Важным стимулом для формирования *собственно методологических представлений о рефлексии* стало развитие *практики семинаров ММК* как сложной коллективной коммуникации, структурируемой на множество функциональных мест (позиций), по которым «распределялось» и методологическое мышление. То есть *методологическая рефлексия изначально решала задачу удержания целостности коллективно-распределенных коммуникации и мышления* [26]. С этой точки зрения «логика рефлексии» может пониматься как *логика связывания позиций* в такой коллективно-распределенной структуре в одно целое («логика связей») и «логистика» *перемещения между позициями в многопозиционном пространстве* («логика движения»).

5.2. Таким образом, коллективно-распределенный характер методологического мышления предполагает его *пространственную организацию*. Говоря о механизме поддержания методологического семинара как интеллектуального процесса, Г. П. Щедровицкий выделяет самый простой случай пространственной организации мышления: *двухплоскостную организацию* — «две действительности, которые долгое время существовали параллельно и никак друг с другом не взаимодействовали» [50. С. 131]. В *одной плоскости* обсуждались идеальные содержания (теории, программные идеи и т. п.), в частности вплоть до начала 1970-х гг. строилась теория мышления, которую Г. П. Щедровицкий определяет как теорию «индивидуализированного мышления». В *другой плоскости* руководители и лидеры семинаров решали вопрос «как быть с организацией?»: отсеивались приемы, способы, типичные структуры, но *не в теоретическом плане, а на уровне организационной методике*: «Что делать?» [50. С. 131].

Схема организационно-методической рефлексивной нормировки коллективно-распределенного интеллектуального процесса семинара, выделяемая Г. П. Щедровицким, примерно такова: *историческая рефлексия — формирование «системы прецедентов» — оформление «методологем» — оборачивание организационно-методических схем в теоретический план — объективация их в представления о коллективном мышлении* [21].

«В “теории мышления” мы строили представления об “объекте”. “Онтологическая картина”, “схема замещения” многих плоскостей, “нотная азбука” и т. д. А здесь — никакого “объекта”, — подчеркивает Г. П. Щедровицкий, характеризуя вторую плоскость в двухплоскостной организации. — Здесь были “системы прецедентов” и рефлексивное осмысление деятельности на предмет ее продолжения» [50. С. 132]. Акцентируя роль В. А. Лефевра, Г. П. Щедровицкий указывает, что и «рефлексия» появилась в методологической практике не в связи с «(теоретическим) мышлением», а сама по себе, и была приписана вначале только «лидеру» (председательствующему на семинаре).

«И нужна она была ему в особой роли — когда лидер должен был участвовать как равный “игрок” и “управлять” всей группой. Он “мыслил” как “участник”, “руководил” как “лидер”, и “рефлексия” нужна была ему как средство связи того и другого. Именно из расщепления представлений о “кооперации” и об управлении (т. е. из расщепления “единого” мышления на многопозиционную структуру. — В. М.) и возникло понятие “рефлексии”. И первоначально была взята та же графика» [50. С. 133].

Таким образом, *методологическая рефлексия понадобилась, с одной стороны, для связывания позиций в структуре коллективно-распределенного мышления на семинаре, и, с другой стороны, для связи двух плоскостей разворачивания интеллектуального процесса — содержательной и организационно-методической*, или, как говорили в игровой период, «объектно-онтологической и организационно-деятельностной досок» (и стоящих за ними онтологических представлений). Семинарская форма работы ММК стала «клеточкой» генезиса коллективно-распределенного методологического мышления и протоформой для других форм, в которых ММК осуществлял уже не только коллективное мышление «в своем кругу», но и «интеллектуальные интервенции» вовне этого круга [21].

5.3. Итак, методологическое мышление имеет двухплоскостную структуру, которая задается, с одной стороны, требованиями организации коллективно-распределенного мышления (введение организационно-деятельностных представлений), а с другой стороны, дуальным характером онтологии. Методологическая рефлексия фиксирует эту двухплоскостную организацию в виде *многомерной пространственной формы*, обеспечивая связь между двумя плоскостями (и соответствующими онтологическими представлениями), а также между разными

позициями и соответствующими им типами знаний и представлений в ходе коллективной работы.

Но что, кроме метафоры «логистики движения» в «многомерном пространстве» коллективно-распределенного мышления, дает нам основания говорить о «логике рефлексии»? Ведь в этом случае *методологическая рефлексия должна иметь собственную форму*. И если суть рефлексии — в связывании разных позиций и соответствующих им типов знаний и представлений (включая онтологические), то получающиеся связки должны как-то закрепляться. Можно предположить, что искомой логической формой рефлексии выступают *подходы* — именно их Г. П. Щедровицкий определяет как «знаниевые связки совершенно нового типа», обеспечивающие организацию «схем объектов мышледействия со схемами мышления, деятельности и мышледеятельности как таковых» [49. С. 149].

Но в отношении подходов можно повторить тот же вопрос: в каких формах они фиксируются, «разворачиваются» и т. д.? Г. П. Щедровицкий полагает, что в этом случае *соорганизация разных типов представлений достигается благодаря опоре на методологические схемы*: «За счет использования “схем многих знаний” [56; 74] и, далее, схем многомерной, пространственной организации знаний о мышледеятельности [65; 70; 13]; благодаря этому нововведению *методологическое мышление* получило возможность оформиться в *новый вид и тип мышледеятельности*» [49. С. 149].

Это ключевой тезис, позволяющий связать в единую конструкцию все выделенные ранее характеристики методологического мышления. Формой «логики рефлексии» является схематизация*. Связи между разными типами знаний и представлений фиксируются в схемах, после чего рефлексия, опираясь на эти схемы, может двигаться по ним, как по «направляющим» (формальная рефлексия).

* Косвенным подтверждением этого вывода является то, что П. Г. Щедровицкий — сын и духовный наследник лидера ММК — осуществляет восстановление оснований интеллектуальной традиции именно в форме рефлексивной интерпретации базовых методологических схем [72]. Свидетельством роста интереса к схематизации также может служить начало проведения ежегодных конференций по общей теме «Схемы и схематизация». Полные материалы первых двух конференций (2007 и 2008), включающие отредактированные стенограммы докладов и дискуссий, а также тезисы и презентации участников, опубликованы в виде компакт-диска [39].

В данном контексте чрезвычайно важно упоминание Г. П. Щедровицким в приведенной выше цитате «схем многомерной, пространственной организации знаний о мыследеятельности». В другой своей работе он поясняет, что «плоского листа бумаги или доски становится уже недостаточно, чтобы в действительности мышления зафиксировать и отобразить это многообразие способов работы с одной схемой. Приходится вводить *многомерную пространственную форму* для разделения и соорганизации разных действительностей в одном и едином процессе мышления и в сложной полилогической мыслекоммуникации, обеспечивающей его» [70. С. 139].

Многомерную пространственную форму, в которой методологическая рефлексия посредством схематизации фиксирует двухплоскостную организацию мышления, назовем *пространством методологического мышления**. Именно схематизация позволяет представить организацию мышления в виде многомерной пространственной формы. Пространственная форма организации, «пронизанная» связями рефлексии, позволяет методологическому мышлению *реализовываться в коллективно-распределенных формах*, а также *рефлексивно охватывать и соединять в себе другие типы мышления*. Выражаясь метафорически, можно сказать, что методологическое мышление имеет «большую размерность».

6

6.1. В результате проведенного анализа выяснилось, что *значимыми отличительными особенностями методологического мышления*, выступающими к тому же его важными конкурентными преимуществами, являются пространственная организация и «логика рефлексии», осуществляемая в формах схематизации. Но раз так, то необходимо разобраться, что думает по данному поводу традиционная философия. Поскольку вопрос о схематизации ею практически не затрагивался (за исключением И. Канта), я намечу ряд философских контек-

* Следует отметить, что не только объективированные, но и субъективные (принадлежащие человеку) формы методологической рефлексии имеют пространственный характер. В частности, О. И. Генисаретский говорил о «пространствах рефлексивных состояний» мыслящего и рефлектирующего сознания [5].

стов, показывающих проблематичность применения к мышлению категории пространства*.

Декарт. Поскольку мы считаем, что для появления методологии Декарт является весьма значимой фигурой, то мы никак не можем пройти мимо такого ключевого его разделения, как *разделение протяженной и мыслящей субстанции***.

То есть в соответствии с классической философией мы можем говорить о пространстве только в связи с вещами, но не в связи с мышлением.

Если же мы в рамках, очерченных картезианством, попробуем представить мышление как пространственный феномен, получится парадокс: чтобы обладать доступом к «протяженному» мышлению, нужно уже обладать неким внепространственным (априорным) мысленным представлением. Но тогда окажется, что мышление обладает двумя противоположными атрибутами (пространственности и внепространственности), что невозможно: ведь, с точки зрения Декарта, мышление есть *субстанция, т. е. нечто Единое*.

С классическим представлением о мышлении как Едином Разуме связана декартовская трактовка как божественного***.

* В основу последующего изложения данной главы положена работа [25]. По сравнению с ней в данной редакции сделаны некоторые сокращения, при этом добавлен п. 6.4 (о Флоренском), большая часть пп. 6.5 и 6.6, а также разъяснения в п. 6.7, касающиеся понятия «ситуации» в его связи с *Dasein*.

** «(51) ...Под *субстанцией* мы можем разуметь лишь ту вещь, коя существует, совершенно не нуждаясь для своего бытия в другой вещи...

(53) ...каждой субстанции присуще какое-то одно главное свойство, образующее ее природу и сущность, причем с этим свойством связаны все остальные. А именно, протяженность в длину, ширину и глубину образует природу телесной субстанции, мышление же образует природу субстанции мыслящей. Ведь все прочее, что может быть приписано телу, предполагает протяженность и являет собой лишь некий модус протяженной вещи; равным образом все, что мы усматриваем в уме, являет собой лишь различные модусы мышления...

(54) Итак, мы способны иметь два ясных и отчетливых понятия, иди две идеи: одну — сотворенной мыслящей субстанции, другую — субстанции телесной, а именно если мы будем строго отличать все атрибуты мышления от атрибутов протяженности» [8. С. 334–336].

*** Однако неклассическая философская ситуация, сформировавшаяся к началу XX в., подталкивает нас к радикальной смене представлений о мышлении. В частности, обсуждается возможность представлений о «катастрофическом» мышлении, способном сочетать несовместимые атрибуты (включая работу на разных онтологиях) и осуществляться в ситуациях катастроф (или предельных разрывов) [32. С. 3–6].

А Бог, как известно, вне времени и пространства. Мышление — как божественный Разум — также вне времени и пространства, соответственно, *картезианское понимание пространственности не применимо к мыслящему субъекту**.

6.2. Кант. Определенную сдвигку в понимании пространственности и временности сделал Иммануил Кант, который отказался от натурализма** и начал *рассматривать пространство и время как формы чувственности, связанные со схематизмами рассудка*, т. е. в каком-то смысле приблизил это дело к мышлению.

В этом содержится возможное *направление прорыва*: Кант вводит понятия «схематизма рассудка» и «схемы», чтобы объяснить, как априорные категории и понятия соотносятся с предметами, данными в опыте [12. С. 222–226]. Но *Кант придавал схемам лишь вспомогательное и промежуточное значение, относя их к формам чувственности****.

На первый взгляд здесь нет никакого парадокса: ведь схемы — это *особые* формы чувственности: такие, по которым, как по «направляющим», может разворачиваться мышление: «Это формальное и чистое условие чувственности, которым рассудочное понятие ограничивается в своем применении...». Формы мышления — «чистые априорные понятия», согласно Канту, «кроме функции рассудка в категории должны а priori

* «Метафизический дуализм возникает из недоумения относительно того, как естественный мир может включать в себя вещи, для которых характерны состояния того же рода, что и состояния сознания (т. е. субъективные, интенциональные, сознательные и др.), и точно так же эпистемологический дуализм проистекает из неспособности понять, каким образом сознания могут непосредственно взаимодействовать с вещами вроде физических объектов. Собственно физический объект не относится к вещам, с которыми может оперировать сознание; сознание воспринимает такой объект лишь через “посредника” — мысленное представление. С картезианской точки зрения сознание и мир в определенном смысле не созданы друг для друга. Мы ведем дела с миром только через его представителей» [2. С. 164].

** *Отказ от натурализма* в понимании пространственности и временности связан с кантовской критикой естественнонаучного мышления: возможности его применения как *чистого разума* ограничиваются принципом различения природы и свободы. Для того чтобы мыслить «объекты», обладающие свободой воли и мышлением, необходим *практический разум, опирающийся не на идею природы, а на идею деятельности*.

*** «...Схема есть, собственно, лишь феномен или чувственное понятие предмета, находящееся в соответствии с категорией» [12. С. 226–227].

содержать еще формальные условия чувственности (именно внутреннего чувства), заключающее в себе общее условие, при котором единственно и можно применять категорию к какому-нибудь предмету» [12. С. 222].

И все же для Канта морфология схематизма рассудка — не более чем слепок со схематизма восприятия. *У схем, с точки зрения Канта, — иной, «более низкий» статус, нежели у априорных форм, и к мышлению они прямо не относятся: «Схема сама по себе есть всегда лишь продукт воображения...»* [12. С. 222]. Это даже не объект естественнонаучной теории, полученный в результате мыслительной процедуры *идеализации**.

6.3. Хайдеггер. Следующий после Канта радикальный ход делает Мартин Хайдеггер, придающий пространственности и временности статус *бытийных «основоопределений присутствия»*, а бытию — характеристики пространственности и временности, позволяющие этим качествам стать «присутствиеразмерными», т. е. сообразными с бытием, понимаемым как присутствие.

«Если “субъект” понимать онтологически как экзистирующее присутствие, чье бытие основано во временности, то необходимо сказать: мир “субъективен”. Но этот “субъективный” мир тогда как временной-трансцендентный “объективнее” любого возможного объекта... Сущее, именуемое нами присутствием, следует рассматривать по порядку как “временное”, “а также” как пространственное... — пишет Хайдеггер. — Присутствие — буквально — за-нимает пространство. Оно никоим образом не налично лишь в части пространства, заполненной телом... Присутствие потому, что “духовно” и *только поэтому* может быть пространственно способом, какой для протяженной телесной вещи остается сущностно невозможен... *Вторжение присутствия в пространство... возможно... лишь на основе эксталично-горизонтной временности*» [42. С. 366–369].

Хайдеггеру удастся найти путь между Сциллой естественнонаучного натурализма и Харибдой натурализма психоло-

* Принципиально иные представления о пространстве и времени дают современная физика и математика: эти понятия относятся ими не только к схематизмам восприятия, но и к конструированию идеальных объектов. Но, как показано выше (см. вторую сноску на с. 32), «объекты», обладающие свободой воли и мышлением, не могут быть представлены по данному натуралистическому образцу.

гического. С одной стороны, он утверждает дуализм присутствия (*Dasein*) и телесности. С другой стороны, в отличие от картезианского мышления-субстанции, *Dasein* может быть пространственно — но «способом, какой для протяженной телесной вещи остается сущностно невозможен». И, наконец, приобретает пространственность («за-нимает пространство») не субъект в психологическом смысле (как тот, кто обладает сознанием), а понимаемый онтологически — как *Dasein*, бытие которого временно-трансцендентно.

Однако нашу задачу это опять-таки не решает, поскольку описанное Хайдеггером пространство-время «экзистирующего присутствия» онтологично. Но раз онтологично — значит, в рамках классической философии, нерукотворно. Это в методологии ММК есть онтологическая работа, а в классической философии то, что онтологично, — нерукотворно, и поэтому не может быть *организовано* «искусственными» средствами. Бытие в таком пространстве-времени (*Dasein*, присутствии) — *проживается*. И при этом неясно, можно ли в нем *двигаться к какой-либо цели* и можно ли *регулировать (или программировать) такое движение*, в частности, с помощью схем.

6.4. Флоренский. Совершенно особое положение в философии занимает понятие пространственности, предложенное о. Павлом Флоренским в его исследованиях по теории искусства. С методологической точки зрения чрезвычайно значимо то, что Флоренский вводит данное понятие в контексте *организации пространства*: «Вся культура, — пишет он, — может быть истолкована как деятельность организации пространства. В одном случае, это — пространство наших жизненных отношений, и тогда соответственная деятельность называется техникой. В других случаях, это пространство есть *пространство мыслимое* (выделено мной. — В. М.), мыслимая модель действительности, а действительность его организации называется наукою и философией. И, наконец, третий разряд случаев лежит *между* первыми двумя. Пространство или пространства его наглядны, как пространства техники, и не допускают жизненного вмешательства — как пространства науки и философии. Организация таких пространств называется искусством» [41. С. 112].

Дальше Флоренский предлагает очень интересную метафору организованного пространства как силового поля или пространственной искривленности, проявляемой знаковыми конструкциями: «...В действительностях культуры производимое изменение действительности может толковаться и как причина

организации пространства, и как следствие наличной уже организации. Тогда образы искривления действительности суть места особых искривлений пространства, неровности его, узлы, складки и т. д., а силовые поля — это области постоянного подхождения к этим наибольшим или наименьшим значениям кривизны. Тогда, далее, те наглядные образы, которые полагает художество, или те приспособления, которые строит техник, или, наконец, те мысленные модели, которые ставит словом ученый или философ, — все они только *знаки* этих складок и вообще искривлений, вместе с областями подхода к этим местам. Деятель культуры ставит межевые столбы, проводит рубежи и, наконец, вычерчивает кратчайшие пути в этом пространстве, вместе с системами линий равного усилия, изопотенциалами. Это дело необходимо, чтобы организация пространства дошла до нашего сознания» [41. С. 113–114].

Смысл знаков в этом контексте оказывается очень близок к тому, что в методологии часто называют «разметкой пространства». Остается только пожалеть, что данный текст был опубликован только в 1995 г. и долгое время оставался недоступен участникам ММК.

6.5. В качестве философских предпосылок решения проблемы пространственности мышления я бы указал на две линии:

- 1) Спиноза, Гегель, Ильенков — рассмотрение мышления как «движения по форме другого тела»*;
- 2) Г. П. Щедровицкий и Н. Г. Алексеев — рассмотрение мышления как деятельности [68].

Шанс решить проблему заключается здесь в том, что *«движение по форме другого тела», а также деятельность уже могут быть представлены в пространстве и схематизированы.*

В ММК графическое изображение мышления в виде, как тогда говорили, двухплоскостных «фигур» или структур, появилось

* Ср.: «Человек — мыслящее тело — строит свое движение по форме любого другого тела. Он не дожидается, пока неодолимое сопротивление других тел заставит его свернуть с пути; мыслящее тело стремится обойти любое препятствие самой сложной формы. Способность активно строить свое собственное действие по форме любого другого тела, активно согласовывать форму своего движения в пространстве с формой и расположением всех других тел Спиноза и считает отличительным признаком мыслящего тела, специфической чертой того действия, которое называется “мышлением”, “разумом”». — См. [11], очерк 2 «Мышление как атрибут субстанции».

уже в самых первых работах*. Однако могло показаться, что в случае достаточно простых схем, связывающих «обозначаемое» и «обозначающее», а затем «объективное содержание» и «знаковую форму» через «связь-значение», можно обойтись и без графических изображений. Выражения типа «плоскость знаковой формы», «двухплоскостная структура» и т. д. воспринимались скорее как метафора, а сама схематизация — как причуда «диалектических станковистов», старающихся «соединить диалектическую логику с кибернетическими схемами».

Ситуация стала меняться, когда появились схемы сложного знания, основанные на многоуровневом замещении [56. С. 168—169]. В данном случае «мыслительный статус» схем уже не вызывал сомнений, поскольку в отличие от кантовской ситуации здесь не рассудок «надстраивался» над чувственностью, а одно знание над другим, над уже операционализированными знаковыми формами. Перефразируя Канта, можно было бы сказать, что схема знания — «это формальное и чистое условие деятельности (оперирования) со знаковыми формами, которым знание ограничивается в своем применении...». И поскольку как операции со знаковыми формами, так и само знание рассматривались как моменты процесса мышления, то и схемы оказывались помещены не «между рассудком и чувственностью», как у Канта, а «целиком в мышлении».

6.6. Но специально статус схем долгое время никто не обсуждал — видимо, вследствие того, что они понимались как структурные изображения, а поэтому *рассматривались не в пространственных, а в системных категориях*. Еще хуже обстояло дело с самими пространственными категориями и осмыслением пространственности мышления — хотя с определенного момента в методологический язык стали проникать метафоры пространства и пути («организация пространства», «движение в нем» и т. п.). Поэтому вполне законна постановка проблемы, предложенная Г. Г. Копыловым:

«СМД-представления** и схемы с самого начала строились без какой-либо “привязки” к пространству. Иными словами,

* Ср.: «Формальной логике... чуждо понимание знания как “двухплоскостной” структуры вида...» [52. С. 618]. «...При графическом изображении процессов языкового мышления или их продуктов — мысленных знаний — мы должны прибегнуть к особым, как бы *двухплоскостным* фигурам вида...» [69. С. 2].

** Сокращение «СМД» здесь и далее означает «системомыследеятельностный».

корпус СМД-представлений в том виде, в каком он существует, не дает средств, позволяющих мыслить пространство... В процессе формирования СМД-подхода были тщательно устранены любые возможные отнесения полученных в их рамках представлений к протяженным объектам (к вещам — в схоластической традиции)... И обратно: воспользоваться этими представлениями для описания материальной (территориальной) локализации чего-либо невозможно...

Рассматриваемому тезису на первый взгляд противоречит то, что термином “пространство” СМД-подход пользуется весьма активно. Однако при этом имеется в виду пространство работы (в том числе мышления), уже обустроенное (верстак, арсенал, доска, тематические топы), где важно *разместить* мысль, понимание, действие, а не *добраться* до вещи, ресурса, знания. Иными словами, *СМД-подход не рассматривает* преодолеваемое пространство» [15. С. 39–40].

Интенсивность использования схем резко возросла в ОДИ — но, поскольку во многих случаях их рисовали люди без специальной подготовки, столь же резко снизилась доля «настоящих» схем. Вследствие этого с 1980-х гг. в ММК начинается серьезный анализ схем и схематизации. Так, Г. П. Щедровицкий, описывая процесс появления схемы мыследеятельности, связывает его с «содержанием знаний и понятий, удерживающих и фиксирующих *парадигматику мышления*», указывая при этом, что «если затем схеме с ее содержанием приписывается статус самостоятельного существования, то мы говорим о появлении *идеального объекта*» [63. С. 286].

Но, придавая содержанию схем мыслительный (идеальный) статус, Г. П. Щедровицкий, как можно понять из приведенного рассуждения, не рассматривал схемы как самостоятельные эпистемические или логические формы.

6.7. Решающий для нашего рассмотрения схем шаг сделали С. В. Попов и В. М. Розин, предложившие переосмысление статуса схем, которое заключается в том, что:

1) *схемы относимы не только к восприятию, но и к мышлению**;

* С. В. Попов высказал идею о том, что методология породила мышление «катастрофического» типа, логическую основу которого составляют Миры, Ситуация и Схемы [32. С. 3–4]. Этот логический аппарат он видит и как одну из исходных методологических предпосылок новой парадигмы знания, соот-

2) пространство-время может быть понято как *форма мыслимости, а не только как форма восприятия или экзистирования*, допускающая внутри себя представление мыслящих субстанций;

3) *инструментами* подобного представления и выступают *схемы*.

Переосмысление статуса схем в значительной степени связано с тем, что мышление становится рефлексивным, и *рефлексивная организация мышления настолько возрастает, что мышление уже начинает оперировать с условиями собственной организации, а эти условия как раз и удерживаются схемами*. И для того, чтобы оперировать с этими условиями, то, что было условиями чувственности по Канту, мы уже должны втягивать в мышление и работать с этими вещами уже по интеллектуальным правилам.

Соответственно, *схематизация в мышлении*:

- 1) выступает способом полагания пространства мышления;
- 2) не является введением готовой схемы;
- 3) представляет собой *снятие схемы «с себя»* путем рефлексии своего способа работы *в определенной ситуации* для обеспечения ее сдвигки/преодоления и движения (пути) из одной ситуации в другую.

Как следует из последнего утверждения, в связи с пространственностью мышления и схематизацией достаточно важным моментом является *понятие «ситуации»*.

Понятие «ситуации» подразумевает *различение, с одной стороны, себя со своими средствами мышления и способами работы и, с другой стороны, обстоятельств* как организованного комплекса предметов, других субъектов и среды, которые существенны для моего движения или действия. Таким образом, ситуация не сводится к комплексу «объективных» обстоятельств. Чтобы «иметь» ситуацию, нужно *быть в ней «здесь и сейчас»**, располагая при этом не только арсеналом средств и способов работы, но и занимая *личную позицию*. Это подразумевает определенные ценности, дающие основания для *оценки* обстоятельств и определения целей/намерений действия.

ветствующей его «неклассическому идеалу». — См. [33. С. 57]. Автор обсуждал вопрос о статусе схем в рецензии [20. С. 311–315].

* В данном контексте понятие «ситуации» задает своего рода методологический вариант хайдеггеровского *Dasein*.

Только действие — личное или коллективное, — или намерение действовать *формируют ситуацию*, т. е. превращают окружающие нас предметы, других субъектов и среду в обстоятельства ситуации. Обстоятельства ситуации появляются в качестве «объективных» только в контексте нашего действия, которое, кстати, может иметь и интеллектуальный характер, быть действием мышления. Такое понимание объективности как результата объективации, осуществляемой в ходе нашей деятельности или мышления, определяется нашим следованием деятельностному подходу и установкам антинатурализма.

Соответственно, *схематизация ситуации* связывает противостоящие друг другу ее объективированные компоненты (обстоятельства ситуации) с субъективированными (средствами мышления и способами работы).

И формирование пространства мышления состоит в *размещении функционально нагруженных и сценированных ситуаций со своими комплексами предметных обстоятельств*, а не в размещении самих предметов и объектов*. Здесь мы опираемся на аналогию понятия «ситуации» как бытия «здесь и сейчас» вопреки обстоятельствам — и *Dasein* (см. сноску на с. 38), которое, по Хайдеггеру, как раз-то и «занимает» пространство (см. п. 6.3).

Таким образом, пока мы не введем понятие «ситуации» как методологический вариант (а в данном контексте — и функциональный эквивалент) *Dasein*, представление о пространственности будет ограничиваться размещением предметов и объектов. Мы же должны представить *путь в мышлении как движение из ситуации в ситуацию* и научиться *с помощью схем размечать карты путей*, соединяющих эти ситуации**.

Точная метафора подобного пространства дана в образе *Зоны у братьев Стругацких*:

* Именно в этом заключалась претензия Г. Г. Копылова (п. 6.6), когда он говорил о том, что СМД-подход может лишь наполнять схему как матрицу эмпирическим материалом и размещать его по топам.

** Анализ карты как инструмента «схватывания» пространства посвящена вторая половина цитированной выше работы Г. Г. Копылова [15]. Отметим также и то, что в современных западных исследованиях по политэкономии, социальной антропологии, организационному анализу и проблемам корпоративной культуры активно используются представления о «картах путей» (*road maps*) как средствах социального действия, актуальность, убедительность и легитимность которых обеспечивается «символическими и другими дискурсивными схемами». — См. [73. Р. 381].

- 1) каждый из путей «обхода» пространства имеет собственное внутреннее время;
- 2) содержательное наполнение «одного и того же» места ситуационно, т. е. при каждом его прохождении оно различно;
- 3) в одну ситуацию, как в одну реку, нельзя войти дважды.

Естественно, это метафора, нуждающаяся в дальнейшей категориально-понятийной и операциональной проработке. Здесь лишь отмечу, что *важный практический опыт организации ситуационного пространства (и схематизации в нем) дали ОДИ.*

Закончить эту главу я хотел бы *выводами о вкладе ММК в мировую интеллектуальную культуру*, которые следуют из данного анализа:

- 1) практика схематизации и работы со схемами, позволяющая представлять организацию мышления в пространственных формах, является важным конкурентным преимуществом ММК, отличающим Кружок от других направлений;
- 2) это конкурентное преимущество дает возможность не только описывать, но и осуществлять организацию мышления — путем очерчивания (с помощью схематизации и схем) пространства мышления и задания «логистики» движения в нем;
- 3) этот инструментарий применим как для самоорганизации индивидуальной работы, так и, что очень важно, и для организации коллективных субъектов, поскольку, соответственно,
- 4) появляется возможность организации коллективно-распределенного мышления;
- 5) чисто философским вкладом ММК является обоснование мыслительного статуса схем.

7

7.1. Рассмотрим некоторые возможности, которые открывает схематизация для «логики рефлексии», и связанную с ними функциональную типологию методологических схем.

Формальные возможности связывания двух плоскостей пространства методологического мышления существенно расширяются за счет того, что «появляется характерная для методологического мышления возможность двойной работы со схемами — *объектно-онтологической и оргдеятельной*» [70. С. 139]. Такое двойное употребление одной и той же схемы иногда называют «рефлексивным оборачиванием», что задает одну из важных форм или «фигур» методологической рефлексии.

сии и дает основания для построения *функциональной типологии методологических схем*.

Под функциональной типологией схем подразумевается типология по их употреблению в пространстве методологического мышления. При этом я буду исходить из *принципа нередукционизма*, который в данном случае будет выражаться в *сохранении многомерности пространственной формы* методологического мышления, недопустимости ее «уплощения»*.

Первый тип схем — это *схемы пространства*, т. е. схемы, представляющие само пространство методологического мышления в виде двух- или многоплоскостной структуры.

Вторым типом схем, по идее, должны быть объектно-онтологические схемы. Но при этом нужно сделать важную оговорку: объект, с которым имеет дело методология, не является натуральной данностью, а «напоминает матрешку. Фактически это особого рода связка из двух объектов, где внутри исходного для методологии объекта — деятельности и мышления — вставлен другой объект — объект этой деятельности или этого мышления. Поэтому методология всегда имеет дело с двойственным объектом — не с деятельностью как таковой и не с объектом этой деятельности как таковым, а с их “матрешечной” связкой» [54. С. 97].

Можно сказать, что представление объекта как «матрешечного» в снятом виде сохраняет двухплоскостную структуру пространства методологического мышления. Внешней «матрешке» соответствует снятое в объектной форме содержание организационно-деятельностной плоскости, внутренней — содержание объектно-онтологической плоскости.

Соответственно, второй тип схем — это *схемы «матрешечных» объектов*.

С другой стороны, если методология имеет дело с предметным мышлением, то на объектно-онтологическую плоскость приходится помещать предметные онтологии или теоретические

* Именно подобный редукционизм был основанием критики формальной логики в рамках первой программы ММК (программы построения содержательно-генетической логики), когда фиксировали, что формальная логика построена на принципе параллелизма формы и содержания мышления, в то время как сохранение нередуцированной структуры мышления подразумевает сохранение его двухплоскостной структуры, которая в то время изображалась как «плоскость знаковой формы» и «плоскость объективного содержания», связанные «связью-значением» [69].

конструкции. В этом случае для сохранения пространственной структуры вводятся «поля» схемы, на которых делаются оговорки о фундаментальных допущениях, при которых работает теория, границах ее применимости или границах предметной области, в которых действует предметная онтология. То есть сами эти схемы имеют «плоскую» (одноплоскостную) структуру, но роль второй плоскости выполняют «поля».

Итак, третий тип схем — это «чистые» *объектно-онтологические или теоретические* схемы с оговорками «на полях».

Аналогичное рассуждение можно проделать по поводу организационно-деятельностной плоскости. Роль «чистых» организационно-деятельностных схем будут играть *нормативные схемы-принципы*, которые также должны иметь оговорки «на полях». Но эти оговорки должны касаться типа объектов, к которым эти принципы применимы*, поскольку в том же смысле, как объектно-онтологические схемы «очищены» от деятельности, схемы-принципы «очищены» от объектов.

Оппозицию схемам «матрешечных» объектов составляют *категориальные схемы организации мышления*. Они также

* Данный вопрос обстоятельно проработан в *юриспруденции*: логическая структура правовой нормы строится по схеме «(гипотеза—диспозиция)—санкция». Собственно нормативное содержание заключено в диспозиции, тогда как гипотеза оговаривает, к какому классу случаев и при каких условиях данная норма может быть применена. Санкция в этой логической структуре находится как бы на метауровне, поскольку описывает, что делать, если, говоря обычным языком, норма нарушена (т. е. при соблюдении гипотезы не выполнена диспозиция).

В *процессуальном праве* нормы зависят от типа процесса, т. е. от типа содержания (правоотношений), которое ими регулируется. При смене типа содержания нормы берутся «из другого кодекса». Аналогичное требование по отношению к нормативным схемам высказывала *содержательно-генетическая логика*: форма (т. е. формальные правила, выступающие по отношению к рассуждению в роли нормативных предписаний) должна зависеть от типа содержания, о котором мыслится в рассуждении [51. С. 39]. В отличие от этого правила формальной логики рассматриваются как всеобщие формы (нормы), полностью «очищенные» от объективного содержания и не зависящие от него. Но это и понятно: с точки зрения формальной логики, опирающейся на принцип параллелизма формы и содержания мышления, сохранение двухплоскостной организации мышления не требуется (см. предыдущее примечание).

имеют «матрешечную» структуру, но при этом у них не описательный, а предписывающий характер. Внешней «матрешкой» является логическая (регулятивная) категория, содержащая нормативное предписание, внутренней «матрешкой» — конститутивная категория или категориальное понятие, удерживающее объект.

Итак, четвертый тип схем — это *«чистые» организационно-деятельностные схемы или нормативные схемы-принципы*.

Пятый тип схем — это *категориальные схемы организации мышления*.

7.2. В связи с построенной типологией необходимо уточнить высказанный в начале предыдущего пункта тезис о возможности двойной работы со схемами и «рефлексивном оборачивании». Этот тезис не работает применительно к «чистым» организационно-деятельностным и объектно-онтологическим схемам, поскольку они «ортогональны». В изображении объекта организационно-деятельностное содержание сознательно элиминировано, а попытка представить организационно-деятельностную схему как изображение объекта является ошибкой формальной онтологизации.

Итак, *схемы пространства* (первый тип) могут «сворачиваться» в схемы любого типа.

Схемы «матрешечных» объектов (второй тип) могут «разворачиваться» в схемы пространства, «оборачиваться» в категориальные схемы организации мышления или «сворачиваться» в «чистые» объектно-онтологические теоретические схемы.

«Чистые» объектно-онтологические или теоретические схемы (третий тип) могут «разворачиваться» в схемы «матрешечных» объектов.

«Чистые» организационно-деятельностные схемы или нормативные схемы-принципы (четвертый тип) могут «разворачиваться» в схемы категориальной организации мышления.

И, наконец, категориальные схемы организации мышления (пятый тип) могут «разворачиваться» в схемы пространства, «оборачиваться» в схемы «матрешечных» объектов или «сворачиваться» в «чистые» организационно-деятельностные схемы или нормативные схемы-принципы.

Типология схем и их возможных рефлексивных преобразований в пространстве методологического мышления представлена на схеме 1.

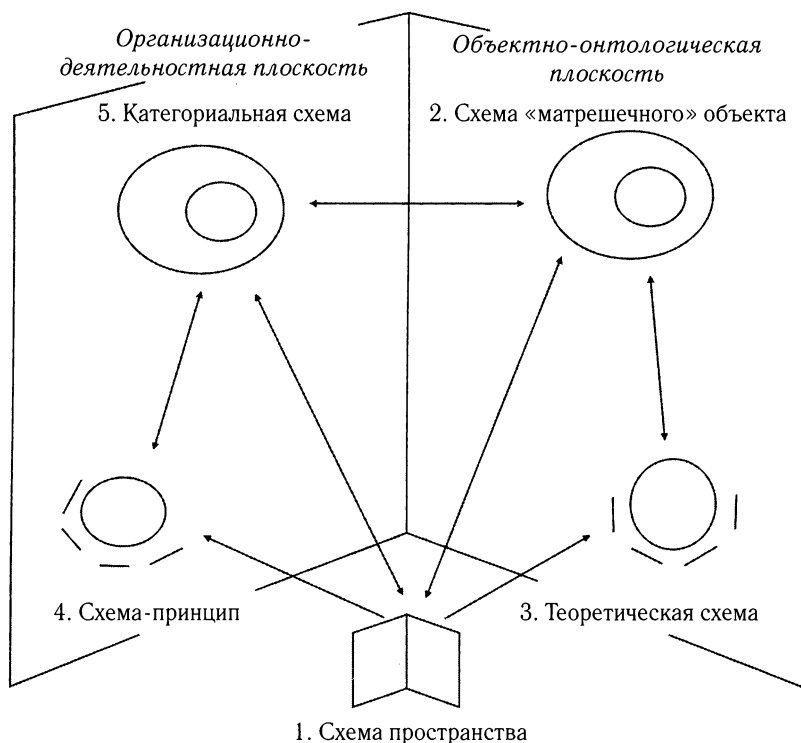

Схема 1. Типология схем и их возможных рефлексивных преобразований в пространстве методологического мышления

8

8.1. Одним из значимых достижений методологии ММК, основанных на развитии техник работы со схемами, является способность «сцеплять» и разворачивать категории в категориальные схемы организации мышления. Подобные схемы связывают категории и понятия по тому же принципу, по которому должны строиться *подходы* (см. п. 5.3). Это позволяет предположить, что:

- во-первых, в основаниях подходов лежат категориальные схемы организации мышления;
- во-вторых, каждая достаточно «мощная» логическая категория потенциально может быть развернута в подход, если сможет «зацепить» (или породить) онтологически значимое категориальное понятие;

— в-третьих, если такого «зацепления» не происходит, то категориальная схема может свернуться в схему-принцип, и тогда вместо подхода получится формальный аппарат или оперативная система;

— в-четвертых, категория может сама превратиться в категориальное понятие, которое затем онтологизируется, и на его основе строится теория.

Описанные сценарии можно наблюдать на примере категории «система», которая была развернута в несколько версий системного подхода, общей теории систем, «системной философии», практических и инженерных методологий, а также «теорию формальных систем» и ряд других, построенных по типу математики [54. С. 90].

В числе полученных таким путем подходов — *системодетельностный и системомыследеятельностный подходы*. При их формировании роль категориальных понятий играли, соответственно, понятия «деятельности» и «мыследеятельности». Понятие «деятельностный подход», хотя и является весьма распространенным и часто употребляемым, *в этом контексте* оказывается формально неточным, указывая на категориальное понятие, но не упоминая логическую категорию «система». Хотя, возможно, имеет смысл в оппозицию системодетельностному и системомыследеятельностному подходам выделить еще *теоретико-деятельностный подход*.

В этом случае *в функции логической категории выступает не категория системы, а одна из схем теории деятельности* — например, схема акта деятельности* или представление о сферной организации деятельности**. При этом «дея-

* В частности, на использовании схемы акта деятельности в функции логической категории пытались строить *представление мышления как структуры*, после того как отказались от категории «процесс», схематизируемой в виде последовательности операций. В качестве структуры мышления рассматривалась структура акта деятельности. Правда, впоследствии категории «процесс» и «структура» были сняты как моменты «второй» категории «система» [44. С. 231–232], которая и приняла на себя функции основной логической категории сначала системодетельностного [48. С. 241–242, 257–263], а затем — системомыследеятельностного подхода [63. С. 286–293].

** Представления о *сферной организации деятельности* и о *сфере* как особой единице организации деятельности были разработаны в ММК в 1970-е годы (О. И. Генисаретский, А. А. Тюков и др.).

О. И. Генисаретский различал шесть основных организационно-методологических состояний деятельности, два из которых, имеющих *предметный*

тельность» остается категориальным понятием, задающим тип объектов, но в функции объектно-онтологического представления должна использоваться какая-то другая из схем теории деятельности. В этом случае у нас будут получаться «матрешечные» объекты (схемы второго типа из функциональной типологии п. 7.1). Если же в функциях логической категории и схемы категориального понятия будет использоваться одна и та же схема, то «матрешечный» объект «свернется» в теоретическую схему (третий тип из функциональной типологии п. 7.1).

8.2. В то же время существует другой важный контекст, в котором выражение «деятельностный подход» имеет весьма глубокий методологический и философский смысл. Без прояснения этого момента наша характеристика методологического мышления будет явно недостаточной.

Поясняя основания, которые заставляют нас вставлять на позиции *системодетельностного подхода*, Г. П. Щедровицкий пишет: «Если мы пришли к такому положению дел, что представления об объекте изучения кажутся нам нескладными и внутренне противоречивыми, если они не раскрывают новых перспектив перед нашей практикой, если нам приходится то и дело констатировать, что в наших представлениях об объекте нет теперь порядка, то надо, говорим мы, перестать “пялиться” на объект и в нем искать причины и источники этого беспорядка, а обратиться к своей собственной мыследеятельности, к ее средствам, методам и формам организации, и произвести пе-

способ реализации ядерных функций, относил к сферной организации. Эти два типа предметной реализации деятельности различаются по следующему основанию: *автономная сфера деятельности*, обособленная от других сфер, у которой организационная функция принадлежит ей же самой (такова абстракция обособившейся деятельности, принятая, например, в теории обособившегося проектирования), и *система взаимодействующих сфер* с экстерииоризованными организационными функциями, когда эти функции вынесены вовне и принадлежат не организуемым сферам, а чему-то другому [6].

Автономная сфера деятельности представляет собой *соорганизацию шести процессов: производства, воспроизводства, функционирования, развития, захоронения и ОРУ* (организация, руководство и управление). Всего выделяли 15 общественных профессиональных сфер деятельности: политика, религия, философия, искусство, наука, образование, здравоохранение, физкультура и спорт, технология, проектирование, коммерция, финансы, право, армия, материальное производство.

Примеры схематизации отдельных сфер деятельности — политики и образования — приведены в тезисах А. А. Тюкова [40].

рестройку в них, ибо *наши представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности*. И именно в этом переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового на *средства и методы нашей собственной мыследеятельности, творящей объекты и представления о них*, и состоит суть деятельностного подхода» [49. С. 153—154].

Крайне интересно то, что Г. П. Щедровицкий, отвечая на вопрос об основаниях принятия *системодетельностного* подхода, в качестве реального основания опирается на понятие «мыследеятельности», а заканчивает утверждением о «*сути деятельностного* подхода». И хотя при этом Г. П. Щедровицкий периодически «поправляет себя», подчеркивая: «Я реализую... *деятельностный*, или, точнее, системодетельностный подход», — он выделяет курсивом слово «*деятельностный*» и затем снова использует данный предикат. Почему же столь живучим оказывается выражение «*деятельностный* подход»?

8.3. Подсказкой в ответе на поставленный вопрос может послужить то, что предикатом «*деятельностный*» в методологии ММК характеризовалась ее более общая, не зависящая от смены конкретных подходов, *антинатуралистическая установка*, которую иначе можно назвать «*методологическим поворотом*» мышления. Методологический поворот мышления — это когда мы говорим, что нужно не «*пялиться*» на объект, а смотреть на способ мышления (мыследеятельности), с помощью которого осуществляется «*объективация*», или «*полагание*» объекта.

В философии XX века «методологический поворот» мышления можно соотнести с «языковым поворотом». Общим является поворот мышления от объекта «самого по себе» к способу его «схватывания». Основное же отличие — в том, что этот способ методология ММК рассматривает сквозь призму категорий *деятельности и мыследеятельности*, а аналитическая философия (и ряд других направлений философии XX века, воспринявших «языковой поворот») — под углом зрения анализа *языка, посредством которого об этом объекте сказывается*.

Таким образом, имея в виду предложенную в п. 7.1 функциональную типологию методологических схем, необходимо различать конкретные *подходы* (основанные на категориальных схемах, или схемах пятого типа), принимавшие антинатуралистическую установку, — и саму эту установку, выражающуюся

в *принципе «поворота» мышления*, т. е. нормативную схему-принцип (схема четвертого типа).

Это различие открывает возможность выделить одну из важных отличительных черт методологического мышления. Она заключается в реализации принципа *методологического поворота мышления* — а не языкового, онтологического, критического или какого-то еще: «Предмет философии — мышление и тем самым мир, данный через мышление» (см. п. 2.5). Этот методологический поворот мышления включает три момента:

- 1) *рефлексивность*: мышление поворачивается от объекта к самому себе, а не к чему-то третьему («предмет философии — *мышление...*»);
- 2) *запрет на редукцию*: мы не сводим объект к мышлению, а сохраняем самостоятельное значение объекта в форме объектно-онтологического представления, переходя к пространственной (двухплоскостной) структуре мышления и работе с двумя онтологиями («предмет философии — *мышление и тем самым мир...*»*);

* Тезис о предмете философии был высказан Г. П. Щедровицким в ходе упомянутой в п. 2.5 «гносеологической» дискуссии в качестве возражения Э. В. Ильенкову и В. И. Коровикову, написавшим тезисы, основным из которых был следующий: «Предмет философии — познание, *а не мир*». По мнению Г. П. Щедровицкого, принципиальное различие между двумя группами, активно работавшими тогда на философском факультете, «состояло в *отрицании идеи онтологии* группой неогегельянцев, т. е. группой Ильенкова, и в *признании идеи онтологии* группой Зиновьева» (к которой принадлежал в то время сам Г. П. Щедровицкий. — В. М.). Причем проявлялось это в совершенно разных аспектах. Например, для меня — и в этом состоял смысл моих ранних работ — парадоксы, антиномии, или противоречия, принадлежали *только миру нашей мысли* и не могли переноситься, или проецироваться... в мир, то для Ильенкова и его учеников и последователей противоречия нашей мысли оказывались вместе с тем *противоречиями самого объекта*. Кстати, тогда ведь и получалось, что философия, изучающая познание, изучает все, но формулировали это последователи в странном тезисе: познание, а не мир» [67. С. 28–29].

Логический смысл оппозиции двух групп можно сформулировать и так: ильенковцы, развивавшие диалектическую логику, исходили из гегелевского *принципа тождества мышления и бытия*, который «схлопывает» двухплоскостное мышление в одномерную цепочку «снимающих» друг друга диалектических категорий, — своего рода *параллелизм формы мышления и представления объекта*. Сторонники же содержательно-генетической логики опирались на *принцип нетождества*, что применительно к двухплоскостному устройству мышления означает *непараллелизм движений в*

3) *деятельно-практический* характер отношения мышления к объекту.

8.4. Характеризуя третий момент, Г. П. Щедровицкий часто цитировал первый тезис из «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно» [28. С. 1]. Тем самым он указывал на *категориальное понятие «деятельности»*, характеризующее мышление в его отношении к объекту как *деятельно-практическое, а не созерцательное**.

Однако *представление мышления как деятельности характерно лишь для второй парадигмы нормативности организации методологического мышления***, в третьей парадигме эту функцию выполняет *другое категориальное понятие — мыследеятельности*, которое «утверждает органическую, неразрывную связь всякого действия и вся-

плоскостях его формы и содержания (о том, как принцип тождества бытия и мышления через идею субстанции полагает пределы традиционной онтологии, подробнее см. [23. С. 237–239]; о конструкции пространства онтологического мышления в ММК см. [23. С. 242–244; 43. С. 334–338]).

* Существуют свидетельства того, что Г. П. Щедровицкий до конца жизни считал себя диалектическим материалистом и марксистом. Но требование деятельно-практического отношения к объекту познания, сформулированное в первом из «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса, дополняется установкой на *практический, преобразующий характер мышления*, выраженной в знаменитом одиннадцатом тезисе: «Философы лишь различным образом *объясняли мир*, но дело заключается в том, чтобы *изменить его*» [28. С. 2].

Однако методология ММК, сохранив в (системо)деятельностном и системомыследеятельностном подходах принцип *деятельно-практического отношения мышления к миру*, не приняла марксистскую установку на *прямое социальное действие*. Для традиции ММК характерна *ценность не прямого, а опосредованного социального действия*. Базовой установкой было не «изменить мир», как у К. Маркса, а «изменить мышление, и через него — мир».

** И частично для первой парадигмы, но в ней использовалось *другое категориальное понятие: «деятельности мышления»* как процесса, разложимого на элементарные операции. Этот процесс рассматривался в контексте отношения между задачей по получению нового знания и исходным материалом в виде имеющихся знаний [68].

кой деятельности с подготавливающими их мыслительными и коммуникативно-смысловыми процессами. С этой точки зрения сами выражения “деятельность” и “действие”, если оставить в стороне определение их через схемы воспроизводства, выступают как выражения чрезвычайно сильных идеализаций, чрезмерных редукций и упрощений, которым в реальности могут соответствовать только крайне редкие искусственно созданные и экзотические случаи. В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией» [63. С. 297–298].

В то же время в самосознании участников ММК «деятельностный подход» обычно связывается именно с третьим моментом, который «заслоняет» первый и второй (или все три «схлопываются» в третьем), что приводит к «склейке» методологического поворота мышления с одним из конкретных подходов, в котором он выражается. Кроме того, в результате подобной «склейки» возникают и вовсе не верные представления о методологическом мышлении как об основанном на онтологии деятельности, представляющем мышление как деятельность и т. д. Безусловно, такие представления и схемы имели место в теоретико-деятельностном подходе, и в соответствии с ними даже можно организовывать мышление*, — однако в настоящее время они уже не соответствуют «наиболее развитым» формам методологического мышления.

9

9.1. Г. П. Щедровицкий навсегда останется в нашей памяти не только как выдающийся мыслитель, но и как сильная, яркая личность. Энергетика его воздействия на других людей была столь мощной, что даже краткое общение (или столкновение) с ним запоминалось навсегда. Он порождал противоположные отзывы о себе: в большинстве случаев — восторженные, порой — резко негативные, но практически никогда — равнодушные.

Можно принимать или не принимать предложенную выше характеристику Г. П. (так называли его ученики «поколения 80-х») как харизматического лидера, но трудно спорить с Н. Г. Алексеевым, который говорил, что Г. П. был гением в античном смысле этого слова (*Genius gentium*), т. е. «духом-

* О различных точках зрения на деятельностный подход см. [18].

хранителем рода». Г. П. Щедровицкий и сейчас остается учителем и хранителем «рода методологов»: ММК и методологического движения. Таким гением он является для собственных учеников, для «учеников учеников» — и, можно не сомневаться, станет им для методологов будущих поколений.

Еще один контекст, в котором Г. П. можно назвать гением — *организационный*. Сын крупного организатора советской авиационной промышленности эпохи форсированной индустриализации, Г. П. Щедровицкий сам стал поистине гениальным организатором. Концентрировано выражая дух эпохи, он в чем-то даже наивно верил в силу «мегамашин» и технологий. В 1961 г. во второй по значимости газете СССР — «Известиях» — появляется его статья, озаглавленная «Технология мышления» [64]. Наивно? Но как же тогда организационно-деятельностные схемы, без которых не обходится не один методологический семинар и которые — с опорой на представление о мышлении как деятельности — позволяют организовывать коллективно-распределенное мышление и выступают его регулятивами? Если бы такие, как любил говорить сам Г. П., «гениальные заблуждения» не были продуктивны, то вряд ли сегодня его ученики с таким азартом строили бы «гуманитарные технологии» или «общественную инженерию».

Если уж Георгий Петрович действительно ошибался, то он всегда делал это «по-крупному» и принципиально шел до конца, а в последующем рефлексивном анализе показывал те методологические ограничения, которые поначалу не удалось учесть. Часто это понимание доставалось ценой неоправданной, по мнению даже ближайшего окружения, «организационной жесткости» по отношению к очень талантливым людям, прежде всего — к собственным ученикам. Это делалось ради поддержания организационно-идеологического единства Кружка и — можно добавить — технологического обеспечения слаженности его работы как мыследеятельностной «мегамашины».

9.2. Но, кроме организатора и технолога («социотехника») мыследеятельности, конструктивиста до мозга костей, «кнехта мышления», был и другой Г. П. — принимающий полную ответственность за свои поступки наследник рефлексивной культуры русской интеллигенции, тонкий герменевтик и просто человек, стремящийся познать себя, понять и преодолеть свои недостатки. Таким его помнят и сторонники, и противники принципов «организационной жесткости» — даже те, кому этой жесткости досталось сполна (см., например [34; 37; 31]).

Два года назад, благодаря выходу книги «Я всегда был идеалистом» [67], мы получили возможность узнать такого Г. П. «из первых рук».

Как пишут в предисловии издатели книги, при жизни Г. П. «эта рукопись не подлежала ни публикации, ни какому-либо другому использованию, а должна была просто “быть” и храниться “на будущее”» [67. С. 4]. Возможно, дело в том, что она позволяла заглянуть в его собственный внутренний мир гораздо глубже, чем он сам считал допустимым для человека, большую часть жизни не снимавшего доспехов рыцаря интеллектуальной борьбы. Участники ОДИ, проходивших под руководством Г. П., помнят, как он требовал от них не просто интеллектуальной честности и занятия принципиальной позиции, но еще «искренности на грани откровенности». Это было *технологическим* условием того, чтобы человеческий материал мог «включиться» в процессы коллективно-распределенного мышления. Составивший содержание книги текст, *произнесенный* (под магнитофонную запись) перед Н. Шукиным, заставляет вспомнить о другой искренности, уже не «технологической», а *исповедальной* (о чем свидетельствует и желание избежать публичности). Во всяком случае, признания Г. П. в таких «грехах молодости», как идеологическая ангажированность, нравственный ригоризм, черно-белое видение мира и т. д. звучат так же страстно, как покаяния Августина [1].

Именно такую искренность и принципиальность, такую волю к истине, такое лицо Г. П. знали его ближайшие ученики и коллеги. Именно это заставляло их верить, что его правило «бороться не с человеком, а с его представлениями» (отделяя в рефлексии первого от вторых) — это не просто слова. Именно поэтому они, даже смертельно обижаясь на Г. П., в глубине души чувствовали, что его «организационная жесткость» направлена не против них лично, а против тех «идолов», которые заслоняют свет подлинного мышления. Конечно, состав Кружка менялся — но все годы, которые Г. П. Щедровицкий оставался лидером ММК, он был окружен талантливыми, неординарными, выдающимися людьми. Многие из этих людей, слава Богу, живы и продолжают работать. И это — главное основание для продолжения дела ММК, вдохновляемого идеями своего *Genius gentium*.

9.3. Но, как было показано выше, традиция ММК может продолжаться лишь при условии сохранения ею своего «идеального ядра». Смысловым центром этого ядра, выражающим предназначение методологии, является *идея формирования и*

развития методологического мышления как новой универсальной формы мышления (п. 2.4). Методологическое мышление имеет коллективно-распределенный характер и призвано интегрировать сферу мыследеятельности. Эта интегрирующая функция методологического мышления осуществляется (п. 4.3), с одной стороны, через его синтетический характер (способность соединения разных «методологических работ»: исследования, проектирования, программирования, критики, нормирования и т. д.) — и, с другой стороны, за счет его комплексности (связывания и объединения разных знаний по схемам сложной профессионально-кооперированной деятельности). В этом, как подчеркивал Г. П. Щедровицкий, «состоит основной принцип методологического мышления: *представление о деятельности выступает в качестве средства связывания разных представлений об объекте этой деятельности*» [54. С. 100].

Принцип, сформулированный в таком виде, является принципом *деятельностного* подхода. Но если мы разделяем мышление и деятельность, отказываемся от представления о мышлении как деятельности (оценивая его как редукцию), то должны признать, что и связывание разных представлений в коллективно-распределенном мышлении должно осуществляться по каким-то иным схемам, которые могут не совпадать со схемами деятельности.

В пп. 5.2–5.3 мы связали коллективно-распределенное мышление с идеями пространственной организации и «логики рефлексии». Первыми схемами, задающими «логику рефлексии» в многомерном пространстве коллективно-распределенного мышления, стали схемы многих знаний и основанный на них метод конфигурирования [71; 58]. В соответствии с этим методом *модели-конфигураторы* представляли собой «матрешечные» объекты, состоящие из конфигурационного (синтетического) представления объекта (объемлющий контур) и «выводимых» из него «проекционных» представлений (знаний). Такой «матрешечный» объект мог быть переведен в *оргдеятельностную* схему — *план-карту или программу работ* по получению новых «проекционных» представлений, позволяющих затем «нарастить» содержание конфигурационного представления объекта [58. С. 666].

На этих основаниях строились, в частности, программы построения семиотики (на основе конфигурирования логических, психологических и лингвистических представлений о знаке [71]), педагогики (на основе системы педагогических исследо-

ваний, соединяющей достижения логики, психологии и социологии [59]) и т. д. Однако реализовать эти программы далеко не всегда удавалось.

9.4. Причины этих неудач обстоятельно анализирует В. М. Розин, один из наиболее известных учеников Г. П. Щедровицкого, в своей книге о становлении методологии [35. С. 272–281]. С его точки зрения, дело в отказе Г. П. Щедровицкого анализировать сложные рефлексивные содержания, которые получаются в результате распремечивания представлений логики, психологии, социологии, лингвистики и других дисциплин, а также критики современных ему попыток построить семиотику, педагогику и т. д.

Правда, В. М. Розин «винит» в случившемся системные представления, которые позволили Г. П. Щедровицкому построить своего рода «методологическую математику», что показалось ему более простым решением. С моей точки зрения, дело несколько в другом. Существовавшие в методологии в то время представления о мышлении были схемами индивидуального, а не коллективно-распределенного мышления. А использование для организации коллективно-распределенного мышления схем профессионально-кооперированной деятельности было чрезвычайно сильной идеализацией, чрезмерной редукцией и упрощением (п. 8.4).

В использовании категории «система» в функции логической, задающей категориальные схемы организации мышления, и в разворачивании в рамках соответствующих подходов системных представлений нет ничего «незаконного». Создание этих представлений является ярким достижением методологии. Но (и здесь косвенно прав В. М. Розин) центрация на категории «система» надолго отодвинула разработку представлений о пространственной организации мышления, а также о схематизации как форме «полагания» многомерных пространств коллективно-распределенного мышления и задания «логики рефлексии», обеспечивающей движение в таких пространствах.

Вторая претензия В. М. Розина — в «естественнонаучной», а не «гуманитарной» ориентации методологии, выразившейся, в частности, в отсутствии (на тот момент) *представлений о коммуникации*, — хотя сложная рефлексивно организованная коммуникация была неотъемлемой составляющей методологических семинаров. В частности, представления о коммуникации остались за рамками схем конфигурирования как метода синтеза знаний [58]. Но такой метод мог «работать»,

лишь тогда, когда в ходе конфигурирования мы ограничиваемся коммуникацией между методологами, либо если представители соответствующих профессиональных сфер мыследеятельности готовы включаться в методологический семинар и говорить на методологическом языке.

«Ситуация резко изменилась в самом конце 70-х гг., — пишет Г. П. Щедровицкий, — когда мы стали практиковать *организационно-деятельностные игры* (обозначается символом ОДИ) [53; 70; 10]. Новым и решающим моментом здесь оказалась необходимость обсуждать наряду с процессами и функциональными структурами мыследеятельности также и их материальное распределение по отдельным участникам коллективной работы и обусловленную этим проблему соотношения между общим и различным в групповой и индивидуальной работе» [63. С. 283–284].

Для решения указанных проблем была построена *схема мыследеятельности*, выступающая в настоящий момент формой фиксации представлений о методологическом мышлении в одной из его «наиболее развитых» форм.

10

10.1. Г. П. Щедровицкий выделяет две предпосылки и условия возникновения схемы мыследеятельности:

- 1) «совершенно очевидный разрыв между схемами мышления и знаний, с одной стороны, и схемами деятельности — с другой» [63. С. 282].
- 2) необходимость включения в схемы коллективно-распределенного мышления представлений о коммуникации, рефлексии и понимании для обеспечения «отдельного участника игры группе в целом по каждому интеллектуальному процессу» [63. С. 284].

Для определения *статуса схемы мыследеятельности* воспользуемся функциональной типологией схем, предложенной в п. 7.1.

Прежде всего, и это с очевидностью вытекает из графики схемы мыследеятельности, она может рассматриваться как *схема пространства (схема первого типа)*. Правда, возникает законный вопрос: где в этом пространстве «линия перегиба», отделяющая элементы, выполняющие организационно-деятельностные функции, от элементов, несущих объектно-онтологические функции? Отвечая на данный вопрос, необходимо отметить, что схема мыследеятельности уже в процессе

своего построения прошла «системную проработку» (этот процесс подробно описан Г. П. Щедровицким [63. С. 284–286]) и в определенном смысле «снимает» в себе системные принципы. В этом смысле организационно-деятельностную функцию выполняет «защитая» в схему мыследеятельности категория «системы», которая таким образом разворачивается в системомыследеятельностный подход.

Таким образом, мы можем использовать схему мыследеятельности как *схему пятого типа — категориальную схему организации мышления, задающую системомыследеятельностный подход**.

10.2. Далее, схема мыследеятельности «снимает» в себе общие системные принципы нормативной организации мышления, а также ряд других принципов, которые можно назвать специфически-мыследеятельностными. Соответственно (и об этом прямо пишет Г. П. Щедровицкий), схема мыследеятельности может использоваться как *схема-принцип (схема четвертого типа)*. При этом она «несет в себе совокупность принципов, определяющих правильный подход в исследовании всех явлений, связанных с мышлением и деятельностью». Сам Г. П. Щедровицкий выделил три подобных принципа.

Во-первых, это «органическая, неразрывная связь всякого действия и всякой деятельности с подготавливающими их мыслительными и коммуникативно-смысловыми процессами» [63. С. 297].

Во-вторых, «то, что по традиции было принято называть “мышлением”, разделяется на две принципиально разные составляющие — “мысль-коммуникацию” и “чистое мышление”, каждая из которых живет в своем особом процессе и имеет свои особые механизмы. Эти составляющие существуют реально, как правило, вместе и в сложных переплетениях в структуре целостной мыследеятельности с другими составляющими, т. е. процессами понимания, рефлексии и мыследействования. Поэтому любой из этих процессов должен рассматриваться прежде всего по своим функциям в мыследеятельности и относительно всех других процессов» [63. С. 298].

И, в-третьих, «схема мыследеятельности должна рассматриваться не как схема-модель какой-либо реальной системы, а

* Ю. В. Громыко (см. его статью в настоящем издании) задает системомыследеятельностный подход иначе — в контексте онтологической трактовки схемы мыследеятельности.

как схема идеальной сущности, предназначенная служить теоретическим основанием для выведения из нее различных других схем: с одной стороны, моделирующих различные конкретные системы мыследеятельности, а с другой — удовлетворяющих названным выше принципам» [63. С. 298].

Последний тезис открывает перспективу использования схемы мыследеятельности как *«чистой» объектно-онтологической схемы (схема второго типа)*, выступающей основанием для развертывания «значительного количества предметных исследований в самых разнообразных практиках — образовательной, политической, инженерной, финансово-экономической, юридической и пр.» и построения соответствующих «предметно-гуманитарных знаний про мыследеятельность» (см. статью Ю. В. Громыко в наст. изд.).

И, наконец, схема мыследеятельности может использоваться как *схема «матрешечного» объекта (схема третьего типа)*. Примером этого служит описанное Г. П. Щедровицким представление мыследеятельности «в виде *объекта организационно-технического действия* коллектива... *в действительности мышления о мыследеятельности*» [70. С. 139].

10.3. В дополнение к трем нормативным принципам, на которые указал Г. П. Щедровицкий, я выделяю те *принципы системомыследеятельностного подхода*, которые либо очевидны из устройства схемы мыследеятельности, либо непосредственно вытекают из общей идеи развития методологического мышления как универсального, которая выражает предназначение методологии.

Первый принцип — это *движение в рамках развития методологического мышления как универсального*. Он выражает содержание основной идеи методологии ММК.

Второй принцип — это *различение схемы мыследеятельности и идеи мыследеятельности*. Этот принцип прямо следует из принципа развития, поскольку если мы хотим развивать мышление, то схема и вообще процесс схематизации должен нами восприниматься как некоторая частная «свертка», за которой следуют проблематизация, разоформление и затем оформление в новой схеме. В этом смысле схема преходяща, а постоянной, как я утверждаю, остается идея мыследеятельности.

Третий принцип, который достаточно легко вычитывается из схемы мыследеятельности, — это *четкое различение мышления и деятельности, отказ от представления мышле-*

ния как деятельности. Данный принцип дополняет выделенный Г. П. Щедровицким принцип «органической, неразрывной связи всякого действия и всякой деятельности с подготавливающими их мыслительными и коммуникативно-смысловыми процессами».

Четвертый принцип (он также с очевидностью следует из самой графики схемы мыследеятельности) — *опосредованный характер связи мышления и деятельности через рефлексию, коммуникацию и понимание.*

Пятый принцип, характеризующий «гуманитарную» ориентацию системомыследеятельностного подхода, — *введение представления о мышлении «Другого» как возможности коммуникации и принципиального указания на коллективный характер мышления.* «Другой», т. е. наличие второй половинки схемы мыследеятельности, выступает условием возможности коммуникации, поскольку если у нас только один участник мыследеятельности, то никакой коммуникации быть не может, коммуникация возможна только с «другим». И это является принципиальным указанием на коллективный характер мыследеятельности и мышления в ней.

Следующий, шестой принцип — это *двухплоскостная организация мышления* (это общий принцип организации методологического мышления, отличающий его от других типов).

И последний, седьмой принцип — это *различение интеллектуальных функций «чистого мышления», понимания и рефлексии.* При этом следует отметить, что возможность различения интеллектуальных функций тесно связана с коллективно-распределенным характером мышления, основанным на групповом взаимодействии. Г. П. Щедровицкий в своем докладе о механизмах работы семинаров ММК специально подчеркивал, что *само различие мышления, понимания, рефлексии, так же как их взаимная связь, есть эффект группового взаимодействия* — когда индивид начинает имитировать работу группы, то разница между этими интеллектуальными функциями парадоксальным образом исчезает [50. С. 121].

11

11.1. Выделение «методологического поворота мышления» как нормативной схемы-принципа (в отличие от конкретного методологического подхода) с аналитическим вычленением трех моментов, перечисленных в п. 8.3, позволяет задать предмет для сопоставления методологического мышления в tradi-

ции ММК с традициями других мыслителей и школ, развивавших антинатуралистическую точку зрения: Аристотеля, Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Канта, И.-Г. Фихте, неокантианцев и др., в которых можно увидеть истоки методологического поворота мышления.

На значимость «поворота мышления» для формирования методологии указывает и В. В. Никитаев, полагающий, что «собственно методология началась... с критических работ Канта, подобно тому, как мы признаем начало естествознания с “Бесед” Галилея» [29. С. 4]. Сам И. Кант считал, что задача критики чистого разума — «изменить прежний *способ исследования в метафизике*, а именно совершить в ней *полную революцию*... Эта критика есть *трактат о методе*» [12. С. 91]. При этом для Канта (равно как и для П. Наторпа, Г. Когена, В. Виндельбанда) «методологический поворот» философского мышления был *поворотом от чистого разума к практическому*.

В данном контексте очень интересно предложение Е. В. Никулина рассмотреть всю историю философии сквозь призму идеи метода, выработанной в ММК, т. е. как истории методологии, истории развития средств и методов мышления и рефлексивных представлений о них — своего рода Allgemeine Methodenlehre («Всеобщую историю метода») [30].

Данную задачу попытался решить В. М. Розин в уже упомянутой мной книге [35]. Однако его реконструкция нуждается в дополнении, поскольку не учитывает такие важные характеристики методологического мышления, как пространственная (двухплоскостная) организация методологического мышления и использование схематизации как формы «логики рефлексии».

11.2. Соотнесем наше утверждение об оригинальности нормативных принципов методологического мышления с тем, что мы говорили выше о «трех парадигмах нормативности» методологического мышления, на которые оно ориентировалось в ходе своего становления. Перечень этих парадигм (натуралистическая, инженерно-конструктивистская и социокультурная) может создать впечатление о близости методологического мышления к одному из нефилософских (предметных) типов. Однако это впечатление ложное: *методологическое мышление как раз в основе своей философское (точнее, в соответствии со своей основной идеей «быть универсальным мышлением», оно выполняет традиционную функцию философского мышления)*. А его функции по отношению к *предметным* типам мышления — *распредмечивание*, выделение и анализ

мыслительных средств, их критика и проблематизация, а затем — построение новых средств и *опредмечивание*. В случаях, когда практическая задача имеет комплексный характер и не решается силами какой-либо одной научной дисциплины, роль методологии заключается в постановке междисциплинарных проблем и организации процесса их решения полипрофессиональным творческим коллективом. В еще большей степени это относится к ситуациям, затрагивающим интересы группы дисциплин или даже разных типов мышления.

По отношению же к философскому мышлению ММК осуществил «методологический поворот» (см. п. 8.3). Формируя свои собственные нормативные принципы, ММК не просто «повернул» философское мышление, но и обогатил его средствами и методами, характерными для других типов мыслительной работы — естественнонаучного (конструирование идеальных объектов, эмпирическое исследование), проектного и инженерного (создание и преобразование материальных объектов), социально-гуманитарного (рассмотрение явления с разных позиций, коммуникация между ними, создание поля интерпретаций и т. д.), организационно-управленческого (организация полипрофессиональных творческих коллективов, управление их работой в таких сложных формах, как ОДИ, «запуск» и методологическая организация коллективно-распределенного мышления и «мегамашин» мыследеятельности и т. д.). В этом смысле указание на три парадигмы нормативности, соответствующие разным программам ММК, свидетельствует не об отказе от философского мышления как базисного для методологии, а о том, освоение каких типов предметного мышления было «зоной прорыва» для Кружка на разных этапах его истории, позволяло решать новые классы проблем путем расширения арсенала методологических средств.

11.3. Но каково же все-таки место методологии ММК на карте философской мысли? Сказанное о «методологическом повороте» и наращивании арсенала средств и методов пока не позволяет ответить на этот вопрос: недостает *исторической рефлексии*, которая дала бы оценку того, что нового внес ММК в философское понимание метода по сравнению со своими предшественниками — Ф. Бэконом, Р. Декартом, И. Кантом, неокантианцами... Разумеется, будущая Allgemeine Methodenlehre рано или поздно расставит все по местам — но для самоопределения тех, кто реально мыслит и действует в рамках традиции ММК, гипотезу или эскиз такой истории желательно иметь уже сейчас.

Отвечая на поставленный вопрос, можно согласиться с В. В. Никитаевым в том, что в ряду перечисленных выше предшественников ММК водоразделом, завершающим предысторию и открывающим историю «методологического поворота» философского мышления, будет фигура Канта: «Если причислять трактаты о методе “до Канта” — начиная, разумеется, с Декарта — к методологии, то это была, скорее, не методология, но *методография*, т. е. описание, дидактическое изложение и разъяснение некоего метода, неких “правил для руководства ума”... *Возможность* метода, его обоснование — эти вопросы, а значит и то, что с полным правом может быть названо “учением о методе”, “методологией”, становятся корректными и осмысленными только после “коперниканского переворота” Канта» [29. С. 4]. И далее, в конце статьи: «Кантианский переворот повернул философию, в известном смысле, к себе самой, т. е. к исследованию оснований и структур знания и мышления вообще и научного, как реально *господствующего* (в интеллектуальной сфере, по меньшей мере), в особенности. Но “обернувшаяся” философия оказалась *методологией*» [29. С. 18]*.

11.4. Но теперь нам важно другое: понять принципиальную новизну методологии ММК, определить ее отличия не только от методологизма Ф. Бэкона и Р. Декарта, но и от кантианства. Эта задача весьма актуальна еще и потому, что в обсуждениях последнего времени часто звучит мысль о сходстве И. Канта и Г. П. Щедровицкого [29; 35. С. 273–279]. В этом нам поможет сам Кант, который, обосновывая выбор своей философской позиции, писал: «Существует только два пути, на которых можно мыслить *необходимое*** соответствие опыта с понятием о его предметах: или опыт делает эти понятия возможными, или эти понятия делают опыт возможным. Первого не бывает в отношении категорий... так как они суть априорные, стало быть, независимые от опыта понятия... Следовательно, остается лишь второе [допущение]» [12. С. 214–215].

Таким образом, гениальный Кант вынужден делать достаточно дурацкий *выбор между двумя видами натурализма*: обыкновенным *эмпирическим* — и «перевернутым» рационалистическим, т. е. *гносеологическим натурализмом априорных форм мышления*. Интересно, что при этом он абсолютно уверен, что *третьего не дано*. «Быть может, — пишет да-

* Курсив в обеих цитатах принадлежит В. В. Никитаеву.

** Здесь и в следующей цитате выделено И. Кантом.

лее Кант, — кто-нибудь предложит средний путь между обоими указанными единственно возможными путями, а именно скажет, что категории, не *созданные нами самими*, первые априорные принципы нашего знания и не заимствованы из опыта, представляют собой субъективные, врожденные нам одновременно с нашим существованием задатки мышления... Однако признание этого среднего пути... решительно опровергается тем, что в таком случае категории были бы лишены *необходимости*, присущей их понятию... В таком случае я не мог бы сказать: действие связано с причиной в объекте (т. е. необходимо), а должен был бы сказать лишь следующее: я так устроен, что могу мыслить это представление не иначе как связанным так-то... во всяком случае ни с кем нельзя было бы спорить о том, что зависит только от той или другой организации субъекта» [12. С. 215].

11.5. Если комментировать этот абзац в духе гуманитарной фантастики, то интересно, что добавил бы к нему Кант, живи он в наше время. Ведь ММК реализовал предвосхищенный им «средний путь», вырастив на себе коллективно-распределенное мышление. Априорными формами такого мышления, в которых оно «берет» опыт, являются *объектно-онтологические схемы* — у Канта им соответствуют *конститутивные категории*, делающие возможным сам опыт. Но эти схемы действительно оказываются зависимы «от той или другой организации субъекта», которую в данном случае *достаточно легко контролировать и изменять*, поскольку это *субъект коллективный*. Формами организации таких субъектов являются отдельные мыследеятельностные позиции, системы кооперации и «мегамашины» мыследеятельности, интеллектуальные институты и т. д., а схемами организации (чему у Канта соответствуют *регулятивные категории*) выступают *организационно-деятельностные, организационно-процессуальные, процедурные и операциональные схемы*. Схемы организации коллективно-распределенного мышления соотносятся с объектно-онтологическими схемами через принцип ортогональной организации «досок», который в свою очередь является преломлением в рамках деятельностного подхода более общего принципа — непараллелизма формы и содержания мышления*.

* В интеллектуальных институтах — таких, как методологический семинар, ОДИ и т. д. — подобное соотнесение, как правило, опосредовано коммуникацией, где, как показал В. М. Розин, используется *особый класс схем* — «*направляющие*», функция которых — «создание особой реальности, то есть

Для индивидуального субъекта, включающегося в уже организованное коллективное мышление, схемы его организации (и связанные с ними объектно-онтологические схемы) кажутся априорными формами, а само коллективное мышление может вполне искренне восприниматься как субстанция, которая «сидится» на человека и мыслит «через него»*. Именно так обстоят дела, когда молодой ученый после обучения попадает в «мега-машину» научного предмета [54; 58] — ведь он не застает того момента, когда этот предмет *строится* методологами и организаторами науки. Отличительная черта философии состоит в том, что там подобным «методологом и организатором» выступает каждый крупный философ, вынужденный заново решать «вечные» проблемы — к числу которых относится и вопрос об «устройстве» самой философии, философского мышления. Однако рефлексии, скованной рамками гносеологического натурализма, этот процесс самоорганизации философского мышления представляется лишь *открытием* априорных форм и восстановлением в рефлексии «необходимости, присущей их понятию».

Конечно, Кант понимал, что «поворачивает» и даже «переворачивает» метафизику, стремился к тому, чтобы это был поворот от заблуждений к истине — но вряд ли он мог осознать, насколько он при этом *изменяет организацию* философского мышления. В отличие от Канта и других *индивидуальных мыслителей* устройство ММК как *интеллектуального института* предполагало, что *организация коллективно-распределенного мышления изменяется вполне сознательно и организационные схемы подотчетны рефлексии (принцип рефлексивной самоорганизации)*. В этом заключается оригинальность методологии ММК и ее огромный по-

системы событий, позволяющих направить внимание и понимание слушателей (оппонентов), помогающих им принять новые представления, понять аргументацию, двигаться вместе с автором новой мысли и т. п.» [51. С. 29].

* Ср. с утверждением Г. П. Щедровицкого в его последнем опубликованном интервью: «Со всех сторон я слышу: человек!.. личность!.. Вранье все это: я — сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше... Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент — мне было тогда лет двадцать — я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть» [62. С. 9].

тенциал, который только начинает раскрываться. Ведь по меркам истории философии полвека с небольшим — это совсем юный возраст.

Литература

1. Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: Renaissance, 1991.
2. Бэкхерст Д. Культура, нормативность и жизнь разума // Вопросы философии. 1999. № 9.
3. Генисаретский О. И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. Теория и методология. М.: Стройиздат, 1975.
4. Генисаретский О. И. Опыт методологического конструирования общественных систем // Моделирование социальных процессов. М., 1970.
5. Генисаретский О. И. Пространства рефлексивных состояний // Вопросы методологии. 1999. № 1—2. <http://old.circleplus.ru/archive/vm/v991gen.zip>
6. Генисаретский О. И. Сферический анализ и задачи методологической организации деятельности. Рукопись. 1976.
7. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Общество. Культура. Философия. М., 1983.
8. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
9. Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002.
10. Зинченко А. П. Игровая форма межпрофессионального обсуждения градостроительных проблем // Строительство и архитектура. 1983. № 8.
11. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд. М.: Политиздат, 1984.
12. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
13. Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы. В 2 ч. Свердловск, 1979.
14. Копылов Г. Г. Научное знание и инженерные миры // Кентавр. 15. 1996. <http://old.circleplus.ru/kentavr/TEXTS/015KOP.ZIP>
15. Копылов Г. Г. Пространственные представления в СМД-методологии: постановка проблемы и анализ карты как инструмента «схватывания» пространства // Вопросы методологии.

1992. № 1–2. <http://old.circleplus.ru/archive/vm/v921kor.html>

16. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. Издание второе. М.: Советское радио, 1973; Издание третье. М.: Институт психологии РАН, 2000.

17. Марача В. Г. Гуманитарно-практическое знание: рефлексивные аспекты // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы V Международного симпозиума (Москва, 11–3 октября 2005 г.) / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Издательство «Когито-Центр», 2005. <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/39>

18. Марача В. Г. Деятельностный подход глазами отечественных философов, методологов и психологов // Кентавр. 30. 2002. <http://www.circleplus.ru/archive/n/30/5>

19. Марача В. Г. Исследование мышления в ММК и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Кентавр. 18.1997. <http://www.circleplus.ru/archive/n/18/018MAR1>

20. Марача В. Г. Методологический роман-схематизация: Вадим Розин в ипостаси Марка Вадимовича путешествует по множественным реальностям и проникает в тайны мышления // Приобщение к философии: Новый педагогический опыт / Сост. В. М. Розин. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

21. Марача В. Г. Методология ММК как метафразис коллективно-распределенного мышления. Доклад на семинаре в Институте развития им. Г. П. Щедровицкого 11 января 2005 года. <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2004-2005/xichten/17>

22. Марача В. Г. Московский методологический кружок: основные программные идеи и формы организации интеллектуальных практик. Часть 1 // Философские науки. 2004. № 1; Часть 2 // Философские науки. 2004. № 2. <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/5>

23. Марача В. Г. Онтологическое мышление с методологической точки зрения // Наука: от методологии к онтологии / Отв. ред. А. А. Огурцов, В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2009.

24. Марача В. Г. Парадигмы нормативности мышления в интеллектуальной традиции Московского методологического кружка: взгляд сквозь призму мыследеятельностного подхода // Чтения памяти Г. П. Щедровицкого 2006–2007 гг. / Сост. В. Л. Данилова. М.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2008.

25. Марача В. Г. Схемы, пространство-время и мышление // В сб. [39].

26. Марача В. Г. Типология рефлексии. Особенности методологической рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы V Международного симпозиума (Москва, 11–13 октября 2005 г.) / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Издательство «Когито-Центр», 2005. <http://www.reflexion.ru/Library/ThesisRPC2005.zip>

27. Марача В. Г. Три парадигмы нормативности методологии / Методологический фронт 90-х. V Чтения памяти Г. П. Щедровицкого. М.: Путь, 2000. <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/5/Read-5.zip>

28. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 2.

29. Никитаев В. В. Методология и власть: Кант // Кентавр. 31.2003. <http://www.circleplus.ru/archive/n/31/0>

30. Никулин Е. В. Чтения памяти Г. П. и их неординарные проблематизаторы // Кентавр. 30.2002. <http://www.circleplus.ru/archive/n/30/12>

31. Пинский А. А. Был ли Г. П. Щедровицкий методологом? // Кентавр. 18.1997. <http://old.circleplus.ru/kentavr/TEXTS/018PIN.ZIP>

32. Попов С. В. Организационно-деятельностные игры: мышление в «зоне риска» // Кентавр. 12.1994. <http://www.circleplus.ru/archive/n/12/3>

33. Попов С. В. По следам «глубоко протезированного менталитета» (комментарии к беседе М. С. Хромченко с П. Г. Щедровицким) // Вопросы методологии. 1992. № 1–2. <http://old.circleplus.ru/archive/vm/v921psv.html>

34. Розин В. М. Изучение и конституирование мышления в рамках гуманитарной парадигмы (четвертая методологическая программа) // Вопросы методологии. 1997. № 1–2. <http://old.circleplus.ru/archive/vm/v971roz.zip>

35. Розин В. М. Методология: становление и современное состояние. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.

36. Розин В. М. Онтологические, направляющие и организационные схематизмы мышления // Кентавр. 20.1998. <http://old.circleplus.ru/kentavr/TEXTS/020ROZ.ZIP>

37. Розин В. М. Становление личности и время (Г. П. Щедровицкий и его воспоминания) // Вопросы философии. 2002. № 7.

38. Сапрыкин Д. Л. Regnum Hominis (Имперский проект Френсиса Бэкона). М.: Издательство «Индрик», 2001.

39. Схемы и схематизация: Материалы конференций по проблемам методологии 2007–2008 гг. / Под ред. В. Г. Марача,

В. А. Проскурнина. М.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2009.

40. Тюков А. А. Схемы и схематизация (тезисы) // В сб. [39]. <http://www.fondgp.ru/lib/conferences/2007/notes/5>

41. Флоренский П. А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000.

42. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997.

43. Чтения памяти Г. П. Щедровицкого 2006–2007 гг. / Сост. В. Л. Данилова. М.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2008.

44. Щедровицкий Г. П. Два понятия системы // Труды XIII Международного конгресса по истории науки и техники. Т. 1а. М., 1974 [Перепечатано в [45]]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/70>

45. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.

46. Щедровицкий Г. П. Из истории ММК (1951–1962). Доклад на семинаре ММК. 1962 // Щедровицкий Г. П. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов [Из архива Г. П. Щедровицкого]. Т. 8. Вып. 1. М.: Путь, 2004.

47. Щедровицкий Г. П. История Московского методологического кружка. Лекции в г. Риге. 18–19 августа 1988 г. // Альманах Гуманитарного семинара. Рига, 2006. № V, VI. — http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/80/GPRiga_1.doc

48. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). Приложение I. М.: Стройиздат, 1975. [Перепечатано в [45]]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/75>

49. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейственного подходов // Вопросы методологии. 1991. № 2 [Перепечатано в [45]]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/59>

50. Щедровицкий Г. П. Механизмы работы семинаров ММК // Вопросы методологии. 1998. № 1–2. <http://old.circleplus.ru/archive/vm/v981shg.zip>

51. Щедровицкий Г. П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик / Методология и логика наук. Ученые записки Томского университета. № 41. Томск, 1962 [Перепечатано в [45]]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/8>

52. Щедровицкий Г. П. О строении атрибутивного знания. Сообщения I–VI // Доклады АПН РСФСР. 1958. № 1, 4; 1959.

№ 1, 2, 4; 1960. № 6 [Перепечатано в [45]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/3>

53. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыследеятельности / Методы исследования, диагностики и развития международных трудовых коллективов. М., 1983. <http://www.fondgp.ru/gp/gp/biblio/rus/49>

54. Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1981. М., 1981 [Перепечатано в [45]. <http://www.fondgp.ru/gp/gp/biblio/rus/48>

55. Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. Доклады на структурно-системном семинаре ММК. Июнь—июль 1965 г. // Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования [Из архива Г. П. Щедровицкого]. Т. 7. М.: Путь, 2004.

56. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964 [Перепечатано в [45]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/12>

57. Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций в МИФИ. 1965 // Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении (курс лекций) [Из архива Г. П. Щедровицкого]. Т. 6. М., 2003.

58. Щедровицкий Г. П. Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М., 1984 [Перепечатано в [45]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/51>

59. Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М.: Касталь, 1993 (первоначально книга была подготовлена к печати в 1968 г., но не вышла в свет, набор был рассыпан. Впервые опубликовано под заголовком: О системе педагогических исследований (методологический анализ) // Оптимизация процессов обучения в высшей и средней школе. Душанбе, 1970). <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/81/Gp68a.doc>

60. Щедровицкий Г. П. Системомыследеятельностный подход и основные проблемы науки и человека в XX веке. Публичные лекции в Экспериментальном творческом центре при театре-студии «На досках». 1989 // Щедровицкий Г. П. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов. [Из архива Г. П. Щедровицкого]. Т. 8. Вып. 1. М.: Путь, 2004 [другая редакция: Г. П. На Досках: Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М.: Изд-во Шк. культ. полит., 2004].

61. Щедровицкий Г. П. Судьба «вторничного» семинара // Вопросы методологии. 1999. № 1–2. <http://old.circleplus.ru/archive/vm/v991shg.zip>

62. Щедровицкий Г. П. Сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. <http://old.circleplus.ru/archive/vm/v941shg.zip>

63. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986 [Перепечатано в [45]. М., 1987. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/57>

64. Щедровицкий Г. П. Технология мышления // Известия. № 234. 1 октября 1961 г.

65. Щедровицкий Г. П. Цели и продукты терминологической работы (методологические заметки о процессах становления терминологической деятельности) // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972.

66. Щедровицкий Г. П. Проблемы организации исследований: от теоретико-мыслительной к оргдеятельностной методологии анализа. Доклад на семинаре. 1975 // Вопросы методологии. 1996. № 3–4 [Перепечатано под заголовком: Эволюция программ исследования мышления в истории ММК // Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005]. <http://old.circleplus.ru/archive/vm/v963sh1.zip>

67. Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. М., 2001.

68. Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г. О возможных путях исследования мышления как деятельности // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 3; 1958. № 1, 4; 1959. № 1, 2, 4; 1960. № 2, 4–6; 1961. № 4, 5; 1962. № 2–6. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/1>

69. Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г., Костеловский В. А. Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований. Сообщения I–IV // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 2, 4; 1961. № 4, 5 [Перепечатано в [45]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/6>

70. Щедровицкий Г. П., Котельников С. И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности / Нововведения в организациях. Труды семинара ВНИИ системных исследований. М., 1983 [Перепечатано в [45]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/50>

71. Щедровицкий Г. П., Садовский В. Н. К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. (В соавт. с В. Н. Садовским.) Сообщения I—III // Новые исследования в педагогических науках. Вып. 2, 4, 5. М., 1964—1965 [Перепечатано в [45]. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/26>

72. Щедровицкий П. Г. Курс лекций «Введение в синтаксис и семантику графического языка системомыследеятельностного подхода». <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/58>

73. Campbell J. L. Institutional analysis and the role of ideas in political economy / Theory and Society 27: 377—409, 1998.

74. Shchedrovitsky G. P. Methodological problems of system research // General Systems. 1966. Vol. XI. <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/eng/5>

II. От мышления к мыследеятельности?

В. М. Розин

Построение теории мышления — «синяя птица» Г. П. Щедровицкого

Исходная программа изучения мышления и первые гипотезы о его строении

Создатель «Московского логического кружка» (ММК) мечтал о создании Института мышления, был убежден, что правильное мышление — успешный залог решения всех проблем, тот рычаг, давя на который можно перевернуть существующий мир. При этом Щедровицкий считал, что мышление нельзя трансцендировать обычным философским способом, как это делали до него, начиная от Аристотеля до Канта, мышление нужно изучить эмпирически, точными научными методами, начиная с простейших форм.

Как известно, Щедровицкий начинал свой творческий путь вместе с А. Зиновьевым, Б. Грушиным, М. Мамардашвили и первоначально речь шла не о методологии, а о «содержательно-генетической логике». Однако идеи методологического подхода, а именно критики существующего мышления, построения науки о мышлении, исследования мышления как деятельности были сформулированы уже в конце 50-х гг. Не менее четко артикулирована и установка на перестройку мышления в различных дисциплинах и науках в рамках социально-инженерного подхода. Эта позиция подкреплялась и усиливалась ориентацией на естественную науку, в связи с чем формулировалась программа построения логики как точной эмпирической науки.

Но одно дело методологические программы — другое реальная работа. Рассмотрим более подробно, как

реализовались в развитии идеи мышления ценности участников ММК, выбранные ими способы работы и заявленные в начале этого пути цели.

При создании схем и понятий содержательно-генетической логики представители ММК безусловно руководствовались поиском истины и желанием понять природу мышления; при этом большое значение имели, с одной стороны, способы организации коллективной работы — жесткая критика, рефлексия, обсуждения, совместное решение определенных задач и т. п., с другой — возможность реализовать основные ценностные и методологические установки основных участников (естественнонаучный подход, деятельностьный подход, семиотический, исторический и др.).

Рассмотрим некоторые из указанных моментов более подробно пытаясь понять общую логику движения мысли в этот период. При этом, на мой взгляд, важно прояснить следующие моменты: почему начали с логики, что значит *«содержательная логика»*, как получилось, что содержательная логика ставила своей задачей изучение законов развития мышления (вроде бы это задача не логики, а истории и культурологии), как А. Зиновьев пришел к схеме «форма-содержание», а Г. П. Щедровицкий с участниками ММК к схемам «знаковая форма, связь значения, объективное содержание», а потом и к схемам замещения,

Читая доклад Щедровицкого на семинаре 1962 г. «Из истории ММК (1952–1961)»*, видно из каких представлений приходилось выбираться «отцам методологии». Это и ленинская теория отражения, и психологическая трактовка человека и мышления, и вера в существование реальности, независимой от человека и культуры. Пожалуй, исходной ситуацией, во многом определившей развитие дальнейших представлений, был анализ «Капитала» Маркса с целью выявления методов наиболее эффективного мышления и перенесения их в современные науки. «Мы были людьми, — пишет М. Мамардашвили более полу века спустя в «Вопросах методологии», — лишенными информации, связей и преемственности культуры, лишенными возможности пользоваться преимуществами кооперации, когда ты пользуешься тем, что делают другие, когда дополни-

* Щедровицкий Г. П. Из истории ММК (1952–1961) // Г. П. Щедровицкий. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов (1). М., 2004.

тельный эффект совместимости, кооперированности дан концентрированно, в доступном тебе месте и мгновенно может быть распространен на любые множества людей, открытых для мысли. Для нас логическая сторона “Капитала” — если обратить на нее внимание, а мы обратили — была просто материалом мысли, который нам дан как образец интеллектуальной работы. Это не марксизм, это текст личной мысли Маркса. Я лично прошел не через марксизм, а через отпечаток, наложенный на меня личной мыслью Маркса»*.

В то время на философском факультете МГУ логика понималась более широко, чем просто правила истинных рассуждений и умозаключений. «По существу, — вспоминал Щедровицкий в 1962 году, — в то время понятия логики и методологии не различались, это были практически синонимы. Собственно, это естественно, потому что А. А. Зиновьев и все остальные исходили из гегелевского и ленинского положения о тождестве логики, теории познания и диалектики, или методологии. И поэтому, так сказать, вполне естественно, что в то время для нас методология была логикой, логика была методологией, и три названные момента: 1) деятельность, 2) генетизм и 3) совпадение деятельности с моментами содержания давали поначалу совершенно *новую* концепцию логики, а именно — содержательно-генетической логики»**.

Что касается дрейфа в изучение законов развития мышления к *деятельностной трактовке* мышления, то здесь прежде всего сказалось, конечно, влияние марксизма. В лекциях 1965 г. Щедровицкий суммирует все эти положения, выделяя ряд принципов, положенных А. Зиновьевым в основание анализа мышления К. Маркса. «Первый принцип: должны анализироваться не продукты мыслительной работы, знания, а прежде всего мыслительная деятельность — что для него было тождественно процессам. Считалось, что деятельность и процесс — одно и то же. Этот тезис нельзя понимать таким образом, что Зиновьев отвергал знания. Напротив, фактически,

* Мамардашвили М. Начало всегда исторично, то есть случайно // Вопросы методологии. № 1. 1991.

** Щедровицкий Г. Из истории ММК (1952–1961) // Г. П. Щедровицкий Московский методологический кружок: развитие идей и подходов. (Из архива Г. П. Щедровицкого. М., 2004. Т. 8. Вып. 1. С. 257. Нужно, конечно, учесть, что приведенные высказывания Мамардашвили и Щедровицкого являются более поздними интерпретациями того, что тогда происходило).

он хотел проанализировать некоторое знание, но он утверждал, что понять строение знания как некоторого продукта нельзя, не анализируя приводящую к нему деятельность»*.

* Щедровицкий Г. Проблемы логики научного исследования. М., 2004. С. 95.

Мне кажется, что здесь Георгий Петрович несколько модернизирует понимание Зиновьевым деятельности. Для последнего деятельность — это сложная познавательная активность (процесс) исследователя (например, Маркса). В 1962 г. Щедровицкий говорил более точно. «Процесс мысли выступал, как определенный переход, с одной стороны, от конкретного многостороннего объекта к его односторонним моделям, с другой стороны, как движение от абстрактной модели к более конкретной модели, еще более конкретной модели, или, как выяснилось потом, могут быть и переходы от конкретной модели к более абстрактной, сопоставление той и другой. Это, по существу, было характеристикой самих процессов мысли». «Вся диссертация А. А. Зиновьева, пестрит понятием процесса. Что вкладывалось в это понятие? Прежде всего факт активности исследования. Но, кроме того, в это же понятие вкладывались и другие, более частные характеристики. У Зиновьева есть, например, понятия процесс овладения, процесс выведения, процесс конкретизации и процесс изоляции, процесс абстракции и т. д. Что, спрашивается, сюда вкладывалось и как могли быть охарактеризованы эти процессы?». «Раньше, например, мы понимали под деятельностью активность мыслителя, определенную целенаправленность, т. е. направленность на достижение определенных функциональных характеристики частей единого процесса внутри общей схемы».

Не случайно поэтому Зиновьев возражал против трактовки деятельности «по Щедровицкому». «После прошлого заседания, — вспоминает Щедровицкий, — меня усиленно спрашивали, как отнесся к этому деятельностному повороту сам Зиновьев. И я должен ответить, что определенно отрицательно. Но и сам он достаточно четко выразил это в полемической статье «Об одной программе исследований мышления», опубликованной в Докладах АПН РСФСР в 1953 г. И не только в ней. Зиновьев не раз высказывался в духе отказа от понятия деятельности в том его смысле и значении, которое мы ему придавали. В пределе он хотел бы понятие деятельности вообще элиминировать, ничего вообще про деятельность не говорить. Конечно, реально деятельность есть, но это — деятельность отражения, копирование; там есть активный процесс работы. Но это — отражение и об этом нельзя забывать. Если отражение, то характеризовать его мы можем как движение по объектному содержанию, и, следовательно, ничего специфического операционально-процедурного в этом описании деятельности не будет. Это может казаться удивительным и несуразным, или же, наоборот, очень глубоким и продуктивным, но дело обстояло таким образом. Тогда в первой половине (и даже во второй половине) 50-х гг. я этого не мог понять и только сейчас начинаю видеть, что в этом была своя очень жесткая логика и весьма определенная перспектива построения логики. Могу даже сказать, что сейчас позиция Зи-

«Второй принцип. Зиновьев выдвинул подход, который мы теперь называем технологическим. То есть анализ должен был выдать такие знания, которые не просто дают нам картинку действительности, но могут быть использованы как средства методологии науки при построении других наук. Предполагалось, что анализ системы знания, представленной в “Капитале”, даст некоторое предписание биологам, химикам и т. д.

Третий принцип. Утверждалось, что мышление развивается не только по содержанию, охватывая все новые и новые области действительности, но прежде всего по своей технологии, по приемам и способам мышления. Только развитие техники мышления позволяет раскрывать в действительности новые стороны. Поэтому теория мышления может быть только исторической. Это означало, что сначала нужно раскрыть ранние ступени мышления, затем показать их усложнение и появление новых образований и так двигаться постепенно, не важно — снизу вверх или сверху вниз, но всегда помня, что происходит усложнение структур мышления»^{*}.

Анализируя методы мышления Маркса, Александр Зиновьев вышел на схему «форма—содержание», утверждая, что такова основная структура мысли как таковой. Щедровицкий связывает построение этой схемы с противоречием, на которое натолкнулись участники первого семинара, а именно — они раскладывали на форму и содержание как объект, изучаемый Марксом (общественные отношения, капитал), так и мышление самого Маркса (его рассуждения и выстраиваемую им теорию). «Отношение формы и содержания, — вспоминает он, — было характеристикой определенного типа связи в объекте, воспроизводимого в данной теории. С другой стороны, Зиновьев пользовался понятием формы и содержания мышления. Говоря о мышлении и выделяя в нем содержание и форму,

новьева кажется даже более оправданной, чем моя собственная с выходом к специфическим единицам мыслительной деятельности. Я только не понимал тогда и не понимаю сейчас, как можно строить логику в схемах объектов. Если речь идет не о логике, а о методологии, то это другое дело, хотя и в этом последнем случае технически все очень сложно и пока это трудно себе помыслить. Но если речь заходит о логике, то для нее оставаться в схемах объектов принципиально невозможно и нужно выходить, с одной стороны, к формам знания и их строению, а с другой — к процедурам и операциям мышления или мыслительной деятельности. И я по-прежнему остаюсь на этой точке зрения» (все выдержки из доклада «Из истории ММК (1952–1961)»).

^{*} Щедровицкий Г. Проблемы логики научного исследования. С. 95–96.

А. А. Зиновьев под формой понимал эту структуру, якобы накладываемую на эмпирическое многообразие. Таким образом в системе теории, в теории капитала форма являлась синонимом ее теории, структурой. А структура определялась как задаваемая последовательность переходов от одних сторон объекта к другим, и последовательность эта оказывалась зависимой от содержания. Таким образом, форма как способ связи оказывалась зависимой от содержания, но получалась очень странная двойственность, — с одной стороны, есть структура теории, т. е. ее форма, с другой стороны, есть структура объекта, в нем тоже существуют какие-то связи, а следовательно, — форма... Таким образом, возникало очень интересное положение, когда в одном отношении бралось содержание и форма как объект и знаковая форма, а в другом плане каждая из этих плоскостей сама содержала форму и содержание. Таким образом, мы фактически дошли до противоречия в самих этих понятиях, и задача состояла в том, чтобы их разделить; но как их можно было разделить? Только разнеся на две плоскости»*.

Другая причина появления схемы «форма—содержание» — полемика с формальной логикой, критика ее. Но я бы назвал еще одно обстоятельство. Что, спрашивается, Зиновьев мог увидеть, анализируя мышления Маркса? Прежде всего прием, позволяющий объяснить *развитие* капиталистических отношений и всего того, что с ними связано. Этот прием состоял в том, что Маркс сначала фиксировал противоречия, возникающие на определенном этапе развития. Эти противоречия приводили к тому, что старые отношения (содержание) переставали работать, но поскольку это не осознавалось и продолжали действовать старые организационные формы, развитие как бы останавливалось. Чтобы естественный порядок вещей смог пробить себе дорогу, т. е. развитие продолжалось, говорит Маркс, необходимо осознать возникшие проблемы и сменить формы организации. Другими словами, если употреблять язык «форма», «содержание», нужно новое содержание привести в соответствие с выражающей его формой**.

* Щедровицкий Г. Из истории ММК (1952—1961). С. 272—273, 299.

** Вот один из примеров подобного рассуждения в самом конце «Капитала». «Теперь экспроприации, — пишет он, — подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов... Цен-

Таким образом, схема «форма—содержание», где форма выражает содержание, а содержание выражено в форме, описывает один из приемов реконструкции и объяснения Марксом развития. Именно для объяснения развития мышления Зиновьев ее и вводит. Правда, здесь можно было спросить: на каких основаниях от частных приемов мышления Маркса Зиновьев переходит (обобщает) к мышлению как таковому, может ли эта схема выразить сущность мышления.

Щедровицкий прав, указывая на то, что построенная Зиновьевым схема не только позволяла по-новому увидеть сущность мышления, но и критически осмыслить подход к мышлению в формальной логике. Сквозь призму этой схемы традиционные логики, не различавшие форму и содержание, квалифицировались Щедровицким как мыслящие в плане «параллелизма формы и содержания», как работающие в плане смысловых структур*. «Отойдя от принципа параллелизма, Зиновьев впервые получил выражение сути мышления, вопреки всему

трализация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся не совместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (Маркс К. Капитал. М., 1978. Т. I. С. 772, 773).

* В своей диссертации и ряде статей Щедровицкий подверг резкой критике формальную логику, в частности, за принцип параллелизма формы и содержания мышления. Например, он пишет. «Речь идет о том, что, начиная от Аристотеля и до наших дней, формальная логика описывала только знаковую форму языкового мышления». «Таким образом, структура содержания, реконструируемая на основе принципа параллелизма, оказывается в точности такой же, как и структура области знаковой формы. Но если это так... достаточно описать одну область — область знаковой формы, — чтобы тем самым описать и другую. И более того: незачем какими-то сложными путями реконструировать область содержания, чтобы затем специально исследовать ее...». «С методологической точки зрения важнейшим обстоятельством является то, что принцип параллелизма и другие обусловленные им методические положения, на которых строится формальная логика, полностью исключают исторический подход к мышлению» (Г. П. Щедровицкий. О методе исследования мышления. М., 2006. С. 122, 127, 175).

Я, конечно, понимаю, что Щедровицкому и его последователям (к числу которых с начала 1960-х гг. присоединился и автор) нужно было разойтись с формальной логикой, порвать с ней, и они это сделали, в частности, за счет указанной критики. Тем не менее нельзя не отметить странность и уязвимость подобного действия. Ведь как Щедровицкий рассуждает. Я знаю, говорит он, как на самом деле устроено мышление, оно «двухплоскостное», а вы, господа

тому, что давал эмпирический материал». «Зиновьев потребовал рассматривать текст с точки зрения категории формы и содержания и перестать анализировать его как некоторое целое, понимаемое и осмысленное образование... это не значит, что эта структура — форма и содержание — выделяется безотносительно к пониманию текста. Нет. Речь идет о другом: о том, что обычно в традиционном логическом анализе это понимание смысла, лежащего за планом знаковой формы, не изображалось схемой, хотя всегда говорили о существовании слоеного пирога, т. е. выделяли какую-то форму и план содержания или смысла. Но когда приступали к конкретному детальному анализу, то этот слоеный пирог фактически всегда сплющивался, потому что членение шло по горизонтали. А так как плюс к этому добавлялся принцип параллелизма формы и содержания, то было неважно, что собственно анализировалось»*.

Принципиальным в работе этого периода было преодоление взгляда на мышление как физиологический и психологический феномен, в частности критика традиционной схемы отражения (в соответствии с которой постулируются две ступени познания — чувственное восприятие и интеллектуальное обобщение чувственных данных). Удар по этой схеме, отмечает Щедровицкий, «наносит невозможность совместить ее с историческим подходом к человеку, к человечеству, с тезисом о социальном происхождении языка и мышления». Дальше Щедровицкий объяснял. «Я опустил историю четырехлетних попыток объяснить про-

формальные логики, этого не видите и отождествляете форму с содержанием. Что, мол, совершенно неправильно, это ошибка.

В ответ на эту критику возможный оппонент Щедровицкого мог бы возражать. А что если мышление устроено не так, как вы, коллега, думаете, а если мы решаем совсем другие задачи. Например, считаем, подобно Аристотелю и Канту, что мышление не развивается, и хотим создавать правила умозаключений в разных областях мышления, а не строить теорию развивающегося мышления. Щедровицкий удивляется, почему это Зиновьев, построив схему «форма—содержание», «в 1959 году в печати выступил против нее и оценил ее как ошибочную и не открывающую каких-либо новых перспектив перед логикой» (Проблемы логики научного исследования. С. 112). А потому, что по каким-то причинам Зиновьев решил продолжать работать в русле формальной логики и решать стоящие в ней задачи, а не те, которые в то время формулировал Щедровицкий.

Критика типа «я знаю, как устроена реальность и поэтому все, кто ее не признает, ошибаются», на мой взгляд, мало продуктивна.

* Щедровицкий Г. Проблемы логики научного исследования. С. 108, 116.

исхождение языка и мышления на основе другой схемы и сразу перешел к результатам этого движения. Эти неудачные попытки заставили нас пересмотреть само понимание мышления. Мы, во-первых, вынуждены были отказаться от субстанционалистского понимания мысли как некоторого физиологического или психологического образования, находящегося в мозгу человека... Во-вторых, мы вынуждены были пересмотреть всю схему и поставить после объекта не его отражение в ощущениях, восприятиях и т. д., а поставить после объекта знак. При этом, если в традиционной схеме знак рассматривался как конечный этап этого длительного, проходящего через голову процесса, то мы знак, замещающий объект, и связь между исходным объектом и замещающим его знаком поставили в самом начале — как исходное образование. Причем это образование ничем из мыслительной сферы не опосредовано, а наоборот, само является исходным и задающим все дальнейшее. Не потому знак относится к объекту, что он (знак) выражает мысль, — мысль возникает потому, что в некоторых особых условиях знак начинает обозначать объект. Знак начинает обозначать объект, еще не будучи связанным с мыслью. Мысль возникает потом... мы движемся, минуя рассмотрения всего, что относится к психолого-физиологической сфере... Мы выяснили, что мышление и «чувственное отражение» не стоят в одной линии, мышление не есть надстройка над чувственным отражением. Они лежат как бы в разных линиях и плоскостях анализа*.

Значение этих результатов трудно переоценить. Собственно говоря, именно этот ход — элиминирование чувственного отражения и подчинение мысли семиотическому процессу (знаку) — вывел Щедровицкого с коллегами из области традиционных философских и психологических представлений, создав условия для следующего шага, а именно создания очередной схемы «объективное содержание — связь значения — знаковая форма», а также перехода к эмпирическому исследованию мышления. Думаю, не обошлось здесь без влияния на Щедровицкого неокантианцев и Л. С. Выготского**.

* Там же. С. 128, 135–136, 143.

** В 20-е годы прошлого века интенсивно обсуждалась проблема происхождения человека. В. Н. Волошинов (из круга М. Бахтина) и Л. С. Выготский для ее решения обратились к семиотике и культурологии. Идея состояла в том, что знак и культурные механизмы социализации индивида опосредуют связь психики с биологическим организмом и внешними для организма ситуациями (средой, деятельностью, другими особями). «Действительность внутренней

Новая схема, судя по всему, получилась за счет совмещения двух отдельных схем: зиновьевской схемы «форма и содер-

психики, — писал Волошинов, — действительность знака. Вне знакового материала нет психики... психику нельзя анализировать как вещь, а можно лишь понимать и истолковывать как знак» (Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1930. С. 29). Не столько знак приспосабливается к нашему внутреннему миру, сколько этот мир приспосабливается к возможностям знакового обозначения и выражения (Там же. С. 92). Отсюда, естественно, следовало утверждение о том, что «психика в организме — экстерриториальна. Это — социальное, проникающее в организм особи... знак, находящийся вне организма, должен войти во внутренний мир, чтобы осуществить свое знаковое значение» (Там же. С. 43). Сходные идеи примерно в это же время развивает Л. С. Выготский. Анализируя высшие психические функции, Выготский пишет, что в этих функциях «определяющим целым или фокусом всего процесса является знак и способ его употребления... характер употребляемого знака является тем основным моментом, в зависимости от которого конструируется весь остальной процесс» (Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 160). Сам же знак и его значение формируется сначала во внешнем социальном контексте и лишь затем усваивается (интериоризируется) во внутреннем плане психики (Там же. С. 197, 16).

Щедровицкий не только заимствует у Выготского эти представления, но и критикует в своей диссертации последнего за отрыв значения от знака, мышления от языка. «Л. С. Выготский, таким образом, начинает с утверждения о неразрывном единстве знака и значения, в этом единстве видит специфику мышления, а в конце концов из-за субстанциального понимания природы значения знака приходит к выводу, что значение может и даже должно было существовать отдельно от своего знака, мышление — отдельно от языка» (О методе исследования мышления. С. 50).

«Без языка и вне языка мышление не существует», — утверждает Щедровицкий вслед за Выготским и Марксом в начале 60-х годов. (Там же. С. 52.) Поэтому, кстати, считает возможным схему знакового замещения рассматривать одновременно как задающую и знание и само мышление. Но в 1980-х гг. Щедровицкий, с одной стороны, как бы забывает о предложенной им семиотической трактовке мышления, с другой — говорит о чистом мышлении. В отличие от других поясов мыследеятельности пояс чистого мышления, писал он, «имеет свои строгие правила образования и преобразования единиц выражения и законы, причем достаточно монизированные; это все то, что Аристотель называл словом “логос”...» (Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Избранные труды. С. 133). Однако что же такое мышление не как аристотелевский логос, а как аспект методологической реальности? Ясного ответа на этот вопрос Г. П. Щедровицкий не дал.

С моей точки зрения, знание и соответствующее видение действительности не тождественно знаку. Семиотический процесс является операциональной

жение» и семиотической схемы «объект (денотат) — значение — знак». Нарисовав, как выражается Петр Щедровицкий, вторую схему на первой, Щедровицкий с коллегами получили схему «объективное содержание — связь значения — знаковая форма»*. В понимании этой новой схемы важны были два момента: трактовка ее как структуры, отсюда не просто значение, а *связь* значения, а также эпистемологическое истолкование, что позволяло утверждать, что «языковое мышление» есть взаимосвязь субстанциальных элементов языка *с действительностью*. «О том, — пишет Щедровицкий в диссертации, — что субстанциальные элементы языковых выражений с чем-то *связаны* или к чему-то *отнесены* и что эта связь и отнесенность, собственно, и делает их значимыми, об этом говорили издавна и почти все исследователи языка и мышления. Однако, признав наличие связи, они затем оставляли ее в стороне и исследовали только то, с *чем* были связаны, *к чему* относились эти субстанциальные элементы. Сама связь, с их точки зрения, не входила в значение, а потому и не была предметом исследования»**.

несущей основой знания. Другими словами, чтобы получить знание, необходимы *замещение, означение и действия со знаками*. Но знание возникает как бы перпендикулярно, при условии своеобразного *удвоения действительности*. В сознании человека, получающего и понимающего знание, под влиянием требований коммуникации (например, необходимости при отсутствии предмета сообщить о нем другим членам общества) предмет начинает существовать двояко — и сам по себе и как представленный в семиотической форме (слове, рисунке и т. п.). Знание «слон» фиксирует не только представление о слоне, сложившееся в обычной практике, но и *представление о слоне, неотделимое от слова «слон»*. В обычном сознании эти два представления сливаются в одно целое — знание, но в контексте общения (коммуникации) и деятельности они расходятся и выполняют разные функции. Так, именно второе представление, позволяет транслировать знание и действовать с ним как с самостоятельным объектом, в то же время первое представление — необходимое условие формирования и опознания означаемого предмета.

* Понятия формы и содержания, вспоминает Щедровицкий, «специфицировались дополнительными определениями. Мы говорили в одном случае о знаковой форме, а в другом — об объективном содержании. Эта вторая схема была такой же, как и первая, но в нее привносился эмпирический смысл — указание на некоторый материал. То есть форма — это не вообще любая форма, а то, что по материалу представлено в знаках, а содержание — это не вообще какое-то содержание, а такое, которое связано с объективностью» (Проблемы логики научного исследования. С. 115—116).

** Щедровицкий Г. П. О методе исследования мышления. М., 2006. С. 57.

Обратим внимание, Щедровицкий рассматривает как одно целое — «связаны» и «отнесены», и дальше последовательно разбирает ряд схем:

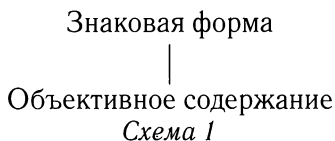
[субстанциальные элементы языкового выражения] — [субстанция мысли] — [субстанция чувственности] — [действительность];

[субстанциальные элементы языкового выражения] — [субстанция мысли] — [субстанция чувственности] — [действительность];

[субстанциальные элементы языкового выражения] — [действительность] (где черточка — это «связь»), наконец,

объективное содержание — знаковая форма (где черточка «связь значения»).

В последней схеме, по убеждению Щедровицкого, оказываются удачно совмещены как эпистемологические, так и семиотические элементы. С одной стороны, она выражает знание и мышление (при этом знания трактовались как продукты и условия мышления), с другой — знак и обозначаемое им содержание; а само содержание, как дальше показывали участники ММК, получается при сопоставлении объектов с общественно фиксированными эталонами. Как изображение знания и мышления схема «объективное содержание — знаковая форма» использовалась для объяснения строения знания и мышления (например, они теперь трактовались как двухплоскостные образования, как движение и переходы в форме и содержании), в семиотическом плане эта схема могла разворачиваться, чем тотчас же и воспользовались. Для этого, правда, схему «знаковая форма — связь значения — объективное содержание» пришлось повернуть на 90 градусов, т. е. поставить вертикально:

Спрашивается: зачем? А затем, чтобы, наконец, реализовать, во-первых, идеи развития и деятельности, во-вторых, сохранить эпистемологический план, в-третьих, добиться того, чтобы новые представления были не менее строгими и оперативными, чем построения в точных науках (например, в химии или математике). «Сам факт поворачивания, — отмечает Петр Щедровицкий, — является важнейшим продвижением в деле схематизации, поскольку, имея за собой довольно сложную,

невьявленную, неотрефлексированную онтологию верха и низа и стоящую за этим онтологию иерархических отношений, он позволяет совершенно иначе переинтерпретировать представление о знании... Поворачивание базовой схемы создавало большие возможности для интерпретации сложных знаково-знаниевых образований... там лежит объективное содержание, а здесь знаковые формы, которые носят такой же объективный характер. И все это в целом противопоставляется тому, что происходит в психическом мире, всякого рода представления, чувственные образы, ассоциации и т. д.»*.

Итак, решить все указанные задачи удалось за счет трех основных моментов: поворота второй схемы, расшифровки строения обоих элементов (объективное содержание получается в результате действий сопоставления объекта с эталоном, а знаковая форма трактуется как знак), наконец, разворачивания повернутой схемы в логике развития или функционирования (знак в определенных ситуациях понимается как объект, который замещается очередным знаком; знак как объект преобразуется в другой знак). Отработка этих моментов, включающая обсуждение сущности всех новых и старых элементов, а также целого, и вылилось в построение третьей схемы — схемы замещения, причем в разных вариантах (здесь знаки рассматриваются, во-первых, как элементы структуры знания, во-вторых, как объекты, к которым применяются различные операции).

$$\begin{array}{c} (A) \\ \downarrow X \Delta \uparrow \end{array}$$

Схема 2

$$\begin{array}{c} (A) \\ X \Delta \uparrow \quad \downarrow \nabla Y \end{array}$$

Схема 3

$$X \Delta \uparrow (A) \leftrightarrow A \Delta \uparrow (C) \leftrightarrow [C \lambda] \rightarrow C' \leftrightarrow (C') \downarrow A_1 \leftrightarrow (A_1) \downarrow \nabla Y$$

Схема 4

Элемент (A) в этих схемах называется *знаковой формой*, элементы X и Y — *объектами*, Δ (дельта) — *действием сопоставления*, ∇ (набла) — *действием построения*. Читаются эти схемы так: объект X включается в действие сопоставления

* Щедровицкий П. Курс лекций «Введение в синтаксис и семантику графического языка СМД подхода». Вторая лекция (<http://www.fondgp.ru/lib/mmk/58>).

(т. е. сопоставляется по какому-либо отношению с общественно фиксированным эталоном); в результате возникает объективное содержание ХД, которое выражается (стрелка вверх) в знаковой форме (А). Далее возможны разные варианты. Например, «знак А» относится обратно к объекту Х (стрелка вниз). Или с его помощью в действии ∇ создается новый объект Y, сходный по каким-то параметрам с объектом Х. Или знаковая форма (А) уже в качестве объекта А в свою очередь включается в действие сопоставления (здесь смена функции знака обозначена символом \leftrightarrow), результат сопоставления фиксируется в знаковой форме (С); «знак С» уже как объект преобразуется (операция λ) в объект С' в свою очередь с помощью «знака С'» можно, например, создать объект Y.

Поясняя в 1965 г. смысл введения данных схем, Щедровицкий говорил: «Так постепенно идет вверх, все выше и выше, структурирование мира. Так строится искусственный мир, в котором мы стремимся установить порядок и гармонию, распланировать его как систему пересекающихся стритов и авеню. Именно эта система и есть то, что может быть названо социальной действительностью человека. Часто именно эту действительность и называли действительностью “понятий”».

На нижней плоскости функциональных объектов мы создаем благодаря действиям сопоставления различные группировки объектов, а затем замещаем их одним знаком и тем самым представляем в нем новое содержание, созданное действием сопоставления. Мы переходим из одной плоскости в другую. Но в следующую плоскость попадает не сам новый объект-группировка, не структура, созданная сопоставлением, а один знак, замещающий эту структуру.

Этот знак точно так же может выступить в качестве функционального объекта, он организуется в новые структуры сопоставления — это могут быть таблицы, матрицы и т. п. — и снова замещается одним знаком. Новая структура опять свертывается в одном объекте, и это создает условия для новых действий и способов оперирования»*.

Одновременно многоплоскостные замещения понимались как изображения развивающихся знаний (даже, как мы видим, понятий) и мышления, а наличие в данных схемах действий (сопоставления, замещения, преобразования, отнесения) позволяло говорить о деятельности. Другими словами, в много-

* Проблемы логики научного исследования. С. 150.

плоскостных схемах замещения, снявших в себе две первые схемы («формы содержания» и «объективное содержание, связь значения, знаковая форма»), удалось реализовать основные принципы содержательно-генетической логики (развития, деятельности, оперативности и другие). Эти принципы были перечислены, в частности, в диссертации Щедровицкого. «Логика, — пишет он, — которая берет в качестве объекта исследования реальное мышление и хочет исследовать его со всей возможной полнотой, должна учесть:

1. Мышление есть прежде всего определенная деятельность, именно деятельность по образованию или выработке знаний.

2. Ядро, сердцевину этой деятельности образует выделение определенных единиц содержания в общем «фоне» действительности и «движение» по этому содержанию. (Новая логика должна быть, следовательно, содержательной.)

3. Структуры знаковой формы и «техника» оперирования с ними зависят от содержания, и могут быть поняты только в связи с ним, т. е. в конечном счете в связи с «содержательной» частью мыслительной деятельности.

4. Мышление непрерывно развивается; изменение составляющих его средств происходит строго закономерно, т. е. определенные процессы мысли и знания могут появиться и появляются только после и на основе каких-то других процессов и знаний»*.

Здесь может возникнуть естественный вопрос: а почему для построения современной логики необходимо исследовать мышление, да еще в развитии? Но вспомним программу Бэкона—Декарта, утверждавших, что главная наука — это наука о мышлении и что именно последняя позволит построить методы. Вспомним марксизм с его требованием основать социальное действие на изучении законов исторического развития;

* Щедровицкий Г. П. О методе исследования мышления. С. 184.

** «Итак, надо было обсуждать функции и назначение логики и надо было отвечать на вопрос, что такое логика. Мы были молоды и самоуверенны, поэтому... Логика? Хорошо, ответим на вопрос, что “отражает” логика. И вот в этих условиях было сделано *фундаментальное допущение* (это нечто более серьезное и фундаментальное, нежели просто гипотеза), что логика фиксирует, выявляет законы, правила и принципы человеческого мышления. Или иначе: логика отражает мышление и фиксирует его принципы и правила» (Щедровицкий Г. На досках... С. 91).

в частном случае реформирования мышления это требование выливается в задачу изучения законов исторического развития мышления и построение на их основе новой логики. Вспомним, наконец, Л. С. Выготского, который в работе «Исторический смысл психологического кризиса (методологические исследования)» доказывал, что психология должна быть реформирована на основе естественнонаучного подхода.

«Скажем сразу: развитие прикладной психологии во всем ее объеме — главная движущая сила кризиса в его последней фазе... Психология, которая призвана практикой подтвердить истинность своего мышления, которая стремится не столько объяснить психику, сколько понять ее и овладеть ею, ставит в принципиально иное отношение практические дисциплины во всем строе науки, чем прежняя психология... Психотехника поэтому не может колебаться в выборе той психологии, которая ей нужна (даже если ее разрабатывают последовательные идеалисты), она имеет дело исключительно с казуальной, с психологией объективной; некаузальная психология не играет никакой роли для психотехники... Мы исходили из того, что единственная психология, в которой нуждается психотехника, должна быть описательно-объяснительной наукой. Мы можем теперь добавить, что эта психология, кроме того, есть наука эмпирическая, сравнительная, наука, пользующаяся данными физиологии, и, наконец, экспериментальная наука»*.

Ну да, речь идет о психологии, а не о логике, но не мыслит ли Щедровицкий сходно с создателем советской психологии? Он тоже доказывает, что логика должна быть эмпирической наукой, тоже убежден, что идеалом науки является естествознание, тоже исходит из прагматической установки (во главу угла он ставит требования педагогики и прикладной методологии), тоже как марксист уверен, что реформирование мышления предполагает выявление законов его исторического развития**.

* Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 387, 390.

** Да, отцы методологии утверждали, что новая диалектическая логика должна быть наукой о мышлении. Тем не менее в начале 1960-х гг. Щедровицкий видит здесь проблему, ему неясно, как все-таки связаны между собой логический и эпистемологический планы. «Мы, — говорил он, — в общем, стояли на той точке зрения, что вся логика должна быть пересмотрена на основе диалектического метода и в этом смысле диалектизирована; наряду с этим развивался тезис, что логика должна строиться как наука о развивающемся

По сути, содержательная логика в проекте Щедровицкого — это марксистский вариант прикладной инженерии в области мышления.

Наконец, почему не просто наука о мышлении, но эмпирическая наука? А потому, что идеал естествознания требует при построении знаний и теорий опираться на факты. Для мышления в качестве таких фактов выступают сами знания и другие тексты (решения задач, рассуждения, теоретические построения и прочее), в которых зафиксирована работа мысли. Все эти вопросы тщательно и много обсуждались в конце 1950-х, начале 1960-х гг.

В 1965 г. на лекциях, прочитанных в МИФИ на семинаре по логике науки и инженерии, Щедровицкий объяснял, какой смысл он вкладывает в содержательную логику и что наряду с формальной логикой всегда существовала другая традиция. «Но история логики, — говорил Щедровицкий, — имела и другую сторону, принципиально отличную от первой. Ведь она появилась и на первых порах развивалась не как формальная логика, а “органон”, т. е. теория познания и методология науки, как теория мышления. Построение формализованных языков явилось лишь одним из ее продуктов и, по-видимому, побочным. А другую линию развития образовывали попытки понять природу мышления... Первая линия была линией построения формализованного языка, вторая — линией эмпирической науки»*.

В программной статье 1962 года «О различии понятий “формальной” и “содержательной” логик» Щедровицкий характеризует как методологию эмпирического изучения мышления,

мышлении... хотя о мышлении и деятельности все говорили и подчеркивали их самостоятельность — в особенности деятельности, поскольку она не отражение и не чистая активность человека, — но это была *не столько логика, сколько методология исследования системных объектов* (очевидно, речь идет о объектах типа «Капитал» Маркса. — В. Р.), ибо эти два момента — с одной стороны, движение по определенным сторонам содержания, а с другой стороны, мыслительная деятельность какого-то исследователя — *эти две характеристики мышления были связаны чисто механически*, то есть это были две стороны, которые объединялись в лучшем случае союзом “и” и в силу этого как бы повисали в воздухе. Мне до сих пор неясно, что там в плане деятельности можно было говорить о суждениях, предложениях, умозаключениях и т. д.» (Из истории ММК (1952–1961). С. 258, 261).

* Щедровицкий Г. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. М., 2003. С. 49.

так и продукты этого изучения. «Итоги этого этапа исследования: а) алфавит операций мышления, б) ряд относительно замкнутых однородных систем знаковой формы, объединяемых в формальные исчисления (что эквивалентно логическим правилам. — В. Р.), в) знание о составе и принципах организации множества научных рассуждений (этот шаг представляет собой реализацию идеи построения логики науки. — В. Р.). Все эти разнородные элементы должны быть теперь объединены и сведены в одну “историческую теорию” мышления как такового... разработанная в этом направлении “содержательная логика” сможет стать теоретическим основанием “логики науки”, позволит выработать новые высокоэффективные методы обучения и сделает возможным инженерное моделирование мышления»*.

В работе «О различии исходных понятий “формальной” и “содержательной” логик» были зафиксированы как перечисленные идеи, так и результаты их реализации (схема двухплоскостного строения знания, представление мыслительного процесса в виде «атомов» мышления — конечного набора операций мышления, сведение операций к схемам замещения и т. п. **).

Если сравнить этот результат с исходным замыслом Зиновьева, то налицо разительное отличие: *мышление было представлено не как сложное органическое целое, а в виде естественнонаучной онтологии*. Оно разбивалось на процессы, процессы на операции, каждая операция изображалась с помощью структурной схемы, напоминающей по форме химическую, а исторический процесс развития мышления сводился к последовательности реконструируемых ситуаций («разрыв» в деятельности, изобретение знаковых средств, позволяющих преодолеть этот разрыв, образование на основе знаковых средств новых знаний и операций мышления).

Все это действительно позволяло вести эмпирическое исследование мышления, но мышления взятого лишь со стороны объективированных знаковых средств и продуктов. По сути, анализировалась «вырезанная» (высвеченная) естественнонаучным подходом проекция объективных условий, это и называлось «мыслительной деятельностью».

* Щедровицкий Г. П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик. С. 44, 49.

** Там же.

Обратим внимание на важную особенность работы того периода. Выступая против формальной логики, Щедровицкий видел преимущество и даже пафос содержательно-генетической логики, с одной стороны, в *деятельностной ее трактовке*, позволяющей по-новому анализировать форму и содержание знания (они сводились к объектам и операциям), с другой — в *семиотической трактовке* мышления. В соответствии с последней мышление понималось как деятельность со знаками, позволяющая схватывать результаты сопоставления объектов знания с эталонами (так определялось содержание знания) в определенной форме (знаковой) и затем действовать с этой формой уже как с целостным самостоятельным объектом. Другими словами, деятельностная и семиотическая трактовки мышления фактически были исходными, но до поры до времени рассматривались как способы описания мышления.

Интересную реконструкцию становления идей ММК этого периода дает Б. В. Сазонов. С его точки зрения, Г. П. Щедровицкий продолжал и развивал дальше две разные традиции мышления: одну, идущую от работ А. А. Зиновьева (методы разрешения парадоксов мышления, восхождения от абстрактного к конкретному), и другую, от работ Аристотеля. У Аристотеля, пишет Сазонов, «процесс трансформации “грамматического” в “логическое” приобрел онтологический, натуральный характер, в силу чего говорят о связи “языка” и “мышления”, слова и понятия (будучи неразрывной, эта связь у Г. П. существует в виде действительности “языкового мышления”)». Эта аристотелева линия воспринята Щедровицким в анализируемой нами работе — тогда, когда сложную конструкцию мыслительной деятельности он начинает со “слова”. Причем одновременно он пытается удержать совокупность методологических представлений, связанных с методом восхождения от абстрактного к конкретному, лежащему в русле платоновского подхода и трактуя понятие в качестве результата движения по многим слоям “абстракций” (у Платона это отвергнутые в результате критического анализа гипотетические конструкции ситуаций-понятий)»*.

Скрещивание этих двух подходов, по убеждению Сазонова, с одной стороны, позволило продвинуться в конституировании собственного мышления «содержательных логиков», выталикивая их к реальности деятельности, с другой — блокировало

* См. статью Б. В. Сазонова в настоящем издании.

изучение мышления в науке и философии. «В этом месте, — разъясняет Сазонов, — находится один из главных пунктов моих дискуссий с Георгием Петровичем относительно подходов к исследованию мышления. Мне представляется, что логико-философская линия, вытекающая из логических работ Аристотеля, в частности, противопоставление логики и грамматики (“мышления” и “языка”) является ошибкой, тиражируемой на протяжении тысячелетий. Мне также представляется, что тот гигантский объем работы, который был выполнен Георгием Петровичем в многочисленных рукописных текстах, докладах и статьях по поводу “знака”, в полной мере демонстрирует тупики начатого Аристотелем подхода*». «Содержательно-генетическая логика выделяла два важнейших, если не центральных механизма развития мышления — выявление и разрешение мыслительных парадоксов за счет построения новой системы понятий и преодоление разрывов в деятельности посредством послойного знакового замещения. Отметим одно очень важное отличие этих механизмов, сказавшееся на дальнейших путях развития ММК: если действительность мыслительных парадоксов четко укладывалась в пространство мышления, то разрывы в деятельности описывали, по идее, деятельность и инструментальную роль знаковых (мыслительных?) форм. Или иначе, работа с “разрывами в деятельности” выводила нас за рамки мышления в действительность мышления и деятельности, даже, скорее, деятельности и мышления как ее элемента**».

Сазонов утверждает, что в понимании мышления и деятельности решающую роль сыграло не изучение мышления в науке и философии, а рефлексия собственной работы «содержательных логиков». «Принципиально новые возможности в анализе мышления и построении нового мышления, — пишет он, — открылись по мере понимания, что основным источником движения в ММК является не столько исследование чужого мышления, хотя оно бесспорно важно и нужно, сколько наше собственное конструктивное мыслительное движение в этой “исследовательской” работе***».

Предложенное Борисом Сазоновым видение того, что происходило в тот период, мне кажется верным, дополняющим и

* См. статью Б. В. Сазонова в настоящем издании.

** Там же.

*** Там же.

проясняющим мои собственные исследования в этой области. В частности, независимо от Сазонова я анализировал значение «слова» и инструментальной трактовки знака как исходных «клеточек» реконструкции мышления в ранних работах Г. Щедровицкого (видя, в частности, здесь влияние на него идей Л. С. Выготского). Но Сазонов показывает, что эта линия, если и не идет прямо от Аристотеля, то во всяком случае связана с его подходом. Это, безусловно, важное наблюдение, предполагающее дальнейшие изыскания.

Особенности научных исследований, с помощью которых изучалось мышление

Вернемся еще раз к тому, как Щедровицкий с коллегами вышли на изучение мышления и какими характеристиками они его наделили. С одной стороны, они хотели реформировать научное мышление на основе описания методов Маркса, и эта задача ими понималась как построение диалектической, а потом содержательной логики. С другой стороны, Зиновьев и Щедровицкий со товарищи полемизировали с представителями формальной логики, отрицая последнюю. С третьей стороны, реализуя идеи марксизма, они хотели при построении новой логики реализовать принципы деятельности, социальной инженерии, исторического развития. С четвертой стороны, как сциентисты, придерживающиеся понимания науки как естествознания, Щедровицкий с коллегами стремились построить содержательную логику как строгую, даже математизированную науку (понимая под математизацией не применение обычной математики, а построение четких операциональных схем).

Основным методом решения всех этих задач, опять же в силу научной ориентации (при том что считали себя участники ММК философами), выступило *научное исследование*, что не удивительно, учитывая, с одной стороны, сциентистский характер эпохи («физики» против «лириков»), с другой — то, что многие участники ММК имели второе естественно-научное образование (самообразование) или прямо пришли из науки (инженерии)*. «Мы все, — вспоминает Щедровицкий, —

* Например, глава школы Г. Щедровицкий сначала кончил три курса физического факультета МГУ, а потом перешел учиться на философский, Олег Генисаретский кончил МИФИ и параллельно работал в семинаре Щедровицкого, я тоже учился на физико-техническом факультете пединститута и одновременно постигал в ММК логику и философию, Марк Рац пришел в

были теми, кого сегодня называют сциентистами: мы верили в силу науки, мы считали, что движение к науке является прогрессивным и соответствует исторической тенденции»*. Можно утверждать, что в ходе работы ММК был создан ряд прецедентов исследования нового типа, которые требуют тщательного методологического анализа.

Большая (возможно, основная) часть этой работы осуществлялась в актуальной коммуникации на семинаре**. Например, на семинар выносилась определенная тема (скажем, что такое процесс или задача) и все к ней серьезно готовились, хотя, как правило, кто-то один готовился более тщательно или сам вел исследования по данной теме (именно он и начинал выступление и делал доклад). Каждый шаг рассуждений отслеживался и анализировался. Разбирали правдоподобность гипотез, логику, высказывали соображения «за» и «против», рассматривали продолжения и следствия из них и т. д. и т. п. Полемика часто была ожесточенной и эмоциональной, но всегда продуктивной.

Дискуссионная форма порождала и новое содержание. «Если говорить о развертывании мысли, — вспоминал Щедровицкий в 1977 г., — то на каждом заседании был не один, а три, четыре, пять разных докладов на одну тему. Ибо внутри нашей группы был целый ряд “частичных лидеров”, каждый из которых вел свою особую разработку темы. В свое время М. К. Мамардашвили после двух лет участия в такой работе сказал, что это невероятно трудно. Ибо непосредственный план изложения материала все время прерывается рефлексией, потом — рефлексией по поводу рефлексии, рефлексией по поводу второй рефлексии и т. д., после чего предмет обсуждения исчезает... Следующий характерный момент состоял в том, что на каждый вопрос следовало, как правило, несколько совершенно разных ответов. И все они объявлялись истинными, несмотря на то, что нередко они прямо противоречили друг другу — как своего рода апории, как чистая парадоксальная форма. Больше того, мы очень этим гордились, наше мышление сознательно развер-

методологию из прикладной науки. По сути, большинство участников ММК параллельно с занятиями философией или сами получили естественнонаучное образование или добирали его самообразованием.

* На досках... С. 89.

** Параллельно, конечно, шла индивидуальная работа, т. е. каждый участник семинара вел какие-то исследования. Например, я исследовал формирование математики от древнего земледелия до «Начал» Евклида.

тывалось как мышление в парадоксах. Теперь я понимаю, что это была особая форма проблематизации: мышление было не в суждениях, не в высказываниях, а в проблемах»*. Но что происходит в ходе проблематизации? На мой взгляд, нужно отметить, по меньшей мере, три момента. Дискуссирующие, во-первых, *анализируют и критикуют* какие-то подходы и положения с целью опровержения их, отказа от них. Во-вторых, они формулируют в противовес раскритикованным *другие подходы* и положения и дальше *защищают и обосновывают их*. Наконец, часто они вынуждены *положить новый объект*, к которому и начинают относить сформулированные ими положения.

Можно утверждать, что так организованное обсуждение представляет собою особый вид исследования — я называю его «конституирующим». В конституирующих (дискуссивных) исследованиях (будем считать его первым типом) вводится (полагается) объект, который далее конкретизируется и конструктивизируется путем построения идеальных объектов. При создании всех этих объектов, включая объект изучения (исследования), огромное значение имеет коллективная работа, в рамках которой происходит реализация ценностей и принципов данного коллектива исследователей. Обращение к фактам и другим проявлениям положенного в исследовании объекта для данного типа исследований не характерно. В этом смысле логика конструирования объекта в данном типе исследования определяется именно дискуссией (более широко коллективной мыследеятельностью) и ценностями исследователей.

В то же время Г. П. Щедровицкий и другие участники ММК осуществили ряд исследований мышления, потребовавших обращения к эмпирическому материалу.

В частности, мышление в этот период изучалось в аспекте исторического развития; этот подход получил название «псевдогенетического анализа» (псевдогенетической реконструкции). *Псевдогенетическое исследование мышления* можно считать особым — вторым — типом методологического исследования.

Метод псевдогенетической реконструкции сложился на базе критики и осмысления метода восхождения от абстрактного к конкретному, рассмотренного в кандидатской диссертации Зиновьева. Этот метод включает в себя три основные идеи:

* Щедровицкий Г. О работе семинаров ММК // Г. П. Щедровицкий. Московский методологический кружок... С. 241.

«клеточки», т. е. абстрактной структуры, несущей в себе потенциально характеристики изучаемого сложного органического целого, *сведения и вывода*, как двух взаимодополнительных исследовательских процедур (первая — это движение от феноменальных проявлений сложившегося целого к структурам, предшествовавшим целому в генетическом отношении, вторая — попытка объяснить целое, исходя из особенностей развития и усложнения генетически исходных и предшествующих структур, начиная с клеточки) и *дедукции*, т. е. генетического вывода, в ходе которой последовательно конструируются идеальные объекты и объясняется генезис.

Обсуждения в ММК позволили сделать три важных вывода: от идеи клеточки нужно отказаться*, процедура сведения в значительной мере обусловлена процедурой вывода, главное — это выявление механизмов перехода от одних состояний развивающегося целого к другим.

«Поскольку, — объяснял Щедровицкий на лекциях и в диссертации, — мы с самого начала исходили из убеждения, что мышление является исторически развивающимся объектом, мы должны были построить такую теорию мышления, которая бы схватывала это развитие. Это означало для нас, что такая теория должна была строиться методом восхождения от абстрактного к конкретному. То есть мы должны были сначала задать некоторые простейшие системы мышления, а затем мы должны были найти формальные правила, по которым эти исходные системы разворачиваются в более сложные системы»**.

Зиновьев писал: «Все предшествующие К. Марксу исследования в политэкономии работали на сведении от сложного к простому. Но тайна диалектического мышления, мышления Маркса заключается совсем не в сведении, а в выведении... Собственно, Маркс сводит таким образом, чтобы потом вывести, осуществить выведение. Оказывалось, что последующие выведения определяют предшествующие процедуры сведения

* «Дело в том, — говорил Щедровицкий на лекциях в 1965 г, — что представить себе развертывание исходной клеточки не удалось. Попытки такого развертывания потерпели неудачу, и было выяснено, почему это проделать невозможно. Те же процедуры развертывания, которые представлялись возможными, были описаны в работе, получившей название “О принципах построения генетической теории”» (Проблемы логики научного исследования. С. 142).

** Там же.

и что процесс мысли выступает как двуединый и разнонаправленный процесс»*.

«Прodelав определенное число таких шагов — в принципе, достаточно большое, — мы должны были в конце концов прийти к теоретическому представлению всей системы мышления в целом. Метод восхождения от абстрактного к конкретному, как правило, применяется к органическим объектам. А органические объекты опять-таки, как правило, являются — так учил на первых этапах Зиновьев, и нам это казалось достаточно очевидным — исторически развивающимися объектами.

В дальнейшем мы несколько расширили это представление о методе восхождения и ввели особое понятие генетического, или псевдогенетического анализа, специфически применяемого к развивающимся объектам... сам принцип генетического, или псевдогенетического, подхода к мышлению сохранялся неизменным: мы по-прежнему считали, что главная задача состоит в объяснении механизмов развития мышления»**.

Почему этот анализ назван «псевдогенетическим»? Дело в том, что речь идет о *логической истории*, т. е. генезисе, как теоретически представленном развитии изучаемого целого, но отнюдь не об его эмпирической истории. Практически на материале истории науки метод псевдогенетического анализа был реализован И. С. Ладенко и автором, но отдельные разработки мы встречаем и в работах Щедровицкого.

Третий тип исследования, в рамках которого изучалось мышление, можно назвать *«эмпирико-теоретическим конституирующим исследованием, опирающимся на опыт мышления исследователя»*. Речь идет об известном исследовании математического рассуждения Аристарха Самосского (III в. до н. э.).

Предполагалось, что мышление Аристарха можно представить как процесс, представляющий собой переход от одних знаний к другим. Результат исследований дал отрицательный результат; как альтернатива был выдвинут важный тезис, что мышление — это не процесс, а структура. «Я не утверждаю, что в мышлении вообще нет ничего такого, что нельзя было бы представить как процесс, объяснял Щедровицкий на лекциях в 1965 году. Возможно, что-то такое там есть. Я утверждаю лишь то, что целостность рассуждения, приводящая к некоторому знанию как

* Щедровицкий Г. Из истории ММК (1952–1961). С. 269.

** Щедровицкий Г. Проблемы логики научного исследования. С. 295.

результату этого рассуждения, не может быть представлена и изображена в виде процессе... по сути дела, принцип двухплоскостности был первым вариантом и формой утверждения, что мышление представляет собой структуру. Поэтому — и в ретроспекции это очевидно — представление мышления в качестве многоплоскостной структуры и категория процесса исключают друг друга...»*. Одновременно участники ММК поняли, что текст решения задачи — это не *проявления* разворачивающегося реального процесса мышления, а только его конечный пункт или «оформление» завершенной деятельности мышления.

Возникает законный вопрос: на что опирались исследователи, вводя различия и другие характеристики мышления Аристарха (формальных операций и краевого процесса, независимости краевых процессов друг от друга, разных направлений действия формальных операций и краевых процессов, противоположных направлений движения мысли — от известного к искомому и от вопроса — ответа к тем данным, на основе которых можно получить конкретную форму этого ответа и др.). Сам текст Аристарха Самосского оснований для этих различий не дает.

Можно предположить, что Щедровицкий и другие участники обсуждения вынуждены были имитировать на себе процесс решения задачи Аристархом Самосским. Поглядывая на результат, который получил Аристарх, они воспроизводили на себе поиск и ходы решения задачи. Они считали, что именно так и мыслил Аристарх Самосский, и поэтому клали с целью анализа найденные ими шаги решения и мысли как те, которые осуществлял сам Аристарх. Другими словами, эмпирический материал и факты для них поставлял их собственный опыт мышления.

Здесь, правда, возникают три принципиальных вопроса: 1) как избежать модернизации, т. е. не приписать Аристарху тех способов математического мышления, которые характерны только для XX столетия (этот момент исследователи хорошо понимали и по мере сил старались модернизации избежать), 2) что, собственно говоря, в нащупанных приемах и способах относится к мышлению, как это самое мышление извлечь из работы исследователя; можно ли например, указанные различия относить к мышлению или это что-то другое**, и 3) в какой

* Щедровицкий Г. Проблемы логики научного исследования. С. 274, 275.

** Щедровицкий и другие члены ММК того периода считали, что решение задачи всегда предполагает мыслительный процесс, мышление. Но так

мере опыт решения задачи и мышления, воспроизведенный на исследователях, может быть обобщен на мышление как таковое и, в частности, приписан мышлению Аристарха Самосского?

Особый интерес представляет четвертый тип исследования, который можно назвать «эмпирико-теоретическое экспериментальное исследование». Чтобы понять замысел исследования, проведенного Щедровицким совместно с С. Г. Якобсон

ли это на самом деле? По моим исследованиям, мышление складывается довольно поздно, не раньше Античности (кстати, и Щедровицкий, говоря о чистом мышлении, как аристотелевском логосе, должен был бы согласиться с данным тезисом), а задачи решали еще в Древнем Египте и Шумере. На мой взгляд, нужно различать способы решения задач в древности (до Античности), они не требовали мышления, и способы решения задач, которые начали практиковаться после работ Аристотеля. Современные способы решения задач, особенно сложных и новых, действительно предполагают мышление. Однако, что я понимаю под мышлением. Для данного разговора мне важны его четыре характеристики.

Мышление — это способ построения человеком одних знаний на основе других и построение представлений о действительности (схем, понятий). Будем считать это первой характеристикой мышления.

Вторая характеристика мышления — это одновременно способ познания действительности, обеспечивающий становление и функционирование культуры, и необходимое условие реализации личности, разрешающей в коммуникации несовпадение общепринятых и собственных представлений о мире и о себе.

Третья характеристика — мыслительная активность становится мышлением только в том случае, если эта активность нормирована (мышление как включающее в себя образцы мышления, правила логики, категории). При этом мышление задает самостоятельную реальность, второй, идеальный и конструктивный, мир относительно обычного. В его рамках перевоссоздаются и основные познаваемые явления. Нормирование мышления обеспечивает возможность, с одной стороны, строить знания без противоречий и других затруднений, с другой — получать знания, которым можно приписать свойство прагматической адекватности (истинности).

Четвертая характеристика — в ситуациях становления новой культуры или решения социальных задач, а также ситуациях кризиса и становления личности мышление — это новый опыт жизни (хозяйственный, религиозный, эзотерический), конституирование новой реальности, при этом мышление перестраивается. В ситуациях функционирования культуры и личности мышление работает как машина.

Современные способы решения задач предполагают и нормирование и в случае трудных задач преодоление сложившихся способов мышления (т. е. мышление как событие-встреча). Решение задачи Аристархом Самосским, вероятно, предполагало мышление, но это еще нужно показать.

(«Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач»), стоит обратиться к работам Г. П. Щедровицкого, Н. И. Непомнящей, В. В. Давыдова, Н. С. Пантинной, В. М. Розина, которые проводились в начале 1960-х гг. в «Институте дошкольного воспитания АПН РСФСР». В этих работах обсуждались проблемы развития и формирования в обучении мышления, причем мы последовательно отстаивали «концепцию формирования». Согласно этой концепции, именно обучение образует ядро интеллектуального развития ребенка. «Можно сказать, что функция обучения в системе общественного воспроизводства состоит в том, чтобы обеспечить формирование у индивидов деятельностей в соответствии с образцами, представленными в виде «живой», реально осуществляемой деятельности или же в виде знаковых средств и продуктов деятельности»*.

Обсуждение характера и последовательности содержаний, которые необходимо усвоить в обучении, показало, что искомая последовательность содержаний строится (проектируется) на основе трех групп знаний — одна фиксирует развитие мыслительных структур в *филогенезе* (т. е. в истории культуры, например, историческое развитие мышления в арифметике или геометрии; речь идет, конечно, о логической истории), другая — в *онтогенезе* (т. е. в том или ином типе обучения детей), третья группа знаний должна быть получена в *эксперименте*. Эксперимент должен строиться таким образом, чтобы в нем проверялись в качестве моделей именно те мыслительные структуры, которые выявлены в фило и онтогенезе (одновременно фактически обсуждались сами условия моделирования).

Теперь можно пояснить замысел и шаги работы Щедровицкого. В качестве объекта изучения он положил «способы решения» арифметических задач, трактуя их, что видно по схемам мышления (знания), которые использовали для изображения этих способов, как мыслительные процессы**. Первый шаг исследования представлял собой опытное (эмпирическое) выделение «косвенных», арифметических задач, вызывающих характерные для дошкольников и младших школьников затруд-

* Щедровицкий Г. П. Методологические замечания к педагогическому исследованию игры // Психология и педагогика игры дошкольника. М., 1966.

** Правда, стоит отметить, что способы деятельности, самостоятельно освоенные детьми и, как правило, не совпадающие с общественно фиксированными способами, не совсем укладываются в концепцию формирования.

нения (при этом Щедровицкий использовал и материал обсуждений этих типов задач в методической и психологической литературе) и описание этих затруднений. Детям предлагались прямые и косвенные арифметические задачи и анализировались их ответы.

Второй шаг должен был ответить на следующие два вопроса:

«1) что представляют собой те способы решения арифметических задач, которые применяют дети; в каких условиях и для решения каких задач они сформировались;

2) что представляют собой наши современные математические способы решения этих задач; в каких условиях и для решения каких задач они сформировались»*.

Способы, «которые применяют дети», — это онтогенетические образования, а «наши современные математические способы решения», очевидно, сформировались в филогенезе.

Следующим шагом исследования стало выделение трех типов, применяемых детьми способов решения арифметических задач, и постановка задачи теоретического описания (моделирования) их как процессов мышления; при этом была высказана гипотеза о генетической связи этих способов.

Четвертый шаг — собственно моделирование и исследование генезиса разных типов способов мышления: сначала счета и отсчета, потом предметной деятельности по преобразованию (объединение и разделение) совокупностей, затем структуры «предметно-заданной задачи».

За основу при построении изображений Щедровицкий берет схемы замещения, к которым он добавляет также схемы предметных преобразований и ряд других изображений (например, деление мыслительного пространства штриховой вертикальной линией, стрелки с вопросами и др.).

На построенных моделях Щедровицкий обсуждает как мыслительные действия ребенка при решении арифметических задач, так и возникающие при этом различные затруднения, в частности, почему он не понимает условия определенных типов задач.

Последний шаг исследования — постановка и проведение эксперимента (с методикой которого можно познакомиться в соответствующих статьях Щедровицкого и Якобсон).

Что же показали эксперименты? Во-первых, они подтвердили многие предположения, сформулированные на моделях. Во-

* Щедровицкий Г. Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач // О методе исследования мышления. С. 432.

вторых, обнаружили новые факты, требующие моделирования и даже возвращения снова к генезису способов деятельности и решения задач. В-третьих, позволили заново с новыми данными поставить вопрос о понимании и непонимании детьми условий разных типов задач. В-четвертых, дали возможность сформулировать ряд новых гипотез, требующих дальнейшего исследования*.

Продумаем данный тип исследования. Кое-что мы уже встречали в предыдущих типах исследования, а именно, во-первых, генетическую реконструкцию и схемы содержательно-генетической логики (пусть эта реконструкция проведена очень сжато, но она налицо, см. генезис счета и формирования арифметических задач), во-вторых, опять для анализа способов решения и разбиения задач на типы исследователь на себе воспроизводил решения задач и далее выкладывал свой опыт как факты.

Но есть и принципиальное новое. Конечно, это — эксперимент, причем явно галилеевского типа, но адаптированный к исследовательской задаче и детям. Действительно, вспомним фразу Щедровицкого: «Чтобы экспериментально проверить утверждения, сделанные в теоретическом движении относительно самих способов решения как таковых, *мы должны и в эмпирическом материале выделить только то, что относится к ним*; в противном случае эксперимент не даст ничего, кроме мистификации». Как можно понимать — «только то, что относится к ним» и как убедиться, что ответы детей на самом деле соответствуют выводам, сделанным на моделях?

Чтобы понять, как Щедровицкий отвечает на эти вопросы и строит эксперимент, сделаем небольшое отступление и рассмотрим эксперимент Галилея. Он тоже сначала утверждал, что заимствованная им от Николая Орема схема скоростей (прямоугольный треугольник, где один катет изображал время падения тела, а высоты, опущенные на этот катет — скорости тела) является моделью. Но оппоненты Галилея показали ему, что это не так (действительно, по оремовской схеме падение всегда должно быть равномерно ускоренным, а в реальности оно было то ускоренным, причем по-разному, то скорость падающего тела была не ускоренной, а постоянной). Тогда Галилей, спасая оремовскую схему, добавил к ней еще одну схему

* Щедровицкий Г. Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач // О методе исследования мышления. С. 479, 485.

(сопротивление среды, вызванное падающим телом) и показал в теоретическом рассуждении, что все случаи падения тела можно объяснить на основе этих двух схем. При этом ему пришлось утверждать, что первая схема описывает не реальное падение тел в воздухе (здесь оппоненты были правы), а некоторый идеализированный случай (падение тела в пустоте), когда среда отсутствует. Чтобы убедить своих критиков и одновременно самого себя в правильности всех этих размышлений и гипотез, Галилей путем *ряда манипуляций с падающим телом* (организации падения тела на наклонной плоскости, что существенно замедляло падение, полировки поверхности тела и наклонной плоскости) добивается того, что знания, полученные на схемах и при измерении параметров падающего тела, полностью совпадали. Тем самым Галилей доказал, что обе его схемы могут считаться моделями.

Спрашивается, за счет чего? А за счет того, что Галилей сопоставляет схемы и изучаемое им явление (падение тела), фиксирует несоответствие того и другого (кстати, с помощью второй схемы) и затем путем специальной организации и трансформации изучаемого явления добивается сходства схемы и идеализированного случая (падение тела в пустоте). Вернемся теперь к Щедровицкому.

Как он может добиться соответствия мышления детей при решении арифметических задач своим схемам, притом что и дети разные, и они прошли разное обучение? Если следовать Галилею, то нужно, во-первых, наложить схемы на эмпирический материал, во-вторых, выявить несоответствие наблюдений и знаний, полученных на схемах, в-третьих, так организовать и трансформировать изучаемое явление, чтобы получить нужное исследователю совпадение. Именно все это и делает Щедровицкий. Во-первых, он нащупывает, очерчивает само реальное изучаемое явление — мышление детей, сталкивающихся с затруднениями в ходе решения арифметических задач (этой цели служит опытное (эмпирическое) выделение вызывающих затруднение способов решения арифметических задач). Во-вторых, путем псевдогенетической реконструкции строит схемы. В-третьих и в-четвертых (эти шаги совмещены), так организует самих детей и их деятельность (разбивает на группы, проводит каждого ребенка через все типы задач, корректирует эту организацию после очередного анализа), что дети начинают себя вести в соответствии с построенными схемами; при этом Щедровицкий постоянно фиксирует совпадение и несовпадение с результатами, предсказанными на схемах. Тем самым он

может одни схемы считать моделями мыслительных действий, а другие — только схемами.

Можно ли данное исследование считать и конституирующим? Только частично. В целом Щедровицкий остается в поле предварительно принятых им принципов содержательно-генетической логики (схемы замещения, идеи усвоения и формирования и другие)*. Тем не менее Щедровицкий вынужден обсуждать несвойственные ему темы: самостоятельного изобретения детьми способов деятельности, индивидуальных различий в деятельности и мышлении детей, проблемы понимания и ряд других.

Мы рассмотрели здесь четыре основные типа исследований, в которых выдвигались и проверялись различные гипотезы о строении мышления. В принципе, этих исследований было больше, они различались разным соотношением ведущих начал: философский или методологический дискурс, эмпирический материал (факты), опыт мышления исследователя и др.** Однако все эти исследования строились в рамках идей первой программы ММК. В те годы Щедровицкий был уверен, что «синяя птица» им почти схвачена. Для нас же выделение этих типов исследования важно потому, что именно в них, с одной стороны, были получены самые первые характеристики мышления, но с другой — тем не менее оказалось, что реализация данной программы исследования мышления выводит исследователей к другой реальности.

От теории мышления к теории деятельности

В середине 1960-х гг., задача построения науки о мышлении Щедровицким на время отставляется в сторону и ставится новая — построения «теории деятельности». При этом казалось, что поскольку мышление — это один из видов деятельности, то создание такой теории автоматически позволит описать и законы мышления. Правда, выяснилось, пишет Щедровицкий в

* На самом деле помимо представлений содержательно-генетической логики в этом исследовании использовались представления теории деятельности, которая в это время складывается. Но схем теории деятельности здесь нет, кроме того, наличие в тексте деятельностных представлений ничего не меняет в наших выводах. Нужно учитывать, что многие исследования в ММК велись годами и их оформление завершалось уже в другой период развития методологической мысли.

** Розин В. М. Научные исследования и схемы в ММК (в печати).

1987 г., «что анализ деятельности ведет совсем в другом направлении и сам может рассматриваться как ортогональный к анализу мышления и знаний»*.

Почему в качестве реальности берется деятельность? Здесь было несколько обстоятельств. Первое можно назвать *эпистемологическим*. Прежде всего сказалась неудача с попытками представить мышление как процесс. Но эта неудача одновременно обернулась важным приобретением: с одной стороны, стали понятны некоторые детерминанты мышления, а именно роль *средств, задачи, процедур, объекта*, с другой — проведенное исследование позволило сменить категорию (не процесс, а структура). К выдвижению на первый план деятельности вел и анализ механизмов мышления и развития знаний.

Но было еще одно обстоятельство, задававшее новую ситуацию. В этот период в стране наблюдается расцвет проектирования в самых разных областях хозяйственно-экономической деятельности. Не стало дело и за осознанием этой новой практики. Именно в середине 1960-х гг. в Институте технической эстетики проходили семинары методологов (В. Л. Глазычев, Г. П. Щедровицкий, О. И. Генисаретский, А. Г. Раппопорт, Б. В. Сазонов, В. М. Розин и др.) и велись исследования, направленные на анализ особенности архитектурного, градостроительного и дизайнерского проектирования. При этом стали говорить о проектировании как таковом, которое рассматривалось, с одной стороны, как деятельность, с другой — как социальный институт. На базе всех этих обсуждений и исследований начинает складываться направление, получившее название «методологии проектирования».

Проектный подход оказал большое влияние на Щедровицкого, тем более что марксистское мироощущение предполагало какую-то сходную технологию. Проектирование и выглядело такой технологией; исследователи с методологической ориентацией думали, что на ее основе они могут реформировать существующие научные дисциплины и другие общественные практики.

Третье обстоятельство, существенно повлиявшее на смену представлений о реальности, можно назвать *мировоззренческим*. Дело в том, что участники ММК по отношению к себе и другим специалистам отстаивали активную марксистскую, нор-

* Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Там же. С. 282.

мативную позицию. На этом фоне происходит смена характера их деятельности. Г. П. Щедровицкий осуществляет методологическую экспансию в духе Выготского в нескольких областях: языкознании, педагогике, науковедении, дизайне, психологии. Те, кому удалось видеть эту работу, вероятно, запомнили блестящие выступления и доклады Щедровицкого во второй половине 1960-х и 70-е гг. Как правило, его выступления были построены по следующему сценарию. Анализировалась познавательная ситуация в соответствующей дисциплине. Подвергались острой критике подходы и способы мыслительной работы, характерные для этой дисциплины, и утверждалось, что она находится в глубоком кризисе. Затем предлагалась новая картина дисциплины и намечалась программа ее перестройки и дальнейшего развития.

При этом всегда осуществлялся методологический поворот: от предметной позиции Щедровицкий переходил к анализу мышления, деятельности, понятий, ситуаций и прочее. Например, от исследования психики, чем занимается психолог, к анализу того, как психолог мыслит и работает, какими понятиями пользуется, какие идеалы науки исповедует, какие задачи решает психологическая наука и что это такое и т. д. и т. п. Щедровицкий не только заставлял своих слушателей обсуждать несвойственные им разнородные реалии (процедуры мышления, понятия, идеалы, ценности, ситуации в дисциплине и прочее), но и предлагал новый синтез этих реалий, новое их понимание. В процессе анализа ситуаций в дисциплине и синтеза обсуждаемых реалий происходила реализация указанных выше ценностей и установок — исторического и деятельностного подхода, идеи развития, естественнонаучного идеала, социотехнического отношения к действительности и т. д. Иначе говоря, научный предмет заново задавался именно с опорой на эти ценности и установки.

Но почему, спрашивается, специалисты должны были следовать за Щедровицким, вместо своих объектов изучения переключаться на незнакомые им реалии, принимать предлагаемый синтез? Понятно, что одного обаяния Георгия Петровича здесь было недостаточно. Необходимо было подкрепить осуществляемую экспансию указанием на саму реальность. Однако посмотрим, какие к ней предъявлялись требования. Во-первых, новые представления о реальности должны были переключать сознание специалиста со своего предмета на рефлекссию его мышления и работы. Во-вторых, нужно было, чтобы эта новая реальность позволяла реализовать перечисленные ценности

и установки содержательно-генетической логики. В-третьих, склоняла к новому пониманию и синтезу всех этих реалий.

Если вспомнить, что мышление в содержательно-генетической логике уже было связано с деятельностью, что деятельность понималась еще со времен Выготского и Рубинштейна одновременно и как изучаемая реальность, и как деятельность исследователя и практика, преобразующего реальность, что после Гегеля и Фихте деятельность получила эпистемологическое истолкование (в ней порождались и феномены сознания, и понятия, и знания), то опознание (полагание) Щедровицким новой реальности как деятельности вряд ли может удивить. Постепенно деятельность стала пониматься как особая реальность, позволяющая, во-первых, развивать предметное мышление (в науке, инженерии, проектировании), во-вторых, законно переносить знания, полученные при изучении одних типов мышления, на другие типы мышления.

Как теперь должна была пониматься работа самого Щедровицкого и членов его семинара, ведь вместо исследования мышления они перешли к проектам развития научных предметов и дисциплин? Вот здесь и выходит на свет идея методологии как *программа исследования и перестройки деятельности* (включая мышление как частный случай деятельности). Именно на этом этапе, начиная со второй половины 1960-х гг., Щедровицкий идентифицирует себя уже как «методолога», а свою дисциплину называет методологией.

Объясняя в 1971 г. на лекциях, что такое методология, Щедровицкий говорит: «Методология как раз и возникает потому, что мы обращаем внимание на сами возможности действия и начинаем их формировать... Утверждается, что *существует особое, методологическое мышление*, которое движется не только в картинах объектов и протекающих в них процессов, но одновременно и во втором пространстве — *пространстве самой деятельности, соотнося друг с другом эти пространства и устанавливая между ними особые отношения*»*.

При таком понимании методологии получалось, что разработка и изучение деятельности одновременно должна решать и задачу разработки мышления, ведь реализация методологического мышления предполагает, по Щедровицкому также

* Щедровицкий Г. Знак и деятельность. М., 2005. С. 58.

анализ и контроль за процедурами методологического мышления. Итак, по этим двум соображениям (изучив деятельность, вернемся к изучению мышления, к тому же методологический подход во многом и есть разработка эффективного мышления) Щедровицкий на многие годы оставляет прямое изучение мышления.

И все же Щедровицкий колеблется, поскольку интуиция подсказывала ему, что, возможно, редукция мышления к деятельности неправомерна. В лекциях 1971 г. читаем: «Само мышление, хотя оно и является деятельностью, вместе с тем во многом *имманентно и независимо от законов деятельности*. На это обращали внимание еще Фихте и Шеллинг. Для них такая теоретическая деятельность, как мышление, обособлялась от практической деятельности и от техники. Из этого следует, что мы должны ориентироваться на возможности и законы мышления как такового, как особого вида человеческой активности. Если мы рассматриваем мышление как деятельность, то, следовательно, надо говорить о мышлении как об особом виде деятельности, со своими особыми закономерностями»*.

Эти сомнения не покидали Щедровицкого никогда. В конце концов они разрешаются в мысли, что мышление — не деятельность («мышление есть мышление», — объяснял Щедровицкий на лекциях), а также, что методологический подход не означает автоматическую разработку теории мышления. В начале 1990-х гг. он признает, что деятельность — это, оказывается, еще не вся реальность, например, важную роль в формировании последней играют процессы коммуникации; что мышление так и не было проанализировано, наконец, что методолог не может сам подобно демиургу создавать новые виды деятельности; требуется разворачивать организационно-деятельностные игры, которые представляют собой «средство деструктурирования предметных форм и способ выращивания новых форм организации коллективной мыследеятельности».

«С этой точки зрения, — пишет Щедровицкий в одной из своих последних работ, — сами выражения “деятельность” и “действие”, если оставить в стороне определение их через схемы воспроизводства, выступают как выражения чрезвычайно сильных идеализаций, чрезмерных редукций и упрощений, ко-

* Щедровицкий Г. Знак и деятельность. М., 2005. С. 54–55.

торым в реальности могут соответствовать только крайне редкие искусственно созданные и экзотические случаи. В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией. Отсюда и само выражение “мыследеятельность”, которое больше соответствует реальности и поэтому должно заменить и вытеснить выражение “деятельность” как при исследованиях, так и в практической организации»*.

При этом Щедровицкий не отказывается от своей исходной программы: необходимо исследование (теперь не только мышления и деятельности, но и мыследеятельности) и практическая организация их, причем на основе соответствующих теорий. «Развитая таким образом методология, — пишет он, — будет включать в себя образцы всех форм, способов и стилей мышления — методические, конструктивно-технические, научные, организационно-управленческие, исторические и т. д.; она будет свободно использовать знания всех типов и видов, но базироваться в первую очередь на *специальном комплексе методологических дисциплин — теории мыследеятельности, теории мышления, теории деятельности, семиотике, теории знания, теории коммуникаций и взаимопонимания*»**.

Как, спрашивается, можно соединить эти два понимания мышления: как самостоятельной реальности, необходимого условия деятельности наряду с коммуникацией, и как составляющей методологии, развертывание которой должно давать теорию мышления и другие методологические теории?

В рамках концепции мыследеятельности Щедровицкий снова возвращается к вопросу о том, как нужно исследовать мышление и что это такое. Дело в том, что эта концепция задавала новую рамку для изучения мышления, указывала новый его контекст. В частности, Щедровицкий высказывает предположение, что тайну мышления нужно искать в нормировании рассуждений и дискурсивных способах получения знаний, начало которым положил Аристотель. Хотя мышление в концепции мыследеятельности задавалось как подсистема мыследеятельности, Щедровицкий признает за мышлением определенную автономность, самостоятельность. В отличие от других поясов

* Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Избранные труды. М., 1995. С. 297–298.

** Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейтельного подходов // Там же. С. 152–153.

мыследеятельности пояс чистого мышления, писал он, «имеет свои строгие правила образования и преобразования единиц выражения и законы, причем достаточно монизированные; это все то, что Аристотель называл словом “логос”...»*. Мои исследования мышления как культурно-исторического феномена, относящиеся к 1980–1990 гг., предположение Щедровицкого полностью подтвердили**. Таким образом, для меня встала следующая задача: понять связь исследований мышления, которые велись в ММК в рамках программы изучения мышления, деятельности и мыследеятельности, с изучением мышления как культурно-исторического феномена.

* Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание. С. 133.

** См.: Розин В. М. Методология: предпосылки, становление, современное состояние. М., 2006; Мышление и творчество. М., 2006.

В. Я. Дубровский

**Онтология деятельности
Г. П. Щедровицкого**

1. Введение

Эту статью следует рассматривать в широком контексте работы по интеграции системодетельностной методологии в философскую культуру. С моей точки зрения, для этого необходима разработка систематического введения системодетельностной методологии для неметодологов. Эта статья преследует более скромную цель — систематическое введение онтологии деятельности. Систематизация здесь достигается за счет представления развертывания методологического мышления как становления методологической рефлексии. Поскольку в процессе такого становления понятия должны систематически меняться, возникающие кажущиеся противоречия, которые будут специально оговариваться, не должны смущать читателя. В статье будут излагаться только взгляды Г. П. Щедровицкого, естественно, в моем понимании. Выражение своей собственной точки зрения я постараюсь свести к минимуму, ограничившись замечаниями в сносках и только в случаях, представляющихся мне необходимыми.

*1.1. Социокультурный контекст
разработки онтологии деятельности*

Онтология деятельности Г. П. Щедровицкого разрабатывалась в контексте проблемной социокультурной ситуации, сложившейся к середине XX в.

С одной стороны, была осознанна назревшая необходимость социально-кооперативной организации и интеграции различных сфер деятельности (различных наук, инженерии, проектирования, управления и др.). С другой стороны, всеобщее целостное мировоззрение и представляющая его единая картина мира, которые могли бы служить основанием такой интеграции, отсутствовали, а традиционные философия и наука оказались неспособными их построить [12. С. 381–408]. Задачу их разработки взяла на себя методология — новый, более развитый тип мышления, снимающий науку и философию, в их функции интеграции мышления и деятельности [12. С. 409; 30. С. 548–550]. Методологический тип мышления является *философским* по сути*, *научным* по методу и способу представления мира**, и *практическим* по принципиальной ценностной установке***.

Именно ценностной принцип практики явился определяющим для переосмысления философии и науки и интеграции их в рамках *подхода* как особого методологического типа организации мышления, который характеризуют: направленность не на объект, а на собственную деятельность; не предметная ограниченность науки, а универсальный охват всей человеческой деятельности и мышления; философская ценностная установка не на познание, а на проектирование, планирование и программирование; не описание прошлого, а предписание на будущее; критерий не *истинности* как соответствия знания объекту, а *реализуемости* как соответствия объекта проекту и деятельности предписанию [24. С. 95].

* Г. П. Щедровицкий характеризовал методологию как особый тип философствования. Себя он всегда считал философом [29. С. 1, 19]. Целью ММК он считал подготовку «суперфилософов» [30. С. 589–590]. В одном из своих выступлений он говорит: «Я философ. Я осуществляю философскую работу: внутри философии формирую особое направление — методологию».

** «...Философия всегда стремилась построить единую картину мира... Но меня не устраивает способ и метод, какими она решала эту проблему» [12. С. 403–404]. «...Она делала это не научным образом, не в форме мышления и порождаемых им знаний, а в форме понимания и порождаемых им смыслов, и это обстоятельство предопределяло и ограничивало возможности последующего использования подобных синтезирующих картин мира в самой науке и инженерии...» [12. С. 407].

*** «...Суть дела не только и не столько в том, чтобы знать, сколько в том, чтобы освоить и овладеть» [12. С. 407].

1.2. Стадии становления методологической рефлексии

Снимая философское мышление, методология сохраняет его сущность — *мышление о мышлении о мире** (схема 1 изображает эту сущность в виде «самомыслящего мышления» Аристотеля). Другими словами, можно сказать, что сущностью философского, а следовательно, и методологического мышления является *рефлексия***. Отличительной чертой методологической

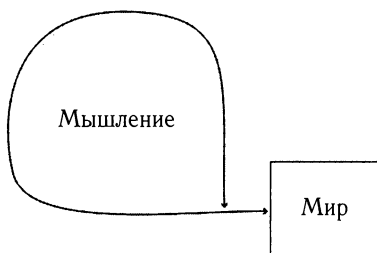

Схема 1. Сущность философии — мышление о мышлении о мире («улитка»***)

* Хотя я уверен, что Г. П. Щедровицкий с этим моим определением философии согласился бы, он, естественно, ответственности за него не несет. «Наиболее короткое и вполне хорошее определение философии как мышления о мышлении» предложенное R. W. Hebrurn [12. С. 666] упускает важнейшую составляющую философии — *мир*. Г. П. Щедровицкий всегда возражал против упущения мира в определении философии: «Так возникла оппозиция, которая, как я теперь понимаю, проходит через всю мою жизнь. Тезис: функция философии — описание мышления, а не мира в трактовке Ильенкова—Коровикова, и мое представление — описание мышления и тем самым мира. Причем для себя я это объяснил так: что значит описать мышление? Описать мышление с учетом его содержания, а иначе нельзя описать мышление вроде бы, говорю я, хотя очень осторожно, но это и значит описать весь мыслимый мир. И поэтому описание мышления неизбежно, хочет того или не хочет тот или иной исследователь, превращается в описание мира, и мышление вообще только тогда можно фиксировать и описывать, когда мышление берется в богатстве его разнообразного содержания и, следовательно, в его объективности» (Лекции в Латвийском университете «История Московского Методологического Кружка и системомыследеятельностной методологии», 18 февраля 1988 года).

** «Но, как бы мы не представляли себе рефлексии, сейчас мы хорошо знаем, что она составляет сущность методологического мышления и методологии» [12. С. 411].

*** Этим названием я обязан аспирантам факультета психологического консультирования МГППУ.

рефлексии является ее «проективность» — *практическая направленность на предстоящие мышление и деятельность**.

В своем *становлении*, или онтогенезе, методологическая рефлексия должна была воспроизвести основные стадии филогенеза философской рефлексии. На первой стадии *полагается реальное существования мира*** и конструируется онтологическая картина, представляющая мир как таковой, независимый от мышления*** (Схема 2). В методологии таким представлением является онтологическая картина человеческой деятельности.

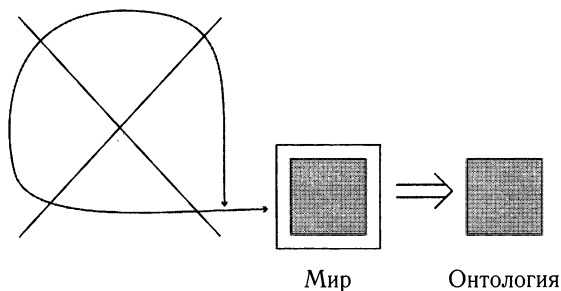

Схема 2. Метафизическое полагание реальности мира, не зависящего от мышления

* «Методология, как я уже сказал, это прежде всего рефлексия, рефлексия по поводу собственной деятельности, отчасти по поводу уже совершенной, но в большей мере — по поводу той, которая еще только предстоит. Во всяком случае, она ориентирована на предстоящую деятельность и должна создать ее проект, план или программу» [12. С. 412].

** В основе всякой онтологии лежит «очень важный методологический принцип» — «фундаментальное допущение, или предположение, что мир существует реально...» [30. С. 556]. «Когда мы полагаем, мы уничтожаем рефлексия, мы нивелируем различие рефлексивного и непосредственного. Полагая, мы свертываем всю нашу мыслительную работу и даем ей, как говорил Маркс, превращенную форму существования в виде схемы объекта... Мы здесь переходим от процесса в метафизику, а метафизика... закрепляет мир. Это ведь есть ответ на вопрос, каков мир» (История становления представлений об организационно-технической (социотехнической) системе в ММК, доклад 25.8.1982).

*** «...Я таким образом как бы присваиваю себе прерогативу и функцию Господа Бога: я вижу мир таким, каков он на самом деле и в сущности своей» [29. С. 15].

На второй стадии само мышление рефлексивно погружается в мир, интерпретируясь в категориях онтологической картины* (Схема 3).

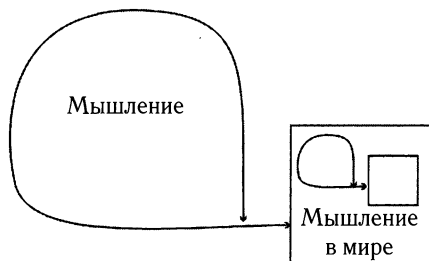

Схема 3. Рефлексивное погружение мышления в мир

На третьей стадии мир рефлексивно погружается в мышление и онтологическая картина интерпретируется теперь как понятийная конструкция**, как правило, требующая дальнейшего развертывания (Схема 4).

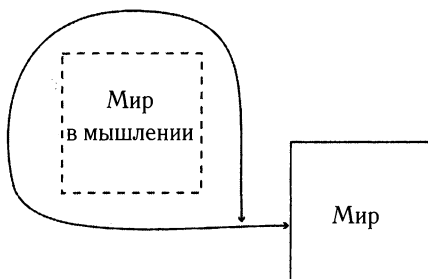

Схема 4. Рефлексивное погружение мира в мышление

* «Таким образом, сложилась установка на выделение мышления как объекта этой самой пресловутой науки логики, и надо было это мышление положить как объект в мир. Именно в мир, я здесь не ошибаюсь. Я сознательно говорю это, и это принципиальный момоент... «Поэтому надо было это мышление как объект сконструировать, задать его онтологическую картину и положить в мир онтологии. Для меня это означает, что надо было этот объект положить в деятельность, в мир деятельности» [29. С. 17].

** Погружение мира в «субстанцию» мышления «влечет за собой другую концепцию мира... Мир есть то, что мы мыслим, а не то, что реально» [29. С. 13].

На четвертой, завершающей стадии становления, мышление *рефлексивно замыкается* путем различных *отождествлений*. В методологии — это взаимные отождествления деятельности, мышления в деятельности, деятельности в мышлении и самой саморефлексии мышления, в результате чего образуется единая «оуклненная» действительность методологии* (Схема 5). Таким образом, деятельность оказывается и тем, что познается, и тем, что проектируется, и тем, что организуется**. Оформившись, рефлексивное замыкание создает *пространство переходов* между различными *рефлексивными уровнями* мышления, позволяя использовать рефлексия не только как средство организации мышления и деятельности, но и как механизм их развития***.

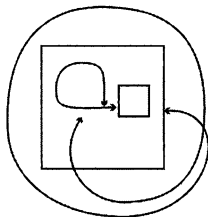

Схема 5. Рефлексивное замыкание методологического мышления

* «Здесь происходит одновременно замыкание и расширение методологической деятельности, расширение от методологии к деятельности вообще, замыкание деятельности вообще методологической деятельностью. Методологическая деятельность оказывается и объемлющей деятельностью вообще и включенной внутрь ее. Практически это означает, что происходит взаимоотождествление... методологии и деятельности, что создает методологическую деятельность как замкнутое целое деятельности» [12. С. 412].

** «Таким образом, методология познает и проектирует саму себя и таким образом осуществляется как деятельность... Поэтому я бы сказал, что методология — это особый способ связи рефлектируемой и рефлектирующей деятельности, это особая форма организации и того и другого, а вместе с тем особая форма организации деятельности вообще» [12. С. 412—413].

*** Следует отметить, что хотя хронологически методологические разработки не укладывались в четкую последовательность стадий рефлексивного становления, необходимость этих стадий с самого начала понималась в ММК. Об этом свидетельствуют прежде всего обсуждения проблем и программ. Например, *проблема* погружения мышления в онтологию обсуждалась с самого начала ММК, хотя решена она была лишь в период ОДИ [16, 21, 22]. Для меня это означает, что псевдогенетическая реконструкция истории системо-

1.3. Научный метод в методологии

Итак методология, снимая философию, остается, по сути, философским мышлением — особым типом философствования. Методология также снимает науку, сохраняя научный метод, но уже как метод философствования. В отличие от науки в методологии научный метод применяется вне рамок отдельных научно-теоретических предметов*, т. е. под контролем не предметных парадигм, а общеметодологических принципов, и тем самым приобретает универсальный характер [25. С. 451–454].

Согласно Г. П. Щедровицкому, научный метод включает четыре этапа: (1) нисхождение от эмпирически конкретного к эмпирически абстрактному, (2) переход от эмпирически абстрактного к логически абстрактному, (3) восхождение от логически абстрактного к логически конкретному и (4) соотнесение логически конкретного с эмпирически конкретным** (Схема 6). Научному методу

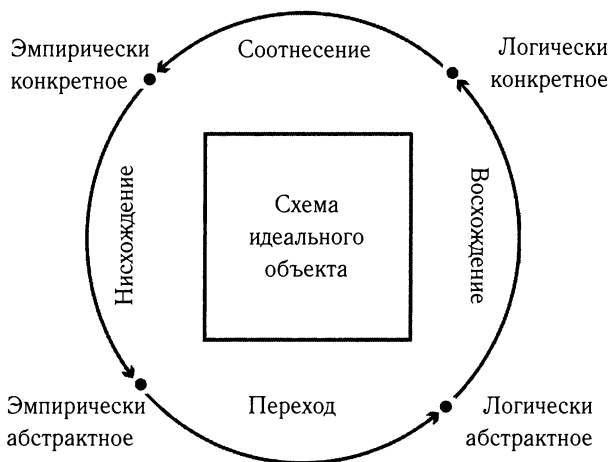

Схема 6. Сущность научного метода по Г. П. Щедровицкому

деятельностной методологии на основе схемы рефлексивного становления соответствует ее реальной истории, а сама схема становления может служить логической основой для систематического введения методологических понятий.

* Описание структуры научного предмета см. [14. С. 245–249; 24. С. 104–105].

** «Совокупность всех суждений и умозаключений, с помощью которых мы, начиная с чувственно конкретного, переходим к чувственно абстрактному, затем к логически абстрактному и в конце концов вновь восходим к логически конкретному, — весь этот процесс, рассматриваемый как результат

соответствует представлению объекта мысли как идеального объекта, выраженного в схематической знаковой форме*.

1.4. Деятельностный подход и методологическая организация мышления

Г. П. Щедровицкий вводит понятие деятельностного подхода через противопоставление его натуралистическому подходу. Важнейшим в этом противопоставлении является отношение этих подходов к объекту, заданному в онтологии. Натуралистический подход сфокусирован на объекте, противостоящем мышлению и деятельности и не зависящем от них и, следовательно, доступном лишь для созерцания, познания и приспособления.

Важнейшей отличительной чертой деятельностного подхода является *прожективность* — практическая направленность на *предстоящие* мышление и деятельность, а также рассмотрение объекта деятельности как объекта проектирования, преобразования и управления. Непосредственным следствием прожективности является то, что основным объектом в деятельностном подходе становится сами мышление и деятельность.

Таким образом, в противоположность натурализму, деятельностный подход сфокусирован не на противопоставленном деятельности и мышлению объекте с установкой не познание последнего, а рефлексивно сфокусирован на самом себе с практической установкой на преобразование и развитие средств, методов и организации собственного мышления и деятельности**. Так, ориентированная саморефлексия и есть то,

научного исследования, представляет собою современное понятие... Процесс нисхождения от чувственно-конкретного к логически абстрактному и восхождения от логически абстрактного к логически конкретному составляет основу современного научного мышления» [6. С. 37, см. также с. 50]. Щедровицкий рассматривал эксперимент как способ соотнесения логически конкретного — идеального объекта с эмпирическим материалом. В методологии эту функцию выполняет практика реализации проекта деятельности.

* «...Научное исследование (и этим оно в первую очередь отличается от всех других видов анализа) требует в качестве своего неперменного условия и предпосылки выделение из общего «смыслового облака» понимающей и мыслительной работы идеальных объектов мысли и фиксации их в материале знаковых схем» [12. С. 281; 8. С. 248].

** Если натуралистический подход ориентирует нас в первую очередь на материал природы, в нем непосредственно видит разрешение затруднений и

что Г. П. Щедровицкий характеризовал как *методологическую организацию мышления*, определяющую подход, в отличие от предметно-теоретической организации, характерной для естественных наук.

Поскольку деятельностный подход неразрывно связан с методологией, Щедровицкий противопоставляет его не тем или иным научно-теоретическим предметам, а натуралистическому подходу в целом*. В рамках деятельностного подхода онтологическая картина является представлением мира как данного только на первой и второй стадиях становления методологической рефлексии (Схемы 2 и 3), а начиная с третьей стадии (Схема 4), рассматривается как *функциональное место* в структуре самого подхода**. В деятельностном подходе это функциональное место каждый раз *временно* заполняется таким рефлексивным представлением самих мышления и деятельности, которое *дополняя* подход, обеспечивает его конкретное применение***.

парадоксов современной науки, то деятельностный подход, напротив, ориентирует нас в первую очередь на средства, методы и структуры нашей собственной мыследеятельности, и в их перестройке и развитии видит он путь дальнейшего совершенствования самой науки. В этом главная идея деятельностного подхода и в этом его отличие от натуралистического подхода.

* «...Главный принцип, который реально разделяет нас сейчас в нашей работе, это уже не различия в научно-предметных представлениях, а *методологические различия в подходах*, которые мы принимаем, организуя свою работу, *различия в способах онтологического видения и представления мира, различия в средствах и методах нашей мыслительной работы, оформляемые часто как различия в “логиках” нашего мышления*» [32. С. 143]. Двумя другими подходами, которым противопоставляется деятельностный подход, являются *феноменологический* [10. С. 38] и *теологический* [30. С. 550—551]. Особое внимание, уделяемое натуралистическому подходу, объясняется тем, что из него методология заимствует научный метод.

** Я бы уточнил это положение Щедровицкого в соответствии со схемой «улитки» (схема 1), согласно которой онтология является не функциональным местом, а наполнением функционального места мира. Место мира закреплено структурой улитки, в то время как его онтологическое наполнение может меняться.

*** «С одной стороны есть действия, операции, которые должны быть организованы, они организуются в принципах, выражающих способы и подходы, а с другой — есть онтологические картины, или просто онтологии. Подходы, с одной стороны, и онтологические картины с другой, — это как бы две плоскости одного пространства, организующего нашу деятельность» [25. С. 456—457].

1.5. Два понятия системы

Вместо того чтобы непосредственно приступить к реализации первой стадии становления методологической рефлексии — к построению исходной онтологической картины деятельности, мы *вынуждены* прежде рассмотреть формально-категориальный конструктор, позволяющий это построение.

Как известно, основными конструктивными средствами онтологии являются *категории*. Наиболее общие естественнонаучные категории — вещи, свойства, отношения, процессы и др., показали свою неадекватность в применении к деятельности, породив целый ряд проблем и парадоксов [14. С. 239–242]. Вместо этих категорий Г. П. Щедровицкий предложил рассматривать деятельность как *систему* и использовать системные категории «единства», «элементов», «структуры» и др.

Очевидно, что в деятельностном подходе «система» понимается иначе, чем в натуралистическом. Естественные науки рассматривают системы как особые натуральные объекты. Ученые верят, что они изучают реальные системы* (Схема 7) — физические, химические, биологические, психологические, социологические и т. д. Напротив, методология отрицает реальное существование систем. Методологию прежде всего интересуют

* Как известно, более полувека тому назад биолог Людвиг фон Берталанфи предложил новую дисциплину — *Общую Теорию Систем* (ОТС), целью которой провозглашалось объединение науки. ОТС возникла как оппозиция редукционизму, в предположении что биологическая, психологическая и социологическая онтологические картины не сводимы ни к физической ни к друг другу потому, что они представляют системы, принадлежащие разным «уровням» реальности как таковой [34. С. 49, 55], и что это многоуровневое представление есть истинная «модель мира как универсальной организации» [34. С. 48–49]. Сторонники ОТС верят, что природа является иерархией систем с вселенной на вершине иерархии и элементарными частицами в ее основании. Поскольку объекты всех этих уровней суть системы, то объединение наук предполагалось достичь за счет развития общесистемного языка и выявления «изоморфизмов», или структурных характеристик, общих для «систем вообще», «какова бы ни была природа составляющих их элементов и отношений или сил их объединяющих» [34. С. 32]. Хотя успех ОТС в целом все еще дискутируется, фактом остается то, что в течение полувека ни один общесистемный изоморфизм так и не был сформулирован (Tom Mandel, E-mail to ISSS SIG Chairs, February 10, 2000). Следует отметить, что помимо ОТС в рамках системного движения существуют и другие направления, например Soft System Methodology [35] и Critical System Thinking [37], которые развиваются вне рамок натуралистического подхода.

средства, методы и процедуры мышления, результатом применения которых и является системное представление сложного объекта*. Иными словами, для методолога система — это не объект, а прежде всего *способ решения проблемы сложности*, включающий *метод системного анализа* и соответствующие ему *системные представления* сложного объекта.

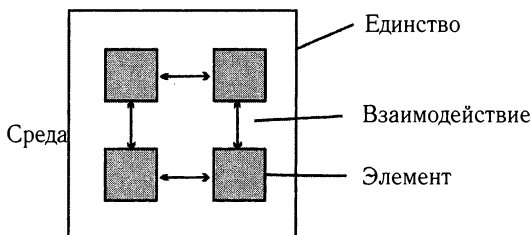

Схема 7. Натуралистическая онтологическая схема системы

1.5.1. Первое понятие системы

Г. П. Щедровицкий выявил три группы взаимосвязанных процедур, лежащих в основе системного анализа и соответствующих системным представлениям [14. С. 249–254; 25. С. 301–319].

Первая группа включает процедуры *разложения* объекта на части и обратную процедуру *соединения* частей в целое. Еще Платон в «Кратиле» выделял два типа разложения / соединения и, соответственно, два типа частей — *единицы* и *элементы* (термины Л. С. Выготского). Единицы обладают тем же качеством, что и целое, в отличие от элементов, которые таким качеством не обладают. Например, если в химии единством является вещество, то единицами являются молекулы, а элементами атомы.

* «Когда сейчас характеризуют “систему” (будь то содержание понятия или объект), то говорят обычно, что это сложное единство, в котором могут быть выделены составные части — элементы, а также схема связей, или отношений, между элементами — структура. За этим определением мы как бы непосредственно видим объект, составленный из элементов и связей между ними; то, что мы видим, и есть онтологическая картина системного подхода. Но сама онтологическая картина, как мы уже видели выше, снимает, “свертывает в себе” все процедуры и способы оперирования, которые мы применяем к различным знаковым элементам научных предметов, воспроизводящих объекты в виде систем. И именно они должны быть раскрыты, если мы хотим определить категории системного подхода» [14. С. 249].

Вторая группа процедур *конфигурирования* включает *измерение* разнородных характеристик сложного объекта и составляющих его частей и последующую обратную процедуру — *выведение* характеристик целого из характеристик его частей и их соотношений.

Третья группа процедур включает мысленное *погружение* элемента или структуры в структуру целого и обратную процедуру *извлечения* элемента или структуры из этого целого. Эти процедуры порождают различие в элементе *структурного места* и *наполнения*. Структурное место элемента определяется набором структурных связей, замыкающихся на данном элементе. Наполнением может служить любой предмет, который может выполнять функции, соответствующие связям места (Схема 8). Примером места может служить должность в организационной структуре, на которую объявляется конкурс, а наполнением — прошедший по конкурсу специалист, который теперь занимает эту должность, выполняя функции по отношению к другим должностям.

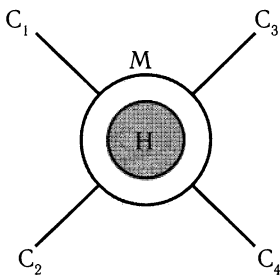

Схема 8. Элемент, состоящий из места (М) и наполнения (Н)

Согласно Г. П. Щедровицкому, основанный на этих трех процедурах *метод системного анализа* включает четыре стадии: (1) задание объекта как целого, (2) разложение объекта на части-элементы, (3) соединение частей-элементов, с помощью связей, и (4) вложение структуры с элементами в целое-единство [28. С. 198]*. Причем основная трудность системного анализа

* Г. П. Щедровицкий вводил также пятую стадию — «организацию связей в единую структуру», следующую за соединением частей с помощью связей [25. С. 317]. Это означает, что на предыдущей стадии части соединялись поочередно с помощью отдельных связей, которые теперь предлагается ор-

состоит в разложении сложного объекта на *такие части* и введение *таких связей*, чтобы свойства целого можно было вывести из свойств частей [25. С. 305]. Описанному методу системного анализа соответствует *схема системы* как *знаковой формы* представления сложного объекта. Связка метода системного анализа и структурной схемы системы — *моноструктуры* образует *первое понятие системы* (Схема 9).

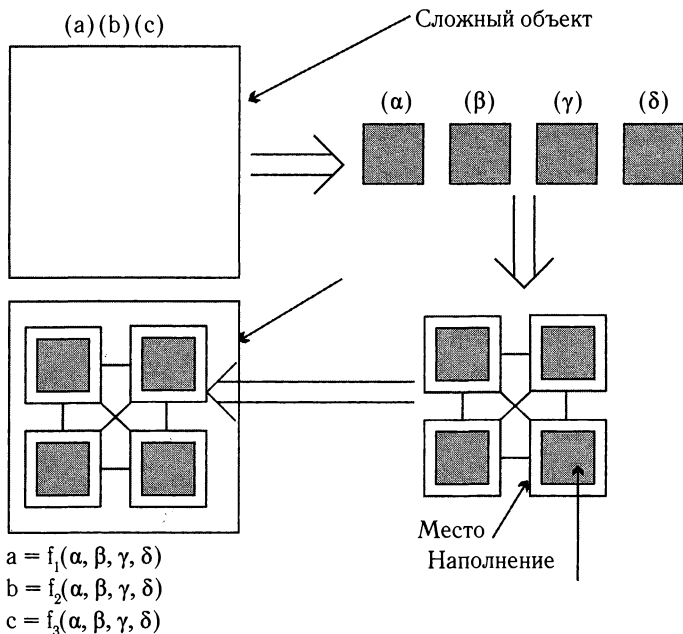

Схема 9. Первое понятие системы по Г. П. Щедровицкому*

ганизовать в единую структуру. Я возражаю против введения этой стадии на следующих основаниях. Во-первых, ни одна из трех описанных Щедровицким групп системных процедур не обеспечивает этой стадии. Во-вторых, невозможно собрать структуру из частей поочередно, используя отдельные связи. Структурная химия, на которую Щедровицкий всегда ссылаясь, вводя понятие связи, рассматривает отдельные связи только в контексте уже имеющейся структуры вещества — законченной конфигурации связей и элементов. При таком понимании структуры пятая стадия оказывается ненужной. В логическом плане это означает, что понятие структуры снимает понятие связи. Или иначе, понятие связи более не является самостоятельным понятием, оно становится моментом понятия структуры.

* Эта схема отличается от соответствующей схемы Щедровицкого различием места и наполнения, которое эксплицитно содержится в соответ-

1.5.2. Второе понятие системы

Согласно Г. П. Щедровицкому, главным недостатком первого понятия системы — моноструктуры, является то, что оно не учитывает должным образом *процессы*, а следовательно, его *недостаточно*, чтобы решить «главную задачу системного анализа» [14. С. 253] и «главную проблему, которая вызывает больше всего затруднений» [14. С. 255], — задачу формального *соотнесения сложного процесса с материалом сложного объекта**. Очевидно, такое соотнесение необходимо для представления деятельности как системы.

Решение этой проблемы, было получено на основании анализа мыслительной деятельности системного проектирования и последующей *возвратно-рефлексивного применения* полученных результатов к системно-структурной методологии [3]. Идея решения проблемы сложного соотнесения состоит в следующем. Между исходно противопоставленными сложным процессом — *процессуальной структурой* и неструктурированным *материалом* сложного объекта вводятся два промежуточных системных «слоя»**. Первым промежуточным слоем является *функциональная структура* — «отражение материала на процессе», или «статически схваченный» процесс» [25. С. 363–364]. Вторым промежуточным слоем, является организованность материала, или *морфология* — «отражение процесса на материале» [25. С. 364]. Представление системы в виде четырех структурных *слоев*, или «четырехслойки» Г. П. Щедровицкий характеризовал как «полиструктурную систему» или «второе понятие системы» [14. С. 257]. Он разработал метод *полиструктурного системного анализа*, который снимает традиционный «плоский» системный анализ в качестве своего *момента* [14. С. 257–263]. В результате по-

ствующих текстах и необходимо для соотнесения метода с третьей группой процедур «погружения / извлечения».

* В зависимости от направленности эта проблема формулируется либо как: «проблема механизма» — определение материальной организации объекта, соответствующей заданному сложному процессу, либо как «проблемы поведения» — определение репертуара поведения, соответствующего данному материальному устройству сложного объекта [14. С. 254; 25. С. 319–321].

** «Именно процесс и материал создают то *исходное противопоставление*, на основе которого и вокруг которого строится затем системный анализ и создаются его основные категории» [14. С. 255].

листруктурного анализа должно быть получено представление сложного объекта в виде системы, состоящей из четырех *соотнесенных между собою* структур — процессуальной, функциональной, морфологической и материальной, [25. С. 358–364; 28. С. 202–204] (Схема 10)*.

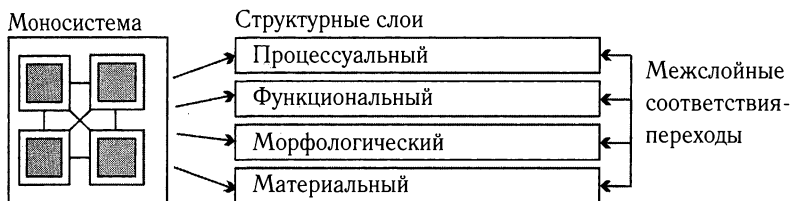

Схема 10. Второе понятие системы по Г. П. Щедровицкому

Г. П. Щедровицкий отмечает чрезвычайно важное различие между двумя понятиями системы — в то время как первое понятие системы отражает лишь наши собственные процедуры, второе понятие системы отражает также и сам объект [25. С. 363]. Действительно, категории моноструктуры — единство, элемент, структура, место, наполнение и другие являются чисто *формальными* категориями, представляющими концептуально предметную фиксацию системных процедур разложения / соединения, измерения / вывода и погружения / извлечения. В то же время содержательные категории полиструктуры — процесс, функция, морфология, материал и другие представляют сам объект и его характеристики как системно организованное *содержание*.

1.5.3. Понятие системодейтельностного подхода

Организованные в соответствии с системными принципами средства, методы и процедуры полиструктурного системного анализа и соответствующие способы знакового представления сложных объектов, а также программа дальнейших разработок

* Позднее Г. П. Щедровицкий ввел пятый слой, на основании все того же, на мой взгляд, ошибочного, понятия «структуры связей», заметив, что в будущем кто-нибудь введет и другие структурные слои. С моей точки зрения, по самой процедуре введения слоев — противопоставление процесса и материала, а затем их проекции друг на друга — более четырех структурных представлений системы быть не может.

свидетельствуют о методологической организации системного мышления, а следовательно, конституируют «системный подход». Напомню, что мы рассмотрели системный подход в связи с необходимостью разработки новых категориальных средств для построения онтологической картины деятельности. Но это означает, что для нас системный подход имеет смысл только в связи с деятельностным подходом. Общим объединяющим их фактором служит именно методологическая организация мышления, благодаря которой мы можем говорить о едином системодеятельностном подходе*. В системодеятельностном подходе, система является особой *формой* схематического представления деятельности, в то время как сама деятельность является *содержанием*, соразмерным системной форме.

Теперь, имея системные средства для схематического представления деятельности, мы, наконец, можем приступить к конструированию ее онтологической картины.

2. Конструирование онтологической схемы деятельности

Как упоминалось выше, на первой стадии становления методологической рефлексии *полагается* реальное существования мира** и конструируется онтологическая картина (Схема 2). Необходимость предварительного шага *полагания* существования мира *вне мышления* связана с тем обстоятельством, что философская рефлексия уже сформировалась и стала нормой. На заре древней философии необходимости в специальном *полагании* мира вне мышления не было, так как до Гераклита и Парменида древние натурфилософы, будучи наивными реалистами, как и нынешние ученые естественники, существование реального мира принимали как само собой разумеющееся [36. С. 20–21]. В «онтогенезе», или становлении методологического мышления, акт *полагания* существования мира вне мышления воз-

* «...Фактически соединяется три подхода: подход деятельностный, подход системный (на базе этого нового понятия системы) и идея методологической организации...» [17. С. 41].

** В основе всякой онтологии лежит «очень важный методологический принцип» — «фундаментальное допущение, или предположение, что мир существует реально...» [30. С. 556].

вращает мышлению его дорефлексивную непосредственность, открывая путь исходному *метафизическому* конструированию онтологической картины*. Поэтому эту стадию следовало бы характеризовать не как первую, а скорее как нулевую.

2.1. Конструирование абстрактной онтологической схемы деятельности

Согласно принципу научности системодетельностного подхода при конструировании онтологической картины** мы должны следовать четырехэтапному научному методу и в результате получить схематическое системное представление деятельности как идеального объекта (Схема 6).

На первом этапе мы должны схематизировать смысл имеющихся конкретных эмпирических описаний деятельности и получить ее первое эмпирически абстрактное представление. Если взглянуть на окружающий нас мир в деятельностной перспективе, то перед нами прежде всего предстает многообразие процессов человеческой деятельности, вовлекающей людей, вещи, знаки, знания, навыки, переживания и многое другое. Любой предмет или предметные конгломерации даны нам только через нашу деятельность — непосредственное задействование предметов, их восприятие, их осмысление, их переживание. Даже независимое от нашей деятельности и мышления существование предметов мы полагаем в специальном акте мыслительной деятельности. Смысл этих эмпирических утверждений может быть схематизирован в виде сформулированного Г. П. Щедровицким всеобщего онтологического принципа, выражающего идею деятельности: «Мир есть мир деятельности и мышления людей» [29. С. 7]; «Деятельность есть единственное исходно

* «Когда мы полагаем, мы уничтожаем рефлексивность, мы нивелируем различие рефлексивного и непосредственного. Полагая, мы свертываем всю нашу мыслительную работу и даем ей, как говорил Маркс, превращенную форму существования в виде схемы объекта... Мы здесь переходим от процесса в метафизику, а метафизика... закрепляет мир. Это ведь есть ответ на вопрос, каков мир» (История становления представлений об организационно-технической (социотехнической) системе в ММК, доклад 25.8.1982).

** «Мы называем онтологической картиной такое изображение объекта рассмотрения, которое в определенном процессе мышления рассматривается как сам объект, т. е. полагается точным и адекватным, абсолютно соответствующим самому объекту» [12. С. 364—365]. «Этим онтологическое представление объекта принципиально отличается от знания» [18. С. 497].

существующее» [10. С. 40]. Согласно этому принципу деятельность и есть то, что должно быть представлено в онтологической полиструктурной системной схеме.

Поскольку в деятельностной перспективе именно «процесс определяет лицо объекта и задает его целостность» [14. С. 254], «начинать всю работу по анализу систем следует... с определения и изображения тех процессов, которые задают специфику деятельности» [14. С. 257]. При этом, «если деятельность характеризуется не одним, а рядом процессов... то мы должны каким-то путем, пусть даже гипотетически, выделить... тот процесс, который может считаться основным и определяющим... и временно оставить все остальные процессы в стороне» [14. С. 257–258]. Представление деятельности через этот выделенный в качестве основного процесс и будет результатом нисхождения от эмпирически конкретного к эмпирически абстрактному.

Из множества эмпирически наблюдаемых процессов деятельности Г. П. Щедровицкий выделяет в качестве основного процесс *воспроизводства*: «Основным процессом, конституирующим саму деятельность как в качестве рамки существования для разных организованностей, так и в качестве объекта рассмотрения и исследования, является процесс воспроизводства. Он захватывает собой все, что существует в деятельности... В деятельность попадает все, что мы знаем — люди, машины, знаки, организации, взаимоотношения, сама природа. Именно процесс воспроизводства включает все это в деятельность и обеспечивает единство и целостность в рамках деятельности, в том числе и в историческом времени» [33. С. 118; см. также 14. С. 263–266]. И далее: «Единственная схема, через которую деятельность может быть задана — это схема воспроизводства деятельности» [30. С. 584]. Таким образом, в системных терминах процесс воспроизводства задает *единство* процессуальной структуры деятельности.

Выделив процесс воспроизводства в качестве конституирующего деятельность, Г. П. Щедровицкий формулирует основной принцип детерминации деятельности — *принцип нормативности* деятельности* — «всякая деятельность

* Ранние представления о воспроизводстве и трансляции не связывались с нормативностью деятельности. Например, считалось, что транслируются не нормы, а средства деятельности, к которым причислялись образцы и эталоны [7; 8]. Как впоследствии отмечал Г. П. Щедровицкий, «тогда мы еще не

есть реализация норм» [17. С. 38]. В соответствии с этим принципом он задает основной *механизм* воспроизводства, характеризуя его через связку «норма—реализация» — «одно из важнейших категориально-онтологических определений всех без исключения явлений нашего деятельностного мира» [33. С. 125; см. также 14. С. 245]. В процессуальном слое связка «норма—реализация» включает две онтологемы — *актуализацию*, или *очередное выполнение* деятельности, и *трансляцию*, или передачу нормы для задания очередной актуализации. Актуализация и трансляция происходят в *разных временах*. Действительно, в процессе актуализации норма деятельности реализуется не мгновенно, а постепенно, т. е. пошагово, развертываясь в *актуальном времени*. А сама норма передается целиком и *между* актуализациями, т. е. в *ином временном измерении* — *времени трансляции** (Схема 11).

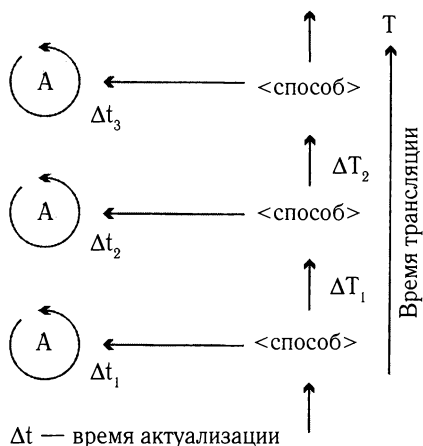

Схема 11. Актуализация и трансляция

очень отличали нормативный план от средственного, это дальше появилось» [17. С. 38].

* Введение актуального времени и времени трансляции иллюстрируют мысль Г. П. Щедровицкого о том, что традиционные категории времени, выработанные в рамках натуралистического подхода, к деятельности не применимы: «Если мы хотим осуществить временизацию деятельности, то мы должны будем перестроить и изменить сами категории времени [12. С. 416].

Конечно, процесс актуализации не протекает в вакууме, но захватывает различные материальные и нематериальные сущности или предметы — людей, вещи, машины, знаки, знания, способности и т. д. Эти предметы должны быть сорганизованы таким образом, чтобы процесс деятельности мог осуществляться в соответствии с нормами. Но это означает, что и сама эта организованность, называемая *ситуацией*, и составляющие ее предметы должны быть реализацией соответствующих норм [33. С. 121–127].

Если ситуация является *предметной* организованностью по отношению к актуализации, то норма является *знаковой* организованностью по отношению к трансляции. Самой простой формой нормы деятельности является мастер, *демонстрирующий* образцы «живой» деятельности. Самой простой формой предметной нормы может служить *образец* вещи как знак, выступающий в автономной функции, т. е. обозначающий сам себя. Но типичная форма нормы является собственно знаковой. Примером может служить документация на ГОСТ приготовления цементного раствора. Схема 11 может рассматриваться как эмпирически абстрактное изображение деятельности — результат нисхождения от эмпирически конкретного к эмпирически абстрактному.

Вторым этапом научного метода построения онтологической картины является переход от эмпирически абстрактного к логически абстрактному (Схема 6). Уже ранние древнегреческие философы осуществляли этот переход за счет противопоставления базисных онтологом, которые они называли «началами», «элементами» или «принципами». После Аристотеля противопоставление стало нормой введения базисных онтологом.

Основной логический «трюк» перехода от эмпирически абстрактного к *логически* абстрактному представлению деятельности состоит в переинтерпретации связи «норма—реализация» не как реальной связи процессов актуализации и трансляции, а как логического отношения *противопоставления* этих двух процессов над общим основанием воспроизводства. При такой интерпретации воспроизводство выступает как *единство* (целостность) сложного процесса деятельности, процессы актуализации и трансляции как два *элемента*, объединенных *связью* противопоставления «реализации—нормировки», а все вместе они образуют процессуальную структуру деятельности (Схема 12). Эта схема может рассматриваться как исходная *абстрактная онтологическая схема деятельности* [33. С. 123].

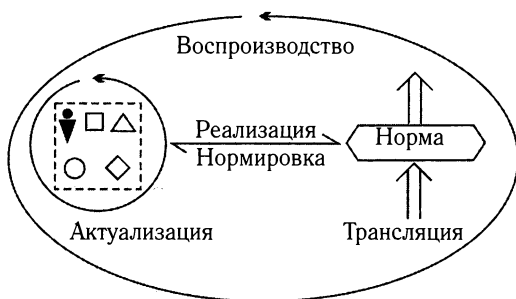

Схема 12. Абстрактная онтологическая схема деятельности

2.2. Конкретизация онтологической схемы деятельности

Третьим этапом научного метода является восхождение от логически абстрактного к логически конкретному (Схема 6). Главным недостатком *абстрактной* онтологической схемы является ее неприменимость в эмпирических исследованиях и практических приложениях [3. С. 197–209]. Конкретизация абстрактной схемы деятельности предполагает описание деятельностных *механизмов*, производящих процессы актуализации и трансляции и реализующих связь нормы-реализации [3. С. 203–207; 14. С. 260].

В качестве простейшего механизма актуализации полагается деятельность людей, или *индивидов*, способных действовать в соответствии с нормами. В качестве простейшего механизма трансляции полагается непосредственный переход индивидов и предметов-элементов ситуаций во времени трансляции [5. С. 52; 7. С. 200–201; 14. С. 266–267]. В случаях, когда непосредственного перехода не происходит, скажем, орудие сломалось или информация устарела, новое орудие может быть произведено в соответствии с образцом, а информация обновлена с помощью того же механизма деятельности индивидов. А вот в случаях, когда индивида уже нет или ситуация существенно изменилась, требуются дополнительные механизмы воспроизводства — *обучение* и *нормировка* соответственно.

Обучение является основным *механизмом нормирования* деятельности индивида. *Учитель* как живой носитель норм, владеющий средствами деятельности, а также обладающий *способностью обучать* и владеющий средствами обучения, учит *ученика*, который *усваивает* нормы и *овладевает* средствами деятельности, формируя соответствующие *способности* [5. С. 52–54; 7. С. 200–204]. Процесс обучения,

как правило, состоит из *демонстрации* «живой» деятельности и *коммуникации* (текстов и изображений) учителем и *воспроизведения* деятельности учеником. Рассмотрение способностей индивида как особой «превращенной» формы существования норм позволяет интерпретировать актуализацию не как *абстрактную* реализацию норм, а как *практику* — конкретную деятельность индивидов, реализующих свои способности *вне непосредственной связи* с трансляцией [21. С. 412–414].

Необходимость второго промежуточного механизма — нормировки связана с тем, что условия деятельности с течением времени изменяются и прежние деятельность и ее нормы становятся неадекватными, и, следовательно, должны быть заменены новыми [14 а. С. 266–267]. В связи с тем, что транслируемые нормы являются особыми *знаковыми* конструкциями, нормировка имеет два аспекта — разработку норм и их «вмещение» [21. С. 413].

В плоскости *содержания* разрабатываются новые нормы, задающие *предстоящую деятельность* — новые образцы деятельности и предметов, проекты, исследовательские программы и т. д. [5. С. 54–55; 14. С. 270–278]. Для этого разработчик норм должен находиться в *рефлексивной позиции* по отношению к прежним и предстоящим деятельности как к объектам анализа и нормировки, по принципу «выделения из прошлого должного» [17. С. 39].

Формальный аспект нормировки состоит в придании знаковому представлению нормы модальности *долженствования*. Обычно это достигается путем санкционирования, узаконивания и других мероприятий, придающих норме статус обязательности.

Примерами могут служить законодательства, ГОСТы, планы выработки, различные «квоты». Эти аспекты нормировки задают особые требования к индивидам-нормировщикам. Первое требование — это то, что нормировщик должен быть *экспертом* соответствующего дела, второе — это то, что он должен либо сам обладать легитимной властью, или полномочиями, т. е. *авторитетом*, либо быть уполномоченным авторитета [21. С. 414–417].

Введение нормировки в онтологическую схему деятельности позволяет различить два типа норм по отношению к моменту пересечения актуального времени и времени трансляции. Первый тип — это «традиционные», или *культурные*, нормы, уже принадлежащие особой организованности процесса трансля-

ции — *культуре*. Второй тип — это *новые* нормы, которые, являясь продуктами деятельности нормировки, только «поступают» в культуру и еще должны быть в нее *интегрированы*. В качестве механизма интеграции новых норм в культуру выступает деятельность *культуротехники* [33. С. 127–129; 3. С. 92–94]. Введение деятельности индивидов как механизма актуализации и промежуточных элементов обучения и нормировки позволяют конкретизировать исходную онтологическую схему деятельности (Схема 13).

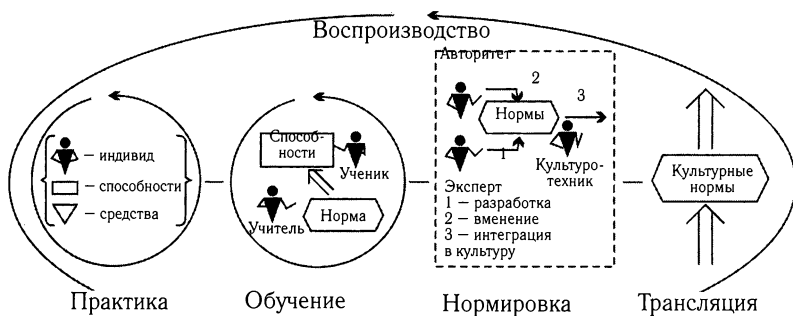

Схема 13. Конкретная онтологическая схема деятельности

2.2.1. Бессубъектность деятельности

Важным следствием конкретного онтологического представления деятельности является бессубъектность деятельности. Конкретная онтологическая схема деятельности представляет участвующих в деятельности людей как *безличных* индивидов, которые отнюдь не являются субъектами деятельности. Иначе говоря, деятельность *бессубъектна* [29. С. 9–10]. С точки зрения воспроизводства абсолютно безразлично, какой именно человек актуализирует деятельность, лишь бы он имел соответствующие способности и владел соответствующими средствами. Ни практика, ни обучение, ни нормировка, ни трансляция, ни воспроизводство ему не принадлежат. Скорее он принадлежит деятельности, которая *захватывает* его в качестве *агента* — особого элемента ситуации, *посредством* которого она осуществляется реализуя нормы [14. С. 241–242]. В этой связи Г. П. Щедровицкий часто цитировал высказывание Гумбольдта о языке: «Не человек овла-

девает языком, а язык овладевает человеком и через человека осуществляется».

Онтологическое представление человека в качестве индивида вовсе не означает, что системодетельностный подход отрицает субъекта или личность. Субъект и личность существуют в онтологиях других подходов, например феноменологии и экзистенциализме. А это значит, что, претендуя на всеобщую картину мира, методология должна в соответствии с *принципом культуросообразности* реконструировать такие «реалии», как «субъект», «переживание», «психика», «личность» и др. в своих онтологемах. Такая реконструкция является важнейшей задачей следующей стадии становления методологической рефлексии.

2.2.2. Множественность существования объектов в деятельности

Другим важным следствием конкретного онтологического представления деятельности является *множественное существование* «объектов» в деятельности. Рассмотрим это на примере нормы. Категория вещи к нормам не применима. Вопрос «где существуют нормы?» не является осмысленным. В «потоке» деятельности нормы все время «мигрируют» или «размазаны». Более осмысленным является вопрос «как существуют нормы?». Коротким ответ: нормы существуют во *множественных* формах, таких как способности индивида, как то, чему учитель учит ученика, как то, что последний усваивает, как то, что разрабатывается нормировщиком и как то, что транслируется в культуре [21. С. 413–415].

С точки зрения множественности существования объектов в деятельности, такой, например, классический вопрос «где существует сознание?» также неосмыслен. Широко принятое указание ученых на механизм взаимодействия нейронов коры головного мозга Щедровицкий справедливо называет смешным. Сознание не может рассматриваться как вещь. С другой стороны, рассмотрение сознания как процесса, принадлежащего человеку, также ни к чему не приводит. Недаром Вильям Джеймс признал сознание, которое он представлял как процесс или поток «широко распространенным предрассудком». Согласно Г. П. Щедровицкому, правильный вопрос о существовании сознания не «где?», а «как?» существует сознание. Как уже упоминалось, ответ на этот вопрос является одной из важнейших задач следующей стадии становления методологической рефлексии.

2.3. Четырехуровневая организация воспроизводства деятельности

Четвертым этапом научного метода (Схема 6) является соотнесение конкретной онтологической схемы с исходным эмпирическим материалом. В отличие от абстрактной конкретная онтологическая схема деятельности может применяться в эмпирических исследованиях и практике.

Во-первых, исследователь может «смотреть» на мир сквозь онтологическую схему как через своеобразные очки-фильтр. При этом он будет видеть только то, что представлено в онтологической схеме, и именно это видение будет позволять ему задавать соответствующие исследовательские вопросы. Во-вторых, исследователь может использовать эту схему в качестве шаблона для «вырезания» *целостных* единиц эмпирического материала для исследования. В-третьих, он может использовать схему в качестве конструктивных единиц для построения моделей деятельности. В-четвертых, он может «горизонтально» сдвигать эту схему на уровне самой единицы, накладывая, например, практику на обучение или нормировку. Каждая сдвижка позволяет ставить соответствующие вопросы. Например, наложение практики на обучение позволяет говорить о практике обучения, специфических нормах обучения, об обучении самому обучению, о нормировке обучения, о специфических «каналах» трансляции культуры обучения. Сдвижка онтологической единицы на нормировку позволяет задавать те же вопросы, но уже по отношению к нормировке.

Подобные вопросы для эмпирического исследования деятельности, как и его результаты, должны формулироваться с учетом вышеупомянутых принципов безсубъектности и множественности существования объектов в деятельности.

Как единицу онтологическую схему деятельности можно также сдвигать «вертикально», накладывая ее на системы деятельности самого разного масштаба или уровня, начиная со всего универсума деятельности и кончая его «молекулами» — мельчайшими единицами, далее на деятельности не разложимыми. При этом будут получаться различные интерпретации этой схемы [14. С. 243].

2.3.1. Актуальные единицы деятельности

Мельчайшая единица деятельности получается, если механизмом актуализации является *акт деятельности*, осуществляемый *отдельным* индивидом (Схема 14).

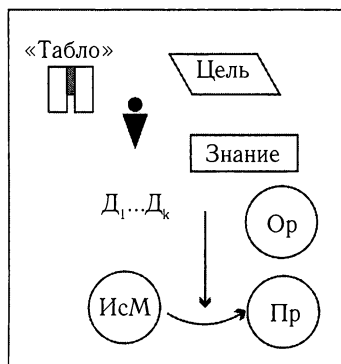

Схема 14. Акт деятельности [3. С. 78]

В нижней «объективной» части этой схемы изображено преобразование *исходного материала* (ИсМ) в *продукт* (Пр) посредством последовательности *действий* (Д1...Дк) с помощью *орудий* и других средств (Ор), а также *знание*, выраженное с помощью знаковых средств. В верхней «субъективной» части изображены индивид и *табло* его сознания, интериоризированные средства и способности. *Цель*, задающая целостность акта, является одновременно и субъективным и объективным элементом акта.

Эта схема обладает двумя важными особенностями. Первая — это ее синкретичность относительно категориальных слоев системы, которая, хотя и создает логическую нестрогость, предоставляет определенные эвристические преимущества. Например, категориальная интерпретация элементов акта различным образом расширяет многообразие способов построения сложных систем деятельности из актуальных единиц. Вторая особенность этой схемы — ее «минимальность». Она содержит только самые необходимые элементы и в зависимости от задач и эмпирического материала может быть дополнена другими элементами, например, мотивами, навыками и др. [14. С. 78–79].

Специфическую транслируемую норму, соответствующую отдельному акту индивидуальной деятельности, принято называть *способом* [33. С. 234–246]. *Актуальные единицы* деятельности помимо актов включают трансляцию способов, обучение способам и нормировку, создающую новые способы. Специфической задачей обучения является выработка у индивида *способностей* (знаний, умений и навыков), соответствующих данному способу и *на основании* способностей, уже приобретенных в прошлых обучении и воспитании [14. С. 240–245].

В простейших случаях выработка новых способов может происходить за счет того, что индивид, обладающий многообразием способностей, знаний, умений и навыков, соответствующих другим актам, может комбинировать их различными способами для *освоения* новых ситуаций. В более сложных случаях могут потребоваться совместные усилия специалистов разного рода — инженеров, проектировщиков, методистов и др. для разработки новых средств и способов деятельности в изменившейся ситуации [14. С. 266–278; 1999. С. 244–246].

2.3.2. Кооперация и организационно-технические системы — ОТС

Хотя актуальные единицы деятельности помимо актов включают трансляцию способов, обучение способам и нормировку, создающую новые способы, именно акты являются теми элементами, через которые эти единицы можно связывать между собой при конструировании сложных систем деятельности. Согласно Г. П. Щедровицкому, основным типом связи между актами деятельности служат связи *кооперации* [14. С. 266–270].

Самая простая кооперативная связь — связь *обеспечения* есть «перенос» *продукта* одного акта деятельности — *производства* в другой акт — *потребление*, где он начинает выполнять роль определенного элемента. В излюбленном Платоном и Аристотелем примере — кооперации плотника и кормчего — плотник по заказу кормчего *производит* весло — *продукт*, который затем *используется* кормчим как *орудие* в акте управления судном. Различные виды кооперации обеспечения определяются тем, какую роль выполняет продукт акта производства в акте потребления. Типология связей обеспечения является задачей эмпирического исследования*.

* От себя я хотел бы добавить, что кооперация помимо способов, нормирующих каждый акт каждого кооперанта, должна еще задаваться специальными нормами, *координирующими* их совместные действия. Этот тип норм, который наряду со способом должен транслироваться в составе культуры, принято называть сценариями (scripts), или *протоколами*. Связь кооперации снабжения, например «производство плотником весла для кормчего», скорее обозначает *цель кооперации*, которая достигается целым рядом совместных процедур, задаваемых соответствующим протоколом. Кормчий должен прийти к кораблестроителю и заказать весло, оформить заказ, определить стоимость, сроки и так далее. Затем готовое весло должно каким-то образом попасть в руки кормчего и пройти его оценку. Кормчий должен за-

Уже одних связей обеспечения достаточно, чтобы продемонстрировать чрезвычайную сложность систем кооперации деятельности. Но могут быть и принципиально иные связи единиц деятельности, не предполагающие переноса материальных элементов из одного акта в другой. И для каждого типа связи существуют свои формальные правила синтеза и, следовательно, свои линии развертывания схем деятельности [14. С. 268]. Например, по мере усложнения систем деятельности, одних «горизонтальных» связей обеспечения уже не достаточно для эффективного функционирования кооперативных систем. Поэтому на основе связей обеспечения надстраиваются «вертикальные» кооперативные *социотехнические* связи организации, руководства и управления, основанные на *рефлексии* и *коммуникации* [14. С. 268–278].

Исходное абстрактное представление рефлексии может быть введено с помощью схемы *рефлексивного выхода*. Типичной для рефлексивного выхода является ситуация, когда индивид, выполняя деятельность, наталкивается на затруднения либо приводящие к неудовлетворительному результату, либо вообще не позволяющие выполнить акт. Предполагается, что в таких случаях индивид задается вопросом, почему деятельность не удалась и что следует делать, чтобы она удалась. Предполагается также, что для получения ответа индивид должен мысленно *выйти* из своей прежней *внутренней* позиции деятеля в новую *внешнюю* позицию и как бы со стороны посмотреть как на прежние, уже выполненные деятельности, так и на будущую, предстоящую деятельность. Находящийся во внешней позиции индивид как бы «рефлексивно поглощает» прежние деятельности как *материал* для анализа, а предстоящую деятельность — как *проектируемый* объект (Схема 15).

Учитывая бессубъектность деятельности, рефлексивный выход можно рассматривать как вид кооперации между раз-

платить кораблестроителю. Они должны обмениваться любезностями и, может быть, «обмыть» дело к взаимному удовлетворению. Религиозные ритуалы являются ярким примером протоколов. Всем русским ученикам и студентам известен протокол устного экзамена. Он не известен американцам, поскольку в Америке устных экзаменов не сдают. Все общение регулируется протоколами. Есть ресторанный протокол, магазинный протокол, протокол посещения врача. Судебный протокол зафиксирован в «Процессуальном кодексе». Существуют принятые протоколы международных переговоров и т. д. Анализ протоколов кооперации и коммуникации — непочатая тема для методологических исследований.

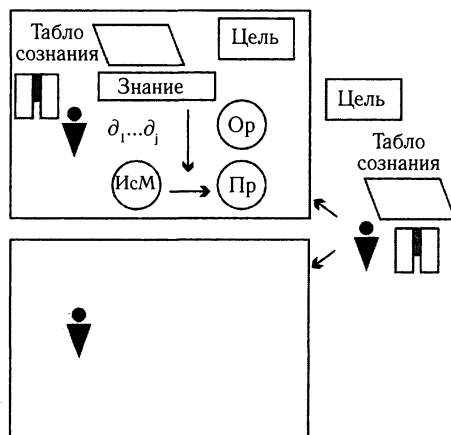

Схема 15. Схема рефлексивного выхода [14. С. 275]

ными актами, даже если функцию обоих акторов выполняет один и тот же индивид. Г. П. Щедровицкий отмечает, что схема рефлексивного выхода представляет рефлексии не как процесс — «акт рефлексии», а как получившуюся в результате рефлексивного выхода функциональную структуру — особую кооперативную связку*. В этой связке рефлексивная деятельность находится на более высоком иерархическом уровне, чем рефлексивная. Первая охватывает вторую, включая ее как объект преобразования и даже как материал. Это преобразование осуществляется посредством *модально-императивной коммуникации* — задание цели, спецификация продукта, смена стандарта исходного материала и др. [25. С. 46]. При этом императивная модальность коммуникации обеспечивается специальными нормами *руководства-подчинения* [15; 25; 28].

Вышерассмотренные «горизонтальные» и «вертикальные» кооперативные связи нашли свое системное представление в

* На мой взгляд, как *первоначальная* форма рефлексии, рефлексивный выход исторически сформировался именно как *особая кооперативная связка*. Если это так, то кооперативная связка рефлексивного выхода должна интерпретироваться не как функциональная структура, а прежде всего как *генетическая* структура — организованность, соответствующая процессу *происхождения*. Функциональная структура рефлексивной кооперации предполагает задание особой нормы — *протокола субординации*. Только потом акт рефлексии может быть рассмотрен как смена индивидом деятельностной позиции, осуществляемая благодаря *рефлексивной способности* — результата освоения (интеприоризации) индивидом протокола рефлексивной кооперации.

функциональной схеме организационно-технической системы (ОТС) (Схема 16). Поскольку кооперация должна быть организована, а контекст ОТС принципиально меняет характер кооперации, то, как справедливо отмечает Г. П. Щедровицкий, понятие ОТС снимает идею кооперации [16. С. 42].

Схема 16. Функциональная структура — ОТС [33. С. 148]

Впоследствии рассмотрение рефлексии как способности индивида позволило Г. П. Щедровицкому разработать организационную схему коллективной мыследеятельности и на ее основе сперва функциональную (Схема 17) и морфологиче-

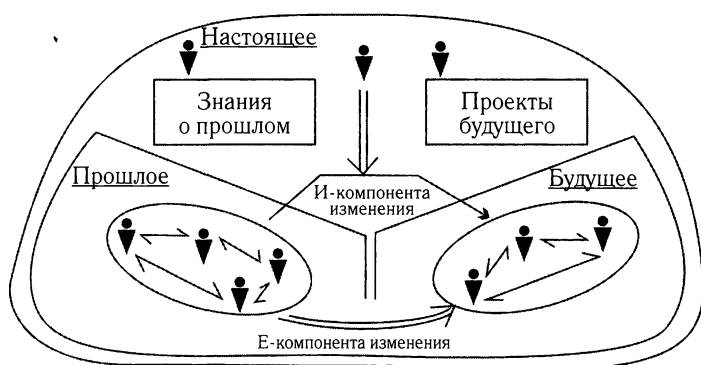

Схема 17. Шаг развития

скую структуры ОТС [33], а затем и процессуальную структуру ОТС — схему «шага развития» (Схема 14).

2.3.3. Массовая деятельность как механизм воспроизводства деятельности

Как было упомянуто выше, онтологическую схему деятельности (Схема 10) можно накладывать как *единицу* на деятельность самого разного масштаба, и в частности на весь универсум деятельности [14. С. 243]. Другими словами, *архетипическая* структура единицы может приписываться всему универсуму деятельности, который, следовательно, должен характеризоваться как воспроизводство и в качестве своих элементов включать практику, обучение, нормировку и трансляцию культуры. Вместе с тем универсум как *единство* должен и отличаться от единицы. Г. П. Щедровицкий характеризует это отличие как «массовость», а сам универсум деятельности как *массовую деятельность* [14. С. 243].

Именно благодаря массовости воспроизводства деятельность приобретает статус *существования*. Единичный акт осуществился, и нет его, и опять осуществился, и опять и т. д. Воспроизведение акта в соответствии с нормой обеспечивает ему лишь *постоянство*, в то время как для существования требуется *непрерывность*. В соответствии с понятием массовости полагается, что в каждый данный момент времени каждый данный акт где-нибудь осуществляется, реализуя соответствующую норму, т. е. акты деятельности воспроизводятся непрерывно. Это рассуждение, *mutatis mutandis*, можно воспроизвести для ОТС.

2.3.4. Сферы массовой деятельности

Массовости воспроизводства соответствует массовый характер его элементов, которые характеризуются как *сферы* деятельности [14. С. 243]. Следовательно, минимальная структура воспроизводства должна состоять из четырех сфер, соответствующих элементам структуры единицы — практики, обучения, нормировки и культуры. Если уровню актов деятельности соответствует норматив, уровню ОТС — нормы организации, то уровню сфер деятельности соответствуют нормы, которые принято называть *институтами*, или по-русски *учреждениями* (в смысле «учреждение звания заслуженного учителя»)* [15. С. 422]. Учреждения

* Например, в *акте обучения* учитель — это *функция*, определенная по отношению к ученику. Учитель — это *актор* обучающий учеников в соот-

возникают по мере *обособления* некоторого *типа деятельности* в виде сферы массовой деятельности, как это сравнительно недавно произошло, например, с деятельностью проектирования и организационного управления [3]. Сущность обособления типа деятельности в сферу состоит в том, что она наряду с учреждениями вырабатывает собственные *механизмы воспроизводства и развития* в рамках универсума воспроизводства*.

Поскольку сферы должны воспроизводиться именно как сферы, они должны включать все элементы, необходимые для воспроизведения. Формально это означает, что наполнением сферы-элемента воспроизводства является полная архетипическая структура единицы [3]. Например, сфера обучения должна включать ОТС практики — обучения учеников и студентов, обучения — подготовки педагогов, нормировки — разработки учебных программ и методик и трансляцию педагогической культуры.

Кроме того, в зависимости от того, в какую сферу включены акты деятельности, они, с одной стороны, будут определяться способами данного акта, а с другой — учреждениями сферы, в которую они включены [3]. Например, формы обучения в сфере производства, с одной стороны, задаются способами обучения, а с другой — учреждениями производства или же производственный тренинг рабочего, стажировка молодого специалиста или специальные корпоративные мини-курсы.

ветствии со *способами* обучения. В этом смысле, если нет учеников — нет и учителя. В *ОТС обучения* — школе учитель это *должность*, определяемая помимо способов обучения *обязанностями* по отношению к ученикам, коллегам и др. членам персонала. Учеников распустили на каникулы, но учитель остается учителем, так как работает в школе. В *сфере обучения* учитель — это уже учрежденное *звание*. Например, по окончании пединститута присваивается «Звание учителя математики средней школы». Даже ища работу, имеющий звание учитель остается учителем. В США в каждом штате, чтобы преподавать в школе, необходимо иметь *лицензию*, которая свидетельствует о соответствии индивида *учрежденным* стандартам учителя. В случае серьезных нарушений учитель лишается звания или лицензии и выбывает из сферы обучения.

* «Дело в том, что каждая развитая система деятельности (а вместе с тем и оформляющее ее учреждение, если такое существует), с одной стороны, является самостоятельным “организмом”, функционирование и развитие которого подчинено прежде всего принципу поддержания и сохранения себя... а с другой стороны, всякая система деятельности, сколь бы развитой она ни была... является лишь составной частью и “органом” всей совокупной общественной деятельности...» [15. С. 422].

На уровне сфер деятельности происходит постоянное «брожение» и «пульсация». Появляются новые сферы благодаря обособлению новых развивающихся типов деятельности и формированию специфических для них учреждений. Сравнительно недавними примерами могут служить сферы проектирования и управления. При этом сферы взаимно ассимилируют друг друга — включают акты других типов деятельности, подчиняя их с помощью своих учреждений и тем самым трансформируя их. Например, можно проектировать управление и в то же время управлять проектированием. В последнее время на вершину иерархии сфер вышло управление. В частности, это выражается в том, что все чаще типичная ОТС, включающая обычную формальную администрацию, рефлексивно поглощается управляющей социотехнической системой, как правило, имеющей преимущественно клубную структуру [24, 25, 28]. Типичными примерами могут служить попечительный совет (board of trustees) университета и совет директоров (board of directors) банка.

Таким образом, воспроизводство деятельности имеет четыре основных иерархических уровня системной организации — на вершине ее — воспроизводство массовой деятельности, ниже уровень сфер деятельности, затем ОТС и в основании — уровень актов деятельности, осуществляемых отдельными акторами (Схема 18. На схеме для простоты внутри сфер изображены только элементы актуализации единиц соответствующего уровня). Каждому уровню соответствует особый тип норм — универсуму воспроизводства соответствуют нормативные принципы — всеобщие ценности, сферам — институты, или учреждения, ОТС — протоколы координации, субординации и коммуникации, актам — способы.

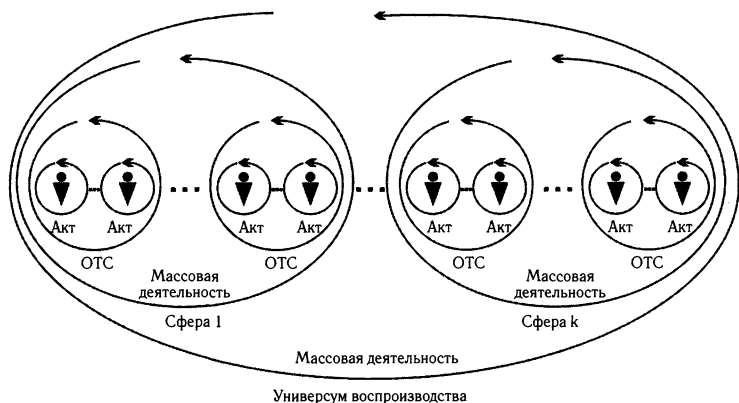

Схема 18. Четырехуровневая организация воспроизводства

2.3.5. Важность учета уровней воспроизводства

Учет четырехуровневой иерархической организации деятельности открывает новые возможности как для выведения свойств систем деятельности, так и для формулировки исследовательских и практических задач. Дело в том, что по отношению к системам определенного масштаба единицы более низкого уровня выступают как составляющие структур единиц более высокого, а единицы более высокого уровня задают целостность единиц более низкого и тип их элементов и связей [3]. Рассмотрим это на примере ОТС.

Поскольку нижележащим для ОТС является уровень актов деятельности, то их составляющими должны быть акты и в качестве основного типа связи между актами — связи кооперации. Поскольку вышележащим для ОТС является уровень сфер деятельности, то системная целостность ОТС задается как специфический для данной сферы институт или учреждение (например, школы и вузы — для сферы обучения, КБ — для сферы проектирования), а его функциональная, или организационная, структура задается номенклатурой мест — учрежденных должностей и соответствующих им связей взаимных обязанностей. Именно так понимаемая организационная структура как более конкретное представление ОТС снимает идею кооперации [5. С. 42]. Кооперация перестает быть самостоятельным понятием, становясь лишь моментом понятия ОТС.

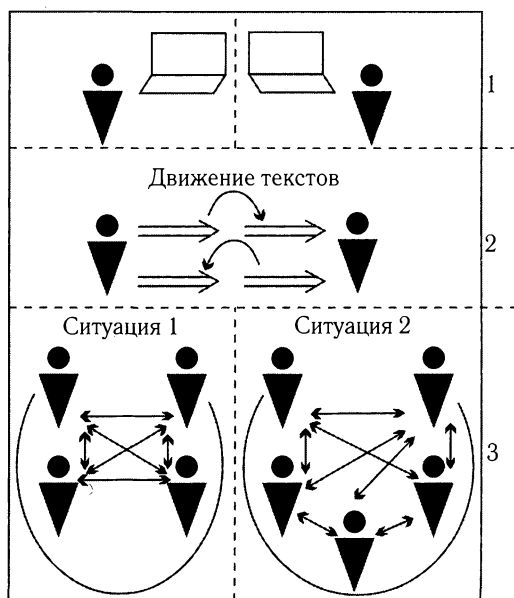
Это также меняет онтологический статус человека — он теперь уже не только актер, способный осуществлять отдельные акты деятельности, а индивид — носитель учрежденных стандартных способностей, позволяющих ему служить наполнением должностного места в организационных структурах.

Должностные места и связи обязанностей задают формальную структуру ОТС, которой уже соответствует целостный коллектив индивидов. Между ними могут спонтанно складываться неформальные связи и основанные на них неформальные же группы. Последние образуют неформальную структуру организации — *клуб*. Формальная и неформальная структуры ОТС взаимодействуют через «материал» индивидов [3, 25].

Следует подчеркнуть, что представленное выше онтологическое описание деятельности включает лишь ее процессуальную структуру с «примесью» синкретических структур актов и ОТС и, конечно, не может рассматриваться как законченная онтологическая схема деятельности. Тем не менее оно позволяет рассмотреть следующую, вторую стадию становления методологической рефлексии — погружение мышления в мир деятельности.

3. Погружение мышления в деятельность

Установка на погружение мышления в онтологию деятельности имела место в методологии с самого ее зарождения и выражалась в программном положении 1950-х гг. «мышление есть деятельность». Однако это погружение удалось реализовать лишь в 1980-е гг. с помощью схемы *мыследеятельности* (Схема 19)*.

- 1 — пояс мышления;
- 2 — пояс мысли-коммуникации;
- 3 — пояс мыследействия.

Основная схема мыследеятельности

Схема 19. Оргтехническая схема коллективной мыследеятельности [27]

3.1. Способ погружения мышления в деятельность

Г. П. Щедровицкий подчеркивал, что схема мыследеятельности является схемой *организации коллективного мышления*

* О сложном пути, который пришлось пройти методологии, прежде, чем это погружение удалось осуществить см., например, в работах [16, 21, 22].

и не должна рассматриваться как онтологическая [27]. Вместе с тем, поскольку эта схема выражает *идею* мыследеятельности, она может быть использована как средство погружения мышления в онтологию деятельности.

3.1.1. Идея мыследеятельности

Идея мыследеятельности может быть выражена с помощью трех *онтологических* положений, или принципов, соответствующих «поясам» схемы мыследеятельности.

Первое соответствующее поясу мыследействия положение: *существует мыследеятельность*, т. е. «не может быть мышления, отделенного от деятельности, и деятельности, отделенной от мышления» и, следовательно, термин «мыследеятельность» более точно выражает то, что действительно существует [30. С. 587].

Второе соответствующее поясу мысли-коммуникации положение: *существует мысль-коммуникация*, т. е. мышление без коммуникации не существует, мышление порождается ею, проявляется через нее и реализуется посредством коммуникации [20. С. 305; 26. С. 693–694].

Наконец, третье соответствующее поясу мышления положение: существует *чистое мышление*, или мыслительная деятельность, осуществляемая посредством невербальных средств (схем, формул, графиков, таблиц, карт, диаграмм и т. п.) [27. С. 286, 289]*.

Важно отметить, что разделение поясов и их единство связано с разделением деятельностных планов нормы и реализации. В нормативном плане этим поясам соответствуют различные типы нормативных структур, транслируемых по *разным* «каналам». В плане реализации «в реальном мире... деятельность и действие могут и должны существовать только *вместе* с мышлением и коммуникацией» [27. С. 298].

3.1.2. Онтологическая схема «шага нормативного обособления»

Поскольку сам Г. П. Щедровицкий систематического погружения мышления в деятельность не проделал и способа такого

* Характеристика чистого мышления как особой мыслительной *деятельности* оправдана тем, что оно воспроизводится и является, по Г. П. Щедровицкому, строго *нормированным* «логосом» с правилами образования и преобразования знаковых форм, детерминирующими процесс мышления, схемами идеальных объектов, математическими оперативными системами и т. д. [27. С. 289].

погружения не обсуждал, мы предположим, что это погружение можно проделать путем соотнесения поясов схемы мыследеятельности с уровнями онтологической схемы деятельности, применив к каждому уровню соответствующие положения идеи мыследеятельности и, таким образом, интерпретируя деятельность в единстве с мышлением как *мыследеятельность*. Ради простоты изложения я для каждого уровня выберу один определенный аспект соотношения мышления и деятельности, который показался мне самым интересным, и который Г. П. Щедровицкий эксплицитно рассматривает.

При этом на всех уровнях погружение мышления в деятельность будет основано на онтологическом различии планов нормы и реализации, или процессуально, планов актуализации и трансляции. Онтологически *изначально* деятельность, мышление и коммуникация *нераздельны*. В этой исходной нераздельности они нормируются демонстрируемыми живыми *образцами* действия-мысли-коммуникации. Онтологическим основанием их различения является их «*нормативное обособление*» в процессе эволюции деятельности, т. е. формирование особых нормативных систем, транслируемых по различным культурным «каналам». Онтологическим основанием их *вторичного объединения* при «погружении» является то, что реализация этих различных норм происходит в едином «потоке» актуализации, или выполнения деятельности. Схематически это можно изобразить в онтологической схеме «шага нормативного обособления» (Схема 20).

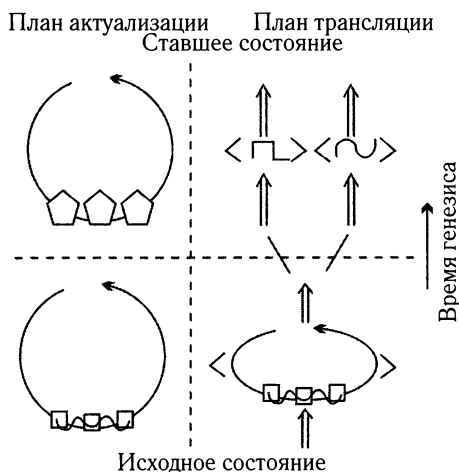

Схема 20. Шаг нормативного обособления

3.2. Мыследеятельность на уровне универсума воспроизводства

На уровне универсума воспроизводства вся *предметная среда* как тотальная «ситуация» воспроизводства является результатом исторического мыследеятельностного *практического освоения* мира объектов [25. С. 366–368]. Освоение происходит прежде всего благодаря первичной *практической ассимиляции*, состоящей в *физическом задействовании* объектов, выделению из их среды образцов, или *эталонов*, и обозначением их с помощью *слов-названий*. Сначала ассимилируются природные объекты, а затем объекты начинают конструироваться. Впоследствии накопленная группа эталонов начинает применяться к другим объектам, с которыми сталкиваются люди в деятельности. Это сведение безграничного мира объектов к сравнительно узкой группе эталонов и образует суть *вторичного* освоения «мира» — *познания*. «Знание есть не что иное, как... выражение мира объектов через набор образцов» [25. С. 368]. Как неоднократно отмечал Г. П. Щедровицкий, «“увидеть” можно только то, что знаешь и для чего слово имеешь» [28. С. 557]. Эталоны транслируются в культуре и осваиваются индивидами в процессах воспитания и обучения, основанных на мысли-коммуникации. С помощью взрослых дети *одновременно* осваивают как значения слов и навыки распознавания и употребления предметов, так и навыки родной речи.

Другими словами, в универсуме массовой деятельности мышление полагается прежде всего как неотделимая сторона практического овладения предметной средой за счет действия-мысли-коммуникации. С выделением эталонов нормы речи-мысли и нормы непосредственного задействия предметов обособляются и транслируются по разным каналам. Одновременно обучение навыкам задействия и обучение родной речи также обособляются. Применение эталонов в процессе «вторичного» освоения мира-познания приводит к обособлению как норм мышления, так и передачи знаний от обучения родной речи. Вместе с тем в плане актуализации, в едином процессе действия-мысли-коммуникации, осознанное физическое задействие предметов всегда опосредовано мыслью-коммуникацией, а мысль-коммуникация предполагает физическое задействие материала знаков.

3.3. Мыследеятельность на уровне сфер деятельности

На уровне сфер деятельности специфическим типом отношения «норма—реализация» является отношение *парадигма-*

тики, транслируемого «конструктора» норм-образцов, и *синтагматики* — актуализации, состоящей в последовательном конструировании «синтагматической цепочки», набранной из парадигматических «деталей» (подобно языку и речи в лингвистической концепции Фердинанда де Соссюра). В связи с различием парадигматики и синтагматики в методологии была разработана схема «языкового мышления», согласно которой синтагматическая конструкция — речь-мысль одновременно реализует нормы двух различных парадигматических систем — языка и мышления. При этом на уровне синтагматики — речь и мысль *неотделимы* друг от друга, а на уровне парадигматики им соответствуют два различных института, или учреждения — парадигматические системы *языка* и *мышления*, которые транслируются обособленно друг от друга (Схема 20) [16. С. 33–35; 21. С. 405–406; 23. С. 453–459].

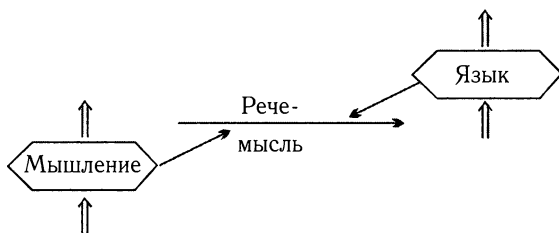

Схема 21. Языковое мышление

Здесь просматривается та же самая онтологическая фигура «шага нормативного обособления». Изначально речь-мысль нераздельны. Первыми нормами речи-мысли были не системы языка и мышления, а образцы речи-мысли — народные эпосы. Можно предположить, что древнегреческие язык и мышление стабилизировались благодаря «Трудам и дням», «Илиаде» и «Одиссее», которые выполняли нормативную функцию образцов греческой речи-мысли. После того как в процессе обособления сфер языка и мышления сформировались соответствующие учреждения в виде двух различных нормативных парадигматических систем. Их *вторичное* объединение происходит благодаря актуализации речи-мысли, одновременно реализующей обе системы норм*.

* Одновременная реализация в речи-мысли двух нормативных систем — мышления и языка возможна благодаря тому, что парадигмы языка нормируют *осмысленную* речь, а парадигмы мышления нормируют изречение, или

3.4. Мыследеятельность на уровне ОТС

На уровне ОТС и коллективной мыследеятельности речь-мысль предстает как *мысль-коммуникация* между членами коллектива, когда один индивид, создает текст и «передает» (произносит, пишет на доске, посылает и т. д.) его другому индивиду. Согласно Г. П. Щедровицкому, индивид, создающий текст, *мыслит*, а индивид, получающий этот текст, должен этот текст *понять*. На основании анализа мысли-коммуникации и процессов мышления и понимания, Щедровицкий следующим образом уточняет функции парадигматических систем мышления и языка: системы мышления — *логики* создавались главным образом для нормирования *мышления*, в то время как системы языка — для нормирования *понимания** [24. С. 703–708]**.

выражение мысли, в соответствии с оперированием идеальными объектами и мысленными переходами в схемах объектов.

*«Логик, как и нормирущик, начинает склеивать тексты речи с соответствующими идеальными объектами, создает правила такого сведения, где текст речи точно соответствует разворачиванию идеальных объектов... И я утверждаю, что все системы языка были ориентированы на обеспечение и организацию понимания... Логика высказывания (текста) соответствует правилам оперирования с идеальными объектами, а язык обеспечивает понимание текстов речи или конструкцию идеальных объектов, соответствующих текстам» [21. С. 704].

** Я не вижу возможности погружения мысли-коммуникации в деятельность в том виде, в котором она представлена схемой «мышление — текст сообщения — понимание». На мой взгляд, эта схема не может рассматриваться как целостный идеальный объект. Если в естественных науках мы требуем, чтобы объект был целостным относительно закона, то в системодетельностном подходе мы требуем целостности относительно нормы. Коммуникативный акт «мышление — текст сообщения — понимание» не обладает нормативной целостностью, так как в нем не учтены специальные нормы, координирующие совместные действия людей — *протоколы* (см. вторую сноску на с. 96), в нашем случае, *протоколы коммуникации*. Я уверен, что без учета протоколов коммуникации ни о каком понимании (а значит, и мышлении) речи быть не может. Начиная с простейших протоколов, когда на вопрос: «Где папа?» — ребенок должен показать на папу пальцем, и кончая сложными научными публикациями со строго нормированной структурой. Именно формирование протоколов коммуникации и их усвоение индивидами позволяет выделить мысль-коммуникацию как особый объект анализа, целостный относительно нормы-протокола. Погружение мысли-коммуникации в деятельность может мыслиться как «вплетение» мысли-коммуникации, реализующей протокол в общий поток актуализации коллективной мыследеятельности.

На материале семинаров ММК Г. П. Щедровицкий впервые сформулировал проблему нормирования *коллективного мышления* и *мыследеятельности* в связи с их организацией и управлением (1977 б/2005. С. 341–390). Судя по всему, эту проблему до некоторой степени удалось решить в *практике* организационно-деятельностных игр (ОДИ).

3.5. Мыследеятельность на уровне актов деятельности

На уровне индивидуальных актов мыследеятельность проявляется в «феномене» *креативности*. Г. П. Щедровицкий предлагает рассматривать человека, осуществляющего акт мыследеятельности не как актора, осуществляющего лишь данный акт, а как индивида, «реализующего всего себя в целом» как носителя собственной «микрокультуры» — совокупности норм, *усвоенных* в виде способностей, знаний, умений, навыков и пр. [1980 а/2005. С. 480]. Такое рассмотрение позволяет интерпретировать нормы-способы как парадигмы мыследеятельности, а актуализирующие эти нормы акты — как «синтагматические процессы» [21. С. 405]. Всякий «живой» акт мыследеятельности *всегда реализует нормы* в соответствии с *целью* и конкретной *ситуацией*. Нормы и цели являются *взаимодополняющими* факторами, которые создают «запас надежности» мыследеятельности в изменяющихся ситуациях [21. С. 405]. По ходу актуализации индивид выбирает и комбинирует элементы парадигматики в соответствии с целью, развертывая *уникальный* и *творческий* акт мыследействия [21. С. 397]. Именно поэтому «любой процесс деятельности, любой интеллектуальный процесс и нормирован, и креативен одновременно» [21. С. 397]**.

* Я бы предложил более прозаичную интерпретацию уникальности и «креативности» акта индивидуальной деятельности. Для меня способ нормирует не только само действие, но и цель, и ситуацию. Поскольку нормы, как правило, реализуются не идеально, а с отклонениями различной степени каждый способ деятельности включает «рефлексивную добавку» — *принятие решения*. Функцией принятия решений является *контроль* за процессом осуществления действия в соответствии с *реальной* динамикой ситуации. В простых актах принятие решения неотделимо от других составляющих способа. Однако с усложнением деятельности возникает необходимость в оформлении способов принятия решений как специфических *мыслительных* норм и обучении соответствующим мыслительным навыкам. При осуществлении актов деятельности по мере надобности принятие решений «вплетается» в качестве

Итак, на основе схемы «шага нормативного обособления» (Схема 20) мы рассмотрели погружение мышления в деятельность на всех четырех уровнях организации воспроизводства. В результате этого погружения мы получили не интерпретацию мышления в терминах онтологии деятельности, как это изначально предполагалось, а новую интерпретацию онтологии деятельности как *онтологии мыследеятельности**.

Если погружение мышления в деятельность и привело к смене онтологии деятельности на онтологию мыследеятельности, статус онтологии как картины мира как такового вне мышления не изменился. Просто мышление стало рассматриваться как неотъемлемая сторона деятельности. Положение кардинально меняется на следующей стадии становления методологической рефлексии.

4. Погружение онтологии мыследеятельности в мышление

На предыдущих стадиях методологической рефлексии *полагалось*, что онтологическая картина абсолютно соответствует миру мыследеятельности и должна рассматриваться как сама мыследеятельность. Погружение онтологии в мышление лишает ее статуса реальности (Схема 4) или «влечет за собой другую концепцию мира. ...Мир есть то, что мы мыслим, а не то, что реально» [29. С. 13]. Другими словами, онтологическая схема интерпретируется теперь не как сам объект, а как его представление в нашем мышлении, как содержание знания. Такая интерпретация обычно влечет за собой применение *принципа двойного (множественного) знания* [25. С. 377–382]. Со-

особых стадий на различных уровнях действия — цели, метода, процедуры и / или операций. Осуществляя действие, индивид использует стандартные способы принятия решений, парадигмальные средства своей микрокультуры, стандартные цели, навыки, умения и знания. Однако с помощью принятия решения он выстраивает их в единый уникальный процесс, в уникальную синтагматическую цепочку, соответствующую реальной динамике ситуации.

* Сам термин «мыследеятельность» представляется мне излишним. «Деятельности» вполне достаточно, потому что, с одной стороны, деятельность всегда включает мышление как свою неотъемлемую сторону, а с другой стороны, мышление является деятельностью, так как задается нормами исключительно и исчерпывающе.

гласно этому принципу, *объект всегда отличен от знания о нем*, и хотя объект всегда нам дан *только через знание*, ответ на вопрос: «А каков объект на самом деле, минуя знание?» — должен быть тем не менее получен (Схема 21).

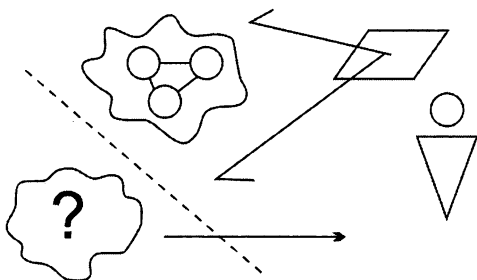

Схема 21. Прием двойного знания [25]

Для этого на основании *критики* существующей онтологии строится *новая* онтологическая схема, которая *временно* принимается за объект. Этот прием *повторяется* всякий раз, когда формулируется новая проблема, программа разработок или практическая задача. Это означает, что погруженная в мышление онтологическая картина уже не *морфологически фиксированное* знаковое представление объекта, а временное наполнение *функционального места* мира в структуре мышления — *очередное* представление объекта.

Другим принципом, требующим развертывания исходной онтологической картины мыследеятельности является *принцип культуросообразности* [26. С. 699–701; 31. С. 518–519]. Согласно этому принципу, претендующая на всеобщность деятельностьная картина мира, должна реконструировать онтологемы других подходов — натуралистического, феноменологического и теологического — как предельные случаи мыследеятельностных онтологем.

Проблеме деятельностьной реконструкции натуралистических онтологем в ММК уделялось значительное внимание с начала 1960-х гг. [23. С. 437]. В связи с решением этой проблемы были разработаны категории «предмет—объект» [9, 10, 32] и «естественное—искусственное» [5, 10, 20, 21, 26], методы «конфигурирования», «объективации», «оестествления», «артификации» [21, 23, 26, 32] понтия «кентавра—объекта», «кофигуратора—модели», «конфигуратора—плана» [10, 25, 26, 28] и др. Решение этой проблемы — тема отдельной статьи.

Проблема деятельностной реконструкции феноменологических онтологом издавна была поставлена в ММК в контексте обсуждения психологии. Однако настоятельная необходимость ее решения возникла только в период ОДИ в связи со смещением практического фокуса с бессубъектной «субстанции» деятельности на индивидуальную и коллективную мыследеятельность в ОТС [25, 28].

В период ОДИ было широко принято слишком свободное употребление «психологизмов», или психологического «линго». Хотя этим ситуативно грешил и сам Г. П. Щедровицкий [см., например, 25. С. 147–158], он тем не менее всегда отмечал, что, употребляя субъективистские термины, мы должны помнить о нормативной заданности деятельности и ее организованностей, а следовательно, и субъекта*. Это значит, что соответствующие психологические «реалии», прежде чем они получают полноправное методологическое гражданство, должны быть реконструированы в терминах деятельностных онтологом.

Терминами типа «самоопределение», «личность», «личная ответственность», «сознание», «психика», «интеллектуальная функция рефлексии» и прочее следует пользоваться с предельной осторожностью. Свободное их использование как слов обыденного лексикона легко может создать иллюзию описания и объяснения чего угодно. Строго говоря, нам следует употреблять лишь термины, соотнесенные с онтологией мыследеятельности.

Мы можем сознательно и с осторожностью употреблять «психологизмы» в деятельностных схемах, придавая им «программатический» онтологический статус застолбленных мест (placeholders) в связке с задачей наполнения их реконструированным в терминах деятельностных онтологом содержанием. Но мы ни в коем случае не должны делать вид, что задача уже решена, поскольку мы даже не приступили к ее решению.

Вопрос о деятельностной реконструкции теологических онтологом в системодеятельностной методологии до настоящего времени вообще не обсуждался.

* «Причем термин “субъективное” я здесь тоже употребляю в особом смысле. Не в том смысле, что это мое субъективное, а в том смысле, что это сегодня наше человеческое субъективное. Я ведь не просто субъект — я занимаю определенное место в организации, выполняю определенные функции в обществе, и как профессионал я выражаю не свое мнение, а мнение современному уровню культуры» [25. С. 108].

5. Рефлексивное замыкание методологического мышления

Рефлексивное замыкание является четвертой, завершающей стадией становления методологического мышления как мышления о мышлении о мире (Схема 5). Рефлексивное замыкание осуществляется за счет различных *рефлексивных отождествлений*.

Первым является «отождествление» в рамках *онтологии* — *объединение* мышления погруженного в мир деятельности с самой деятельностью, в результате чего и получилась мыследеятельность: «Не может быть мышления, отделенного от деятельности, и деятельности, отделенной от мышления» и, следовательно, термин «мыследеятельность» более точно выражает то, что действительно существует [30. С. 587].

Вторым является рефлексивное отождествление мышления, в которое погружена онтология мыследеятельности, с самой мыследеятельностью. В этом отождествлении методология «проектирует, конструирует, познает и критикует саму себя, проектируя, конструируя, познавая и критикуя таким образом деятельность вообще»* и «таким образом осуществляется как деятельность» [12. С. 413]. И хотя это отождествление уже превращает методологию в замкнутую систему, она тем не менее продолжает развиваться, согласно принципам культуросообразности и многих знаний и «непрерывно и постоянно втягивает в себя самый различный материал» [12. С. 413].

Третьим является отождествление рефлектирующего мышления с мышлением рефлектируемым, или мыслимым мышлением, полученным в результате предыдущих отождествлений. В результате этого отождествления методология предстает как «особый способ связи рефлектируемой и рефлектирующей деятельности, это особая форма организации и того и другого, а вместе с тем особая форма организации деятельности вообще»** [12. С. 412–413].

* Последнее следует в силу транзитивности предыдущего онтологического отождествления — объединения деятельности и мышления в мыследеятельность.

** Это следует в силу транзитивности предыдущего отождествления мышления, в которое погружена онтология мыследеятельности, с самой мыследеятельностью.

Наконец, четвертым, *замыкающим* отождествлением является отождествление методологии с ее саморефлексией: «Как рефлексия методология может быть направлена только на самое себя. Здесь происходит одновременно замыкание и расширение методологической деятельности, расширение от методологии к деятельности вообще, замыкание деятельности вообще методологической деятельностью. Методологическая деятельность оказывается и объемлющей деятельностью вообще и включенной внутрь ее. Практически это означает, что происходит взаимоотождествление... методологии и деятельности, что создает методологическую деятельность как замкнутое целое деятельности» [12. С. 412].

Рефлексивным замыканием завершается конструирование *пространства рефлексивных переходов* между уровнями методологического мышления. В этом пространстве различения уровней мышления, подобные Кантовому различению рассудка и разума, которые, казалось бы, напрашиваются сами собою, оказываются относительными — «скользящими» вместе с рефлексивными переходами. Полученная в результате рефлексивного замыкания методологии схема может рассматриваться как сложившаяся к настоящему моменту онтологическая картина методологической мыследеятельности, а следовательно, и мыследеятельности в целом.

Следует отметить, что становление методологической рефлексии было возможно только благодаря параллельному накоплению и развитию методологических *технологий* — принципов, способов, методов, процедур и техник и связанных с ними средств, а также формированию методологической практики ОДИ. Учет последних, позволил Г. П. Щедровицкому обсуждать вопрос об обособлении методологического мышления как *сферы мыследеятельности* [12]. Положительное решение этого вопроса зависит от того, насколько методологическое сообщество способно социализироваться и создать учреждения, обеспечивающие трансляцию, воспроизводство и развитие методологии.

Литература

1. Аристотель. Физика // Соч. в 4 т. // Москва. 1981. Т. 3. С. 59–262.
2. Аристотель. Метафизика // Соч. в 4 т. // Москва. 1975. Т. 1. С. 63–363.
3. Анналы ММК 1971 // Москва. 2007.

4. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры // Москва. 1967.
5. Лефевр В. А., Щедровицкий Г. П. и Юдин Э. Г. (1965). «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Избранные труды // Москва. 1995. С. 50–56.
6. Щедровицкий Г. П. Современная наука и задачи развития логики (1954) // Философия. Наука. Методология // Москва. 1997. С. 25–56.
7. Щедровицкий Г. П. Об исходных принципах анализа проблем обучения и развития в рамках теории деятельности (1966) // Избранные труды // Москва. 1995. С. 197–227.
8. Щедровицкий Г. П. Теория деятельности и ее проблемы (1966) // Философия. Наука. Методология // Москва. 1997. С. 242–268.
9. Щедровицкий Г. П. Заметки о понятиях «объект» и «предмет» (1968–1971) // Философия, наука, методология // Москва. 1997. С. 595–625.
10. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Вып. 1. (1971) // Москва. 2005. С. 464.
11. Щедровицкий Г. П. Системно-структурный подход в анализе и описании эволюции мышления (1973) // Мышление. Понимание. Рефлексия. 2005. С. 161–164.
12. Щедровицкий Г. П. Об одном направлении в современной методологии (1974) // Философия, наука, методология // Москва. 1997. С. 364–423.
13. Щедровицкий Г. П. Рефлексия // (1974) // Избранные труды // Москва. 1995. С. 485–495.
14. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности (1975) // Избранные труды // Москва. 1995. С. 233–280.
15. Щедровицкий Г. П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности (1975) // Избранные труды // Москва. 1995. С. 402–436.
16. Щедровицкий Г. П. Эволюция программ исследования мышления в истории ММК — 1 (1975) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 11–37.
17. Щедровицкий Г. П. Эволюция программы исследования мышления в истории ММК — 2 (1996) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 37–43.
18. Щедровицкий Г. П. Стратегия научного поиска (1977) // Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 472–513.
19. Щедровицкий Г. П. Рефлексия, понимание и мышление в групповой интеллектуальной деятельности (1977) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 341–390.

20. Щедровицкий Г. П. Связь естественного и искусственно-го как основной принцип исследования интеллектуальной деятельности (1977) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 293–314.

21. Щедровицкий Г. П. Нормативно-деятельностный подход в исследовании интеллектуальных процессов (1979) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 391–419.

22. Щедровицкий Г. П. О значении исследования коммуникации для развития представлений о мыследеятельности (1980) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 447–481.

23. Щедровицкий Г. П. Заметки об эпистемологических онтологизации, объективации, реализации (1980) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 433–446.

24. Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок (1981) // Избранные труды // Москва. 1995. С. 88–114.

25. Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, технология, методология (1981) // Организация. Руководство. Управление. Вып. 1. Второе издание // Москва. 2003.

26. Щедровицкий Г. П. Коммуникация и процессы понимания (1982) // Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 689–708.

27. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание (1987) // Избранные труды // Москва. 1995. С. 281–298.

28. Щедровицкий Г. П. Методология и философия оргуправленческой деятельности (1988) // Организация. Руководство. Управление. Выпуск 2 // Москва. 2003. С. 285.

29. Щедровицкий Г. П. Философия у нас есть (1989) // Философия, наука, методология // Москва. 1997. С. 1–24.

30. Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии. (1989) // Философия, наука, методология // Москва. 1997. С. 547–594.

31. Щедровицкий Г. П. Философия, методология, наука (1988) // Философия, наука, методология // Москва. 1997. С. 514–546.

32. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейтельностного подходов (1991) // Избранные труды // Москва. 1995. С. 143–154.

33. Щедровицкий Г. П. Программирование научных исследований и разработок // Москва. 1999. С. 286.

34. Von Bertalanffy L. General System Theory (1969) // Twelfth paperback printing. George Braziller, Inc: New York, 1998.

35. Checkland P. B. Soft Systems methodology: A thirty year retrospective // Systems Research and Behavior Science. Vol. 17. № S1, 2000: S11–S58.

36. Copleston F. A. History of Philosophy. // Volume 1 Greece and Rome // Doubleday: New York, 1993.

37. Flood R. L. and Jackson M. C. (eds.) Critical System Thinking: Directed Readings // Wiley: New York, 1991.

38. Hepburn R. W. Philosophy // T. Honderich (ed.) The Oxford Companion to Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 666–670.

Ю. В. Громыко

**Системно-мыследеятельностный
подход: схема мыследеятельности
Г. П. Щедровицкого — *philosophia nova*?**

То есть схемы знания, схемы мыследеятельности несут на себе новые принципы подхода и способа жизни, которые как принципы должны реализоваться. Не потому, что мы их реализуем, они становятся принципами — мы их реализуем потому, что готовы сгореть из-за этого. Но это предполагает совсем иную ценность принципа как такового. Только принципиальная жизнь является осмысленной*.

Г. П. Щедровицкий

Относясь к числу тех, кто считает, что системно-мыследеятельностный подход образует ядро и квинт-эссенцию новой философии, мы ставим перед собой в данной статье достаточно тяжелую задачу: показать, что схема мыследеятельности, онтология мыследеятельности действительно выступает в функции своеобразного рубежа и «стража» с буддийских мандал, который не пропускает тех, кто недостойн, к семейству новых философий.

При этом новые философии — это не нечто, обладающее какими-то огромными, уже оцененными

* Щедровицкий Г. П. Схемы мыследеятельности и работа с ними // Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. С. 729.

достоинствами области знаний, а в полном смысле пустотная, пока не заселенная территория — Дальний Восток России с постоянно сбегающим оттуда населением, хотя все большему числу людей становится понятно, что именно там и должна начаться принципиально новая жизнь, а возможно, и новая российская цивилизации. Схема мыследеятельности оказывается своеобразным магическим кристаллом, который выталкивает в поле неизведанного, в поле только еще формирующихся и складывающихся систем и типов мышления.

Но в том-то и прелесть мыследеятельностного подхода, схемы мыследеятельности, мыследеятельностной онтологии, категории «мыследеятельность», универсума мыследеятельности, что они делают невозможным старое состоявшееся мышление. Эти понятия обладают зарядом такой мощности, что включение их в поле рассмотрения превращает в недействительные многие из наших сложившихся способов размышления в философии, семиотике, семантике, психологии, антропологии, социологии, экономике и политологии, теории человеко-машинных систем, системном подходе, теории проектирования и теории работы с будущим.

Почему системно-мыследеятельностный подход — это новая философия?

Системно-мыследеятельностный подход является новой философией, поскольку он позволяет сегодня связать в единое целое за счет специально осуществляемых в нем техник несколько до настоящего момента разделенных вещей: онтологическую работу, движение в системе понятийных различий, категориальную работу, разработку инструментов и средств (прежде всего средств организации действия), введение новых представлений, видений картин сознания, новых принципов организации понимания, новых типов организации рефлексии и осознания, способов опознания тех форм активностей, которые осуществляет человек в данном ситуационном контексте, а также тех активностей, которые связаны с философско-мыслительной работой, новых принципов организации коллективной и групповой, сетевой работы, современных форм системного и мультисистемного анализов.

Связь этих столь разных контекстов могла бы восприниматься как эклектика, «намешивание» очень разных смыс-

ловых содержаний, которые произвольно проходят через сознание данного человека, если бы не одно обстоятельство: эти разные фокусы, разные проекции, разные срезы содержания объединяются пониманием того, что мыследеятельность является средством обозначения, именования, выявления реальности, в которой происходят любые события. То есть, говоря философским языком, схема мыследеятельности выявляет и определяет не ставшую реальность, а становящуюся. Причем в становлении мыследеятельной реальности огромную роль играет и сам человек, который использует схему мыследеятельности и опирается на понимание ее устройства, — системно-мыследеятельный методолог.

С этой точки зрения, методологом системно-мыследеятельной формации является всякий, кто считает, что по мере возможностей свидетельствует о наличии этой реальности, ее изобличает, выявляет, конструирует и проектирует, экстериоризирует. При этом Мыследеятельная реальность не мешает ему осуществлять и Богопознание, поскольку функции взаимодействия с Богом также являются духовными — рефлексия, мышление, понимание, коммуникация, действие могут стать предметом анализа в процессе Богообщения и т. д.

Поскольку мыследеятельность является реальностью, которая выстраивается на основе созданной схемы как ограниченного символа данной реальности, как своеобразного символо-программного элемента, то, конечно, развернутое представление устройства этой реальности будет очень сильно отличаться от символической представленности этой реальности в виде схемы. Приблизительно так же, как реальная география Северной Америки, населенной индейскими племенами, и представление отцов-пилигримов, отправившихся в США на «Майском цветке», о земле обетованной. Но, кстати, что-то в организации жизни современных США заметно присутствует от этого символа «земли обетованной».

Вопрос о реальности, в которой мы живем, является одним из важнейших вопросов. На этот вопрос может быть три разных варианта ответа:

1. Утверждение, что подобная реальность существует, но она непознаваема.
2. Утверждение, что некоторой единой реальности не существует. Онтологическая работа вообще является устаревшей и необходимы ее захоронение и отмена.
3. Попытка определить и прорисовать данную реальность. Утверждение нового смысла и новых форм онтологической

работы, включающей аксиологическое самоопределение, признание гетеродоксий, разработку современных правовых и экономических систем.

Схема мыследеятельности предлагает один из вариантов прорисовки и предъявления подобной реальности.

Очень важно, что данная схема является методологической схемой, поскольку, претендуя на описание реальности, она задает альтернативное представление о практике, выявляя на основе мыследеятельностных описаний характеристики существующей практики как проблематизируемой, требующей преобразования и изменения. Причем это может организовываться в совершенно разных локусах практики, в разных типах и группах профессиональных сообществ, в разных формах организации деятельности.

Что означает подобное выявление реальности, предъявление реальности, свидетельство о реальности, проектирование и формирование реальности? Оно означает, что человек, осуществляющий подобную работу, — методолог — не занимается исключительно конструированием некоторых методологических схем и изображений. Он одновременно осуществляет коммуникацию с основными лидерами, стейкхолдерами, носителями данной существующей практики, строит описание их способов действия, коммуникации и мышления и осуществляет проблематизацию сложившихся у них форм и способов мышления.

С этой точки зрения, работа самого системно-мыследеятельностного методолога тоже осуществляется и организуется на основе схемы мыследеятельности: он организует процесс мышления, демонстрирует различные гуманитарные стратегии в слое мыслекоммуникации и разрабатывает сценарии операций действия в ситуации коллективного мыследействования, а также осуществляет понимание той ситуации, с которой он сталкивается, и рефлексия собственных способов работы. Таким образом, выявляемая реальность в очень большой степени определяется тем, в какие активности включен сам системно-мыследеятельностный методолог, что делает и может делать он сам.

Безусловно, существует разрыв между тем, что методолог может делать сам, и уровнем сложности той активности, которую он схватывает лишь в понимании. Но важно следующее: с точки зрения системно-мыследеятельностной методологии, каждый раз можно контролировать баланс и рассматривать структуру соотношения процессов мышления, мыслекоммуникации, мыследействования как у самого себя, так и у представителей тех

профессиональных сообществ, с которыми имеешь дело. Собственно, своеобразным допущением, предпосылкой подобной работы, является понимание, что процессы мышления всегда развертываются в определенном «бульоне», в на первый взгляд хаотичной среде мыслекоммуникации, и связаны с определенной ситуацией мыследействия. И более того, реальная организация, энергичные характеристики, материальная фактура и формы протекания всех этих процессов определяются такими особыми «соседствами» и пересечениями.

Каждый из этих процессов, хотя и жестко обособлен от других процессов, вместе с тем не является полностью изолированным от них и автономным. Более того, утверждается, что ни мышление, ни коммуникация, ни действие не существуют сами по себе вне полной системы мыследеятельности. А их вынужденно изолированное существование приводит к неизбежной мыследеятельностной патологии: разрушению и редукции каждого из отдельных процессов — мышления, мыслекоммуникации, мыследействия. Каждый из этих процессов, не будучи зажат и ограничен в его осуществлении другими процессами, входящими в полную систему мыследеятельности, неизбежно подвергается искажению и редукции.

Сам по себе этот факт должен вызывать изумление и удивление. Как же так? Ведь для того, чтобы достичь наивысшего уровня в определенном процессе, необходимо культивировать именно его исполнение. Чем больше его осуществляешь и культивируешь, тем выше мастерство в его осуществлении. Но в данном случае утверждается прямо противоположное: если определенный процесс, например мышление, культивируется вне соотнесения и связи, скажем, с процессами мыслекоммуникации, то это приводит к вырождению самого мышления. Если человек решает хорошо структурированные предметные задачи, но при этом не может объяснить другим, что он делает, и не понимает, чего не воспринимают его оппоненты, — этот дефицит функции понимания проявится и в мышлении.

Типомыследеятельностные процессы (мышление, мыслекоммуникация, мыследействие) образуют определенное законченное единство в полной системе мыследеятельности. С этой точки зрения, полная система мыследеятельности является своеобразным шаблоном и нормой анализа любого типа активности. Неполная система мыследеятельности, редуцированная к одному или двум процессам, оказывается дефицитной, обладающей выявляемой в ее устройстве и структуре недостаточностью.

Но особые возможности схемы мыследеятельности состоят не только в том, что она позволяет выявлять и описывать характеристики разных типов активности в разных профессиональных сообществах, различных лидерских визионерских группах, корпорациях и разных системах практики, но и то, что она позволяет формировать, выращивать новое осуществление типомыследеятельностных процессов. Стягивая и завязывая вместе разные профессиональные мышления, разные возможности действия, разные ресурсы понимания, но все это рассматривая как полную систему мыследеятельности, методологи затем должны в этом вновь возникшем организационно-деятельностном мессе найти границы и понятийно-терминологически описать, схематизировать, организационно разграничить протекающие типомыследеятельностные процессы, которые имеют «монструозную», не похожую на привычные образцы форму осуществления. Но подобная «монструозность», как и известные геометрические монстры Лакатоса*, могут свидетельствовать о том, что осуществляется выход к действительно новым формам организации мыследеятельностных процессов.

С этой точки зрения, мыследеятельностный подход прежде всего предназначен для того, чтобы создавать новую целостность из независимо и автономно до этого существующих целостностей, вводить человека в незнакомый для него мир и учить его работать с этим незнакомым миром. Системно-мыследеятельностный подход напрямую объясняет, откуда берется этот «конец знакомого мира»** — из переоткрытия, перепроектирования, передескриптивного всех форм и типов активности. Но, безусловно, эта новая передескрипция с элементами перепроектирования и перепроектирование с элементами дескрипции не должны рассматриваться по аналогии с переобозначением в списках некоторых вновь обнаруженных неизменных вещей. Попытка подобного перепроектирования, передескрипции равнозначна переоткрытию на себе в живом реальном осуществлении духовных функций, выделяемых из многочисленных и разнообразных активностей (из всего набора активных форм жизнедеятельностных проявлений человека). Это перепроектирование обязательно предполагает

* См.: Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. М.: Наука, 1967.

** См. соответствующую одноименную книгу: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.

проживание, реализацию созданных технических схем самим создателем в различных ситуациях.

Но подобное переоткрытие предполагает и переоткрытие истории и ее событий. Ведь действительно, утверждение, что мышление имеет только коллективную форму, что один человек индивидуально «не мыслит, а думает» (хотя для того, чтобы обнаруживать иногда себя в процессах мышления, необходимо много и творчески думать и иметь этот думательный «психофизиологический нарост», как называл думанье А. А. Пинский), подталкивает к тому, чтобы перепрочесть всю духовно-интеллектуальную историю как минимум, да и материальную тоже.

Мыследеятельность в отличие от жизнедеятельности и деятельности

Возможность подобного перепрочтения предполагает необходимость дать ответ на вопрос: от чего отличается мыследеятельность. Или все на свете является мыследеятельностью, поскольку, как мы утверждали выше, схема мыследеятельности претендует на то, чтобы выявлять и описывать реальность? Мыследеятельность как реальность противостоит в конкретных ситуациях витальностям — сгусткам жизни, жизнедеятельности как непосредственной форме протекания жизни в форме родовой истории, в том числе с наличием или отсутствием у людей непосредственного желания жить.

Кстати, если этот слой разрушен, и люди просто не хотят жить, никакой мыследеятельностью его не заменишь. Эти жизнедеятельностные формы витальностей являются, безусловно, историческим образованием, продуктом всей мировой истории, точно так, как продуктами истории являются семья, брак, язык. Но историческое формирование этих жизнедеятельностных образований вынесено в протоисторию, в исходную антропологическую коллективность, в тот исторический горизонт, где ритуал смыкается с мифом, а с другой стороны, возникает их важнейшее противопоставление и отделение друг от друга (В. Н. Топоров).

Здесь важнейшим разделением является соотношение общественных ситуаций и образцов культуры (с соответствующими каналами трансляции этих образцов). Но уже от слоя выделенных систем витальностей, систем жизнедеятельности начинается реальная формационная история с институтами рабства, тер-

риториализациями (привязкой человека к производительным системам земледелия на территории) и детерриториализациями, формированием системы разнообразных рынков, превращением рабочей силы в товар, формированием систем технологического развития на основе внерыночных форм государственного планирования, наконец, трансферта технологий, инфраструктур и институтов, а также трансферта метаинститута знания, на основе которого могут переноситься на другие территории новые институты, инфраструктуры, новые технологии.

При развертывании этого огромного (но вполне обозримого, счетного) числа слоев формационно-институциональной истории (отвлекаемся от истории отдельных институтов, таких как театр, общественное собрание, суд, цех, банк, университет, корпорация, войско, академия, Госплан, биржа и т. д.), которая не является мышедеятельностной, но предполагает системный и полисистемный анализ, можно зафиксировать, что мышедеятельность как описание становящейся реальности (с которой прежде всего связано формирование эпистемического сообщества, общества развития), противостоит онтологии деятельности и схеме деятельности.

Для Г. П. Щедровицкого и ММК онтология деятельности и соответствующая методологическая теория деятельности непосредственно предшествуют схеме мышедеятельности. И это предшествование, с одной стороны, выражает исторический факт деятельности ММК: сначала была разработана и создана онтология деятельности, лишь позднее появились и стали вводиться системно-мыследеятельностные представления; а с другой стороны, обозначает восходящий общественно-исторический тренд от формации внерыночной плановой организации и создания технологических систем к цивилизации другого типа.

Обратите внимание, не возврат к рынку навстречу западному обществу*, а движение принципиально в иную сторону. Мы

* Хотя более жесткой критики советского общества, чем в работах Г. П. Щедровицкого, я не встречал у диссидентов — начиная от анализа диалектического материализма (который оказывался субъективным коллективно-солипсическим идеализмом, вписывающим в устройство общества и природы субъективные представления групп ученых) и до анализа оведомствляющего отраслевизма в организации советской экономики, который до сих пор является доминирующей формой построения корпораций рыночного постсоветского хозяйства.

специально даем такую заостренно формационную трактовку переходу от системно-деятельностной онтологии к системно-мыследеятельностной, поскольку считаем, что именно схема мыследеятельности и мыследеятельностный подход определяли и до сих пор определяют линию восходящего тренда общественного развития.

Конечно, подобные утверждения нуждаются в соответствующих доказательствах. Но пока остановимся на данной мысли: мы считаем, что введенная Г. П. Щедровицким и членами ММК схема мыследеятельности обозначала восходящий тренд общественно-исторического развития, находящегося за рамками одновременно и советско-планового, и западно-рыночного общества*. Если хотите, схема мыследеятельности задавала пласт представлений продвинутой практико-ориентированной футурологии и видение восходящего общественно-исторического тренда.

Многие могут нас упрекнуть при разработке подобного захода, что мы как-то уж слишком лобовым образом вписываем развитие и формирование системно-мыследеятельностных представлений в «марксему», правда, за рамками и границами теории и методологии К. Маркса. Что ж, след трактовок А. С. Шушарина**, благодарного читателя наших скромных работ двадцатилетней давности и работ ММК, действительно не дает нам покоя. Но необходимо иметь в виду, что данная марксема перестает быть марксемой, поскольку в рамках нее вполне принимаются все проблемы о роли и функциях подъема уровня сознания в самых разнообразных мировых практиках, от даосизма до православия, вполне допускаются практики обожения

* См. «...сами выражения “деятельность”, “действия”, если оставить в стороне их определение через схемы воспроизводства (выделено мной. — Ю. Г.), выступают как выражения чрезвычайно сильных идеализаций, чрезмерных редукций и упрощений, которым в реальности могут соответствовать только крайне редкие искусственно создаваемые и экзотические случаи. В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и мыслекоммуникацией». — Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М., 1987 [Перепечатано в: Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005]. Цит. по публикации 2005 г. С. 782.

** См.: Шушарин А. С. Полилогия современного мира (Критика запущенной социологии). Книги 1–5. М.: Мысль, 2005–2006.

и синергийные формы мыследеятельности — не синергийной антропологии, но именно синергийной мыследеятельности.

Идея восходящего тренда становится совершенно очевидной, если считать, что схема мыследеятельности выделяется как управляющий надстраивающийся оператор-концепт над системно-деятельностными представлениями. Схема мыследеятельности снимает системно-деятельностные представления, но не уничтожает их, поскольку на основе системно-мыследеятельностных представлений может быть показано, что деятельность есть не что иное, как мыследеятельность, редуцированная до процедуризованных и операционализированных воспроизводимых форм мыслительных действий, которые могут доводиться до уровня операциональных функций и замещаться машинами. Очевидно, что прослеживание подобных снятий осуществляется внутри действительности методологических схем, а не на развернутых представлениях о системе общественных трансформаций и изменений. Но и подобного прослеживания и анализа оказывается достаточно для выявления и фиксации самого намечаемого направления изменений.

Таким образом, в целом вводимая схема мыследеятельности противостоит в нижнем слое жизнедеятельности, жизненно-му миру, формам витально-родовых активностей; в верхнем слое она отделена от системно-деятельностных представлений. Между системами витальностей жизнедеятельности и системно-деятельностным слоем находится значительное число институционально-формационных слоев, которые еще нуждаются в выявлении и описании их сущности на мыследеятельностном языке. Это фактически снятые слои формационно-институциональной истории (в старом языке истмата — рабовладение, феодализм, капиталистическое хозяйство и т. д.). И выше, над схемой мыследеятельности, располагается историко-формационное методологическое распределенное мышление, которое позволяет анализировать и рассматривать все представленные выше историко-формационные процессы. На подобной схеме мы можем последовательно просматривать весь набор важнейших оппозиций современного общественно-исторического познания: мышление — жизнь, институциональная история — деятельность, институциональная история — мышление. Все эти представленные оппозиции и связи задают определенную методологическую конструкцию проблем общественно-исторического познания на основе введения схемы мыследеятельности как схемы, определяющей становление новой общественно-исторической реальности.

Схема мыследеятельности и реальность

Схема мыследеятельности является схемой новой становящейся реальности, поскольку она определяет происходящие изменения сложившихся систем порядков и вводит исходно новые формы беспорядков и хаосов, из которых могут возникать и структурироваться принципиально новые системы порядков. Г. П. Щедровицкий постоянно говорил и писал в своих работах про принцип «трех Г» в процессах мыследеятельности: гетерохронность, гетерархированность, гетерогенность*. Процессы мыследеятельности движутся и разворачиваются в разных многих временах, процессы мыследеятельности обладают многими сменными иерархиями и формами постоянно меняющегося иерархического упорядочивания, процессы мыследеятельности состоят из разнородных элементов; и различные организации в процессах мыследеятельности обладают своим собственным автономным генезисом: знаки — своим, сознание — своим, знания — своим, инструменты и орудия — своим, смыслы — своим и т. д.

С этой точки зрения, можно утверждать, что реальность мыследеятельности обладает стирающим эффектом по отношению к сложившимся формам порядков, она «сминает», делает недействительными сложившиеся формы таксисов-порядков и предполагает введение новых. В этом контексте очень интересно упомянуть аналогичный ход, который прodelывает Ж. Делез, проблематизируя широко представленную в европейской культуре древовидную форму упорядочивания с ее основными функционально-иерархическими членениями

* Ср.: «...Все системы мД будут *гетерогенными, гетерохронными и гетерархированными ИЕ-полисистемами*». — Щедровицкий Г. П., Котельников С. И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Нововведения в организациях. Труды семинара ВНИИ системных исследований. М., 1983 [Перепечатано в: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. — М.: Шк. культ. полит., 1995]. Цит. по публикации 1995 г. С. 135. В другой фундаментальной работе, специально посвященной схеме мыследеятельности, Г. П. Щедровицкий дословно повторяет эту фразу. — Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М., 1987 [Перепечатано там же]. — См. публикацию 1995 г. С. 288.

«верхушка — ствол — корень» и вводя на ее место ризому*, ризомальное упорядочивание — когда все замыкается на все, все пересекается со всем, все обменивается на все (Ж. Бодрийяр), и второстепенные ультраслабые связи, не принадлежащие характеристикам данной системы, начинают играть первостепенное значение. Конкретным примером подобных ультраслабых хаотичностей, сминающих устоявшиеся привычные формы организации жизни, является идея посткорпоративного будущего (О. И. Генисаретский) — когда индивидуальный стиль жизни профессионала важнее при его реальном самоопределении, чем корпорации и членство в правительстве.

При описании этих новых форм хаоса связи и разрывы («дюс» и «син», дюс-энергии и син-энергии, дюс-иконии и син-иконии — О. И. Генисаретский)**, приводящие к нарушению границ взаимодействующих систем и, наоборот, к их более жесткому обособлению и видимому окукливанию, увеличение разнородности, возрастающая множественность собираемых в едином поле взаимодействия разнородных образований, позволяет говорить, с точки зрения предшествующих форм нарастания хаоса, о полифонизации и какофонизации гармонического целого: вместо осуществления одного центрального процесса, одной центральной линии движения, одной мелодии в системе, начинают обнаруживаться одновременно три-четыре «нити» процессов, разворачивающихся как бы независимо друг от друга, «под шумок» (одно из любимых слов Г. П. Щедровицкого),

* Ризома (фр. *rhizome* — «корневище») — одно из ключевых понятий философии постструктурализма и постмодернизма, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари в одноименной книге 1976 года (Deleuze G., Guattari F. *Rhizome*. Paris, Minuit, 1976). Во французском языке слово *rhizome* созвучно с *réseau* — «сеть».

** «Так, синергия... — это лишь один, энергийный срез богочеловеческих отношений, в котором происходит соопределение божественной и человеческой воли. Применительно к сознанию, если оно рассматривается как отличное от воли, сообразнее говорить о синиконии, символическом подобии образов и праобразов человеческого и божественного сознаний-умов... Префикс «син» во всех выделенных курсивом терминах зарезервирован нами для того, чтобы подчеркнуть специфическую для обозначаемых ими состояний соотнесенность с тем (кем), что (кто) находится за их, состояний, пределами, и оставить открытой возможность для их соотнесенности с иным». — Генисаретский О. И. Окрест вершин: антропологическое воображение и перфективный праксис // Совершенный человек. Теология и философия образа. М.: Институт востоковедения: Валент, 1997. С. 280—281.

параллельно давая замыкание в форме смыслового взрыва и понимания новой целостности.

Примером является становящееся уже банальностью сближение проблем мирового финансового кризиса и как бы самовспыхивающих (а на самом деле, хорошо подготовленных) военных конфликтов — но до сих их соединение, стягивание в единое поле принимается за некоторое откровение. С этой точки зрения, мыследеятельность оказывается принципиально открытой системой, границы которой определяются возможностями сознания и формирующегося мышления, способной «вместить» в себя происходящие процессы.

Открытость мыследеятельности к преобразованиям извне: мыследеятельностная форма

С этой точки зрения, мыследеятельность является не только становящейся исторической реальностью, но она, кроме всего прочего, и абсолютно открытая реальность. Открытая к познанию, к проектированию, к формированию и обнаружению новых возможностей, в том числе к тому, какие ставшие формы и принципы мыследеятельность приобретет. При этом открытость мыследеятельности к преобразованиям может обнаруживаться парадоксальным образом и извне, и изнутри.

Открытость мыследеятельности к переопределениям и преобразованиям извне определяется тем, что для нее оказывается ненужной категория целого. Не может существовать «целомыследеятельности», поскольку целым оказывается все то, что может быть втянуто в мыследеятельность, переорганизовано на основаниях подобного втягивания и включения, а также схематизировано и описано методологическим сознанием как подобная переорганизация. Принципиальным является удержание вместе в едином взаимно сообщающемся комплексе трех слоев мыследеятельности — мышления, мыслекоммуникации и мыследействования. Наличие трех увязываемых и удерживаемых слоев определяют существование полной, а не редуцированной мыследеятельности.

Полнота мыследеятельности с ее обязательной совокупностью взаимопропускаемых друг через друга процессов противостоит целостности. При подобном подходе требуется очень серьезная проблематизация категории формы, и в том числе, трех вариантов категориальных оппозиций, связанных с дан-

ной категорией: «форма—материал», «форма—содержание» и «форма—смысл». По отношению к мыследеятельности перестает работать особая мыслительная формация, которая Ж. Делезом и Ф. Гваттари со ссылкой на работу Ж. Симондона* была названа гиломорфизмом — наложением статичной неизменной готовой формы на пассивный материал**. Возникает особый вопрос: что характеризует процесс формообразования в мыследеятельности? Если в работах И.-Г. Фихте было показано, что формой в трансцендентальном идеализме является выявляемое и рефлектируемое мыслительное действие, делодействие, то формообразование в мыследеятельности связано с мыслекоммуникацией, соотнесенной и соорганизованной с процессами мышления и мыследействия.

Мыслекоммуникация не является простой формой психологического общения, где люди в результате обнаруживают некоторую свою общность, мыслительно невыявляемую, но внутренне переживаемую и ощущаемую, часто по типу совместности присутствия в ситуации. Мыслекоммуникация предполагает, что будет зафиксирована максимально возможная разность позиций, за которой стоит разность типов и форм мышления, а также разность ситуаций действия.

С этой точки зрения, мыслекоммуникация является формой «различения» одной позиции и другой, одного представления и другого, одной традиции и другой, одной возможности действия и другой, где единством этих полагаемых различий является сам процесс взаимопонимания в мыслекоммуникации, предельной и одновременно исходной формой которого является способность схватывать интенцию сознания партнера по коммуникации на событие, которое еще только будет. Собственно, этот момент и представлен на схеме мыследеятельности.

Другое дело, что остается непонятным следующий момент: не зафиксирован ли этот акт-событие мыслекоммуникативного «различения» из некоторой третьей позиции, не представлен-

* Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. P.: PUF, 1964.

** Гиломорфизм (hylémorphisme, от греч. ύλη — «материя» и μορφή — «форма, образ») — метафизическое учение, восходящее к Аристотелю, согласно которому актуальная специфическая реальность физического предмета сосредоточена в μορφή, тогда как ύλη вносит в его бытие лишь потенциальность и ограниченность. Ж. Симондон выступает как критик гиломорфизма, противопоставляя ему сеть (réseaux). — См. также: Simondon G. Individu et collectivité. Pour une philosophie du transindividuel. P.: PUF, 1999.

ной и не обозначенной на схеме помимо нарисованных двух. Эта третья позиция, потенциально участвуя в коммуникации, схватывает различие двух взаимодействующих позиций. Затем схваченный в рефлексивном мышлении этой третьей позиции акт-событие «различения» может быть переведен в понятийно-мыслительно фиксируемое различие, которое становится единицей семантических операторов внеонтологического понимающего мышления и дальше может быть превращено в организованность знания. Другими словами, можно предполагать, что на схеме мыследеятельности обозначен и выявлен акт-процесс проблемной мыслекоммуникации, мыслекоммуникации в ходе проблематизации.

Таким образом, именно мыслекоммуникация в полной системе или мультисистеме мыследеятельности, захватывающей и стягивающей в единое целое несколько автономно существующих систем мыследеятельности, является основой процессов формообразования, выявления и предъявления некой новой формы событийного процесса, который осуществляется и складывается. Это не просто взаимопонимание, изолируемое и не связываемое с мышлением, или то, что затем не может быть переведено в определенный способ действия. Мыслекоммуникация является тем, что постоянно опосредует и работу процессов мышления, и осуществление мыследействия.

Вместе с тем «чистота» акта взаимопонимания, способность улавливать ретроспективную (направленную на прошлое) и проспективную (направленную на будущее) свободную спонтанную интенциональность (в отличие от насильно продавливаемой тенденциозности) чужого сознания считать мыслительные картины сознания, восстанавливать намерение действия другого оппонента, осуществлять эnumерацию интуиций — того, что является очевидным для другого сознания — совершенно необходима для конституирования процессов формообразования в мыследеятельности и затем для выявления и выделения этих форм на основе рефлексивного мышления.

Так как мыслекоммуникативная событийность в проблемной ситуации является ядром и основой формообразования, в основе которого лежит смысл совместно пережитого события проблематизации, то категории «форма—содержание», «форма—материал» вступают в действие лишь после того, как была выявлена и конституирована мыследеятельностная форма, тем более что и понятие «содержание», и понятие «материал» требуют совершенно иной трактовки и опираются

на совершенно иное понимание в рамках анализа системно-мыследеятельностных процессов.

Содержанием в системе мыследеятельности оказывается то, что удерживается в силу наличия самой формы, но эта форма должна быть еще выявлена. Содержание как «совместное держание» смысла события — это скорее характеристика самой мыследеятельностной формы как таковой, которая еще должна быть выявлена и схематизирована. Содержание возникает на своеобразном подтягивании к новой схеме выявленной полной мыследеятельности проработанных мыслительных средств-категорий, семантических различений, типологий, имеющихся схем.

Поэтому мыследеятельностное содержание, а точнее, мультисодержание, разные типы содержаний являются чаще всего программой систематизационной проработки, выявленной в проблемной коммуникации и зафиксированной в виде схемы мыследеятельностной формы, в результате включения этой формы в самые разнообразные мыслительные позиции. При этом мыследеятельностная форма может быть единой, хотя каждый раз и по-разному фокусируемой и проецируемой, а содержания могут быть весьма разными в зависимости от типа предметного и распрямленного мышления, в котором осуществляется подобная проработка.

Материалом мыследеятельности оказываются системы и процессы следующего уровня по отношению к исходной форме мыследеятельности в виде взаимно сорганизованных трех слов: мышления, мыследействия и мыслекоммуникации. Все дело в том, что любые организованности в процессах мышления, мыслекоммуникации, мыследействия, такие как знание, знаки, схемы, группы и коллективы, смыслы, ценности, сознание, средства, различения, способности и компетенции, технологии, правовые нормы, машины, орудия и инструменты сами оказываются процессуализированы и могут быть представлены как процессы, выступающие либо в виде мыследеятельностных механизмов по отношению к исходным процессам — мышлению, мыслекоммуникации, мыследействию, где под механизмом у Г. П. Щедровицкого понимается не псевдотехнологический машинный апокалипсис, но процесс — поставщик реальности для исходно зафиксированного процесса.

При этом сами процессуализированные организованности — системы и процессы второго уровня реализуются («паразитируют») на процессах третьего уровня и так далее: под рефлексивно-понимающими механизмами работы сознания

выявляются энергийные состояния разных типов осознаний, за схемами и знаками — констелляции фигури-фоновой визуальной воззрительности, за формами коллективной организации — институционально-правовые и ценностные системы, за технологиями — формы процедуризации и операционализации деятельности процессов и т. д.

Важнейшей проблемой при проработке категориальной оппозиции «форма — материал» становится анализ границ и пересечения границ мыследеятельностной мультисистемы, а также выявление границ первого, второго, третьего и далее порядков. Порядки мыследеятельностных систем не являются иерархией, они лишь определяют правила анализа, и, более того, очень часто выявление содержательных характеристик в процессах системы третьего уровня переопределяет форму организации слоев мыследеятельностной системы первого уровня мышления, мыслекоммуникации, мыследействия в соответствии с принципом Виталия Дубровского: замыкания «атома (сегодня следует сказать “наноразмерности”) на универсум». Подобные переходы от систем одного уровня к анализу запечатанных в них систем и далее получили в методологии название матрешечных схем. Анализ мыследеятельностных процессов предполагает обязательное использование матрешечных схем.

Становится хорошо понятно, что мыследеятельностной формы не возникает, и она не выявляется, если происходит опережающее забегание в виде понимания или рефлексивного осознания, результаты которых не могут быть переброшены в качестве материала на «досточки» мышления в различные мыслительные позиции. С этим связан важнейший момент системно-мыследеятельностного подхода, заключающийся в том, что процессы рефлексии и понимания, а также их более сложные синтетические формы: понимающая рефлексия, рефлексивное понимание — имеют совершенно иной статус, чем процессы-слои мыследеятельности: мышление, мыслекоммуникация, мыследействие. Эти процессы имеют статус субъективных функций, но не объективных процессов мыследеятельности.

Вместе с тем отдельный участник мыследеятельностных процессов может забегать в своем понимании за границы того, что может быть понятно в данный исторический момент другими участниками мыследеятельности, а затем ими мыслительно усвоено или как-то включено в ситуации мыследействия. В таком случае этот оторвавшийся индивидуальный фронт понимания, противостоящий возможности его включения в вы-

являемую форму мыследеятельности, образует основу для анализа мистики, различных профетических систем. Мистика и профетика (осуществляемые пророчества) определяются как раз невозможностью распространить на данный индивидуальный фронт понимания формы полной мыследеятельности. Если потом через какое-то время за счет накопления знаний в различных дисциплинах это становится возможным, результат мистического откровения может быть переведен в продукт сугубо рационального познания.

Мыследеятельностный анализ и антропологическая редукция

Подобное признание безусловной действительности за процессами рефлексии и понимания, за очевидностями сознания и в то же время отделение их от процессов-слоев, которые образуют полную мыследеятельность и ее форму, связано с преодолением опасностей антропологической редукции (не только антропологической редукции в области богословской мысли, о чем писал Х.-У. фон Бальтазар*, но антропологической редукции во всех формах духовной активности — невозможности свести мышление к человеку, деяния к человеку, хотя и мышление и деяние возможны благодаря сознанию человека, а о «марсианском разуме» мы пока ничего не знаем) и запрета на воспроизводство социокультурного, религиозного (любого) фейербахианства при анализе социокультурной реальности в виде антропных онтологий, антропных картин мира.

Все дело в том, что человек и все, что пронизано и оживлено энергетикой его сознания, является всего лишь материалом одного типа наряду с иного рода материалами — веществом природы, знанием, знаками, схемами, правовыми системами, формами организации и т. д. Это все разные материалы, на которых разворачиваются и осуществляются процессы мыследеятельности: мышление, мыслекоммуникация, мыследействие. Сами эти материалы при их последующем анализе оказываются процессами второго или третьего уровня, заключенными в контур исходных мыследеятельностных процессов, т. е. находящимися внутри исходной «матрешки» полной системы мыследеятельности.

* «Антропологической редукцией» Х.-У. фон Бальтазар назвал *тотальное очеловечивание всего умозрительного пространства*. — См.: Бальтазар Х.-У. Достояна веры лишь любовь. М.: Истина и жизнь, 1997.

Очень важным, например, является проблема позиционного анализа как одного из способов выявления формы мыследеятельности, стянутых в единый контур мыслекоммуникативных взаимодействий различных типов мышления и мыследействия. Совершенно справедливо может быть задан вопрос: за счет каких, собственно, антропологических ресурсов обеспечивается позиционное самоопределение: вхождение в новый ролевой контекст, воспоминание некоторого собственного прошлого опыта, актуализация чужого опыта и так далее.

На первый взгляд кажется, что это все единственно содержательные вопросы по сравнению с рисованием «морковок» — фигурок позиций и чисто номинативно-назывного их обозначения. Но все дело в том, что механизмы реализации позиционного мышления, а дальше и сознания — это процессы анализа систем второго или даже третьего уровня, поскольку к механизму позиционирования при определенных условиях могут относиться и родовые голоса, о чем писала Ахматова — об устах стомиллионного народа, который позиционно говорит через ее строчки.

А исходным моментом является выявление через набор представленных во взаимодействии позиций самого позиционного пространства, его мерности и мощности, которая может удерживаться в одной из рефлексивных позиций методологического мышления. Эта исходная пространственность мыследеятельности как ее первофеноменологическая (феноменозидетическая, но не феноменальная, связанная лишь с внешне воспринимаемыми явлениями) форма, в отличие от обнаружения границ мыследеятельности на основе использования исходной категории процесса, является более важной, чем анализ того содержания, который определяется при рассмотрении позиционной формы самоопределения.

*Проблемная мыслекоммуникация как Zeitgeist**

Можно было бы утверждать, что герелевский *Zeitgeist* сегодня — это процессы проблемной мыслекоммуникации, собирающие вокруг себя разнопозиционное и разнотипологическое мышление и мыследействие. При этом деятельность *Zeitgeist* состоит в том, чтобы максимально разъединять и разводить, «растаскивать» близкие по смыслу содержания, одновременно удерживая их в общем поле взаимопонимания,

* *Zeitgeist* — дух времени (нем.).

каждый раз затем обнаруживая институциональную форму событий проблематизации, в которых столкнувшиеся мышления были выявлены как разные.

Именно мыследеятельность проблематизации и ее формы являются метасетевой структурой, определяющей принципы мировой истории интеллектуалов. Отнюдь не столько коммуникация в интеллектуальных сетях, о чем написано в гениальной книге Рэндалла Коллинза «Социология философий»*, лежит в основе истории интеллектуалов, сколько мыследеятельность проблематизации с особой ролью проблемной мыслекоммуникации, позволяющей стягивать и одновременно разводить, превращать в особый тип дистаксии — различного и разделенного беспорядка — межцивилизационное, межграницное, иное и инаковое. Стыки, складки, зазоры, расщелины, зияния, разного типа нелинейности формируют ландшафт движения разнообразных интеллектуальных групп. Парадоксы, противоречия, антиномии, парадоксалистские образы, странная сведенность в едином клубке взаимоисключающих понятий в виде форм фиксации проблемы являются следом в понимающем мыслекоммуникативном мышлении, к которому следует постоянно обращаться, как к нити Ариадны, для реконструкции интеллектуальной истории.

Собственно, события проблематизации и являются следом в мировой истории интеллектуалов, требующим реконструкции. Мыследеятельность проблематизации является своеобразной надсетевой активностью, обозначая границы возможного и невозможного на данный момент для интеллектуальных продвижений. Поскольку именно мыследеятельность проблематизации является замыкающей объемлющей формой, она превращает сетевые взаимодействия (и в виде транслятивных взаимодействий, и в виде других типов коммуникации) в материал для переоформления. Ведущим при этом содержанием формообразования является проблемная мыслекоммуникация. Тезис Рэндалла Коллинза на основе системно-мыследеятельностного подхода можно было бы принять в следующем уточненном виде: именно проблемная мыслекоммуникация в сетях является важнейшим элементом мировой истории интеллектуалов.

Но мы-то считаем, что именно институт проблематизации в виде полной мыследеятельности проблематизации, включаю-

* Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

щей антиномичные формы мышления, мыследеятельность интеллектуального противоборства и, конечно, проблемная мыслекоммуникация как основа диалектического дискурса составляет основу интеллектуальной истории; история становления и развития данного института, собственно, и нуждается в реконструкции. Диалектические поединки Платоновской академии, диалектический диалог-состязание в буддистских школах, спор-диалог китайских неоконфуцианцев и т. д. являются предметом специального анализа для системно-мыследеятельностного подхода.

В настоящий момент одной из важнейших задач является перенос принципов анализа и организации мыследеятельности проблематизации на междивизиационный диалог с введением метакультурной позиции, позволяющей осуществлять цивилизационное распрямление, выходить за рамки «эгокультурности» (А. С. Шушарин). Одним из важнейших принципов мыследеятельности проблематизации в междивизиационном диалоге является трансграничная идентичность, позволяющая обнаруживать собственную социокультурную идентичность при перешагивании через цивилизационную границу.

Системно-мыследеятельностный подход как эписте-мологическая программа

При разработке мыследеятельностных представлений очень важно ответить на вопрос, в какой тип знания должны оформляться создаваемые представления, что собой должно представлять знание про мыследеятельность, как должно быть устроено мышление про мыследеятельность. По всей видимости, речь должна идти о формировании методологических теорий мыследеятельности в форме специальной методологической дисциплины.

Первоначально можно было бы считать, что задача заключается в том, чтобы построить особую дисциплину — «Методологическую теорию мыследеятельности», — соотносимую с «Методологической теорией деятельности». Но на рубеже 1975—1979 гг. в ММК Г. П. Щедровицким была предложена совершенно особая эпистемическая структура — подход*.

* См., например: Щедровицкий Г. П. Методологический подход как средство объединения знаний из разных научных предметов // Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук. Тезисы докладов. М.; Обнинск, 1978.

Основная идея подхода заключается в постоянном отслеживании и соорганизации в формируемых мыслительных пространствах соотношения реализуемых, реально осуществляемых деятельностных схем (позиционных, инструментальных, аксиологических и т. д.) и объектно-онтологических, модельно-идеализационных представлений. Видение объекта и схема объекта соотносятся с определенной деятельностной возможностью, с тем, что реально осуществляет и прodelывает мыслитель, в данном случае методолог.

Если одна и та же схема может рассматриваться и как объектно-онтологическая, и как организационно-деятельностная, она получает статус принципиальной схемы, схемы-принципа. Таким образом, и идея принципа получила новую эпистемическую трактовку. Принципом является то, что может деятельностно реализовываться, проживаться в мышлении как собственная личностная позиция на основе использования определенного средства, следования данной ценности, утверждения определенного видения, использования практической схемы действия. И одновременно принцип — это то, что допускает на основе перепроецирования объектно-онтологическую интерпретацию, начинает интерпретироваться и рассматриваться как объект.

Объектно-онтологические и организационно-деятельностные, реализационно-деятельностные схемы не могут быть со-вмещены в одной плоскости. Они для своего различения требуют введения специального многоплоскостного пространства — пространства ортогональных проекций, в котором проекция одной плоскости на другую невозможна или, говоря математическим языком, проекция одной плоскости на другую дает ноль, ничто*.

Можно утверждать, что именно в этом месте происходит восстановление определенного элемента картезианской методологии, принципа дуализма, понимаемого весьма особым образом. Эпистемический дуализм мыследеятельностных представлений состоит в том, что объектно-онтологические структуры несовместимы и несоединимы со структурами схем реально осуществляемой деятельности в процессах мышления. Этот эпистемический элемент картезианства требует нового прочтения всей истории мышления, поскольку при анализе

* Как во время одной из дискуссий предложил определять соотношение ортогональных проекций замечательный ученый Побиск Кузнецов.

любого философского, научно-философского или религиозно-философского представления — будь то концепция идей Платона, Ума Плотина, Трех Ипостасей Единουσущной Троицы, Мистагогии (тайноводства) Максима Исповедника, Знания Фихте, Абсолютного Духа Гегеля — каждый раз будет необходимо в методологическом слое анализа различать, какой деятельностный принцип, какую схему реализовывал мыслитель, а что, собственно, выделялось им в виде объектно-онтологического представления.

Любая Лейбницева складка*, возникающая в виде семантико-типологического различения в мыслекоммуникации, любой вычленяемый стык может быть разложен в мыслительном пространстве на систему ортогональных проекций с различением объектно-онтологической и организационно-деятельностной плоскостей. Разработка и создание эпистемической структуры подхода с отдельно выделяемыми процессами объективации, онтологизации, реализации, типологизации, систематизации и, наконец, системной типологизации, позволяет задавать вполне определенные требования к гуманитарному знанию.

Эти требования выполняются на основе мышления, которое, с одной стороны, принадлежит системе мыследеятельности, являясь одним из ее слоев наряду с мыслекоммуникацией и мыследействованием, а с другой стороны, является трансцендирующим, выходящим за рамки системы мыследеятельности, мышлением. Г. П. Щедровицким был создан очень сильный и важный символ — «чистого мышления». Именно чистое мышление является трансцендирующим, с одной стороны, по-фихтевски ракоходным, пятящимся в генетическом анализе назад, выявляющим основания и принципы, которые привели к складыванию именно данной системы мыследеятельности. С другой стороны, «чистое мышление» противостоит всякой феноменальности, эмпиричности и требует каждый раз очевидного обнаружения и утверждения духовной основы мысли.

Мыследеятельностная трактовка трансценденции. Трансценденция и «чистое» мышление

Для того чтобы выделять и конкретно анализировать мыследеятельностные процессы как субстанциальные характери-

* См.: Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.

стики устройства современного мира (и здесь мыследеятельностный подход приходит в соприкосновение с современными трактовками спинозизма в работах как отечественных исследователей — Э. В. Ильенкова, так и зарубежных — прежде всего Ж. Делеза), необходимо иметь мышление, которое осуществляет трансценденцию — трансцендирование за рамки сложившихся форм деятельности, и создает схемы для действия человека, на основе которых и могут выделяться субстанциональные характеристики современного мира.

Впервые трансценденцию как мыследеятельностный процесс предложил рассматривать Н. Г. Алексеев. За счет трансценденции человек осуществляет выход в поле определенных возможностей действия. Это занятие человеком определенной позиции мышления прежде всего по отношению к будущему, характеризует его способ существования в отличие от эссенциалистских (сущностных) форм мышления* характеристик противостоящего ему объекта. Важно не то, как устроен объект, а то, что делает сам человек, задавая свое представление об устройстве ситуации.

Трансценденция является выходом за границы сложившихся институционально-деятельностных возможностей, которые выявляет человек, осуществляя процесс восхождения к более высокому уровню организации сознания. Трансценденция — это метаинституциональное действие личности. Но одновременно — это и попытка наметить, увидеть, вычленировать новый уровень организации жизнедеятельности. Человек, повышая уровень организации сознания, «тянет» за собой в своем видении уровень организации жизни. Более высокий уровень организации сознания позволяет воспринимать интенсивнее организованной и жизнь.

Но это видение не является видением объекта, онтологией. Это скорее онтика, поскольку, выстраивая подобное сущностное видение, человек сохраняет предельную чувствительность к тому, каким видением складывающейся формы жизни обла-

* Критику эссенциалистского мышления см. в работах С. С. Хоружего, который противопоставляет ему энергичный дискурс русской философии. Следствием общей критики эссенциального дискурса, или же «преодоления метафизики», по формуле Ницше, становится тезис об отказе от эссенциалистской модели человека, или о «смерти человека Аристотеля—Боэция». См.: Хоружий С. С. Современные проблемы православного мирозерцания. М., 2002.

дают другие люди, с которыми он находится в процессе мыслекommunikации, какую позицию они занимают, на каком уровне организации сознания они находятся. В этом случае создаваемая им схема не вытесняет тех картин сознания, которые являются при взаимодействии с другими людьми. Другое дело, что для того, чтобы действовать, необходимо осуществлять процесс проблематизации данных картин сознания. Собственно, проблематизация является основным поединком-ритуалом действия интеллектуалов (если пользоваться языком Рэндалла Коллинза), начиная с возникновения в европейском ареале сократо-платонического диалога.

Таким образом, человек, формирующий практику будущего, — это личность, осуществляющая практику личностного развития и восходящая к более высоким уровням организации сознания на основе трансцендирующего мышления, позволяющего построить схему действия и находящегося в мыслекommunikации с другими участниками общественной практики.

Схемы, выделяемые в мышлении, трансцендирующем по отношению к сложившейся форме жизни, являются продуктом и средой чистого мышления. Именно на их основе осуществляется преодоление сложившейся практики. Такие схемы представляют собой альтернативу сложившейся практике, и именно они могут стать средством проблематизации иного типа привычных сложившихся видений у других участников ситуации. Именно теоретическое чистое мышление направлено на формирование новой практики, поскольку его интересует истина, и оно противостоит сложившейся практике.

Но это чистое мышление, обнаруживающее свою действительность в идеальных схемах и виртуальных формах движения, «лестницах» восхождений и нисхождений, связано системой переходов с рядами других мышлений: рефлексивным метамышлением, которое надстраивается и охватывает и коммуникацию, и мыследействие, и само чистое мышление; понимающим «семантическим» мышлением, движущимся в различениях и смыслах; операционально-конструктивным мышлением на моделях и схемах; категориально-языковым мышлением; мыслекommunikативным мышлением в ситуации коммуникативных взаимодействий; мышлением в ситуации действия и т. д. Чистое мышление выступает завершающей предельной точкой этих разных типов мышления, включенных и осваивающих полную систему мыследеятельности, разные типы материально-языковых, знаковых элементов, включая и состояния сознания.

Но само чистое мышление может рассматриваться и как идеально-спекулятивный элемент этого ряда, и как виртуальная сфера вышеупомянутого ряда различных типов мышления. Идеально-спекулятивный элемент связан с обособлением и выделением мыслительности рассуждения как способности рассудить, осуществить суждение в отношении к идеальной строго выделенной и очерченной характеристике, к идеальному предмету. Этот идеально-спекулятивный элемент полагается как ядро синтетического типа духовной активности мышления, отделяемой от других духовных активностей: понимания-уразумения; проникающей понимающей воззрительности-вообразительности; рефлексивной осознанности; целепостановки и целеобретения; нахождения четкой словесно-терминологической формы номинативной фиксации и т. д. Это выделение чистого мышления — мышления априори — из других типов и форм духовной активности необходимо для опознания мыслительности как таковой с тем, чтобы вернуться к полноте всех оттенков и форм всех типов мышления и целостности духовной активности в реальном практическом осуществлении.

Чистое мышление как виртуальная сфера является открытой областью принципиально новых возможностей, внутри которой развивается не столько отдельный человек, сколько обнаруживает свое становление сам человеческий род. Здесь возможно и образование новых мыслительных языков, которые еще только формируются и должны быть обнаружены; и «мышление на высоких скоростях» (О. И. Генисаретский), трансформирующих и снимающих материально-телесное присутствие в мышлении; и мышление, перевертывающее перспективы видения (проектности прошлого и историцизмы будущего); и различные системы коллективно-сетевого мышления с поиском новой фигуры антропоса в мышлении на основе постановки принципиального вопроса: «Кто, собственно, мыслит?»; и новые формы проблематизации и фиксации проблем, новые типы перспективно устремленной активности в форме мыслительного визионерства.

Хорошо понятно, что без выхода в чистое мышление новых возможностей — совсем неаприорное, но виртуальное Мышление Становления, расплавляющее однозначность устоявшихся различий и границ, — размышлять о развитии и намечать горизонты развития невозможно. Это связано с тем, что развитие охватывает весь земной шар и все человечество и не может существовать российского развития в отличие от фран-

цузского развития, поэтому в Трансцендирующем Мышлении Становления придется устанавливать границу между индивидуальными формами осознания, коллективно-сетевыми ресурсами понимания и родовой памятью.

Мышление Становления, образующее основу Философии Развития, для нас интересно и принципиально только как Мышление Спасения. Но Мышление Спасения интересно нам как мышление средней линии, по поводу которого нельзя с определенностью сказать, что оно источник религиозного вдохновения и благодатных энергий. Но одновременно это точно не мышление нисходящих токов. Это мышление, выдвигающееся на новые, пока неосвоенные территории. В таком мышлении линия восходящего движения, восходящих трендов только нащупывается. Но именно здесь и заключена его ценность — это мышление осуществляет поиск путей продвижения к будущему. Альтернативой подобного подхода является рассмотрение мышления как некоторого автоматически действующего аппарата, своеобразного механизма, который незамедлительно с механической неизбежностью выдает нужный рецепт при нажатии на нужную клавишу.

Предметно-гуманитарное знание про мыследеятельность и развитие мыследеятельностных представлений «изнутри»

Гуманитарное знание про мыследеятельность предполагает развертывание значительного количества предметных исследований в самых разнообразных практиках — образовательной, политической, инженерной, финансово-экономической, юридической и пр. Эти предметные исследования связаны с рассмотрением происхождения и форм употребления самых разных организованностей в мыследеятельности — знаний, схем, сознания, способностей, компетентностей, институтов, в частности института собственности, финансовых институтов, промышленных производств, например их кластерной организации.

Эти предметные исследования, центрирующиеся на самых разных организованностях, могут строиться как самый разнообразный набор научно-предметных дискурсов в самых различных дисциплинах (психологии, педагогике, экономике, лингвистике, семиотике, политологии, социологии, антропологии), как

комплексные полидисциплинарные дискурсы, как метапредметные, допускающие особый тип рефлексивно-мыслительной интеграции различных знаний, распределенные, непредметизуемые и так далее.

Но, обсуждая проблему формы мыследеятельностных процессов, мы анализировали развертывание мыследеятельностных представлений извне, с точки зрения захвата и переформатирования мыследеятельностью все новых и новых других мыследеятельностей, мышлений, мыследействований на основе проблемной мыслекоммуникации. А бесконечность развертывания мыследеятельностных представлений может осуществляться и изнутри, на основе взаимного пропускания и «выворачивания» каждого из трех процессов мышления, мыслекоммуникации, мыследействия через три других*.

Конечно, само разделение на «вне» и «внутри» является весьма условным, и, более того, идущие одновременно процессы интериоризации и экстериоризации делают недействительным фиксированное разделение на внешнее и внутреннее. Сама граница этого разделения постоянно движется и плывет. Она плывет и в структурах сознания. Понятое одним человеком объективируется при помощи схем и становится достоянием группы, преобразованная форма организации мыслекоммуникации группы меняет способы понимания отдельного человека. Именно данное обстоятельство — постоянная сдвигка и изменение в мыследеятельности границы внешнего и внутреннего — делает недействительным теорию Л. С. Выготского о формировании психических функций на основе интериоризации, но оставляет весьма актуальным культурно-исторический подход к анализу происхождения различных мыследеятельностных процессов.

В результате вышеобозначенного взаимного пропускания различных процессов друг через друга мы получаем новую систему из девяти процессов: «чистое» мышление, мыслекоммуникативное мышление, мыследействительное мышление; мыслительную мыслекоммуникацию, мыслекоммуникацию как таковую, мыследействительную мыслекоммуникацию; мыс-

* См., например: «Я не говорю, что мысль есть только коммуникация. Я говорю: мысль существует как коммуникация, как чистая мысль, как мыследеятельность, и это разные формы существования мышления». — Щедровицкий Г. П. Мыследеятельность, рефлексия и мышление // Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. С. 569.

лительное мыследействие, мыслекоммуникативное мыследействие, мыследействие как таковое.

Подобное усложнение набора процессов построено на мыслительном приеме, в свое время предложенном С. В. Наумовым, который получил название «выворачивание» целостной схемы через определенный фокус. Сохранение исходной целостности предполагает одновременное «выворачивание» всех составляющих через все обозначенные фокусы. В данном случае три слоя мыследеятельности выступают как три фокуса, через которые осуществляется «выворачивание» всего набора мыследеятельностных процессов.

Неформалистичная неабстрактная допустимость подобного выворачивания оказывается возможна, поскольку в каждом из процессов, как настаивал на этом Г. П. Щедровицкий, представлены и отображены другие процессы прежде всего за счет действия рефлексии и понимания. В мышлении представлены мыслекоммуникация и мыследействие, но в соответствии с принципами организации мышления в мыследействовании — мышление и мыслекоммуникация, в мыслекоммуникации — мышление и мыследействие.

Осуществление подобного взаимопроецирования различных мыследеятельностных процессов друг по отношению к другу ставит задачу различения близкородственных процессов, полученных в результате данной мыслительной процедуры: мыслительной мыслекоммуникации и мыслекоммуникативного мышления; мыслительно организованного мыследействия и мыследействовательного мышления; мыслекоммуникативного мыследействия и мыследействовательной мыслекоммуникации.

Что означает введение подобного типа различий? Оно предполагает оснащение организацией данных процессов различных практик: образования, разведки, стратегирования, переговорных процессов, интернет-взаимодействий. Появление данных различий на схеме может еще ничего не означать. Это пока некоторая формально-мыслительная версия дальнейшего усложнения мыследеятельностного универсума. Решающий момент заключается в том, как эти различия будут проживаться и превращаться в индивидуальный и коллективный опыт методологов, которые работают с данными процессами.

Мыследеятельностный язык допускает принципиальный диспараллелизм, несводимость в проработке мыследеятельностных процессов объективирующей и субъективирующей

рефлексией. С одной стороны, на схеме мыследеятельности обозначаются процессы, которые могут и должны анализироваться как объективно разворачивающаяся реальность, а с другой стороны, они описываются и интерпретируются как интеллектуально-духовные функции.

Возможность использовать одновременно при анализе мыследеятельностных процессов / интеллектуальных функций и объективирующий, и субъективирующий язык создает особый тип гуманитарной стратегии по разворачиванию мыследеятельностных представлений. Этот тип стратегий предполагает выращивание и отработку на себе группами методологов целого ряда мыследеятельностных функций при решении определенных практических задач с одновременным выделением данных процессов на схемах.

Можно утверждать, что и проработка системно-мыследеятельностных представлений является формой выращивания коллективами методологов и игротехников функций на себе при помощи схемы мыследеятельности. А разве различие разума и рассудка, понятия как субъекта мышления, способности суждения, синтетического суждения априори, силы воображения, чистого мышления, практического разума не является таким же набором интеллектуальных функций, выращенных небольшим коллективом из 30—40 немецких интеллектуальных подвижников-визионеров и затем в особой форме оттранслированных мировому сообществу? История процессов создания целой совокупности интеллектуальных функций различными группами интеллектуалов в мировой истории является важнейшим направлением сопоставительного изучения системно-мыследеятельностных представлений и иных способов описания работы сознания, работы с мышлением, пониманием, действием.

Можно, в частности, утверждать, что различие мыслекоммуникативного действия и мыследействовательной коммуникации (обмена пониманиями различных возможностей действия) является очень важным при проведении международных сессий стратегического сценирования, одного из вариантов организационно-деятельностных игр, нацеленных на разработку сценариев действия. В ходе подобных сессий очень важно различить варианты возможных действий, предъявляемых для обсуждения в коммуникации, и сценарий действия, обеспечивающий сдвигу данной ситуации. Выявление возможных действий в коммуникации и определение конкретного действия составляет, на наш взгляд, основу обсуждения целого ряда

финансово-правовых и международных контекстов, в частности анализа ситуации мирового финансового кризиса.

Но схема мыследеятельности с самого своего возникновения была связана с практикой проблематизации, реализуемой в организационно-деятельностных играх. Ее появление было связано с выявлением и прорисовкой Г. П. Щедровицким реальности индивидуальных профессиональных мышлений как принципиального ограничения мыслекоммуникации между участниками игровой работы в ходе ОДИ-3*. После своего создания схема мыследеятельности становится одним из обязательных элементов методологической технологии управления игрой.

Типомыследеятельностный и типодейтельностный анализ как гуманитарная стратегия

Гуманитарная стратегия конкретизации мыследеятельностных представлений предполагает дифференциацию и разли-

* «Необходимость противопоставлять отдельного участника игры группе в целом по каждому интеллектуальному процессу — по мысли-коммуникации, по пониманию, по рефлексии, по мышлению и, наконец, по мыследействованию — как раз и являлось тем важнейшим моментом, который в 1979–1980 гг. в ходе ОДИ-1, ОДИ-2, ОДИ-3 сдвинул дело с мертвой точки. Особенно резко это выявилося в августе 1980 г. в ходе ОДИ-3: в процессе дискуссии в одной из игровых групп сложилась такая ситуация, когда одни из участников общей работы в группе — М. Г. Меерович — должен был во что бы то ни стало показать, что у него как молодого или «нового» архитектора, несмотря на то, что он участвует в общей коммуникации и должен участвовать в общем действии, совершенно другое содержание мышления, нежели у остальных членов группы, которых он называл «старыми» архитекторами. И, чтобы зафиксировать и сделать этот момент наглядным, М. Г. Меерович зарисовал на схеме, которая изображала расстановку позиций во время дискуссии и затем была названа организационно-деятельностной, рядом с каждым знаком позиции еще особую доску (или отдельный лист бумаги), на которой строились индивидуальные схемы содержания мышления, и наотрез отказался переносить какие-либо схемы со своей индивидуальной доски на общую доску группы и обратно — с общей доски на свою индивидуальную доску. В силу этого индивидуальное мышление, осуществляемое на индивидуальных досках (или листках бумаги), отделилось от общегруппового процесса мысли-коммуникации и получило свое собственное схематическое (и потому материализованное) обозначение и выражение». — Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности... Цит. по изд. 2005 г. С. 773.

чение типомыследеятельностных и типодеятельностных представлений.

К типомыследеятельностным относятся разные типы мышлений, типы мыслекоммуникаций, типы мыследействований, а также предложенные нами пересечения исходных процессов: мыслекоммуникативные мыследействия, мыследействовательные мыслекоммуникации и т. д.

К типам деятельности относятся разные типы исследовательской, проектной, изыскательской, конструкторской деятельности, деятельности руководства, организации, управления, деятельности разведки, сценирования, оргпроектирования, прогнозирования, программирования. Эти типы деятельности требуют своей конкретизации на основе системно-мыследеятельностного подхода, предполагающего введение представлений о том, как строится, например, в проектной мыследеятельности проектная мыслекоммуникация, проектное мыследействие, проектное мышление и т. д., какие дисфункции и новые возможности могут возникать в данной проектной мыследеятельности, если, например, функции проектного мышления будет выполнять конструкторское мышление.

Подобные сложные типы пересечений типомыследеятельностного и типодеятельностного анализа очень близко подходят к анализу важнейших форм деятельности, таких как труд, учеба, игра, борьба. Например, реализация проектной мыследеятельности на основе конструкторского мышления является особым типом искажением соответствия всех слоев мыследеятельности одному типу деятельности — проектному, когда в системе проектной мыследеятельности осуществляются соотносимые и связанные друг с другом на основе рефлексии и понимания проектное мышление, проектная мыслекоммуникация и проектное мыследействие.

Но подобные (часто специально осуществляемые) искажения как раз характеризуют игровую мыследеятельность. Так, в частности, Г. П. Щедровицкий описывал смысл ОДИ-1 и ОДИ-3, когда необходимо было складывать мыследеятельность программирования, а собравшиеся дизайнеры умели лишь проектировать. Таким образом, проектное мышление в игре использовалось в функции программирующего мышления на основе проблемной мыслекоммуникации, организованной руководителем игры и группами методологов.

Соотношение форм деятельности, типов деятельности и типов мыследеятельности задает одну из основных линий гуманитарной стратегии разработки мыследеятельностных представ-

лений. Безусловно, полное изображение подобных представлений может быть осуществлено только в рамках специально создаваемой энциклопедии «Мыследеятельностные науки и практики». Разработка подобных специальных инструментальных представлений совершенно необходима, потому что непосредственно ответить на вопрос, что представляет собой разворачивающаяся перед нами конкретная активность — просто жизнедеятельностное поведение, деятельность, мыследеятельность — невозможно. Для этого надо проводить специальные рассуждения и исследования.

Мыследеятельность и эпистемические единицы

Анализируя и обсуждая корпус мыследеятельностных представлений, мы должны четко зафиксировать, что эти представления конституируются следующими отличающимися друг от друга эпистемическими единицами: схемой мыследеятельности, онтологией мыследеятельности, категорией мыследеятельности, мыследеятельностным универсумом, мыследеятельностью как мировой рамкой, теориями мыследеятельности, системно-мыследеятельностным подходом.

Схема мыследеятельности является схемой-принципом, позволяющим использовать ее и в объектно-онтологической функции, и в организационно-деятельностной, реализационно-имплементирующей функции. Данная схема является исходной клеточкой целого класса схем, позволяющих детализировать мыследеятельностные представления: разворачивать процессы мыследеятельности, выделять различные структуры и связи из слоев мыследеятельности, рассматривать происхождение и употребление в мыследеятельности различных организованностей (знаний, схем, знаков, способностей и т. д.), выделять процессы следующего уровня анализа, являющиеся материалом для исходных процессов — мышления, мыслекоммуникации, мыследействия.

Использование данной схемы в виде формы, позволяющей осуществлять проживание определенных процессов и организовывать действие, позволяет артифицировать и оестествлять мыследеятельностные процессы в различных ситуациях методологической работы, а также обнаруживать принципиальную связь между типом реализуемой схемы и формой объектно-онтологических представлений.

Онтология мыследеятельности является на настоящий момент предельной онтологией в отличие от предметных и объемлющих онтологий. Она позволяет рассматривать все, проис-

ходящее в ситуации, как разворачивающееся внутри процессов мыследеятельности, включая и молитвенно-литургическую мыследеятельность, и процессы богопознания, и процессы познания природы (например, изменение климата), а также политические процессы.

Категория мыследеятельности, различаясь с категориями деятельности и жизнедеятельности, позволяет зафиксировать полноту мыследеятельности как единство трех протекающих процессов — мышления, мыслекоммуникации и мыследействования — в функциональных различениях этих процессов друг от друга. При помощи данной категории фиксируется не мыслительная деятельность, не деятельность мышления (как ряд российских философов начинали воспринимать мыследеятельность, справедливо считая, что мышление это не деятельность), а именно странное универсальное единство трех слоев, взаимно удерживающихся друг относительно друга, но также соотнесенных на основе рефлексии и понимания. Важным категориальным противопоставлением является различение мышления как слоя внутри системы мыследеятельности и методологического мышления, в котором, например, используется схема мыследеятельности, категория мыследеятельности и т. д.

Мыследеятельным универсумом является попытка рассмотреть изменение и формирование в истории различных систем мыследеятельности, различных типов мыследеятельности — разных видов коммуникации, мышления, мыследействования; в том числе и процессы происхождения мышления, языка, сознания. Так, например, обозначенный в гениальных работах В. Н. Топорова, происходящий, по всей видимости, во всех культурах процесс формирования мифологических структур, мифопоэтического сознания на основе ритуального мыследействования требует специального анализа на основе мыследеятельностных представлений и различий, мыслекоммуникации и мыследействования. Процесс генезиса культуры из ритуального жеста точно так же предполагает анализ мыследействительных структур ритуала. В этом случае мыследеятельность начинает выступать как своеобразная мировая рамка, необходимая для анализа процессов культургенеза и антропогенеза.

Теориями мыследеятельности являются частные методологические теории: предметные, полидисциплинарные, комплексные, метапредметные, распределенные, в которых ставится задача описать генезис и употребление (использование) в процессах мыследеятельности различных организованностей

(знаков, институтов, схем, способностей, компетентностей, знаний и т. д.).

Системно-мыследеятельностный подход является сложным методологическим средством, особой эпистемической структурой, позволяющей организовывать объектно-онтологические представления о процессах мыследеятельности, связях процессов, организованностей, материалов (в соответствии с категорией системы) и формы задействования, реализации, проживания данных представлений как на основе исторического анализа, так и на основе практических мероприятий — ОДИ, сессий, ситуационных анализов и т. д.

III. Эпистемология и семиотика

Б. В. Сазонов

Понятие «проблема» и процессы проблематизации в ММК как ключевые для понимания методологического мышления

Московский методологический кружок на разных этапах обращался к разным представлениям о «проблеме». В том числе представлениям функционально близким, но проходящим под другими терминами. Эти представления существенным образом повлияли на начальное построение и трансформацию «теории мышления» в ММК. Но параллельно Московский методологический кружок «собственноручно» осуществлял мыслительную деятельность и рефлексировал ее, и в этих процессах важнейшее, едва ли не центральное место занимали процессы и процедуры проблематизации. Таким образом, обращение к теме «проблема и проблематизация в истории ММК» предполагает необходимость разбираться в этой достаточно сложной, многослойной и в каком-то смысле синкретической действительности.

Я остановлюсь более подробно на первом этапе ММК, а именно на содержательно-генетической логике, на принятых в ней представлениях, близких к понятию «проблема» и их роли в конструировании представлений о «мышлении», «мыслительной деятельности».

Как неоднократно заявлял Г. П. Щедровицкий, эти представления в дальнейшем получили серьезную трансформацию, были развиты, менялись, критиковались, в том числе и отрицались в каких-то существенных деталях. Однако основной корпус идей и методологических подходов, намеченных в первый пе-

риод жизни ММК сохранялся. Или иначе: именно Г. П. вновь и вновь встраивал исходные понятия о мышлении и проблеме в последующие теоретические представления, базирующиеся уже на категории деятельности.

Поэтому понять то, какими в результате развития ММК оказались те или иные конструкции, связанные с этими понятиями, нельзя, если мы не проведем достаточно подробный, и в том числе критический анализ шагов, сделанных на первом этапе, на этапе «содержательно-генетической логики».

Часто я буду говорить о ММК как обезличной структуре, хотя за этим всегда стоит его лидер — Георгий Петрович Щедровицкий как инициатор, носитель и держатель критериев оценки содержательных подходов, а также организатор коллективной мыслительной деятельности, которая обеспечила уникальные темпы продвижения в содержании и без которой методология перестает существовать.

Г. П. Щедровицкий о месте процессов проблематизации в методологии

Но прежде чем приступить к этому анализу я приведу достаточно объемную выдержку из текстов самого Г. П., в которой он объясняет специфику и выдающуюся роль процессов проблематизации по отношению ко всей методологической работе. Для этого обращаюсь к докладу, сделанному им в июне 1973 г. на семинаре в Институте истории естествознания и техники АН СССР (опубликован на основании машинописного текста с магнитофонной записи)*.

Характер и роль процессов проблематизации в методологии Г. П. обсуждает, противопоставляя методологический и чисто познавательный (научный) подходы. «Суть чисто познавательного подхода к проблемам заключается в первую очередь в том, что мы предполагаем, что проблема выводится из некоторого чистого знания об объекте или, соответственно, из чистого незнания и что она, следовательно, может и должна оцениваться лишь в отношении к самому объекту. Здесь нередко вводят отношение, подобное истинному отношению между знанием и

* Методология и наука // Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М., 1997.

объектом. По сути дела, это означает, что проблема в ее существовании рассматривается в контексте... отражения объекта.

Суть деятельностного подхода, напротив, заключается в том, что мы рассматриваем постановку проблемы как выбор определенного плана и программы действий и в силу этого как действие особого рода... Сделанное утверждение в существе своем равносильно утверждению, что всякая проблема связана с определенной конфигурацией идей, людей, социокультурных условий, групп и организаций, фиксирует и отражает эту конфигурацию...

Иначе говоря, я утверждаю, что все проблемы носят исторический характер, что они зависят от истории развертывания и развития нашей деятельности и что мы можем выбирать для себя те или иные проблемы, определяя тем самым те точки или срезы в траектории исторической эволюции и исторического развития деятельности, за которые мы будем «держаться» и через которые мы будем связывать свое индивидуальное действие с историей человечества...

Итак, в своей деятельности мы постоянно должны делать выбор. Мы можем держаться за старые проблемы и тратить все свои силы на их решение, а можем выделить и формулировать новые проблемы, соответствующие новым структурам ситуаций...

Но значит ли это, что в области проблем вообще нет никакой преемственности и обусловленности настоящего прошлым, последующего предшествующим?.. Такой вывод был бы слишком поспешным... В истории развертывания и развития деятельности, — а проблема при таком подходе рассматривается как один из моментов деятельности, — существует целый ряд различных и по-разному организованных процессов. Они всегда взаимно дополняют и компенсируют друг друга, создавая для каждого элемента деятельности сложнейшую паутину связей и зависимостей, организующих все в единое историческое целое... Двигаясь от выделенного нами элемента назад, ретроспективно, мы всегда можем найти его прототипы или, во всяком случае, истоки и условия появления или возникновения этого элемента. Таким образом, мы будем восстанавливать непосредственные исторические связи, связи простого развития, хотя более важным источником возникновения элемента могла быть конфронтация с предшествующим кругом идей, идеологическое или морально-этическое столкновение тех или иных социальных групп, действовавших в определенных исторических ситуациях...

Если же мы попытаемся соединить оба подхода — простой, примитивный генетизм с идеей обусловливания ситуацией, то должны будем построить более сложные структурно-исторические схемы, фиксирующие как разрывы в развитии и преемственности явлений, так и генетические связи, идущие как бы по «обводным каналам» истории»*.

В этой содержательно богатой цитате выделяю то, что постановка новых проблем в истории ММК означает появление новых программ, которые могут рассматриваться как логическое продолжение, развитие предшествующих работ, так и в качестве новых заходов, обусловленных новой «конфигурацией» идей, людей, социокультурных условий, групп и организаций». Но в любом случае эти движения выстраиваются в единый сложный структурно-исторический процесс — процесс развития методологической сферы деятельности или, как принято говорить, мыследеятельности.

К сожалению, характер статьи позволяет лишь зафиксировать проблемные, а следовательно, программные сдвиги, не проводя специальной работы по выстраиванию единого исторического процесса развития методологии. (Что постоянно делал Г. П. на семинарах, ежегодно подводя итоги всему фактически предшествующему.) Замечу лишь, что ММК-методология начиналась как содержательно-генетическая логика, и поставленные ею проблемы (программы исследования) во многом носили именно научно-теоретический, познавательный — по отношению к такому объекту как языковое мышление — характер. (Хотя, конечно, этот тезис нуждается в уточнении, поскольку вся деятельность Кружка изначально, еще с работ А. Зиновьева, нацеливалась на конструктивное социальное преобразование.) Тот деятельностный подход, о котором говорит Г. П. в 1973 г., сам имеет историческое происхождение в процессе развития Кружка — что и фиксирует постановка новых проблем-программ, о которых мы скажем ниже.

Еще один вывод, который можно сделать из приведенного текста Г. П. Жизнь ММК-методологии может быть продолжена не столько за счет предъявления широкой публике достижений Кружка и Г. П. в первую очередь, но благодаря новым постановкам проблем и программ, адекватных новым условиям,

* Методология и наука // Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 295—298.

и встраивания их в единое русло специфической методологической сферы деятельности.

То, что в работе Кружка, и прежде всего в ее коллективных формах, процессы проблематизации имели перманентный, часто лавинообразный характер, следует отнести к одной из главных особенностей ММК-методологии. Но в основном проблемные постановки оставались в эскизах, не попадая по разным причинам в методологический мейнстрим и не доходя до методологических программ*. Далее мы рассмотрим некоторые из принципиальных поворотных моментов в истории ММК, когда вслед за новыми проблемами начинались новые циклы методологической деятельности.

Мыслительные парадоксы и их снятие как механизм развития мышления

Первый тезис в нашем анализе может показаться парадоксальным: в содержательно-генетической логике вообще не было понятия «проблема»**. Хотя все доклады, имеющие отношение к методологии, будь то анализ истории Кружка или заявка на собственное продвижение в обсуждаемой области, этого не фиксируют и принимают как данность изначальное наличие понятия «проблема» в Московском методологическом кружке.

С чего же начинался Московский методологический кружок, какие понятия были центральными и определяющими в его анализе мышления и в тех теоретических конструкциях мышления, которые он называл логическими? Фактически работа-

* Представляется, что какие-то из этих проблематизирующих заходов и сегодня вполне осмысленны, важны для развития методологии и способны стать источником новых методологических программ.

** Датой появления, если не понятия, то, по крайней мере, термина «проблема» в ММК является лето 1961 г., а местом — вагон поезда, который вез в Томск группу методологов во главе с Г. П. на очередную конференцию по логике и методологии науки. Мы обсуждали в очередной раз ситуацию «разрывов» или «люфтов» в деятельности, и у меня в этой связи возникло предложение — различать «задачу» и «проблему» очень простым способом: «задача» это то, что имеет средства решения для поставленной цели, тогда как «проблема» возникает при наличии цели и отсутствии средств ее достижения. Соответственно, разрешением проблемы является выработка новых средств.

ли два основных понятия о мышлении, точнее о тех механизмах, которые обеспечивают его развитие: понятие «мыслительного парадокса» и понятие «разрыва в деятельности». Начнем с «мыслительного парадокса» — методологической классики, с которой начинали свои логико-мыслительные исследования древние греки.

В качестве парадоксальной философско-методологическая классика рассматривает ситуацию, в которой относительно некоторого объекта А допустимы два высказывания, а именно — «А» и «не-А». (Утонченным примером являются апории Зенона, в которых очевидному и, казалось бы, не требующему доказательства факту «А» противостоит логическое доказательство его невозможности, т. е. доказательство «не-А». Момент доказывания в парадоксе обращает нас к мышлению — парадокс возникает в пространстве мышления, а не внешнего наблюдения фактического положения дел.) Относительно нее в настоящее время сформировались три направления работы.

Первое направление исходит из принципа, что парадоксы возникают на основании некоторых ошибочных логико-грамматических предпосылок или допущений, и нужно лишь таким образом переформулировать высказывания, приведшие к парадоксу, чтобы он не возникал. Решением такой задачи занялись математическая логика и теория множеств. При этом математика существенно продвинулась в анализе парадоксов, возникающих на стыке «объектов» и высказываний о них. В частности, было построено представление о так называемых «семантических парадоксах». Если в классическом мыслительном парадоксе по поводу одного и того же объекта можно сформулировать два противоречащих друг другу высказывания и стоит задача выбора одного из высказываний, то в семантических парадоксах дано одно утверждение, которое может быть истинным по отношению к какой-то одной из двух противоположных ситуаций. Но какую бы из этих ситуаций мы не выбрали в качестве соответствующей нашему утверждению, оно оказывается ложным, и мы возвращаемся к исходной ситуации выбора. Пример семантического парадокса является высказывание «я — лжец». Если я соглашаюсь с тем, что «я — лжец», то далее: либо я прав, и я на самом деле лжец — но в этом случае я говорю правду и не являюсь лжецом, а мое высказывание становится ложным, либо я неправ, поскольку я на самом деле придерживаюсь истины — но таком случае мое высказывание также становится ложным. Таким образом, наше высказывание не может разрешиться выбором той или иной адекватной ему ситуации.

Вторая линия работы с мыслительными парадоксами относится к так называемой диалектической логике. Ее ярким молодым представителем был Эвальд Ильенков, который утверждал, что парадоксы в мышлении являются не чем иным, как отражением противоречий действительности — диалектика мышления отражает диалектику объективного мира, и, соответственно, истинны оба противоречащие друг другу высказывания, а разбираться надо с действительностью, которая допускает все это. В соответствии с этой точкой зрения, именно через объективные противоречия мир развивается, а наша задача — отразить его объективную диалектику. К чему это приводит, можно проиллюстрировать на примере, случившемся с самим Ильенковым. В одной из своих книг, обсуждающих механизмы мышления, он, в частности, писал, что за последние две тысячи лет представление об атоме сильно изменились, хотя сам атом не изменился. Редактор издания, которая была диалектиком не меньше, чем сам Ильенков, не могла с этим согласиться: «Как же так?! Атом не изменился?! А как же диалектика природы в качестве механизма развития и отраженная в мышлении?». Поэтому она, не согласовав с Ильенковым, написала следующую фразу: «За две тысячи лет представления об атоме сильно изменились, хотя сам атом почти не изменился». Ильенков узнал об этом, когда физики вдруг стали поздравлять его с крупным, большим достижением в своей области и проорчали ему Нобелевскую премию.

Наконец, есть третья линия Московского методологического кружка, которая утверждает, что мыслительные парадоксы являются важным инструментом развития мышления и деятельности. Их возникновение связано с попытками с помощью старых мыслительных средств освоить новую действительность деятельности. Парадокс показывает это несоответствие, и наша задача, следовательно, в том, чтобы изменить, еще точнее, развить систему мыслительных средств применительно к новым ситуациям деятельности.

Первой работой, выполненной в этом ключе, была диссертация Александра Александровича Зиновьева по анализу и реконструкции мышления Маркса в «Капитале», а фактически — конструирование нового мышления, способного освоить новую действительность XX века. Подход, который был продемонстрирован Александром Александровичем, фактически сохранялся в той или иной свернутой или несвернутой, развитой форме на протяжении всей последующей истории ММК.

Александр Александрович начинал не с древних парадоксов — догонит или не догонит Ахиллес черепаху, а с более близких ситуаций, а именно с К. Маркса, утверждая, что тот преодолел парадоксы экономической теории Адама Смита (товары продаются и не продаются по их стоимости), сумев построить новое мышление и тем самым подлинную теорию такого нового и современного для него социального объекта как буржуазное общество. Главным результатом нового мышления, по Зиновьеву, является понятие об этом новом объекте. Или иначе, в процессе работы Зиновьева закрепляется принципиально новое понятие о понятии как ядре нового мышления: когда спрашивали, что такое «понятие» или каким образом можно определить понятие «капитала», то говорилось, что все три тома «Капитала» — это и есть понятие «капитала» по Марксу.

С этой точки зрения, «понятие» перестало быть дефиницией, раскрывающей содержание того или иного отдельного термина, но выступило сложной мыслительной конструкцией, которая выстраивается в процессе преодоления возникших мыслительных парадоксов и построения новых мыслительных средств для описания новой действительности, процессе, названном «методом нисхождения к абстрактным представлениям и восхождения от абстрактного к конкретному». Идея видеть в материалистически истолкованном методе восхождения от абстрактного к конкретному специфику мышления Маркса, впервые адекватно познавшего общество, не является изобретением Зиновьева и принадлежит марксизму. Но тем не менее именно Зиновьев превратил этот лозунг в технологию мыслительной работы и поставил задачу дальнейшей технологизации понятийного строительства.

Значение работы Зиновьева заключалось не только в том, что он продемонстрировал, реконструировал и сконструировал «метод восхождения от абстрактному к конкретному» по Марксу (по-видимому, имевший мало общего с самим Марксом), но определялось тем контекстом, в котором она была выполнена. В ней не просто демонстрировался некий метод, а решалась четкая социальная задача, которую Зиновьев ставил вместе со своими коллегами по «диалектическому станковизму» — Щедровицким, Мамардашвили и Грушиным. Решаемая родоначальниками Кружка задача состояла в том, чтобы создать теорию социалистического общества, которое, как предполагалось, принципиально отличается от капиталистического, являясь новым этапом в историческом общественном развитии. Ключевой тезис заключался в том, что каждый новый

исторический объект требует новых методов теоретического описания, т. е. нового мышления. Зиновьев формулирует представление о «методе восхождения от абстрактному к конкретному», который демонстрирует Маркс, описывая современное ему капиталистическое общество. Но при этом предполагает, что в свою очередь он должен сделать следующий шаг: имея перед собой социалистическое общество в качестве исторического объекта нового типа, он должен продвинуться в методологии описания данного исторического объекта и выполнить это описание.

Зиновьев рассматривал свою методологию и свой метод как инструмент для решения социальных задач, и, в принципе, он исполнил замысел в своих последующих текстах. Что я имею в виду? Во-первых, Зиновьев, описав, а точнее, сконструировав «метод восхождения», по ряду причин этим не удовлетворился и стал работать в стилистике «математической логики». Примыкание было достаточно формальным, поскольку матлогики не очень признавали его за своего — он работал в логической символической, но содержательная проблематика оставалась его собственной. Мне кажется, после анализа некоторых его работ, что он проделывал означкование ряда достаточно банальных и полученных в другом месте положений. Но как бы то ни было, Зиновьев постстанковистского периода считал, что с помощью математической логики им созданы новые методы теоретического исследования, и все дальнейшие социологические работы, развертывание новой социологии для новой действительности, выполнены за счет этих методов*.

* В конечном счете центральной для него стала понятийная оппозиция «Коммунизм—Западнизм», в которой рассматриваются, сопоставляются и противопоставляются структуры двух альтернативных обществ, в совокупности исчерпывающих строение социального универсума. Начинал Зиновьев с резкой критики коммунизма в «Зияющих высотах». По приезду на Запад, будучи радикальным неконформистом, он выдал резкую критику уже Запада в понятии «Западнизм». А далее все это свел в единую систему, отойдя при этом от критической позиции по отношению к коммунизму.

При этом, если сам Зиновьев в конце концов отрекся от своей диссертации и от «метода восхождения от абстрактного к конкретному», то я явные следы этого метода просматриваю в его социологических работах. Анализ работ А. Зиновьева еще предстоит проделать. Надо показать, что их значение лежит в плоскости методологических изысканий и попыток их предметного приложения, а не в защите коммунизма, как это пытаются представить отечественные продолжатели дела Ленина—Сталина.

Еще раз подчеркну, что у Зиновьева нет понятия «проблемы», как нет и процесса проблематизации в качестве элемента в «логической» теории (процессы собственной деятельности при построении таких теорий в то время не становились предметом теоретической рефлексии или каких-либо других теоретико-мыслительных обсуждений). Когда речь шла о «мышлении» и его развитии, то обращались к мыслительным парадоксам, представленным в наборе классических текстов, предполагая, что за парадоксальной ситуацией стоит ошибка «старого» — по отношению к новой ситуации — мышления (очень сильный тезис, который, как потом выяснилось, является ошибочным).

Г. П. Щедровицкий фактически начал с того, что принял идеологию Зиновьева и «логические» (методологические) построения, связанные с методом восхождения от абстрактного к конкретному, но не остановился на этом, а сделал следующий, принципиально новый шаг.

В ряду первых работ Г. П. Щедровицкого необходимо обратить внимание на неопубликованный в свое время доклад на дискуссии о предмете логики на философском факультете МГУ в феврале 1954 года*. Это блестящая работа, в которой было заложено многое из того, что повторялось и развивалось в дальнейшем. В дальнейшем была опубликована не стенограмма, а хорошо отработанный текст (который автор, по словам Г. Давыдовой, редактировал еще в начале 1990-х гг.)**.

Эта работа демонстрирует, что он, с одной стороны, воспринимает ту идеологию и ту методологию, которую предложил Зиновьев, а с другой стороны, делает при этом важный шаг — то ли следующий, то ли в сторону. Внешне специфика шага проявляется в том, что он работает на другом материале. Если Зиновьев обращался к гуманитарному материалу политэкономии и прежде всего к «Капиталу» Маркса, то Щедровиц-

* Работа была опубликована лишь после смерти Г. П. Щедровицкого: Современная наука и задачи развития логики // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997.

** Для понимания истории ММК очень важно учитывать не только год написания текста, а и его последующие редактуры. Наследие Георгия Петровича сложно издавать, читать и комментировать, потому что, как правило, это не просто записи или стенограммы того или иного времени, но прошедшие последующие редактуры тексты. Например, в «Избранных трудах» помещена работа, которая помечена 1957 г., хотя в ней присутствуют и идеи, и прямые ссылки на работы 1961 г.

кий показал или стремился продемонстрировать применимость этого метода и к естественнонаучному знанию. Он показывал, что естественнонаучное знание также является исторически развивающимся, и, чтобы понять его развитие, необходимо пользоваться методом восхождения от абстрактного к конкретному. Шел он вслед Зиновьеву и в том, что центральным моментом в развитии естественнонаучного знания является формирование сложных понятийных конструкций и что задача построения новых понятий возникает в связи с появлением парадоксов — свидетелей неадекватности старых средств новым действительным ситуациям.

Отличие Щедровицкого не только в том, что он обратился к новому эмпирическому материалу, а и в том, что он начинает соотноситься с более широкими теоретико-историческими контекстами, начинает критически и конструктивно работать с другими философско-логическими, методологическими и даже предметными построениями, обращаясь в том числе к языкознанию, психологии и педагогике.

Развитие представлений Г. П. Щедровицкого и руководимого им Московского методологического кружка нельзя представить линейно: не было исходной идеи-клеточки, исходной метаметодологии, которая бы последовательно разворачивалась в более сложную, «многоклеточную» теоретическую конструкцию. Имело место многовекторное движение, в котором конструкции, выстраиваемые Щедровицким и другими участникам Кружка, определялись разными источниками, причем каждый может рассматриваться достаточно автономно. А поскольку темп работы был велик и постоянно появлялись новые концептуальные точки, то конструкции, естественно, сильно изменялись в процессе жизни Кружка. Но крайне важно, что Г. П. настойчиво и постоянно осуществлял объединение разных представлений в некую единую конструкцию, синтезируя не только сиюминутные направления работы, а стремясь снять всю предшествующую историю Кружка, включая свои предыдущие представления об этой истории. Такое обращение к истории и снятие ее в каждой новой конструкции выстраивало определенную логику преемственности в движении Кружка, что позволяло говорить о развитии некой единой методологии*.

* Для исследователя ММК это существенно усложняет задачу, поскольку не позволяет однозначно отвечать на вопрос, что Г. П. понимал под мышлени-

В данной статье я не могу отследить историю и логику трансформаций взглядов Г. П. на собственную работу (работу Кружка) или хотя бы изложить одну из его последних версий на этот счет. Но я попытаюсь показать, что есть принципиальная линия в развитии представлений ММК, который начинал с построения теории — мышления, а затем и деятельности, а вышел на формирование сферы методологии с ее специфическим отношением с другими сферами и технологиями взаимодействия с ними.

Установка на синтез, насколько я понимаю, была присуща Щедровицкому уже на ранних этапах работы Кружка. (Далеко не все его участники были в курсе всех направлений его движения, а задачи оповещения он не ставил.) Так, когда он развивает метод Зиновьева на новом, естественнонаучном материале, то он привлекает (переосмысливает в свете новой методологии) работы, сделанные им еще в период студенчества на физфаке МГУ. В частности, работы, связанные с анализом истории физикохимических представлений.

Другим источником его ранних размышлений были философско-логические представления, которые в то время активно дискутировались на философском факультете. Щедровицкий вмешивается в дискуссию, пытаясь радикально изменить предмет самой логики и трактуя ее как науку о мышлении в свете методологических идей Зиновьева, но тем не менее не отбрасывает традицию целиком. И если Зиновьева совершенно не интересовали различия и связи между «ощущениями», «восприятиями», «чувственным мышлением» и «абстрактным мышлением», то Георгий Петрович был вынужден относиться к логико-философской традиции включения мышления в цепочку других «форм» познания с ее проблемами и решать их определенным образом.

Г. П. Щедровицкий практически без критики принимает состав этой классической парадигмы, но модернизирует многослойную понятийную конструкцию а-ля Зиновьев, полагая, что в процессе движения по ней происходит или должна происходить мыслительная понятийная сборка или восхождение к некоторому понятию. Построение конструкции он начинает с абстракций — слов, имеющих под собой чувственное содержание. (Обращаю внимание на этот принципиальный момент: для Зиновьева, как и для Маркса, важной проблемой был по-

ем, какой смысл он вкладывал в понятие задачи или каков метод его работы. Все вопросы такого рода можно рассматривать только исторически.

иск исходной клеточки восхождения, призванная обладать особыми свойствами, описанию которых Александр Александрович отдал много времени. Щедровицкий фактически в качестве клеточки принимает слово, следуя философской традиции без ее критического анализа и не оценивая слово с точки зрения предъявляемых к клеточке требований.) На следующие уровни он помещает уже не связанные с чувственным содержанием абстрактные понятия или абстрактно-логические представления, которые вслед за Зиновьевым разделяет на два типа: на собственно абстрактные как фиксирующие отдельные стороны предмета и на понятия как выражающие комплексные представления о том или ином объекте*.

При этом он вносит существенную новацию в традицию. Если последняя выстраивает из совокупности познавательных форм линейную последовательность, которая начинается с ощущения и в которой «слово» следует за чувственным образом и связывается с ним (значением слова полагается данный чувственный образ), то Георгий Петрович выстраивает две параллельные иерархические конструкции: одну, относящуюся к области чувственного мышления, и вторую, в которой мышление строится на базе знаков-слов. Значением чувственного

* «Диалектический метод прежде всего требует исторического рассмотрения процесса мышления. Чтобы не быть голословным, я сразу же намечу, хотя бы в общих чертах и грубо, схему основных этапов развития мышления. Первое — этап формирования речи (*здесь появляется «слово» БС*). Второе — этап чувственного мышления. Третье — этап абстрактно-логического мышления, подразделяющийся на периоды: метафизического мышления и диалектического мышления» (Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 26). Обратим внимание на то, что данная конструкция подводит, по идее, философскую базу под метод восхождения от абстрактного к конкретному и уточняет его: «Совокупность всех суждений и умозаключений, с помощью которых мы, начиная с чувственно-конкретного, переходим к чувственно-абстрактному, а затем к логически-абстрактному и в конце концов вновь переходим к логически-конкретному, — весь этот процесс, рассматриваемый как результат научного исследования, представляет собою современное понятие. Только вся эта сложная система, вся совокупность абстракций, связанных в суждения и умозаключения, является знанием о том или ином предмете. Классическим примером такого понятия являются три тома «Капитала» Маркса» (Там же. С. 37). Обобщая, Георгий Петрович говорит: «Логика должна исследовать и обобщать основные современные приемы абстрагирования, она должна найти основные законы развития понятий и сформулировать правила построения теорий, то есть систем понятий» (Там же. С. 34).

слова-понятия у него является не определенный чувственный образ, а некое «чувственное содержание», источником которого является не ощущение, а определенная познавательная деятельность. В теории мышления Г. П. Щедровицкого анализ строения этой деятельности занимает одно из центральных мест, составляя главу под названием «Строение атрибутивного знания».

Можно показать, что новая трактовка классической парадигмы познавательных форм объясняется не простым поиском новизны, а следует из признания парадокса важным элементом в развитии мышления. Действительно, парадокс в трактовке Щедровицкого возникает не в силу ошибочности наших чувственных представлений и понятий (которые тем самым могут быть либо истинными, либо ложными), а имеет историческую природу — движения мысли по содержанию (по «объекту»). Движения — закономерного, описанного в методе восхождения. А содержания — полученного за счет определенного типа познавательных операций, т. е. мыслительной деятельности. Мышление не ошибается каждый раз с тем, чтобы начать заново, но развивается на исторической базе, ассимилируя предшествующие содержания. (Такое обособление знака-слова от чувственного образа и выстраивание особой конструкции знака в виде структуры «знаковой формы», обладающей «связью-значением», будет в дальнейшем специфицировать все работы его семиотико-логического цикла.)

Стоит обратить внимание на то, что у Щедровицкого в этой модели уже проследживается схема, правда, не представленная в виде графемы, «объекта и предмета», где частными предметными срезками являются абстрактные понятия, а объект как некоторое целое схватывается в комплексном представлении о нем или в собственно понятии.

Намеченное в ранней работе представление о процессе построения понятия как движения от абстрактного к конкретному, т. е. комплексному познанию объекта сохраняется и в дальнейшем. Так, в написанных в начале 1960-х гг. совместно с Садовским работах по семиотике фактически используется эта же модель*. Утверждается, что «семиотика» является той са-

* Щедровицкий Г. П., Садовский В. Н. К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. Сообщения I—III // Новые исследования в педагогических науках. Вып. 2, 4, 5. М., 1964—1965 гг.

мой комплексной дисциплиной, которая выстраивает понятие «знака», тогда как другие дисциплины схватывают отдельные абстракции или отдельные функции «знака».

В своей ранней работе Щедровицкий не ограничивается декларацией новых логико-философских принципов. Обвинив логиков философского факультета в том, что они не способны приложить свои теоретические конструкции к решению проблем современной науки, в частности принять участие в деле развития науки, он демонстрирует новую методологию на материале химии, в частности на примере процесса формирования понятия о растворах на базе ранее полученных химических абстрактных представлений. Это жестко выстроенная схема движения от чувственных и абстрактных представлений к понятию.

Данная работа во многом еще идет вслед за Зиновьевым, правда, на другом материале. В ней еще отсутствует ряд принципиальных новых шагов, которые делает Щедровицкий в исследовании мышления исходя из других начальных точек зрения и которые потом становятся для него центральными в логико-методологической работе. Сегодня мы можем в той или иной мере критически относиться к методу работы, к тем понятиям, которые были введены, и к качеству эмпирического исследования. Но как бы то ни было, она остается классической для понимания не только исходных методологических установок ММК, но и дальнейших методологических построений.

Оставляя в стороне детальный анализ его классической, не потерявшей до сих пор значения работы по применению метода «восхождения от абстрактного к конкретному» на материале химического понятия «растворы», продолжим рассмотрение многовекторности его движения, стягивания многих линий исследования в единую методологию мышления.

Прежде чем перейти к другим направлениям работы Г. П. Щедровицкого (ММК под его руководством) по анализу и конструированию нового мышления, по построению новой методологии мышления, я зафиксирую важную особенность «парадоксоориентированной» методологии. И для Зиновьева, и для Щедровицкого в рассматриваемых работах мыслительный парадокс является ключевым в том смысле, что с него начинается новый шаг в развитии мышления. У Зиновьева — это парадоксы в классической политэкономии, которые разрешил Маркс в «Капитале», а для Георгия Петровича это ряд исторических парадоксов в области теории химического вещества, которые, в частности, были разрешены в созданном Курна-

ковым понятии «раствора». Все описанные здесь процессы мышления в определенном смысле являются финалистскими: предшествующее «абстрактное», т. е. неполное мышление порождало парадоксы, а понятийное было призвано снимать их за счет полноценного описания объекта. Такой финалистский подход Щедровицкий демонстрирует не только на материале развития научного мышления. Та же самая модель фактически присутствует при оценке роли семиотики — она является завершающей, финальной «понятийной» дисциплиной, описывающей знаковую действительность комплексно, в противоположность предшествующим дисциплинам о знаке, схватывающих его «абстрактно» с какой-то одной стороны.

В принципе, такое финалистское мышление должно успокоиться после построения понятия, разрешающего парадокс. И возбудить его может лишь появление нового объекта или новой ситуации деятельности, которые потребуют новых мыслительных средств описания, поскольку ставшие недостаточными старые средства будут постоянно порождать парадоксы. Для Зиновьева это ситуация появления социалистического общества и требование построить для его анализа новое мышление, а Щедровицкий ставил задачу исследовать процессы формирования других понятий — не только в химии (в частности, понятия химической связи в контексте вызывающих все больший интерес системных исследований), а и в других естественнонаучных дисциплинах. Зиновьев на этом фактически остановился, тогда как Щедровицкий, и это будет показано в дальнейшем, в последующих направлениях методологической работы перешел к нефиналистским представлениям о развитии мышления, уже не привязанным жестко к понятию парадокса.

Аристотелевские корни теории знака *Г. П. Щедровицкого*

В методе восхождения одно из важных мест занимает понятие «клеточки» — той мыслительной единицы, с которой восхождение начинается. Суть клеточки в том, что, будучи простейшим мыслительным образованием, исходной точкой в процессе восходящего мышления, она в зародыше несет на себе свойства финального целого. (Для Маркса отношение «товар—деньги—товар» было клеточкой всей системы капиталистических отношений.) Существенно, что в каждом ис-

следовании по методу восхождения должна задаваться своя, конкретная предметная клеточка, релевантная финальному предметному целому-понятию. Щедровицкий, выстраивая общую теорию мышления и имея в виду восхождение в качестве центрального метода для построения понятий, должен был, по идее, найти некую универсальную клеточку — не ту или иную научно-предметную данность, в которой присутствует мышление, а его клеточку как таковую. С этой целью он конструирует схему субстрат-атрибутивного знания, которая фактически берет начало в конструкциях аристотелевой логики и ее протянутых до современности традициях. Исследованию этой клеточки Г. П. посвящает теорию атрибутивного знания, отводя ей существенное место среди других своих работ.

В этом месте находится один из главных пунктов моих дискуссий с Георгием Петровичем относительно подходов к исследованию мышления. Мне представляется, что логико-философская линия, вытекающая из логических работ Аристотеля, в частности, противопоставление логики и грамматики («мышления» и «языка») является ошибкой, тиражируемой на протяжении тысячелетий. Мне также представляется, что тот гигантский объем работы, который был выполнен Георгием Петровичем в многочисленных рукописных текстах, докладах и статьях по поводу «знака», с одной стороны, следует той же традиции, а с другой — доводит до предела начатый Аристотелем подход, демонстрируя его тупики.

Что я имею в виду. Аристотель, решая «логическую» задачу на материале естественного языка (пытаясь найти законы движения, позволяющие отличить истинные высказывания от ложных) уходит от развитой к этому времени грамматической действительности и проделывает простую процедуру — обычное грамматическое предложение сводит к форме «субстрат-атрибутивного знания» — «А есть Б», где «Б» есть предикат или атрибут (свойство) по отношению к сущности (предмету) «А». Но одновременно Аристотель и «А» и «Б» рассмотрел в качестве принадлежащих одной и той же действительности «сущего» как рядоположенные сущности, между которыми может быть установлено отношение соприналежности («человек» есть «смертное», среди «смертных» находится «человек»; «роза» есть «белое» и т. д.). Традиционная, т. е. Аристотелева логика о них говорит как о классах (множествах), члены которого обладают определенным содержанием-свойствами, а совокупность членов характеризует объем класса. Благодаря принадлежности свойств членов одного класса членам другого,

классы могут пересекаться, в том числе демонстрируя родовые отношения. Отношения между классами сущностей позволяют строить логические выводы, в частности силлогизмы. Принципиально важно, что единицами такого силлогистического мышления являются термины (слова, группы слов). «Понятие» в Аристотелевой логике привязано к такому термину (термин выступает знаковой формой понятия с его «содержанием» — свойствами членов класса). «Знак» из действительности «речи-языка» в качестве семиотической единицы также является генетическим продуктом такой логической трансформации грамматического предложения*.

Важно также отметить, что такое движение по сущностям-предметам, в принципе, можно исследовать безотносительно к исходным грамматическим конструкциям, трансформируя их сообразно логическим формам (формулам). Логика в этом случае становится одним из разделов математики, а в качестве приложений может служить, скажем, решение задач по построению системы релейных связей.

Представление о силлогистике Аристотеля как о процессе мышления в понятиях-сущностях контрарно платоновскому или сократическому методу, в котором понятие появляется в результате длительного рассуждения, построенного на конструировании и снятии парадоксов. Заметим, что платоновский метод близок методу восхождения от абстрактного к конкретному (понятию). Тогда как иерархическая конструкция мышления раннего Щедровицкого совмещает платоновско-зиновьевское мыслительное движение («восхождение» по Зиновьеву) от чувственных абстракций к конкретному понятию с Аристотелевым сущностным словом-понятием, которое он кладет в основание мыслительной конструкции. Когда же он рассуждает о строении атрибутивного знания, то платонизм уходит в сторону, а остаются одни Аристотелевы сущности.

Данный тезис, конечно, может вызвать резкое несогласие как сторонников классических логик, так и последователей Георгия Петровича, канонизирующих его слова больше, нежели он сам. (Хотя известно, что на протяжении жизни ММК его руководи-

* Здесь, к сожалению, не место рассматривать развитие логических представлений Аристотеля, в частности формирование пропозициональной логики стоиков и современной матлогики в качестве основания логики предикатов как собственно Аристотелевой. Высказанные тезисы принципиально не изменятся в результате такого уточняющего анализа.

тель неоднократно выступал с радикальной критикой собственных предшествующих представлений, в том числе теоретико-мыслительных. Практика ОДИ, с моей точки зрения, давала основания для дальнейшего радикального пересмотра теории мышления. Однако эта возможность не была в достаточной мере использована Щедровицким — появились новые представления о мышлении как о коллективной мыследеятельности, но не были сделаны соответствующие критические выводы по отношению к предшествующим моделям мыслительной деятельности.) Поэтому сформулирую его в несколько ином виде, пытаюсь снять возможные возражения.

Аристотель превратил грамматическое предложение с подлежащим и сказуемым в логическую структуру типа «А есть Б» с субстрат-атрибутивным и одновременно родовидовым отношением двух терминов-сущностей. Единицей рассуждения (вывода, мышления) стал термин-понятие. Процесс вывода-мышления, свелся к движению по этим терминам-понятиям. Это другой шаг в построении понятийного мышления, нежели тот, что до того был сделан Платоном (и, добавим, Зиновьевым, а за ним самим Щедровицким). Прежде всего Платон исходил из этических задач: определение того, что есть «нравственный поступок», что есть «знающий человек», и так далее, и так далее. Его рассуждение в поисках соответствующего понятия очень напоминало то, что в дальнейшем было воплощено в процессах мышления Методологического кружка, и в частности в оргдеятельностных играх. Платон каждый раз выстраивал те или иные ситуации деятельности, конструкция которых одновременно претендовала на то, чтобы быть и конструкцией искомого понятия. И далее осуществлял скрупулезную процедуру критического анализа — в какой мере эта конструкция деятельности-понятия удовлетворяет первоначальной этической задаче. Выстраиваемая в процессе рассуждения-мышления «модель» ситуации служит моделью понятия.

Аристотель задал принципиально другую линию в трактовке рассуждения-мышления. Он свел отношение разнородных элементов в предложении к отношению между терминами как сущностями одного порядка. Начатая Аристотелем «логическая» традиция закрепила за термином статус понятия, причем содержание понятия определяется через родовидовые отношения, в которые вступает данный термин. Последующая логико-философская традиция воспринимает подобное представление о единице мышления (рассуждения, вывода) вне зависимости от того, понимается ли она как «слово», «термин» или «знак» —

все зависит от того, в каком предмете вы ее рассматриваете. Процесс трансформации «грамматического» в «логическое» приобрел онтологический, натуральный характер, в силу чего говорят о связи «языка» и «мышления», слова и понятия (будучи неразрывной, эта связь у Г. П. Щедровицкого существует в виде действительности «языкового мышления»).

Эта Аристотелева линия воспринята Щедровицким в анализируемой нами работе — тогда, когда сложную конструкцию мыслительной деятельности он начинает со «слова», хотя в дальнейшем обращается к «знаку» как более общему «обозначающему»*. Причем одновременно он пытается удерживать совокупность методологических представлений, связанных с методом восхождения от абстрактного к конкретному, лежащему в русле платоновского подхода и трактующему понятие в качестве результата движения по многим слоям «абстракций» (у Платона это отвергнутые в результате кри-

* В работе 1957 г. «Языковое мышление и его анализ» Щедровицкий пишет: «Итак, приступая к исследованию мышления, мы должны начинать с непосредственно созерцаемого, с языка, или, если брать отдельные единицы языка, — со слова». Знак при этом трактуется в качестве элемента слова (в дальнейшем он получит название «знаковой формы»): «...Язык и каждая его единица — слово — содержит, кроме знака как такового — движения, звучания, письменного обозначения, — еще нечто, что, собственно, и позволяет ему быть отражением». (Избранные труды... С. 456.). В совместной с Н. Г. Алексеевым и В. А. Костеловским публикации 1960 г. «Принцип “параллелизма формы и содержания мышления” и его значение для традиционных логических и психологических исследований» читаем: «...При графическом изображении процессов языкового мышления или их продуктов — мысленных знаний — мы должны прибегнуть к особым двухплоскостным фигурам вида:

обозначающее ————— обозначаемое
связь — значение

...Вопрос о том, что представляет собой обозначающее в языковых выражениях, или, иначе, их языковая форма, не вызывает споров; почти все соглашались с тем, что это — звуки, движения, графические значки, а в самом общем случае — любые предметы и явления». (Избранные труды... С. 2–3.) Отождествив обозначающее в языковых выражениях с языковой формой, Г. П. тут же говорит о ней как о знаковой форме, при этом под знаком понимает образование вида:

————— знаковая форма
связь — значение

Слово обывденного языка в такой трактовке оказывается, казалось бы, лишь одним из видов знака, однако оно остается генетической и категориальной моделью всей знаковой области.

тического анализа гипотетические конструкции ситуаций-понятий).

При всем том, конечно, Щедровицкий не остается целиком на традиционной логической платформе и трансформирует ее, как ему представляется, в свете новых методологических постулатов. Постулатов, которые в основание кладут историчность мышления и рассматривают его прежде всего как процесс (отождествляя поначалу мыслительные процессы с мыслительной деятельностью). С деятельностных позиций он пытается трансформировать ядро Аристотелевой логики — субстрат-атрибутивные представления. В цикле работ по строению атрибутивного знания он уходит от натуралистической (в том числе теоретико-множественной) трактовки этого отношения и дает операциональную картину получения и развития атрибутивного знания о некотором вновь исследуемом объекте Х. Прежде всего он вводит представление об объектах индикаторе I и эталоне А с обозначающим его словом-знаком (А) и рассматривает процедуры сопоставления исследуемого объекта с индикатором и эталоном и отнесения знака последнего к исследуемому объекту Х-(А) (в том случае, если в этом сопоставлении исследуемый объект и объект-эталон ведут себя одинаково)*. Соответственно, знаки или знаковые формы несут в себе функции метки, абстракции и обобщения. Операции же сопоставления и отнесения, в которых эти функции проявляются и появляются, служат содержанием знаковой формы**. (Вспомним, что Георгий Петрович связывал чувственное слово не с чувственным образом какого-либо объекта, а с «чувственным содержанием», за которым стоят процедуры деятельности с объектами.) Этой схеме Щедровицкий отводит особое место, придавая ей статус клеточки и утверждая, что она описывает «знание, обладающее простейшей категориальной характеристикой, на основе которого строятся все другие мысленные знания, так называемые атрибутивные, а среди атрибутивных — простейшее по форме, однозначное, называемое номинативным». (там же, с. 592.) Повторение процедур сопоставления и отнесения с тем же са-

* Поясняющим примером служит сопоставление некоторого нового объекта с неизвестными свойствами с индикатором-огнем и объектом-эталонem по имени (А), который горит при соприкосновении с огнем. Если новый объект горит, то он также начинает именоваться с помощью знаковой формы (А).

** Публикация 1958 года: О строении атрибутивного знания // Г. П. Щедровицкий. Избранные труды. М., 1995. С. 590—595.

мым исследуемым предметом, но другими индикатором и эталоном позволяет получить уже синтагму двух знаков — фактически, Аристотелеву субъект-предикативную форму $X-(A)-(B)$, где «первый элемент — знак (A) — будет играть роль самого познаваемого предмета, а второй элемент — знак (B) — роль формы знания о нем^{*}. Синтагма приобретает особое значение и содержание, которых нет у номинативного знания вида $X-(B)$: она выступает как утверждение связи сосуществования двух свойств предмета» (там же, с. 602).

Скорее всего установка на операционалистический подход появилась у Г. П. еще в период его студенчества на физическом факультет МГУ. Свое отражение она нашла уже в упомянутой работе 1954 г. — в лежащей в русле традиционного операционализма трактовке фундаментальных понятий физики и химии, а далее получила развитие в теории атрибутивного знания. (Продолжая тезис о множественности источников логико-мыслительной истории Г. П. Щедровицкого, можно сказать, что в их числе находится и операционализм.)

Модель атрибутивно-номинативного знания, включая ее усложнение до синтагм и «синтагматических комплексов», описывает фактически тиражирование имеющегося знания — объекты-эталон с их знаковыми обозначениями, а также индикаторы с их функциями предзаданы в описываемых автором процессах мыслительной деятельности. Познавательно-мыслительная деятельность по их конструированию выпадает из теории атрибутивного знания. Познавательное движение помимо подведения все новых объектов под существующие знаки ограничивается комбинаторикой этих знаков и перераспределением функций между ними. Здесь отсутствует пространство для развертывания центральных для ММК того периода представлений — представлений о развитии мышления в контексте процессов обнаружения в наличном знании проблем и их снятия в новых знаковых формах. Здесь уместны идущие от Аристотеля гносеологические вопросы об истинности отражения в знаковой форме процессов сопоставления и отнесения (пример Г. П.: нагретая кузнецом до белого каления подкова все-таки не загорелась, а мы приписали ей знаковую форму (A), отданную

^{*} Г. П. в этом случае прямо ссылается на Аристотеля, относя родовидовую (синтагматическую в его терминах) организацию знания к более высокой ступени развития атрибутивного знания, нежели номинативное знание (Там же. С. 616).

соломе как эталону горючести), а также логические вопросы о правильности оперирования со знаковой формой.

Концепция атрибутивного знания, я полагаю, не оказала большого влияния на формирование других направлений исследования в истории Кружка, на работы других его членов. Она послужила скорее инструментом критики традиционной логики и противопоставления ей (сравните статьи с критикой принципа параллелизма, на котором, как утверждал Щедровицкий, построена формальная логика и откуда проистекают ее ошибки и слабости). Но, занимая существенное место в размышлениях самого Г. П., она постоянно удерживалась им, будучи, в частности, включена в более сложную иерархическую многоплоскостную модель строения знания, в которой построение (переход к) более высокой знаковой плоскости позволяет снять те или иные (не только теоретико-мыслительные, а и мыследеятельностные) проблемы в нижележащей плоскости. Такая многоплоскостная модель была получена прежде всего в связи с исследованием процессов знакового замещения как способа решения определенных проблем в деятельности и мышлении.

Знаковое замещение в ситуации «разрыва в деятельности» как механизм развития мышления

Можно найти определенную связь атрибутивных конструкций содержательно-генетической логики с представлениями еще об одном механизме осуществления и одновременно развития мышления — о преодолении «разрывов в деятельности» посредством замещающих знаков. И там, и там речь идет о процедурах замещения объектов знаками, однако все же это разные процедуры. Представление о разрывах в деятельности лежит в том же ряду, что и представление о мыслительных парадоксах, и сыграло не меньшую роль в становлении новых направлений движения ММК в области теории мышления и не только мышления.

Представление о разрывах в деятельности не столь проработано в какой-либо интеллектуальной традиции, нежели понятие мыслительного парадокса. Задается оно как образная картинка, модельная ситуация в деятельности. Классический для ММК пример — требование определить количество баранов в стаде, не видя перед собой этих пасущихся в горах баранов и не имея

еще арифметической системы счета (ситуация разрыва в деятельности). Трудность преодолевается, если пастух «замещает» каждого барана камешком и приносит их владельцу. Каждый камешек трактуется в качестве знака — знаковой формы, имеющей под собой операцию замещения барана камешком (содержание знаковой формы)*. Далее камешки в ситуации нового разрыва в деятельности могут быть замещены другой, более приемлемой в каких-то отношениях знаковой формой. И так до тех пор, пока не появляется арифметический ряд чисел, наиболее адекватный задачам счета. В результате повторения таких процедур возникает иерархическая слоистая система замещающих друг друга знаковых форм с их операциональными содержаниями. Нарастивание подобных систем объявляется фактом и механизмом развития мышления, а единицами развивающегося мышления (базовой категорией описания мышления) являются «знаки» или «знаковые формы» с их операциональным содержанием. Мы видим, что здесь нет тождества с процессами знакового замещения, описанными в теории атрибутивного знания. В случае с камешками нет предметов-индикаторов и предметов-эталонов с их знаковым обозначением и, соответственно, нет тех процессов сопоставления и отнесения. Фактически речь идет о замещении одного «естественного» материала другим, более адекватным для решения определенной задачи (в ситуации с баранами — переноса «количества» баранов в кармане пастуха для отчета хозяину).

Важной особенностью анализа таких систем является то, что в качестве знаковой формы выступают не слова естественного языка, как это было в теории атрибутивного знания, а первоначально материальные, природные вещи, которые в процессе

* Такое понятие знака и знаковой формы отличается от того, которое идет от Аристотеля и развивается Щедровицкого в теории атрибутивного знания — у Аристотеля логические отношения терминов (с их объемами и содержаниями) коренятся все же в грамматике обыденного языка. Понятийная множественность «знака» у Щедровицкого, только возрастающая со временем, заставила его, насколько я понимаю, проделывать обширные синтезирующие циклы работ по теории знака, который всегда рассматривался им в качестве одной из центральных категорий в анализе и мышления и деятельности (См.: Знак и деятельность: В 3 кн. М.: Вост. лит., 2005). При этом трактовки знака в разных циклах могли существенно различаться. Попытка анализа этого цикла работ Г. П. в контексте мировой литературы сделана в представленной в этом сборнике статье В. Литвинова.

замещения становятся элементами искусственных языков — начиная от камешков и заканчивая математическими знаками. (В ММК выдающаяся роль в аналитике данного типа знакового замещения принадлежит В. М. Розину и А. С. Москаевой. Становление начальных этапов восточной и греческой математики было «логически» реконструировано ими именно в технике знакового замещения.) На анализе процессов мышления на базе искусственных языков науки Г. П. Щедровицкий делает особый акцент, подчеркивая, что традиционная логика к этому не способна. Так, в обсуждаемой работе 1954 г. основным эмпирическим материалом служит язык химических формул, и с математическими выражениями он имеет дело, анализируя физические понятия. В таких искусственных языках, как кажется, оперируют с отдельными значками в знаковой форме, или иначе, совокупное знаковое выражение состоит из множества более или менее сложных, в предельном случае атомарных знаковых форм или знаков. (Вопрос, в какой мере эти знаки выражают полноценные понятия или частичные абстракции, насколько я знаю, не ставился.)

Реконструкция формирования таких искусственных знаковых систем в последовательных процедурах знакового замещения, приводящих к иерархическому надстраиванию одних слоев знаков (и соответствующих деятельности) над другими, была положена в основание методологии псевдогенетического анализа. Причем идея послойного развития знания (и возможности применить к нему методологию псевдогенеза) распространяется в дальнейшем на любые другие, исторически развивающиеся системы знания, в том числе и на те, которые не базируются на искусственных языках с их специфической знаковой формой*. В дальнейшем псевдогенетический анализ получил значительное усиление за счет представлений о искусственно-естественных механизмах общественного развития: искусственные слои в деятельности оестествляются, а появляющиеся в них разрывы, вызванные новыми задачами, восполняются новыми слоями замещающих знаков-знаний. Стоит отметить, что

* Метод псевдогенетического анализа тесно связан с методом восхождения. Но в нем акцент сделан на «нисхождении» (заслуга в его развитии принадлежит Г.П., смотрите: Философия, наука, методология. С. 545). Из относительно недавних работ в жанре псевдогенеза надо отметить монографию В. Розина, посвященную становлению и развитию европейской системы юриспруденции — Розин В. М. Генезис права. 2001.

эти концептуальные картины носят скорее метафорический, нежели понятийный характер, хотя процедуры псевдогенеза все же были доведены до определенной технологии (сегодня во многом утерянной).

Иерархическая система слоев знакового замещения напоминает систему восхождения от абстрактного к конкретному. Тем не менее между ними существуют принципиальные отличия. Если система восхождения финальна и завершается разрешающим все парадоксы понятием, то иерархия слоев знакового замещения открыта для процессов дальнейшего развития-надстраивания, ее верхний слой в каждый данный момент не является суверенным и всеобъемлющим понятием по отношению к относительно ущербным нижележащим частичным абстракциям.

Итак, содержательно-генетическая логика выделяла два важнейших, если не центральных механизма развития мышления — разрешение мыслительных парадоксов за счет построения новой системы понятий, а также преодоление разрывов в деятельности посредством послойного знакового замещения. Отметим одно очень важное отличие этих механизмов, сказавшееся на дальнейших путях развития ММК: если действительность мыслительных парадоксов четко укладывалась в пространство мышления, то разрывы в деятельности описывали, по идее, деятельность и инструментальную роль знаковых (мыслительных?) форм. Или иначе, работа с «разрывами в деятельности» выводила нас за рамки мышления в действительность мышления и деятельности, даже, скорее, деятельности и мышления как ее элемента.

Процессы решения задач как мышление и деятельность

Особая роль в исследованиях ММК принадлежит утверждению, что мышление и деятельность побуждаются теми или иными задачами и осуществляются в виде процессов решения задач.

Заметим, что мной постоянно в связке употребляются термины «мышление» и «деятельность», хотя их отношение менялось в истории ММК, оставаясь каждый раз проблемой. На первом, логическом этапе шла речь, естественно, о мышлении и мыслительной деятельности как эквивалентной ему. На втором

этапе на первый план выходит деятельность, и особой темой становится место мышления или мыслительной деятельности в универсуме деятельности. В частности, то, что ранее трактовалось как чистое мышление, может теперь пониматься в качестве предметно-практической деятельности, дорастающей до мышления (скажем, многие процессы знакового замещения). Наконец, на этапе ОДИ появляется понятие мыследеятельности как единой действительности, притом что сохраняется и представление о чистом мышлении. Не имея возможности вникать в эти тонкости, я вынужден ставить эти понятия рядом.

Но именно «процессы решения задач» уникальны тем, что в равной мере могут относиться как к мышлению, так и к деятельности. Если исследование и конструирование методов снятия мыслительных парадоксов или анализ процессов знакового замещения выступили в качестве сосуществующих частных видов мышления, то «процессы решения задач» оказались универсальной категориальной рамкой в работе методолога, правда, радикально меняющей содержание в зависимости от предмета деятельности. На этапе содержательно-генетической логики эти процессы, естественно, связывались с мышлением. В опубликованной в 1960 г. работе Г. П. пишет: «Решение всякой познавательной задачи является определенным мыслительным процессом. Поэтому исследование процессов решения задач во многих отношениях фактически совпадает с исследованием мыслительных процессов»*. На деятельностном этапе всякая деятельность анализируется, в том числе, в виде процесса решения какой-либо задачи. Скажем, анализ проектной деятельности предполагал вычленение специфических проектных задач и способов их решения, отличных от способов (научного) исследования. При этом отдельно могла ставиться задача (опять-таки Задача!) исследования проектного мышления с точки зрения специфики методов решения специфических проектных задач. Наконец, и это очень важно, собственная методологическая деятельность могла рефлексироваться, исследоваться и развиваться в качестве процессов решения задач, в которых слиты деятельностная и мыслительная составляющие. В работе 1977 г. Г. П. фиксирует это следующим образом: «...Для задания проблемной ситуации и формулирования проблем решатель задач должен выходить в рефлексивную позицию и в своем мышлении обратиться к структурно-функциональным

* К анализу процессов решения задач // Избранные труды... С. 669.

представлениям деятельности и мышления и ответить на вопрос, какие элементы из этих структур он имеет и знает, а каких не знает и не имеет. Если мы рассматриваем процессы решения задач, то в роли такой функциональной структуры выступают представления о способе решения задач, которые включают четыре блока: 1) представление о продукте процесса решения, 2) представление об исходном материале, 3) представление о средствах мышления и деятельности, 4) представление о методе решения»*.

Термин «процессы решения задач» крайне неопределенен в том смысле, что любые проявления человеческой активности любого масштаба могут быть поименованы с его помощью по мере обнаружения или приписывания им целенаправленности. Для ММК с его установкой на развитие мышления и деятельности определенность создается за счет нахождения в начальной точке процесса проблемы — требования разрешить ту или иную мыслительную или деятельностьную ситуацию при отсутствии адекватных средств. Но такой подход радикально влияет на понятие задачи. Она оказывается функциональным элементом в процессе движения по проблемам, и возникает вопрос о структуре в целом и обусловленных ею мыслительных или деятельностьных движениях. К этому приходит Г. П., анализируя решение Аристархом Самосским задачи по определению отношений «Солнце—Земля» и «Луна—Земля» (о чем ниже). Приступая к анализу мыслительной деятельности Аристарха, Г. П. исходит, казалось бы, из общепринятого и очевидного тезиса: «Каждый мыслительный процесс возникает в связи с определенной задачей, и его конечный продукт — определенное мыслительное знание — выступает как решение этой задачи»**. Однако по ходу анализа он пересматривает данный тезис: «Этот факт (речь идет об обнаружении чисто формальных, немыслительных процессов в ходе решения исходной рамочной задачи БС) имеет первостепенное теоретическое значение. Прежде всего потому, что он совершенно по-новому ставит вопрос о природе задачи, а вместе с тем вопрос о структуре некоторых

* См.: Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач. Стенограмма доклада на симпозиуме «Логика научного поиска» 30.11.1977. (Свердловск) // Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 468.

** Опыт логического анализа рассуждений // Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 68.

возможных процессов мышления. Если раньше, в исходном пункте нашего исследования, мы отождествляли задачу с некоторым конечным знанием и наоборот, то здесь, в свете только что описанных фактов, мы должны выделить задачу в качестве *особого функционального элемента* процесса мышления и признать возможность особых мыслительных “движений” (может быть, “процессов мышления”), заключающихся в смене задач, в переходе от одних задач к другим безотносительно к осуществлению процессов мышления, обычно связанных с решением каждой из этих задач. В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Каковы средства выражения и фиксации задачи? Другими словами, в чем она осуществляется, что является ее материальным носителем? Существует ли задача независимо от знания о задаче? Что представляет собой последнее, и как оно вырабатывается? Каковы необходимые условия и предпосылки “движения” в задачах? Когда появляется необходимость в таком движении? Возможно ли это движение независимо от знаний о задачах и знания о закономерной смене задач?»*.

Таким образом, если быть точным, анализируя мышление и деятельность надо говорить не о процессах решения задач, а о процессах постановки проблем, перевода их в задачи и лишь после этого о процессах решения задач, организуемых в некие сложные структуры. В методологическом просторечье все же сохраняется расхожее выражение, что «мышление (деятельность) есть процесс решения задачи».

Одним из первых направлений работы ММК в этой области стало исследование процессов решения учебных задач. «Учебная задача» имеет неоднородную мыслительно-деятельностную структуру — что еще раз подтверждает тезис Г. П. о задаче как функциональном элементе в структурах мышления и деятельности (конструкции с определенными функциями). Ее решение известно педагогу, и с этой точки зрения она не является проблемой. Но она выступает в качестве проблемы для ученика, который не имеет ее решения. При всем том целью процесса обучения является не столько нахождение правильного ответа (как это было бы на экзамене), а умение ученика решать все

* Там же. С. 98–99. Обратим внимание на то, что построение теории понятия о буржуазном или социалистическом обществе или же о химических растворах с использованием метода восхождения ставит и решает в рамках метода восхождения те или иные задачи. Однако в целом такое теоретическое построение не может быть названо процессом решения задачи.

задачи подобного типа. Вопросы о типах задач и о том, что служит для них общим инструментом, а также то, каким образом все это влияет на организацию процесса обучения, являются одними из центральных в обучении*. Интерес же к этому исследованию обусловлен предположением, что если мы поймем механизмы организации мыслительной работы в этом сложном, но относительно частном случае, то продвинемся в анализе и понимании развития мышления в целом.

Такой заход на анализ мышления, как мне кажется, обусловлен в том числе присутствием в окружении Георгия Петровича психологов, работающих на ниве педагогики. Именно психологи, начиная с Вюрцбургской школы, традиционно рассматривали мышление на материале способов решения тех или иных задач — учебных арифметических у детей или добывания банана с помощью палки у обезьяны. Эмпиричность и экспериментальность, прикладная значимость создавали дополнительную привлекательность этих исследований для социально ориентированных приверженцев содержательно-генетической логики, трактуемой как эмпирическая наука о мышлении. При этом Г. П., также следуя определенной традиции, уже на первых шагах содержательно-генетической логики различает психологические подходы к анализу процессов решения задач, апеллирующие к механизмам индивидуального сознания, и собственно логический. Обсуждая проблематику воспитания мыслительных способностей учащихся за счет обучения решению учебных задач, Г. П. разделяет два тесно связанных, но тем не менее существенно различных плана, в каких могут быть рассмотрены процессы решения задач. Во-первых, они могут рассматриваться «по своему объективному составу и структуре, которые только и могут обеспечить решение данной задачи и в этом отношении не зависят от субъективных средств отдельных индивидов; в этом плане мыслительный процесс решения задачи рассматривается как “трудовая норма”. Во-вторых, с точки зрения тех действий, которые могут и должны осуществить индивиды, чтобы исходя из определенных знаний и навыков деятельности, в той или иной форме овладеть новым составом деятельности, новой “нормой”; действия второго плана определяют тот субъективный способ, каким отдельные

* Логическим анализом «способов решения» задач как таким общим инструментом, наряду с Г. П. и работавших с ним психологов, много лет занимались Н. Г. Алексеев, И. С. Ладенко, В. М. Розин.

индивиды в дальнейшем будут осуществлять трудовую мыслительную деятельность»*. Г. П. поясняет, в чем же заключается нормативная мыслительная деятельность: «Суть мыслительной деятельности, с нашей (логической БС) точки зрения заключается в *замещении* исследуемых объектов *другими объектами* (эталоны и «посредниками») или *знаками*. Поэтому процессы решения задач правильнее всего классифицировать в соответствии с тем, чем в ходе решения замещается исследуемый объект и как он замещается»**. Далее Г. П. выделяет четыре описанные нами выше группы операций замещения. (Заметим, что привлечь схемы знакового замещения как выражающие суть мыслительной деятельности просто, поскольку речь идет о математических — арифметических, алгебраических, геометрических задачах, использующих искусственные языки.)

Данная цитата относится к работе, опубликованной в 1960 г., и в последующем взгляды на процессы мышления существенно меняются. Но в любом случае сохраняется принципиальное различие психологического и логического подходов к их анализу.

Но, как ни странно, это не исключило полемики с психологами, которую в резкой форме продемонстрировал Владимир Петрович Зинченко***. Зинченко обвиняет Щедровицкого в том, что он заимствовал у психологов многие представления, прежде всего теоретико-деятельностные, а также и мыслительные. Думаю, что за этим стоит прежде всего непонимание ММК-методологии — деятельностьная концепция ММК, построенная на понятиях об Искусственном-Естественном производстве и типах деятельности, КМД (может читаться и как «коллективная мыследеятельность» и как «коммуникация-мышление-деятельность») и т. д. не совпадает с теми или иными психологическими, акторными по сути дела представлениями о деятельности (индивидуальных действиях), и это можно показать отдельно. Внешне сходная акторная схема присутствует и

* К анализу процессов решения задач // Избранные труды. С. 668.

** Там же. С. 669.

*** В. П. Зинченко. Комментарии психолога к трудам и дням Г. П. Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. М.: Ф. А. С-медиа, 2004. Критическому анализу этой, в принципе, интересной и содержательной статьи, а шире — роли психологических исследований в развитии ММК необходимо посвятить отдельную работу.

в работах Г. П., однако она, в принципе, может читаться бес- субъектно и, главное, рассматривается все в том же норматив- ном ключе (что и отмечает Г. П. в приведенной выше цитате).

Такое бессубъектное (но иное, нежели в случае решения учебных задач) логическое прочтение процесса решения задач Г. П. пытается развернуть в другой капитальной работе, посвя- щенной определению Аристархом Самосским относительного расстояния между Землей, Солнцем и Луной*. (Задаче, кото- рая, по сути, являлась проблемой, поскольку до Аристарха не имела решения.) В отличие от психологов, которые в этом слу- чае обращаются к индивидуальной деятельности с ее целепола- ганием, условиями деятельности и так далее, и так далее, Г. П. рассматривает процесс решения задач с точки зрения перехода от исходного знания к знанию-ответу на поставленную задачу. Предполагается, что этот рамочный процесс может быть раз- бит на частные подзадачи и доведен до атомарных задач, кото- рые дальше уже не могут члениться подобным образом. Соот- ветственно, каждая атомарная подзадача решается в собствен- ном «атомарном» процессе. Результатом решения таких задач должны выступить «знание-1», «знание-2», «знание-3», «зна- ние-4» и так далее, вплоть до искомого знания, и мышление как решение рамочной задачи по поиску определенного знания явится, тем самым, последовательностью атомарных процес- сов по получению одних «знаний» из других предшествующих «знаний», выступающих в роли исходного материала. Было принято, что атомарные процессы по решению атомарных задач есть не что иное, как простейшие операции мышления (кирпи- чики, из которых можно складывать различные процессы мыш- ления по решению тех или иных задач) и что каждая операция может быть обозначена определенным «знаком». В резуль- тате процесс мышления выглядел бы как последовательность абстрактных знаков, изображающих операции мышления**.

* Сам Щедровицкий относит формирование основных идей этой работы к 1955–1957 гг. Работа имела широкое хождение в рукописи, неоднократно обсуждалась и редактировалась Г. П. на протяжении многих лет, и в этом виде была опубликована лишь после его смерти: Опыт логического анализа рас- суждений («Аристарх Самосский») // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997.

** Замечу, что в данном случае мыслительные операции и знак имеют мало общего с операциями сопоставления и отнесения и со знаком в системе атри- бутивного знания.

Предполагалось, что в дальнейшем работу мышления можно строить на основании оперирования с этими «знаками», фиксирующими операции мышления. Однако, как показал проведенный Г. П. эмпирический анализ и последующие многолетние и многодневные обсуждения его работы, трудности возникали не только с выявлением внутреннего строения операций, а и с пониманием того, каким образом они выстраиваются в единую структуру решения исходной задачи, которая оказывалась многомерной, но никак не линейной*. В результате чего последовали инициированные Георгием Петровичем длинные этапы обсуждений данного подхода — в частности, обсуждения 60 и 62 годов, где эти представления о процессе решения мыслительных задач пытались соединить с другими, в том числе с представлениями о субстрат-атрибутивном знании, связать со схемами замещения и многоплоскостного знания.

Среди позитивных результатов, выполненных в идеологии анализа мыслительных операций можно назвать исследования, проделанные Иосафом Ладенко совместно с Г. П.** Им, в частности, были различены два типа операций: с одной стороны, это операции познания, операции познающего мышления, и с другой операции, которые можно назвать «вспомогательными». Ладенко показал, что для того, чтобы решить такую инновационную для своего времени задачу, как измерить длину окружности, данную в виде кривой линии, греческие математики ввели особую операцию замещения кривой — прямой. И эта операция «замещения» (опять же имеющая мало общего с операцией под тем же названием, но выполняемой в структуре атрибутивного знания) понимается не как познавательная, а как вспомогательная при осуществлении познавательных операций. Различение этих двух типов операций в процессах решения задач оценивалось в свое время очень высоко, и большое количество усилий и времени было посвящено анализу подобного типа, поскольку он лежал в русле главной задачи содержательно-генетической логики — представление процесса мышления как последовательности операций многих типов.

* «...Оказывается, что у исследуемого явления масса различных исходных точек, разнообразные способы соединения частей процесса в одно целое, причудливые скачки и переломы в “траектории” и т. п.» Там же. С. 71.

** Щедровицкий Г. П., Ладенко И. С. О некоторых принципах генетического исследования мышления // Тез. Докладов на 1 съезде Общества психологов. М., 1959. Вып. 1.

Типологизация операций вообще осознавалась как важное требование, поскольку было понятно, что грядущая в перспективе значительная, по всей вероятности, и неупорядоченная сумма означкованных операций мышления вряд ли способна служить логическим инструментом для ученого. Замысел Г. П. — построить типологию операций в соответствии с типами решаемых задач, получить которые он рассчитывает как в результате соответствующего эмпирического исследования, так и обращаясь к категориально-онтологической картине «системы». В основание типологии он предлагает положить оппозицию исследования чувственно многого и чувственно единого (классическим примером последнего служит все тот же «Капитал» Маркса, посвященный анализу такого уникального объекта, как капиталистическое общество). Исследуется же чувственно единое в качестве системы, что предполагает: анализ внешних атрибутов целого, его элементного состава и внутренних связей между элементами, отношения между связями, целого как элемента более широкого целого и так далее. В дальнейшем первоначальная идея создания алфавита операций как инструментария для решения мыслительных задач была отставлена, но остается фундаментальное различие исследования чувственно единого и чувственно многого, а также признание роли системных категорий для организации мышления.

Но, главное, сохраняется связь анализа и развития мышления и деятельности с «процессами решения задач», притом, что содержание каждого из них может существенно меняться.

«Проблема» и «проблематизация» на связке мышления и деятельности

Период построения содержательно-генетической логики как эмпирической науки о мышлении (мыслительной деятельности) закончился достаточно рано — уже в 1962 г. Кружок определил область своих занятий весь универсум социальной деятельности как искусственно-естественную систему со специфическими механизмами воспроизводства и управления. Было принято, что познавательная (научно-познавательная) деятельность является лишь одним из типов деятельности наряду со многими другими, имеющими практико-конструктивную направленность. (Первым таким типом деятельности, ставшим

на долгие годы главным предметом методологической работы, было проектирование, проектный тип деятельности.) Мышление оказалась при этом неким, причем не очень понятно, каким элементом универсума деятельности. В частности, возник вопрос, правомерно ли говорить о мышлении (мыслительной деятельности) и деятельности как рядоположенных «сущностях», либо же первое принадлежит второму. Формальное снятие подобных затруднений произошло в конечном счете за счет введения понятия «мыследеятельности», содержание которого менялось в зависимости от динамики других методологических понятий и методов работы*. Что же касается намеченных в содержательно-генетической логике тематических направлений и понятий, то они отошли в коллективной работе Кружка на вторые планы в том смысле, что перестали быть предметом самостоятельного исследования, возникая в качестве инструментария и вторичной проблематики в исследовании и конструктивном преобразовании деятельности. (Пожалуй, лишь Г. П. Щедровицкий в индивидуальной работе сохранял верность «логической» тематике и начальным представлениям, обновляя их интерпретацию в свете последних методологических разработок Кружка и время от времени публично донося это до различной аудитории в лекциях по истории ММК-методологии.)

Но это вовсе не означает, что при переходе к деятельности методологи перестали интересоваться мышлением. Принципиально новые возможности открылись по мере понимания, что развитие деятельности и мышления происходит не только и не столько посредством их логико-теоретического анализа на материале чужих передовых, прежде всего научных образцов, сколько в процессах и благодаря самой методологической работы. Центральное место в этих процессах заняли процедуры взаимной критики и проблематизации работы участников Кружка, взаимной критической рефлексии взаимной работы, имеющей многоаспектный, многоцелевой, многослойный характер. (Следует подчеркнуть, что этот стиль коммуникации

* Но и здесь эта проблема остается: в известной схеме «коммуникация—мышление—деятельность» «чистое» мышление существует как бы наряду с деятельностью. Остается признать, что понятие мышления, будучи ключевым в истории ММК и впитывая эту историю, оказалось крайне сложным и противоречивым, нуждается в дальнейшей методологической критике и развитии.

инициировал и жестко поддерживал Г. П., и утеря его, как выяснилось, означает отказ от методологии.)

Но прежде чем конкретизировать этот тезис, необходимо внимательно рассмотреть вопрос о функциональном самоопределении Кружка (каким он видел свое место среди других) и понять, во-первых, почему он оставался методологическим даже тогда, когда главной целью провозглашалось построение новой логики как теории мышления и, во-вторых, почему деятельность, а не только мышление, была постоянным предметом исследования на всех этапах ММК.

Работа родоначальника Кружка с очевидностью носила методологический характер: А. А. Зиновьев исследовал и реконструировал метод Маркса, позволивший в свое время описать капиталистическое общество, и развивал его дальше для того, чтобы адекватно проанализировать общество социалистическое. Г. П. осуществил радикальный поворот, поставив целью создание (всеобщей) теории мышления, которая бы позволила решить не только уникальную задачу Зиновьева, а служить инструментом любого и всякого мышления. Однако это была специфическая теория: основываясь на анализе, она должна была быть не просто «прикладной», а нормативной, способной методически (методологически) обеспечивать процессы мышления или мыслительную деятельность ученого, педагога и т. п.

Установка на построение принципиально новой логики как теории мышления сопровождалась резкой критикой существующих теорий мышления, к которым отнесли не только те или иные традиционные логики (классическую, математическую, диалектическую), а и соседствующие дисциплины, претендующие на исследование мышления — прежде всего педагогику и психологию мышления. Конструктивным выходом из этой критики послужило формирование особого направления методологической работы — разработка специфической методологической теории науки и научных исследований, которая бы служила основанием как для собственных нужд (создания новой логической теории мышления), так и для программирования развития «в правильном направлении» смежных теорий мышления. Предметами критического исследования и программирования были прежде всего построение научной теории и организация научных исследований*.

* Одна из точек зрения Г. П. на этот счет была изложена им в публикации 1967 г. «О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки» и перепечатана в «Избранных трудах».

ММК-методология, таким образом, не только создавала теорию мышления в качестве потенциального (нормативно-методического) инструмента организации процессов мышления, а и напрямую вступала во взаимодействие с какими-то другими научными дисциплинами и теоретически оспособленными областями деятельности.

Тезис начала 1960-х гг. продолжил изначальную ориентацию ММК на развитие как мышления, так и деятельности, а его новизна заключалась в том, что помимо мыслительной любая деятельность становилась объектом методологического переустройства и развития.

Но важным вопросом оставалось то, каким образом происходит это взаимодействие методологии и другой деятельности. Было понятно, что это своего рода управление, соединенное с сервисом, поскольку методология понуждает ее к развитию, но при этом обеспечивает соответствующими средствами. На этапе содержательно-генетической логики методологическое управление развитием определенной деятельности (речь прежде всего шла о педагогике) предполагалось с помощью программирования ее теоретической части как наиболее мыслительно оснащенной. (Здесь очевидна роль содержательно-генетической логики как теории мышления.) Данный подход какое-то время сохранялся Г. П. и при разработке деятельностной концепции. Историческим фактом является то, что первой областью деятельности, с которой на долгие годы связались методологи на новом этапе, стало проектирование (проектная деятельность в ее разных видах)*. В 1965 г. Г. П. с большой командой методологов приходит во ВНИИ технической эстетики, созданный Правительством Советского Союза для разработки отечественной версии дизайна. Методологическая установка на развитие выразилась в данном случае в том, что зарождавшийся дизайн был переосмыслен как тотальное проектирование всей предметной среды, а среда в свою очередь как детерминанта широкого спектра человеческой деятельности. Роль дизайна приобретала грандиозную социальную значимость. Однако при этом область методологического воздействия предполагалось

* Проектирование при этом сопоставлялось и противопоставлялось научному исследованию. Много позднее такой областью стало программирование (притом что о программировании начали говорить и в какой-то мере осуществляли программирование еще на логическом этапе). Затем было понято, что для методолога интересны любые области (типы) деятельности.

ограничить программированием все той же теории — в этом варианте теории дизайна*.

Работая параллельно в области градостроительного проектирования, я занял другую позицию. Вопрос о том, в какой мере методолог должен погружаться в различные области и сферы деятельности — сохранять внешнюю позицию аналитика, критика и программиста теоретической части этих областей деятельности или же становиться в том числе методологически оспособленным профессионалом, который с помощью своих средств и изнутри участвует в развитии той или иной деятельности — решался мной в пользу последнего варианта. Такой подход, в частности, позволял не только конструктивно участвовать в развитии той или иной области деятельности, а и осваивать ее методологически проработанный вариант в качестве средства самой методологии. Так, работа в области градостроительного проектирования позволила развить новые системные представления, построенные на понятии «организованность деятельности»**. А саму методологическую работу представить и практически организовать в том числе как проектную деятельность.

Я не буду обсуждать всех преимуществ и одновременно тягот занятой мной позиции. Остановлюсь, с моей точки зрения, на главном.

Выше я уже отметил, что наряду с анализом мышления и деятельности, данных в виде внешних, независимых от исследователя объектов, существенное место занял рефлексивный анализ наших собственных мышления и деятельности. Их проблематизация и через нее развитие составляли часто основное содержание коллективной семинарской работы и захватывали индивидуальную работу каждого. (Умение это делать по отно-

* Об этом говорит даже название изданных уже в наше время отчетных материалов, подготовлены в те годы командой Г.П. во ВНИИТЭ: Теоретические и методологические исследования в дизайне. М.: Изд. ШКП, 2004.

** Полученное в конце 60-х гг., это понятие в печати впервые обсуждается мной в работе: Сазонов Б. В. Перманентное архитектурное проектирование на базе системных категорий // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1982. Параллельно сходное представление разрабатывает В. Я. Дубровский: Дубровский В. Я., Щедровицкий Л. П. Инженерная психология и развитие системного проектирования // Инженерно-психологическое проектирование. М.: МГУ, 1970. Позднее оно появляется и у Г. П. Щедровицкого.

шению к самому себе служило фактически критерием освоённости методологии.) Важно, что методологическая проблематизация никак не сводилась к задаванию вопросов из некоего джентльменского набора: «А какую задачу вы решаете?», «Каковы ваши средства», «Какой смысл вы вкладываете в это понятие?» (что прежде всего усваивали и воспроизводили неофиты публичных методологических семинаров). Вопрос методолога к методологу предполагал, что задающий его имеет собственную точку зрения на этот счет, и дискуссия переходила в содержательную коммуникацию по поднятой теме.

Продвинутость и социальная значимость методологии в этом случае определяется характером наполнения методологической деятельности — содержательность рефлексии при всей ее свободе распредмечивания и выхода к различным дискуссионным темам, все же существенно зависит и от «исходного» материала обсуждения и от понятийных и иных оснований проблематизации. И с этой точки зрения освоение человеческой деятельности в ее различных проявлениях (типах или других единиц, которые могут быть выделены) служит предпосылкой содержательности методологии, условием ее претензий на социальную значимость. Освоение, которое никак не является паразитированием, поскольку оно включает проблематизацию и развитие другой деятельности — по модели проблематизации и развития самой методологии в процессах коллективной мыследеятельности.

Новым вопросом в этом подходе является то, что же именно заимствует методология из «партнерской» деятельности. Наука, формируя совокупность теорий о естественной и социальной природе, исходит из предметно-онтологических оснований, выделяя физические, химические, биологические и иные формы движения материи, создает теории социальных институтов, групп и так далее. Методология на этапе содержательно-генетической логики также демонстрировала нечто подобное, когда искала какие-то отдельные предметные локусы, в которых могло таиться мышление — мыслительные парадоксы, разрывы в деятельности с их знаковым замещением, процессы решения учебных задач и так далее. Но все же через всю историю ММК проходит установка на поиск методов мышления и деятельности. И множество типов деятельности, в которых предметное содержание является всего лишь переменной, как ничто другое служит кандидатом для такого поиска. Очевидность нашего ответа не упрощает, как показывает опыт многих методологов, экспликации этих методов. Как выясняется, они

не являются простой естественной составляющей типа деятельности, но это выстраиваемая методологами конструкция, исторически трансформируемая и зависимая в том числе от дальнейших употреблений метода.

Типодеятельностные методы, сконструированные и освоенные методологией, составляют существенную часть ее арсенала. (Что не снимает и по-новому ставит вопрос о характере и роли теоретических конструкций в этом арсенале.) И здесь я вынужден высказать в виде краткого тезиса положение, которое нуждается в разворачивании. Рефлексивно организованная методологическая работа не может ограничиться прямым использованием методов, сконструированных в результате работы с теми или иными типами деятельности. Метод фактически применяется в ситуации поставленной задачи (и с этой точки зрения он сливается с методикой), когда определена цель (как минимум область цели) и условия решения задачи (область условий). В случае методологической рефлексии проблемными являются и цели и условия ее достижения, задачи с их компонентами появляются где-то в середине коллективно распределенной мыследеятельности. Причем на роль их определителя могут претендовать разные типодеятельностные методы и то, кто выиграет, существенно скажется на всем последующем процессе. В этой ситуации можно говорить о типодеятельностных технологиях (подходах), которые позволяют обсуждать и выстраивать предпосылки применения методов решения тех или иных задач. К сожалению, ММК, начав фактически с технологии восхождения и построив рядом с ним псевдогенетическое исследование, детально отработав технологии проектирования и программирования (ОДИ), не дошел до понятия технологии и технологической организации своей деятельности, оставив это последователям.

В заключение я также тезисно выскажусь по поводу Организационно-деятельностной игры (ОДИ) как поворотного пункта в истории ММК*. Сконструированные Г. П., Игры кардинальным образом разрешили целый ряд затруднений предшествующей методологии (правда, создав новые).

Прежде всего Игры вывели на принципиально новый уровень взаимодействие методологии (методологов) с другими областями деятельности (их представителями) — оно стало

* Детальное описание Игры на очень высоком уровне сделано в этом сборнике в специальной статье Л. М. Карнозовой.

осуществляться непосредственно в пространстве Игры. Хотя опасность, как показывает опыт, заключалась в том, что методология с ее тщательной и многодельной рефлексией просто не успевала за темпом Игры и могла вырождаться в игротехнику; по этой же причине не могла быть качественной и планируемая трансляция ее участникам методологической технологии, что в сумме вело к профанации методологии. Разрешение этих проблем возможно, если Игры будут рассматриваться и организовываться прежде всего в качестве площадки развития самой методологии, а не только использования ее результатов в разных целях, в том числе чисто коммерческих.

Игра как никакая другая методологическая практика раскрыла позиционность мышления и деятельности и послужила основанием для принципиально новых путей проблематизации многосубъектных ситуаций. Мыслительные конфликты объясняются не столько ошибками в мышлении того или иного субъекта в ситуации коллективной деятельности, и, следовательно, подлежат критике и исправлению, а обусловлены разными позициями участников, с точки зрения которых каждый из них прав. Проблематизации и развитию, следовательно, подлежит вся ситуация деятельности, позиции участников и обусловленные ими «мышления».

В. П. Литвинов

Феноменология знака

Философия знака Г. П. Щедровицкого, надо полагать, окажется в истории более значительной мыслительной новацией, чем это видится сегодня. Пока что ее значение понятно по частям.

Например, содержательно-генетическая логика раннего Щедровицкого понимается только в связи с его оригинальной интерпретацией знаковых отношений, это очевидно. Но его концепция знака справедливо оценивается и как интересный вклад в семиотику; теоретики знака, видимо, согласятся, что здесь Щедровицкий сказал новое слово, и не важно, согласятся они с ним или нет. Кроме того, понятие знака занимает центральное место в его программе обновления лингвистики; издатели его лекций 1970-х гг. по этой проблематике удачно выбрали название для трехтомника: «Знак и деятельность»*. При всей значительности этих тематических фокусов читатель его наследия, анализирующий его мышление как философию, должен будет посчитать их только частью более глобального дела. Философия знака — важный момент его мышления вообще, без которого не имели бы нужного содержания его методологическая философия деятельности, его концепция коммуникации и мышления и его специфическая антропология.

* См. [8]. Читать следует все три тома.

В настоящей статье делается попытка определить его концепцию знака не по этапам, а в этом глобальном качестве базовой философии. Сам Щедровицкий ее так не определял, но его изданное текстовое наследие, теперь уже достаточно репрезентативное, такой трактовке не противоречит. Если спросить о том, считал ли он сам какое-то понятие своей базовой философией, то скорее всего это оказалась бы «деятельность». В нашем случае выбор фокуса подсказан интересом к феноменологическому аспекту его мышления.

Заметим в самом начале, что полная разработка темы предполагает рефлексивное отображение мыслей Щедровицкого на некоторые значительные философские построения новейшего времени, которым он сам большого значения не придавал, прежде всего на философию знака Чарлза Пирса и на философское решение Мартином Хайдеггером проблем человеческого существования, поставленных в экзистенциализме. Значение мыслей Щедровицкого становится особенно явным в тех частях, где его философия высвечивает принципиальную недостаточность их систем. Эти анализы должны проводиться отдельно и систематическим образом. Отметим отсутствие таких разработок как вынужденный недостаток настоящей публикации. Для справки сообщаем следующее.

Наследие Хайдеггера доступно практически в полном виде в прекрасном немецком издании (изд. Витторио Клостермана); кроме того, здесь важен в основном его знаменитый трактат «Бытие и время», так что с Хайдеггером значительных трудностей не будет. Наследие Пирса известно по старому восьмитомнику, представляющему этого автора, по мнению специалистов, не вполне удачно; задуманное американцами более чем стотомное «Хронологическое издание» его трудов продвигается с большим трудом. Разумеется, наследие Щедровицкого тоже опубликовано лишь частично; оно связано с трудностями расшифровки магнитофонных записей и выверки распечаток, но работа делается добротная, и суждения о его философии могут опираться на вполне солидную базу.

Автор этих строк испытывает немалые затруднения в попытке изложить коротко и вразумительно некоторые идеи, которые в современной культуре уразумеваются с трудом. Если интересующий нас мыслитель на полутора тысячах страниц дает свои размышления над предметом, многократно меняя угол зрения, сужая и расширяя горизонт своей проблемы, имитируя ошибочные ходы и используя «ошибку» для смены пространства своих содержаний, т. е. предъявляет тексты мышления и не ставит

задачу произвести текст знания, концепцию, которую можно понять и усвоить, тогда читатель должен сам осуществить акт синтезирующего понимания этого целого, или же отказаться от попыток это сделать и просто позволить своей мысли идти за мыслью автора текстов. Вторая стратегия чтения, вообще говоря, предпочтительнее, если мы имеем дело с методологическими текстами. Методология — не учение, а особая культура мышления. То есть наша трудность заключается в первую очередь не в том, что мы недостаточно умны, а в том, что наши навыки мышления и устройство нашего читательского понимания «классичны». Но методологическое мышление не менее предметно, чем классическое научное, оно даже более предметно, потому что свои предметы принимает всерьез, запрещая себе безответственную позицию субъекта по отношению к познаваемому объекту. И поскольку методологическое мышление предметно, оно производит интересные мыслительные продукты, подлежащие в принципе синтезирующему осмыслению. Щедровицкий время от времени публиковал тексты на тему знака, но синтезировать весь корпус его мыслей по этому поводу — это наша задача. Ниже предлагается такой синтез на основе его работ, опубликованных до 2008 г.

От читателя ожидается, что он знаком с общей историей философских идей и что с известными именами в философии он связывает некоторые определенные представления. Прошу заметить, что полное оснащение настоящего текста ссылочным аппаратом привело бы к троекратному увеличению объема публикации. Поэтому ссылки здесь даются только в местах цитирования. Но по крайней мере понятие феноменологии надо как-то ввести, поскольку оно не имеет однозначных определений.

Ключевые слова здесь — «феномен» и «интенциональное отношение». Например, все знают, что Гегель и Маркс ставили вопрос о «непосредственном бытии» идеальных сущностей и, в частности, определяли «язык» на как непосредственную действительность «духа» либо «мысли». Если мы подвергнем язык (скажем, в виде проговариваемого текста) натуральному исследованию самыми современными лингвистическими методами, мы ни дух, ни мысль в объекте не обнаружим. Надо «смотреть» на язык «как» на воплощенную мысль, чтобы «увидеть» мысль в языке. Мышление имеет свою собственную действительность, отличную от действительности языка, но в «языке» обнаружить ее можно, если занять адекватную позицию и ставить адекватные вопросы с этой точки зрения. «Сущность» мышления определена этой «конститутивной интенционально-

стью», обращенной на «фактичность» другого названия, которая не сама по себе, а в свете этого отношения есть то, что мы пытаемся увидеть. Мы исследуем таким образом феномен, а не объект. Заметим также, что интенциональность понимается не психологически; она обоснована аподиктической или социосмысловой необходимостью и, видимо, должна анализироваться с этой стороны. Щедровицкий, определявший себя как «методолога», был в означенном смысле вполне последовательным феноменологом.

Перейдем непосредственно к нашему предмету размышления.

Опыт знака не элементарен. Он произведен от акта означивания, т. е. использования некоторой материальной формы для замещения или представления чего-то иного. Это иное в простейших толкованиях знака определяется как предмет, «обозначенный» знаком, который в таких толкованиях представлен словом. Получается связка материального слова с его «денотатом». Уже стойки знали, что это — грубое упрощение. Означиваться может ситуация или смысл (λέκτόν, т. е. «сказанное» у стоек). И знаком может быть не только слово, но и речевой акт, или текст, или, в принципе, любое материальное образование, которым мы располагаем (ягненок в жертвоприношении Авраама — пример Блаженного Августина).

Упрощенное представление знака на примере слова «стол», обозначающего стол, не просто обедняет понятие знака, но делает его непрозрачным, создает «мистику знака», как говорил Щедровицкий. Для преодоления этой мистики требуется замена натуралистической точки зрения на феноменологическую с одновременным вопросом о природе той интенциональности, которая конститутивна для знака как знака. Чтобы отвечать на вопрос «Что значит для знака быть знаком?», следует от плоской эмпирии вернуться к пониманию акта означивания. Какой может быть смысл в том, чтобы наделять предмет «стол» знаком в виде слова «стол», если это уже так называется? Опыт знака не элементарен, потому что означаемое (σημαίνόμενον стоек) по сути содержательно, а не фактично.

Щедровицкий схематизировал знаковую конструкцию как «связь-значение» между «знаковой формой» и «объективным содержанием», а затем отчеркнул «объективное содержание», оставив на схеме знак как форму и «связь-значение», которая «связывала» знак-форму с пустым местом:

————— ЗНАКОВАЯ ФОРМА
связь-значение

Это был вызов не только всей традиции семиотики, но и логической норме схематизации, поскольку связь вообще может быть между чем-то и чем-то, а не между чем-то и пустым местом. То есть схема Щедровицкого не только не отражает известную онтологию знака, но в указанном логическом смысле вроде бы сама не может быть знаком какой-либо действительности. Почему же прием оказался продуктивным в дальнейшей работе автора?

Приведенная схема введена не как знак знака, а как **знак проблемы знака**. Связь протянута к зиянию слева, которое в мышлении (в отличие от «действительности») не пусто, оно содержит запрос на заполнение; эта непустота гарантирована словами «знаковая (форма)» и «связь» на схеме. Зияние фактически ставит феноменологические вопросы: «Что значит для содержания быть содержанием?» и «Как нечто (что бы то ни было) может быть объективным содержанием знака?». Отсюда может быть систематически развернута семиотика Щедровицкого, которая в лекциях «Знак и деятельность» одновременно оказывается общей семантикой.

Есть английская шутка об учителе, который, держа в руках перочинный ножик, рассуждает о достоинствах родного языка: представьте себе, это по-немецки называется «мессер». А по-французски — «кутó». А вот у нас на английском это называется knife! And it's exactly what it is!! («Это ведь он самый и есть»). Все вещи мира имеют имена, и пока мы нож называем «ножом», а стол «столом», нет никакой проблемы знака; вещи узнаются, и значения слов в речи узнаются. Знак — это нечто другое, нечто такое, что понимается. Так был ли знак в наших примерах? Собственно, проблема знака возникает вместе с сознанием знака, когда факт имени оказывается разъятым. Нам трудно судить о том, каким именно образом платоновская проблема имен, известная в принципе всем древним культурам, была заменена стойками на проблему знаков. Но мы можем проимитировать этот переход в нашем собственном мыслительном эксперименте, если будем спрашивать не о *причине именования*, т. е. о природе имен, как в «Кратиле» Платона, а о *смысле означивания*.

Лучшим экспериментом такого рода, какой мы можем себе представить, была работа по созданию «содержательно-генетической логики», развернутая Г. П. Щедровицким в Московском методологическом кружке в конце 1950-х — начале 1960-х гг. В этой логике решительно отрицался параллелизм форм и содержания мышления, а потому акты

мысли не могли быть просто линейными, а формализовались как «двухплоскостные», с полагаемыми знаками, поставленными над объектами. При традиционном допущении о параллелизме, как легко заметить, форма и содержание схлопываются в виде формы, которую надлежит прочитывать как содержание. В содержательно-генетической логике формализуются сами отношения между плоскостями «обозначающего» и «обозначаемого», которые оказываются нетривиальными. Знак (собственно, «обозначающее») фиксирует некоторое свойство предмета, абстрагируя его, а по этому свойству в функции «метки» (которая относит «обозначаемое» к некоторому эталону) возможно подведение под класс, обобщение. Кроме этого, «индуктивного согласования» возможны операции по изучению свойств самих абстракций; наряду с чистым знанием о свойствах знаковых форм, как в математике, остаются возможности опосредованного отнесения метазнаков к плоскости начального «обозначаемого». Нам не следует углубляться в собственные проблемы содержательно-генетической логики; важно заметить, что в ней формализуется движение мысли в области «обозначаемого», конституцию которого мы выявляем за формой как не гомоморфную этой форме.

Эта логика Щедровицкого должна была определить базовые фигуры мышления, а потому задавала объективное содержание знака не в виде знакомого предмета (так возможна формальная логика), а в виде познаваемого, т. е. Щедровицкий исходит из того, что *опыт предметности не элементарен* и должен быть представлен «генетически», как становящийся в процессах означивания. Формально предмет обозначен как «**X**»; при определенном воздействии на него мы выявляем его свойство, обозначаемое как (**A**), при другом воздействии выявляется другое свойство (**B**). **A** и **B** считаются уже известными на основе прежнего опыта, в котором есть «эталоны». Обозначения свойств записываются в скобках, и это значит, что они мыслятся не как предметы, а как знаки. Знаки между тем отнесены к этому самому предмету **X** в форме предикации: **X** есть (**A**) и **X** есть (**B**). А что есть **X** как **X**, «на самом деле»? Если «само дело» есть дело познания объекта, то эта интенциональность требует записи вроде **XΔ**, где «дельта» помечает начальную неопределенность **X**, требование его «сопоставления», тот значимый факт, что объект (как объект) мыслится в познавательной установке с презумпцией определмости, но доступен познанию только в виде предмета, который, как в другой связи

говорит Щедровицкий, «должен остаться после того, как мы закончили работу мысли» [8—2, 312].

Означенный символом по одному из признаков, *объект Х*, уже как «объект А», т. е. фактически *предмет* $\lambda A(X\Delta)$, переосмысленный в объект, может естественно имплицировать признаки (В) и (С), лексически не проявленные. Мы применяем формальное знание вроде «А есть С», познавая реальность и тем самым преобразуя ее в действительность. Действительность — это и есть реальность, взятая в понятиях. Если для Аристотеля в его «аналитике» это подразумевалось как заранее выполненное условие, то в содержательно-генетической логике Щедровицкого реконструируются механизмы выполнения этого условия. Так логика может быть если не наукой о мышлении, то по крайней мере ее частью.

В этом эксперименте феномен знака связан с познающим мышлением. Перемещая фокус нашего внимания с проблемы познания на проблему знака, мы спросим, только ли познание, или всякое *смыслообразование* вообще предполагает работу в знаках. Думаем не только о познании непознанного, но и о понимании непонятого и о замысле создания чего-то такого, что пока не существует. Во всех случаях мы должны решать для себя, с чем в точности мы имеем дело, а это решение автоматически оборачивается решением о названии и об основаниях выбора названия, которого еще нет. Заметим, что до этого названия нет и самого предмета мысли. Мышление происходит в материале знаков, образование которых есть действие, манифестирующее (а не просто выражающее) мысль.

Конститутивная интенциональность, определяющая знак как феномен, определяется, следовательно, в *контексте мышления*. И мы не должны понимать мышление как исчисление на множестве неинтерпретированных символов по заданным правилам (идея «мышления» в задаче Тьюринга 1950-х гг.); мышление работает не по информации, а по смыслам. И мы заметили, что импульс знакообразования исходит не от мышления, а от *задачи мышления*. Наш поиск основания для определения знака претерпевает новый поворот, вопрос о *контексте задачи мышления*. Сказать, что потребность мышления человеку врождена как виду, было бы не то чтобы ложно, но, очевидно, не конструктивно: мы закрыли бы этим проблему, которую взялись решать. Значит, здесь требуется *альтернативная антропология*.

Решение Щедровицкого, окончательно оформившееся уже в 1980-е гг. в виде схемы мыследеятельности, может изучаться в

его становлении по лекциям «Знак и деятельность» 1970-х гг. Базовая схема необходимой феноменологии — схема коммуникации, в которой существен не просто диалог, а диалоговое взаимодействие по поводу дела с рефлексивными переходами. И главная мыслительная новация заключалась в том, что *контекст задачи мышления задавался перформативно*. Рассуждения о мышлении делались по поводу *актуально предъ-являемого* мышления в контексте *реально осуществляемой* коммуникации по поводу дела, изображенного на доске с одновременным изображением на другой, ортогонально поставленной доске осуществляемого дела по поводу изображенного дела. Хотя актуальное мышление в диалоге известно из опыта схоластики, а доска традиционно используется в образовании, тем не менее следует определить эту новацию московских методологов как беспрецедентное средство мышления. Щедровицкий не просто прокладывает путь мышления, но *показывает сам способ прокладывания пути*, вовлекая в это дело коммуницирующую с ним аудиторию. И при систематической мысли-коммуникации на досках с ограничением на обсуждение того, что не явлено, все идеальное понимается и интерпретируется в формах его фактичности с соблюдением условий достоверности в качестве «идеального». В таких условиях может анализироваться любой нетривиальный опыт идеального (опыт знака, мышления, знания, содержания, смысла) и может ставиться четким образом задача мышления, понимания, создания новой действительности. Культура этой работы называется «методологией» и, когда нужно, уточняется как «*системо-мыследеятельностная (СМД) методология*». Феноменология знака Г. П. Щедровицкого, которую мы излагаем сжато, а значит, в нашей собственной версии, обоснована долгой и достаточно трудной ее проработкой в методологии. Ничего более строгого на сегодняшний день не предложено.

Представим себе (нарисуем на доске) контур коммуникативного взаимодействия: говорящий его текст адресат. Акт-текст происходит, если первому есть дело до второго. Обозначим его ситуацию на схеме, которая полагается как отличная от ситуации адресата (предполагаем, что у того тоже есть «ситуация»). Если согласное взаимодействие нарисованных фигурок обеспечено одним этим актом-текстом, их ситуации не вступают в конфликт. Адресат «понял» говорящего и может об этом свидетельствовать. Есть ли тут «знак»? Мы, конечно, можем сказать, что есть; но *какую позицию* мы при этом занимаем? Сами говорящие не замечают «знаков», они только «погово-

рили» и «поняли», что требуется по ситуации. Где находится и как появляется *позиция, обнаруживающая факт «знака»*? Очевидно, это должен быть некто, рассматривающий отношения слов и элементов ситуации, находясь *вне* самой ситуации.

Добавим на нашей картинке (значит, в нашем актуальном представлении) третью фигурку, отделив ее чертой, означающей, что этот третий находится вне мира «их» взаимодействия. Вообразим себе, что он — инопланетянин, способный видеть то, что не видно нам: как устроена субстанция понимания*. Он должен назвать ее «смыслом», потому что он — участник нашего эксперимента, а в нашей культуре то, что понимается, именуется «смыслом», и смысл определяется как «то, что понимается». Надо войти в этот круг, не разрывая его. А это в нашем случае будет значить «представить эти процессы соотнесения и связывания разных элементов текста друг с другом и с элементами ситуации в виде соотнесенности и связности этих элементов, в виде сети статических отношений между ними, в виде структуры» [3, 92]. Инопланетянин строит знание о смысле, а не сам смысл; «сам смысл» *предполагается им* в диалоге первых двух фигурок, где его, именно как смысла, вообще-то нет. Понятие о смысле есть *содержание интенционального отношения*, которое мы приписали инопланетянину, потому что мы (а не он) думаем о «знаке». Думая о *знаке*, мы для начала определили феноменологию **смысла**.

Общо мы вправе сказать, и в коммуникации у досок это легко удостоверяется, что означивание происходит при наличии смыслового импульса, который тождествен обсуждавшейся выше «задаче мышления». Такой задачи нет у коммуникантов, она есть у нашего «инопланетянина».

Но в какой позиции обретаемся мы сами, когда приписываем нашему вымышленному (между прочим, нереалистичному) персонажу эту интенциональность?

Помыслим себе слегка измененную ситуацию начального взаимодействия двух фигурок. Пусть первый не знает, как ему «дать понять» другому, что он «имеет в виду». Понятия смысла и структуры смысла у него нет. Требуется *методист коммуникативного акта* (добавляем на нашей воображаемой схеме четвертую позицию, отделяя ее следующей чертой!), способный *преобразовать в инструкцию* то, что инопланетянин

* См. [8—1, 101]. Назовем этот прием «функциональной утопией».

обрел как *понятие*. Этот методист строит знание нового типа, инструкцию к связыванию определенных слов с определенными вещами или элементами ситуации. Он создает «*конструкции значений*». Этот термин Г. П. Щедровицкого оказывается ключом к прояснению всего комплекса проблем, связанных с означиванием, а заодно — со всей сферой семиотики и семантики.

Конструкция значения есть некоторый текст, создающий ЗНАК в контексте смысла на службе понимания при совместном определении ситуации в кооперированной деятельности. Когда конструкция значения уже есть, инопланетянин может уйти, его функциональное место теперь будет занято аналитиком смысла, который получает свои средства анализа из четвертой позиции, просто перетаскив их в третью. Аналитик смысла располагает конструкциями значений как знаками-знаниями, которые он, как предусмотрено, может передавать в начальные две позиции взаимодействующих фигурок в качестве просто значений: теперь они «знают», что как называется в их реальном деле, а это и значит «на самом деле».

Подчеркнем самый главный момент в этой феноменологической теории: *позиции должны быть различены и разведены по разным топикам.* Они определяются своими функциями на *схеме понятия*, но не функциональными отношениями в *кооперированной деятельности*. Структуры смысла не анализируются там, где люди говорят по поводу деятельности, и конструкции значений строятся не там, где люди анализируют смыслы деятельности. Разделение чертой рангов позиций — стандартный маркер гетеротопии / гетерохронии, маркер *места конститутивной интенциональности, трансцендентной по отношению к интендируемому феномену.*

Представим себе для прояснения этого момента, что мы работаем на двух досках, поставленных перпендикулярно одна к другой. На левой доске мы моделируем взаимодействие двух «позиционеров» 1 и 2. На правой доске мы составляем инвентарь стандартных выражений, пригодных для случаев предсказуемых рассогласований деятельности. Этот стандарт, разработанный методистом деятельности, может быть передан самим деятелям, «заимствован» ими. Перенесем его «к ним», на левую доску, расположив его сверху и отчеркнув как отдельную *действительность нормы*. С этим багажом они действуют *осмысленно*, т. е. способны свои действия компетентно обсуждать. Но сложная кооперированная деятельность может потребовать отдельной осмысленной работы над *стандартом*

сопряжения операций и речевых актов. Здесь требуются анализы переменных отношений между операцией и речевым актом, и это означает анализ *смысла высказываний*, относящихся к *смыслу рабочих операций*. На освободившейся правой доске мы моделируем конструкции смысла. Опять мы имеем представление смысла *отдельно* от той действительности, которой этот смысл приписывается.

Заметим, что, поскольку мы не инопланетяне, то структуры смысла мы можем строить только при наличии конструкций значений. Переместим эту предусмотренную структуру смысла на левую доску, разместив ее над новой чертой на третьем этаже схемы. Осмыслим новую картинку деятельности на этой предметной доске. Действие здесь не только обеспечено разумной речью по поводу операций, оно оснащено *специализированными знаками*, обеспечивающими воспроизводство профессиональных содержаний и смыслов. Это так называемая «терминосистема».

Феноменолог, сотворивший эту онтологию действия — речи — знака, может расположить себя, т. е. строго говоря, *проекцию себя как творца этой идеальной действительности*, на правой доске и отсюда ставить вопросы о действии, знаке, содержании, знании, смысле, значении, коммуникации и мышлении, в том числе научные вопросы. На уровне принципа эта картинка достаточно полна.

Итак, *знак определяется с точки зрения конструктора значений*. Для смыслового аналитика эта же самая связка формы с предметом-содержанием видится как знание. Определение «Магнитофон — устройство для воспроизведения звука» может быть конструкцией значения (значения слова «магнитофон») или при смещении из четвертой позиции в третью знанием (знанием о магнитофоне как предмете). Сотворенный знак может быть включен в систему знаков, терминосистему, или в систему знания, в тексты соответствующего содержания. И это значит, по Щедровицкому, что *различие между знаком и знанием актуализируется на метауровне*, где семиотика выступает как знание о знаках, а эпистемология как знание о знании. Так знак и знание не только категоризуются по отдельности, но и обретают каждый свое существование в культуре, в режиме специального словаря и в режиме текста знания. Для методолога этим имплицирована принципиальная возможность семиотехники и эпистемотехники как культурных практик.

Трехслойная схема на предметной доске означает, в частности, что деятельность не линейна в смысле последовательности

операций, а структурирована своей *парадигматикой*, которая обеспечена *знаками этой деятельности*. Работа знаков, явленная как процесс речи, в свою очередь не линейна, а обеспечена конструкциями значений, своей *знаковой парадигматикой*. Так, у Пирса слова языка с их значениями — не знаки, а условие возможности и заодно материал, из которого агенты разных практик создают знаки для этих практик, интерпретируемые другими знаками и текстами. Но в отличие от Пирса (насколько мы можем судить о его семиотике, но едва ли мы здесь ошибемся), Щедровицкий развернул *феноменологическую теорию*, в которой схематически формализованы точки зрения (интенциональности) разных позиций в *политопической системе*, определяющие феномены значения, знания, знака и отвечающие таким образом на вопросы, *как возможно*, что слово имеет значение, текст воплощает смысл, и каким образом возможен эффект парадигмы в принципе и существование разных парадигм в устройстве человеческого мира.

Если мы ограничим наше внимание нижней плоскостью трехслойной схемы, мы можем описывать человеческий мир в манере бихевиоризма, отмечая, как люди реагируют на стимулы разного рода, и на этом уровне обнаружится рациональная адаптация индивида к окружению, но, вообще говоря, не «разумное действие». Только если мы прихватим более высокий уровень и станем анализировать дискурс этих практик, мы обнаружим ту рациональность, которая принадлежит нижней плоскости, не будучи ее имманентным свойством. И если мы сместимся на третий уровень, уровень знакообразования и мышления, мы способны *понять человеческое мироустройство как парадигматическую систему разумного бытия*. При взгляде на эту модель мироустройства сверху вниз мы обнаружим «тотальный семиозис», как Пирс, но в новом понимании. Люди существуют разумно, потому что говорят, говорят, потому что имеют язык, а имеют язык, потому что способны мыслительным актом производить знаки. Но, посмотрев на ту же действительность на схеме снизу вверх, мы скажем, что люди действуют и говорят, знают значения вещей и слов, но все это имеет место *в натуральном режиме*. Здесь ведь не говорят, как Шалтай-Болтай в «Алисе» Кэрролла: «Слово должно значить то, что я хочу, чтобы оно значило», здесь знают, что как называется «по существу дела» (φύσει у платоновского Кратила), и этого достаточно. Когда ученые-лексикологи ставят вопросы о «системе лексики», они за словами с их значениями не видят *систему опыта проживания мира*. Они говорят «есте-

ственный язык», игнорируя тот режим жизни языка, в котором он *реально оестественлен*, где люди не «применяют языковые средства» (что за блажь?), а просто говорят. Но если «говорить» не значит применять языковые средства, *что значит утверждение, что люди говорят?* Вопрос для лингвиста на засыпку.

В жизненном мире человека конструкции значений, т. е. *знаки знаков*, натурализованы в *значения как таковые*, т. е. в тот факт, что слова языка определенным образом употребляются в речи, в деле, в жизни. Они *обращаются естественно*, хотя могут быть *поняты* в их природе только как *искусственные*, в точке своего генезиса как конструкции значений на службе трансляции означиваемых смыслов и содержаний. В этом отличие обыденного языка от систем знаков, вроде номенклатур: слова языка обретают собственную жизнь, когда *забывают о своем знаковом генезисе*, и именно поэтому имеют неограниченный *потенциал нового знакообразования* в местах смыслового напряжения, замысливания новых практик и задач мышления.

Фердинанд де Соссюр определил язык (предполагаемый уточненный объект новой лингвистики) как «систему знаков» и оговорился, что слово «знак» употребляет условно, за неимением лучшего слова, см. [2, 100]. Щедровицкий заметил, что Соссюр «перепутал знаковые системы и системы знаний» [8—3, 319]. Для нового противопоставления мы могли бы сказать, что Щедровицкий «перепутал знание знаков с владением значениями». При этом правота каждого нового утверждения — всегда частичная правота. И значение Щедровицкого, изошренного феноменолога, в новейшей истории мышления заключается, помимо прочего, в том, что он говорил и убедительно показывал, что любая такая правота есть некоторая отличная фокусировка, которая должна сама себя осознавать как фокусировку. Мы не путаем этот его принцип с глуповатым тезисом о признании «плюрализма мнений». Мнения имеют нулевую аргументативную силу и годятся для хорошо модерированных ток-шоу. Альтернативные тезисы в мысли-коммуникации принимаются к обсуждению вместе с определением позиции и интенциональности, за которыми должна усматриваться их социосмысловая оправданность.

Соссюр знал, что язык — не система знаков, но ему нужно было максимально упрощенное начальное определение с возможным развертыванием дальнейших определений; он строил аксиоматику для науки о языке. Щедровицкий знал, что сло-

во не есть знак, но он установил, что оно может быть понято, как феномен, через генетическую редукцию к знаку, и что знак в свою очередь возможен в пространстве уже существующих слов и значений. И настоящий автор вполне понимает, что Щедровицкий в цитированном месте давал свое определение в контексте *феноменологической редукции*, а не в контексте *феноменального наблюдения*. Современное мышление (рискну сказать: т. е. мышление после Щедровицкого) должно оперировать *политопическими* представлениями, если претендует на *феноменологическую состоятельность*. Так можно отвечать на вопросы «Что такое знак?», «Что такое язык?», а также на вопросы вроде хайдеггеровского «Что значит мыслить?». Но при этом следует считаться с тем, что слова в речи имеют смысловую организацию за счет парадигматической надстройки, интендирующей смысл, а смысл в этом месте структурирован (и, таким образом, реален) за счет парадигматической надстройки, определяющей значения.

Такова реальная действительность идеального. И, видимо, Щедровицкого можно определить как *реалистического идеалиста*, каковой был просто немислим в предшествующей философии.

Схематизмы Щедровицкого — *абстрактный* уровень анализа феноменов, которые в системе, как целое, представляют *парадигматику* для реальных форм человеческой жизни. Конструкции идеального должны быть такими, чтобы была возможна организация мира человека как *мира деятельности*. Собственно, знак затребован именно как *средство организации деятельности*; и поведенческое проявление человека имеет характер деятельности, т. е. непрерывного разумного миротворчества, потому что непрерывно распоряжается знаками и все свои *предметы*, слова и вещи, *превращает в знаки*, все время «оставляет следы в виде знаков и вещей (которые тоже суть знаки особого рода)» [8—3, 321]. «Кинетика переводится в знак, а знак вызывает определенную кинетику» [8—2, 37]. Метафизически возможно помыслить мир деятельности «без языка», но реальная деятельность распределена по индивидам, по-разному в нее включенным, поэтому *знак необходим*, и по этой же причине *деятельность содержательна**. В челове-

* Из многих характерных рассуждений Щедровицкого на эту тему укажем для примера на пассажи в [8—3, 322, 344, 395].

ческом мире все есть знак, и сам человек — «совокупность знаковых текстов» [8—1, 224].

В свете этих рассуждений представляется несущественным, обнаруживаем ли мы у того или иного индивида, хорошо социализированного, установку на смысл, сознательное оперирование значениями, и тем более — мышление, понятое во взыскательном смысле. Вполне можно принять к сведению как весьма правдоподобную характеристику человеческого проявления «диктатуру неопределенно-личного субъекта» (*Diktatur des Man* в трактате Хайдеггера «Бытие и время» [11, 126—130]). Люди живут по преимуществу адаптивно. Однако мы понимаем по логике нашей схемы, что нормы, которым они следуют в адаптации, обеспечены смыслами и слова, которыми они пользуются в приспособлении к ситуациям, имеют значения и в употреблении воплощают смыслы. И существенно, что стандартное обращение нивелированных смыслов и значений претерпевает многократные перебои усилиями отдельных субъектов социально-культурного действия, которые реагируют на новые ситуации полаганием новых целей, оформлением новых смыслов с проектированием их социальной реализации, осуществляют мышление по поводу ситуаций, интерпретируемых ими как проблемные, а тем самым создают новые знаки и системы знаков, а в отдельных случаях меняют парадигмы в составе культуры. Определив эту активность как «мышление», мы можем сказать, что обстоятельства жизни требуют коммуникации, в которой встреча дискурсов порождает мышление, и это есть то самое *место* в социокультуре, *где затребован и рождается знак*. Знак в этом смысле всегда актуален и в то же самое время не единичен и не произволен, а задается сразу для «отчуждения продуктов индивидуальной деятельности в форму общественной культуры» [4, 517]. Заметим, что мы легко говорим «моя мысль», «мое действие», «мой текст», но практически не знаем ситуаций, где уместно было бы сказать «мой знак». Мысль и действие тоже социальные, но они могут мыслиться фокусированными на индивиде; знак же, *затребованный в со-организации* деятельности и мышления, может быть только *межиндивидуальным*.

Но знак должен быть *знаемым в качестве знака*. Знак, переставший быть осознаваемым как знак, функционирующий в деятельности, становится просто значением, словом, которым мы владеем. В этом смысле знак и знание знака тождественны. И если мы теперь вернемся к схеме Щедровицкого, где «связь-значение» упирается в незаполненное место, мы по-прежнему

можем сказать, что он предложил знак проблемы знака; но в нашем новом контексте мы можем сказать также, что *знак проблемы знака* и есть *знак знака*, и он же есть *знак*. Простая констатация « σ есть знак Π » парадигматически обеспечена формой $E(\sigma \text{ есть } \Pi)$, где знание E , разумеется, само имеет форму конструкции значения $\lambda E(\sigma, \Pi)$. Заменяя ее знаком «большой сигмы» Σ , мы скажем, что Σ есть знак любого содержания Π^* , т. е. реальная форма любого рода, используемая как знак*, объективное содержание которого должно быть выявлено в разных случаях как разное (и, по сути, никогда не определяемое безостаточно). Иначе говоря, знак генетически есть всегда некоторое промежуточное решение, ответ на вопрос в свете задачи мышления, переопределение задачи в предмет. И в существенной точке своего генезиса знак действителен *как должный состояться* и, будучи оформленным, несет на себе память об этом модальном прошлом. Взятый в этом сложном качестве, по полному понятию, знак не может быть объектом натуральной науки. Но он может пониматься (и в этом смысле познаваться) в феноменологической теории, оперирующей политопическими пространствами определения со многими интенциональностями.

В этой своей части философия Щедровицкого оказывается интересным ответом на «Бытие и время» и другие работы Хайдеггера, но в первую очередь на его концепцию *Dasein*, человеческого способа бытия. Как и Хайдеггер (которого Щедровицкий не анализировал и от которого ни в малейшей степени не зависел), Щедровицкий замещает проблему человека проблемой человеческого бытия. Хайдеггер равным образом исходит из того, что предметы в составе *Dasein* не могут быть объектами позитивных наук, а потому он предлагает вместо их категориального освоения герменевтическую феноменологию, а она пишется в терминах «экзистенциалов», смысловых параметров *Dasein*. Здесь аналогия заканчивается. Экзистенциалы взаимно друг друга интерпретируют, но доверие читателя и сомыслителя к текстам Хайдеггера основывается не на убедительности доводов, а лишь на интенсивности переживания смысла. Щедровицкий не ставит вопрос об устройстве человеческого бытия, когда начинается свой путь мышления; он просто полагается на

* Сравним: «Материал становится знаковой формой, когда он начинает знаково функционировать, т. е. вставляется в соответствующее место» [8–2, 260].

антропологию классического марксизма. Но, последовательно прорабатывая проблемы содержательной логики, знака, языка и лингвистики, деятельности, коммуникации и мышления, он обнаруживает неполноту каждого из этих предметов и ищет решения, непрерывно расширяя горизонт проблем. Только на этапе анализа «мыследеятельности» с экспериментальной базой в виде организационно-деятельностных игр Щедровицкий мог сказать, что пришел к результату своего поиска. Но этот результат (т. е. СМД-методология 1980-х гг.) оказался, между прочим, и новой *антропологической концепцией*. Можно сказать, что подтвердилась догадка В. фон Гумбольдта, что только понимание феномена языка, систематически разработанное как исследование *работы духа в материале*, способно дать ответ на кантовский **вопрос о человеке**. Думается, что это же — и ответ на гегелевский *вопрос о феноменологии духа*. «Дух» при этом оказывается синтезирующей метафорой для всей сферы явлений, кодируемой в европейской традиции мышления как «идеальное».

Дальнейшая история мышления будет определяться другими вопросами. Но и на прежние вопросы будут даваться альтернативные новые ответы, и хотелось бы надеяться, что они будут учитывать то, что сделано в российской методологии.

Осуществив таким образом наше движение по проблемным узлам философской семиотики в рамках методологии, мы можем теперь попробовать дать связанное изложение феноменологии знака.

В качестве теоретической рамки примем схематизацию мыследеятельности Г. П. Щедровицкого*. Схема показывает три плоскости отношений между человеческими фигурками. Плоскости разделены горизонтальными линиями как гетеротопные. Вертикальная прерывистая линия помечает, что фигурки 1 и 2 находятся в разных местах пространства в каждой топике, но должны взаимодействовать. Нижняя топика помечена как «мД», мыследействие, средняя как «мК», мыслекоммуникация, верхняя как «М», (чистое) мышление. Все вместе называется «схема МД», т. е. мыследеятельности. Все три плоскости схемы друг друга интерпретируют, и перемещение фигурки между плоскостями схемы показывает разные варианты рефлексивных смещений в пространстве МД. Заметим,

* Для достаточно полного представления о ней надо бы прочитать [4, 115–142, 281–298; 6–1 и 2; 7, 447–481, 549–731].

что нижняя плоскость, плоскость собственно действия, уточнена как **мыследействие**, потому что она интерпретирована мышлением в опосредовании через коммуникацию. Средняя плоскость, плоскость собственно коммуникации, уточнена как **мыслекоммуникация**, потому что диалоги ведутся со смещением в плоскость мышления, где согласуются, как говорит по аналогичному поводу Юрген Хабермас [10], «значимостные притязания» (*Geltungsansprüche*) участников взаимодействия в диалоге. Здесь, на третьем уровне, применяются, согласуются и обновляются логики, и это мышление по своей имманентной организации является чистым, но оно в то же время предметно, поскольку логика целой схемы укореняет ее в коммуникации и относит к деятельности как предметному действию. Каждая топика, понимаемая как особая действительность со своими собственными свойствами, интерпретируется двумя другими топиками таким образом, что для актуального процесса в одном слое два других парадигматически или экземплификативно значимы.

Выше мы заметили, что это понятие мыследеятельности фактически является новой антропологией, но только в одном принципиальном срезе. Схема МД показывает, как существует человек в принципе. Реальные люди существуют не так; они бесконечно разнообразны и по-разному реализуют в себе этот полный парадигматический принцип. Антропология должна дальше разворачиваться в типологии усеченных репрезентаций МД и их распределении в типологии жизненных миров и обстоятельств. Но нам в рамках проблемы знака важна именно эта базовая схема полной МД, поскольку с нее могут аккуратно считываться интересующие нас феномены с эксплицитными интенциональностями, определяющими их (в феноменологических тавтологиях: определяющими знак как знак, предмет как предмет и т. п.).

Приняв базовую схему МД как рамку для нашего определения знака, мы теперь осуществляем герменевтический акт — понимающее вхождение в схему. Оно возможно в любой точке любого слоя, потому что решение вопросов этого класса все равно потребует перемещения по плоскостям и позициям.

Начнем с нижней плоскости, с мыследействия. Для нас очевидно, что бихевиоризм недостаточен, хотя допущение об имманентном порядке стимулов и реакций едва ли может быть оспорено. Просто мы знаем (есть у нас такой опыт), что человек, адаптированный к своей среде, поднимается над природой, и что «вторую природу» человеческого мира нельзя постичь без анали-

за смыслов, снятых в ее устройстве. Хорошо социализированный и вроде бы при этом не мыслящий индивид знает по опыту, что способы действия разумны и что в случае рабочих (и, шире, поведенческих) затруднений «надо подумать». Эта особенность человеческого поведения-действия свидетельствует о том, что над синтагматикой действий всегда уже надстроена парадигматика разумных норм и методов. Деятельность в принципе парадигматична, и в любом акте индивида как бы соучаствуют бывшие методисты деятельности, цели которых в процессе технологизации превращаются в объективируемые смыслы и далее в функции частей технологического устройства. Вроде бы не мыслящий человек, ведущий себя так, как положено, ведет себя «осмысленно» и несет на себе печать «человека мыслящего».

В ситуации рассогласования или неуспеха деятельности человек, в принципе, способен сместить фокус своего внимания с предмета деятельности на ее нормативную, разумную основу. Поскольку же норме следуют не потому, что она разумна, а потому, что она — норма, то при ее недостаточности надо сместиться в другую плоскость. В среднем слое, в мыслекоммуникации фигурки 1 и 2 могут быть другими людьми, отдельными методистами деятельности, или один из первых двух осуществляет переход в рефлекссию и проявляет коммуникативную инициативу по отношению к какому-нибудь «методисту», или оба, 1 и 2, осуществляют такой переход и начинают обсуждать свои рассогласованные действия со стороны их разумности / неразумности. Во всех этих случаях феноменологически (хотя не психологически и не практически) эффект один и тот же: ситуация «надо подумать» порождает знак. Новый знак коммуникантами относится к рассогласованному делу, но для нас он одновременно есть знак их перехода в рефлекссию, ибо без такого перехода обсуждение оснований разумного действия невозможно.

Подчеркнем, дело не в том, что они разговаривают. Здесь будет совсем неуместно думать о языке как «системе знаков» в понимании лингвистов. Язык и разговор являются естественным сопровождением и частью самого действования. И речь сама может описываться бихевиористами как «речевое поведение». Классическая работа Берреса Скиннера на эту тему [12] поражает богатством научного содержания: как много, оказывается, можно об этом сказать в терминах стимулов и реакций. Но одновременно она хорошо показывает предел возможного познания языка и речи с отвлечением от смысла. О коммуникации она не говорит ничего. Коммуникация есть **мыслекоммуникация**, т. е. диалог о деле с переходом в метаречь мышления, установкой на

взаимное понимание и консенсус по поводу дела. Забота взаимодействующих коммуникантов — совместное определение ситуации (Хабермас). Здесь осуществляется в качестве ответа на взаимные смысловые вызовы, то самое «движение в содержании», о котором шла речь в содержательно-генетической логике и которое есть *опыт знака по сути*. Знак в данном случае — интерсубъективно согласованное обозначение для интерсубъективно согласуемого содержания, чего-то значимого в ситуации деятельности. Теперь этот *знак существует* как часть и организованность этой практики и будет пребывать в качестве методичного знака, пока найденное решение не растворится в технологии, или пока от знака не откажутся, потому что заменили состав операций с помощью новых знаков.

Фигурки на схеме во второй плоскости могут считаться компетентными и при этом вроде бы не мыслящими, а просто хорошо владеющими культурой ремесла (или, шире, поведения). Но, как и при обсуждении человека в действовании, мы здесь, во втором слое, опять обнаруживаем, что участники коммуникативного взаимодействия, зашедшие в тупик, знают, что «надо подумать». Это значит, что они неосознанно исходят из того, что над синтагматикой содержательной речи надстроена парадигматика языка-мышления, того «логоса», о котором говорили в Древней Греции. Это значит, что язык-language (т. е. то, что переводится как «речевая деятельность» в русских изданиях Соссюра) в принципе парадигматичен, и хотя коммуникант говорит «как положено», но, если надо, может повести себя как мыслящий семиотехник, т. е. создавать знаки, рефлексивно сместившись в метаречь мышления. С этой точки зрения он обнаружит, что когда он говорил «как положено», но при этом все же смог согласовать с партнером по диалогу связь выражения и содержания, он уже осуществил сотворение нового знака, не заметив, что побывал в «третьей плоскости схемы МД». (Он-то думал, что это делается в коммуникативной последовательности реплик.)

Итак, человек, проживающий эти перипетии, ничего не знает о «плоскостях схемы МД», он все это испытывает во времени и в месте своей жизнедеятельности. Но сотворенный знак начинает жить отдельно от ситуации во времени культурной нормы и в ее особом пространстве. А логическая культура знакообразования есть культура конструктивного мышления по поводу знаков, и она характеризуется своим особым «хронотопом» (говоря по Бахтину). Разные топики, по выражению Щедровицкого, «гетерогенны, гетерохронны и гетерархированны». Последнее

слово указывает на их различное *ῥηή* первоначало, к которому они возводятся, например, в промысливании категорий.

И это все означает, что *знак не может быть определен в одной топике*. Знак связывает разные топики в действительности компетенции. Меняя фокус, мы можем различать акциональную, коммуникативную и мыслительную компетенцию, но это не более чем разные фокусировки. *Компетенция определяется культурой знака*, и этим она отличается и от простого умения, и от простого знания. И в этой функции опосредования разных топик заключена нетривиальность феномена знака; а нетривиальность опыта знака — ее естественное проявление в жизни.

Выше мы уже указали на нетривиальность опыта предмета по Щедровицкому. Теперь это можно дополнить двумя уточняющими цитатами:

«Предмет есть структура, которая строится следующим образом. Вот у меня есть слово, знание, представление, схема. Теперь я эту схему, это представление отношу к чему-то другому. Именно отношу, накладываю как своего рода шаблон, и вырезаю нечто соответственно моему видению или представлению. — Вот эта связка между тем, с помощью чего я вырезаю, и тем, на что я этот шаблон накладываю, называется предметом, предметной структурой. — А что такое объект? Это то, что я в реальности таким образом вырезаю» [5, 206]. И несколько далее: «Любой знак, любая схема представляет собой своего рода калитку, через которую мы к чему-то проходим. А объект — это то, во что мы упираемся» [5, 207].

Знаки определяются только в политопической действительности. И это же верно для предмета, слова и других феноменов, определяемых через знак, в том числе феноменов нормы, методики, компетенции. Видимо, таков и феномен опыта. Опыт есть знак того, что я могу на основании того, что со мной было и сохраняет свое значение.

Очевидно, всякий опыт не элементарен, и не элементарен сам феномен опыта. Но это уже тема для отдельного феноменологического исследования.

Приложение

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Феноменология знака на линии, прочерченной Г. П. Щедровицким, позволяет по-новому видеть существо некоторых значительных проблем языковедения, и это следует принимать

в соображение при оценке ее культурной значимости. Рассмотрим с этим новым аппаратом классическую, почти что «вечную», проблему лингвистической относительности. Имеется в виду утверждение о том, что язык влияет на понимание мира, мышление, поведение людей, а проблемой это утверждение является в том простом смысле, что это можно утверждать или отрицать, или принимать как ограниченно верное утверждение, поскольку научное языкознание в течение столетий ищет и не находит средств для обоснования одного из этих «решений». Собственно, содержание обсуждения этого вопроса позволяет говорить о решениях только в условном смысле, в кавычках, и мнения здесь решительно преобладают над осмысленными точками зрения.

Термин «лингвистическая относительность» введен уже в XX в. Бенджамин Уорфом в американской этнолингвистике, но самым влиятельным мыслителем среди «релятивистов» поныне остается Вильгельм фон Гумбольдт. Он говорил, в частности, что «человек... живет с предметами так, как их ему преподносит язык» [1, 80]. Смысл этого утверждения понятен в контексте его лингвистической философии человека, которая есть одновременно его феноменология духа. «Дух творит, но в том же творящем акте противопоставляет сотворенное самому себе, позволяя ему воздействовать на себя уже в качестве объекта. Так, отразившись в человеке, мир становится языком, который, встав между обоими, связывает мир с человеком и позволяет человеку плодотворно воздействовать на мир» [1, 198]. Гумбольдт говорил о «мировидении», связанном с национальным языком, и о «промежуточном мире языка» между человеком и природой.

Лингвистика предлагает необозримое множество фактов, которые можно считать эмпирическими свидетельствами лингвистической относительности, а современная отечественная когнитивная лингвистика охотно рассуждает о «национальных языковых картинах мира», якобы такими фактами явленных. Заметим, что носитель языка в своей обычной жизни ничего подобного не отмечает. Лингвист же, знающий, насколько языки различны, вынужден над этим рефлексировать. Словарное соответствие *нож—Messer—couteau—knife* подтверждает иллюзию обыденного сознания, что надо просто знать, как то же самое называется на другом языке. Лингвист со своим мультилингвальным опытом знает, что такие соответствия верны лишь для незначительной части словаря, и «то же самое» бывает только при поверхностном сопоставлении. Если мы

возьмем *зарабатывать деньги* — *Geld verdienen* — *gagner de l'argent* — *earn money* (а в американском варианте *make money*), мы констатируем, что немец деньги «заслуживает», француз их «выигрывает», англичанин «пожинает», американец просто «делает». Давайте поймем, что это за «факты» и что делает лингвист, рассуждающий на этом материале о языковом мировидении и явлении языка в национальных менталитетах.

Выражения обыденного языка (в «речи-мышлении» по Щедровицкому) принадлежат жизнедеятельности в качестве ее регулятива. Напомним, что до выхода в рефлексию по поводу языка выражения принадлежат жизненным актам, как имена принадлежат вещам, т. е. не в режиме семиотики, а в режиме поведения. Языковые выражения, составляющие язык, представляют опыт проживания мира, и языки могут быть как угодно различными в представлении тождественного мира. Верно ли, что немец свои деньги «заслуживает, а не зарабатывает (по его пониманию)», что венгр свои деньги «ищет, а не зарабатывает (по его пониманию)», и так далее? *Заслуживать* — русский глагол, а не немецкий, хотя *verdienen* — его словарное соответствие; *искать* — русский глагол, а не венгерский, хотя *keres* — его словарное соответствие; и хотя русскому *деньги* по словарям соответствуют немецкое *Geld* и венгерское *pénz*. И любой переводчик скажет, что *pénzt keres* надо перевести русским *зарабатывать* (а не *искать*!) *деньги*. Почему когнитивный лингвист видит в этих фактах другую действительность, чем переводчик?

Гумбольдт смотрит глубже, чем его прямолинейные последователи. Он замечает:

«Можно сколь угодно дробить понятия, расчленять слова, но мы от этого еще ни на шаг не приблизимся к разгадке таинственного соединения мысли со словом» [1, 166].

Надо бы знать не только, что такое слово, но и что такое мысль. Во всяком случае слово — не знак, язык — не система знаков, мысль — не значение знака в виде слова, даже включенного в синтагматическую цепь. Гуманитарное мышление последних двух столетий живет с этой «тайной» слова и мысли (Гумбольдт) и с этой «мистикой» знака (Щедровицкий), и эту тайну вкупе с мистикой надо перевести в проблему, которую можно решать строго, а не перебором мнений. Методологическая культура мышления, и в данном случае — феноменологическая культура конструктивного анализа идеальных предметов, надо думать, подготовили условия требуемой демистификации.

Что может значить выражение «русская языковая картина мира»? Определение «языковая» указывает на точку зрения, с которой мы судим о «картине мира»; это точка зрения языковеда. Реалистически можно эту «ЯКМ» понять так: какой **была бы** картина мира, **если бы** русский язык был терминосистемой, построенной по самым взыскательным нормам терминообразования. Видит ли русский свою ногу иначе, чем англичанин, из-за того, что «ногой» он называет и *leg*, и *foot*? Это слишком неправдоподобно, если опыт собственной ноги у человека связан не только с языком. У венгра его две ноги называются существительным в единственном числе *láb*. Множественная форма *lábak* — это ноги разных людей, а если «девочка прыгает на одной ноге», то это по-венгерски будет «на пол-ног», «на половине своей бегалки», *fél-láb-on* (*A leányka féllábon ugral*). Венгр знает, что у него две ноги? Можно ли спрашивать по-русски о знании венгра?

Когда методологи начинают свое размышление о лингвистической относительности словами: «Относительность языкового расчленения и представления мира, на котором настаивает Уорф, является бесспорным фактом» [9, 93], что они могут иметь в виду? С точки зрения разработок Щедровицкого в лекциях 1970-х гг. следует уточняюще спросить: «Бесспорным фактом чего?» (языка? мышления? лингвистического мифа о языке?).

Методологически строгая феноменология знака требует различать топики и предполагает, что *в разных топиках* знак, значение, смысл, знание имеют *разный статус*. Можно ли спрашивать по-русски о знании венгра? Несомненно, можно. Можно ли спрашивать, знает ли венгр, что у него две ноги, *не различая* знание о мире (в том числе о собственном теле) и знания о языке и его значениях? Наш провокативный вопрос о «венгре» имеет смысл только в контексте проблемы лингвистической относительности как прием заострения проблемы *на метауровне*, где Щедровицкий различает «знание знака» и «знание знания».

Несомненно, устройство человеческого мира несет в себе разумность, и мы заметили, что разумность есть эффект парадигмы, место укоренения которой — другая топка. Несомненно, все моменты мироустройства закреплены за выражениями языка; жизненный мир выговорен. Несомненно, весь реальный и возможный опыт мира оформляется работой знаков, артикулирующих мир деятельности. На моделях коммуникации знаки оформляются между третьим и вторым уровнями МД и только

потому, как мы знаем, они могут осуществить эффект разумности на нижнем уровне. И если бы эти отношения подчинялись принципу параллелизма форм и содержаний и были отношениями детерминизма, то картина мира должна была бы соответствовать картине, предусмотренной системой знаков. Но отношения между уровнями (которые, напомним, гетерогенны и гетерохронны) могут быть только *отношениями интерпретации*, и при очевидном отсутствии параллелизма движение мысли по содержанию может многократно менять и дробить картины мира при неизменной форме языка.

Ключевым для обсуждения проблемы является понятие *знака*. Знак обретает свое реальное бытие в пространстве *вторичного смыслообразования*, где создаются конструкции значений, позволяющие структурировать смысл, и именно здесь создается *возможность лингвистической работы* по поводу «естественного языка». Говоря феноменологически, понятие знака есть *условие семантической интенциональности*. Означивание является, с одной стороны, условием возможности *картины мира*, с другой же стороны оно — необходимое условие *картины языка* для этого мира. Лингвисты не различают первичные (в речевом общении) и вторичные (в деле означивания, как условия лингвистической интенциональности) *места смыслообразования*. Поскольку же венгр знает про ноги то же самое, что русский, и лингвист в этом не сомневается, то он говорит о «мировидении», причем «языковом», о «языковой картине мира» (как если бы язык «видел» мир иначе, чем человек, живущий в этом мире?).

Слово (выражение) на уровне его логического осмысления гетерогенно по отношению к тому же по материатуре слову естественного языка, где оно живет в эмерджентном режиме. Здесь действуют гибкие стандарты употребления, безразличные к семиотическим определениям (например, *ножка стола*, а не **нога стола*). Но языковед по сути своего профессионализма располагается на рефлексивном уровне, где слова удобно обсуждать как знаки, и лексикограф всегда описывает их как знаки, ведь минимальная научная онтология языка — связь выражения и содержания (пара $\langle \varpi, \lambda \rangle$ в абстрактной записи минималистской программы Хомского). Иначе говоря, лингвистическая интенциональность, «бесспорный факт» устройства лингвистического мышления, имплицитно *знаковую праформу для послезнаковых фактов естественного языка*. Проблема лингвистической относительности возникает

там, где *содержание лингвистической интенциональности приписывается самому естественному языку*.

Этим отнюдь не подразумевается, что лингвистика «лжет». Слово *может* употребляться как знак, и это — его *естественное свойство*. Поэтому лингвист Соссюр может определять язык как «систему знаков», психолог Бюлер говорить, что все языковые феномены «насквозь знаковы», а методолог Щедровицкий уточнять, что «язык есть система знания знаков», — поскольку знак, в отличие от слова, актуален, но *знание знака* — инактуальная парадигма знакообразования (в частности, в слове). И лингвист «делает язык».

Кроме того, слово по своему происхождению и есть знак, — правда, другой знак, чем тот, в качестве которого его показывает словарь. Но знак не живет в истории, а слово и язык историчны. Видимо, можно спрашивать, как возникло в истории немецкого народа сочетание слов *Geld verdienen*, полагая, что знаковым началом его было значение «заслуживать». Если деньги в Германии первоначально появились при княжеских дворах и обращались только среди рыцарского дворянства, тогда их, естественно, не зарабатывали, а заслуживали. Но для живущего исторически слова естественного языка существенно, что оно забывает о своем знаковом генезисе.

Представим себе лингвиста-семасиолога (исследователя значений слов), который принципиально не хочет зависеть от лексикографа, у какового все слова — вроде бы знаки, и не берет данные словаря, а фиксирует интересующие его слова и сочетания слов на материале записанной речи. Изолировав таким образом слово, он делает его **автономно выделенным**: поскольку оно само должно говорить о себе, то при любых возможных методах морфемики дистрибуции и компонентного анализа, он работает со словом как знаком, *метаформой*, а не формой для значения, а для значения он все равно ищет денотат. Обратим внимание, что, когда говорящие люди, неспециалисты языковедения, говорят по поводу языка, уточняя свои выражения и смыслы, они оказываются в той же позиции, и тогда устройство слова начинает иметь то знаковое значение («Он же эти деньги *зарабатывал*, а не *искал*!»), которое ему приписывается аналитиком языковых картин мира.

Лингвист мог бы понимать свой предмет тоньше, если бы не рассматривал сам себя как субъекта познания, а язык — как свой объект. Методологический самоконтроль подсказал бы ему, что его семантические определения имеют знаковый характер, потому что он — «слепое пятно познания» (Н. Луман),

сам занимает позицию метаязыковую, где знаки конституируются на связке с уровнем языковым. Лингвист не может видеть эту позицию третьего уровня в принципе, потому что сам ее занимает, а следовательно, она для него — не «в объекте».

Выше мы говорили о позиции субъекта в S/O-методологии как «безответственной». Проблема лингвистической относительности — не единственная проблема, не разрешимая без критического преодоления гносеологизма. Не единственная, но в высшей степени характерная.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Соссюр Ф. де. Труды по лингвистике. М.: Прогресс, 1977.
3. Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 76—111.
4. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.
5. Щедровицкий Г. П. Организация. Руководство. Управление (1): Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций. М.: Путь, 2000.
6. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (1), (2). М.: Наследие ММК, 2004, 2005.
7. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005.
8. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 1. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005; Кн. 2. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2006; Кн. 3. М.: Некоммерческий фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2007.
9. Щедровицкий Г. П., Розин В. М. Концепция лингвистической относительности Б. Л. Уорфа и проблемы исследования языкового мышления // Семиотика и восточные языки. М.: Наука, 1967. С. 93—106.
10. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1, 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.
11. Heidegger M. Sein und Zeit. 17. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer, 1993.
12. Skinner B. F. Verbal Behavior. NY: Appleton Century Crofts, 1957.

В. Л. Данилова

Концепция знания в работах Г. П. Щедровицкого: на пути к новому синтезу

Для последней трети XX в. характерен стремительный рост интереса к устройству и функциям знания. Общим местом описания постиндустриального общества стало указание на повсеместное внедрение наукоемких («эпистемоемких») технологий, бурный рост «индустрии знания», в которую перемещается все больше и больше людей и ресурсов*. В то же время понятие знания становится все более расплывчатым и эклектичным, а концепции знания представляют собой самую причудливую смесь идей — от неопозитивистских до психологических.

Проблемы принципиального устройства знания, условий его развития или стагнации, его зависимости от структуры деятельности и коммуникативных сетей обсуждались Г. П. Щедровицким начиная со второй половины 1950-х гг. Его идеи во многом опередили свое время: в то время, когда знание рассматривалось как отражение природного объекта, он обсуждал зависимость знания от порождающей его деятельности;

* Система образования превращается в одно из самых массовых направлений человеческой деятельности. Если же добавить к ней область научных исследований и технических разработок, сферу телекоммуникаций и информационных технологий, библиотеки и книгопечатание, средства массовой информации и т. п., то окажется, что в «индустрии знания» производится более половины национального продукта высокоразвитых обществ.

в то время, когда понятие знания относилось главным образом к научным теориям, он уделял особое внимание условиям практичности знания и начал анализировать знания разных типов (методические, инженерно-технические, проектные etc.). Еще в начале 1970-х гг. Г. П. Щедровицкий рассматривал знание в контексте рефлексивно организованных структур коммуникации, еще в 1980-е гг. начал создавать структуры рефлексивно- и мыслительно-организованной коммуникации (организационно-деятельностные игры), во многом предвосхитившие практику самообучающихся организаций (learning organizations)*.

По-видимому, в силу такого опережения его идеи остались во многом непонятыми и невостребованными, и сейчас мы стоим перед необходимостью нового прочтения работ основателя ММК, посвященных этой теме. Наша статья представляет собой попытку описать эволюцию идеи знания у Г. П. Щедровицкого и восстановить те проблемы, которые возникали и разрешались на пути этой эволюции.

Знание — одна из сквозных тем творчества Г. П. Щедровицкого. С одной стороны, это упрощает задачу анализа его наследия в этой области, поскольку даже среди его опубликованных работ насчитываются сотни страниц, в которых так или иначе обсуждается устройство знания, процессы его возникновения, переработки и использования, с другой стороны — невероятно усложняет ее, поскольку на протяжении 40 лет его творческой деятельности неоднократно менялись не только методы анализа знания (познания), но и онтологические основания такого анализа.

Схема знания в контексте содержательно-генетической логики

Знание и мышление. Цикл жизни знания

Впервые к обсуждению понятия «знание» и анализу его простейших форм Г. П. Щедровицкий обратился в середине 1950-х гг. в рамках программы создания новой логики, которая в работах тех лет именовалась содержательно-генетической.

* Идеология learning organizations (и во многом связанная с нею практика knowledge management) начала бурно развиваться после публикации в 1990 г. книги Питера Сенге [11].

Участники Московского логического кружка, одним из лидеров которого он был, стремились создать логику *получения нового знания*, подчеркивая, что именно такая логика нужна как для развития науки, так и для подготовки новых исследователей. В 1950-е годы такая постановка вопроса ставила их подход в жесткую оппозицию к господствующим неопозитивистским программам, считавшим предметом логико-методологического исследования обоснование знания, но отнюдь не его получение.

Процесс получения нового знания (развития знания) Г. П. Щедровицкий отождествлял в то время с процессом мышления*, знание же при этом понималось двояко: как результат процесса мышления и как его структура. Вот как он определял отношение между знанием и мышлением в работе 1957 г.:

«Прежде всего мы должны обратить внимание на то, что исследуемый нами предмет — мышление — выступает в двух формах: 1) как образ определенных объектов, их изображение или отображение, т. е. как фиксированное знание, и 2) как процесс или деятельность, посредством которой этот образ получается, формируется; другими словами, мышление выступает, во-первых, как *знание*, во-вторых, как *познание*. Исследовать мышление необходимо в обеих формах его проявления. Однако при этом надо учесть, что сначала должно быть исследовано и зафиксировано в мысли мышление как знание, но никак не сам процесс познания, ибо всякое движение, всякий процесс сначала выявляется нами в виде последовательности состояний, являющихся каждый раз результатом процесса, а это и будут в данном случае *формы знания*. Особым образом направленный логический анализ этих состояний должен затем вскрыть в них *форму самого процесса*. Но это уже дело дальнейшего исследования, а начать можно только с *фиксированных состояний* процесса, т. е. с определенных, фиксированных в мысли форм знания. Таким образом, чтобы исследовать и воспроизвести в мысли *мышление как процесс познания*, мы должны сначала исследовать и воспроизвести в мысли мышление как *совокупность различных форм знания*.

Исследование знания в свою очередь может начаться только с того, в чем оно проявляется на поверхности, — с

* В дальнейшем он неоднократно возвращался к вопросу об источниках знания и механизмах его трансформации и развития. Это — одна из сквозных линий его творчества, по которой его взгляды, по крайней мере, дважды кардинально менялись.

непосредственно-созерцаемого. Таким материалом в данном случае является язык — непосредственная действительность мысли» [15. С. 455].

Итак, структуры знания и процессы мышления полагаются автором как две различные *формы проявления* единой сущности — познающего мышления. Из этого достаточно очевидного полагания вытекает в дальнейшем ряд нетривиальных следствий, в частности отказ от субстанциональной трактовки знания*.

Для того чтобы рассмотреть этот ход более подробно, необходимо обратиться к тем схемам (моделям), в которых изображал знание Г. П. Щедровицкий и его товарищи по Московскому логическому (впоследствии — методологическому) кружку. Построение и разворачивание (в ходе эмпирического исследования) модели знания выступало для них необходимым аспектом изучения «языкового мышления» и должно было лечь в основание новой логики научного познания**.

В первых работах, посвященных этой теме, знание изображается как связь между *объективным содержанием* и *знаковой формой* (Рис. 1).

* Понимание знания как вещи особого рода настолько естественно в нашей культуре, что отчетливо проявляется в языке — знание вырабатывают, получают и передают, сохраняют и перерабатывают; без какого-либо насилия над языком оно может быть названо инструментом или товаром. Та же «вещная» метафорика звучит в выражении «индустрия знаний» и тяготеющих к нему производственных метафорах («технология производства знаний», «машина по производству знаний»). А вот за выражением «управление знаниями» стоит другая интуиция. И, действительно, в работах направления «knowledge management» знания — это уже отнюдь не то, что можно получить, сохранить, продать и т. п. И понять складывающуюся в последние десятилетия практику «управления знаниями» невозможно, сохраняя образ знания как некоторой определенной вещи, локализованной в пространстве-времени и сохраняющей свою определенность, пока кому-нибудь не придет в голову ее переделать.

** Надо отметить сложившееся в эти годы своеобразие интеллектуальной практики МЛК (ММК): они стремились применить методы эмпирического научного исследования к решению традиционно философских проблем. Такая постановка вопроса не была уникальной — немного раньше Ж. Пиаже начал исследовать детское мышление, создавая *генетическую эпистемологию*, немного позже Э. В. Ильенков обсуждал свою работу со слепоглухонемыми детьми как *экспериментальную логику*. И все же такая организация работы противопоставила МЛК как «нормальным философам», обсуждающим вопросы логики и онтологии, так и «нормальным ученым», исследующим познание, мышление, структуры значений (например, лингвистам и психологам).

объективное содержание _____ знаковая форма
связь значения

Рис. 1

Объективное содержание мысли (знания) противопоставляется при этом субъективному чувственному содержанию. Основанием противопоставления было указание на особую деятельность мышления, отличную от деятельности чувственного отражения*. Соответственно и *знаковая формы* мысли / знания — это отнюдь не любая группа знаков. Отмечая это, Г. П. Щедровицкий ставит задачу логического анализа знаковой формы мышления, что требует, на его взгляд, разработки новых логических понятий, поскольку современные ему системы формальной логики анализируют форму мысли фактически в тех же единицах (слово — понятие, простое предложение — высказывание, сложное предложение — умозаключение), в которых грамматика анализирует и организует знаковую форму речи**.

* «Дело в том, что мысль имеет не только свою особую форму, в которой она отражает объекты природы, но и свое особое объективное содержание, она органически связана с процессами труда и берет объекты природы с такой стороны и в такой взаимосвязи, которая, во-первых, не может возникнуть при чисто умозрительном отношении к окружающему миру, во-вторых, часто вообще недоступна чувственному отражению. Но это возможно и может быть объяснено только в предположении, что мышление представляет собой *особую* деятельность (с образами объектов природы), отличную от деятельности чувственного отражения» [15. С. 463].

** «Выделение и исследование логической структуры знания как такового и процессов познания как таковых предполагает выработку особых абстракций и введение особой символики для их выражения. Это позволит исследовать мышление в его собственной специфике независимо от особенностей языковой формы его выражения. Существующие в настоящее время понятия так называемой формальной логики не могут обеспечить такого исследования, так как по своему содержанию они еще не отдифференцировались от понятий языковых форм. Смешение содержания тех и других проявляется, в частности в традиционной параллели: слово — понятие, предложение — суждение, сложное предложение — умозаключение. И это не только параллель. Исходя из нее в логике обычно называют понятием все то, что выражается в отдельном термине, суждением — все то, что выражено в предложении, а умозаключением — ряд связанных между собой предложений. С нашей точки зрения, понятие может быть выражено различными языковыми формами: отдельным словом (*стол, энергия, желтый*), предложением (*кислота содержит водород*), формулой зависимости ($y = f[x_1 x_2 \dots]$) или формулой

Специфика мышления / знания проявляется также в особенностях связи между *объективным содержанием и знаковой формой*, хотя в 1957 г. указание на мыслительный характер этой связи выступает в первую очередь как проблема, требующая дальнейших логических исследований.

Суть отличия мышления и порождаемого им знания от всевозможных не-мыслительных (вне-мыслительных) высказываний заключается в том, что в ядре мышления лежит специфическая деятельность, связанная в своих истоках с процессами труда*. Предельно отчетливо Г. П. Щедровицкий выразил эту мысль и вытекающие из нее следствия в работе 1958 г. «Специфический характер всех трех составных частей взаимосвязи мысленного знания — объективного содержания, формы и значения — определяется особенностями той мыслительной деятельности, посредством которой это знание сначала вырабатывается, а затем используется. Поэтому исследование *деятельности* мышления составляет основную и определяющую часть всего исследования мышления, в том числе и исследования мышления в аспекте знания.

Мышление как особая познавательная деятельность возникает *внутри* процессов труда: первоначально оно является *стороной* суммарной трудовой деятельности, затем постепенно переходит в ее *составляющую часть* и в конце концов превращается в особый специализированный *вид* трудовой деятельности — в умственный труд, относительно обособленный и независимый от других видов труда. По мере развития и обособления деятельности мышления меняются как составляющие ее операции, так и предметы оперирования <...>. Вместе с этим меняется *тип* объективного содержания, выделяемого в действительности, и соответственно тип знаковой формы, в которой мы это содержание фиксируем, отражаем.

состава (H_2SO_4), целой системой связанных между собой предложений, например три тома “Капитала” К. Маркса, дающие понятие о буржуазных производственных отношениях, и т. д., и т. п. Различие языковых форм выражения этих понятий указывает на различие их логической структуры, но, чтобы отразить эти логические различия, нужны особые, специфически логические абстракции» [15. С. 462].

* Здесь необходимо помнить, что процессы труда в работах основоположников марксизма, оказавших большое влияние на МЛК, всегда имеют *общественно-исторический* характер.

Эти характеристики типов объективного содержания мысленного знания, определяемые относительно мыслительной деятельности, мы называем *категориальными характеристиками* знания, или *категориями*.

Характеристики типов знаковой формы, определяемые относительно мыслительной деятельности, мы называем *логической характеристикой формы*, или *логической формой*. Вместе эти две группы характеристик будут составлять *логическую характеристику знания*.

В логическую характеристику мысленного знания входит его *строение*. Чтобы определить строение какого-либо знания, мы должны указать число входящих в его форму знаков и характер связи их с объективным содержанием и между собой. Первая и последняя характеристики, т. е. число знаков в форме и их связи между собой, определяют *строение самой формы*.

Строение знания, т. е. строение его формы и характер связей между ней и объективным содержанием меняется, во-первых, в зависимости от категориальной характеристики содержания, выделяемого в исследуемом объекте; во-вторых, в зависимости от числа выделенных сторон одной и той же категориальной характеристики, т. е. если можно так сказать, от “экстенсивности” знания» [16. С. 591].

В этом рассуждении автор ссылается на программную статью, опубликованную в 1957 г. в соавторстве с Н. Г. Алексеевым, указывая, что «мыслительная деятельность как основание анализа типов знания должна быть задана алфавитом операций и правилами их соединения в сложные процессы» [1]. При этом утверждается, что действия (операции), приводящие к созданию знаковых замещений, доступны объективному логическому анализу. Построение *алфавита* этих операций было выдвинуто в качестве центральной задачи содержательно-генетической логики*. Очевидно, что содержание, вкладываемое Г. П. Щедровицким в 1957–1958 гг. в предложенную им схему знания, значительно сложнее и революционней, чем сама схема. В какой-то мере эта схема позволила структурировать обсуждение темы знания и дифференцировать программу логических исследований, но в ней не нашлось места для операций и процедур деятельности (благодаря которым в реальности обнаруживается сверхчув-

* Анализ и критику этой программы см. в статье В. Н. Садовского [10].

ственное объективное содержание), а связь значения легко могла быть понята как *отражение* реальности или *выражение* мысли в слове*.

Возможно, именно в поисках более адекватной формы для выражения сложившихся в МЛК интуиций Г. П. Щедровицкий предложил в 1960 г. другую схему, выражающую структуру мышления / знания (Рис. 2).

В рамках этой схемы мышление рассматривалось как *замещение* объектов практической деятельности X определенной знаковой формой (A)** и *отнесение* (A) к исходному объекту. При этом схема указывала на деятельностный характер замещения: оно рассматривалось как результат определенных действий, обозначаемых буквой «дельта».

Рис. 2

Идея того, что мышление с необходимостью предполагает замещение реальности знаковыми конструкциями (и оперирование с этими знаками) не была новой. Нетривиальным являлся акцент на том, что знаковое замещение является результатом определенных действий с реальными объектами, и именно характер этих действий определяет особенности замещающей знаковой конструкции. Тем самым эта простая схема ставилась в оппозицию господствующему в те годы в советской философии вульгарно-материалистическому представлению о мышлении как отражении реальности.

Эта же схема рассматривалась как простейшая модель знания. При этом (A) интерпретировалось как *знаковая форма* знания, а «X-дельта» как его *содержание*. Необходимо отметить, что таким образом в *содержание* знания был включен как объект, к которому может быть отнесена знаковая форма, так и действия, направленные на познание этого объекта. Рассмотрение зависимости знания от операциональ-

* Последующее развитие идей содержательно-генетической логики показывает, насколько чуждо им и то, и другое понимание.

** Знаковая форма при этом понимается предельно широко: слова естественного языка, математические выражения, чертежи геометрии, схемы и т. д.

ного состава и форм организации познавательной деятельности стало одной из принципиальных характеристик эпистемологии Г. П. Щедровицкого, хотя он всегда возражал против сведения содержания знания к операциям и процедурам мышления.

Необходимо отметить, что при переходе от первой схемы мышления / знания (Рис. 1) ко второй изменилась понятийная характеристика типа связи между объективным содержанием и знаковой формой. Если в горизонтальной схеме знаковая форма *выражает* содержание или *отражает* его, то в вертикальной схеме знаковая форма *замещает* X (стрелка от X к (A)) и *отнесена* к X (стрелка от (A) к X). Причем в наиболее простом случае отношения замещения и отнесения симметричны — в первых схемах этого цикла работ они трактовались как два аспекта одного отношения и изображались полустрелками.

Различные варианты этой схемы — от наиболее простой до достаточно развернутой — представлены, в частности, в заметках Щедровицкого о соотношении понятий «объект» и «предмет», написанных в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (Рис. 3) [21]. При анализе более сложных структур знания оказалось, что эти два отношения могут существовать достаточно самостоятельно, связывая, в частности, (A) с различными объектами отнесения. Графика схемы была приведена в большее соответствие с ее пониманием — замещение и отнесение стали обозначаться различными стрелочками.

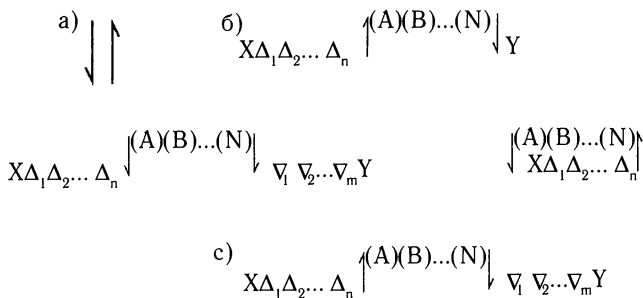

Рис. 3

Как видно уже из приведенных выше схем, достаточно формальное изменение схемы — переход от «горизонтальной» схемы к «вертикальной» (поворот схемы) — имело серьезные последствия для дальнейшего развития этих представлений. Этот шаг открыл возможность формального разворачивания

схемы* — как по горизонтали, увеличивая количество объектов оперирования и познавательных операций, так и по вертикали, обнаруживая в структуре знания различные «слои замещения», т. е. тот неоднократно описанный в истории науки факт, что к развитию знания приводят не только новые эмпирические исследования, но и оперирование (например математическое) с уже полученным знанием.

При использовании этой схемы для анализа развития математики, с одной стороны, и обучения математике — с другой, были получены более сложные модели мышления / знания [7, 8, 9, 17]. В частности, в схему были введены операции со знаковой формой, а структура знаковых замещений стала многоплоскостной (Рис. 4) [18]. Если эта схема рассматривалась как модель *процесса* мышления, а не *структуры* знания, то разворачивание схемы слева направо соответствовало осуществлению процесса мышления во времени.

$$\begin{array}{c} \text{х} \Delta \uparrow (\beta) = (\alpha) \Delta' \uparrow (B) \rightarrow (A) \end{array}$$

Рис. 4

Важно, что отношение замещения в этих схемах всегда опосредовано процедурами познавательной деятельности («дельта»), тогда как отнесение не предполагает каких-либо специальных процедур. В развернутой модели знания как многослойного замещения стрелки отнесения пронизывают всю систему. В 1980-м гг. Г. П. Щедровицкий выразил это в простой формуле: *знание интенционально*.

Еще один важный шаг усложнения этой схемы заключался в том, что участники МЛК / ММК начали рассматривать различные типы *использования знания*. В частности, было различено использование знания в качестве *описания* уже существующего объекта (например рис. 3б) и в качестве *проекта или предписания*, по которому объект должен быть создан (или преобразован). На схеме последнему случаю соответствовало введение значков, которые обозначали действия, направленные на реализацию знаковых конструкций в практи-

* Подробнее этот принципиально важный момент в развитии идей содержательно-генетической логики обсуждал П. Г. Щедровицкий [33, лекция 2].

ческой деятельности, и результат этих действий. Один из вариантов получившейся при этом схемы приведен в статье 1964 г. (Рис. 5) [19].

$$x\Delta_1 \uparrow^{(A)}, y\Delta_2 \uparrow^{(B)}, (A)+(B) \rightarrow (C), (C) \downarrow \nabla z$$

Рис. 5

Здесь заслуживает особого внимания правая часть схемы: стрелка, направленная сверху вниз, значок «набла» и завершающая схему буква Z — именно так обозначалась на этих схемах реализация знаковой конструкции в практической деятельности.

Существенное отличие этой схемы от предыдущей (Рис. 3) в том, что здесь впервые приобретает графическую (схематическую) форму идея *цикла жизни знания*. Фактически в этих схемах зафиксировано, что минимальная единица анализа знания включает в себя, во-первых, получение знания (замещение объекта знаковой формой), во-вторых, его разнообразные формальные преобразования (средняя часть схемы) и, наконец, использование знания в практической деятельности (правая часть схемы). И хотя в ходе исторической дифференциации деятельности (и усложняющейся системы разделения труда) отдельные части полного цикла жизни знания могут приобрести квазиавтономное существование, эта автономность иллюзорна — понимание механизмов развития знания требует рассмотрения полного цикла его жизни. Возможно, именно такое устройство модели знания предопределило (наряду с ответственным отношением к окружающему) интерес Г. П. Щедровицкого к проблеме практичности знания — одной из сквозных проблем его творчества.

Знание без сознания. Борьба с психологизмом

Продолжая во многом традиции немецкой классической философии*, Г. П. Щедровицкий стремился создать такую идеализацию мышления / знания, которая не требовала бы об-

* Дискуссии об отношении между психологией и философией широко развернулись в Германии в последней трети XIX в., будучи отчасти спровоцированы быстрым ростом числа кафедр психологии в немецких университетах. Одной из ведущих тем этого обсуждения была критика психологизма в логике и теории познания. К наиболее ярким критикам психологизма принадлежал, в частности, Э. Гуссерль [2].

ращения к субъективному опыту человека и представлениям, существующим в индивидуальном сознании. Знание / мышление должно было быть противопоставлено «отдельной человеческой голове» как то, что существует объективно и допускает объективное научное исследование.

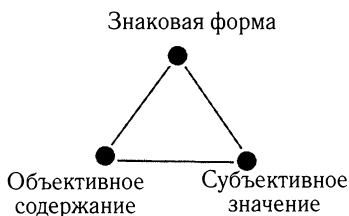
Описанная выше модель знания давала такую возможность (при условии деиндивидуализированной интерпретации как познавательных операций, так и отношений замещения — отнесения). Огромную роль в противопоставлении мышления / знания индивидуальному сознанию сыграло представление о связи между операциями мышления и общественно-исторической трудовой деятельностью (для последователей К. Маркса объективность труда и складывающихся по его поводу отношений была очевидна). Вот как объясняет Г. П. Щедровицкий в статье 1962 г. отношение между объективно существующим знанием и представлениями, возникающими в индивидуальном сознании.

«В предшествующих теориях мышления были намечены два основных типа схем связи знаковой формы мышления с его содержанием: “линейная” и “треугольная”.

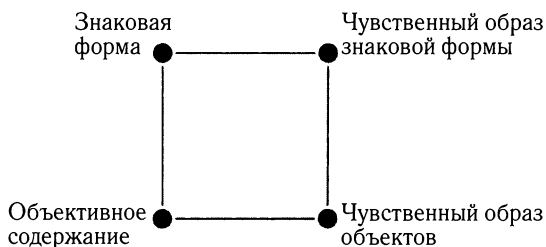
Отличительной особенностью схем первого типа, при всем их разнообразии, является то, что связь знаковой формы с объективным содержанием устанавливается через посредство особых психических образований — чувственных образов или особых мыслительных образов (концептов, понятий и т. п.), которые, собственно, и выступают, по теории, как первые непосредственные значения-знаков. Наглядно-символически эти схемы выглядят так:

объективное содержание — значение — знаковая форма

Отличительной особенностью схем второго типа является то, что там связи знаковой формы с объективным содержанием и со специфически психическими образованиями — значением — как бы существуют рядом (“треугольник Огдена” [Ogden, Richards 1953]). Наглядно-символически это выглядит так:

В противоположность всем этим теориям мы принимаем для изображения мышления схему “квадрата”:

Но при этом рассматриваем различные ее элементы (стороны) не как равноценные. Горизонтальные связи в этой схеме изображают связи, устанавливаемые по законам обычного чувственного отражения; это связи, во-первых, между объектами и их чувственными образами, во-вторых, между знаковыми формами (которые тоже суть объекты) и их чувственными образами. Правая вертикальная связь — между чувственными образами знаковой формы и объектов — носит *вторичный, зависимый* характер: это отражение в голове* связей, установленных вне головы (в левой части схемы). Таким образом, *главной и определяющей* связью в этой структуре оказывается левая вертикальная связь. Это *связь замещения* между объективным содержанием (не объектами!) и знаковой формой. Она устанавливается в ходе трудовой деятельности и первоначально является ее *побочным* продуктом, но затем установление подобной связи замещения становится специальной целью, а деятельность, решающая эту задачу, обособляется и становится специализированным видом трудовой деятельности — *познанием*. Именно эта связь замещения составляет суть и сердцевину всего процесса, изображаемого “квадратом”, именно она несет в себе все *специфические* признаки мышления» [20. С. 40–41].

Если предположить, что отношение между объектом и знаковой формой (в правой части схемы) имеет более сложное

* Необходимо отметить, что сознание в этой работе трактуется вполне в духе английского ассоцианизма 18 века — ему приписывается свойство *отражать* отдельные чувственно-данные «вещи» и устанавливать между отражениями *ассоциации по смежности*.

строение (например, оно опосредовано несколькими плоскостями замещения и рядом преобразований знаковой формы), то легко представить, насколько упрощенным и, по сути, иллюзорным может оказаться отражение в сознании содержания знаковой формы*.

Таким образом, «схема квадрата» позволила противопоставить «подлинное существование» знаний, той *превращенной форме*, которую результаты познавательной деятельности приобретают в индивидуальном сознании, но в то же время многоплоскостная схема знания не позволяла окончательно освободиться от идеи сознания. В той мере, в какой исследователи признавали значение интенциональных отношений для существования знания, они были вынуждены признавать значение сознания. Ситуация только усложнялась тем, что то сознание, которое удерживало структуру многоплоскостного знания, оказалось противопоставленным индивидуальным сознаниям, в которых отражались и связывались за счет механизма образования ассоциаций частные и достаточно случайные «осколки» системы знания.

Итак, предложенный в работах этого периода ответ на вопрос о роли сознания в мышлении / знании соответствовал интенции Г. П. Щедровицкого на объективное научное исследование знания и продолжал близкую ему традицию борьбы с психологизмом. Такой ответ соответствовал и возможностям схем (моделей) знания, разработанных в это время. Но он был не свободен от внутренних противоречий. Вот как оценил эти идеи в 1972 г. сам Г. П. Щедровицкий. «...Сейчас мы могли бы даже сказать, что без сознания и его механизмов знание как таковое вообще не существует. Но тогда мы не могли понять этого в полной мере, поскольку никак не могли учесть этого в наших конструктивных схемах. Но само это возражение и замечание оставалось и всплывало все вновь и вновь. А поскольку мы постоянно вели эмпирические исследования и, пытаясь объяснить факты научно-исследовательского решения задач и развития мышления, постоянно сталкивались с затруднениями и контрпримерами, постольку это указание на существование и роль механизмов сознания и производимых ими смыслов было для нас некоторым источником, резервуаром, или, может быть,

* Тем самым это рассуждение перекликается с идеями К. Маркса о превращенных формах сознания и продолжающими эту линию работами М. К. Мардашвили [5, 13].

некоторыми направляющими рельсами в развертывании уже имеющихся у нас схем и в поисках новых схем. Коротко я мог бы сказать, что именно это возражение (при наличии контр-примеров в процедурах эмпирической интерпретации) было основной движущей силой, или движущим противоречием, в развитии наших представлений, именно оно играло важнейшую роль в трансформации идей содержательно-генетической логики в идеи теории деятельности»*.

Объект знания: преодоление натурализма

Как неоднократно отмечал Г. П. Щедровицкий, говоря об истории своих идей, в 1950-е — 1960-е гг. он был сциентистом. За его ранними представлениями о знании и его «устройстве» еще отчетливо просвечивает опыт физика, для которого понятие знания тесно связано с идеей объекта, противостоящего познающей способности (или познавательной деятельности) человека**. Еще в конце 1950-х гг. представления Г. П. Щедровицкого об отношении знания к объекту познания были достаточно традиционны***. Именно они были выражены и в наиболее простой схеме замещения (Рис. 2), где предполагалось существование природного объекта X, а знание выступало как результат определенной познавательной деятельности, направленной на этот объект, которая привела к выделению одной из его (также объективно существующих) характеристик и позволила выразить ее в знаковой форме.

Выделенная таким образом «сторона» объекта понималась как «предмет изучения»****. Таким образом, «предмет» представ-

* Щедровицкий Г. П. Идея деятельности и деятельностный подход (настоящий сборник).

** Особенно значимо отношение знания к вневещному ему объекту для вулгарного материализма, господствующего в советской философии и науке середины прошлого века, в котором знание, несмотря на некоторые оговорки, всегда понималось как отражение природного объекта.

*** «Всякую вещь, явление, процесс, всякую сторону, всякое отношение между явлениями, одним словом — все то, что познается, поскольку оно еще не познано и противостоит знанию, мы называем объектом исследования. Те же самые вещи, явления, процессы, их стороны и отношения, поскольку они уже известны, с определенной стороны зафиксированы в той или иной форме знания, “даны” в ней, но подлежат дальнейшему исследованию в плане этой же стороны, мы называем предметом исследования» [1].

**** «...Было введено представление о предмете и предметности, отделяющее предмет от объекта и знания и, вместе с тем, связывающее их. Утверж-

лял собою как бы результат «захвата» природного объекта трудовой и познавательной деятельностью. Принципиальное значение противопоставления «предмета» и «объекта» познания в эти годы заключалось в том, что в понятии предмета «схватывался» и оформлялся деятельностный подход к знанию — в отличие от природного (противопоставленного деятельности) объекта предмет с самого начала полагался как результат и момент деятельности*.

Однако последовательное разворачивание многоплоскостной модели знания заставило усомниться в этих привычных и достаточно очевидных для того времени представлениях об объекте знания. Уже самая простая схема замещения задавала (сначала неявно) два различных, противоречащих друг другу понимания «объекта познания / изучения»: с одной стороны, «объект» был включен в схему в качестве одного из элементов «знания» (и тем самым был одновременно *объектом оперирования, объектом замещения и объектом отнесения*), с другой стороны — он описывался как *при-*

далось, что применение операции к объекту выявляет содержание, что это содержание получает новую форму существования и фиксируется в знаковой форме, что то, что выявлено и фиксировано таким образом, есть «сторона» или «аспект» объекта и что, собственно говоря, объект, включенный таким образом в знание, взятый, следовательно, с одной определенной стороны, дает нам «предмет» или есть «предмет», и что такая трактовка отношения «предмет—объект» точно соответствует Марксову пониманию, зафиксированному в тезисах о Л. Фейербахе» [21. С. 614].

* «Объект существует независимо от знания, он существовал и до его появления. Предмет знания, напротив, формируется самим знанием. Начиная изучать или просто «включая» в деятельность какой-либо объект, мы берем его с одной или нескольких сторон. Эти выделенные стороны становятся «заместителем» или «представителем» всего многостороннего объекта; они фиксируются в знаковой форме знания. Поскольку это — знание об объективно существующем, оно всегда объективируется нами и как таковое образует «предмет». В специально-научном анализе мы всегда рассматриваем его как адекватный объекту. И это правильно. Но при этом надо всегда помнить — а в методологическом исследовании это положение становится главным, — что предмет знания не тождествен объекту: он является продуктом человеческой познавательной деятельности и как особое создание человечества подчинен особым закономерностям, не совпадающим с закономерностями самого объекта.

Одному и тому же объекту может соответствовать несколько различных предметов. Это объясняется тем, что характер предмета знания зависит не только от того, какой объект он отражает, но и от того, зачем этот предмет сформирован, для решения какой задачи» [22. С. 12].

родный объект, противостоящий познавательной деятельности человека и знанию как результату этой деятельности. Дальнейшее разворачивание схемы (Рис. 3б, рис. 5) сделало представление об объекте познания еще более парадоксальным — оказалось, что функцию объекта оперирования / замещения и функцию объекта отнесения могут выполнять различные «реальные объекты» (X и Y на схеме), при этом, строго говоря, ни один из них нельзя было рассматривать в качестве объекта изучения.

Дальнейшее усложнение схем и развитие связанных с ними представлений привело участников ММК к пониманию «объекта изучения» как идеального объекта (ср. понятие идеального газа в химии или материальной точки в механике), т. е. особого рода знаковой конструкции, создаваемой и функционирующей в системе познавательной деятельности*.

Таким образом, статус объекта изучения существенно изменился. Он начал рассматриваться как одно из функциональных мест в структуре многоплоскостного знания — наряду с объектами оперирования (как природными, так и знаковыми), объектами замещения и отнесения. В наиболее резкой, нарочито парадоксальной форме эта мысль была выражена Щедровицким в тезисе, что наука, в принципе, не изучает и не описывает реальный мир, а ее объекты не имеют никакого отношения

* «Такое упрощение тотчас же обнаруживало свою несостоятельность — как только мы переходили к многоплоскостным и многослойным схемам знаний, в которых объект оперирования заведомо отличался от объекта изучения и не только своим видом, но вообще типом, ибо это был “знаковый объект”. Поэтому со всей остротой встал вопрос, что же, собственно, является “объектом изучения” и можно ли считать, что, оперируя с многочисленными плоскостями и слоями замещающих знаковых средств, мы изучаем или исследуем *именно этот* единичный объект X. Таким образом, объект изучения выступил как нечто обобщенное и существующее независимо от каждого единичного объекта оперирования X, (A) (B)... (N), (α) (β)... (μ) и т. п. и даже независимо от объекта отнесения Y, хотя все выявленное в процессе оперирования содержание приписывается ему как существующее во всей структуре предмета и размазанное по ней. Но отсюда был уже один шаг до того, чтобы сказать, что “объект изучения” существует только как нечто *идеальное*, и если мы хотим выразить и зафиксировать его в материальной форме, отличной от тех форм, в которых фиксировались все прежние знания об объекте и все прежние объекты оперирования, то должны искать и создавать особую знаковую форму (конструкцию) специально для изображения “объекта изучения”» [21. С. 624].

к объектам практики. Такое понимания объекта знания было достаточно хорошо обосновано — оно соответствовало как имеющимся моделям знания (и возможностям их разворачивания) так и исследованиям, проведенным Г. П. Щедровицким и другими участниками программы содержательно-генетической логики.

Такое изменение понимания *объекта* знания неминуемо влекло за собой и изменение в трактовке его *предмета*: в 1960-е гг. предмет — это уже не сторона объекта, выделенная за счет знакового замещения, но сама структура знаковых замещений, в которой есть функциональное место как для знаковой конструкции «объекта знания», так и для знаковой конструкции «утверждений об объекте»*. Такое понимание последовательно продолжает деятельностьную трактовку предмета и предметности, характерную для немецкой классической философии, и порождает ряд проблем.

Во-первых, знание и предмет знания начинают выражаться в одной и той же схеме (модели), хотя по-прежнему обсуждаются в разных контекстах и с различной интенцией: в «предмете» подчеркивается в первую очередь его устойчивость (сохранение во времени), понимание предмета сохраняет некоторый изначально присущий ему оттенок «вещности»; в «знании» же наибольший интерес представляет его развитие — выход познания за рамки сложившихся структур замещения-отнесения. Эта двусмысленность была преодолена за счет различения и противопоставления опредмеченного и распредмеченного познания (соответственно — предметизованного и непредметизованного знания). В такой форме продолжается и разворачивается оппозиция функционирования и развития мышления / знания, введенная Г. П. Щедровицким еще в 1957 г. [1].

Но здесь возникает и второй вопрос — вопрос об условиях и механизмах, обеспечивающих существование в процессах дея-

* «Таким образом, мы можем сказать, что “предмет” это — иерархизованная система замещений объекта знаками, включенными в определенные системы оперирования, в которых эти системы замещения существуют реально как объекты особого рода, они опредмечиваются в виде научной литературы или производственной деятельности общества по созданию и использованию знаковых систем. Подрастающее поколение непрерывно “приобщается” к этим системам замещения, усваивает их, а затем строит свою деятельность на основе их» [22. С. 12].

тельности устойчивых «вещей деятельности» (впоследствии эта линия размышлений получила развитие и содержательную интерпретацию в идее организованностей деятельности). В частности, это — вопрос о том, как существуют предметы познания.

Таким образом, обсуждение предмета (предметности) знания выводила Г. П. Щедровицкого и его единомышленников к более глубокому анализу деятельности и разработке средств такого анализа. «Поэтому следующий этап в развитии отношения “предмет—объект” был связан с обсуждением проблемы существования предмета. Эта проблема была одной из тех, которые привели к идее деятельности и воспроизводства. Здесь идея предмета теснейшим образом переплетается с идеей нормативности*.

<...>

Таким образом, в конце концов было получено представление, что всякий “предмет” представляет собой определенную организованность деятельности, что как организованность он, с одной стороны, существует только в деятельности и благодаря ее процессам, а с другой — как самостоятельное и автономное целое, фиксируемое в своих элементах и связях в культуре и в социетальных реализациях. Таким образом, вся проблема предмета и предметов была переведена в новое русло — изучение состава, структуры и форм организации различных предметов в зависимости от строения соответствующих им первичных, т. е. порождающих их, и вторичных, т. е. связанных с их использованием и употреблением, деятельностей (и таким образом круг замкнулся, вернув нас к исходным принципам деятельностного анализа [Щедровицкий, Алексеев, 1957]). И дальше речь шла уже либо о новых понятийных и категориальных оппозициях, которые разворачивались вокруг понятия “предмета”, например, об оппозициях “предмет—знание”,

* Вот как комментирует эти рассуждения в своих лекциях 2008 г. П. Г. Щедровицкий: «И в тот момент, когда перешли к этой второй трактовке предмета, возник вопрос, который он здесь фиксирует — а где же эти предметы существуют? И был дан ответ — они являются основным содержанием процесса трансляции культуры. То есть — культура это и есть предметы, исторически сложившиеся, отработанные, но существующие не в сознании исследователя, научной школы или даже научной теории, а приобретшие новую форму жизни через процесс трансляции культуры и воспроизводство этих культурных форм в деятельности. При этом, обратите внимание, что такое трактовка предмета, как содержания культуры» [33, лекция 7].

“предмет—понятие”, “предмет — способ деятельности”, “предметная организация и логическая нормировка мышления” и т. д., и т. п., либо уже о конкретном теоретическом описании различных “предметов” — практических, методических, инженерно-конструктивных, научных, проектных, управленческих и т. п.» [21. С. 615— 616].

Идея объекта знания также получила в работах Г. П. Щедровицкого свое дальнейшее развитие. Несмотря на разворачивающуюся в его рассуждениях критику вульгарно-материалистической трактовки объекта исследования, исходная интуиция знания (Рис. 1, рис. 2) сохраняла для него свое значение. В конце концов за ней стояла многовековая традиция описания и организации человеческого познания, берущая свое начало еще в предложенном Платоном различении «знания» и «мнения». Так в разворачивании представлений о знании возникло не только *место для объекта*, но и *проблема объекта*, отчетливо выраженная Г. П. Щедровицким в его заметках. «Мы поняли, что “объект” — во всяком случае, для подавляющего большинства наших употреблений этого термина — является такой же деятельностной конструкцией, как и все остальное в предмете, что он создается деятельностью, но создается именно как “объект”, т. е. наделяется не только строением и конструкцией, но также и естественными законами жизни, независимыми от человеческой деятельности. Но как бы мы ни брали “объект” и как бы мы ни понимали его происхождение и природу — в натуралистической ли идеологии, как нечто изначально данное и противостоящее исследователю, или в противонатуралистической, деятельностной идеологии, согласно которой всякая данность объекта изучения есть результат деятельности человека, в первую очередь его мыслительной деятельности, а затем инженерно-конструктивной и практической — во всех случаях мы можем в контексте рефлексивного методологического исследования рассматривать противопоставленность знаний и их объекта как нечто реально существующее и весьма существенное для многих процедур и приемов современного научного и философского мышления» [21].

Эта линия размышления продолжалась в дальнейшем, с одной стороны, в работах, связанных с понятиями «онтологии» и «онтологических картин», в обсуждении методов и процедур онтологического конструирования и объективации, с другой — в понятии «объекта практики» и проблемы отнесения к нему научных знаний.

*Знание в деятельности**От мира мышления/знания к миру деятельности*

Реализация программы содержательно-генетической логики закончилась примерно к середине 1960-х гг.; закончилась не потому, что была завершена (многие перспективные направления исследования, в том числе возможности дальнейшего разворачивания концепции знания, были только намечены)*, а скорее потому, что во многом потеряла для Г. П. Щедровицкого и его товарищей свою привлекательность. Модели содержательно-генетической логики начали выступать как слишком абстрактная и частная проекция процессов воспроизводства и развития деятельности.

Задача восстановления истории и логики перехода от содержательно-генетической логики к теории деятельности и системодетельностной методологии еще далеко не решена и выходит за рамки нашей статьи. Более глубоко с программой содержательно-генетической логики можно познакомиться как в работах самого Г. П. Щедровицкого**, так и в аналитических статьях, которые начали появляться в последние годы [3, 14, 34].

* Вот, например, как в 1964 г. Г. П. Щедровицкий рассматривал достижения и проблемы осуществленных в прошлые годы исследований знаний: «... Ответа на вопрос, где проходят границы знания, мы не давали. И для этого были свои *объективные* основания. Скорее, можно даже сказать, что я стремился само знание рассмотреть как динамическую и переменную структуру, которая в зависимости от ситуации актуализируется с меньшей или большей полнотой своих элементов. И эта актуализация фиксировалась в понятиях “реального знания”, “формального знания”, а затем в понятиях “номинативного знания”, “предикативного” и “синтагматического знания”, “номинативного и синтагматического (или предикативного) комплекса” и т. д. Но здесь можно было двигаться и в плане построения общего понятия знания, чего мы, к сожалению, не делали. Одновременно шел анализ содержания знания. Сначала — операционально-объективный анализ, потом и параллельно с ним — рефлексивный структурно-функциональный анализ формального содержания знания. Но самим этим понятием “формального содержания” мы почти не пользовались, ибо не были прояснены интенциональные и интерпретационные основания этого анализа. И все это еще ждет своих исследователей, которым, среди прочего, придется разворачивать представления о рефлексии» [23].

** Итоги этого периода подводятся, в частности, в цикле лекций, который Щедровицкий прочел в 1965 г. в МИФИ [24] и в цикле докладов, сделанных им в 1965 г. на структурно-системном семинаре [25].

Остановимся подробнее на том, чем закончился этап содержательно-генетической логики для концепции знания.

Итак, в этих исследованиях была получена модель развивающегося знания (или познающего мышления), которая оказалась эффективной как в исследовании истории науки, так и в разработке нового содержания образования. Достоинством этих представлений было то, что они включали знание (в том числе теоретическое) в контекст, с одной стороны, деятельности по его получению, с другой — по использованию. В целом они позволяли рассматривать мышление и знание в контексте практической деятельности, в частности давали возможность обсуждать практические функции знания и условия его практичности. Полученная модель (схема) знания тем самым давала основания для выхода за рамки традиционной эпистемологии, ограничивающейся *процессом получения* знания. Во многом это предвосхитило те новые направления в понимании (исследовании) знания, которые характерны для конца прошлого — начала нынешнего века, где не только обсуждается «временной цикл исследовательской работы (от появления идеи до ее промышленного использования)» [35], но и подчеркивается ведущая роль заключительных этапов этого цикла*.

Предложенная модель преодолевала вульгарно-материалистическое понимание знания как отражения неких природных объектов. Объекты познания / знания начали рассматриваться как моменты (организованности) практической деятельности человечества. С одной стороны, такой подход требовал усложнения представлений о практической деятельности (в частности, введения в ее структуру различных типов познавательной деятельности), с другой — ставил проблему объектов и объектности, в поисках решения которой развивались в дальнейшем представления о действительности деятельности (в оппозиции к реальности), об онтологиях (онтологических картинах) и об объектах изучения.

Переход к деятельностной трактовке знания и задание оппозиции предмет-объект позволило противопоставить процессы существования знания индивидуальному сознанию и индивидуальной деятельности, продолжив критику логического и гно-

* Практическим контекстом исследований такого рода является в первую очередь приобретающая все большее значение в мире практика управления инновациями, в частности выделившееся в специальное направление работы управление знаниями в инновационном процессе.

сеологического психологизма, начатую работами Гуссерля и неокантианцев.

Придание противоречиям в знании (антиномиям, парадоксам и пр.) онтологического статуса было важным шагом в понимании механизмов развития знания и разработки методологических технологий мышления (технологии проблематизации)*. Полагание противоречия как нормального состояния развивающегося знания, а не его «болезни» (отсутствие противоречий — это болезнь) — переключается с идеями К. Поппера, поскольку фальсификацию можно рассматривать как частный случай создания противоречий (например, противоречий между вытекающими из теории и реальными результатами эксперимента).

Внимание к парадоксам и противоречиям, использование их для развития собственных представлений стало в то же время принципом работы как самого Г. П. Щедровицкого, так и Московского методологического кружка. С точки зрения этого принципа важнейшим достижением работ первой половины 1960-х гг. стала критика и проблематизация ряда положений исходной программы содержательно-генетической логики. В 1972 г. Г. П. Щедровицкий так охарактеризовал представления 1950-х гг. «Во всяком случае, сегодня мы хорошо понимаем, что наши тогдашние представления о знаниях и операциях не схватывали очень многого и даже, можно сказать, самого главного и существенного в мышлении и знаниях. Сегодня я могу твердо сказать, что те представления знания, которые я выше зафиксировал, явно неадекватны действительному существованию знания как очень сложного, неоднородного и многогранного элемента человеческого мышления и деятельности, что они схватывали лишь одну проекцию знания, причем даже не в его основной структуре, а только одну из его экстериоризованных проекций, именно ту его форму, которая соответствовала существованию знания в текстах и логико-семиотической реконструкции этого существования»**.

В частности, более сложным, чем это выглядело вначале, оказался вопрос о соотношении мышления и знания. С самого начала в концепцию была заложена двойственная трактовка

* Подробнее этот круг идей рассматривается в настоящем сборнике в статье Б. В. Сазонова.

** Щедровицкий Г. П. Идея деятельности и деятельностный подход (настоящий сборник).

этого отношения — знание понималось, с одной стороны, как определенная форма изображения мышления (изображение мышления в виде структуры отношений), с другой стороны — как продукт мышления. Можно предположить, что за этим стояла еще не отрефлектированная в то время двойственность в понимании мышления — задачное мышление (организованное, нормированное,двигающееся от точки начала к точке завершения) и проблемное (выходящее за пределы имеющихся норм и форм, не имеющее ни конца, ни начала). И если первое из них достаточно хорошо описывалось как движение по структуре замещений и отнесений, то второе, порождающее новые предметы и структуры знания, требовало для своего изображения других моделей. Наряду с вопросом об условиях существования и особенностях строения непредметизованного знания стал вопрос об условиях существования и формах организации непредметного (распредмеченного) мышления. Разработка методов организации такого мышления и средств его рефлексии и анализа стала одной из центральных тем работ Г. П. Щедровицкого. В 1960-е гг. она понималась как проблема развития *методологического мышления*.

Стала очевидной необходимость различить понятия «*научное мышление*» и «*познающее мышление*» (если понимать последнее как мышление, порождающее знание). Использование многоплоскостной модели в исследовании эволюции и развития знания показало, что *полному циклу жизни знания* соответствует система, включающая в себя ряд естественных наук, технические науки и инженерии, но отдельная наука (естественная или гуманитарная) могла рассматриваться только как один из частных фрагментов (возможно, элементов) системы функционирования и развития знания. Таким образом, научное мышление оказалось одним из фрагментов исторически развивающейся системы познающего мышления.

Можно предположить, что это противоречие между результатами исследований и исходными посылками стало логическим основанием для ряда проблем, решению которых были посвящены дальнейшие работы Г. П. Щедровицкого. В частности, возник вопрос о возможности логического и эпистемологического анализа *отдельной* научной дисциплины (научного предмета) и средствах такого анализа, который активно разрабатывался во второй половине 1960-х гг. С другой стороны, это послужило основанием для противопоставления методологического мышления как целостного относительно этих схем научному как заведомо частичному.

В 1960-е гг. базовой онтологией ММК становится *онтология деятельности**. Соответственно изменяется и характер используемых моделей и метафор, выражающих актуальное для тех лет понимание мира и своего места в нем. Когда перечитываешь сейчас тексты Г. П. Щедровицкого 1960-х гг., поражает обилие индустриальной метафоры — «педагогическое производство», «два цеха производства научного знания», «педагогический конвейер», «технология мышления», «машинны деятельности».

Предельно десубъективированный, достаточно однородный мир расширяющегося и усложняющегося мышления / знания остался в прошлом. Мир деятельности — это мир, разрываемый на части прогрессирующим разделением труда и дифференциацией технологий, где каждый субъект деятельности (человек или организация) неминуемо частичен (обусловлен тем частным местом в деятельности, которое он занимает) и в то же время нуждается в сохранении целостности и единства этого мира, поскольку только относительно целостной деятельности имеет смысл его частичное функционирование. Драматизм стремления к целостности нарастает, если человек (группа, организация) стремится не только осмысленно выполнять свою частную функцию в деятельности, но и служить развитию деятельности.

В контексте этой драмы принципиальное значение приобретает понимание деятельности как структуры**, идея «разрыва в деятельности» (так в 1960-е гг. начинают называться дисфункции в структуре деятельности) и обсуждение различных механизмов преодоления разрывов. Главным образом, здесь обсуждаются разрывы в кооперации, т. е. в объединении ряда частных деятельностей в рамках достижения одной цели, и разрывы в воспроизводстве деятельности, т. е. в сохранении определенной единицы деятельности при

* Формат статьи не позволяет с достаточной полнотой рассмотреть сложившуюся в 1960-е гг. в ММК онтологию деятельности и вытекающие из нее следствия. Для более глубокого понимания этих вопросов можно обратиться к статье В. Я. Дубровского в настоящем сборнике и лекциям П. Г. Щедровицкого «Введение в синтаксис и семантику графического языка СМД-подхода» (лекции 11–23) [33]. Я же могу здесь только попробовать передать некоторый образ или метафору происшедших в эти годы изменений.

** Переход от процессуального к структурному пониманию деятельности неоднократно обсуждался в работах Г. П. Щедровицкого. См., в частности, [24].

изменении условий ее осуществления (изменении природных условий, смене поколений, изменении социальных и экономических контекстов и т. д.).

Именно последнему типу разрывов и механизму его преодоления Г. П. Щедровицкий придавал онтологическое значение — в середине 1960-х гг. им было введено представление о трансляции культуры и ряд схем, выражающих эту идею. В качестве процесса, образующего сущность деятельности, был положен процесс сохранения парадигматики деятельности (образцов, эталонов, норм, правил etc.) и реализации ее в бесконечно изменчивых ситуациях. Процесс развития начал пониматься как обогащение (увеличение разнообразия, усложнение структуры) парадигматики деятельности. Так понятое развитие на долгие годы определило предельные цели и ценности работы Г. П. Щедровицкого.

Соответственно изменился ракурс (рамки) рассмотрения знания. С одной стороны, возникла необходимость *соотносить знание с различными позициями* (частными деятельностями), входящими в кооперативные структуры, в частности встал вопрос о знании (месте, функции, типах знаний) в структуре методологической работы. С другой стороны, возник вопрос об *отношении знания к процессам трансляции культуры и воспроизводству деятельности* (в частности, вопрос о том, должны ли мы рассматривать знание как одну из единиц культуры или как механизм связи культуры с единичными ситуациями деятельности)*.

И, наконец, восприятие мира деятельности через метафору *производства* поставило вопрос о *производстве знаний*: о различных формах организации производства такой специфической продукции, его технологиях и «станках» (производящих знание «машинах деятельности»). В частности, наука начинала рассматриваться как особый вид *производственной деятельности* — деятельность по производству знаний.

В 1960-е гг. Г. П. Щедровицкий не возвращался к обсуждению понятия знания и разворачиванию его теоретических моделей. Однако в эти годы было сделано несколько шагов, су-

* Несмотря на то, что начиная примерно с 1964 г. Г. П. Щедровицкий считал, что именно трансляция культуры (и обеспеченное ею воспроизводство единиц деятельности как самотождественных) является наиболее существенным процессом в системах деятельности, знание в контексте трансляции и воспроизводства было проанализировано только в начале 1970-х гг. [30, 31].

щественно обогативших понимание этой темы. Рассмотрим их более детально.

Функции знания в структуре «производственной» деятельности

В 1963 г. на Симпозиуме по структурному изучению знаковых систем Г. П. Щедровицкий сделал доклад, на котором обосновывал необходимость анализа знаковых систем в контексте вос-производства деятельности (дополненная версия этого доклада была опубликована в 1967 г. [32] в сборнике «Семиотика и восточные языки»). В рамках нашей темы эта статья интересна тем, что задает принципиально другой подход к знаковым системам (в частности, к знанию, рассмотренному как система знаковых замещений) по сравнению с тем, что был реализован в предыдущее десятилетие. Знаковая система начинает рассматриваться как средство восстановления и поддержания целостности «производственной единицы социума*» (рис. 6).

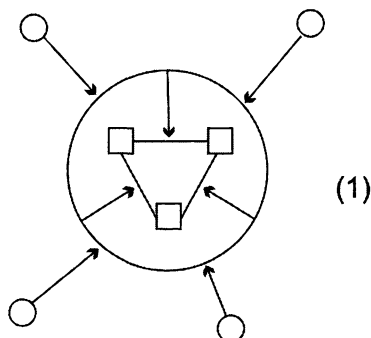

Рис. 6

В соответствии с предложенной в этой статье схемой «производственная единица социума» включает в себя объекты, орудия и продукты деятельности (на схеме обозначены квадратами), людей (обозначены кружками) и собственно производственную деятельность, связывающую людей между собой и с предметами производства (на схеме обозначена большим кругом).

* Судя по дальнейшему изложению слова «производство», «производственный» употребляются в предельно широком смысле, подчеркивая, с одной стороны, общественный характер выделяемой единицы деятельности, а с другой — ее целенаправленность и продуктивность.

Г. П. Щедровицкий демонстрирует в дальнейшем рассуждении формальную возможность задания на этой модели различных дисфункций («разрывов») в производственной деятельности и, соответственно, необходимость введения ряда различных «функциональных мест» для знаковых систем. Заслуживает внимания, что эти знаковые системы обозначались на схеме так же, как «знаковая форма» в схемах содержательно-генетической логики, т. е. латинской буквой в скобках (Рис. 7).

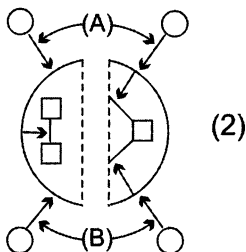
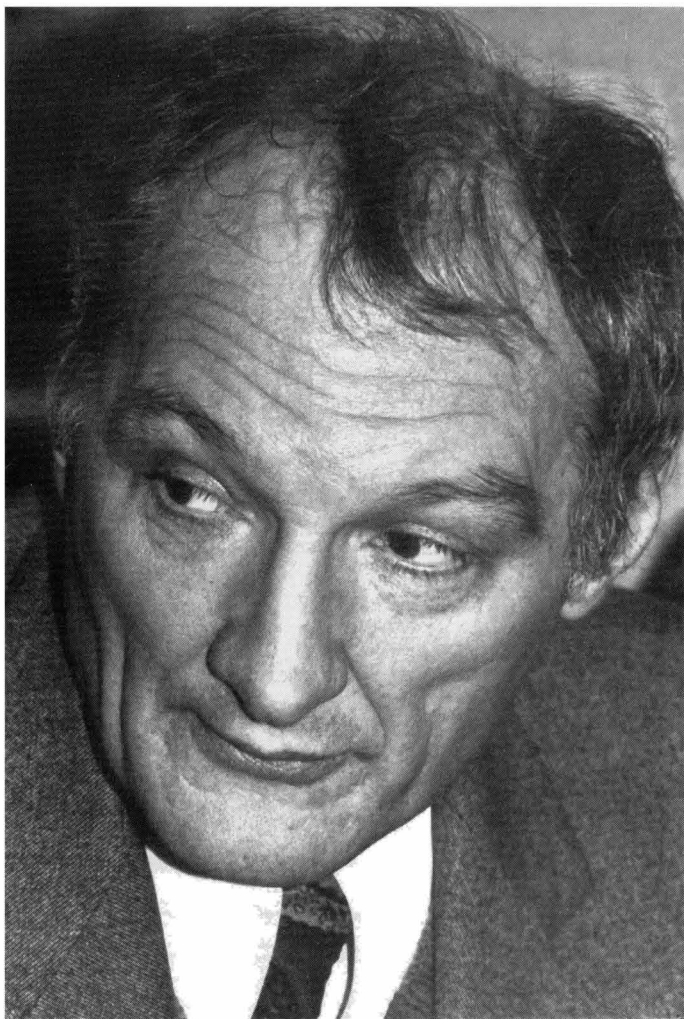

Рис. 7

Такой метод рассуждения открывал возможность теоретического введения разных типов семиотических единиц (значений, знаний, понятий и т. д.) в их функциональных и генетических связях*. К сожалению, идея построения типологии знаковых систем в зависимости от того, какой «разрыв» в деятельности они позволяют преодолеть, не была реализована в дальнейших

* «Последовательно задавая различные виды разрывов в структурах моделей, мы будем получать различные виды связей и средств связи, восстанавливающих целостность исходной структуры. Все элементы моделей, введенные таким образом, мы будем называть *семиотическими*.

В соответствии с принятым методом каждое семиотическое образование будет вводиться в структуре определенного типа (следовательно, в контексте определенной деятельности) и при строго определенных разрывах в ней. Эти условия будут задавать способы употребления к функции семиотических средств, а через них — требования к материалу и его строению. Благодаря этому мы каждый раз, независимо от эмпирического исследования и до него, будем знать свойства, которые *необходимо* должны быть у семиотических средств разного рода. Вместе с тем, определяя последовательность задания разрывов разного типа, мы будем определять иерархию семиотических средств с точки зрения их функционирования в производственных структурах и те зависимости «жизни» одних средств от «жизни» других, которые эта иерархия создает» [32].

Г. П. Щедровицкий. 1982 г.

Г. П. Щедровицкий — школьник

Г. П. Щедровицкий —
школьник

Г. П. Щедровицкий — студент МГУ

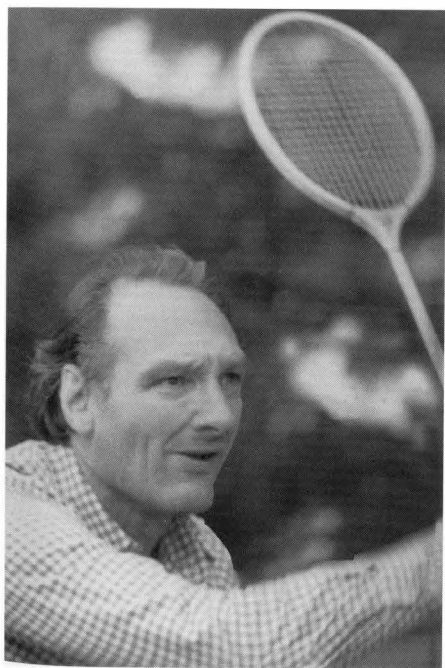
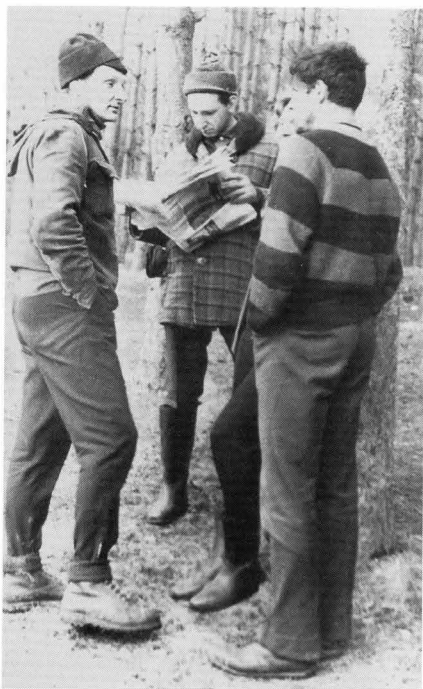

Г. П. Щедровицкий. *На вечеринке. 1950-е гг.*

Г. П. Щедровицкий в Большой семинарской аудитории в институте психологии. 1960-е гг.

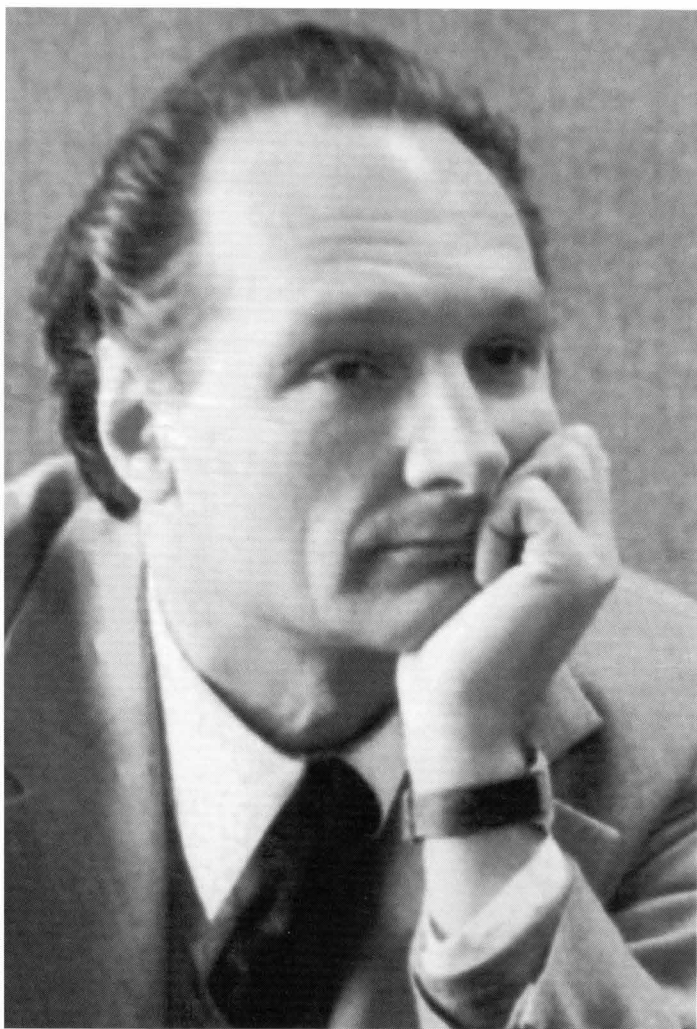
Г. П. Щедровицкий. *В лесу*

Г. П. Щедровицкий.
*На даче родителей
в Заветах Ильича.
1960-е гг.*

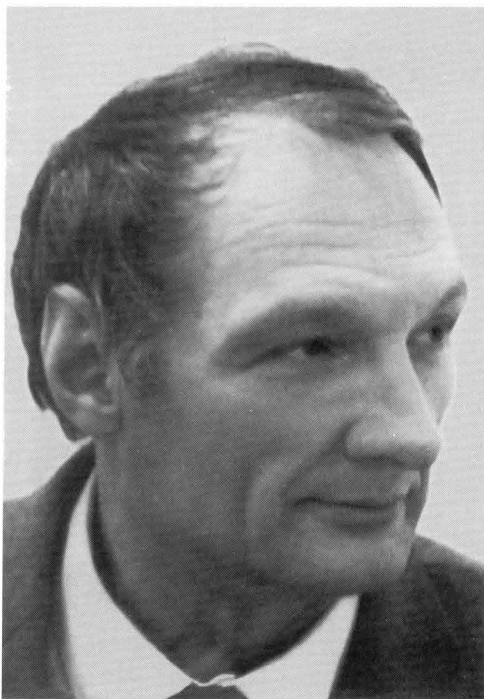

Г. П. Щедровицкий

Г. П. Щедровицкий

Г. П. Щедровицкий

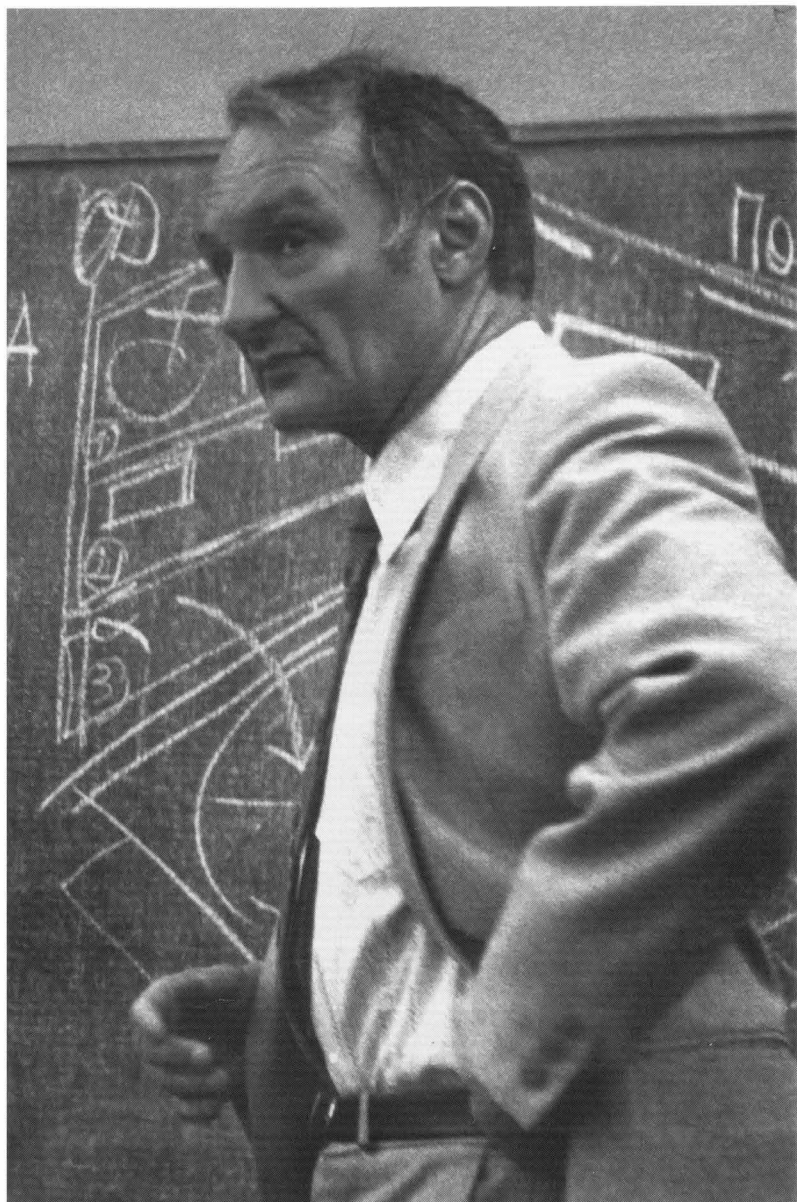
Г. П. Щедровицкий.
*Новоуткинск.
Середина 1970-х гг.*

Г. П. Щедровицкий

Петр Щедровицкий, Светлана Поливанова,
Ирина Заринская, Г. П. Щедровицкий, Михаил Гнедовский и другие.
Свердловск. Начало 1980-х гг.

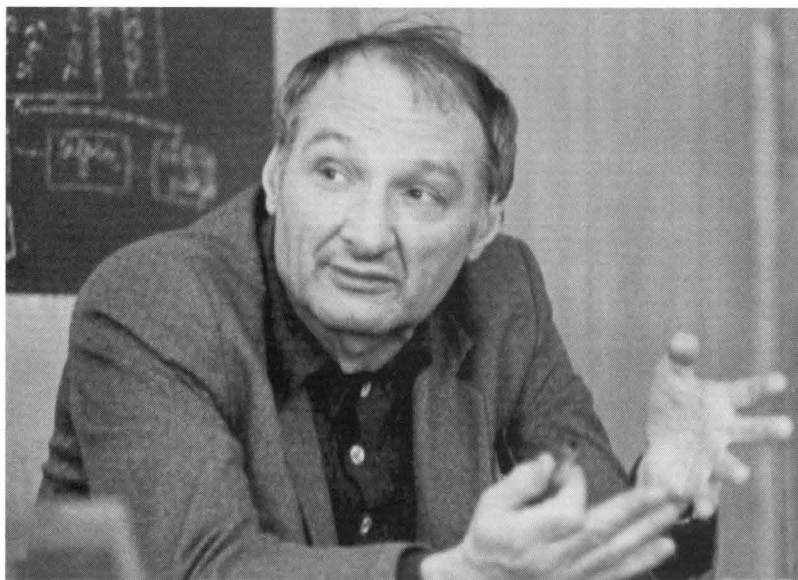

Г. П. Щедровицкий, ОДИ-15. Одесса, апрель 1982 г.

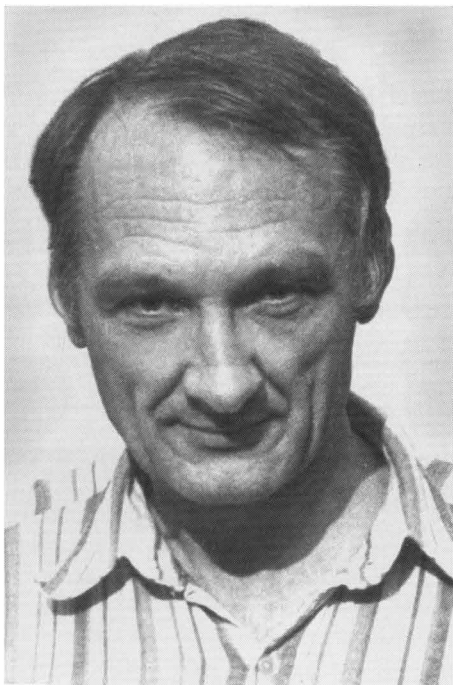
Г. П. Щедровицкий на ОДИ-22 в СОЮЗМОРНИИПРОЕКТ
с В. Л. Даниловой, Л. М. Карнозовой. Март 1983 г.

Г. П. Щедровицкий. Московский институт нефти и газа им. И. М. Губкина

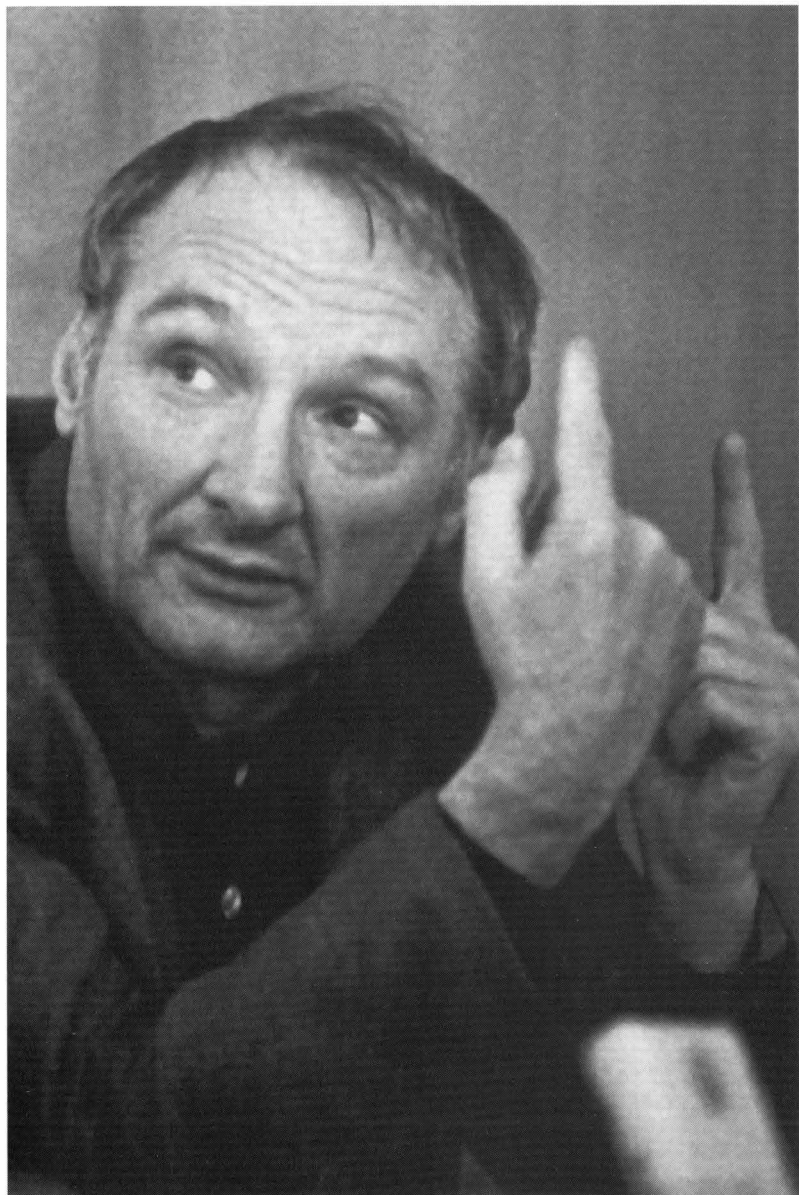

Г. П. Щедровицкий и другие участники методологического сообщества на ОДИ-34 «Структура проектного процесса. Схемы в исследовании и проектировании». *База отдыха Уральского филиала ВНИИТЭ. Свердловская обл., Новоуткинск. Лето 1984 г.*

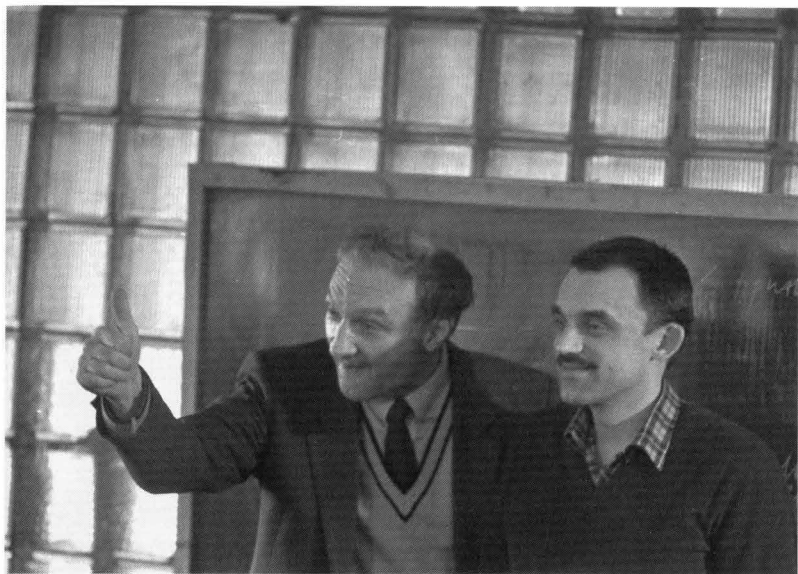
Г. П. Щедровицкий.
Середина 1980-х гг.

Г. П. Щедровицкий. ОДИ. Московский институт нефти и газа
им. И. М. Губкина. *Середина 1980-х гг.*

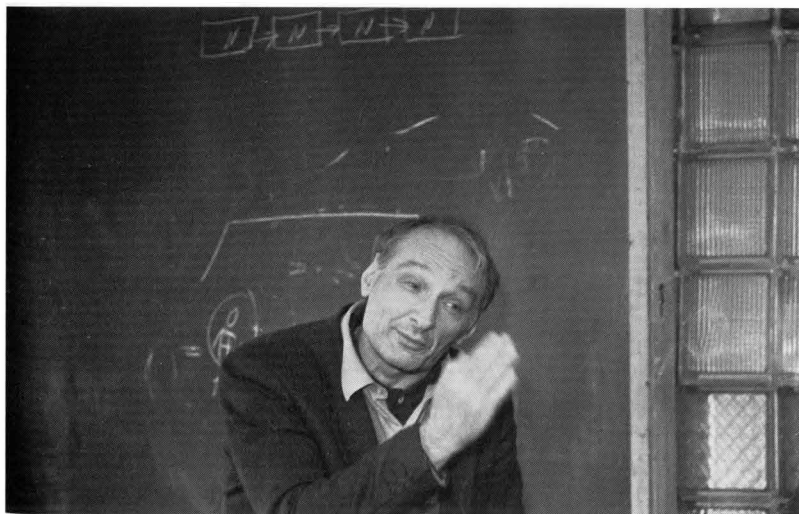

Г. П. Щедровицкий и другие участники методологического сообщества на ОДИ-45 «Схемы и идеализации в коллективном мышлении и мыследеятельности». База отдыха Уральского филиала ВНИИТЭ. Свердловская обл., Новоуткинск. Лето 1985 г.

Г. П. Щедровицкий с А. П. Зинченко на 1-м методологическом съезде.
Киев, январь 1989 г.

Г. П. Щедровицкий на 1-м методологическом съезде.
Киев, январь 1989 г.

Г. П. Щедровицкий. ОДИ. *Вторая половина 1980-х гг.*

разработках ММК, хотя в какой-то мере как обсуждение различий между знанием и значением, так и различение разных типов знания осуществлялось в дальнейшем именно в этой логике.

В 1960-е же гг. основным предметом рассмотрения (и направлением дальнейшего разворачивания моделей) стал специфический тип разрыва, связанный с сохранением деятельности во времени — сохранением, несмотря на то, что орудия труда изнашиваются и разрушаются, материал деятельности меняется, люди стареют и умирают. Восстановление «производственной единицы» в этих условиях получило название *воспроизводства*.

«В самом простом виде один цикл воспроизводства изображен на схеме (Рис. 8):

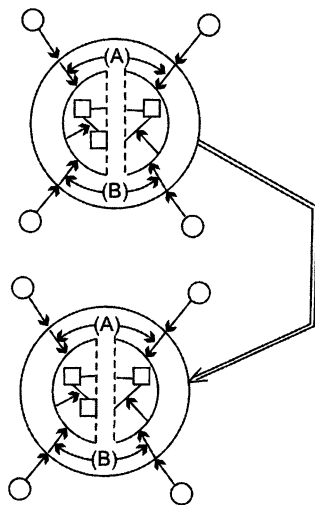

Рис. 8

Для того чтобы вторая структура действительно воспроизводила первую — а мы предполагаем, что это необходимо для нормального функционирования социума в целом, — между ними должны существовать определенные связи (двойная ломаная стрелка) и должны быть определенные средства, которые эти связи реализуют.

С внешней стороны (при таком изображении) связь, обеспечивающая воспроизводство структур, не отличается от связей координации между структурами. Но в действительности, как мы покажем ниже, средства связи, необходимые для воспроизводства социально-производственных структур, живут по иным

законам, нежели средства соединения частей структур или самих структур друг с другом; мы будем называть их *средствами трансляции*. В принципе, любые составляющие структур (простые и сложные), передающиеся от одной производственной единицы к другой, могут стать средствами трансляции.

Исходная форма трансляции — простая передача составляющих из одной, разрушающейся структуры в другую, складывающуюся. Такими составляющими могут быть орудия труда, предметы и продукты труда, отдельные люди и организации людей.

Подобная непосредственная *материальная передача*, или простое перетекание, элементов и фрагментов структур от одного состояния к другому по существу не требует восстановления (или воспроизводства) в точном смысле слова, а вместе с тем не требует и специальных семиотических средств.

Правда, деятельности как таковые не могут переходить из одной структуры в другую, они обязательно должны воспроизводиться, восстанавливаться. Но в самых простых случаях для их восстановления вполне достаточно того, что в новую ситуацию переходит сам человек, осуществляющий деятельность. А возможность восстановления деятельности обеспечивает и восстановление на основе чисто материальной трансляции всех входящих в единицу связей.

Более сложный вид трансляция приобретает в тех случаях, когда какие-либо элементы структур разрушаются и не могут перейти в новые структуры. Возникают совершенно особые ситуации разрывов, и, чтобы преодолевать их, нужны особые средства. Ими могут стать любые образования, *такие же* как составляющие производственных единиц — материальные элементы, деятельности, связи; важно, чтобы они были *дубликатами* тех образований, которые входят в производственные структуры, но сами бы в них не входили. Эти образования имеют совершенно особые функции в процессе воспроизводства и совершенно особый способ употребления: с одной стороны, они должны “запечатлеть” в себе то, что имеется в первой производственной единице, а с другой — стать образцами-эталоном для “отпечатывания” того, что пойдет во вторую производственную единицу*.

* Станислав Лем, наделивший океан Соляриса «необычной» способностью запечатлеть и воспроизводить в новом материале окружающие явления, лишь вынес в мир фантастического то, что совершенно обычно и встречается на каждом шагу в мире человеческого общества, то, что составляет его основной жизненный механизм. Но, может быть, именно потому, что

Образцы-эталоны необходимы для восстановления производственных единиц. Но они сами не могут входить в структуру отдельных единиц, и поэтому в социуме должно быть какое-то специальное “место” для их существования. Социум расширяется, приобретая в эталонах еще одну, вторую форму бытия, отличную от бытия отдельных производственных единиц; появляется сфера “культуры” (см. рис. 9; блоки производства изображены слева, а блок “культуры” — справа)*.

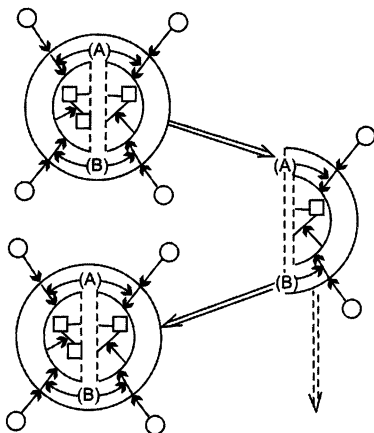

Рис. 9

это основной и всеобщий механизм, он до сих пор очень редко фиксировался адекватно и понадобился способ мышления философа-фантаста, чтобы выразить его просто и точно. — *Примеч. Г. Щ.*

* Здесь надо заметить, что разделение этих образований — производства и культуры, заданное таким образом, справедливо лишь для этого уровня абстракции, а при дальнейшем усложнении модели требует уточнений. Сначала *культура* выделяется по одной функции — как то, что обеспечивает восстановление производственных (или каких-либо иных) структур, но затем все те средства, которые были объединены этим признаком, придется включить в другое отношение — создания или изготовления их, и тогда они будут определяться как принадлежащие также и производству, а другие наборы средств будут выступать относительно них как культура. Поэтому для описания достаточно развитых структур социального целого понадобится иное задание «культуры», опирающееся на признаки институционального оформления различных сфер деятельности; одновременно придется вводить различия типов знаковых образований в зависимости от того, насколько они будут захвачены социальной формализацией — *Примеч. Г. Щ.*

Первоначально образцы-эталоны возникают из обычных составляющих производственных структур. Особые стечения обстоятельств — их надо анализировать специально — выталкивают различные элементы в процесс трансляции, а затем закрепляют за ними новую специальную функцию — быть эталонами. Таким образом способ употребления превращает несемиотические по своему происхождению объекты в семиотические и дает им новую жизнь, подчиняющуюся своим специфическим законам.

Семиотическими могут стать все составляющие производственных единиц, в том числе и люди» [32].

В дальнейшем процессы воспроизводства деятельности и трансляции культуры обсуждались на других схемах [26, 27] — более абстрактных и, следовательно, открывающих простые возможности формального разворачивания. Но именно в этой статье, имеющей явно переходной характер, наиболее отчетливо видна связь идеи трансляции культуры и воспроизводства деятельности с разработанной в предшествующие годы схемой многоплоскостного знакового замещения. В семиотическом аспекте весь сложный и разнородный мир человеческой культуры оказалось возможным представить как многоплоскостное знаковое замещение «производственной» (т. е. целенаправленной и продуктивной) деятельности. Но в то же время модель многоплоскостного замещения стала одной из *частных моделей для анализа массовой деятельности*.

В связи с этим методологическое рассмотрение механизмов существования и развития знания потребовало выхода за рамки модели многоплоскостных замещений и ответа на вопросы о функции знания в деятельности и о зависимости его содержания и логической структуры от того функционального места, которое оно занимает. Достаточно очевидным условием этого было создание структурных моделей «производственной деятельности», в которых были бы выделены различные функциональные места и определены связи между ними. Частным случаем таких моделей стали схемы кооперации деятельностей и (позднее) позиционные схемы. В схемах этого типа определенная «производственная» (практическая) задача раскладывалась на ряд подзадач, за решение каждой из которых отвечала особая «позиция в деятельности», т. е. особое место в общественном разделении труда, обеспеченное специфическими средствами и способами деятельности. В 1960-е гг. наиболее ясные и развернутые схемы такого типа были разработаны для сферы обучения и воспитания [26, 27]. По-видимому, интерес

Щедровицкого и других участников ММК к этой области был обусловлен не только жизненными обстоятельствами (работой в Институте дошкольного воспитания, педагогическим или психологическим образованием), но и тем, что представления о воспроизводстве деятельности и трансляции культуры отводили обучению и воспитанию одну из важнейших ролей в поддержании существования деятельности.

Многообразие типов знания. Практичность знания

Итак, типичным для 1960-х гг. примером анализа знания в контексте кооперации, направленной на достижение практической цели, является обсуждение педагогических знаний и их места в «педагогическом производстве». В ряде статей, посвященных проектам и программам развития сферы образования [26, 27], Г. П. Щедровицкий обсуждает массовую педагогическую деятельность как кооперацию ряда частных деятельностей (позиций): каждая из этих деятельностей решает свою частную задачу (определяет цели образования, создает его содержание, разрабатывает методы обучения, проектирует и создает учебные ситуации — этот список можно продолжать), а «педагогическое производство» в целом обеспечивает формирование учеников в соответствии с запросами общества.

Такая схематизация сферы обучения и воспитания позволяет перейти к вопросу о функционирующих в этой системе знаниях*,

* Графическое изображение сферы обучения и воспитания, подобное представленному выше, независимо от того, берется ли оно в совершенно развитом и детализированном виде или лишь в неполном и частичном, выступает для исследователя-методолога как сам объект; другими словами, в методологических рассуждениях мы полагаем, что это и есть объект [Щедровицкий, 1964, 1963].

Особенность этого объекта в том, что он — «массовая деятельность». Внутри него находятся люди, занимающие определенные места в системе общественного воспроизводства. Все они имеют какие-то знания о той области объекта, с которой им приходится работать и которая, образно говоря, находится «перед ними». Эти знания являются такими же объективными элементами и составляющими структуры «массовой деятельности», как и все остальное. Они могут быть проанализированы, с одной стороны, в отношении к тем областям объекта, знаниями о которых они являются, а с другой — как орудия и инструментарий, как средства, используемые каждым деятелем педагогического производства в его специализированной работе. Таким образом, пользуясь своим «видением» этой сферы деятельности как объекта, исследователь-методолог может: 1) соотнести друг с другом «место» и функ-

в частности он ставит вопрос, какие знания требуются для того, чтобы такая деятельность могла осуществиться (учитывая при этом, что достижение различных частных целей требует разных по содержанию и логической форме знаний). Такая постановка вопроса заставляет анализировать знания исходя из перспектив его употребления и обращать особое внимание на практичность знания. И это принципиально меняет (по сравнению с исследованиями 1950-х гг.) подход к содержанию знания — *в качестве содержания знания начинают рассматриваться отдельные функциональные элементы («организованности») продуктивной деятельности и отношения между ними.*

Максимально отчетливо такая логика выражена в следующем рассуждении. «Любую деятельность, будь то воспитание детей или выработка новых научных знаний, можно рассматривать как получение определенного продукта, соответствующего требованиям задачи или “целям”». И в какой бы форме ни выступала сама задача, она всегда должна содержать определенное знание о продукте деятельности, которое образует основное ядро знаний, необходимых для построения деятельности*.

Вторая их составляющая — знания о материале или объектах, из которых должен или может быть получен необходимый продукт. Третья группа знаний фиксирует средства деятельности и действия по их применению**.

ции знаний в деятельности с областью их объектов и содержанием (видом и способом представления этих объектов) и 2) сопоставить полученные так «связки соотнесения» друг с другом, чтобы определить зависимость объекта и содержания знания от того «места», для обслуживания которого оно вырабатывается. Одновременно он сможет, пользуясь специальным аппаратом понятий содержательно-генетической логики, описать характер этих знаний и способы их получения [Щедровицкий, 1964] [26. С. 210].

* В некоторых случаях это знание будет выражаться в совершенно неспецифической для него форме вещественного образца продукта [Пантина, 1965], но это не меняет сути дела. — *Примеч. Г. Щ.*

** В одних случаях знания о средствах и знания о действиях разделены и могут существовать даже без всякой связи друг с другом; в других случаях, наоборот, средства и действия слиты в одно целое, в «операции», и тогда они, естественно, фиксируются в одном знании. Это особенно отчетливо выступает в тех случаях, когда продуктом деятельности должны быть определенные знания, а средства деятельности существуют в виде «оперативных систем» [Розин, 1965, 1964; Щедровицкий, 1965]. — *Примеч. Г. Щ.*

Четвертую составляющую образуют знания о той последовательности действий или “операций”, которую надо совершить, чтобы из заданного или выбранного материала получить необходимый продукт. Форма фиксации этих знаний может быть самой различной — от простых навыков до сложнейших разветвленных алгоритмов или “принципов метода”. И кроме того, все эти знания не “живут” отдельно друг от друга, а образуют системы, в которых все перечисленные моменты практической деятельности представлены как зависящие друг от друга: материал, выбираемый для получения заданных продуктов, определяется характером наличных средств и действий; а изменение материала в свою очередь ведет к необходимости изменения применяемых средств и действий. Эти зависимости выражаются в знаниях, имеющих весьма разнообразную смысловую структуру и логическую форму.

Если отвлечься от различий смысла и формы, а взять лишь содержание всех этих знаний и представить его в виде структурно расчлененной “действительности”, то получится модель, изображенная на схеме (Рис. 10).

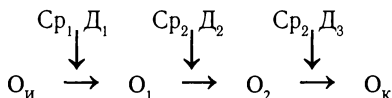

Рис. 10

Здесь $O_{и}$ — исходный объект или материал преобразований, $O_к$ — продукт рассматриваемой деятельности, O_1 и O_2 — промежуточные продукты и объекты преобразований, Cp — средства, а D — действия. Конечно, эта модель изображает лишь самую простую и общую структуру содержания знаний, обслуживающих практическую деятельность.

Первая особенность знаний, непосредственно обслуживающих практическую деятельность, состоит в том, что все объекты, включенные в деятельность, — они представлены на схеме 10, — фиксируются в них исключительно как *объекты деятельности*: как преобразуемый ею материал, как продукты, получающиеся в результате преобразований, или как средства, используемые в них. И это естественно, так как действующему человеку непосредственно нужно знать только одно: что именно и с какими объектами нужно делать.

Вторая особенность этих знаний состоит в том, что они ориентированы на получение определенного продукта. Типичной

для них можно считать форму вида: “Чтобы получить продукт E , надо взять объект A и совершить по отношению к нему действия α , β , γ ”. Нетрудно заметить, что смысловая структура этого знания центрирована на продукте деятельности, а само оно организовано так, чтобы обеспечить построение практической деятельности индивидами. Иначе можно сказать, что эти знания организованы в виде *предписаний* для деятельности. В соответствии с этим признаком мы будем называть их “*практико-методическими*” [26].

Необходимо отметить, что приведенное выше рассуждение выходит далеко за рамки возможностей понимания знания как движения по ряду плоскостей замещения. Все это требовало пересмотра представлений о принципиальном устройстве знания, но следующие шаги в этом направлении были сделаны только в 1971 году [30].

Продолжая обсуждение знаний, необходимых для педагогической деятельности, Г. П. Щедровицкий делает еще одно важное различие: он отличает практико-методические знания (ориентированные на построение *будущей* деятельности и в силу этого центрированные на ее *продукте*) от знаний, которые фиксируют опыт *прошлых* деятельности (в это время они понимаются как знания, центрированные на *объекте* деятельности)*. Так задается еще одно семейство практико-ориентированных знаний — *инженерно-технические знания*.

«Какими бы ни были эти знания — научными или не научными, — у них есть одна общая особенность, отличающая их от практико-методических знаний. Она состоит в том, что смысловая структура всех этих знаний центрирована не на продукте, а на объекте преобразований: они говорят об объекте, о том, что с ним происходит или может происходить.

Вид и способы, какими это фиксируется, могут быть разными.

Одну большую группу образуют знания, в которых говорится о том, что произойдет с заданным объектом, когда мы на него

* Проблема анализа и использования опыта прошлой деятельности стала предметом специального рассмотрения Г. П. Щедровицкого и других участников ММК во второй половине 1970-х гг. Обсуждались, в частности, условия и различные формы переноса опыта. В предложенной Щедровицким в конце 1970-х гг. *сферно-фокусной схеме* именно процессы переноса опыта стали рассматриваться в качестве онтологического основания возникновения и функционирования знания. К сожалению, работы этого периода практически не опубликованы, а существующие публикации разрознены и малодоступны.

определенным образом действуем. Типичной для этих знаний можно считать форму вида: «Если к объекту A применить действия α , β и γ , то получится объект E ». Здесь сохраняется анализ объектов исключительно с точки зрения деятельности; этот момент роднит знания такого типа с практико-методическими. Но другой момент — центрированность смысловой структуры знания на объекте — резко отличает их от последних. Вместе с тем эти знания, как будет показано дальше, по другим признакам существенно отличаются от собственно научных знаний. Мы будем называть их «конструктивно-техническими»*.

Новые конструктивно-технические знания, если брать их исходные и специфические формы**, могут появляться лишь по мере того, как создаются и реально осуществляются новые виды и типы практического преобразования объектов» [26].

Научные знания оказываются в этой логике одним из типов (семейств) знания. Они отличаются от рассмотренных выше типов тем, что их объект выступает как «природный» — существующий как бы вне и независимо от практической деятельности***.

* Здесь термин «технический» употребляется не в смысле современной «техники» и инженерного производства машин, а в смысле древнегреческого «искусства» или «искусности». Именно отсюда идет характеристика педагогики как «искусства» а работах К. Д. Ушинского и других авторов. — *Примеч. Г. Щ.*

** По-видимому, конструктивно-технические знания исторически предшествуют научным. Как и многие другие составляющие органических систем, они до какого-то момента «живут» и развиваются независимо от научных знаний, лишь порождая внутри себя условия для появления последних. Но затем, когда научные знания уже появились, они во многих областях как бы захватывают и подчиняют себе конструктивно-технические знания, перестраивая всю их систему и процедуры выработки: с этого момента конструктивно-технические знания начинают строиться на основе научных и в соответствии с ними. Говоря об *исходных* и *специфических* формах конструктивно-технических знаний, мы имеем в виду формы, развертывающиеся до подчинения их научными знаниями. — *Примеч. Г. Щ.*

*** «Для реального оформления науки нужно много различных условий — экономических, социальных, технических и политических. Но если взять идейную сторону, то решающим является переворот во взгляде на объекты деятельности, переворот в способе их «видения». Хотя для человека-практика изменения объектов происходят всегда в деятельности и являются ее продуктами, он должен теперь взглянуть на них как на «естественные» процессы, происходящие независимо от его деятельности и подчиняющиеся своим «внутрен-

Ключевой особенностью научных знаний является то, что их объект представляет собой абстрактную идеальную конструкцию (поскольку только идеализация позволяет помыслить существование объекта вне и независимо от человеческой деятельности), а условием существования научного знания становится появление и развитие мышления, конструирующего такие объекты. При этом наличие собственного объекта позволяет науке в ее историческом развитии обособиться в специальную сферу деятельности, которая становится вполне автономной от деятельности практической*.

Анализируя собственное устройство научного мышления, в частности взаимную зависимость объекта науки и знания об этом объекте — Щедровицкий вновь обращается к идее *предметной организации знания* и существенно развивает эти представления**. Подробнее это направление анализа знания будет рассмотрено в следующем разделе нашей статьи.

ним” механизмам и “внутренним” законам. <...> В такой позиции заключено известное противоречие. Ведь, в принципе, человека (и вообще человечество) интересует только то, что уже включено или может быть включено в деятельность, следовательно, не то, что “естественно”, но внутри деятельности он вынужден находить, если хочет наилучшим образом организовать саму деятельность, то, что может быть представлено как “естественное”, “природное”, происходящее независимо от деятельности, по своим “внутренним” механизмам и законам. И именно в этом состоит специфический признак, отличающий собственно научный подход и научные (естественнонаучные) знания от практико-методических и конструктивно-технических знаний» [26. С. 214].

* «На идеальных объектах начинает разворачиваться специально организованная познавательная деятельность: с одной стороны, эти объекты изучаются и описываются в специальных знаниях, а с другой — они непрерывно расширяются и конструируются дальше средствами науки и в ее рамках. Эта деятельность все больше освобождается от непосредственной связи с практикой и с деятельностью по выработке практико-методических и конструктивно-технических знаний. Появляется тезис об исследовании объектов как таковых, открывающий перспективу для построения все более многосторонних идеальных объектов» [26. С. 217].

** «Поскольку границы “объективных структур”, выделяемых для научного анализа, соотносительны с типом знаний, которые мы при этом получаем, то можно сказать, что в науке мы всегда имеем *связки* между объектными конструкциями и знаковыми формами фиксирующих их знаний. Эти связки образуют “предметы научного изучения”, или “предметы науки” [Щедровицкий, 1964; Щедровицкий, Садовский, 1964]. Знание, находящееся как бы сверху объекта, задает не только способ его “видения”, но и направления, по которым пойдет дальнейшее разворачивание науки. Иначе говоря, “предмет”,

И все же, несмотря на внешнюю противопоставленность научных знаний практической деятельности, они по сути своей также возникают в связи с определенными разрывами в структурах кооперации и выполняют важную функцию в развитии деятельности. Вот как описывает Г. П. Щедровицкий место научного познания в кооперативных структурах практической деятельности и трудности использования научного знания в этих структурах. «Обособление научных предметов от сферы практической деятельности и обслуживающих ее практико-методических и конструктивно-технических знаний создает целый ряд особых затруднений в практическом использовании научных знаний. Они связаны, с одной стороны, с экспериментальной проверкой на единичных эмпирических объектах знаний, полученных путем изучения идеальных объектов, и с другой — с построением на основе научных знаний практической и конструктивно-технической деятельности. Постепенное разрешение этих затруднений ведет к формированию особых процедур использования научных знаний в отнесении к единичным эмпирическим объектам. Они опираются на особые сопоставления идеальных объектов с единичными объектами, включенными в практическую или методико-конструктивную деятельность.

Использование научных знаний меняет как способы выработки практико-методических и конструктивно-технических знаний, так и практику.

Сами практические действия начинают сознаваться и строиться как реализующие “естественные” и “внутренние” потенции объектов к изменению, зафиксированные в уже имеющихся научных знаниях. (Нередко на основе этого складываются ошибочные убеждения, что другие изменения и практические преобразования этих объектов вообще невозможны; современная педагогическая ориентировка на “естественные” законы психического развития детей — хороший тому пример.)

Наличие теоретически полученных знаний о возможных и невозможных изменениях объектов позволяет предсказывать результаты и последствия новых практических действий, направленных на эмпирические объекты, и сознательно искать такие

составленный из неоднородных элементов знаний и объектных конструкций, является органической системой, которая живет и разворачивается по своим особым законам, отличным от законов жизни эмпирических объектов [Щедровицкий, 1964, 1965; Щедровицкий, Садовский, 1964: III]» [26. С. 216].

средства и способы воздействий, которые бы могли реализовать заложенные в объектах потенции. При этом научные знания перерабатываются параллельно в практико-методические или конструктивно-технические знания.

И вся эта работа со все большей очевидностью обнаруживает, что между практической и конструктивно-технической деятельностью, с одной стороны, и научно-исследовательской деятельностью — с другой, существуют строго определенные соответствия. Чтобы построить какую-либо практическую или конструктивно-техническую деятельность и получить в ней необходимые продукты, нужно построить и развернуть определенные научные предметы и получить в них строго определенные знания. Но, с другой стороны, всякий научный предмет и всякое знание в нем открывают строго определенные и всегда весьма ограниченные возможности для построения практических и конструктивно-технических деятельностей» [26. С. 218].

Понятно, что такое описание далеко не решает проблему практичности научного знания так же, как и не решает проблему совместного использования знаний различных типов в достижении практических целей. Искать решение этих проблем Г. П. Щедровицкий продолжал до конца жизни. В этом контексте еще предстоит анализировать его работы, посвященные синтезу и конфигурированию знаний, и опыт организационно-деятельностных игр. Но свою позицию по отношению к этому кругу вопросов он выразил здесь предельно четко.

Одной из линий, продолжающих размышление о знании в рамках деятельностного подхода, стал анализ предметной организации познания — в первую очередь научного.

Схема научного предмета: машина по производству знания

В середине 1960-х гг. в Новосибирске на конференции «Проблемы исследования структуры науки» Г. П. Щедровицкий вместе с другими участниками методологического семинара предложил модель отдельной научной дисциплины (или отдельного «научного предмета») и ряд схем, показывающих место научного исследования в системе развивающейся практической деятельности [6]. Модель научного предмета в своей исходной форме включала в себя пять блоков: проблемы и задачи, онтологию и модели, методики и методические предписания, факты (эмпирические данные) и теоретические системы. В ходе дальнейших исследований эта модель усложнялась и дифференцировалась. Уже в начале 1970-х гг., делая доклад на XIII Меж-

дународном конгрессе по истории науки [28], в качестве наиболее простой модели науки Щедровицкий рассматривает систему, включающую в себя восемь эпистемических единиц, связанных разнообразными (в том числе — рефлексивными) отношениями (Рис. 11).

Рис. 11

В целом, это — та же самая конструкция, которая была представлена на конференции в Новосибирске. Дополнительных пояснений требует только такая единица, как «средства». Полностью этот блок научного предмета называется «средствами выражения». Как отмечал Щедровицкий, это название весьма условно и используется за отсутствием более подходящего. К средствам выражения он относил *«языки»* разного типа (описываемые в методологии и логике), *оперативные системы математики, системы понятий*, заимствованные из других наук или созданные специально в качестве средств в рамках этой же науки, *представления и понятия из общей методологии* и т. п.» [28. С. 276]. Следующий шаг усложнения этой модели с заданными на схеме отношениями между блоками был предложен им в 1977 г. в докладе на симпозиуме «Логика научного поиска» (Рис. 12) [29].

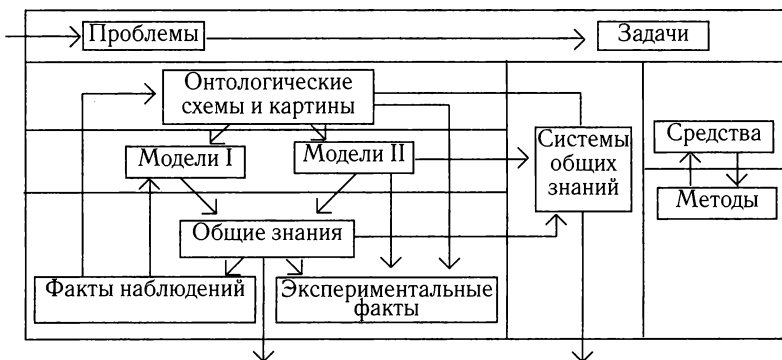

Рис. 12

Таким образом, утверждалось, что в системе развитой научной дисциплины функционирует и изменяется несколько типов знания, соответствующих выделенным эпистемическим единицам.

Обобщенное и систематизированное теоретическое знание является лишь одним из этих типов. Именно оно в обыденном представлении связано с институтом науки, но причина этого заключается всего лишь в том, что эти знания передаются из системы науки в систему образования, поэтому именно они представляют науку для «внешних пользователей».

Большая часть эпистемических единиц функционирует внутри науки, обеспечивая ее собственное существование и развитие. Одним из частных следствий этого является необходимость обучать будущих ученых не столько системам теоретических знаний, сколько умению ставить проблемы и переводить их в задачи, ориентироваться в существующих методах и методиках исследования и модифицировать их для решения новых задач, умению конструировать модели, планировать эксперимент и т. д.

Каждая из этих единиц, с одной стороны, эволюционирует естественно-исторически, с другой — целенаправленно конструируется или изменяется в ходе научной деятельности (проблема ставится, модель разрабатывается, факты получаются в ходе наблюдений или экспериментов и т. д.). При этом изменение каждой из единиц в конечном счете влечет за собой изменение всех остальных.

Достоинством такой модели науки является возможность использовать ее как для *описания и анализа* отдельной научной дисциплины, так и для обсуждения ее *связей с другими областями познавательной и практической деятельности**.

* «Кроме того, каждый научный предмет существует и изменяется в широком окружении: других научных предметов, математики, общей методологии и философии. Из этого окружения он может получать эмпирический материал, онтологические представления и схемы, а также средства выражения для содержаний, образующих наполнение всех блоков. Некоторые из элементов окружения — например, философия и методология (но не математика!) — управляют функционированием и развитием научных предметов; в частности, определяющим для всех научных предметов является изменение и развитие категорий мышления, осуществляемые в рамках и средствами философии и методологии. Системы, образующие наполнение всех блоков научного предмета, построены в соответствии с определенными категориями; можно сказать, что категории задают строение систем наполнения, а также управляют всеми мыслительными движениями внутри них и переходами от одних систем к другим в рамках общей структуры предмета. Поэтому всякое принципиаль-

Благодаря этому схема научного предмета оказывается удобным «инструментом» для анализа становления и исторического развития научных дисциплин. Она позволяет систематизировать исторический материал, выделив линии развития отдельных эпистемических единиц, рассмотреть, как менялось «наполнение» каждой из единиц и как эти изменения повлияли на другие единицы (например, как появление нового метода исследований повлияло на характер используемых моделей), проанализировать изменение структуры связей между единицами.

Ряд перспективных направлений использования этой схемы связан с применением ее для анализа динамики научных коммуникаций (например, для анализа того, какая из эпистемических единиц становится актуальным предметом научных дискуссий и различий в этом плане между естественными и гуманитарными науками, между «молодыми» науками и «старыми»).

Уже в 1960-е гг. Щедровицким была поставлена задача широких междисциплинарных синтезов в анализе науки*. Использование схемы научного предмета в рамках разработанной в ММК в 1960-е и 1970-е гг. версии системного подхода открывало принципиальную возможность обсуждения изменения социальных и социально-психологических структур науки в связи с развитием ее эпистемических структур. Однако опубликованные тексты не позволяют судить о том, была ли эта возможность реализована в те годы.

ное изменение в способах фиксации и описания какого-либо объекта средствами науки означает вместе с тем изменение аппарата категорий, характеризующих наше мышление, и, наоборот, смена основных категорий, определяющих уровень и способы нашего мышления, должна привести и приводит к перестройке наполнений всех блоков научного предмета» [28. С. 277–278].

* «Сегодня мы можем и должны представлять науку как: 1) особую технологию специальной профессиональной деятельности, 2) совокупность знаковых и знаниевых «машин», 3) систему норм особого вида человеческой деятельности, 4) совокупность культурных значений, 5) наборы и системы ценностей и ценностных ориентаций, 6) особым образом организованные группы людей, 7) определенные организации-учреждения, 8) особый способ жизни людей и т. п. И если историк науки ставит своей задачей не только описание явлений из той области, которую он интуитивно относит к науке и «научному», но также и объяснение механизмов и закономерностей развития всех этих явлений и науки в целом, то он непременно должен будет обращаться ко всем перечисленным выше представлениям и как-то объединять их в своих рациональных реконструкциях истории» [28. С. 269].

Отдельным направлением размышлений и обсуждений Московского методологического кружка стала возможность искусственно-технического («инженерного») подхода к науке. Изменение входящих в состав научной дисциплины эпистемических единиц и связей между ними можно трактовать как естественно-исторически, так и деятельностно, рассматривая в последнем случае научный предмет как «машину по производству знаний» — машину, которую специально подготовленные инженеры и техники могут конструировать, модифицировать и ремонтировать. При этом фокусировка на разных отношениях в этой схеме позволяет выделить и описать различные «режимы функционирования» этой машины*. Г. П. Щедровицкий не раз указывал, что в то время как для сложившихся наук схема научного предмета задает способ их анализа и описания, для «молодых» наук, структура которых еще не сложилась, эта схема может служить *проектом* или *выражением конструктивных требований* к их будущему устройству.

Схема «машины науки» и представление о зависимости типа знания от его места в структуре деятельности затем были использованы и получили дальнейшее развитие в методологическом проектировании теории дизайна**. Уже в эти годы (1966–1968) стало

* «В зависимости от того, какой процесс мы выделяем, блок-схема и стоящий за ней предмет выступают либо в виде *искусственно преобразуемого объекта*, либо в виде *естественно меняющегося целого*, либо в виде «*машины*», перерабатывающей некоторый материал. Так, например, если мы выделим из системы научного предмета блоки «эмпирический материал» и «теоретические знания» и будем считать, что цель и назначение науки состоит в переводе «фактов» в форму «теоретического знания», то вся система научного предмета выступит в виде «машины», осуществляющей эту переработку. Но точно таким же образом мы сможем выделить задачи преобразования или конструирования в соответствии с «фактами», поступающими в блок эмпирического материала, блоков «модели», «методики», «онтологии», «средства выражения». Тогда внутри системы научного предмета мы должны будем выделить еще несколько «машин», осуществляющих конструирование и преобразование» [28. С. 277].

** «Наука дизайна должна быть построена примерно так же, как инженер-конструктор строит машину. Для этого — и здесь не может быть сомнений ни у одного инженера и конструктора — науку дизайна надо спроектировать. <...> ...поскольку речь идет о проекте науки, обслуживающей дизайн, анализ строится таким образом, чтобы выделить знания, используемые дизайнерами в их работе. При этом знания рассматриваются как средства, как инструментальный, которым пользуется дизайнер. Это дает возможность говорить о функциях зна-

понятно, что устройство «машин знания» в гуманитарной области существенно отличается от структуры предмета естественнонаучного знания. В 1970-е гг. эти идеи получили развитие в анализе и проектировании «нормативно-деятельностных» предметов, т. е. в поисках ответа на вопрос, какой может или должна быть наука, изучающая частные виды человеческой деятельности (деятельность оператора, деятельность спортсмена etc.).

Переинтерпретация цикла жизни знания в метафоре производственной деятельности (т. е. представление его как производства, передачи и употребления знания) сыграло важную эвристическую роль в разворачивании этой темы в истории ММК. Хотя в наше время мы отчетливо понимаем ограниченность производственных метафор, такой взгляд на знание открывал возможность для новых интуиций, в частности позволял ставить вопросы о технологиях («технологических линиях», «машинах») производства и употребления знаний, выделять различные отрасли такого производства, обсуждать ответственность «производителя» перед «потребителем» и т. д.

Однако здесь возникли и свои проблемы. Обсуждение типов знания и его предметной организации далеко выходило за рамки имеющегося (оставшегося от предыдущего этапа) понятия знания и имеющихся моделей. С одной стороны, это указывало на перспективы дальнейшего разворачивания этих моделей, но с другой — лишало эти рассуждения основательности. Например, широко использовавшаяся в обсуждении схемы научного предмета идея эпистемической единицы нигде специально не пояснялась. Фактически каждый блок научного предмета можно рассматривать как указание на эпистемологическую проблему: что такое онтологические картины как знания особого рода и чем они отличаются в этом качестве, например, от моделей или от теорий, что такое научный факт как эпистемическая единица, что такое проблема, рассмотренная как особый вид знания. Указание на то, что все эти эпистемические единицы не

ний в дизайнерской деятельности, а определив функции, двигаться затем к той машине науки, которая их производит. <...> Этот момент важно подчеркнуть еще и еще раз: исходный пункт работы методолога — выделение практических функций тех знаний, употребление и производство которых он рассматривает. Но так как в самом дизайне объединено много разных деятельностей и каждая из них нуждается в своих особых средствах, то, очевидно, что функции знаний, используемых в дизайне, должны определяться в соответствии с различными типами и видами дизайнерской деятельности» [12. С. 66–67].

только включены в единую систему научно-исследовательской деятельности, но и рефлексивно отображаются друг в друге, отнюдь не делало ситуацию проще.

Вдобавок в этот период во многом произошел возврат к квазивещной трактовке знания. Особенно явно это проявилось в кооперативных схемах. Эти схемы до сих пор во многом обеспечивают некритически принявшим их сторонникам теории деятельности (в версии ММК) натуралистическую и субстанциональную трактовку знаний.

Воинствующий прагматизм теоретико-деятельностного подхода к знанию противоречил идеям и идеалам предшествующего периода. Их синтез требовал выхода к новым моделям знания.

К мыследеятельностной концепции знания

В 1971–1972 гг., читая лекции в Центральном научно-исследовательском институте патентной информации (ЦНИИПИ), Г. П. Щедровицкий предпринял попытку построить общую концепцию знания, интегрирующую идеи как 1950-х, так и 1960-х гг. [30, 31]. Именно в этом курсе лекций наиболее полно (среди опубликованных к настоящему времени работ) представлены его взгляды на этот предмет и проблемы, возникающие на пути построения понятия знания и программы его исследования. Однако лекции в ЦНИИПИ — это не подведение итогов размышлений о знании и познании, а живая лаборатория мысли автора, шаг за шагом нащупывающего возможность синтеза разнородных и противоречащих друг другу идей. Эта особенность лекций 1971–1972 гг. делает их захватывающе интересными для чтения и почти недоступными для краткого пересказа.

В начале 1970-х гг. намечился важный поворот в развитии взглядов Г. П. Щедровицкого: от анализа функциональных структур кооперации и воспроизводства деятельности он перешел к обсуждению той «материи», которая связывает действующих людей между собой и с культурой. Здесь он обратился к коммуникации, понимаемой как обмен текстами (сообщениями в виде текстов). Именно создание и понимание текстов стало рассматриваться и как условие включения человека в массовую деятельность, и как условие его личностного существования*.

* «Человек всегда живет в мире текстов, без текстов вообще нет человека, можно даже сказать, что человек — это и есть текст. А если это к тому же

В лекциях 1971 г., обсуждение знания — его функций в деятельности и его собственного устройства — осуществляется на схеме, в ядре которой лежит процесс коммуникации, понятый как передача сообщения от «индивида 1»* к «индивиду 2». «Индивид 1» выражает в тексте ситуацию или опыт своей деятельности, а «индивид 2» использует полученное сообщение в собственной деятельности (именно в этом заключается для него понимание текста). При этом считается, что и тот и другой устанавливают связи между элементами своей ситуации и элементами текста, благодаря чему и ситуация, и текст приобретают *осмысленность*, т. е. включаются в единую структуру смысла (Рис. 13). «Индивид 1» (создающий текст) как бы движется от ситуации к ее выражению в осмысленном тексте, а получивший текст «индивид 2», напротив, устанавливает смысловые связи исходя из полученного текста (т. е. осуществляет или преобразует свою деятельность в соответствии с этим текстом).

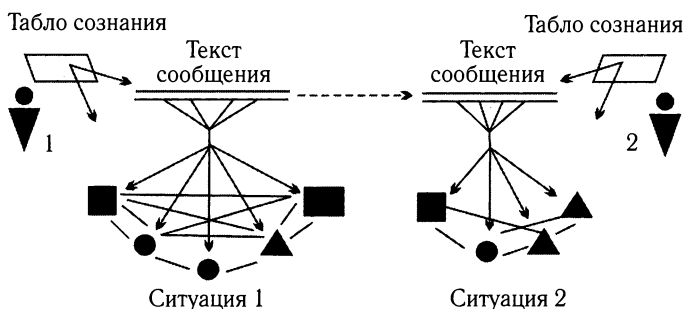

Рис. 13

интеллигентный человек, то он только и делает, что все время сам себя понимает. Между прочим, большинство философов считают, что мера развития человеческого общества — это то, как человек сам себя понимает. Другой вопрос, как человек “берет” эти тексты, из которых он состоит...» [30. С. 155].

* Абстрактность схемы не позволяет утверждать, что «индивид» из этой схемы — это отдельный человек. Такое понимание схемы не исключено, но столь же возможно считать, что в качестве «индивида» выступает группа людей, попавших в одну ситуацию, или что, напротив, один и тот же человек объединяет в своей деятельности несколько обозначенных на схеме позиций (примером такого объединения позиций может быть, скажем, археолог, пытающийся прочитать текст на неизвестном языке).

Будучи положенным как предельно абстрактная «клеточка» человеческого взаимодействия, это отношение по ходу рассуждения усложняется — в схему вводятся различные условия, препятствующие пониманию и соответствующие им позиции (типы деятельности), которые в этих условиях все-таки обеспечивают возможность понимания «индивидом» полученного им текста.

«Пониманием» в работах этого периода называется отношение полученного текста к своему действию в ситуации; понимание проявляется в том, что благодаря полученному тексту человек осуществляет новое действие или изменяет то, что он делал раньше. Впервые такое определение «понимания» появляется в ММК в начале 1960-х гг. в контексте исследования решения текстовых задач дошкольниками [17]. Эти исследования проводились на основе моделей содержательно-генетической логики и были направлены на выявление (и описание на языке схем многоплоскостного замещения) различных способов решения простых арифметических задач. В соответствии с методикой эксперимента ребенок, получив текст задачи, должен был смоделировать заданные в нем отношения на предметах и использовать полученную модель для того, чтобы получить ответ задачи. Если описывать действия ребенка в терминах содержательно-генетической логики, то надо сказать, что, получив *знаковую форму* он должен был *восстановить по нему ситуацию* (в значимом для решения задачи аспекте), т. е. «спуститься вниз» по уровням замещения, а затем осуществить следующее знаковое замещение (от количества предметов к числу) для того, чтобы получить ответ задачи. Понимание текста задачи проявлялось здесь в получении правильного ответа (или в таком предметном моделировании условий задачи, которое позволяло получить правильный ответ). Здесь Г. П. Щедровицкий и его сотрудники впервые вышли к исследованию условий и механизмов отнесения знаковой конструкции к действительности деятельности (т. е. того, что на схемах замещения обозначается стрелками, направленными сверху вниз). Вплоть до 1980-х гг. (т. е. до введения схемы мыследеятельности) Г. П. Щедровицкий называл «пониманием» именно этот процесс.

Основным выводом этих исследований стала зависимость понимания от передающихся в процессах трансляции культуры знаковых средств и способов деятельности. Таким образом, для Г. П. Щедровицкого встал вопрос о тех объективно существующих единицах культуры (значениях), которые организуют

индивидуальное сознание и понимание знаковых конструкций. Сведение понимания текста к его использованию в ситуации решения задачи и зависимость этого использования от усвоенных человеком способов деятельности открывало возможность его объективного (не психологического) описания*.

Можно обнаружить некоторое сходство схемы акта коммуникации со схемами содержательно-генетической логики, изображающими полный цикл жизни единичного знания (оперирование с объектом X , замещение его знаками (A), преобразование знаков и осуществление в соответствии со знаковой конструкцией действий с объектом Y). Но в начале 1970-х гг. отношение знакового замещения уже помещено в контекст более сложных и богатых деятельностных представлений, за схемой акта коммуникации (которую можно рассматривать как единичный акт знакового замещения) неявно стоят уже разработанные к этому времени схемы кооперации и трансляции деятельности. Именно они определяют логику дальнейшего разворачивания схемы коммуникации и связанных с нею рассуждений.

Наиболее важным шагом в разворачивании этой схемы является переход от ядра, представляющего собой передачу

* В 1967 г. Г. П. Щедровицкий так писал о результатах этих работ. «В целом ряде специальных логико-психологических и логико-педагогических исследований было выяснено, что характер понимания текстов, в частности текстов условий математических задач, определяется теми *средствами и методами* (или «*способами*») решения задач, которые присваиваются индивидами в процессе обучения и развития: оно бывает одинаковым у самых разных индивидов, если они владеют одними и теми же средствами (или способами) решения, и одинаково меняется у всех них (о чем можно судить по исчезновению или появлению типичных ошибок) при переходе от одних средств решения к другим. Эти факты экспериментально подтверждают тезис, что знаковые выражения имеют объективные содержания и значения, которые и понимаются людьми так или иначе в зависимости от того, какими средствами они владеют. А средства, ситуации, в которых осуществляются процедуры решения задач, устанавливаемые при этом отношения знаков друг к другу и к объектам, характер работы с самими объектами и т. п. — все это, как показывает ряд логических исследований, может быть совершенно объективно проанализировано и изображено в специальных структурных моделях. Это и будут изображения объективных содержаний и объективных значений знаков, понимаемых как системы отношений материала знаков, с одной стороны, к человеку, а с другой к целому ряду различных объективных образований, или, еще точнее, — как системные способы деятельности человека с материалом, знаков» [32].

текста между двумя «индивидами», включенными в *общую деятельность* (понимание в этом случае обеспечено внетекстуальными обстоятельствами) к «треугольнику позиций». В последнем случае в схему наряду с позицией «индивида 2», включенного в общую деятельность с «индивидом 1», вводится позиция «индивида 3», который получает тот же текст, но включен при этом в *иную систему деятельности*. Передача текста от «индивида 1» к «индивиду 3» называется в работах этого цикла «трансляцией»* и может рассматриваться как один из частных процессов в системе трансляции культуры в деятельностных схемах.

При этом Г. П. Щедровицкий подчеркивает, что коммуникация и трансляция могут и должны быть различены в теоретическом знании (на абстрактных моделях), но в эмпирии они неразличимы**. Взаимодействие людей, выполняющее функцию трансляции, с необходимостью предполагает передачу текстов и их понимание, в то время как любая эмпирически выделенная коммуникация преодолевает различие жизненных и деятельностных ситуаций ее участников.

Для обеспечения понимания / использования текстов в ситуации трансляции вводится особая позиция («индивид 4»). «Задача индивида 4 состоит в том, чтобы создать средства, обеспечивающие адекватное понимание, т. е. адекватное развертывание систем деятельности. <...> Он должен разложить смысл, который должен быть развернут в систему деятельности на составляющие его элементы и связи, представить их каждый в отдельности, зафиксировать в особых конструкциях и выдать в качестве строительных лесов, костылей — вообще средств деятельности — индивиду 3» (Рис. 14) [30. С. 112].

* Следует отметить, что в схеме мыследеятельности (1981 г.) значение термина «коммуникация» меняется: коммуникацией начинают называть то, что в 1971 г. было названо «трансляцией», т. е. передачу текста в другую систему деятельности.

** «Проблема разделения трансляции и коммуникации не проста, по сути дела эти ситуации различаются на моделях... <...> Но реально трансляция всегда происходит в форме коммуникации. В теоретическом же плане эти ситуации предполагают разную интегрированность говорящего и принимающего сообщения и разную связанность их внетекстуальными условиями и обстоятельствами. Трансляция предполагает такого индивида 2, т. е. принимающего сообщение, который живет в другой структуре деятельности» [30. С. 110].

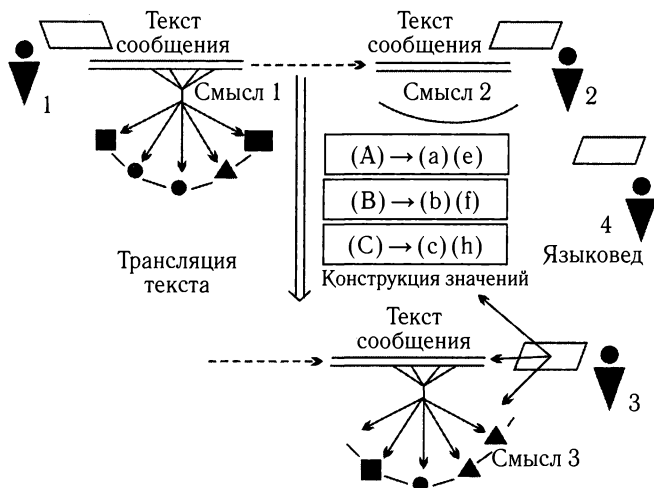

Рис. 14

В общем виде создаваемые в позиции 4 средства понимания Г. П. Щедровицкий рассматривает как *конструкции значений*^{*}. Однако понятие значения употребляется на этом шаге рассуждения сугубо функционально. Это пока еще далеко не те «значения», которые изучают и создают языковеды и авторы толковых словарей. В функции «конструкции значения» (на этом шаге рассуждения) может выступить любой текст, поясняющий для «индивида 3» сообщение, полученное им от «индивида 1» (он может пояснять, например, к чему в ситуации относятся отдельные слова и выражения, какие зависимости между элементами ситуации предполагал автор первого текста, как он строил свое изложение, что подразумевал, но не выразил эксплицитно и т. д.).

^{*} «В ситуациях трансляции — а трансляция задается как процесс, принципиально выходящий за рамки актов и ситуаций коммуникации, — создаются типичные разрывы, или взаимонепонимания, и тогда толмач или учитель создают определенные средства, которые он передает третьему индивиду, находящемуся в ситуации трансляции с первым индивидом, чтобы он мог понять полученный им текст и использовать его в своей деятельности. Эти средства и являются конструкциями значений: они представляют собою жестко фиксированные связи, или связки, либо между знаками и объектами, либо между знаками и операциями, либо между знаками и знаками. Третий участник ситуации должен «взять» или присвоить (усвоить), эти конструкции значений и тогда, пользуясь ими, он сможет понять полученный им текст» [30. С. 354–355].

В принципе, конструкция значений может быть абсолютно ситуативной и умирать вместе с тем разрывом в понимании, для преодоления которого она была создана. Но в этом рассуждении деятельность «индивида 4» такова, что созданные им конструкции значений сохраняются и существуют как единицы культуры. Если рискнуть соотнести абстрактную схему с эмпирией обыденной жизни, то создаваемые «индивидом 4» тексты подобны словарям и учебникам*.

Очевидно, что для того, чтобы полученный от «индивида 4» текст, действительно помог «индивиду 3», последний должен как-то соотнести его со своей ситуацией и текстом, полученным от «индивида 1». Именно такое — складывающееся у «индивида 3» — понимание своей ситуации в связи с текстами, полученными от первого и четвертого, и понимание всех полученных текстов в связи с ситуацией собственной деятельности Г. П. Щедровицкий отмечает здесь как наиболее простое, генетически исходное *единичное знание* (или генетически исходную единицу знания).

Таким образом, он задает принципиальную схему, указывающую на место знания в деятельности: *в ситуации трансляции знание связывает в единую смысловую структуру ситуацию деятельности с ее разрывами и проблемами, текст, выражающий чужой опыт (опыт, полученный в иных ситуациях), и единицы культуры (понятия, предметы, правила и т. д.)***.

Таким образом, Г. П. Щедровицкий впервые в размышлениях о знании предложил схему, позволяющую «схватить» непредметное знание. Если вспомнить, что еще в 1960-е гг. методологическое знание / мышление было понято именно как непредметное (устанавливающее связи между различными предметными знаниями

* Бросается в глаза, что в отличие от схемы, связывающей трансляцию культуры с воспроизводством деятельности, которая была предложена в середине 1960-х гг., в работах 1970-х гг. содержание трансляции оказывается принципиально разнородным — в него входят как неизменные во времени, всеобщие и не ситуативные «конструкции значений», так и опыт чужой деятельности (в принципе, вполне ситуативный и уникальный, хотя стоящая за ним ситуация деятельности может быть неизвестной).

** За таким пониманием знания стояло допущение, обусловленное, по видимому, ценностями автора: в качестве механизма связи между *индивидом, культурой и опытом других людей* была положена именно *эпистемическая конструкция, тяготеющая к объективности*, а не индивидуальное сознание, общение или социальный институт.

и практической деятельностью), то возникает вопрос, насколько эта схема (Рис. 12) и ее возможные конкретизации применимы для описания методологической мыследеятельности, в частности практики методологических семинаров и организационно-деятельностных игр. Но это — тема для отдельного обсуждения.

Более простым и очевидным является возможность использования этой схемы и связанного с нею понимания знания для анализа и проектирования различных систем практико-ориентированного образования. Так уже в исходном виде (Рис. 12) она может быть использована для описания практики “кейс-стади”, позволяя указать необходимые условия для того, чтобы знакомство с чужим опытом приводило к появлению практического знания.

В дальнейшем рассуждении Г. П. Щедровицкий обсуждает возможные направления развития так выделенной «клеточки» знания. Двигаясь в логике предложенной схемы, можно сказать, что основным условием развития единичного знания является то, что смысл, образованный «индивидом 3» в свою очередь включается в процессы коммуникации и трансляции. И в том, и в другом случае он должен быть выражен в тексте, и, следовательно, в соответствии с нормами языка поляризован на «объект» и «сообщение об объекте» (подлежащее и сказуемое, тема и рема). В случае трансляции этого смысла как знания он должен соответствовать, кроме того, логическим нормам, т. е. требованиям к «правильному знанию» (очевидно, что для разных типов знания эти требования будут различны). Именно в силу применения к исходной единице знания норм, по крайней мере, двух типов — лингвистических и логических (в широком смысле) — исходно непредметное знание начинает предметизоваться.

Таким образом, содержание и форма знания определяются, с одной стороны, ситуациями коммуникации-деятельности и складывающимися в них структурами смысла, а с другой — логическими и языковыми нормами.

В зависимости от того, в каком направлении будет усложняться структура деятельности, представленная на рис. 12, исходное знание может быть предметизовано по-разному: на его основе могут сложиться единичные знания разных типов, объект знания может стать более или менее конструктивным. Условия и варианты такой предметизации Г. П. Щедровицкий подробно обсуждает, вводя понятия *действительности* и *объекта изучения*. Эти понятия, безусловно, заслуживают внимания при анализе концепции знания Г. П. Щедровицкого, но требуют более тщательного и глубокого рассмотрения, чем позволяет объем этой статьи.

То, что мы обычно называем знанием, представляет собою результат многократного оформления и переоформления исходных смыслов*, в результате чего достигнутая «индивидом 3» целостность личного действия, культуры и чужого опыта, как правило, разрушается, и, следовательно, требует постоянного восстановления — в соответствии с новыми вызовами ситуации, с опорой на превратившиеся в единицы культуры старые знания. Необходимость такого восстановления была выражена в практике ММК ценностью *распредмечивания*. Техники распредемечивания активно разрабатывались в период организационно-деятельностных игр и в целом еще ждут своего анализа, систематизации и критики.

Большую роль в возвращении единичному знанию осмысленности и практичности должно сыграть прослеживание его генезиса — от проблемной ситуации, в которой был создан новый смысл к различным формам его существования в культуре. Концепция знания, помогающая осуществить такой анализ, может быть только генетической и типологической. Она должна позволять как прослеживать генетически различные формы единицы знания в рамках одного категориально-логического типа, так и рассматривать дифференциацию типов знания и интеграцию эпистемических единиц разного типа.

Лекции 1971—1972 гг. представляют собою первый набросок такой концепции, в какой-то мере развернутый и конкретизированный на примере лингвистических знаний.

К концу 1971 г. перед Г. П. Щедровицким по-новому встал вопрос об отношении знания и мышления, что нашло свое выражение в последней, четырнадцатой лекции курса «Структура знака: смыслы, значения, знания». В этой лекции он сделал попытку перейти от *структурного анализа* знания (и обсуждения его изменений в логике псевдогенетического разворачивания схем) к обсуждению *исторической эволюции* смыслов, значений и знаний.

* «По сути дела “знание” представляет собою особый тип нормировки процессов смыслообразования и, следовательно, выступает как особая организованность, “наложенная” на структуры смысла. Но тогда, как всякая нормировка, “знание” должно существовать дважды: один раз — в качестве “чистой” нормы и, следовательно, в особой рефлексивной позиции, а в другой раз — в качестве реализованной нормы и, следовательно, в исходной позиции деятеля; в последнем случае “знание” выступает как связка соответствий между движениями в плоскостях формы и содержания...» [31. С. 36].

Одним из необходимых моментов исторического анализа должно было стать исследование появления (в различных версиях) и исторической эволюции самого понятия знания, поскольку это понятие во многом управляет «судьбой» отдельных смыслов, возникающих в коммуникации и деятельности. Однако эта логика потребовала рассмотреть и другие философские и логические понятия, которые наряду с понятием знания организовывали появление новых смыслов в системах коммуникации-деятельности и их трансляцию в культуросообразных текстах.

Я позволю себе привести большую цитату, где Г. П. Щедровицкий предложил эскиз программы исторического исследования знания, как другого пути исследования, противопоставленного структурному. «Основная идея другого пути заключается в том, чтобы сначала задать и определить всю универсальную сферу мышления, все его последовательно возникавшие организovanности, найти перечень и типологию этих организованностей и шаг за шагом развертывать их в той последовательности, в какой они возникали и появлялись в ходе исторического развития мышления, — пока мы таким путем не дойдем, наконец, до знаний как таковых, до ситуаций, когда был образован соответствующий конструкт и все эти разнообразные структуры и формы мышления не были объединены и обобщены в понятии знания. Следовательно, мы должны будем рассматривать не просто знание, как я постулировал в конце прошлого года, а множество, массу разнообразных структур и форм, которые реально были в истории человеческого мышления (а это значит — и осознавались в специфических формах: не как знание, а как метафизика, или онтология, как логика, как грамматика и т. д. и т. п.).

Двигаясь по логике реального исторического развития, я должен буду постепенно собирать все эти образования во все более сложные системы и каждый раз должен буду описывать и показывать скачки, те “революции”, которые кардинальным образом изменяли и трансформировали всю ситуацию деятельности в истории, переводя ее в новую, более обобщенную и более высокую в плане рефлексивной иерархии форму» [30. С. 400—401].

Среди работ Г. П. Щедровицкого 1970—1980-х гг. опубликована лишь малая часть. Практически неопубликованными остаются материалы методологических семинаров и организационно-деятельностных игр. Это не позволяет судить, насколько был реализован предложенный здесь шаг в развитии концепции знания. Требуется специального анализа вопрос, как трансформировалось понятие знания и понимание условий его практичности

под влиянием опыта организационно-деятельностных игр. Но это — задачи дальнейшей работы. Во всяком случае, приходится признать, что, несмотря на ряд оригинальных и многообещающих идей, концепция знания в ММК так и не была завершена. В то же время интеллектуальные практики ММК (как организационно-деятельностные игры, так и создание инновационных образовательных программ) далеко вышли за пределы возможностей традиционного понятия знания, которое сложилось в эпоху Просвещения и продолжает определять как господствующие формы образования, так и самосознание интеллектуалов. От того, сумеют ли современные последователи Г. П. Щедровицкого продолжить начатое им размышление о знании, зависит не только возможность новых теоретических идей в этой области, но и судьба практик нового типа, сложившихся в ММК или под его влиянием.

Литература

1. Алексеев Н. Г., Щедровицкий Г. П. О возможных путях исследования мышления как деятельности // Докл. АПН РСФСР. 1957. № 3.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. 1. СПб., 1909.
3. Лекторский В. А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия // Познающее мышление и социальное действие. М., 2004.
4. Лефевр В. А., Щедровицкий Г. П., Юдин Э. Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М., 1965.
5. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6.
6. Проблемы исследования структуры науки. Материалы конференции. Новосибирск, 1967. С. 106—190.
7. Розин В. М. Логико-семиотический анализ знаковых средств геометрии // Педагогика и логика. М., 1968.
8. Розин В. М. Анализ знаковых средств в геометрии // Вопросы психологии. 1964. № 6.
9. Розин В. М. Семиотический анализ знаковых средств математики // Семиотика и восточные языки. М., 1967.
10. Садовский В. Н. Интеллектуальный блеск и творческие трудности раннего Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие. М., 2004.
11. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М., 1999.

12. Теоретические и методологические исследования в дизайне. М., 2004.
13. Формы превращенные // Философская энциклопедия. Т. 5. 1970.
14. Швырев В. С. Формирование исходных принципов анализа познающего мышления // Познающее мышление и социальное действие. М., 2004.
15. Щедровицкий Г. П. «Языковое мышление» и его анализ // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
16. Щедровицкий Г. П. О строении атрибутивного знания // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
17. Щедровицкий Г. П., Якобсон С. Г. К анализу процессов решения простых арифметических задач // Докл. АПН РСФСР. 1962. № 2—6.
18. Щедровицкий Г. П. К анализу процессов решения задач // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 5.
19. Щедровицкий Г. П. О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетической логики // Вопросы психологии. 1964. № 2.
20. Щедровицкий Г. П. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
21. Щедровицкий Г. П. Заметки о понятиях «объект» и «предмет». Без даты // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 614—616.
22. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
23. Щедровицкий Г. П. История ММК // Архив Г. П. Щедровицкого № 3679.
24. Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении. М., 2003.
25. Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования. М., 2004.
26. Щедровицкий Г. П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
27. Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1968.
28. Щедровицкий Г. П. Историко-научные исследования и логическое представление науки // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997.

29. Щедровицкий Г. П. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997.

30. Щедровицкий Г. П. Структуры знака: смыслы, значения и знания // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. I. М., 2005.

31. Щедровицкий Г. П. Понимание и мышление. Смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. II. М., 2006.

32. Щедровицкий Г. П. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. М., 1967.

33. Щедровицкий П. Г. Введение в синтаксис и семантику графического языка СМД-подхода. Цикл лекций.

34. Щедровицкий П. Г. Исторические и логические заметки к анализу программ содержательно-генетической логики и СМД-методологии // Познающее мышление и социальное действие. М., 2004.

35. Larson Ch. 50 years of change in industrial research and technology management // Research technology management. Wash., 2007. Vol. 50, 1.

IV. Мир категорий

М. В. Рац

«Искусственное» и «естественное»

«Естественное», которое даже еще в XIX веке отождествляли так часто с «разумным», оказалось до такой степени пронизано «неразумным» и в то же время бессильным в отношении задач духовной жизни, что бывшая вера в человека, бывшая идиллическая упокоенность стала просто невозможной.

В. В. Зеньковский

Различение «искусственного» и «естественного», как оно проводится у Г. П., — на мой взгляд, одна из его наиболее глубоких и далеко идущих идей. Оно проходит красной нитью через все его творчество. Оно становится в высшей степени актуально сегодня и — я уверен — в последующие годы будет все более значимыми все более проблемным.

Б. Г. Юдин

Введение

В настоящей статье рассматривается категориальная пара *искусственное* — *естественное*, играющая

важнейшую роль в интеллектуальном наследии Г. П. Щедровицкого. Статья включает три раздела. В первом кратко излагается история представлений об искусственном и естественном в ММК: «малая» история. Я сознательно ограничиваю обсуждение малой историей, так как «большая» история этих представлений, берущая начало еще от софистов и Платона, слишком обширна и плохо проработана: это предмет огромной — и очень актуальной — историко-философской работы. Второй раздел посвящен современным представлениям, а третий — перспективам их приложения, которые кажутся мне наиболее актуальными в текущей культурно-исторической ситуации в России, а отчасти и во всем мире.

Но, даже не обращаясь к большой истории, нужно хотя бы обозначить контекст интересующей нас истории малой. Укажем на характерные для второй половины XX в. интеллектуальные ситуации, в которых старая как мир, тема искусственного и естественного встает, а иногда даже осознается именно в качестве проблемы, препятствующей движению мысли по каким-то актуальным направлениям.

Характерная ситуация связана с развитием кибернетики как «всеобщей науки об управлении». Очень быстро выяснилось, что вопреки этой идее Н. Винера управление в деятельностных системах и регулирование с обратной связью в технических и биологических системах имеют между собой мало общего. При всех достижениях кибернетики при этом оставалось совершенно неясным, как квалифицировать управленческие системы. Их невозможно было считать естественными, т. е. живущими по своим имманентным законам, потому что в таком случае они оказывались принципиально неуправляемыми. Но точно так же нельзя было считать их и искусственными: ведь искусственное по понятию строится нами, в нем реализуется наш проект, и при этом задача управления просто не возникает. Какое же онтологическое содержание скрывается за словами о системах управления?! Притом что XX век среди прочего не без оснований было предложено считать веком управления, значение этого вопроса трудно преувеличить.

Вот новая реинкарнация старой проблемы. В ходе мощного антипозитивистского движения была на новом уровне (по сравнению с неокантианцами) предметно показана принципиальная несводимость методологии социогуманитарных наук к естественнонаучной. Говоря предельно схематично, первые имеют дело преимущественно с целенаправленной деятельностью людей, подчиняющейся телеологической логике, а есте-

ственные науки изучают природные процессы и явления, которые регулируются причинно-следственными связями. Так называемые фундаментальные естественные науки при этом никоим образом не могут служить основанием для наук социогуманитарных, имеющих принципиально иной фундамент, иную онтологию и логику [34]. В сущности, единство науки и научной картины мира оказывается разрушенным буквально до основания.

А вот пример совсем другого рода — из лингвистики, где издавна дебатруется вопрос о природе языка, актуализированный новым поворотом темы, связанным с искусственными языками, в частности языками программирования. В отличие от предыдущих примеров вопрос ставится здесь прямо в терминах искусственного и естественного. Но можно ли считать естественными языки, на которых мы говорим? И, с другой стороны, релевантно ли само наше различие и противопоставление понятий искусственного и естественного задаче сопоставления привычного языка нашей речи с формальными языками? Тот же вопрос можно отнести к ситуации различия и соотнесения искусственного и естественного интеллекта. (Подчеркнем, что именно эта принадлежащая Г. П. Щедровицкому проблематизирующая постановка вопроса о релевантности существующих представлений об искусственном и естественном, породила всю ту череду смены представлений, которая рассматривается далее.)

Аналогичную ситуацию фиксирует Ф. А. фон Хайек применительно к культурной эволюции человечества, которую не удастся квалифицировать и осмыслить в рамках понятий искусственного и естественного. Культурная эволюция лежит «...между “естественным” (т. е. инстинктивным) и “искусственным” (т. е. сознательными творениями разума). Замыкая жесткую дихотомию “естественного” и “искусственного”... на самое себя, мы не оставляем никакого зазора между данными понятиями, из-за чего эти дихотомии* весьма способствуют игнорированию и непониманию... процесса культурной эволюции, который и породил традиции, определившие развитие нашей цивилизации. Фактически эти дихотомии отказывают подобному процессу в праве на существование...» [33. С. 244]. Как мы увидим далее, идея «зазора» между искусственным и

* Так в тексте. Нужно читать: «Эта дихотомия». То же и в следующей фразе.

естественным (при означенном их понимании) является паллиативом и никак не решает проблему. К решению вел многолетний и многотрудный путь.

*К истории представлений об «искусственном» и «естественном» в ММК**

Тема «искусственного» и «естественного», насколько я знаю, всплыла в ММК в начале 1960-х гг. в связи с обсуждением вопросов языкознания и затем проработкой вопросов проектирования и управления. В дальнейшем круг обсуждавшихся приложений расширялся, и Георгий Петрович регулярно возвращался к этой теме вплоть до конца 1980-х гг., когда мне довелось принять участие в семинарах и играх, где она обсуждалась**. К сожалению, лишь живая память позволяет реконструировать взгляды основателя ММК этого последнего периода: он уже не успел придать им законченную форму, а сохранившиеся стенограммы обсуждений недоступны. Но, так или иначе, за прошедшие к тому времени тридцать лет представления об «искусственном» и «естественном» сильно изменились, причем ММК был единственным местом, где эта тема обсуждалась непосредственно и достаточно систематически, что, между прочим, свидетельствует о большом значении, которое придавал ей Георгий Петрович. Он, впрочем, писал об этом и прямо, подчеркивая различие познавательных установок применительно к естественным и искусственным объектам:

* Настоящий очерк составлен по опубликованным источникам. Поскольку далеко не все материалы ММК и тексты Г. П. Щедровицкого опубликованы, излагаемые представления могут потребовать существенной корректировки. Это касается даже хронологии, поскольку разработки ММК публиковались обычно с большим запозданием, и не всегда ясно, когда происходило обсуждение публикуемых идей. В описи архива Щедровицкого за период 1965—1991 гг. зафиксировано 32 недоступных автору папки (порядковые номера с 1322 по 1353 г.), только прямо и непосредственно посвященных обсуждаемой теме (что видно из описи содержания).

** Я имею в виду прежде всего игры № 31 (Пути совершенствования инженерно-геологических изысканий для строительства. Шауляй, 1984), № 40 (Системные представления техноприродных объектов при изысканиях и исследованиях для строительства. М.: ЦННИПРОЕКТ, 1985) и семинары в СНИО 1989 г.

«...Оппозиция естественного и искусственного... становится важнейшей категорией научного мышления и должна регулировать всю нашу познавательную работу» [42. С. 295].

В связи с этим я хотел бы обратить внимание на два тесно взаимосвязанных момента в истории вопроса об «искусственном» и «естественном»: во-первых, это изменение содержания данных понятий и, во-вторых, их осознание именно как важнейших категорий («родовых понятий», по Канту), организующих наше мышление и мыследеятельность. В сущности, мы здесь имеем дело с замечательным примером живой истории понятий*.

С современной точки зрения, история становления категориальной пары «искусственного» и «естественного» (И и Е)** в работе ММК представляла собой движение от господствовавших натуралистических представлений по этому поводу к деятельностным. Для натуралиста — и по сию пору — И и Е выступают прямо и непосредственно как характеристика интересующего его объекта, при этом речь идет о его (объекта) «физическом» происхождении, о «природе вещей». «То, что порождает природа, есть естественное или “натуральное”, а то, что порождает и создает деятельность (или то, что возникает в деятельности — в этом плане деятельность можно отождествить с социальным, человеческим), есть искусственное», — скажет об этом уже в 1972 г. Щедровицкий [44. С. 419]. Напротив, с деятельностной точки зрения, И и Е связаны не с характеристикой объекта как такового, а с различными способами его полагания, представления в мышлении и знании о нем. На передний план выдвигается «тип знания об объекте и соответствующие ему механизмы познания и представления. С этой точки зрения, естественным является то, что изображается нами как естественное, а искусственным то, что изображается нами как искусственное» [Ук. соч. С. 420]. Притом что звучит эта формула тавтологично, именно такое представление дает принципиально новые средства интеллектуальной деятельности, которые мы рассмотрим и проиллюстрируем примерами.

Если с учетом сказанного взглянуть на работы ММК 1960-х гг., то можно заметить, что работа по теме искусственного и

* Кстати, история понятий (которую надо отличать от истории идей или истории ментальности) связывается пока с немецкой историографией [9], Вклад Щедровицкого в это направление мысли еще предстоит оценить.

** В ММК сложилась традиция обозначать эти категории буквами, что позволяет, в частности, отличить их от слов обыденного языка.

естественного начинается с освоения и фиксации господствующих представлений, согласно которым социальные объекты по их происхождению делятся на произведенные в процессах деятельности, которые «мы будем называть *произведенными* или *искусственными* объектами», и «другие, являющиеся продуктом естественных природных процессов», которые будут называться соответственно — «*произошедшими* или *естественными*» [32. С. 137, курсив авт.]. Как уже говорилось, подобное понимание предмета было и остается до сего времени практически повсеместным. Кажется, оно настолько укоренилось и прижилось («оестествилось») в человеческом сознании, настолько отвердело, что нет никакой возможности хоть как-то поколебать его. Ограничусь ссылками на двух нобелевских лауреатов, специально занимавшихся этой темой. Г. Саймон в 1969 г. пишет об искусственном, как о «сделанном человеком в противовес природному» [30. С. 12]. В конце 1980-х гг. уже цитировавшийся А. фон Хайек так же твердо называет естественным «все, что вырастает спонтанно» в отличие от искусственного, которое «создается в соответствии с чьим-то сознательным замыслом» [33. С. 243].

По поводу искусственного и естественного советская философия вопреки обыкновению солидарна с западными мыслителями. Так, Б. М. Кедров еще в 1958 г. писал [7]: «В области познания “естественное” означает соответствующее самой природе, носящее объективный характер; “искусственное” — не соответствующее ей, привнесенное нами, произвольное, субъективное. В области практической деятельности “естественное” совпадает со стихийным самопроизвольным, с тем, что дает одна природа, без участия человека; “искусственное” же есть нечто сознательно (технически) приготовленное человеком из “естественного” в своих интересах, применительно к своим потребностям. Поэтому “искусственное” не есть что-то сверхъестественное, оно есть то же самое “естественное”, но измененное согласно присущим ему законам, причем измененное не случайно, не бессознательно, а с заранее приготовленной человеком целью». Ко всему этому можно добавить характерное обстоятельство: значения *слов* И и Е поныне объясняются в толковых словарях означенным образом, но соответствующие *термины* обычно отсутствуют в словарях энциклопедических. Эта тема мало кого занимает.

Однако в ММК, двигавшемся в своем развитии по пути, намеченному немецкой классической философией, означенное понимание И и Е очень быстро проблематизируется. Соб-

ственно, для этого достаточно поставить вопрос о той или иной квалификации продуктов моей и чужой деятельности. Действительно, если делаемое мной всегда искусственно, то как мне следует квалифицировать продукты чужой деятельности? Очевидно, что ответ может быть разным и зависит от моей позиции и моего отношения к ним [42. С. 294]. Понятно, что то же относится и к квалификации другими сделанного мной. Щедровицкий прямо ссылается на работы Фихте, Шеллинга, Гегеля и Маркса, которые «поставили конструкции предметов и объектов знания в зависимость от теоретической и практической деятельности (сейчас мы могли бы заметить: в зависимость от социальных форм ее дифференциации и организации) и таким образом сделали специальное изучение деятельности условием [и] предпосылкой решения собственно предметных и объектно-онтологических проблем» [44. С. 416], и пишет: «Сами по себе объекты ничем не являются (т. е. не являются ни естественными, ни искусственными. — М. Р.) <...> Все зависит от того, что я делаю» [38. С. 443].

Противопоставляя теперь кратко обозначенные представления об И и Е, доминировавшие (и доминирующие по сию пору) в интеллектуальном мейнстриме, разворачивавшимся в ММК, я бы сказал, что первые были и остаются вполне характерными для ментальной ситуации в целом. На мой взгляд, она определялась и определяется, во-первых, господством натуралистического подхода и естественнонаучных представлений о мире, в рамках которого наш мир видится плоским, построенным, как из кирпичей, из объектов разного рода, в данном контексте всего двух типов — искусственных и естественных. Во-вторых, эти представления не рефлектируются и не продумываются последовательно до конца со всеми вытекающими последствиями, ибо в этом случае пришлось бы признать их внутреннюю противоречивость и логическую несостоятельность: ведь, в сущности, вся сфера социогуманитарной мысли несовместима с подобной картиной мира. Эта подлинно глобальная проблема была зафиксирована еще неокантианцами, но так и остается проблемой, отнюдь не занявшей должного центрального места даже в сфере мысли XX и начала XXI веков, — я уж не говорю о господствующих в обществе ментальных представлениях. По крайней мере, в России она всплывает лишь спорадически, преимущественно в дискуссиях о соотношении естественных и гуманитарных наук. Характерно, что при этом вопрос о соотношении искусственного и естественного впрямую вообще не затрагивается, как и тесно примыкающие к нему вопросы о

типах знаний, о соотношении научного и проектного подходов, казуальной и телеологической логик и т. п. (все эти вопросы прорабатывались и решались в ММК). Участники дискуссий не видят их прямой связи с предметом обсуждения, а потому реального движения мысли в этом направлении не происходит.

В такой ситуации началось поистине героическое и по сию пору неоцененное должным образом движение мысли в ММК. Говоря так, я имею в виду героизм интеллектуальный: прокладывать собственный путь, невзирая на господствующие представления, несравненно труднее, чем спорить с ними в лоб, оставаясь тем самым в их колее. При этом последовательная смена представлений об искусственном и естественном в ММК может и должна квалифицироваться как развитие, потому что осуществлялось управляемое движение мысли, нацеленное на решение четко формулировавшихся проблем. В общем, это видно из опубликованных текстов, но вся эта история требует, конечно, тщательной и детальной реконструкции на основе упоминавшихся архивных материалов. (О понятиях управления и развития см. далее: они как раз формировались в русле обсуждений искусственного и естественного; мы рассмотрим также обобщенную схему «шага развития».)

Первый шаг переосмысления понятий искусственного и естественного в сторону от безраздельно господствовавших натуралистических представлений был сделан в контексте обсуждения искусственных и естественных языков в начале 1960-х гг. и зафиксирован в известной статье [12]. Он был непосредственно связан с идеями воспроизводства деятельности и строился на различении организованностей деятельности (тогда речь шла о «социально-производственных структурах»), имеющих либо не имеющих культурную норму. А именно, искусственными было предложено считать организованности, реализующие норму при изменении внешних условий, естественными же — не имеющие нормы и меняющиеся вместе с изменением условий. Здесь вполне прозрачна связь с традиционным противопоставлением культуры и природы. Оценивая впоследствии этот шаг, Г. П. Щедровицкий признавал частный и ограниченный характер введенных тогда представлений. Вместе с тем это был все же значительный шаг вперед, снимавший само противопоставление природного и деятельностного в понимании И и Е: в деятельности оказалось много природного [44. С. 420].

Второй и решительный шаг развития с переходом к более общим (указанным в начале настоящей статьи) деятельностным представлениям был совершен в первой половине

1960-х гг. Зафиксирован и датирован он был в выступлении Щедровицкого на конференции по естественным и искусственным языкам в Киеве 24 октября 1972 г. [44]. В принципе, это уже вполне современные представления, которым было суждено в дальнейшем еще разворачиваться, уточняться, дополняться и получать новые сферы приложений. Они будут охарактеризованы во втором разделе статьи.

Здесь же нужно упомянуть о трактовках И и Е, обсуждавшихся в упомянутом выступлении в качестве «частных определений», по выражению самого докладчика, к пониманию И и Е [44. С. 422–423]. Они связаны с отнесением искусственного к запланированным результатам деятельности, а естественного, наоборот, к побочным последствиям деятельности, не предусмотренным ее целями. В логике движения ММК по линии искусственного и естественного это действительно не более чем подробность, хотя за ней стоит совершенно фундаментальный факт. Существование побочных результатов деятельности, осознанное еще в XVIII в. и связанное с именами Б. Мандевилля и Д. Юма, смешивает карты традиционной трактовки И и Е настолько, что Ф. А. Хайек на этом основании говорит даже о «ложной дихотомии» И и Е [35. С. 39]. Действительно, множество явлений, которые, по выражению А. Фергюсона, суть «результат человеческих действий, но не человеческого замысла» [там же], в рамках натуралистической трактовки И и Е порождает необходимость вводить некий третий класс явлений: не искусственных и не естественных. Такое решение дает необходимые социальным наукам собственные, альтернативные естественнонаучным основания (их-то в ряде своих работ эксплицирует и обсуждает Хайек), но тем самым порождает проблему единства науки и научной картины мира, о которой говорилось в начале статьи*.

Судя по доступным источникам, следует выделить отдельный (третий) шаг развития, относящийся к середине 1960-х гг., но фиксируемый публикациями середины 1970-х гг. и связанный с расширением контекста обсуждения И и Е, артикуляцией представлений о кентавр-системах вообще (искусственно-естественных, естественно-искусственных — первоначально

* Интересно, что в свое время рождение экспериментальной науки тоже было связано с отступлением от жесткого противопоставления искусственного и естественного, унаследованного еще от античной философии. Об этом см. [1. С. 149 и далее].

они были выработаны применительно к языкам) и введением идеи социотехнической системы в особенности. Для понимания этого этапа очень важна статья О. И. Генисаретского, опубликованная, к сожалению, с тридцатилетним опозданием [3]. Если до сих пор обсуждение темы И и Е шло преимущественно на материале языкознания, то в маркирующем третий шаг докладе Г. П. Щедровицкого (в Институте проблем управления 26.3.1975 [37. С. 437—448]) эта проблематика вводится в контексте управления, инженерии и ее «стыка» с социогуманитарными знаниями, обсуждается в связи с темой искусственного интеллекта [42]. Делается важнейший вывод о том, что основной смысл различия И и Е объектов состоит вовсе не в фиксации особенностей их происхождения, а в том, что они «допускают и требуют в отношении себя разных вопросов и предполагают разные средства и методы анализа» [там же. С. 295]. Таким образом получает категориальное выражение граница между естественными и социогуманитарными науками, как ее намечали ранее неокантианцы и Ф. А. Хайек [34]. В первых, как подчеркивается в [44], объект всегда противопоставлен знанию о нем, во вторых знания входят в структуру объектов, которые меняются в соответствии с полученными о них знаниями. Мышление в категориях И и Е оказывается определяющим для широчайшего круга проблем, связанных с так называемой социальной инженерией и находящихся в центре внимания социальных наук.

На четвертом шаге (1980-е — начало 1990-х гг.) Георгий Петрович хотел, видимо, собрать вместе, систематизировать, переосмыслить и представить как целое все выполненные ранее разработки, включая разнообразные приложения, но уже не успел этого сделать. Делать это, однако, необходимо и лучше поздно, чем никогда, потому что разработки ММК сложны и очень медленно входят в культуру; тем временем разнообразные прикладные проблемы, связанные с категориями искусственного и естественного, не решаются, а напротив, углубляются и приобретают витальный характер. Обо всем этом речь пойдет в третьем разделе статьи.

Современные представления об «искусственном» и «естественном»

Для введения указанных представлений можно воспользоваться одной из базовых методологических схем — схемой шага раз-

вития (Рис. 1), представляющей переход некоего объекта из состояния S_0 в состояние S_1 . Одна из особенностей схемы состоит в том, что время в ней представлено не линейно. Как видно на рисунке, хотя время поделено традиционным образом на три части, или топа, нарисованы они непривычно. Прошлое и будущее — «как положено»: первое слева, второе — справа, но настоящее не просто разделяет их, а клином врезается между ними сверху. «Настоящее» время имеет здесь два значения: во-первых, это то время, когда актер (фигурка в верхней части схемы) только и может осуществить реальные воздействия на преобразуемую систему; во-вторых, это отрезок времени, заключенный между прошлым и будущим. Различные состояния S преобразуемой системы изображены кружками в нижней части схемы. Переход из прошлого в будущее на схеме возможен двумя путями. Один путь предполагает, что прошлое, делясь, непосредственно перетекает в будущее, а настоящее — это всего лишь граница между ними. Происходящие при этом изменения в системе (их траектория изображается стрелкой E) происходят *естественным образом*, сами собой и худо-бедно поддаются прогнозу. На другом пути будущее отделяется от прошлого настоящим, а изменения осуществляются *искусственно* (стрелка I) и в отличие от естественных требуют от нас не прогноза, а проектирования и реализации проектов.

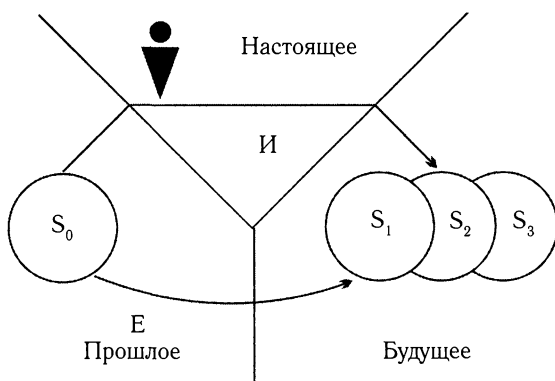

Рис. 1

Настоящее (продолженное) время, имеющее конечную длительность, существует в схеме только на траектории И-преобразований. На траектории Е-перемен настоящее время стягивается в точку, что вполне отвечает естественнонаучной картине мира. (Как заметил О. Розеншток-Хюсси, «нет в природе никакого настоящего. Прошлое отрезано от будущего».)

го моментом, острым, как лезвие бритвы. Настоящее — это творение человека...» [29. С. 57].) И-преобразования целесообразны, Е-перемены законосообразны. На траектории И-преобразований нужно работать с целевой (телеологической) логикой. На траектории Е-перемен действует более привычная для нас и безраздельно господствующая в естественной науке причинно-следственная (казуальная) логика.

Можно положить, что в прошлом интересующая нас система пришла в некоторое состояние S_0 , и, как свидетельствуют наши *прогнозы*, дальнейшая естественная эволюция (стрелка Е вниз) приведет ее в будущем в состояние S_1 . Если такой ход событий нас не устраивает, и вместо S_1 мы хотели бы видеть задаваемое *проектом* состояние S_2 , потребуется некоторое искусственное вмешательство, которое обеспечит движение нашей системы по другой траектории. Но вовсе не факт, что в итоге получится желаемое нами состояние: в общем случае мы не можем ни отменить текущих в управляемой системе естественных процессов, ни точно их прогнозировать, а потому итоговое состояние S_3 может оказаться совсем неожиданным (что в особенности характерно для общественных систем). При этом И и Е-компоненты в S_3 смешаны, как обычно смешаны они и в реальных процессах перемен.

Введенные представления соответствуют нашему опыту, когда при анализе деятельностных процессов (не на схеме, а в жизни), нам приходится одновременно учитывать как причины и законы их Е течения, так и цели И преобразований. При этом нет, видимо, другого способа разделить И и Е составляющие реальных процессов, кроме мысленного представления их в качестве И или Е. Схема ничего не говорит нам о том, как «на самом деле» осуществляется переход системы из исходного состояния S_0 в итоговое, а демонстрирует лишь, как мы можем этот переход представить, наши мысленные возможности. Таким образом, *искусственное и естественное меняют способ своего существования: из имманентных характеристик самого объекта они превращаются в маркеры нашего подхода, отношения к нему, средства нашей работы с ним*. Происхождение и «природа» объектов — это одно, их выяснение есть задача науки, требующая обращения к прошлому; категоризация объектов как искусственных или естественных — дело другое, относящееся к компетенции не науки, а методологии, и связано оно не столько с прошлым, сколько с будущим, сквозь которое, как мы увидим, лишь «просвечивает» прошлое.

В рамках традиционных представлений и понятий И и Е «бирка» Е обозначает природное происхождение объекта, а потому мыслится как неотделимая от него. Точно так же бирка И неотделима от объекта технического, созданного человеком согласно его замыслам и проектам. Природное — естественно, техническое, антропогенное — искусственно. Теперь получается, однако, что эти вещи следует разделить (вспомним еще и вопрос о квалификации продуктов чужой деятельности). Оставим наименования природных и технических для квалификации объектов, каковыми они являются «на самом деле», в рамках их естественной истории. Имена же И и Е можно тогда согласно сказанному выше отнести к нашим онтологическим и методологическим представлениям: *представлять* мы можем все, что угодно, сообразно своим деятельностным установкам — *как* И или *как* Е. Но не будем забывать и того, что за терминами стоят соответствующие понятия и категории, система которых перестраивается сообразно сказанному. Эту перестройку мы осуществляем здесь и теперь, а смена имен — лишь один из ее моментов. Но момент важный, поскольку наше онтологическое полагание может совпадать с «естеством» объекта, когда мы, например, полагаем естественным природный по происхождению объект, а может и не совпадать: тот же природный объект мы можем положить искусственным. Здесь начинается совсем другая история: как деятельность через посредство наших представлений влияет на сами объекты сперва на идеальные, а затем (в социогуманитарной сфере) и на реальные.

Как при этом интерпретируется работа сторонника натуралистического подхода? Ученый-натуралист считает, что объекты нам предзаданы и существуют как таковые независимо от нас. Мир заполняется знакомыми естественными и искусственными «объектами», сообразно этому устройству мира делятся науки: на естественные и технические. (Густая тень закрывает при этом вопрос о социогуманитарных науках, которым, по существу, нет места в подобном мире, но так пока и живем — «с тенью»: эту тему мы обсудим специально. Пока замечу только, что разговоры о смерти этих наук неслучайны.) Дальше все понятно: мотоцикл имеет техническое происхождение и объявляется И, божья коровка — природное, и объявляется Е. Как бы ни менялась наша деятельность с этими объектами, они уже навсегда останутся такими.

Но если отказаться от натуралистических представлений, использовать деятельностный подход и принять новую трактовку И и Е, то дальше придется разбираться с этими привычными

нам «объектами». Здесь нужно еще раз подчеркнуть уже упоминавшееся фундаментальное обстоятельство. В натуралистическом подходе форма изображения или представления объекта в знании «относится только к самому знанию, а отнюдь не к объекту, т. е., по сути дела, никак не может влиять на сам объект и его природу и, следовательно, просто не должна учитываться при характеристике объекта». В деятельностном подходе, тем более применительно к объектам социального мира мы обязаны «исходить из координации знания и объекта, ибо во всех областях такого рода знание, благодаря механизмам деятельности, влияет на сам объект и определяет его строение и структуру» [44. С. 421, 422]*.

Оказывается, что новый подход имеет гораздо более широкое применение, чем традиционный: он применим с равным успехом как к вещам физического мира (где только мы и можем чувствовать себя уверенно, оставаясь в рамках традиции), так и к любым другим объектам, включая объекты социогуманитарной сферы. Что касается вещей, то, скажем, самолет для натуралиста — несомненно, технический объект, но для пассажира он выступает как естественное средство передвижения, а для самолетостроителя как искусственная конструкция. И наоборот: курица — существо природное, и для ученого зоолога она естественна, но для фермера — как продукт производства — она будет искусственной. А вот про язык или человека (если отличать его от биологического существа) трудно сказать, природные это объекты или технические**, но помыслить, представить их как И и/или как Е вполне можно и нужно. Мы и представляем их так или иначе в зависимости от контекста обсуждения и системы деятельности, в рамках которой разворачивается наш дискурс.

Итак, если нам теперь снова понадобится «самолет» или «животное», то их происхождение и соответствующие «старые» характеристики — как И и Е — нам придется учитывать. Но если характер нашей деятельности меняется? Например, «самолет»: представления о нем идут от авиаконструктора (для

* Впоследствии был отрефлектирован и описан очень поучительный пример эффективности такого подхода в финансовой деятельности: Дж. Сорос именно так и объяснял секреты «алхимии финансов».

** Собственно, от этой проблемы мы и уходим, традиционно рассуждая о них, как о результатах эволюции и развития. Конечно, это результаты, но все же какие?

которого самолет — И), а воспользоваться им хочет теперь пассажир (для которого самолет — такое же Е-средство передвижения, как поезд или такси)? Предметы деятельности у них разные, хотя относятся они к одному и тому же эмпирическому объекту, но «берут» его в разных срезах или проекциях. Итак, пассажир относится к самолету (который уже представлен как И) как к Е-средству передвижения. Естественное ставится на первое место и как бы объемлет искусственное, получается: «самолет — Е/И» (естественно-искусственный). Точно так же «животное»: прежде работал с ним естествоиспытатель, а теперь будет работать дрессировщик. Искусственное выходит на первое место и объемлет естественное: получается «И/Е» (искусственно-естественное).

В итоге «появляется возможность говорить:

- а) о естественных объектах, представленных в виде естественных объектов,
- б) о естественных объектах, представленных в виде искусственных объектов,
- в) об искусственных объектах, представленных в виде естественных объектов и, наконец,
- г) об искусственных объектах, представленных в виде искусственных объектов».

Г. П. Щедровицкий пишет это еще в 1971 г. [44. С. 421], ссылаясь на неопубликованные работы О. И. Генисаретского*. Тем самым закладываются основы современных представлений по обсуждаемой теме.

Итак, способ представления объекта меняется (или не меняется) при смене объемлющей его системы деятельности, а вслед за тем меняется и сам идеальный объект, в этом суть дела: самолет для пассажира и самолет для авиаконструктора — совершенно разные объекты, хотя за ними стоит одна и та же организованность материала. Если меняется тип объемлющей деятельности, например, изучение объекта сменяется его преобразованием, перестройкой, то мы говорим соответственно об *артификации* (обыскуствлении) объекта, представляемого в простейшем случае как искусственно-естественный, И/Е. Наоборот, если сконструированный или перестроенный нами

* Из целого ряда работ в свое время была опубликована только одна [2], вторая (и в контексте нашей темы более важная) была напечатана только 30 (!) лет спустя [3].

объект начинает жить собственной жизнью, в которую мы уже не вмешиваемся, а только наблюдаем за ним и изучаем его, то речь пойдет об *оестествлении* объекта, в простейшем случае представляемого уже как Е/И. Если в отличие от этих случаев объемлющая система деятельности сменяется однотипной, то мы представляем наш объект как Е/Е или как И/И. Более сложные случаи рассматриваются далее. *Понятия артификации и оестествления суть, таким образом, важнейшие сопутствующие понятия, дополняющие категориальную пару И и Е.*

Чтобы пояснить сказанное, можно привести пример из истории науки и техники, когда происходит чередование этих двух процедур — оестествления (ОЕ) и артификации (АР). Лучше об этом могут рассказать специалисты по истории науки, но я все же рискну [20]. Речь идет об электротехнике и — затем — теории информации, и если в начале картина несколько туманная, то к концу она делается вполне прозрачной, даже в грубой схеме. С точки зрения внешнего наблюдателя, оестествляющего картину в целом (в отличие от И-Е аналитика), дело выглядит так. На основе каких-то первоначальных физических представлений естественнонаучного толка об электричестве конструируются электрические цепи (АР), на базе которых начинается развитие электродинамики (ОЕ); изобретается электромотор и динамо-машина, а на боковой ветви — телеграфный аппарат и азбука Морзе (АР), порождающая впоследствии теорию информации (ОЕ). На основе достижений технических наук строятся первые компьютеры и возникают языки программирования (АР), порождающие теории алгоритмических языков, искусственного интеллекта (ОЕ) и т. д. Протянув такую цепочку, мы можем теперь даже прогнозировать дальнейший ход событий.

Сказанным, однако, вопрос об артификации и оестествлении не исчерпывается. Если артификация по понятным причинам не может происходить без нашего участия (пусть и не всегда осознаваемого), то с оестествлением дело обстоит иначе. Мы можем осуществлять его искусственно (как в приведенных примерах из истории науки и техники: занятие понятное, хотя и парадоксальное), но оно может происходить и без нашего участия: помнится, Георгий Петрович пояснял идею оестествления на примере зарастающей ямы, вырытой когда-то в огороде. В этом примере речь идет о «естественном оестествлении» в результате выпадения объекта из деятельности. Здесь есть хорошая аналогия со вторым началом термодинамики: при отсутствии искусственного

воздействия все сущее оестествляется в ходе эволюции само собой. Лишенный искусственного, рефлексивно-мыслительного начала, наш мир теряет свою живую душу, умирает и может существовать затем, как и положено труп, подчиняясь только «законам природы» в данном случае законам разложения. Наступает «интеллектуальная смерть мира»*.

С одной стороны, я отвечаю таким образом на вопрос о «природе» «объектов» вообще (но именно объектов в отличие от стоящих за ними организованностей материала) и, в частности, таких очень разных объектов социогуманитарной сферы, как понятия, речь-язык, общество или человек: все они, так или иначе, содержат в себе искусственное, мыслительное начало и не могут квалифицироваться как природные, естественные по своему происхождению. (Что, повторяю для ясности, ничуть не мешает *представлять* их естественными или искусственными.) С другой стороны, важно зафиксировать тенденцию к спонтанному оестествлению всего и вся в нашем мире: вероятно с этим связан удивительный успех экспансии естественно-научного подхода, энтузиасты которого берутся «научно» объяснить все сущее вплоть до самого мышления. С такого сциентистского энтузиазма начиналась когда-то и работа ММК, а рождение методологии в ее нынешнем виде, мягко говоря, далеко от подобного энтузиазма (если говорить о последних годах работы Г. П. Щедровицкого, то даже близким к энтузиазму противоположной направленности), связывается, таким образом, с разработкой представлений об И и Е.

Переосмысление понятий И и Е, введение понятий артификации и оестествления позволяет, как мы увидим далее, по-новому взглянуть среди прочего на такие важнейшие формы организации мыследеятельности как проектирование и естественная наука, которые, будучи взяты в чистом виде, представляют собой, в сущности, развертывание интеллектуальной активности в указанных полярных направлениях. Вообще практическое значение анализа сложных процессов и явлений в категориях И и Е трудно переоценить, но, чтобы превратить идею в средство работы, нужно прежде всего построить исчисление И и Е, своего рода «математику». Казалось, пер-

* Заметим, что именно таким должен быть мир в его классической естественнонаучной картине. С современной точки зрения, это заведомая редукция, лежащая, однако, в основе эклектического мировоззрения, господствующего в секулярном массовом сознании.

вые шаги в этом направлении предпринял на организационно-деятельностных играх Г. П. Щедровицкого середины 1980-х гг. (см. вторую сноску на с. 322) А. Е. Левинтов. Впоследствии, правда, выяснилось, что эта работа была предвосхищена за двадцать лет до того О. И. Генисаретским [3].

Разделим прежде всего согласно уговору наш подход к объекту (определяющий способ его предметного представления в предстоящей деятельности) и ту его характеристику, которая уже заложена в культуру и является составной частью соответствующего понятия, онтологии, наличного знания об объекте. Записав возможные подходы в столбик слева, а характеристики — в строку, получим следующую таблицу исчисления символов:

Характеристика объекта Способ представления	Е	И	И/Е	Е/И	...
Е	Е/Е	Е/И	Е(И/Е)	Е(Е/И)	
И	И/Е	И/И	И(И/Е)	И(Е/И)	
И/Е	И/Е(Е)	И/Е(И)	И/Е(И/Е)	И/Е(Е/И)	
Е/И	Е/И(Е)	Е/И(И)	Е/И(И/Е)	Е/И(Е/И)	
...					

Таблица открыта и может разворачиваться до бесконечности, но такое разворачивание как минимум преждевременно, и мы ограничимся ее интерпретацией: посмотрим, что стоит за некоторыми ее клетками, строками и столбцами. Начнем с простейших. Первая клетка таблицы (Е/Е) фиксирует Е подход к Е объекту, в результате которого мы получаем, как указывалось, «естественно представленный естественный объект». За примерами ходить недалеко: их дает все классическое естествознание. Природа в ее господствующем ныне естественнонаучном толковании есть не что иное, как Е/Е объект. Принципиально другой случай демонстрируют технические науки, в рамках которых оестествляются искус-

ственные объекты — это соседняя клетка таблицы (Е/И). (Подчеркнем, что оестествление И-объектов, представление их как естественных является необходимым условием научного исследования, без такой операции нельзя было бы говорить о законах их жизни: особенно наглядный пример дает в этом отношении «новая парадигма философии техники» — технетика, в рамках которой мир техники уподобляется животному миру [11].) В клетке И/Е находятся искусственно представленные Е объекты, отвечающие уже искусственному (искусственно-техническому) подходу. При всей принципиальной важности такого подхода возможности его довольно ограничены, что можно проиллюстрировать историческим лозунгом «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». В клетке И/И находятся искусственно представляемые искусственные объекты, например продукты производства на промежуточных стадиях технологического передела.

Первые две строки таблицы посвящены базовым — И и Е — подходам, о которых уже достаточно сказано. Невероятно важна третья строка, фиксирующая более сложный искусственно-естественный (И/Е) подход, в котором работают современные управленцы и инженеры. (Разница между ними состоит в том, что инженеры, по идее, имеют дело с косным материалом: с природными либо техническими объектами, а управленцы — с неизмеримо более сложными рефлектирующими социотехническими системами. О них мы еще поговорим.) Здесь искусственное, преобразовательное начало сорганизуется с естественной эволюцией объекта и специально ее учитывает, задавая тем самым как бы двойное существование объекта — в контексте Е-эволюции и И-преобразования одновременно.

И/Е подход не следует смешивать с И/Е объектами (пересечение второй строки с первым столбцом), применительно к которым упоминалось «покорение природы». Для определенности я буду говорить далее об искусственном, или искусственно-техническом (И) подходе в отличие от искусственно-естественного (И/Е) подхода (вторая и третья строки таблицы соответственно). И/Е подход, применимый к самым разнообразным объектам, как видно из таблицы, порождает более сложные представления. Чтобы в общем виде (не раскрывая скобок) отличать такие представления от И/Е объектов, соответствующих искусственно-техническому (И) подходу, договоримся обозначать первые как И/Е() в отличие от вторых — просто И/Е.

Не менее важен, чем И/Е(), Е/И() подход (4-я строка, смысл скобок тот же), в рамках которого происходит оестествление искусственных объектов, начинающих при этом жить своей собственной жизнью. Этот подход пока недостаточно осознан и осмыслен, с чем связаны проблемы инновационной деятельности, которые можно интерпретировать как создание *условий* для собственной жизни оестествляемого объекта.

Итак, еще раз: в столбцах таблицы даны различные исходные представления объектов. Один и тот же объект, который мы ранее квалифицировали как И, Е и т. д. может быть включен в разные предметные структуры деятельности и сообразно этому и используемому при этом подходу по-разному представлен: в каждой строке таблицы по-своему. Здесь уместно вспомнить К. Маркса: согласно его рекомендации предмет берется при этом не созерцательно, в форме объекта, но субъективно — как Е, как И и т. д. — сообразно объемлющей его деятельности, на которую и переносится наше внимание.

Если теперь с учетом всего сказанного окинуть взглядом множество объектов, с которыми нам приходится сталкиваться, придется признать, что в рефлексии нашей деятельности они предстают не как «натурально» естественные и искусственные, а как кентавр-объекты. Иными словами, повторяю, они представляются как И/Е, Е/И и т. п. и, будучи включенными в нашу деятельность, живут одновременно как по законам своего материала, так и по законам объемлющей их деятельности.

Именно таковы, например, промышленные объекты — строительные, горнорудные и т. п. (это так называемые техноприродные, или деятельностно-природные системы [46]); упоминавшиеся выше многообразные социотехнические системы — управленческие, политические, предпринимательские; «население» попперовского «третьего мира» — языки, понятия, теории, знания. При этом изложенные представления об И и Е стыкуются с системным подходом и представлением объектов: процессы деятельности всегда протекают на том или ином материале, живущем по собственным законам, и любая деятельностная система оказывается кентавр-системой по определению. Имеет место глубокая внутренняя связь категорий И и Е, с одной стороны, и категорий системы — с другой. (Из сказанного, между прочим, следует, что как естественнаучный, так и искусственно-технический, проектный в точном смысле слова подходы основаны на редукции, с чем и связаны их пока еще плохо осознаваемые нами ограничения.)

В итоге любая попытка приложения идей И и Е к тем или иным реалиям нашей жизни оказывается проблемой. Я бы вспомнил по этому поводу слова основателя ММК, сказанные в связи с методологизацией сферы языковедения, но имеющие более широкое значение. «Вообще деятельность, мышление — это И/Е системы. А тут традиционная логика просто не работает. Они парадоксальны по сути своей. Что бы мы ни сказали по поводу подобных объектов в привычной для нас логике, все будет либо бессмысленно, либо парадоксально. В частности, здесь перестают работать все привычные нам категории: часть — целое, внешнее — внутреннее, субъективное — объективное». Но все равно нам приходится работать с этими категориями, «хотя ничего этого нет» [45. С. 122]. Приведенные слова можно рассматривать как эпиграф к следующему разделу статьи. Я бы добавил к ним только, что категории И и Е, как и привычные для нас часть — целое и др., тоже не панацея: у них тоже выявятся свои особенности использования и границы эффективности, но это дело будущего.

Перспективы приложений

Где, когда и зачем

Если, как мы говорили выше, считать искусственное и естественное категориальной парой, то эта пара должна — по понятию категории — особым образом организовывать наше мышление, причем совершенно независимо от его предмета и направленности. Для меня из этого следует, что первые шаги на пути практического приложения обсуждаемых идей целесообразно направить на переосмысление наших понятий и представлений. Если угодно, можно объединить их рассмотрение под именем И-Е анализа.

Такой анализ особенно важен в перспективе намечаемых преобразований любого рода, но прежде всего, конечно, наиболее сложных и ответственных — социальных, ибо позволяет лучше понять ситуацию (в т. ч., особенности самих преобразуемых объектов) и наметить наиболее подходящие подходы к планируемым, если воспользоваться терминологией М. Вебера, «социальным действиям». Я бы даже рискнул сказать, что за знаменитым *plot* Черномырдина («Хотели как лучше, а получилось как всегда») стоит именно непроработанность осуществляемых действий с точки зрения искусственного и естественного и неразвитость соответствующих методов и техник.

Из этого следует, что вторым очень важным направлением может стать анализ опыта уже осуществлявшейся — успешно или нет — преобразовательной деятельности. Думается, что переосмысление прошедших реформ и революций на основе использования категорий И и Е могло бы стать очень полезным и предохранить нас от повторения многих ошибок. Особенно полезным кажется анализ истории СССР: ведь это государство строилось в целом искусственно-технически (в чем пока и видится причина провала ленинского проекта, содержание которого не предполагало иных, более сложных подходов). По этому поводу можно сослаться на продуктивный опыт исторической реконструкции М. Мееровича [13].

Понятно, что у нас нет достаточного опыта мышления с использованием категорий искусственного и естественного, иначе говоря, как таковой И-Е анализ находится в стадии разработки и становления. Конечно, как и любой специальный вид анализа, данный его вид не дает и не может дать полной картины рассматриваемых явлений. Тем не менее «главный конструктор» категорий И и Е Г. П. Щедровицкий недаром считал связь И и Е «основным принципом исследования интеллектуальной деятельности» [42] и утверждал, что «понятия и категории естественного и искусственного являются важнейшими для XX в. (тем более для XXI в., добавил бы я, поскольку сделано пока в этом направлении непростительно мало. — М. Р.). Они и раньше были очень значимыми, но сегодня масса сложнейших переворотов строится на этих понятиях» [39. С. 95]. Как и следовало ожидать, в ряде случаев даже постановка вопроса в категориях И и Е оказывается продуктивной, а давно известные вещи часто предстают при этом в новом и неожиданном обличье.

Ввиду абстрактности изложенных представлений об И и Е практическое их использование в конкретных деятельностных ситуациях затруднено непроработанностью соответствующих понятий среднего уровня. Наверное, прежде, чем предметно обсуждать те или иные конкретные инновации, ресурсное обеспечение развития или задачи обеспечения безопасности, стоит задуматься о новом содержании *понятий* инновационной деятельности [24, 26], ресурсов [4, 27] или опасностей [25]*. Этим определя-

* Вопреки господствующим представлениям оказывается, что инновационная деятельность имеет мало общего с привычным «внедрением» новшеств, а в некотором смысле даже противостоит ему; что ресурсы (в отличие от сырья) не бывают «природными», а формируются искусственно в ходе

ется *тип* (или уровень) вопросов, рассмотрение которых следовало бы включить в программу дальнейшей проработки нашей темы. Программа такая — дело будущего, вообще следует огорчиться, что за каждым из такого рода вопросов стоит особая тема исследований и разработок, которые пока в лучшем случае только намечены в указанных статьях. Как говорил в таких случаях Г. П. Щедровицкий, здесь открывается перспектива работы лет на триста. Вспоминая проблемы, упомянутые во введении к данной статье, я ограничусь тремя вопросами. Это вопросы о системах управления, единстве науки и научной картины мира, а также о нашей культурной эволюции/развитии.

Во избежание недоразумений еще раз подчеркну, что не касаюсь вопроса о природе обсуждаемых процессов и явлений: изучение природы — дело науки. Здесь же нас интересует только и исключительно влияние способов полагания, или представления объектов на организацию нашей работы с ними.

Но в свете сказанного во втором разделе статьи последняя фраза звучит странно. Действительно, фактически наша деятельность объемлет свои объекты и тем самым определяет способ их полагания и представления. Здесь же все, кажется, перевернуто с ног на голову! Но дело в том, что мы находимся в очень странной культурно-исторической ситуации, когда на протяжении столетий Нового времени наши системы деятельности складывались квазиестественным образом, а мы были поглощены завоеванием власти над природой, борьбой за власть друг с другом и иными столь же увлекательными вещами, очень мало зная при этом о мире собственной деятельности и почти не задумываясь о ней. Естественно, мы не располагали и необходимыми инструментами, чтобы аккуратно и эффективно вносить в процессы формирования систем деятельности должное искусственное, интеллектуальное начало*. Теперь, когда у нас появился целый арсенал средств, предлагаемых СМД-методологией, и в частности категории искусственного и естественного, именно способ полагания объектов оказывается архимедовой точкой, позволяющей начать переосмысление нашего мира (конечно, если и кому это надо). Подчеркнем: речь

диверсификации и развития систем деятельности; что мы живем не в мире, напичканном «опасностями» разного рода, а порожаем эти опасности собственной плохо продуманной и необеспеченной деятельностью.

* С этим связан и законный пессимизм Хайека [33] и Оукшотта [17] по части возможностей разумного влияния на жизнь общества.

идет о сложнейшей работе переосмысления, а не привычных для нас революции, перестройке и внедрении новшеств; переосмысления, с которым связаны совсем другие (чем революции и т. п.) преобразовательные стратегии, такие как инновации, выращивание, культивирование нового, с одной стороны, и захоронение старого, отжившего — с другой. Ничто не гарантирует нам успеха, но это и есть та деятельность (как я попытаюсь показать далее, обеспечивающая *развитие*), в контексте которой новые подходы и представления должны получить свое законное место.

Проблемы применения И-Е анализа к системам управления

Обратимся к схеме социотехнической системы, на мой взгляд, схватывающей квинтэссенцию идеи социального действия. После знакомства со схемой шага развития (которая хронологически была разработана позже) смысл схемы социотехнической системы (Рис. 2)

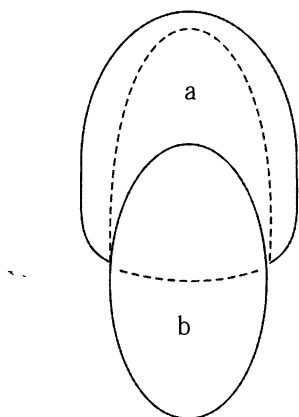

Рис. 2

должен быть понятен: речь идет о «деятельности (а) над деятельностью (b)», важнейшая особенность которой состоит в рефлексивном охвате деятельности b деятельностью a. При этом из рефлексивной позиции «нижняя» деятельность трактуется как естественная, а «верхняя» — как искусственная; «верхняя» деятельность осуществляется в И/Е() подходе, и в игру вступают процессы артификации и оестествления. Важнейшими сферами применения/интерпретации этой схемы служат, как уже говорилось, управление, предприниматель-

ство, а в некотором смысле и политика*. В сущности, по схеме такого типа должны были бы развертываться любые социальные действия, включая более, чем актуальные для современной России реформы и инновации. В более общем смысле, как подчеркивал Г. П. Щедровицкий, необходимо понимать, что эта схема лишь во вторую очередь *изображает* определенные отношения такого рода, а прежде всего она *выражает* суть деятельности подхода и технического отношения к системам мыследеятельности в принципе. Более того, применительно к социальной жизни в рамках деятельностного подхода эта схема оказывается схемой субъект-объектных отношений.

Возникающие здесь трудности практически связаны с обратными трактовками управления, бытующими в нашем обществе. Две такие полярные трактовки просто опасны; они, в частности, исключают деятельностный подход в указанном его понимании. Наиболее распространено пока понимание управления, имеющее кибернетические, т. е. уже полувековой давности корни и относящее его равным образом к системам различной природы: биологическим, техническим и социальным. Согласно многочисленным словарям и учебникам управление при этом мыслится как функция системы, ответственная за сохранение ее структуры, поддержание режима функционирования [15 и мн. др.]**. Цели в нем отсутствуют или (что то же самое) раз и навсегда фиксированы в виде функции «сохранения структуры» и «поддержания режима». По существу, управление представляется при этом как происходящее «само», естественным образом — по типу работы простейшего автоматического регулятора.

В противоположность такой кибернетически-энциклопедической, якобы научной (да и на самом деле научной, если ограничивать науку работой с Е представляемыми объектами: об этом далее) трактовке управление не столько мыслится, сколько практикуется в России средствами власти, толкуемой согласно классической концепции М. Вебера как возможности

* Если угодно точно: политика как *policy* в отличие от *politics*.

** Самое замечательное, что, если обратиться к толковым словарям русского языка (в отличие от словарей энциклопедических), составители которых претендуют всего лишь на толкование значений слов, то там (причем, начиная со словаря Даля, т. е. с позапрошлого века!) мы найдем гораздо более простое и реалистичное толкование управления: управлять значит править, давая ход, направление; заставлять идти правым, нужным путем.

заставить других действовать согласно нашим желаниям. При этом законы и тенденции собственной жизни управляемой системы часто попросту игнорируются, а нередко «ломаются через колено». То, что именуется управлением, при этом осуществляется в искусственном подходе (о соотношении власти и управления с точки зрения И и Е см. [22]).

Обе эти крайности имеют и существенный момент сходства: в обоих случаях речь идет о двух связанных между собой рядоположных системах (или подсистемах): управляющей и управляемой. Как мы уже знаем, между этими крайностями нет никакой «середины», но есть возможность прибегнуть к другому представлению, задаваемому идеей рефлексивного охвата, выраженной в оргтехнической схеме. Вот простейший пример, допустим, заводоуправление: морфологически оно может находиться на территории завода, но функционально его деятельность, конечно, охватывает и объемлет все заводское производство и хозяйство в целом. Для понимания сути дела важно именно функциональное отношение. Таким образом, говоря об управлении, следует представлять не две рядоположных подсистемы, а ту самую структуру «матрешки», которая изображена на схеме рис. 2.

Соответственно в отличие от охарактеризованных крайних случаев в ММК управление мыслится ближе к традициям менеджмента (см., например, [5]): как деятельность, осуществляемая в искусственно/естественном подходе, связанная с выбором направления движения и ответственная за следование по нему с достижением поставленных целей. Важнейшей особенностью управления при этом оказывается обязательный учет законов и тенденций собственной жизни управляемой системы. Будут ли при этом выбраны цели сохранения структуры системы и поддержания режима ее функционирования, либо, напротив, перестройки и/или смены режима — зависит от интересов, установок, ценностей «лиц, принимающих решение», и от ситуации [39, 40]. Как видно из сказанного, разработанная и представленная в указанных книгах концепция управления в корне отличается от пока господствующих у нас идей.

Надо специально подчеркнуть, что специфика деятельности объектов, на изменение которых направлены усилия политиков и управленцев, делает крайне опасными широко бытующие аналогии с инженерией, закрепленные даже в языке, где все это привычно именуется «социальной инженерией» и «социальным проектированием». Точно так же техническое начало в социотехнике следует понимать в смысле древнегреческого «техне»,

искусства в отличие от привычной для нас техники с ее искусственным подходом к своим «железкам». Такая интенция прослеживается во множестве работ последних десятилетий, начиная с Г. Райла, М. Полани или М. Оукшотта, вплоть до нашумевшей монографии Д. Скотта [31] и целого направления мысли, получившего наименование «теории практик», связанного с так называемым прагматическим поворотом в социальных науках.

В работах указанного типа основной упор делается на изучение факторов, существенно влияющих на преобразовательные процессы, но плохо поддающихся теоретическому описанию и учету со стороны управленцев и политиков. Таковы знания «как» (в отличие от знаний «что») Г. Райла, «личностные знания» М. Полани или «метис» (одиссеевское хитроумие) Д. Скотта. Речь, однако, идет о необходимости учета этих факторов при сохранении старой, обеспечиваемой научными знаниями инженерной схемы преобразовательной деятельности, либо об отказе от самой идеи преобразований. Иной, принципиально новый подход, на мой взгляд, более перспективный, был предложен Г. П. Щедровицким, который без малого тридцать лет назад писал, что здесь уже не работают слишком бедные для этих целей средства традиционного научного мышления: «Как управление, так и социотехническое действие [вообще] требуют создания совершенно новых типов мышления, которые мы называем методологическими» [37. С. 444]*.

И-Е анализ как раз и является одним из важнейших специфических средств методологического мышления, в корне отличающем его как от научного, так и от чисто проектного. Сообразно сказанному переходя к теме науки, можно считать, что, как это и представляется традиционно, инженерия обеспечивается научными знаниями; применительно же к управлению и другим «деятельностям над деятельностью» — вопреки бытующим представлениям — место науки занимает методология.

* В связи с этим следует заметить, что, хотя сам Г. П. Щедровицкий и считал себя марксистом, его социально-политические взгляды были совершенно своеобразны и уж во всяком случае не имели ничего общего с советским пониманием марксизма. В этом плане он, на мой взгляд, был ближе к традиции «ревизионизма», логику которого можно протянуть от Э. Бернштейна через К. Поппера с его критикой историцизма и «частичной социальной инженерией» [17] к программному подходу: подробнее об этом см. [28]. К этой же линии я отнес бы сравнительно недавние работы учеников Г. П. Щедровицкого — С. В. Попова и В. М. Розина [49].

*Категории искусственного и естественного
и проблемы современной науки*

Рассмотрим хотя бы в самом общем виде, что дает применение к науке И-Е анализа. Не будем говорить о собственных законах эволюции науки и внешнем влиянии на нее общества: это тема достаточно известная и легко переосмысливаемая в терминах И и Е. Другое дело, что любая естественная наука (или даже наука вообще — это зависит от принятой нами трактовки), если и поскольку мы считаем ее направленной на познание законов жизни изучаемых объектов, с необходимостью основывается на естественном представлении своих объектов: в противном случае, повторю, не могло бы быть и речи о каких-то имманентных законах их жизни. В этом смысле любая как минимум естественная наука сродни анатомии: она изучает только естественные, «мертвые» объекты. Поскольку, однако, научные знания или, скажем осторожнее, знания, претендующие на статус научных, так или иначе используются в практической деятельности применительно к вполне «живым», деятельностным объектам, широко распространенная экспансия естественнонаучного подхода в социогуманитарную сферу, в особенности лишенная рефлексивного контроля, опасна и даже вредна, в чем мы могли убедиться на примере «научного коммунизма». Сходным образом дело обстоит и с проектным (искусственно-техническим в точном смысле) подходом, в рамках которого можно в лучшем случае — опять же при наличии соответствующего рефлексивного контроля — учесть лишь известные нам законы жизни материала. Неизвестные же, или неучтенные будут неизбежно вызывать непредсказуемые, в т. ч. негативные последствия.

Таким образом, в социальном мире как естественнонаучный, так и искусственно-технический подходы, взятые в чистом виде, связаны с непредсказуемыми последствиями, которые с точки зрения как конкретного, так и обобщенного пользователя («человечества») с равным успехом могут оказаться и позитивными, и негативными. На практике это обычно плохо осознаваемое обстоятельство породило особый комплекс так называемых проектно-изыскательских работ, а затем и более мощный программный подход*, но, поскольку проблема таким образом решается лишь ча-

* В сфере строительства изыскания приобрели даже статус особой профессии. Что же касается программирования, то его следует рассматривать не только на материале научных исследований [38]: область его применения

стично, применительно к наиболее наглядному случаю упоминавшихся «кентавр-систем» (техноприродных, или деятельностно-природных) все это оборачивается стихийным экологическим движением, связанным с совсем иными проблемами, чем кажется его участникам и которое поэтому в своем существующем виде может вызвать у методолога и логика только смех [8].

В данном контексте особый интерес приобретает ситуация с социогуманитарными науками. Здесь следует учитывать как минимум две их тесно взаимосвязанные особенности, в корне отличающие их от наук естественного цикла.

Во-первых, в большинстве случаев (в психологии, социологии, политологии) место объектов исследования занимают субъекты: люди или коллективы, группы, рефлектирующие и мыслящие, действующие не столько законосообразно, сколько целесообразно. Необходимая для включения естественнонаучных методов объективация и оестествление этих организованностей, т. е. в теории лишение возможности целеполагания, в сущности равносильна убийству. Наука, конечно, может изучать их *post factum*, но не с большим успехом, чем человеческий организм изучает анатомия. Во-вторых, как уже говорилось, объекты такого рода не могут мыслиться отдельно от знаний о них: вырабатываемые нами знания входят в структуру «объектов» и меняют ее. Нужно добавить, что в отличие от мира техники, здесь такого рода изменения могут происходить неподконтрольным нам образом, в том числе в рамках чужой деятельности.

Но отсюда следует, что естественнонаучный подход в принципе неприменим к такого рода объектам, а это порождает переворот, «по своему значению не уступающий галилеевскому перевороту в естественных науках» [42. С. 311]. Собственно, все последние десятилетия такой переворот и происходит, но происходит он как «ползучий», квазиестественно, без должного осознания и учета изложенных соображений, а в России — под сурдинку упоминавшихся разговоров о возможностях интеграции естественных и гуманитарных наук*.

реально неизмеримо шире и включает, в сущности, любые масштабные преобразования.

* Все это можно объяснить, если учесть, что, например, такой авторитетный мыслитель, как Ф. А. Хайек примерно в этом ключе объяснял разницу между естественными и социальными науками еще полвека назад, но, будучи вынужденным выбирать между спонтанными и чисто искусственными социальными процессами (третьего у него не было), отдавал предпочтение спонтанным [33].

Учитывая радикальные последствия сказанного, необходимо уточнить, что граница области мыследеятельностных систем и области «обычных», эффективно оестествляемых объектов не совпадает с границей между предметными полями социогуманитарных наук, с одной стороны, и естественных и технических — с другой. А именно, к первой области относятся деятельность системы, наделенные способностью к рефлексии и мышлению, а к привычным объектам — не только природные и технические системы (в традиционном смысле «камни» или «железки»), но и все прочие отчужденные от человека и «превращенные» формы — продукты мышления и деятельности. С последними, например, готовыми знаниями или финансами имеет дело, например, инженерия знаний или финансовая инженерия. Так что, с этой точки зрения, точнее говорить о различии не социогуманитарных и естественных (в данном контексте вместе с техническими) наук, а о деятельностно и объектно ориентированных науках [18]. При этом первые могут рассматриваться как различные приложения методологии.

Обратимся к проблеме единства науки и научной картины мира, о которой говорилось в начале статьи. Если относить к компетенции науки новые представления об искусственном и естественном (вместе со всем, что из них вытекает), то единство это, в принципе, можно считать восстановленным. Интеграция естественных и социогуманитарных наук, насколько она возможна, осуществляется в рамках и посредством новых представлений об искусственном и естественном. За это, правда, приходится платить сменой привычного натуралистического подхода деятельностным и соответствующей сменой картины мира [36], да и отнесение названных представлений к науке проблематично. Возникает совсем новая проблема демаркации науки и методологии [21]. Иными словами, приходится заново переосмыслить нашу мировоззренческую ситуацию, и процесс этот только разворачивается.

Намеченное решение (с отнесением к компетенции науки разворачиваемых здесь и теперь представлений об И и Е) оказывается при этом лишь одним из возможных. Альтернативное решение предполагает ограничение науки исследованием естественно полагаемых (Е, Е/И) объектов. (Наука ограничивается при этом средствами естественнонаучного подхода и занимается, если говорить языком системного подхода, только изучением естественных законов жизни материала.) Такое решение кажется традиционным, но приводит к более революционным последствиям. А именно, относя работу с И (И/Е и т. д.) объ-

ектами и всю обсуждаемую здесь и теперь проблематику И и Е к компетенции методологии в отличие от науки мы тем самым изымаем из ведения науки деятельностью ориентированные (т. е. почти все социогуманитарные) дисциплины, которые квалифицируются тогда не как науки, а как различные приложения методологии: к жизни общества, к политике, к искусству и т. д.

Я бы считал разумным оставить проработку и решение этой дилеммы, равно как и возможные иные ходы мысли, связанные с использованием обсуждаемых категорий, соответствующим профессиональным сообществам. Мне лично кажется, что принимать одно из двух указанных решений вовсе не обязательно: сама постановка вопроса задает более широкий взгляд на вещи и оставляет нам больше свободы, чем принятие того или иного «ведомственного» решения. Связано все это и с упоминавшимся прагматическим поворотом, и с так называемой «неклассической эпистемологией», центральную идею которой я вижу в переходе науки от классической ориентации на истину к ориентации на практическое применение и эффективность новых знаний. Такой переход в точности отвечает новой, деятельностной картине мира [36], но требует еще углубленной проработки.

Эволюция, прогресс, модернизация, развитие

В духе всего сказанного И-Е анализ позволяет разграничить и уточнить такие наши понятия, как эволюция и развитие. Предварительно заметим, что как эволюция, так и развитие предполагают определенность (эволюционирующего или развивающегося) объекта, а поскольку любой объект имеет свой жизненный цикл, приходится вводить дополнительно представления о его рождении, жизни и смерти, причем эти слова надо понимать в расширительном, отчасти метафорическом значении.

Различая системы, живущие по собственным «естественным» законам, с одной стороны, и по законам деятельности — с другой, мы вынуждены *volens nolens* говорить о соответствующих и принципиально разных типах эволюции: понятно, что, скажем, геологическая эволюция Земли и эволюция человеческого общества (культурная эволюция) происходят совершенно по-разному*. Я бы говорил соответственно об эволюции-1

* В историософии это было понято достаточно давно и выражено наиболее четко Б. Кроче, который писал о собственно истории (общества, цивилизации) и истории, «принадлежащей к области так называемых естественных

и эволюции-2. Первая выступает как Е/Е, вторая — как Е/И: искусственное рефлексивно-мыслительное начало (попросту отсутствующее в случае эволюции-1) оестествляется в ней, а рациональная, т. е. мыслительно обеспеченная человеческая активность, регулируемая целями и ценностями, переинтерпретируется в терминах причинно-следственной логики. Для систем, живущих по «естественным законам жизни», представления об эволюции-1 достаточно (другой вопрос, какое содержание мы с ним связываем), в то время как для деятельностных систем даже неизмеримо более сложное представление об эволюции-2 дает заведомо одностороннюю картину происходящего.

Действительно, если мы сменим позицию внешнего наблюдателя, фиксирующего события эволюции, на позицию действующего субъекта, актора, нам придется одновременно перейти к телеологической логике, и картина происходящего предстанет перед нами уже не как Е/И эволюция как И/Е... развитие?

В этом вопросе выявляется дефицитность нашей системы понятий: действительно, Е/Е-эволюции (-1), превращениям противостоят И-преобразования (творение/уничтожение, строительство в расширительном, метафорическом понимании и т. п.), но у нас нет соответствующего парного к эволюции-2 (Е/И) общего понятия, несущего на себе артифицирующее начало, — (И/Е). Помещать на это место «развитие» вроде бы нельзя: ведь субъекты действия вовсе не обязательно ориентированы на развитие, они могут работать и на консервацию существующего положения вещей, и на движение в любую другую сторону («вбок») помимо поступательного развития. Для обозначения и описания всех этих многообразных возможностей есть лишь группа локальных и по большей части недостаточно проработанных понятий, объединяемых идеей И/Е подхода, таких как выращивание, культивирование, модернизация (и другие ...ации).

В традиции ММК *развитие* относится к этому ряду, хотя и занимает в нем совершенно особое место. Тем самым накладывается запрет на его оестествление, а равно и расширенную трактовку, при которой оно выступает едва ли не как синоним

наук; ее тоже принято называть историей, — “*историей природы*”, — но она является историей только по названию», «между ними непреодолимый разрыв» [10, с. 77, выделено Кроче]. Собственно, о том же писал в цитированной в начале статьи работе Хайек [33].

изменения вообще (включая, в частности, и эволюцию, причем как Е/Е, так и Е/И). При этом понятие *развития* развертывается и специфицируется, и ему придается особая ценностная нагрузка (об этом далее). В частности, важно различать понятия развития, с одной стороны, модернизации и прогресса — с другой.

При всей запутанности вопроса о модернизации, его нельзя обойти стороной просто в силу практической важности: ведь модернизация написана на флаге государства российского вместе с развитием (или социальным развитием, что дела не меняет). Между тем это совершенно разные вещи, совмещение которых требует как минимум полной ясности в их понимании. Модернизация, или так называемое «догоняющее развитие», предполагает следование готовым образцам, движение за лидером, а развитие мыслится как движение «на основе собственной идентичности» (В. Федотова), движение «по первопутку», соединение поиска пути в отсутствие дороги и движения по нему. Соответственно для модернизации характерно хорошо знакомое нам «внедрение» (чужих) «достижений науки и техники», а развитие предполагает особую инновационную деятельность, имеющую, как уже говорилось, мало общего с «внедрением» [24, 26]. Если модернизация приводит всех участников движения к однотипному результату («современной» организации общества, что бы под этим не подразумевалось), то развитие ведет к разным и притом непредсказуемым в своей конкретике результатам*.

Тактически на каком-то историческом этапе идеологии модернизации и развития совместимы, но стратегически, как следует из сказанного, это совершенно разные способы самоорганизации и движения, и, если Россия хочет быть лидером (одним из лидеров) современного мира, ей придется отказаться от гарантирующей вечное отставание идеи модернизации и перейти к идеологии и политике развития [23].

Что касается прогресса, то в господствующем понимании этой идеи, артикулированном А. Лавджоем и Р. Нисбетом, она представляет собой «оценку как исторического процесса в целом, так и доминирующей тенденции, которая проявляется в нем». При этом речь идет о «естественности и даже неизбеж-

* Здесь и далее, говоря о модернизации, я не имею в виду перспектив, связанных с проблематизацией понятия современности [6], сближающей модернизацию с развитием в обсуждаемом его понимании.

ности» последовательных стадий развития. «Продвижение от низшего к высшему должно считаться таким же реальным и определенным, как и все остальное *в царстве законов природы*» [14. С. 35. Курсив мой. — М. Р.]. Таким образом, в рамках выстраиваемой конструкции понятия прогресса и развития оказываются как бы симметричными, можно считать, что они различаются «знаками»: прогресс (как особая форма эволюции-2) — Е/И, развитие — И/Е, но различие это оказывается, что называется, судьбоносным.

Полное игнорирование И составляющей прогресса в приведенных формулировках есть, на мой взгляд, натуралистический перегиб, но перегиб характерный. Вообще приведенная интерпретация идеи прогресса методологически несостоятельна (см. об этом [37. С. 446; 41]), однако в данном случае это неважно, речь идет не о том, как устроен мир «на самом деле», а о господствующих взглядах на сей счет.

Что же касается нашего мира, то, как указывалось выше, он обустраивается в известной мере вопреки этим взглядам*. Идея прогресса прекрасна, и я вполне солидарен с Нисбетом, считающим, что на протяжении многих веков ценность прогресса во многом определяла ход истории западного (а вслед за ним и всего остального) мира. Но с развитием человеческого интеллекта ценность этой идеи сошла на нет: кого ныне может вдохновить прогресс, идущий «естественно и неизбежно», т. е. независимо от наших усилий? Если он идет таким образом, то и слава богу, а мы тогда займемся более приятными (увлекательными, «прикольными» и т. п.) делами. Даже у самых прекрасных идей есть свой жизненный цикл: понимаемый означенным образом прогресс как руководящая идея человечества попросту отслужил свой срок и давно уже требует замены.

В противоположность прогрессу *развитие* в традиции ММК мыслится как процесс, конституируемый прежде всего искусственным, рефлексивно-мыслительным началом. (Причем именно в работе ММК идея развития впервые приобретает

* Бытие определяет сознание, но само определяется мышлением. В наше время за оговоркой «в известной мере» стоит очень многое, вся, если можно так выразиться, «методология успеха»: техники «раскрутки» идей и персонажей, рекламы, продвижения проектов (promotion), public relation и т. п. Понятно, что все это даже вместе взятое отнюдь не гарантирует успеха, но сама тенденция артификации и технологизации его достижения — знамение времени.

более или менее определенные контуры и содержание.) Хотя может показаться, что такой поворот сюжета выходит за рамки темы И и Е, нужно сказать, что речь при этом идет о развитии мышления и деятельности как первоисточнике любого другого развития, будь то развитие ребенка или экономическое развитие страны. Развитие представляется как процесс обогащения арсенала методов и средств мышледеятельности, влекущее за собой умножение числа степеней свободы причастного к ним субъекта, диверсификацию деятельности и, соответственно, «умножение» ее ресурсов.

При этом развитие мыслится только и исключительно как управляемый локальный процесс. Толкуемое как тотальное, оно превращается в насильственно насаждаемую идеологию. Толкуемое как «естественное» оно теряет право именоваться развитием и обращается в прогресс. И наоборот, доискиваясь до истоков всеобщего «прогресса человечества», мы сталкиваемся с феноменом локального, дискретного (идущего как бы толчками) развития мышления и деятельности. Принципиально важно, что при этом развитие приходится мыслить не как некую данность, очередной «объект», а как ценность и рамку [47, 48].

Во избежание распространенных недоразумений необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что такое понимание развития не имеет ничего общего с проанализированной Хайеком «пагубной самонадеянностью», тщащейся заменить все спонтанные социальные процессы искусственными. Речь идет о деятельностном подходе, но приобретаем ситуативную гибкость и располагающим теперь целым арсеналом разнообразных форм реализации (см. табл. И-Е) и богатым набором способов действия, лишь для некоторых из которых мы имеем устоявшиеся наименования вроде революций и строительства или, наоборот, выращивания и культивирования. Здесь еще море вопросов и нерешенных или даже не поставленных, как следует, проблем, тем более что речь идет о задействовании — наряду с категориями И и Е — целой системы новых понятий и представлений, которым посвящены другие статьи настоящего сборника. Соответственно наше внимание фокусируется не на революционных действиях, а на мышледеятельности и разнообразных формах организации интеллектуальной жизни.

В результате мышледеятельность как бы выворачивается через фокус рефлексии, что, собственно, и создает возможность искусственного подхода к собственной интеллектуальной жизни, прежде всего к своему мышлению. При этом возникает желание еще

уточнить понятие развития. Сказанное о нем выше парадоксально: действительно, до ММК никто не мыслил развитие именно как обогащение арсенала средств мышления и деятельности, тем более как ценность и рамку (понятие рамки мышления вообще было отрефлектировано и эксплицировано совсем недавно [48]*), но развитие все же происходило?! В свете сказанного я бы решился дать отрицательный ответ на этот вопрос: обогащение арсенала происходило квазиестественно (Е/И) и рефлексировалось в форме прогресса. Иначе говоря, механизм развития работал как таковой подспудно, незаметно и независимо от нас, как гегелевский (но не марксистский!) крот истории. Развитие же в обсуждаемом здесь значении мыслится как процесс исторический, оно начинается с того времени, когда мы рефлекслируем процесс обогащения арсенала средств мыследеятельности, выделяем соответствующий механизм и берем в свои руки управление им.

Обобщим сказанное. Первоисточник всех наших ресурсов и перводвигатель человеческой активности испокон веку связывается с нашей неудовлетворенностью существующим порядком вещей и состоянием дел (наиболее отчетливо эту мысль выразил Р. Акофф). То ли эта неудовлетворенность запускает рефлексивно-мыслительные процессы, ведущие к непрерывной артификации нашего мира то ли, напротив, она ими порождается, но, обращаясь к этим процессам в рамках И-Е анализа, мы сталкиваемся со старой оппозицией формально-логического и культурно-исторического подходов к мышлению. С одной стороны, без оестествления мышления вовсе нельзя было бы говорить, например, о законах формальной логики: напомним, что законы жизни объекта как таковые только и имеют право на существование, если и когда мы полагаем объект естественным. Но, с другой стороны, особенно на фоне бесконечных разговоров о кризисе цивилизации естественно озаботиться нашим интеллектуальным развитием: искусственным обогащением арсенала средств и форм организации мышления и деятельности. Именно из такой установки следует разработка содержательно-генетической логики (СГЛ), категорий искусственного и естественного или идеи и схемы мыследеятельности в ММК.

Вопреки бытующим представлениям аналогичным образом дело обстоит и с пониманием. Неявным образом оно обычно трактуется как естественное, «нормальное» состояние челове-

* Я хорошо помню собственное недоумение, возникшее, когда я впервые столкнулся на одной из ОДИ с идеями рамки и рамочного мышления.

ка в коммуникации. Однако при этом понимание смешивается с опознанием, идентификацией с уже известным. (А это все равно, что не различать встречу с новым, дотоле неизвестным человеком и встречу со старым приятелем.) Стремясь их различить и развести, мы получаем основания считать естественным состояние непонимания, осознание которого только и позволяет начать специальную работу понимания. В некотором смысле сказанное можно отнести к понятиям: одно дело считать, что они естественно формируются в истории мысли и существуют независимо от нас, нам же остается — пусть искусственно, — но только «определять» их; совсем другое *строить* их в рамках И/Е подхода сообразно текущей культурно-исторической ситуации, как это всегда делалось в практике ММК. Приведу четкую формулировку далекого от ММК Н. Копосова, согласно которому понятия только, с одной стороны, обобщают наличный опыт, а с другой — «предполагают некоторую нормативность, своего рода проект будущего», причем в новейшее время роль этой нормативной составляющей заметно выросла [9. С. 17–18].

Не имея возможности обсуждать здесь эти темы сколько-нибудь подробно, сошлусь для разнообразия на Ортегу-и-Гассета, давшего классическую формулу культурно-исторического подхода к мышлению: «Мышление создавалось постепенно, мало-помалу, формировалось благодаря воспитанию, культуре, упорным упражнениям, дисциплине, одним словом, ценой невероятных усилий, проделанных на протяжении тысячелетий. Больше того, ни в коем случае нельзя считать эту созидательную работу законченной» [16. С. 490]. С этой точки зрения, мышление, да и вся система интеллектуальных функций, включая, как минимум еще рефлекссию и понимание, находятся в стадии становления и развития. В качестве вклада в это развитие следует рассматривать не только указанные примеры (разработки категорий И и Е, СГЛ, схемы МД), но и методологию Г. П. Щедровицкого в целом.

Как заметил А. Эйнштейн, «без изменения способа мышления мы не в состоянии решить проблемы, созданные современным образом мышления». Изменения эти происходят не только на наших глазах, но и с нами самими. Естественно, что рефлектируются и понимаются они с трудом и очень по-разному. Надо надеяться, что мы преодолеем нынешнюю постмодернистскую сумятицу, которая наводит на грустные мысли если не о конце истории, то о конце прогресса [14. С. 475 и далее]. Однако конец прогресса в его охарактеризованном выше понимании вовсе не означает конца поступательного движения челове-

ской мысли и человеческого рода. Просто на смену истории, понимавшейся как история прогресса, идущего как бы поверх нашей деятельности по плану Творца или «в царстве законов природы» (и обладающей собственными «железными законами»), приходит история, за движение которой все мы вместе и каждый в отдельности будем нести свою долю ответственности. Так реализуется тезис Георгия Петровича о том, что методология «есть мыслительный или знаниевый слой будущего самоуправления человечества» [45. С. 123].

Для полноты картины можно напомнить, что развитие — дело рискованное, а потому, принимая его в качестве основной рамки и ценности, приходится думать также о другой рамке — обеспечении безопасности.

В заключение благодарю В. Л. Данилову и Б. Г. Слепцова, чьи замечания по статье сильно помогли мне в работе.

Литература

1. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003.
2. Генисаретский О. И. Опыт методологического конструирования общественных систем // Моделирование социальных процессов. М., 1970.
3. Генисаретский О. И. «Искусственные» и «естественные» системы. Вopr. методологии. 1995. № 1–2.
4. Друкер П. Рынок: как выйти в лидеры. М., 1992.
5. Друкер П. Практика менеджмента. М.; СПб.; Киев, 2000.
6. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998.
7. Кедров Б. М. Естественное и искусственное в познании и в деятельности человека // ВФ. 1958. № 11.
8. Комментарий ЧиП: человек и недра. Интервью Г. П. Щедровицкого И. Шевелеву. «Человек и природа», ежемесячник общества «Знание». 1989. № 2.
9. Копосов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006.
10. Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.
11. Кудрин Б. И. Технетика: Новая парадигма философии техники (третья научная картина мира). Препринт. Томск, 1998.
12. Лефевр В. А., Щедровицкий Г. П., Юдин Э. Г. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Щедровицкий Г. П. Избр. труды. М., 1995.

13. Меерович М. СССР как мегапроект. <http://www.polit.ru/analytics/2009/06/03/sssr.html>
14. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М., 2007.
15. Новая философская энциклопедия. М., 2001.
16. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
17. Оукшотт М. Рационализм в политике. М., 2002.
18. Поливанова С. Б., Щедровицкий Г. П. Методологическая организация мышления и деятельности как условие и средство комплексной организации НИР // Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы. Ч. 2. Свердловск, 1978.
19. Поппер К. Ниццета историцизма. М., 1993.
20. Рац М. В. «Искусственное» и «естественное» в работе инженера // Проблемы организации и развития инженерной деятельности. Вып. 1. Обнинск, 1990. С. 88—114.
21. Рац М. В. Методология — младшая сестра науки или ее мать? НГ-Наука. 2004.11.2.
22. Рац М. В. Управление и власть: «искусственное» и «естественное». Кентавр, 2006. № 38.
23. Рац М. В. Политика развития: новый взгляд. «Кентавр», сетевой журнал: <http://www.circleplus.ru/content/summa/15>
24. Рац М. В. Инновационная политика и наука // Независимая газета. 2008.11.6.
25. Рац М. В., Копылов Г. Г., Слепцов Б. Г. Концепция обеспечения безопасности. М., 1995.
26. Рац М. В. и Ойзерман М. Т. Размышления об инновациях // Вопр. методологии. 1991. № 1.
27. Рац М. В., Ойзерман М. Т., Слепцов Б. Г. Ресурсы и ресурсная политика // Вопр. методологии. 1996. № 1—2. 1997. № 1—2.
28. Рац М. В., Хромченко М. С. О методологии Г. П. Щедровицкого и «прогрессорстве» А. и Б. Стругацких. НЛО. 2008. № 90.
29. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994.
30. Саймон Г. Науки об искусственном. М., 1972.
31. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М., 2005.
32. Теоретические и методологические исследования в дизайне. Избранные материалы. Ч. 1. М., 1990.
33. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
34. Хайек Ф. А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М., 2003.
35. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М., 2006.

36. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.

37. Щедровицкий Г. П. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.

38. Щедровицкий Г. П. Программирование научных исследований и разработок. М., 1999.

39. Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. М., 2000.

40. Щедровицкий Г. П. Методология и философия оргуправленческой деятельности. М., 2003.

41. Щедровицкий Г. П. Проблема исторического развития мышления // Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005.

42. Щедровицкий Г. П. Связь естественного и искусственного как основной принцип исследования интеллектуальной деятельности // Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005.

43. Щедровицкий Г. П. Методологические замечания к проблеме существования термина // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 1. М., 2005.

44. Щедровицкий Г. П. «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 1. М., 2005.

45. Щедровицкий Г. П. Методологическая организация и деятельностный подход в языковедении // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 3. М., 2007.

46. Щедровицкий П. Г. Деятельностно-природная система. Человек и природа. Ежемесячник общества «Знание». 1987. № 12.

47. Щедровицкий П. Г. Лекции о развитии. <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/18/1.doc>

48. Щедровицкий П. Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы и последствия использования рамочных техник. <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/xiii/texts/3>

49. Этюды по социальной инженерии / Ред. В. М. Розин. М., 2002.

50. Юдин Б. Г. Точка зрения искусственного // Познающее мышление и социальное действие. М., 2004. С. 307–336.

V. Опыт игры

Л. М. Карнозова

Организационно-деятельностная игра

Если человек от природы правоверен («благочестивый» на новоязе), он при всех обстоятельствах, не задумываясь, знает, какое убеждение правильно и какое чувство желательно. Но в любом случае тщательная умственная тренировка в детстве, основанная на новоязовских словах «самостоп», «белочерный» и «двоемыслие», отбивает у него охоту глубоко задумываться над какими бы то ни было вопросами... Первая и простейшая ступень дисциплины, которую могут усвоить даже дети, называется на новоязе *самостоп*. Самостоп означает как бы инстинктивное умение остановиться на пороге опасной мысли. Сюда входит способность не видеть аналогий, не замечать логических ошибок, неверно истолковывать даже простейший довод, если он враждебен ангосоу, испытывать скуку и отвращение от хода мыслей, который может привести к ереси. Короче говоря, самостоп означает спасительную глупость.

Дж. Оруэлл. 1984

Факты свидетельствуют о том, что мы должны либо измениться, либо исчезнуть. Чтобы, не теряя времени, начать

свое совершенствование и приступить к решению трех приоритетных проблем, нужно полностью перестроить свой образ мыслей.... Однако мышление людей еще не подготовлено к такой всесторонней революции.

*Кинг А., Шнайдер Б.
Первая глобальная революция.
Доклад Римского клуба*

Организационно-деятельностная игра (ОДИ) — это специфическая форма организации коллективной работы (деятельности и мышления, но не только — а еще и коммуникации, понимания, рефлексии) в проблемных ситуациях. ОДИ не имеет аналогов, это уникальная форма, которая появилась как практика системомыследеятельностной методологии, ставившей своей задачей разработку новых форм организации и средств развития коллективной мыследеятельности [36—39, 44].

Сегодня кажется, что ОДИ не могла не появиться. Те задачи, которые ставила методология, разрабатываемая в Московском методологическом кружке (ММК), должны были раньше или позже привести к появлению собственной практики, выходящей за пределы эзотерического, замкнутого на себя существования методологии. И теперь, думаю, невозможно понять смысл и содержание методологии ММК без и вне игрового периода. Некоторые методологи, не принимавшие участия в играх Г. П. Щедровицкого 1980-х гг. (но многие почти неизбежно вынужденные участвовать в последующих игровых «мероприятиях» более позднего периода, поскольку методологии ММК от игровых форм уже — пока, во всяком случае, — никуда не деться), когда-то с пренебрежением говорили: «Прежде методологи изучали мышление Канта, а теперь марьи ивановны» (или нечто подобное). Но такое отношение демонстрирует даже не снобизм, а, скорее, отсутствие этого опыта; его нелегко понять со стороны. Но точно так же, видимо, как и вообще методологию ММК, поскольку «методология — это не просто учение о средствах и методах нашего мышления и деятельности, а совершенно особая форма организации (и в этом смысле “рамка”) всей деятельности, мышления и жизнедеятельности людей», а следовательно, «методологию нельзя передавать как знание или набор инструментов от одного человека к другому, а можно лишь *выращивать*, включая людей в новую для них

сферу методологической деятельности и мышления, обеспечивая им там *полную и целостную жизнедеятельность*» [39. С. 251]. Осознание этого обстоятельства и привело к постановке на повестку дня вопроса о поиске соответствующих форм практической организации коллективной деятельности и мышления, коллективной формы жизни, куда могли бы вовлекаться не только методологи, но и широкие слои разного рода профессионалов.

Безусловно, я пристрастна в своем отношении к ОДИ, поскольку вошла в ММК в игровой период. И, осознавая это ограничение своей позиции, постараюсь тем не менее показать, что ОДИ стала кульминацией в развитии методологии ММК — в этой игровой практике удалось сочетать несочетаемое, реализовать то, что, казалось, существует только в действительности «чистого мышления», проблематизировать и расширить корпус методологических представлений Кружка. «Долгий период с 1952 г. по 1976 г. можно считать первым, инкубационным, периодом предыстории и становления ОДИ», — утверждал Георгий Петрович Щедровицкий [39. С. 252]. Другими словами, всю предшествующую историю Кружка он рассматривал как своего рода подготовку к игровому этапу. ОДИ, замечает Г. П., могла появиться только на четвертом этапе развития ММК*, «когда произошло объединение системомыслительных и системодействительностных представлений и методов и сформировалось принципиально новое представление о мыследеятельности» [39. С. 250]**. Конечно, методологический подход вынуждает

* В черновом варианте статьи об ОДИ 1989 г. (в основу которой положены опубликованные статьи 1983 г. [36, 44], Г. П. Щедровицкий выделяет следующие этапы: 1) 1952–1963 гг. — содержательно-генетическая эпистемология (логика) и теория мышления; 2) 1963–1972 гг. — деятельностный подход и общая теория деятельности; 3) 1972–1979 гг. — мыслекоммуникативный подход и перенос акцента на вопрос о формах взаимодействия и связи мышления и деятельности; 4) с 1979 г. — этап организационно-деятельностных игр и разработки основных схем мыследеятельности [39. С. 249–250].

** Порой в представлении о мыследеятельности усматривают лишь простое «соединение» содержаний, которые были наработаны в предшествующие этапы работы ММК («деятельность плюс мышление, итог — мыследеятельность» [8. С. 390]) и упрекают Г. П. Щедровицкого за довольно тяжеловесный неологизм. Но существо этого понятия и схемы отнюдь не в графическом или чисто мыслительном «соединении на доске» разных интеллектуальных процессов, а в заложенной потенции схватывать мыслительно и организовывать практически сложную полипозиционную ситуацию межпрофессиональных и межпредмет-

нас признать, что «выворачивание» истории ММК через ОДИ есть лишь одна из версий задания траектории развития Кружка. Но именно эта версия используется в качестве рамки для настоящей статьи.

Есть трудность в том, чтобы описать ОДИ, поскольку всякое ее описание окажется заведомо неполным*. Моя задача в какой-то мере облегчается тем, что сегодня уже накоплен определенный массив публикаций, где даны как теоретико-методологические представления об ОДИ, так и описания конкретных игр [2, 7, 9–12, 17, 20, 25–26, 36–39, 44–46 и др.], так что интересующиеся смогут дополнительно обратиться к этим источникам. Поэтому я сосредоточусь на некоторых важнейших характеристиках ОДИ, имея в виду две цели: во-первых, показать место ОДИ в развитии идей ММК, во-вторых, — значение ОДИ как таковой как культурной формы и метода работы в проблемных ситуациях, смысл которого, на мой взгляд, остается для гуманитарного сообщества не вполне понятным.

Указанные целевые ориентиры оставляют, однако, достаточно широкий простор для изложения, поэтому укажу на некоторые обстоятельства, повлиявшие на уточнение направленности этой статьи. Свою задачу я вижу в том, чтобы через рассказ об ОДИ попытаться ответить на некоторые часто встречающиеся недоразумения и искажения в восприятии и оценке не только ее самой, но и более широко — методологии ММК.

В этом поле непонимания в первую очередь я буду относиться к двум пунктам, тесно между собой связанным: отождествлению методологии ММК с проектным подходом и к «теме Человека».

К примеру, упрекая методологию в чрезмерном *упрощении* своих объектов, в результате чего множество «более сложных объектов начинает исчезать или просто отбрасываться», в том числе в упрощении представлений о Человеке, В. Подорога утверждает, что «методолог не испытывает никакого сопротивления со стороны объекта, который, собственно, им-то и порождается, или, точнее, потенцируется как воз-

ных взаимодействий, воплощаемых в коммуникативном переплетении множества пониманий, рефлексий, действий, мыслительных сущностей [37].

* Г. П. Щедровицкий и сам испытывал подобные затруднения (см. его заметки [39. С. 267–272]), но уже в 1983 г. появились первые статьи на эту тему [36, 44].

можный конструируемый объект. Пребывание в безвоздушном, совершенно идеализированном пространстве мысли, где ей мыслить нечего, кроме себя самой. Итак, по мере развития методологических идей о Человеке, тема человеческого переходит в автоматический режим инструктажа: как и что надо делать, с помощью каких инструментов, как долго, где...» [19. С. 449, 453]. Методология трактуется как «универсальное проектирование Реальности» [там же, с. 454]; «есть только одна-единственная Реальность, *деятельностная*, и нет никакой другой. Вот эта единственная реальность и позволяет последовательно вводить многие предпосылки, позволяющие ее каждый раз заново конструировать. Потому что она единственная, всякое ее преобразование становится проектно возможным» [там же, с. 456]. Или: «Все более усложняющаяся в современном обществе цепь социальных и технологических опосредований между действием и его результатом делает сложным рациональное планирование действий не только на коллективном, но даже и на индивидуальном уровне — вопреки мечте Георгия Петровича о тотальном проектировании и планировании» [14. С. 201].

Вообще говоря, подобные трактовки имеют под собой основания. И если бы не тот «переворот», который произошел с рождением ОДИ [18. С. 38–39], возможно методологическая установка на преодоление проектного подхода (которая, по крайней мере, в 1970-е гг. уже была уже достаточно отчетливой [32]), так и осталась бы нереализованной.

1. Задачи и притязания СМД-методологии

Лидер Московского методологического кружка не оставил какого-то единого обобщающего труда по СМД-методологии, сегодняшние читатели извлекают представление о ней из отдельных работ и публикации стенограмм устных выступлений. Огромную работу по систематизации архива ММК и изданию трудов Г. П. Щедровицкого и их комментированию трудно переоценить. Тем не менее восприятие идей ММК теми, кто не участвовал в его работе, представляет немалую трудность; формируемое впечатление о методологии базируется подчас на ситуативных дискуссионных тезисах. Отношение к целому строится на основе фрагментов. Г. П. Щедровицкий был блестящим полемистом, это не только стиль ком-

муникации, но и мышления. Однако резкость речевых форм и содержательные суждения необходимо рассматривать не изолированно, а в общем контексте не только истории Кружка (смене программ), но и прежде всего СМД-методологии как таковой, притом что в ее собственных представлениях можно обнаружить противоречия и нестыковки. Но СМД-методологию и нельзя, на мой взгляд, понимать как завершенную непротиворечивую теорию (или корпус из нескольких теорий и схем). Это живая методология, содержащая внутри себя способность к креативности, самопроблематизации и развитию. ОДИ и с этой точки зрения является воплощением этой самой способности. При этом остается главный признак «самоидентичности» методологии ММК, который заключается в ее антинатуралистической позиции, в деятельностном *подходе*, которому в определенный момент стало тесно в рамках конкретных теоретических представлений о деятельности, сложившихся в 1960-е гг. [6, 23, 40].

1.1. ОДИ как площадка реализации и экспериментирования

В опубликованной при жизни Г. П. Щедровицкого, можно сказать, программной, статье 1981 г. [33] дается краткая и емкая характеристика методологической работы (в противопоставлении научной и философской). Приведем ее основные пункты [33. С. 95–100].

1. Методология противопоставляется науке и фиксируется ее установка на искусственно-техническое развитие предметно-профессиональных областей, «суть методологической работы не столько в познании, сколько в создании методик и проектов», основная функция методологии в том, чтобы обеспечить «универсум человеческой деятельности проектами и предписаниями». Отсюда, основные продукты методологической работы проверяются не на истинность, а на реализуемость.

2. Однако прожективная установка не означает отказа методологии от исследований. Но исследование подчинено практическим задачам, оно направляется специфическими целями проектирования и нормирования.

3. Из этого следует, что методология не отвергает научный подход, но расширяет его, обращая на такие области, где прежде он был невозможен. Методология разделяет разные типы знания (и мышления), но и связывает их в сложные знаниевые суперструктуры. Одновременно методология осознает самое

себя, собственные структуры и формы. Объемлющим для методологической работы является пространство методологической авторефлексии.

4. Методология сочленяет знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах деятельности и мышления. Для демонстрации этого положения вводится образ матрешки: «Внутри исходного для методологии объекта — деятельности и мышления — вставлен другой объект — объект этой деятельности или этого мышления» [там же, с. 97]. То есть методология всегда имеет дело с двойственным объектом — не с деятельностью как таковой (в таком случае деятельность выступала бы в качестве объекта естественнонаучного исследования) и не с ее объектом, «а с их матрешечной связкой». Эта форма запечатлевает специфику методологического знания.

5. Методологический подход учитывает множественность позиций деятелей в отношении к объекту. Факт множественности позиционных представлений об одном и том же объекте рассматривается как объективный момент мыследеятельностной ситуации. Здесь фиксируется (в оппозиции к принципу истины) важнейший принцип методологического мышления — *принцип множественности представлений и знаний, относимых к одному объекту*. Разные представления об объекте суть его предметные проекции. Методология начинает свою работу с этих проекций; создаваемые на этой основе онтологические представления имеют тем самым не «окончательный», а исторически преходящий характер.

6. Реконструкция объекта осуществляется не по «логике объекта» самого по себе, а по «логике деятельности», ибо «разные представления нужно собирать в целое и организовывать только тогда, когда деятельности, с которыми они связаны, входят в кооперацию друг с другом, когда они начинают с разных сторон обрабатывать объект, ставший для всех них единым» [там же, с. 99]. Отсюда онтологическое представление распадается, с одной стороны, на *организационно-деятельностное*, где представлена структура кооперированной деятельности, и с другой — *объектное*, изображающее объектную онтологию.

Если мы возьмем другие работы, то сможем кое-что уточнить в этом перечне, кое-что добавить, но в общих чертах этот список достаточен, чтобы увидеть, во-первых, устремления методологии ММК, а во-вторых, их сложность и некоторую противоречивость, образующую проблемный контекст

существования самой методологии, обращающий, поэтому, ее на собственное развитие. Мы имеем в виду разнонаправленность прожективной и исследовательской установок (добавим, как предельных рамок, задающих смысл и направленность методологической работе вообще, а также рамки самоопределения в конкретных рабочих ситуациях*); принцип множественности знаний об одном и том же объекте противопоставленный принципу истины; двойственную форму методологического знания и пр. Сложность формулируемых задач вела к поиску новых организационных форм и, соответственно, представлений о мышлении и деятельности, о роли других интеллектуальных и жизнедеятельностных процессов относительно процессов развития. Здесь нужно обратить внимание, что содержание методологических представлений формировалось не только на изучении текстов «чужого мышления», но и на рефлексии собственной работы — в этом смысле методологические семинары были не просто местом обсуждения некой работы, выполняемой «вовне», они стали *собственной практикой* Кружка, организуемой, нормируемой и подвергаемой рефлексии, «методологическая проблематика постоянно формировалась как рефлексивное отражение практики идущих в это время методологических семинаров», которые Г. П. Щедровицкий обозначает как интеллектуально-методологические игры (ИМИ) [39. С. 250; см. также 36, 44].

Сложность задач вела и к уточнению самоопределения методологии и ее отношения к другим сферам мыследеятельности. В частности, действительно ли она осуществляет «предписания» и нормировку? Да и в этом ли роль методологии? Методология ММК — это живая методология, само существование которой возможно в процессах развития. Так что организационно-деятельностная игра оказалось не просто формой, в которой методология наконец-то смогла практически реализовать прожективную установку на развитие других сфер деятельности — она стала местом встречи с Реально-

* С этой точки зрения большой интерес представляет материал подготовки к ОДИ-1 [17]. И кстати, одна из базовых для ОДИ схем — полифокусной оргтехнической организации игры — стала отражением разнонаправленности и конкуренции проектов будущей игры, представленных из различных позиций (организатора игры, исследователя и методолога), на этапе подготовки этой первой игры.

стью*, плацдармом подлинной коммуникации с Другими и *самопроблематизации*.

Хочу обратить внимание, что в основу указанной статьи [33], положены тексты докладов, прочитанных Г. П. Щедровицким в 1970, 1974 и 1976 гг. Это важно прежде всего потому, что здесь позиция и форма взаимодействия методологии с другими сферами мыслится в *проектном и нормативном* подходах, в то время как ограничения этих подходов и представления о программировании (в современном смысле) стали оформляться несколько позже [32, 16], и к моменту подготовки первой игры (1979) именно *программный подход* рассматривался Г. П. Щедровицким как предпочтительный способ взаимодействия методологии с другими сферами деятельности [17]. В программном подходе развитие стало категоризоваться как сложный полипозиционный искусственно-естественный процесс — не сводимый к искусственным воздействиям. Фактически игровой период вывел программирование из модуса теоретических разработок в план достаточно мощной *формы овладения процессами развития в коллективной мыследеятельности*; в Игре методология стала искать пути преодоления «границ проектирования»**.

В общем виде приведенные из статьи [33] пункты имеют к ОДИ самое прямое отношение. Игра стала практическим плацдармом для опробования, проблематизации и развития этих положений. Их можно рассматривать в каком-то смысле (если осторожно проводить аналогию с научным исследованием) как первичные гипотезы, которые закладывались и нещадно проблематизировались в ОДИ.

Из заметок Георгия Петровича 1982 г.:

* Ср.: «Необходимо, говорю я, различать действительность наших нынешних обсуждений и ту реальность, которую мы обсуждаем. Это очень трудный принцип. Мы осваиваем его уже более 25 лет и до сих пор испытываем затруднения. По сути дела, это — основной принцип содержательно-генетического подхода, дальнейшее развитие фрегевского принципа различения смысла и объекта, антитеза гегелевскому принципу тождества бытия и мышления, развитие идеи различия двух миров: реального и идеального... Обычная ошибка, которую здесь делают, состоит в том, что объект и действительность вторичного обсуждения и вторичной мыследеятельности отождествляют с обсуждаемой реальностью» [17. С. 662—663].

** См. об этом также [23]. Об ограниченности и опасностях тотального проектирования см. [24].

«...СМД-методология при своих претензиях на соорганизацию и развитие всех других систем и типов МД не имела пока в своих рамках и внутри своей сферной организации *поля для экспериментального исследования систем и типов МД, а также поля для проверки своих претензий и реальных возможностей* на соорганизацию и развитие систем и типов МД... ОДИ, вроде бы, дает СМД-методологии и то, и другое» [39. С. 215].

1.2. Почему Игра?

Методология, таким образом, должна исследовать «свою потенцию развивать другие системы и типы МД», однако для «*настоящих систем МД*» это практически невозможно [39. С. 215, 217]. Нужна, следовательно, *специальная площадка и специальные формы организации*.

Почему ОДИ называется *игрой*? Поначалу основание было негативное: это не привычная «производственная» работа, но и не научный семинар или конференция. Последние предполагают констатацию наличных взглядов и знаний участников, игра же нужна для того, чтобы они трансформировались. Привлечение игровой формы для методологической работы — это, с одной стороны, креативный бросок в неизведанное*. С другой стороны, для этого в опыте работы Кружка были определенные предпосылки. В теоретическом плане здесь важнейшую роль сыграли исследования детской игры в 1960-е гг. [34, 35], в практико-коммуникативном — опыт специфичес-

* Однако дальше обсуждению игровой природы ОДИ и в связи с этим проработке понятия Игры уделялось много внимания: проводились совещания, а также ОДИ, специально посвященные этой проблематике. Нельзя сказать, что здесь получены завершенные представления. Мне близка точка зрения С. В. Попова, продемонстрированная им в чрезвычайно глубоком исследовании игровой природы ОДИ, что Игра в гораздо большей степени выражает *природу* ОДИ, чем другие ее категоризации, например, «форма и метод организации коллективной мыследеятельности» [20. С. 423]. Хотя последняя определяет *содержательную сторону и функции* ОДИ как специфической игры. См. также очень интересную работу П. Щедровицкого [45]. Читая в конце 1990-х гг. студентам лекции по игротехнике, мне тоже пришлось рассматривать ОДИ с точки зрения ее собственно игровых характеристик. Но с учетом поставленных для данной статьи целей эта тема не будет находиться в центре моего внимания, хотя все, что будет говориться об ОДИ, вообще говоря, свидетельствует именно об игровом характере этой практики.

ких форм коммуникации самих методологических семинаров (интеллектуально-методологических игр — ИМИ).

Кроме того, рассматривая период 1976 по 1979 г. как второй период предыстории ОДИ, Г. П. Щедровицкий ссылается на совместную работу с Д. А. Аросьевым и В. И. Астаховым по проведению учебно-деловых игр с коллективами спортивных тренеров, работавшими в центрах олимпийской подготовки. Один из важнейших результатов того периода состоял в том, что была *подвергнута сомнению возможность нормирования* деятельности этих специалистов. Никто здесь не может выступить в функции владеющего нормой учителя: подготовка каждого спортсмена высокого класса выступает как единичная ситуация, уникальная проблема. Это положение вышло далеко за пределы той практической ситуации, в которой было «усмотрено», и привело к выводу, что работа с уникальными объектами (проблемными ситуациями) требовала иного арсенала средств, нежели могла предложить сложившаяся к тому времени деятельностная парадигма. Последствием сомнения во всеисилии нормативности, или, если воспользоваться метафорой З. Баумана [3], «законодательного разума», стала установка на поиск принципиально новых идей и форм организации. *Обучению*, которое зиждется на идее нормативности, было противопоставлено *развитие*; с точки зрения практико-организационной образец учебной игры оказался для этих целей непригоден [39. С. 252—253].

Для работы в проблемной ситуации нужно было организовывать сложную многопозиционную (а потому неизбежно конфликтную) коммуникацию, где могли быть представлены разные аспекты обсуждаемого вопроса; иметь средства для того, чтобы за позициями в коммуникации выявить деятельностные и мыслительно-парадигмальные основания, переводить их в новые проблемные фиксации, а дальше — в пакеты программ, задач и заданий. Здесь мышление не «накрывает» материал своими априорными формами, не строит «универсальные проекты Реальности», а проблематизирует собственные идеализации и порождает новые — за счет включенности в коммуникацию и использования механизмов понимания и рефлексии. (Но все это стало понятно позже.)

В общем, нужно было найти какую-то новую форму работы с профессионалами — с деятельностями, с разными типами и видами мышления, с оргформами, с проблемами, с людьми и с самими методологическими представлениями. Представление об Игре таило в себе новые возможности. Оргдеятельностная

игра рождалась на фоне расширяющегося движения Деловых игр. Анализ деловых и учебных игр привел к фиксации их ограничений, но не отверг саму идею привлечения Игры. Она открывала новые пути для поиска, позволяя играть с деятельностью и мышлением и экспериментировать с формами их организации.

«Игра», в каком-то смысле «ни к чему не обязывая», дает возможность свободно оперировать со всеми этими (и еще неизвестными) единицами и процессами, с разнородным материалом, опробовать разные средства, всерьез и «понарошку», — «игрушки». За счет ОДИ люди вырываются из привычных производственных систем и попадают в искусственные (игровые) условия. Так не бывает в жизни. Игра — это совсем другое пространство. Людям даются задания такой степени сложности, за которые в своей обычной производственной жизни они просто не взялись бы. Находясь на «рабочем месте», кто из нас взялся бы за разработку концепции национальной школы, или форм организации научно-исследовательских и проектных разработок в отраслевом научно-проектном институте, или программу развития города? Но это же игра. Игра предлагает измерение «понарошку», а потому, несмотря на жесткость критики и оппозиций, обеспечивает социальную безопасность участников, поскольку это «всего лишь игра»*. И в силу того же обстоятельства позволяет взрослым людям «понарошку» взяться за сложные, в обыденной жизни непосильные, задачи. «Игра позволяет нам у взрослых людей сохранить осмысленность неосмысленных действий» [39. С. 120] (см. также [42. С. 21]). Игровая безответственность открывает нам возможности для свободного поиска [39. С. 301].

1.3. Человек и Деятельность

Еще один важный аспект общей социокультурной ситуации. Во второй половине XX в. интенсифицировалось развитие управленческих концепций и технологий. В центре внимания оказались не только проблематика системного и меж-

* Правда, нельзя говорить, по-видимому, о «психологической безопасности», поскольку накал страстей в игре достигает таких высоких градусов, которые трудно выдержать в обыденной жизни. Подлинность человеческих переживаний в игре является не только залогом ее эффективности (для целей «развития деятельности»), но и экзистенциальной самоценностью. Но такой эмоциональный накал, азарт — это вообще характеристика игры.

дисциплинарного подходов, не только эпистемологические и организационно-технические аспекты. В центре внимания оказался «человек в новой социокультурной ситуации». В рамках этой ориентации стало складываться движение «Развитие организаций» (*Organization Development*), основной тезис которого — «развитие-организаций-через-развитие-людей». Разного рода организационные формы работы с группами и коллективами, ориентированные на командообразование, на рост удовлетворенности, мотивации, улучшение взаимоотношений, рост творческих способностей и развитие человеческого потенциала получили в мире широкое распространение. Здесь нет какой-то единой парадигмы, скорее разные практические подходы можно расположить в континууме от «гуманизма потребностей» до «гуманизма ответственности» [13]. «Гуманизма ответственности» как способности человека мыслить и схватывать целое, в котором он действует как частичный актор; как умения осознавать средства собственной деятельности, границы возможностей собственных мыслительных парадигм и понимать основания мышления и деятельности других; способности строить кооперацию с другими и минимизировать негативные последствия своей активности — этот ряд можно было бы продолжить. Именно в этой области разворачивает методология свою практику работы с Человеком.

«Там, где надо принимать волевые и субъективные решения, брать на себя риск, современный человек стремится опереться — и в этом смысле наука выполняет все основные функции религии — на научные прогнозы, предписания и тем самым снять с себя ответственность, предпочитает ничего не решать, ничего на себя не брать, а говорить: так сказала наука.

Так вот, деятельностный подход складывался и формировался при четком понимании того, что не может снимать с себя человек ответственность и что это сторона, субъективный подход и волевое решение, необходима в каждом деле и есть, наверное, самое главное, что требуется от всякого человека» [42. С. 16.]

«Гуманистическая критика» методологических представлений о человеке вызывает удивление. Такое ощущение, что подобной критике не доступен способ рассуждения, который критик пытается подвергнуть анализу; реакция на отдельно взятые слова настолько сильна, что не позволяет схватить содержание исследуемой мысли. «Человек» как всего лишь «материал, на котором паразитируют мышление и деятель-

ность» — ну, действительно, как-то задевает наши чувствительные струны.

Попробую сформулировать иначе то, на что я пыталась обратить внимание с самого начала: чтобы понять методологию ММК, нельзя исходить только из текстов. Вторым обязательным ее элементом является тип практикования. ОДИ как последняя при жизни Г. П. Щедровицкого форма практикования методологии существенно раздвинула границы методологических представлений, но, видимо, это не получило должного культурного закрепления*. Однако те ценности в понимании человека, которые реализовались в играх, находили достаточно ясное выражение в теоретических представлениях доигрового периода. Возьмем один, довольно характерный пример (из доклада Г. П. Щедровицкого 1966 г.):

«Что такое человек? Это — иной вопрос, нежели вопрос о происхождении человека, где, отвечая, выводят человеческий род из обезьяньего. На этот вопрос мы должны сначала ответить странным и парадоксальным образом: человек есть ячейка внутри развивающейся системы деятельности. Это именно “место”, к которому привязаны определенные функции нашего целого и некоторые виды деятельности. Когда ячейки заданы, то мы начинаем “изготавливать” родившихся людей в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются этими ячейками.

В этом смысле маленький ребенок еще не является человеком. Чтобы стать человеком, он должен быть “изготовлен” соответствующим образом. Если определенного человека не удалось изготовить, то становится непонятным, человек ли он. Кстати, эта тема усиленно обсуждается в художественной и фантастической литературе. Пьеса Ионеско “Носорог”, или, скажем, работы Белля — по сути дела, художественная иллюстрация и форма осознания этой проблемы.

Сейчас я сознательно утрирую и огрубляю саму проблему. Дело, оказывается, в том, что функционирование таких систем с жестко зафиксированными ячейками возможно, только потому что, наряду с основной системой, существует система “инкубатора”, где изготавливаются люди, затем система “клуба”, где они могут вылезать из своих ячеек и осуществлять свободную деятельность как личности.

* Конечно, от всех нас зависит, чтобы методологические практики были адекватно (и диверсифицированно) отрефлексированы и описаны.

Кстати, в социальной системе как системе ячеек люди не выступают как личности, но лишь как индивиды, или “винтики”, как было принято говорить 30 лет назад. Людям нужно давать свободу клубной жизни, иначе они не будут работать в своих ячейках. Некоторые индивиды настолько выходят из этой системы ячеек, что начинают наблюдать ее как бы со стороны. А затем, возвращаясь обратно, они меняют саму систему на основании знаний о ней. Короче, здесь возникает огромный комплекс вопросов о свободе личности, о свободе изменения системы, о видах деятельности и т. д. Но важно, что система с жесткими ячейками является необходимым первым подходом в рассмотрении социальной системы. Эта абстракция похожа на галилеевскую — когда он утверждает, что все тела падают с одинаковым ускорением. Эмпирически это не так, поскольку все тела в среде падают по-разному, но абстрактно мы вынуждены принять эту максиму» [43. С. 256–257].

Итак, теоретическая идеализация: социум организован структурами функциональных мест, человек оказывается материалом, который «оформляется» местом в социальной структуре. Если же человек выходит из «ячейки», он уже не может положиться на инструкции и нормы, которыми определяется место, и только здесь начинается личность — самоопределение и ответственность.

Человек Г. П. Щедровицкий старался жить не по законам «ячеек» (хотя никто не свободен от социокультурного контекста, но это уже другая тема), он постоянно из них выламывался, занимая активную позицию; это его способ жизни [15, 41]. И своих учеников, и соратников он «приглашал» в пространство такого «клуба», где можно быть личностью. И участников ОДИ. Чтобы стать «сильнее организаций» за счет мышления, понимания, рефлексии, способности к действию, воли. «В стране не должно быть лопоухих людей, глупых; люди должны быть умными, и тогда они справятся и с тоталитарной организацией тоже» [42. С. 19]. Наверное, это наивно. Но в практике ОДИ реализовались именно эти идеи Человека. В играх создавались условия, чтобы люди могли выйти из «ячеек», встать *над* ними. Опыт ОДИ актуализировал такие ресурсы, которые позволяли людям обрести формы осмысленного существования и в игровой ситуации. Экзистенциальный смысл ОДИ не менее, а возможно, даже более важен, чем ее значение как механизма разработки новых средств мышления и деятельности. Организаторами игр в числе прочих ставились цели развития людей и коллективов. Много времени уделялось отработке процедур

целобразования, самоопределения, рефлексии. Это те способы интеллектуальной, духовной и душевной работы, которые нужно освоить, чтобы суметь находиться *над*.

2. Что такое организационно-деятельностная игра?

Первая организационно-деятельностная игра под руководством Г. П. Щедровицкого была проведена в 1979 г. [17]. Она замысливалась (тогда еще не было термина «ОДИ», он появился позже) как организационное исследование, но исследование особого рода. Чрезвычайно интересный материал для понимания той новой формы, которая впоследствии стала именоваться ОДИ, дает дискуссия А. А. Тюкова и Г. П. Щедровицкого на этапе подготовки [17]. Здесь столкнулись прямо противоположные установки — жесткая организация «под исследование» (А. А. Тюков) или организация для осуществления живой деятельности (Г. П. Щедровицкий); проектирование или программирование; нормировка или организация пространства свободы; здесь фактически стала отчетливо формироваться установка на то, что «игровое поле» конституируется не только фиксированными организационными формами, но и самоопределением и самодеятельностью участников. В игру на равных включались *знания и незнание, форма и неопределенность*.

Фрагмент обсуждения Г. П. Щедровицкого и А. А. Тюкова при подготовке к первой ОДИ:

«Щедровицкий. ...Мы ориентируем людей на одно, они понимают это по-другому, делают третье... И так будет происходить постоянно. Поэтому мы и говорим, что организовывать надо *игру*: мы будем предлагать замыслы и давать инструкции, но они либо будут их принимать, либо не будут, и во всех случаях они будут импровизировать.

Тюков. Я обсуждаю сейчас *другой* вопрос. Меня не интересует, как каждый из нас будет играть в свои игры. Меня интересует общая игра. А для этого мне нужно как минимум знать: людей, которые всегда будут следовать инструкциям, людей, которые, возможно, не будут следовать инструкциям, людей, которые никогда не будут следовать инструкциям, и т. д.

Щедровицкий. Мы должны организовать игру, *не зная* всего того, что вы считаете минимальными условиями начала работы» [17. С. 112].

Нет, и не может быть ни методики проведения ОДИ, ни типовых сценариев, каждая игра специально готовится на основе анализа ситуации заказа и собственных целей игротехнической и методологической группы, которая ее проводит. Описание же конкретной игры не может дать ответ, что же такое ОДИ вообще. И все-таки, чтобы не ограничиваться общими словами относительно смысла и значения ОДИ, попытаемся представить ее в некоторых обобщенных формах.

2.1. Основные принципы

и организационно-методологическое устройство ОДИ

2.1.1. Общие положения

ОДИ — это полицелевая система. Множественность целей в ОДИ — это не «дерево целей», когда из одной — «главной» — цели выводятся остальные, а разнонаправленные и равноценные ориентиры: развитие системы деятельности, откуда поступает заказ («обыгрываемой» мыследеятельности [45]), развитие методологии, развитие людей. Это — общие направления, в рамках которых в каждой игре формулируются конкретные цели. Полицелевым характером игры определяются и отношения организаторов-методологов с заказчиком и с остальными участниками.

Поводом для проведения ОДИ являются трудности и проблемы в ситуации заказчика. Однако «проблема» в языке заказчика отличается от «проблемы» в методологической действительности. В последнем случае проблема не отождествляется с трудностями, на которые с легкостью можно указать; речь идет об отсутствии в культуре средств для разрешения возникшей ситуации. В этом смысле ни проблемная ситуация, ни тем более проблема не очевидны, их еще нужно выявить. Они обнаруживаются только при выходе за пределы деятельности, когда сама она становится предметом анализа и появляется возможность обсуждения ее инструментария и границ. Принятие заказа на игру не является отношением «исполнения», и тема игры уже как бы намечает шаг трансформации и развития исходной системы [45. С. 16].

ОДИ есть метод и форма организации работы по выявлению и решению проблем. Это означает, что знания, которые несут на себе в отдельности профессионалы, представляющие разные позиции, и методологи, организующие игру, недостаточны. Нужна особая форма организации коммуникации между ними, ведущей к разработке программ, которые, будучи направлен-

ными на выявление и разрешение проблемы, в то же время учитывали бы разнообразие целей и интересов носителей разных позиций.

В этом плане полицелевая организация игры отражает рефлексивную связь между разными процессами и обеспечивает «беспригрышность» игры, если невозможно получить продукт в линии одной целевой ориентации, сложившаяся ситуация становится материалом для рефлексии, и игра получает результат в пространстве рефлексивных процессов. Проведению ОДИ предшествует серьезная подготовка, однако основным механизмом развертывания игры является не пунктуальное следование ее программе, а *рефлексия* актуальной ситуации. Отработка навыков рефлексивной работы становится, кстати, одной из целей игры, это один из результатов, который уносят с собой участники.

«Продуктными» рамками ОДИ выступают, с одной стороны, достижение целей, поставленных заказчиком, с другой — достижение целей, связанных с развитием методологии (Схема 1). Методологические представления развиваются за счет встречи с новым материалом и необходимости решения конкретных задач, деятельность заказчика — за счет выявления проблем и выхода с помощью методологических средств на разработку программ по их решению. Такая двойная с точки зрения получения продукта ориентация является характеристической особенностью ОДИ и предполагает, соответственно, обе линии работ. Способ соорганизации этих линий составляет одну из важнейших организационно-методологических конструкций конкретной игры. Сложность в том, что каждая из них стремится автономизироваться и как бы вырваться на собственный простор.

Схема 1

Уже на этапе формирования замысла игры мы видим, что методология «сменила претензии» по отношению к сферам, с которыми она взаимодействует (в сравнении с тем, что мы приводили в первой части). Методологи не знают, в чем состоит

проблема, они *не могут дать никаких предписаний по ее решению.*

Сегодня, возможно, подобные фиксации не вызывают удивления: на рынке услуг мы находим множество форм работы с организациями и коллективами — консультирование, командообразование, организационная психодрама, разного рода тренинги, игры и пр. Сегодня стало общим местом, что решение тех или иных «проблем» осуществляется силами самого коллектива. Другое дело, что на момент создания ОДИ эти положения были не столь тривиальны. Но сейчас важно за этими, теперь уже общими, характеристиками увидеть специфические. В ОДИ ситуация проблемна для всех позиций, методологи точно так же стоят перед необходимостью развития, как и все остальные участники.

По отношению к «обыгрываемой» мыследеятельности ОДИ в целом представляет собой пространство рефлексивное. Рефлексия здесь двойная: по отношению к наличной ситуации (ретроспективная) и по отношению к будущему (проспективная) (Схема 2).

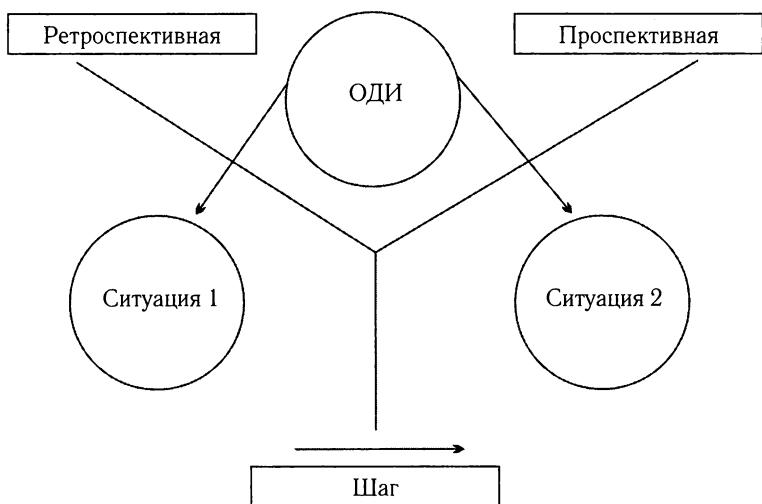

Схема 2

Мы пока говорим о функциональной характеристике самой игры, а не тех процессов, которые осуществляются игроками. ОДИ здесь выступает как организационное условие, в котором участникам предоставляется возможность осуществить опре-

деленную работу, но принципиально иного характера, нежели «на рабочем месте» [36—39, 44].

Разрешение ситуаций, которые оказываются поводом для заказа на игру, как правило, выходит за рамки компетентности одной профессиональной позиции. Разговоры о проблемах оказываются маркером несостыкованности автономизированных профессиональных структур и предметных знаний. Самодостаточность и институциональная укорененность профессионально-предметных образований, гармонизирующих внутри себя формы мышления, средства деятельности и социальную организацию, в проблемных ситуациях оказываются теми «шорами» и барьерами, на преодоление которых и направлена игра. В 1970-е гг. «необходимость комплексных исследований и разработок» стала некоторой общепринятой идейной установкой, не обеспеченной, однако, адекватными средствами. *Методологический подход* противопоставляется *профессионально-предметному* именно в силу того обстоятельства, что в современном мире любые социокультурные и «народнохозяйственные» проблемы не схватываются предметным мышлением и средствами профессиональной деятельности [13]. СМД-методология исходит из того, что проблемы не в «объекте», не в «людях», а в отсутствии адекватных форм коммуникации и кооперации в деятельности, в отсутствии мыслительных средств, обеспечивающих такие межпрофессиональные и межпредметные коммуникации и кооперации. Сами профессионалы должны увидеть границы возможностей профессионального подхода. А для этого — выйти за пределы своей деятельности и профессионального мышления. Ориентированные на развитие ОДИ ставят своей ближайшей задачей смену «объекта» работы собравшихся людей — в центре внимания оказываются не предметы и продукты их профессиональной деятельности, а сами мышление и деятельность.

Специфика целей и средств методологической работы по отношению к предметно-профессиональному мышлению определяется терминами *распредмечивание* и *методологизация*. Это не означает, что целью ОДИ является формирование класса «профессиональных методологов» — речь, скорее, о том, что профессионал современной формации должен владеть навыками рефлексии собственной деятельности и мышления, обладать средствами надпредметного (методологического) мышления, уметь предъявлять себя в ситуациях межпрофессиональной коммуникации и иметь опоры для понимания. Проб-

лема современного профессионализма в том, что «мы многое знаем, но понимаем так мало» [13. С. 315].

2.1.2. *Оргпроект, программа и процессы в игре*

На этапе подготовки игры задачи организаторов состоят в анализе ситуации заказа и проработке связанного с ним тематического содержания*. На этой основе разрабатываются организационные документы — оргпроект и программа игры.

В *оргпроекте* фиксируется набор игровых групп и связей между ними. Игровая группа — это первичный игровой субъект, который задан на предварительном «планшете» организатора** (в ходе игры организационные представления о том, что происходит и что нужно сделать, многократно корректируются в результате систематической рефлексии). Игровая форма представляет здесь множество возможностей: группы могут быть профессионально-предметные (к примеру, геологи, юристы, журналисты), проблемные, тематические или проблемно-тематические***, позиционные (например, разработчик, эксперт, исследователь и т. п.), социально-ролевые (например, преподаватели, студенты, администрация); можно образовывать «кластеры» групп, или «крылья» (объединенные по одному признаку, но дифференцированные по другим)****;

* К примеру, игры с архитекторами, геологами, экологами (и т. п.) требуют определенного освоения соответствующей области.

** Разделение «планшета» (организационной «доски» — места, куда заносятся схемы, сценарии и другие организационные представления об игре) и «плацдарма» (места действия участников) стало хорошим рабочим и методологическим инструментом для различения *мыслительной действительности организаторов и реальности игровых взаимодействий и событий*.

*** Для примера приведем несколько названий групп из проведенной Г. П. Щедровицким Игры-24 «Новые формы обучения и организации исследований: ситуационный анализ и анализ ситуаций» (Одесса, 29 апреля — 10 мая 1983 г., Институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов Министерства морского флота СССР). Группы задавались темами: «Современное состояние и перспективы развития системы повышения квалификации в сфере морского транспорта»; «Современное состояние и перспективы развития научных исследований и проектных разработок в сфере морского транспорта»; «Современная ситуация в области экологических исследований и разработок» и др. и, наконец, «Современное состояние и перспективы развития наук о мышледеятельности».

**** К примеру, в игре «Проблемы воспитания в контексте программ развития города» (Урай, 15–24 апреля 1989 г., рук. игры — Л. М. Карнозова) тема воспитания подрастающего поколения связывалась с проблематикой

можно структурировать места групп в игре в соответствии с «поясами» — где указание на принадлежность группы к тому или иному «поясу» указывает на его место в оргтехнических отношениях* (пример см. на схеме 3).

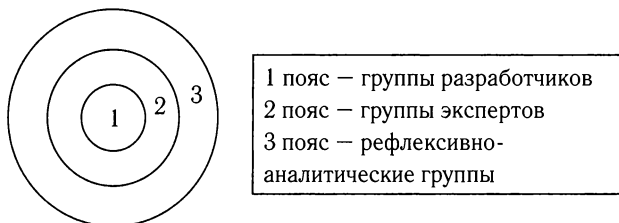

Схема 3

Оргпроект — это способ и результат предварительного анализа организаторами-методологами ситуации заказа и темы игры. В намеченном в оргпроекте наборе групп и предполагаемых отношениях между ними задается *позиционная структура* игрового плацдарма. В межгрупповых отношениях намечаются силовые поля потенциальных столкновений и оснований для проблематизации. В оргпроекте концентрируется пучок возможных сценарных линий развертывания игры.

Программа игры — это расписанный по времени игровой процесс. Мы намеренно говорим о нем пока так неопределенно, поскольку нарисовать его нужно на первом шаге в качестве обобщенного только для того (Схема 4), чтобы уже на втором

перспектив малого монопрофильного города. Игровой коллектив был разделен на два состоящих из нескольких групп «крыла», которые порознь работали, одно — над программами развития города, другое — над педагогической проблематикой и на определенной фазе игры предъявляли друг другу свои разработки [12].

* К примеру, группы «экспертов» надстраиваются *над* группами разработчиков. Интересные отношения формируются, когда, положим, играя на тему вузовского образования, мы просим в группу «разработчиков» войти профессоров и преподавателей, а в группу «экспертов» — студентов. С учетом того, что игры начинали проводиться в глухой период советского застоя, такого рода оргпроект мог служить «легитимным» (в игре) основанием для того, чтобы студенты могли впервые сказать правду своим преподавателям.

шаге «расщепить» на несколько, а дальше наметить фазы и этапы каждого процесса.

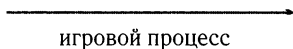

Схема 4

В организационной позиции важно разделить игротехнические фазы игры («размораживание», «изменение», «выход из игры») и собственно мыследеятельностные.

Говоря о последних, мы здесь снова выделяем ряд процессов. В качестве базового выделяется *рабочий процесс*. Рабочий процесс явным образом обозначает задание группам и указывает на то, какой продукт должен получиться в результате работы в игре. Соответственно, рабочий процесс разделяется на этапы, которые фиксируются в программе как тематические задания.

Но задание на получение продукта оказывается, чаще всего, поводом для актуализации проблемной ситуации и постановки проблемы. К примеру, в одной из наших игр с коллективом школы с этнокультурным компонентом (1997) в качестве рабочего процесса предлагалась разработка концепции развития школы. Но в ходе игры обнаружилось, что разные игровые группы (педагоги, воспитатели, администрация, родители, ученики) настолько по-разному представляют себе сам смысл существования такой школы, что разработка концепции оказывается фактически поводом для актуализации разных точек зрения и анализа ситуации. Мы не интенсифицируем процесс разработки концепции, не стремимся к «продукту», а напротив, останавливаем рабочий процесс, как бы разворачиваем игру «перпендикулярно» тому направлению, которое было задано ориентацией на получение продукта, и переходим в рефлексивное пространство, фокусируясь на различиях в позициях участников, на основаниях этих различий и т. д. (Схема 5). В результате *основным процессом* в игре становится анализ ситуации. Это — пример методологической сдвижки, на которую в общем случае ориентированы ОДИ. И на этом простом примере можно сформулировать еще один общий принцип ОДИ: ничто не может помешать игре, *все свои в рабочем процессе служат материалом для игры и методологической проработки проблемной ситуации*.

Схема 5

2.1.3. Организационное устройство

В игре сочетается несколько форм организации работы: групповые заседания, общие заседания — доклады групп и дискуссии; общие заседания — методологические доклады (консультации); рефлексия — групповая, общая, команды организаторов. Композиции этих форм могут быть самими разными, а кроме того, можно использовать и совершенно другие. Можно пригласить специальных докладчиков для освещения важной для игры темы; в виде «модулей» могут быть вставлены «круглые столы», «ролевая игра», «мозговой штурм», «методологический семинар» и пр. ОДИ — очень гибкая игровая форма, способная ассимилировать достаточно большое разнообразие организационных единиц.

Чтобы читатель мог как-то представить себе устройство «типового дня» (первый и последний день устроены иначе), приведем его формальную структуру и регламент, где использованы «стандартные» формы работы.

10.00–11.30. Работа в группах. Рефлексия хода игры.

11.30–14.00. Работа в группах. Подготовка докладов по теме...

14.00–15.30. Обед.

15.30–18.30. Общее заседание. Доклады групп по теме... и дискуссия.

18.30–19.30. Ужин.

19.30–22.00. Методологическая консультация.

22.00–... Оргрефлексия (в программках игры обычно было написано до 23.00, но фактически это могло продолжаться до глубокой ночи или до утра).

Такая конструкция «типового дня» нужна не для того, чтобы во всех играх все дни были устроены таким образом, а чтобы, составляя программу, иметь какой-то прототип организационной формы (и делать все иначе).

Здесь важно обратить внимание на следующие обязательные компоненты. Во-первых, работа в группах, как правило, предваряется организацией рефлексии. Этому процессу уделяется особое и усиленное внимание. Это не формальный ритуал и не ответы на вопросы «что понравилось — что не понравилось» («откликнулось — не откликнулось»), это проработка содержания работы на игре в целом и соотнесение с работой группы, это «рефлексия в структуре мыследеятельности». В рамках этой процедуры начинается также освоение содержания методологических консультаций. Кроме того, в рефлексивных фазах осуществляются такие процессы как самоопределение и целеполагание (групповое и индивидуальное), актуализирующие личностный потенциал и обеспечивающие «соприкосновение» личностного и мыследеятельностного начал.

Во-вторых, обязательные методологические консультации, в которых задается средстввиальный (методологический) пласт игры. Конечно, методологическое содержание игры прорабатывается методологами-организаторами заранее, при подготовке игры. Однако методологические группы (при достаточном количестве методологов, их тоже может быть несколько) в игре «здесь и теперь» занимаются методологическими разработками и докладывают свои результаты. Дело в том, методологическая организация мыследеятельности, в частности средства программирования и проблематизации, до начала игрового этапа не были в ММК процедурно разработаны; общие методологические конструкции именно на играх наполнялись содержанием и оформлялись в отчетливые представления, схемы и процедуры, которые тут же опробовались в функции методологического обеспечения игрового коллектива средствами работы. Именно в этом смысле ОДИ нужно понимать не только как площадку реализации СМД-методологии, но и экспериментирования и получения новых представлений.

Оргрефлексия — рефлексия команды организаторов, где анализируется сложившаяся ситуация, прорабатывается методологическое и игротехническое содержание и намечается сценарий на следующий день. Это означает, в частности, что в результате анализа ситуации игровые цели могут быть переформулированы, и программа может быть изменена (в частностях или радикально), о чем на следующий день сообщается

всем участникам. Иногда программа меняется и в течение дня, если обнаруживаются серьезные затруднения в работе, или сложность поставленных перед игроками задач вызывает сильный накал негативных эмоций. Здесь используются разные стратегии. Например, остановка рабочего процесса и проведение общего заседания в жанре рефлексии (которая в подобных случаях начинается зачастую просто с выражения недовольств и накопившегося раздражения) или возвращение групп на доработку задания или на обсуждение каких-то вопросов в жанре рефлексии. В общем, команда организаторов — это игровая команда, в игре нет гарантированности и покоя; однако сама готовность к разного рода непредсказуемости дает возможность организаторам достойно находить выход в подобных ситуациях.

Притом что игра тщательно готовится, закладываемые в программу и оргпроект представления организаторов-методологов имеют характер предварительных. Это обстоятельство позволяет достаточно гибко (под «рефлексивным контролем») осуществлять изменения в ходе игры.

2.2. Проблематизация

Ядром оргдеятельностной игры является *проблематизация*. Как бы ни отличались друг от друга конкретные оргдеятельностные игры, именно проблематизация определяет сущность ОДИ и является ее смысловым центром.

2.2.1. Понятие проблемы в мыследеятельности

Проблематизация — это, во-первых, *мировоззрение*: проблема — не то, что существует «объективно», *независимо* от нас, нашей деятельности, нашего мышления, нашей *позиции*, это — угол зрения, предустановка, это ценность развития. На одни и те же обстоятельства можно смотреть, как на «нормальные» и как на «проблемные». Во-вторых, в контексте развития проблема выступает не как тупик, а как механизм развития. Следовательно, форма фиксации проблемы должна соответствовать этой ее функции.

Установка на проблематизацию в мыследеятельности реализуется в смене объекта: «Проблематизация в своем исходном пункте базируется на смене объекта рефлексии и мышления, на выделении в качестве объекта структур своего собственного мышления и своей деятельности... При проблематизации человек должен поменять свой мир — мир природы и вещей на мир деятельности: переход от мира природы к миру деятельно-

сти становится как бы естественным основанием для проблематизации» [32. С. 466]. А следовательно, проблематизация, в-третьих, — это еще и *организационная технология*, которая и реализуется в оргдеятельностной игре.

Идея о том, что проблема — как отражение противоречий между разными позициями (разными ценностями, разными парадигмами) — живет в мире мыследеятельности, выводит процесс проблематизации за границы возможностей индивидуального (заведомо монистического) мышления. Коллектив участников подбирается таким образом, чтобы были представлены основные позиции по обсуждаемой теме. В этом важнейшее методическое условие проблематизации: наличие разных позиций приводит к их столкновениям в коммуникации, столкновения становятся маркером возможной проблемы. При таких условиях мы получаем в игре социокультурную репрезентацию макроситуации.

Поведение участников и взаимодействия между группами в игре, по сути, выступают в отношениях *имитации* к «обыгрываемой» системе мыследеятельности. Но эта имитация усилена, амплифицирована игровыми средствами, а потому проявляется то, что «в жизни», как правило, затушевывается. А то, что проявляется, дальше может быть зафиксировано в отчужденной форме. Тем самым разыгрываемое действие, коммуникация и возникающие в ней конфликты получают другую жизнь в знаковых формах, в схемах: на «доске мышления» появляется «ситуация», реальные участники которой теперь получают возможность отнестись к ней как к отчужденному объекту.

На Игре-16 («Процессы проблематизации в ОДИ», июль 1982 г.)* Г. П. Щедровицким было введено сценарное представление о процессе проблематизации (Схема 6), где он предстает как ряд организуемых ситуаций в коллективной работе.

В ОДИ актуализируются и сопоставляются представления основных действующих лиц, выявляются оппозиции и их основания. Анализ затруднений в деятельности и конфликтов в коммуникации, их рефлексия и фиксация — путь к постановке проблемы.

Проблема играет роль механизма и катализатора развития в силу того, что рассматривается не как фиксация тупика, но как *знание о незнании*, т. е. в форме позитивного знания о не-

* Список ОДИ, проведенных под руководством Г. П. Щедровицкого с 1979 по 1989 г., см. в [39. С. 307–316].

1	2	3	4	5	6
Исходная ситуация	Конфликтная ситуация	Организация содержательных конфликтов	Проблемная ситуация	Перевод проблем в задачи	Планирование и создание организационных форм реализации
Множество позиций	Конфликты	Оппозиции, основания оппозиции	Проблемы	Задачи	Работы

Схема 6

гативном. Такую позитивную трактовку «проблема» обретает только в рамках более широкого целого, где из фиксации «знания о незнании» следуют конструктивные шаги. В качестве целого выступает процесс *программирования*. Или иначе, проблема — это функциональный элемент программирования, в ходе которого определяются направления дальнейшего движения, векторы развития. В контексте программирования процесс проблематизации открывает путь к новым идеям, способам деятельности, формам организации и пр. И эти новации здесь же в игровой ситуации разрабатываются и опробуются. Проблематизация становится основой тех трансформаций, которые осуществляются в игре, она обеспечивает переход от фазы воспроизведения «ситуации за окном» к фазе «прорыва к будущему».

Из всего сказанного следует мыследеятельностная трактовка понятия проблемы:

1) конфликты в коммуникации служат маркером противоречий и несостыковок форм мышления и средств деятельности (по поводу которых происходит коммуникация), различия парадигм;

2) проблема появляется в процессе *рефлексии* этой конфликтной коммуникации, за счет выявления содержательных оснований (в этом состоит переход от «коммунального» конфликта к содержательному) и выделения оппозиций;

3) *проблема* есть мыслительная фиксация этих рассогласований и несовместимостей. Но фиксации могут быть разными, и зависит это от мыслительного пространства, в котором происходит фиксация, и от самоопределения участников.

2.2.2. Программирование

Представление о программировании, разрабатываемое в системомыследеятельностной методологии [16, 32], отличается от более традиционного представления, например, о разработке «целевых программ» с выделением «главной цели», исходящих из нее «подцелей» — и, соответственно, дальше определения путей их достижения. Методологическое представление о программировании имеет дело со сложными проблемными ситуациями, мало того, что многоцелевыми — как правило, речь идет о поликультурных, *полипарадигмальных ситуациях*. Монистическое мышление не может быть здесь адекватным. Пространственная организация методологического мышления позволяет работать с заведомо плюралистическими ситуациями (однако, повторюсь, методологические представления не

являются «завершенными формами», поэтому их использование практически означает следование содержащимся в них *принципам и подходам*, а не жестким процедурам и нормам). Оргдеятельностная игра является реальным воплощением такого рода ситуаций.

Методологическая схема программирования ориентирована на работу с такого рода сложными ситуациями. Не имея возможности в рамках настоящей статьи подробно на ней останавливаться, пометим основные фокусы процесса программирования: *тематизация, самоопределение, целеобразование, ситуационный анализ, анализ ситуации, проблематизация, перевод проблем в задачи и планы работ* (в разные периоды схема дополнялась новыми блоками). Это именно фокусы, а не этапы. В принципе, работа может начинаться в любом из них, при любой фокусировке будет происходить весь цикл программирования, но с различными результатами. К примеру, если мы ставим в центр целеобразование, то работа будет происходить и в тематическом ключе, ее участники будут самоопределяться, будут анализироваться ситуация и выявляться проблемы, но продуктом всей этой работы при такой фокусировке будет список целей. Если делается акцент на самоопределении, то для его осуществления опять же нужно осуществить работу во всех блоках. Здесь важно еще и то, что результаты, полученные в каждом из блоков программирования, начинают как бы «сдвигать» все остальные, как рефлексивно с ними связанные, т. е. программирование — это не линейный последовательный процесс, а предполагающий множество циклов и возвратов. В программировании заложена возможность изменений первоначально намеченных траекторий не в качестве «форс-мажорных обстоятельств», а как нормальное развертывание мыследеятельности в условиях заведомой неполноты наших знаний и меняющихся обстоятельств. Кроме того, определяющим во всем этом процессе являются самоопределение и целеобразование.

Процедуры осуществления перечисленных процессов (тематизации, самоопределения, анализа ситуации и пр.) становились предметом специальных методологических разработок в ОДИ и реализации «здесь и теперь» в условиях коллективной мыследеятельности.

2.2.3. Проблемы в мыследеятельности и конфликты между людьми

В игре осуществляется попытка «выйти из себя», встать над собственной деятельностью и привычными представлениями с

тем, чтобы, увидев, открыть путь к изменениям. В основе этого процесса — проблематизация, а потому конфликты в коммуникации, неизбежно возникающие между людьми с разными взглядами, не сглаживаются, а маркируются и доводятся до выявления социокультурных оснований*.

Процесс проблематизации не есть чисто логическая процедура, он предполагает острые коммуникативные взаимодействия между людьми, сопровождающиеся сильным эмоциональным напряжением; «проживание проблемы», ее субъективизация являются столь же неотъемлемым моментом проблематизации, как и мыслительный анализ проблемной ситуации.

2.3. ОДИ-форма

ОДИ связывает «чистые» идеализации, живую осуществляемую «здесь и теперь» коммуникацию (которая вовсе не подчиняется законам логики), прошлую деятельность и самих людей — в их личностной, духовной и социально-психологической ипостаси — в единую, но сохраняющую сложность (по выражению Г. П. Щедровицкого «гетерархизованную, гетерогенную, гетерохронную») полисистему, которая становится плацдармом для развития и исследования систем мыследеятельности и развития людей.

Методологи — организаторы игры — реализуют в игре ОДИ-форму [11; 20]. В предыдущей части представлены ее составляющие. Поэтому здесь я позволю себе несколько замечаний, касающихся важнейшей характеристики этой формы. Я коснусь организационно-деятельностной игры как создаваемой, как произведения, вещи искусства. И хочу обратить внимание на один момент — *преодоление материала формой***.

* В этом плане интересно сопоставить проблематизацию в ОДИ с конфликтологической практикой *нарративной медиации*. На медиацию приходят люди, уже находящиеся в конфликте. Нарративная медиация как практика, опирающаяся на социально-конструкционистскую философию, противостоит психологистическим концепциям, направляющим усилия медиаторов на поиск «подлинных» потребностей и интересов сторон. Нарративный подход, напротив, усматривает основания «обычных» межличностных конфликтов в соперничающих социокультурных дискурсах, носителями которых являются люди. Выведение конфликтующих сторон в рефлексии этой ситуации оказывается одной из существенных процедур нарративной медиации [47].

** Ср.: «...В течение столетий, — пишет Л. С. Выготский в «Психологии искусства», — эстетики твердят о гармонии формы и содержания, о том, что форма иллюстрирует, дополняет, аккомпанирует содержание, и вдруг мы об-

ОДИ — внутренне противоречивая форма. Например, с одной стороны — жесткая мегамашинная форма организации, с другой — оргпроект игры задает структуру «мест», реальное человеческое наполнение которых ломает строгую функциональную конструкцию придуманной организационной машины. Это означает, в частности, что ОДИ-форма включает в себя не только оргпроект, но и эту *возможность его сломать*.

В своих заметках в 1985 г. Георгий Петрович пишет, что первые игры «требовали от организаторов чрезвычайно больших вкладов — как от командиров в бою. И это, естественно, не могло продолжаться долго. Поэтому дальше (примерно после марта 1982 г.) дело стали пускать во многом на самотек. И это требовало кардинально иного отношения к самой игре. Игры стали во многом стихийными» [39. С. 221]*. Нельзя буквально понимать этот «самотек», здесь скорее нужно иметь в виду основополагающие принципы ОДИ, о которых мы вели речь.

Как бы ни задавались игровые группы в оргпроекте, предполагается, что группа занимает определенную позицию в

наруживаем, что это есть величайшее заблуждение, что форма воюет с содержанием, борется с ним, преодолевает его и что в этом диалектическом противоречии содержания и формы как будто заключается истинный психологический смысл нашей эстетической реакции... Мы приходим как будто к тому, что в художественном произведении всегда заложено некоторое противоречие, некоторое внутреннее несоответствие между материалом и формой, что автор подбирает как бы нарочно трудный, сопротивляющийся материал, такой, который оказывает сопротивление своими свойствами всем стараниям автора сказать то, что он сказать хочет. И чем непреодолимее, упорнее и враждебнее самый материал, тем как будто оказывается он для автора более пригодным...» [4. С. 155, 156]. В контексте нашей темы приведу ироничное замечание В. П. Зинченко: «Думать трудно, и люди это делают без большой охоты. Так что в приложении к ним понятие “мыследеятельность” есть преждевременный комплимент» [8. С. 390].

* На семинарах 1986 г. Георгий Петрович ввел различие двух полярных типов игр: на мегамашинную организацию мыследеятельности и эволюционно-исторические. В первом случае речь шла об игре как *искусственно-естественной* системе, где план оргтехнических действий по методологической организации мыследеятельности является ведущим. Во втором случае игра характеризуется как *естественно-искусственная* система, где искусственный план методологизации подхватывает естественные процессы в игре, категоризируемые как эволюционно-исторические. Такая типологизация позволяет организаторам более адекватно самоопределяться и ставить цели как при подготовке, так и в ходе самой игры.

деятельности. Но люди, придя в игру, продолжают нести на себе привычные формы профессиональной или социально-коммунальной (или все это вместе) активности. Отсюда, разрыв между назначением группы как «мыследеятельностного субъекта» и реальными возможностями ее участников. «Человеческий материал» (в системно-организационном аспекте анализа такое категориальное определение вполне уместно), оформленный по законам социума (так что это не «материал», здесь скорее следует говорить о «социальной морфологии»), разрушает структуру оргпроекта и программы, и собственно игра разворачивается на этом столкновении.

Это обстоятельство обуславливает способ управления игрой и способ существования в игре самих организаторов. Отношения в игре — это не «руководство-подчинение» (правилам, инструкциям, руководителю), а воспроизведение — в границах игрового пространства — всей совокупности процессов социальной жизни людей в условиях, когда перед ними ставятся мыследеятельностные задачи. «Жизнедеятельность» не исчезает, и организаторы должны иметь в качестве инструментов управления игрой не только схемы организации мышления и деятельности, но и способы работы с совершенно иными процессами. В том числе с человеческими страстями, амбициями, целями, диктуемыми производственными обстоятельствами, отношениями внеигровой социально-ролевой иерархии и т. д. и т. п.

Игровая форма (в ОДИ) — это не «система правил» (характерная для игр по правилам, «инструкциям»), а предвидимое (в принципе, но не известное в своей конкретике заранее) столкновение мыследеятельностной организации (так *несвойственной* людям, как говорит В. П. Зинченко [8]) и самодвижения участников. Игра — в этом столкновении, и в этом смысле — всегда непредзадана, всегда рефлексивна.

Форма ОДИ обеспечивает самодвижение — «самодеятельность, самоорганизацию и саморазвитие», но при этом не дает ситуации скатиться к хаосу, обладая за счет методологических принципов и средств достаточной мощью для удержания разнонаправленных и разноприродных процессов. Но это мощь не «руководства», а организованной и организуемой рефлексии. Помимо упомянутых моментов важную роль здесь играет гетерархированная оргтехническая структура игры, предполагающая несколько фокусов управления (в общем случае конкурирующих). Подобное «удержание» сложной ситуации — всегда результат «преодоления ма-

териала формой», но и сама форма достаточно пластична и имеет способность к изменению.

Другой разворот того же внутреннего противоречия: ОДИ как *интеллектуальная практика* (ориентация на развитие методологии) в какой-то мере противостоит ОДИ как *средству социотехнического действия*. Каждый из этих планов задает свои векторы разворачивания игры, свои зоны ответственности, несводимые одна к другой. С эмпирическим проявлением этого противоречия мы сталкивались довольно часто.

Когда речь идет об интеллектуальной практике, задача состоит в том, чтобы она просто *была*. Интеллектуальная практика выступает как самоценность. В этом случае нет никакой социальной ответственности. Есть ответственность иного рода: интеллектуальная, культурная и т. д. И совершенно другое дело, когда мы говорим об оргдеятельностной игре как о социотехническом действии по развитию систем деятельности. Потому что, если в первом случае ставится задача «*быть*», то во втором мы должны ставить вполне конкретные цели относительно внешних по отношению к методологии систем — это совсем иная задача, чем «*быть*» в интеллектуальной практике. Во втором случае нужно говорить об ответственности перед организациями и конкретными людьми, которые заказывают игры. И здесь отправление интеллектуальных процедур не может стать замыкающей рамкой. Вспомним, за счет ОДИ Московская методологическая школа вышла за границы эзотерического семинарского существования и стала включаться в решение практических проблем. Но разрыв между двумя указанными рамками и векторами (см. схему 1) актуально присутствовал с самого начала; вообще-то говоря, главное для методологии было найти «чисто мыслительное решение» [42. С. 20]. Ситуация стала более острой в конце 1980—начале 1990-х гг., когда возрос поток заказов на игры, когда игра «включилась в перестройку» и начались процессы социализации и прагматизации ОДИ. И ожидания участников и заказчиков от игр стали более «приземленными». Но это уже вопрос самоопределения и развития, а в этой части мне важно было показать противоречивость ОДИ-формы.

Выделение ОДИ-формы важно и с точки зрения ответа на некоторые распространенные мифы об оргдеятельностной игре, для которых, видимо, имеются основания. Мы посвятили достаточно места, чтобы показать, что ОДИ как методологическая практика в своих исходных установках, по своему устройству и способам работы принципиально отличается от,

скажем, разного рода психотерапевтических практик, для которых основополагающими принципами являются, к примеру, психологическая безопасность, безоценочность суждений, работа с чувствами и т. п. Или, к примеру, от мозгового штурма, когда на фазе продуцирования идей запрещена критика, да и разных других практик, в то время как оргдеятельностная игра, в ядре которой процесс проблематизации, являет собой пример реализации культуры критической коммуникации. Эти отличия обращают внимание стороннего наблюдателя на жесткость работы с людьми, «негуманность» ОДИ. Такой сторонний наблюдатель порой принимает внешний облик за существо дела.

Но есть еще один план — стилистика ведения игры. После некоторого перерыва в середине 1991 г. я участвовала в игре Георгия Петровича, где игротехнический коллектив оказался по большей части мне незнакомым. То, что я увидела в работе «новых игротехников», крайне меня огорчило: молодые люди вели себя агрессивно, беспардонно, пытаясь воспроизвести исключительно внешние манеры поведения руководителя игры. Жесткость мышления замещалась «поведением» и «рисованием человечков» — без понимания, без рефлексии, без мышления. Такое замещение, к сожалению, получило определенное распространение. По-видимому, в восприятии некоторых людей стилистика ведения склеилась с сущностью ОДИ (или, что еще хуже, заместила ее). Так что еще одна цель настоящей статьи состоит в том, чтобы отделить смысл, культурное содержание и соответствующую им ОДИ-форму от стилистических особенностей ведения игры, которые отнюдь не являются ее «имманентными» свойствами.

Чтобы вести игру, нужно суметь «надеть на себя» ОДИ-форму, и тогда ты становишься ее проводником.

3. ОДИ как новый культурный прототип

3.1. ОДИ в постмодернистской перспективе

Итак, сила ОДИ-формы состоит в том, что она позволяет работать «в условиях неполной информации», впускает в свою структуру «незнание» как полноправную единицу работы. ОДИ ищет проблемы не в независимой от нашей деятельности «объективной реальности», а в способах мышления и деятельности. В ОДИ строятся варианты будущего — не как утопии

«дивного нового мира», а как разные возможности. В основе этих вариантов — самоопределение людей и групп. В ОДИ подвергаются сомнению само собой разумеющиеся истины — да и сама возможность истины (с точки зрения идеалов классического рационализма). Это новая форма, переросшая идеалы модернистской рациональности. Новизна ОДИ-формы в том, что в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в Советском Союзе, в ситуации существенной изоляции от «большого» культурного мира, доминирования, с одной стороны, сайентистского, с другой — исключительно идеологизированного (социалистического) общественного сознания и отсутствия «свободы слова», был рожден тип практикования, который с серьезным основанием можно отнести к постмодернизму.

Наверное, это вызовет протест тех, кто вспомнит о глобальных претензиях методологии, о ее рационализме и поползновении на роль нового «законодателя разума»; протест и тех, кто вспомнит о нередко авторитарной стилистике ведения игр, выражающей якобы суть «тоталитарного» методологического мышления. Пожалуй, можно согласиться, что ОДИ и в этом плане присуще некоторое внутреннее противоречие, и мы можем найти в ней отпечатки парадигмы модерна. И родился ММК с идеи чисто научной — создания логики как эмпирической науки, и методология сочетала в себе разновекторные идеалы. Но я предполагаю, что культурный смысл ОДИ, принципиальная новизна этой «формы организации и метода развития коллективной мыследеятельности», на которой настаивал Г. П. Щедровицкий, определяется тем, что в этой форме найден практический способ реализации разрыва методологии ММК с натуралистическим мировоззрением и базовыми установками классического мышления [40], и *в этом смысле* можно говорить о ней как постмодернистской практике. Эта гипотеза представляется мне не только правдоподобной, но и креативной для понимания роли ОДИ в истории методологии ММК, да и в более широком культурном контексте.

Вряд ли я буду настаивать на чистоте такого рода интерпретации, «категориальные аппараты» СМД-методологии и постмодернистских концепций различны. Но, вообще говоря, постмодернизм не представляет собой какой-то единой непротиворечивой картины мира (что подрывало бы его исходные положения); скорее, это некая онтологическая позиция, обобщенный взгляд, собирающий концепции, демонстрирующие уязвимость претендующего на истину «законодательного разума», указывающие на неадекватность представления о

мире как едином, монолитном, законосообразном; на наличие множества точек зрения, имеющих равное право на существование как на конститутивную черту нашего социального и культурного бытия. Это антинатурализм, показывающий, что наши понятия и представления суть конструкции мышления и дискурсов ([1, 3, 22, 27, 47], см. также об идее «постнеклассического мышления» В. А. Лекторского [14]), в противовес мышлению модерна, мышлению-законодателю, которое дает «символическое прибежище, обещающее надежду и успокоение» [27. С. 25].

Фактически все наше описание было направлено на демонстрацию оргдеятельностной игры как особого мира, в котором базовые постулаты классического рационализма проблематизируются, причем не просто в теоретической критике, а «в действии» — здесь складывается практика, которая базируется на «многомирном» представлении о мире. В ОДИ «ничто не гарантировано», причем в равной степени для участников и для организаторов*; проблемные ситуации не схватываются тем мышлением, которое имеет дело с «закономерностями» [20]; в ОДИ формы методологического мышления не «завершают», а «высвобождают» место для поиска, самоопределения, усилия.

Организационно-деятельностные игры начались с предположения о невозможности нормирования деятельности в сложных проблемных ситуациях. Нормирование лежит в основе власти в парадигме «руководства», так что в ОДИ начались поиски другой оргуправленческой формы и была разработана гетерархизированная форма социотехнической системы, где легитимируется множество конкурирующих фокусов управления. Цели не «спускаются сверху», постановка целей в игре растягивается в долгий и сложный процесс целеполагания — индивидуальный и групповой**. Наличие множества позиций в игре,

* Ср.: «Когда я веду игру, где всегда что-то происходит, где сто человек что-то одновременно делают, и все это сталкивается и клубится, я, сидя в своей комнате, должен понимать, что происходит, представить себе это кипящее болото как ситуацию... Для меня есть только марево, в котором ничего не видно, и человек посредством каких-то своих судорожных действий, вывертывая себя наизнанку, старается понять, что происходит» (из дискуссии Г. П. с В. П. Литвиновым [5. С. 117]).

** Иллюстрируя, как мучительны для людей такого рода процессы, Г. П. Щедровицкий рассказывал об одном участнике игры, который подо-

которые включаются в процессы само-движения, с неизбежностью приводят к конфликтам между участниками. Способом работы с конфликтами становится не «руководство» и не «юридическая форма», а проблематизация как центральный фокус программирования. Коллективное мышление оказывается не идеологией и не формой массовизации и деградации «высокого», а способом осуществления и удержания ситуации совместности, где каждая позиция пытается отстоять свою правоту как истину в последней инстанции. При такой форме организации коллективной работы не ищется ответ на вопрос о том, «каков объект на самом деле» — здесь делается зримой «ситуация» и ищутся схемы соорганизации и кооперации разных деятельностных позиций.

В ОДИ не принимаются «окончательные решения» (большинством или меньшинством). Полученные результаты, оформляемые, как правило, в оргдеятельностных схемах, не завершают игровые процессы в «конечном продукте», а высвобождают пространство для следующего шага. Здесь мышление выступает в своей «порождающей» функции, раскрывающей новые возможности.

3.2. Порождающая форма

«Классическая модель» ОДИ сложилась примерно к 1983 г. Ее складывание произошло благодаря серьезной рефлексивно-аналитической и исследовательской работе. Фактически растянутая во времени Игра-2* была посвящена именно этой задаче и положила основу для выделения основных структурных элементов и понятий, необходимых для последующего формирования игротехники, которое продолжалось и дальше. В первом приближении игротехнику можно определить как, с одной стороны, специфический понятийный и мыслительный инструментарий конструирования и анализа игры, с другой — индивидуальные навыки и техники. В силу сложности, многоплановости ОДИ, ее игротехнический инструментарий обладает достаточ-

шел к нему и отчаянно спросил: «Георгий Петрович, какие у меня цели?» (из фольклора об ОДИ).

* Игра-2 «Формирование коллектива и разработка программ для комплексных междисциплинарных и многопредметных, методологически организованных исследований ОДИ» проходила (если считать основной этап) с 18.9.1979 по 14.5.1981 г. в Москве в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (78 заседаний).

ной мощью для анализа и конструирования других типов игр и вообще многих других типов работы — и не только игровых.

Во второй половине 1980-х гг. начали отпочковываться игротехнические группы. Одни стали проводить ОДИ и развивать эту форму (С. В. Попов, П. Г. Щедровицкий, Б. В. Сазонов, П. В. Баранов, Ю. В. Громыко, Н. Г. Алексеев, А. П. Зинченко, Л. М. Карнозова и др.), другие на основе ОДИ как прототипа создавали собственные типы игр (организационные обучающие игры, инновационные, управленческие и пр.). На территории Советского Союза стало складываться игротехническое движение (см., например [2, 7, 10–12, 21, 25–26, 28, 46])* и имеющие в ядре образец ОДИ некоторые игровые команды содержательно вообще оторвались от системомыследеятельностной методологии. Перестройка усилила интерес к играм и интенсифицировала их «социализацию» и «прагматизацию», расширила область применения; на основе ОДИ были сконструированы такие формы как выборы руководителей (С. В. Попов), конкурсы, методологические экспертизы, Школы (С. В. Попов, П. Г. Щедровицкий). ОДИ включались в систему образования, бизнеса, политики, процессы судебной реформы.

Итак, ОДИ дала жизнь целой плеяде игровых практик, но, помимо этого, стала прообразом методологической работы в различных областях деятельности, причем не только в играх как таковых. Так что, с одной стороны, можно выделить ОДИ как Игру — принципиально отделенный от «серьезной жизни» хронотоп, имеющий свое начало и конец, с присущими ему специфическими чертами этого игрового мира. В зависимости от областей употребления и еще каких-либо параметров, можно строить те или иные типологии ОДИ [39; 44]. С другой стороны, в качестве прототипа ОДИ вошла:

— в разного рода системы практической мыследеятельности, ассимилировавшие выработанные в ОДИ способы работы (анализ ситуации, целеобразование, методологическую схематизацию, программирование и пр.), в том числе в особые формы организации образовательных процессов в вузах и школах; в оргуправленческие технологии и пр.;

— в игры и практики (тренинги, проектные семинары, сессии по анализу ситуаций и множество других, возможно, еще не придуманных форм), которые осуществляются от-

* Перечислить все команды не представляется возможным.

дельно от «производственной» работы и используют отработанные в ОДИ способы и подходы, но представляют собой не ОДИ как методологическую практику, объемлющей рамкой которой выступает развитие методологии, а ориентированы на обучение людей или развитие конкретных областей или решение практических или политических проблем — замыкающей рамкой подобных практик является решение прагматических задач;

— в новые методологические практики;

— в новые формы организации исследований.

Организационно-деятельностная игра, таким образом, выступает в функции культурного образца для включения методологической работы в процессы развития разных практических областей и появления новых игровых и методологических практик. Но подобное распространение и включение ОДИ-формы в разные практики позволяет нам говорить не просто о ее «социализации», а обозначить *главную культурную функцию* — ОДИ стала новым культурным прототипом организации содержательного взаимодействия между людьми в современной ситуации кризиса научного знания, социальной и политической борьбы, «морального упадка», развенчания демократических иллюзий и пр.* Место ОДИ — «на краю миров»: между прошлым и будущим, между социумом и культурой, между знанием и незнанием. Беззащитность человека и нашего общего существования перед лицом культуры и цивилизации вынуждает искать новые формы работы и жизни в подобных ситуациях. Это — *функция прототипа в ситуации отсутствия прототипа*. «Культура начинается не как игра и не из игры, а в игре» [31. С. 92].

* * *

Подытоживая, еще раз подчеркну: культурное значение организационно-деятельностной игры важно рассматривать, по крайней мере, в двойной перспективе.

Во-первых, в линии развития методологии ММК: здесь ОДИ стала площадкой разработки новой методологии, в

* Ср.: «Воистину есть все основания говорить о кризисе современного мышления и знания, о кризисе таком фундаментальном и таком остром, что вряд ли можно найти ему подобие в известных нам прошлых периодах духовной жизни» [31. С. 272].

основе которой — идея и практика организации проблематизации и программирования в коллективной мыследеятельности, в определенном смысле *противостоящие нормативному и проектному подходам*. В этом плане игровой период в истории ММК связан не просто с реализацией того, что было наработано прежде, — это скачок, задавший шаг развития самой методологии через разворачивание и одновременно проблематизацию ее предшествующих установок.

Во-вторых, если брать ОДИ как некоторую состоявшуюся форму организации коллективной мыследеятельности в проблемных ситуациях, она явилась новым культурным прототипом, легла в основу множества используемых сегодня и будущих практик работы с группами и коллективами.

И в завершение снова вернусь к экзистенциальному смыслу ОДИ. Для многих из нас ОДИ была местом подлинного существования, полноты бытия [29]. Игра вытаскивала нас из «ячеек» и погружала в особый мир, в особое пространство названности вещей своими собственными именами, без оглядки на социальные иерархии, на достижение социальных целей. В символическом мире игры главенствовали особые «вещи» — содержания и смыслы; естественно, сюда втаскивалась человеческие страсти и «социальность», но другой была система ценностей.

В этом искусственном мире можно было попробовать пожить иначе. Поэтому, кстати, важно разделять «игру» и «жизнь», не путать одно с другим. Игра, раскрывая наши потенциальные (потаенные?) возможности, поставляет («постав» Хайдеггера [30]) нам новые жизненные ресурсы. Основной эффект оргдеятельностной игры был, в общем-то, даже не в получении новых мыслительных форм и содержаний (над этим нужно было работать дальше, после игры), а в рождении новых смыслов, которые давали потрясающую энергетику — жить, мыслить, чувствовать, понимать.

«Мы все делаем вид, что мы живем, мы делаем вид, что работаем, а на самом деле ничего не делаем. Это есть наша жизнь. А игра — дело очень серьезное и с содержанием. Она нам нужна, поскольку она дает людям возможность жить — пусть “в пробырке”, но свободно. Игра вас может сделать человеком, если вы включаетесь в нее... — да, человеком “в пробырке”. Но тот, кто прожил десять дней “в пробырке” человеком, может остаться таким и дальше, если запомнит, что это значит — быть человеком» [42. С. 23].

Литература

1. Автономова Н. С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии. № 3. 1993. С. 17–22.
2. Баранов П. В., Сазонов Б. В. Игровая форма развития коммуникации, мышления, деятельности. М., 1989.
3. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 46–61.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987.
5. «Герменевтика»: проблемы исследования понимания // Вопросы методологии. 1992. № 1–2. С. 97–122.
6. Громыко Ю. В. Московская методологическая школа: социокультурные условия возникновения, идейное содержание, проблемы развития // Методология: вчера, сегодня, завтра. В 3 т. С. 271–302. Т. I.
7. Громыко Ю. В. Организационно-деятельностные игры и развитие образования. М., 1992.
8. Зинченко В. П. Комментарий психолога к трудам и дням Г. П. Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М., 2004. С. 337–403.
9. Карнозова Л. М. Самоопределение профессионала в проблемной ситуации. Психосемиотическое исследование на материале организационно-деятельностных игр. Дисс... канд. психол. н. М., 1991.
10. Карнозова Л. М. Правовая журналистика: замысел и игра // Кентавр. 1996. № 2. С. 5–13.
11. Карнозова Л. М., Александрова Г. И. Методологический анализ игротехнической работы в организационно-деятельностной игре // Актуальные проблемы системноисследовательской методологии и организационно-деятельностных игр. Рига, 1989. С. 33–68.
12. Карнозова Л. М., Александрова Г. И. Двухтематические ОД-игры по проблемам образования: социокультурный, методологический и игротехнический аспекты // Вопросы методологии. 1991. № 2. С. 72–83.
13. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991.
14. Лекторский В. А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте

отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М., 2004. С. 171–205.

15. На Досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М., 2004.

16. Наумов С. В. Представления о программах и программировании в контексте методологической работы // Вопросы методологии. 1992. № 1–2. С. 11–30.

17. ОДИ-1 // Организационно-деятельностные игры. М., 2006.

18. Пископелъ А. А. Г. П. Щедровицкий — подвижник и мыслитель // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М., 2004. С. 11–57.

19. Подорога В. А. Проект и опыт (Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: Сравнительный анализ стилей мышления // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М., 2004. С. 429–523.

20. Попов С. В. Организационно-деятельностные игры: мышление в зоне риска // Методология: вчера, сегодня, завтра. В 3 т. С. 413–476. Т. II.

21. Попов С. В., Щедровицкий П. Г. Конкурс руководителей. Всесоюзный конкурс на должность директора завода микроавтобусов РАФ: анализ ситуации. М., 1989.

22. Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. № 3. 1993. С. 3–16.

23. Сазонов Б. В. ММК в лицах / Сост. М. В. Хромченко. М., 2006. С. 54–62.

24. Раппапорт А. Г. Границы проектирования // Вопросы методологии. 1991. № 1. С. 19–38.

25. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / Отв. ред. Л. М. Карнозова. М., 1995.

26. Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. Дискуссии о правовой журналистике / Отв. ред. Л. М. Карнозова. М., 1996.

27. Трубина Е. Г. Посттоталитарная культура: «все дозволено» или «ничего не гарантировано» // Вопросы философии. № 3. 1993. 23–27.

28. Тюков А. А. Организационные обучающие игры и моделирование процессов социального развития личности // Игровое моделирование: методология и практика. М., 1987. С. 48–61.

29. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблемы человека в западной философии. М., 1988. С. 357–403.

30. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

31. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

32. Щедровицкий Г. П. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 424–471.

33. Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 88–114.

34. Щедровицкий Г. П. Игра и «детское общество» // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 673–681.

35. Щедровицкий Г. П. Методологические замечания к педагогическому исследованию игры // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 687–716.

36. Щедровицкий Г. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыследеятельности // Методы исследования, диагностики и развития международных трудовых коллективов. Сб. ст. М., 1983. С. 153–178.

37. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 281–298.

38. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (1) [Из архива Г. П. Щедровицкого]. Т. 9 (1). М., 2004.

39. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (2) [Из архива Г. П. Щедровицкого]. Т. 9 (2). М., 2005.

40. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системнодеятельностного подходов // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 143–154.

41. Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом... М., 2001.

42. Щедровицкий Г. П. Философия у нас есть // Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 1–24.

43. Щедровицкий Г. П. Теория деятельности и ее проблемы // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. С. 242–268.

44. Щедровицкий Г. П., Котельников С. И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 115–142.

45. Щедровицкий П. Г. К анализу топики организационно-деятельностных игр. Препринт. Пушкино, 1987.

46. V Всесоюзная школа молодых ученых-юристов: Методология организации прикладных комплексных исследований и разработок в области права / Отв. ред. Е. Б. Мизулина, А. А. Матюхин. С. Б. Мирзоев. Ярославль, 1990.

47. Winslade J., Monk G. Narrative mediation: a new approach to conflict resolution. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2001.

VI. Воспоминания

М. С. Хромченко

Символ рода

1952-й год: студент Московского университета Георгий Щедровицкий размышляет над последствиями Октябрьской революции — «гигантского эксперимента по переустройству мира, который влечет за собой страдания миллионов людей, перестройку всех социальных структур и разрушение всех традиционных форм культуры». В итоге приходит к выводу, что теперь, после всего того, что случилось в стране, «путь к развитию России и людей России идет прежде всего, через создание новой культуры, ибо восстановление прежней невозможно». А «чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстановить ее интеллигенцию», чье «социокультурное назначение, обязанность перед обществом — понимать, познавать и строить новые образцы». И задаваясь вопросом, «что это означает для меня и как я должен действовать, чтобы моя жизнь и работа были осмысленными», на что «должны быть направлены все мои усилия», формулирует принцип, «инвариант жизни — моей и мне подобных», определивший всю его последующую жизнь:

— Как бы ни разворачивалась политическая ситуация, смысл и назначение моей работы заключается прежде всего в том, чтобы по всем линиям и во всех возможных формах способствовать восстановлению интеллигенции. Назначение и смысл моей работы, в том числе как философа, как социального мыслителя,

как логика и методолога, состоит в том, чтобы выискивать людей, способных осуществлять эту работу, и создавать условия для их жизни, для их развития*.

Ему, смолоду ориентированному на действие, необходимо понимать, что происходит вокруг, поэтому его интересуют «процессы и механизмы образования понятий: без них работать нельзя, поскольку это неэффективно». А так как понятия строит мышление, то «основной областью моих занятий — на первое десятилетие, во всяком случае, — должны стать логика и методология, образующие “горячие точки” в человеческой культуре и мышлении... сначала должны быть развиты средства человеческого мышления».

Два года спустя выпускники философского факультета Александр Зиновьев, Георгий Щедровицкий и Борис Грушин заявляют программу строительства новой логики, впоследствии названной содержательно-генетической (тогда же в их круг «диалектических станковистов» входит Мераб Мамардашвили). И чтобы ее реализовать, они организуют в МГУ, в рамках Научного студенческого общества (НСО) и под формальным руководством преподавателей кафедры еженедельный семинар, а Георгий, именуемый с тех пор друзьями Г. П., начинает собирать в домашнем Кружке «стоящих ребят», желающих подключиться к намеченным исследованиям.

* * *

Первым находит Никиту Алексеева, на всю с тех пор жизнь друга Кита:

— На втором курсе написал я курсовую работу о случайности и необходимости, после чего меня разыскал Георгий. Тогда он только что закончил факультет и работал в очень интересном для меня ключе. А меня будоражили наивные, идиотские, мысли: мышление спасет человечество, и потому категориями надо заниматься, процессами, механизмами. Это было, как я

* Так сказал Г. П. Щедровицкий в беседах с Николаем Щукиным, опубликованных в книге «Я всегда был идеалистом». Остальные цитаты взяты из моих бесед с членами Московского методологического кружка, их же интервью, опубликованных в альманахе «Кентавр», или из иных публикаций. Не считая свой текст научной статьей, я не привожу ссылок на источники, взяв в «союзники» Владислава Ходасевича. Он в книге о Державине, назвав себя его биографом, добавил: «Мы, однако, не делаем сносок, так как иначе пришлось бы их делать едва ли не к каждой фразе». — *Примеч. авт.*

сегодня понимаю, мало дифференцированное, смутное ощущение, но сидящее как некоторая ценность. И было четверо молодых ребят, чуть постарше меня, еще не Кружок, а именно четыре человека, споривших друг с другом по поводу некоего содержания. Как-то так чувствовалось, что духовным лидером был Саша, организаторская функция была взята Георгием, а Борис с Мерабом выступали как самостоятельные личности.

Кит приведет в «еще не Кружок» однокурсника Владимира Костеловского, с которым подружился в студенческом походе по Уралу:

— В перерыве между лекциями подошел Алексеев и сказал, что хочет меня с кем-то познакомить. Он представил меня Юре, и мы пошли с ним по улице Горького. С пылом юности и «социальной невинности», которую я сохранил, несмотря на семь лет в армии и на войне, я ему рассказал, чем занимаюсь, а я еще до войны, мальчишкой, наткнувшись под влиянием мамы на «Диалектику природы» Энгельса, решил, что буду заниматься философией естествознания. Наша прогулка закончилась в кафе около Белорусского вокзала. Помню, мы там выпили пару бутылок ленинградского пива, а в то время оба почти не пили, и этого было достаточно, чтобы глазки у нас загорелись.

Г. П. пригласит нового знакомого домой — на семинар:

— Тогда это было в новинку. По квартирам студенты собирались на вечеринки, а внеучебная деятельность проходила в кружках НСО и на заседаниях кафедры. Но на факультете была рутина: чтобы доказать свою лояльность, преподаватели старались быть папее-Римского Папы! А у нас был домашний семинар — среди философов, насколько я знаю, единственный. И была в основном благодаря Юре, атмосфера творчества и свободы. Он ставил проблемы и говорил: за это Нобелевскую премию дадут! Так возникало ощущение, что мы — в авангарде всего мира, и в такой атмосфере мы, как говорил Маяковский, «перекидывали миры из рук в руки».

Следом в Кружок входят их однокурсники Вадим Садовский и Владимир Швырев. Летом они, прихватив экземпляр текста зиновьевской диссертации, отправятся к родителям Садовского, под Оренбург, где, сами еще с трудом разбираясь в премудростях восхождения от абстрактного к конкретному, будут «приобщать» к ним сверстников, а что-то даже родителям объяснять.

Через год поднаторевший в логических премудростях Вадим получит задание вычлениить и реконструировать приемы и формы мышления Декарта в его «Геометрии»:

— Тогда эти термины были очень модными, «старики» их просто обожали, и все мы должны были что-то вычленять и реконструировать. Получив задание перед летними каникулами, я уехал с учебником французского языка и, запершись на даче, занимался им до сумасшествия. Насколько помню, Декарт писал на латыни, мне же французский нужен был для того, чтобы читать тексты других авторов о самом Декарте.

Весной все того же знаменательного года с Георгием знакомится первокурсник Иосаф Ладенко («с того дня мы стали друзьями навсегда»), человек не просто упертый — в своем упорстве героический. С детства почти слепой (в руках мальчишки взорвалась случайно найденная граната), школу-интернат он закончил с золотой медалью, по факультетским коридорам перемещался с уверенностью зрячего, а исследуя по заданию старшего друга «связь отношений эквивалентности с мышлением», станет едва ли не единственным кружковцем, две статьи которого опубликуют в научных журналах еще до окончания университета.

Наконец, Петр Гелазония (поступил в университет «по следу» учителя: в его классе студент Щедровицкий преподавал логику и психологию) привел в Кружок Вячеслава Столярова («именно привел, потому что первоначально я не проявлял особой склонности к серьезной исследовательской работе») и Бориса Сазонова:

— Был тогда Петя живым, остроумным и просто умным красавцем-верзилой, чья социальная активность поразила меня на первом же комсомольском собрании. Он привлек меня к выпуску курсовой стенгазеты — в контрасте с факультетской «За ленинский стиль» выпускал «Нашу газету», в коей был главным редактором, и, приглядевшись, осенью 1956-го, привел на семинар. В тот же день Георгий Петрович пригласил меня погулять для выяснения жизненных позиций.

На факультет я пришел с целью разобраться, где и почему произошла ошибка с социалистической идеей, которая породила советский строй... Я признался Г. П., что поступил на факультет с экстремистскими установками: мои планы активной борьбы предполагали даже лагерные отсидки. На что он сказал, что в «битье фонарей» и тем более в отсидках толку мало. Непродуктивно становиться с властью, против которой ты хочешь бороться, на одну доску — надо быть всегда выше нее. Всякие социальные революции начинаются с революций в мышлении: Лютер и Реформация, Энциклопедисты и Великая французская революция, марксизм и Великая Октябрьская

революция... и в этом смысле я попал в нужное место и в нужное время — именно здесь создается новое мышление, которое способно изменить мир. Он говорил столь убедительно, что с той незабываемой прогулки по Бульварному кольцу вся моя последующая студенческая жизнь, а затем и аспирантура прошла под «знаком зодиака» Логического кружка.

Острые дискуссии на семинаре НСО привлекали многих студентов, они приходили к Щедровицкому и спрашивали: «А делать что? вот у нас на курсе есть пять таких недотеп, которые все время живут поперек». Он назначал им свидания, они встречались и «обсуждали, что делать будем дальше и как жить»:

— Тогда, в 1954—1955 гг., я держал в своем списке примерно двести человек.

Подозреваю, что «поперечных недотеп» было куда меньше, но сколько бы их ни прошло через факультетский семинар, программу создания новой логики приняли лишь вышеназванные «младостанковисты». А на взгляд Зиновьева, полагавшего «создать свое маленькое общество, объединенное идеей какого-то дела», больше и не надо, потому что «из тысячи мышей не сложишь одного слона»:

— Небольшая группа, пять-шесть человек, но одержимых и талантливых, может сделать больше, чем 50 тысяч. Речь идет о том, чтобы вырастить людей, способных брать идейные высоты, каких не удавалось брать до сих пор...

Ему создать такое общество не удалось, от собранной Георгием Петровичем «полулегальной группы», посчитав ее «карикатурой на свою идею», он отказался, и осенью 1956 г., после того как (по Ладенко) «давно нараставшие между Зиновьевым и Щедровицким принципиальные теоретические разногласия приведут к их окончательному разрыву», лидером Кружка становится Г. П. Тут уж он развернется на полную катушку, проявляя, как скажет потом Мамардашвили, «неуемный темперамент социального активиста, вкус к тому, что я называю распоряжением, руководством, воспитанием, направлением социального дела».

— Да, — подтвердил Грушин, — мы имели тематический план, составленный не на недели и даже не на месяцы — на годы! По нему каждый из нас обязан был готовить доклад, заранее сообщая остальным, хотя бы по телефону, основные тезисы. При этом дисциплина была просто палочная, и если из основателей вытрясти доклад с тезисами Юрий не мог, то уж из последователей — будьте уверены. К сожалению, мы были бедны на технику, поэтому многое высказанное по ходу дискуссий про-

пало, хотя, конечно, каждый все, что ему было важно, для себя записывал, тем более что Юрик развил бурную деятельность по написанию статей и публикации их в разных изданиях.

Магнитофон (двухпудовый «Днепр», затем, немногим легче, «Комету») они купят через год-другой, будут включать на каждом семинаре (а к тому времени с логиками уже работали психологи), брать на конференции в Томск, Киев, Новосибирск, Ленинград, Харьков. Но записать доклад и дискуссию было лишь полдела — с бобинами пленок, хранящими «следы мышления», очередной дежурный семинарист отправлялся к незабвенной Часовиковой.

Вспоминает Наталья Кузнецова (в Клубе с середины 1960-х гг.):

— Мы должны были переводить аудиозапись в машинописный текст: прослушав кусочек пленки, в уме отредактировать и продиктовать Вере Сергеевне более или менее грамотный текст. Четыре-пять часов такой диктовки были сильнейшим способом погружения в тематику и способы работы Клуба. Такое обучение я называла принципом «магнитофонной рефлексии»: когда люди говорят, они одержимы своими мыслями, себя не слышат, и как нечто сказали, не помнят. А с магнитофоном ты сегодня сказал, завтра переписываешь и слышишь, что говорил вчера, начинаешь себя контролировать и видеть действительность мышления.

Александр Раппапорт (в Клубе с конца 1960-х гг.):

— Мы делали этот немислимый труд, а распечатка обсуждений только одной работы Г. П. — анализ мышления Аристарха Самосского — составила около 1000 страниц, ибо свято верили, что каждое слово имеет непреходящую ценность, и таким образом учились ясно излагать суть дискуссии, а заодно возвращаясь к дословно сказанному критически, оценивать осмысленность того, что рождалось в процессе устной полемики.

В постоянно вспыхивающей полемике оппоненты, друг друга перебивая, начинали говорить хором, разобрать ими сказанное удавалось с большим трудом (за что магнитофон прозвали бормотографом). Но уникальная машинистка, дымя папиросами (сигарет на дух не принимая, учила очередного слухача, Романа Спектора, набивать специальные гильзы табаком), с пулеметной скоростью распечатывала на стареньком «Ундервуде» диктуемые тексты и, ничегошеньки в методологии не понимая, различала речи спорщиков лучше всех, кроме разве что любезного ее сердцу Вадика Розина.

Впрочем, заботиться об архиве Г. П. начал еще до появления звукозаписывающего монстра, о чем можно судить по сохранившейся стенограмме факультетского семинара 1955/56 учебного года. И тогда же переводами книг зарубежных авторов по логике и методологии науки стала пополняться библиотека Кружка, благо Садовский, принятый в сектор информации Института философии, получил доступ в спецхраны.

Вот лишь несколько переведенных в первые годы книг. Д. Гилберт «Логические основы математики» и Г. Ган «Проблемы обоснования математики». Ф. Франк «Основания физики» и М. Борн «Понятие реальности в физике». Э. Гуссерль «Философия арифметики» и М. Шлик «О фундаменте познания». Р. Карнап «Формальная и фактуальная логика» и А. Черч «Введение в семантику Карнапа». Ф. Брессон «Научение и знание» и А. Раппапорт «Что такое информация». О. Райзер «Логика, кибернетика и семантика», К. Спонс «Эмпирический базис и теоретическая структура психологии», В. Вольвиль «Предшественник Галилея в VI столетии», Г. Фреге — «О смысле и значении» и «Письмо об основаниях геометрии».

К фундаментальным работам подверстывали рецензии, обзоры зарубежных журналов, рефераты изданных книг и статей, опубликованных в отечественных научных журналах, распечатанные в нескольких экземплярах тексты переплетали в тома, сколько их всего было, сегодня никто не помнит (я видел № 31-й, «изданный» в 1961 г.). Руководитель Кружка вовлекал в эту деятельность любого, включая «попутчиков», кто хотя бы со словарем владел иностранными языками. Четверть века спустя он назовет самых активных переводчиков:

— Когда сложился Логический кружок, и была выдвинута программа построения содержательной логики, в контексте ее был намечен обширный цикл историко-логических исследований. Нужно было в короткий срок ознакомиться с современными логическими направлениями, проработать их и выработать к ним отношения. Усилиями молодых исследователей — В. Садовского, В. Швырева, В. Финна, Д. Лахути, И. Добронравова, О. Кузнецова*, Л. Смирновой, П. Гелазония и других — в 1955—1960-х гг. удалось обработать и освоить почти всю логическую литературу за период с 1925 по 1955 г., исходившую из неопозитивистского направления.

* Так в расшифровке. По-видимому, имеется в виду С. О. Кузнецов. — *Примеч. ред.*

Возрождение гуманитарной мысли в стране сопровождалось оттепельным половодьем семинаров, не предусмотренных Учеными советами институтов, поэтому Юрий Левада назвал то, чем такие группы энтузиастов занимались, «параллельной наукой». Они обсуждали разные проблемы — диалектики и всеобщей истории, прогнозирования и социологии, культурологии, лингвистики, семиотики. Кто-то складывал профессиональное сообщество, кто-то занимался «тренажем мозгов» в атмосфере интеллектуальной свободы и соблюдения научной этики, одни считали важнейшим делом знакомство с западными идеями и создание новых дисциплин, других объединял «пафос служения Истине» или критика с особым пристрастием к «генералам от науки». С профессионалами соседствовали «ценители коммуникации» и любители «туманных высказываний», интеллигентные дамы, отвечавшие «за культуру», и люди «с приветом». Они перемещались с одного семинара на другой, задавали вопросы, читали самиздат, не обращая внимания на легко вычисляемых «стукачей».

В конце века этим феноменом занялся коллектив под руководством М. Г. Пугачевой. Извлеченные архивные тексты и дополнившие их интервью были опубликованы в сборнике «История российской социологии в документах и исследованиях», а в предваряющей их статье «Семинарское движение в социологии 1960—1970 гг.: параллельная наука или “Игра в бисер”?» Марина Геннадьевна подчеркнула, что «это уникальное не только для периода “позднего сталинизма” движение начинается на философском факультете МГУ на рубеже 1940—1950-х гг. с Логического кружка, возникшего в 1952 г. и просуществовавшего до 1958 г.».

Возглавив Кружок после ухода станковистов, Г. П. выстраивал его как клубную структуру, прививая ей «производственные» функции, чем обеспечивала условия для жизни и развития входивших в кружок людей (что было, напомним, «императивом жизни — моей и мне подобных»): щедровитяне вели эмпирические исследования, получали новое знание, создавали новые интеллектуальные средства, необходимые для разработки новых теоретических представлений.

И уж совсем уникальной эта логико-методологическая общность, однажды Олегом Генисаретским блистательно прозванная ММКовщиной, была прежде всего тем, что в тоталитар-

ном государстве (пусть и «вегетарианского», в сравнении со сталинским, разлива) сорок лет оставалась несовпадающим с ним, в каком-то смысле изолированным от него пространством вольной жизни, прочерченным вне географических координат регионом одухотворенной совместности, созвучным гессевской Касталии.

— Это был, — откликнется спустя десятилетия Нинель Непомнящая, вошедшая в кружок в 1958 г., — особый мир: мы вместе работали (собирались каждый вечер) и вместе отдыхали (походы, байдарки, консерватория и т. д.), традиционным после семинара было посещение кафе «Прага» — выпить чашечку кофе на ночь глядя.

Именно «большой круг людей, которые вдохновенно работали много лет, страшно преданные своему делу, причем не только в плане идей, но и с очень сильной взаимной привязанностью» выделил Левада (не член Кружка, хотя «отчасти взял за образец его идею, что научная жизнь — это семинарская жизнь»):

— Они поддерживали друг друга, как только могли, друг друга подкармливали, кто-то у Г. П. ночевал, собирались не меньше раза в неделю, а то и чаще, обсуждали свои вопросы, ни на что не оглядываясь, таскали на заседания магнитофон, все записывали, переписывали, все хранили, это задавало стиль движения и производило очень сильное впечатление.

— Я глубоко убежден, — скажет Георгий Петрович уже в 1981 г., — что семинары такого рода представляют, может быть, наиболее эффективную форму организации человеческой мысле- и жизнедеятельности, причем я соединяю оба эти момента, они для меня очень важны. Более того, я считаю [их] некоторой исторической необходимостью. Здесь я употребляю очень громкое слово — про историю, но я много думал над тем, можно ли так говорить, и пришел к выводу, что можно и даже нужно, поскольку — вот теперь я начинаю разворачивать эти соображения — подобного рода семинар, на мой взгляд, представляет единственную жизнеспособную сегодня спору коллективной жизни. С другой стороны, это есть определенная мыслительная машина...

Вместе с тем я думаю, что это есть условие и среда существования и развития мыслящей личности, и, наблюдая другие формы, равных вроде бы не вижу. Я полагаю, что только благодаря системе семинаров, через которые я проходил в своей жизни — как и многие другие люди, которые сейчас работают и в философии, и в науках, — только благодаря этой системе мы смогли сохраниться в условиях достаточно широкого и по-

всемирного разложения, сохраниться и идти вровень с тем, что сейчас обсуждают в мире. А в каких-то пунктах идем впереди и развиваем дальше.

Семинар такого рода имеет свою этику, свою совершенно особую систему человеческих отношений, свои нормы жизни, очень трудные, принципиально отличные от того, что сейчас происходит в социуме и зафиксировано в культуре. Короче говоря, я не знаю другой формы сохранения и обеспечения жизни.

Поэтому такой семинар требует определенного подвижничества, очень больших личных вкладов [и] очень высокой институциональной организации. Он соединяет учебную группу, работающую машину, школу, что-то вроде партиячейки — этот момент раньше бывал сильнее, и вместе с тем это — клубный коллектив, где строятся отношения.

Каждый такой семинар представляет собой органическое единство всех форм жизни, т. е. это микрокосм, взятый во всей полноте его проявлений. И это создает невероятно сложные отношения — между учителем и учеником, между руководителем работающей группы и исполнителями, между главой школы и ее адептами, наконец, между просто людьми, которые равны в клубе как таковом, если мы рассматриваем это как клуб.

* * *

Сказано так было на одном из поздних «вторников», но методологические «споры такого рода» прорастали и по другим дням по всей ММКовщине, воплощая в черед семинаров принципы жизне- и мыследеятельности членов Клуба, отличные от любых других отнюдь не только «этикой, системой человеческих отношений и нормами жизни».

Наталья Кузнецова, впервые попав в группу физиков под руководством академика Виталия Гинзбурга, сразу ощутила нечто родное. А именно дисциплину мысли, не свойственную полемизирующим гуманитариям, строгость рассуждений и манеру ведения дискуссии, в которой разрешалось перебивать докладчика в любой момент, резкость высказываний с сомнениями в точности его рассуждений, накал страстей, и такое «родство» объяснила тем, что Щедровицкий три года учился на физфаке.

То, что для него они не прошли бесследно, несомненно, однако накал страстей можно ощутить и на... соревнованиях футболистов или шахматистов, притом что «дисциплина мысли» тех и других несопоставима. К тому же он со студенческих лет

стремился посещать и естественнонаучные, и гуманитарные ристалища: собирая с этих (по «принципу ромашки») коммуникативных лепестков содержательный нектар и вбрасывая его в дискуссионный котел своей Касталии, чем, обогащая сподвижников, одновременно порождает очередную методологическую закавыку — перевод содержания из одного предмета в другой, на другой язык. Потом он скажет: «Методолог появляется из того человека, который сидит на двух парадигмах».

Так создавалась полифункциональная «машина методологического мышления» (далее Петр Щедровицкий), «снявшего в себе онтологичность философии, аналитичность науки и техничность инженерии»:

— Он [Г. П.] создавал их за счет того, что замыкал совершенно разные контуры, ранее не замкнутые, а в силу советского устройства еще и разведенные по разным отраслям знания. Замыкая их, он тем самым заставлял работать философию на педагогику, педагогику на психологию, психологию на социологию и т. д. Почти физически заставлял, предлагая членам Кружка обсуждать разные содержания в разных контекстах, что принципиально отличало его семинары от предметно замкнутых семинаров того же Гинзбурга, Ландау или Капицы.

А кто-то сравнивал ММК с Венским кружком (интересующимся рекомендую книгу «Кочерга Витгенштейна»*), также междисциплинарным — на его заседаниях раз в неделю собирались философы, логики, математики, физики, социолог-экономист, католический священник и романтики-мистики. Они обязывались «вести себя корректно», но их дискуссии «всегда отличались большим накалом» и даже порождали расколы. Однако вдохновленные эпохальными свершениями в физике венцы решали одну содержательную проблему: как «применять к философии научный метод», и потому манифест, отразивший их цели и ценности, озаглавили — «Научное миропонимание».

Миропонимание Г. П. было радикально иным, но и это еще не все. Быть принятым в Венский кружок можно было только при «наличии блестящего интеллекта», поэтому в него входили «исключительно состоявшиеся ученые», например Рудольф Карнап, Курт Гедель, Отто Нейрат и наезжавшие в Австрию не

* Давид Эдмондс, Джон Айдиноу: Кочерга Витгенштейна. История десяти-минутного спора между двумя великими философами. М., 2004.

менее известные коллеги из других стран. Однако и блеск интеллекта не всегда служил пропуском в их круг: не был в него допущен даже Карл Поппер (будущий сэр приглашение выступить с докладом в то время считал бы за честь), и все потому, что был непримиримым оппонентом Людвиг Витгенштейна, венцами почитаемым — заодно с Альбертом Эйнштейном и Бертраном Расселом — «интеллектуальным прародителем движения».

А интересно, сколько человек принял бы в свой круг Щедровицкий, следуя он этому правилу, и как бы в нем ужились интеллектуальные венцы?

* * *

Не уставая объяснять, почему ММК переходил от одной проблемы к другой, например, от индивидуального мышления к групповой интеллектуальной деятельности, где мышление «солидарно» с рефлексией, пониманием и коммуникацией, Георгий Петрович в то же время раскрывал организационные принципы своих фирменных семинаров — той самой машины коллективной мыследеятельности, иными кружковцами именуемой «открытым рингом». Чтобы показать их неповторимость, достаточно процитировать хотя бы несколько фрагментов его написанных текстов и сказанных баек.

Впервые такая «машина» была создана «в 1953–55-м годах, когда у нас появились семинары, живущие по совершенно определенным законам диалога или беседы»: в спонтанно возникавшей полемике станковисты обсуждали любые проблемы в «нет-стратегии»: каждый отстаивал свою точку зрения, стремясь, «хоть наизнанку выворачиваясь», опровергнуть чье бы то ни было утверждение. Затем из этой конструкции Г. П. изъясил узел спонтанности, после чего семинар начал «функционировать сам по себе. И никто не мог сказать, “семинара не будет, потому что я заболел”. Сложилась иная практика: семинар есть самое главное. Если кто-то не может — это его личное дело. Семинар должен состояться. И он был».

Лишенный с уходом станковистов главных оппонентов, Г. П. сохранил принцип «нет» как условие саморазвития членов кружка, прививая этот дичок, словно Мичурин, к стволу каждой новой генерации ММК. Практика неизменно острых дискуссий подвергалась «рефлексивному анализу, многие ее специфические черты осознавались и фиксировались в методических, организационных и этических принципах... в 56-м году

это было осознано, а к 58-му в кружке уже была выработана собственная субкультура. Существовал в то время даже писанный «Устав» с очень сложными этическими аспектами. Там утверждалось, что идеи, разрабатываемые нами в семинаре, не принадлежат никому. Если человек докладывал какую-то идею, то он расставался с ярлыком собственности на нее».

Впервые собравшись вместе, «психологи, логики, методологи, лингвисты, социологи заниматься, как им казалось, хотели одним — мышлением и деятельностью»:

— Поэтому они должны были соединить свои усилия, найти общий язык, сорганизоваться. Причем все работали как техники: скажем, Василий Васильевич Давыдов — как антропотехник, другим приходилось организовывать коммуникацию и мышление, третьим — какие-то области дизайна, педагогики в целом и т. д. И они начали вырабатывать форму методологической организации — не исследовать, а реально творить ее в «колбе» семинара.

Приходит, например, логик Вадим Николаевич Садовский, большой зануда по части значков, большой дока по части разных направлений, он приносит свое видение мира, свою логическую действительность. Образно это можно представить так, что он все время ходит с «доской» перед собой, где рисует эти свои значки и закорючки.

А рядом с ним стоит Давыдов, который терпеть не может этих закорючек, но не потому, что они не имеют значения, а потому, что помнит слова, сказанные однажды Давидом Гилбертом: «Очень много мела, а где мысль?». И Василий Васильевич спрашивает Вадима Николаевича: «Где за вашим мелом мысль?» — потому что у него совершенно другое мышление.

А потом приходит, скажем, Юрий Владимирович Рождественский, которому то же самое «речевое мышление» видится сквозь призму языковедческих представлений, через призму «системы языка», цепочек речи, парадигматики и т. д.

Так собиралось множество людей, за каждым из которых стояла практика их работы и определенная техника, и каждый должен был вести двойную жизнь. Каждый из них мыслит в своей предметной профессиональной действительности — логической, психологической, языковедческой... Но когда они приходят на семинар, между ними начинается дискуссия [и] все оказываются не только в плоскости своего чистого мышления, в своей предметной действительности, но и вынуждены взаимодействовать друг с другом, включенные в живую коммуникацию и мыследеятельность.

«Семинарские заседания Круга были мало похожи на традиционные академические собрания, в которых докладывают о полученных результатах. Докладчик по сути дела только начинал обсуждение темы... должен был определить проблему, в обсуждение которой включались все остальные. Границ между докладом и дискуссией практически не было. Заседание представляло собой коллективное обсуждение и решение проблемы, в котором нередко разворачивались одновременно и параллельно сразу два или три доклада на одну тему. Правильнее было бы даже сказать, что это были содоклады и контрдоклады, ибо игра в доказательства и опровержения стала основным принципом организации всей интеллектуальной жизни Круга».

«В силу такой достаточно свободной организации работы необходимым [было] функциональное структурирование группы».

— Определенная группа людей осуществляла «конструктивную работу» («создавали модели и фиксирующие их понятия»). Другие («фальсифицируя их относительно эмпирического материала») играли роль «критика» («с культурно-исторической или категориально-методологической точки зрения»), работая в совершенно особой мыслительной структуре. Третьи ставили в «исторический контекст», создавая массу ассоциаций с другими решениями. Четвертые при этом разрабатывали «средства» («и методы работы, фальсифицируя их»). И эти «рефлексивные выходы» либо к средствам, либо к основаниям стали характерным моментом работы.

— Итак, докладчика не было, но я продвинулся еще дальше, сказав, что не было и доклада. Уж если говорить о каком-то разворачивании мысли, то на каждом заседании было три, четыре, пять разных докладов на одну тему, ибо... был целый ряд «частичных лидеров», каждый из которых вел свою особую разработку темы.

«Вопросы можно было задавать после каждого смыслового куска доклада или дискуссии и, практически, по каждому тезису... они касались формулирования целей, задач, оснований, проблематизации средств и методов мыслительной работы, логических схем рассуждений, критериев оценки полученных результатов, способов доказательств и опровержений и т. д. и т. п. В результате главным моментом интеллектуальной работы становилась рефлексия по поводу деятельности, осуществляемой... Кругом в целом».

— Следующий характерный момент... на каждый вопрос следовало, как правило, несколько совершенно разных ответов, и все объявлялись истинными несмотря на то, что нередко противоречили друг другу...

Теперь я понимаю, что это была особая форма проблематизации, и мышление это было не в суждениях, не в высказываниях, а в проблемах, причем их получение мы считали самоценным. На определенных этапах главная цель состояла не в том, чтобы найти решение, а в том, чтобы накрутить как можно больше проблем...

Была и другая, очень сложная проблема: дискуссия часто носила такой жесткий характер, что люди после двух-трех таких дискуссий уходили. Как сейчас помню: лет десять назад докладчик, которого очень сильно ругали, вдруг нажал кнопку магнитофона, собрал свои вещи и ушел.

«Когда на семинары ММК попадал новый человек, у него голова шла кругом, ибо он никак не мог разобраться, почему развернулась та или иная дискуссия, в чем суть спора и возникающих в его ходе оппозиций... Он находился в окружении множества текстов, совершенно разорванных, как ему казалось, производимых хаотически и вне связи с другими. Неудивительно, что у некоторых от всего этого к концу заседания начиналась тахикардия, и они уходили в эмоциональном шоке.

Но в таком положении оказывались не только неофиты. Нередко таким же было положение и старых членов Кружка. Объясняется это в первую очередь отсутствием критериев для отделения “правильного” от “неправильного”».

— И было непонятно, что со всем этим делать, ибо... если высказываются совершенно разные утверждения, то непонятно, что из этого следует. Самое важное и интересное, пожалуй, состояло в том, что разные участники этой группы... играли разные роли, и они... не только закреплялись, но и постоянно менялись.

«Продуктивная содержательная работа каждого была возможна лишь в органической связи со всеми другими и лишь при условии, что в общей работе сохранялось равновесие между всеми ее планами. Ибо никто сам по себе не обладал необходимой полнотой предметного содержания и нормально его разворачивать мог, если только рядом с ним одновременно и то же делали другие.

Одни в этой мыслительной работе фиксировали разрывы и ошибки, другие поставляли проблемы и задачи, третьи —

материал, четвертые — средства и методы, пятые включали все в культурно-исторический контекст, шестые определяли онтологическое пространство работы. И только вместе все эти линии работы образовывали целостность мыслительной деятельности, сложным и причудливым образом объединяющей мыслительные процессы разных типов — исторические описания, конструирование, технические и естественнонаучные исследования, проектирование, нормировку, критику».

«Основным и часто даже единственным регулятивом мыслительной работы становились ее цели. Если они достигались, то новые и казавшиеся ошибочными схемы объявлялись допустимыми. Они... должны были проверяться на разном предметном материале... относительно областей применимости и переводиться в разряд логических норм и методологических схем. Это... также является характерным моментом методологического мышления и выступает в качестве его важнейшей цели и результата. Именно поэтому... предметное содержание... выступало лишь в качестве повода для того, чтобы развернуть новые формы мышления, схематизировать их и зафиксировать в виде новых логических норм. В этом состояла первоочередная задача методологической работы, подчинявшая себе все остальные».

— И я утверждаю, что эта многослойная, многоплановая, регулируемая отчасти целями, отчасти — нормами форма мышления и есть новое — методологическое — мышление. И я думаю, что стиль работы, например, Гудзоновского института, или то, что описывается как синектика — это примеры того же самого группового, коллективного мышления.

«...Организация всех интеллектуальных процессов, осуществляемых отдельными членами работающей группы... творилась тут же, по ходу дела, в процессе живой дискуссии, и ее главным регулирующим принципом было отношение между поставленными целями и средствами мысленного достижения их. А принимались и ставились на обсуждение только те темы, которые... могли выступить в качестве методологических проблем, требующих для своего разрешения построения принципиально новой (по каким-либо методологическим параметрам) мыслительной деятельности».

— Тут могла возникнуть чисто психологическая игра. Представьте себе, что я делаю доклад, а Петров с Ивановым очень на меня нападают, забили меня, и теперь я сижу на их месте, а они делают доклад. Вы понимаете, что все, что они делали, будет им возвращено.

«Итак, сидит председатель и все время думает: а что же дальше? Развертывается страшная дискуссия, и он понимает, что люди поссорятся... кто-то выдвинет ультиматум, что если ему не дадут дальше продолжать доклад, то он уйдет и больше никогда не появится... И все смотрят на председателя... И в зависимости от того, как он ответит, будет то или иное продолжение: одного лишат слова, а другому — дадут.

[Он] запрещал и отсекал одни линии обсуждения и направлял всю коллективную интеллектуальную работу по другим линиям. При этом он очень часто испытывал большие затруднения из-за недостатка методологических средств, необходимых для осмысления ситуаций, складывающихся в процессе коллективной работы, оценки новых идей и новых ходов мысли, для принятия эффективных и перспективных решений».

— Семинар двигался за счет участников, за счет своего группового характера. Но при этом... он все время разваливался и заходил в тупики. И каждый раз приходилось принимать социетальные решения... но... каким-то образом учитывать «содержание»... председатель лавировал с тем, чтобы Иванов не обиделся; Петров с ним не поссорился. Через неделю все повторялось... и в момент, когда докладчик и оппонент зашли в тупик, [надо было] дать пинок всему этому, чтобы это опять куда-то покатилося. Или незаметно подменить тему.

Кстати, поэтому председатель у нас обладал неограниченными правами. Мы все были обязаны ему подчиняться, хотя каждый мог оставаться при своем мнении.

«Так за счет чего групповая работа была целостностью? Не за счет цели, продукта, норм, материала — особую роль здесь играла оргуправленческая деятельность. То есть единственное, что обеспечивало связность всего этого, была деятельность председателя.

Но председатель не мыслил! Он решал совершенно другую задачу: ему важно было представить себе все это в целом и куда-то подталкивать. Чтобы это не развалилось... снова воспроизводилось, чтобы что-то в результате получалось... порождая массу разнообразных продуктов».

— Наш семинар — выродок! Здесь групповая деятельность, и надо ею управлять. А когда три или четыре команды идут друг на друга, стенка на стенку, каждый свое мышление тянет, то тут уж не поймешь, что с ними делать, потому что все они теперь представляют разные парадигматики, разные концепции... [но] этот тип мышления еще не стал всеобщим. Вот если мы его нормируем, он... сделается возможным не только в стенах этой

аудитории и связанных с нею. Для этого надо понять, что происходит, и нормировать это, чего никогда не было.

* * *

Заканчивая университет, станковисты планировали выходить на «широкую арену» и «производить большие действия», для чего считали необходимым достичь общественно значимого положения. Но и они не учли «факторов социализации», чье коррозийное влияние вело к «размыванию первоначальных установок и расщеплению Кружка». Поэтому очень скоро Георгию Петровичу стало «бесспорным и очевидным», что «основная форма нашей жизни — это неформальный Кружок, а социальные организации должны выступать только в качестве некоторых костылей и подспорья для его поддержки». И — защиты.

Не от «Всевидающего Ухоглаза», от него даже в годы оттепели никакая крыша укрыть не могла. Но чтобы в государстве, тотально давившем мысль и самостоятельность, работать по собственным программам независимо от «генералов от науки» и диктата институтских Ученых советов, — а для них домашние кружки просто не существовали, — требовалась «прописка» в какой-либо официальной, предпочтительно общественной организации.

Вначале Кружки логический и психологический «крышевало» университетское НСО, но через два года партбюро, напуганное будапештским восстанием, факультетский семинар прикрыло, что вынудило Щедровицкого искать новые адреса легализации. В конце концов свезло: один из руководителей Московского отделения Общества психологов Петр Алексеевич Шеварев согласился опекать — низкий ему за то поклон — Комиссию по психологии мышления и логике.

Первое междисциплинарное объединение психологов, логиков, педагогов и методологов начало работать в марте 1958 г. Собирались по четвергам на втором этаже в Малой аудитории Института психологии на Моховой, когда стало тесно, спустились на первый, в Большую, после исключения Георгия Петровича из партии мыкались по Москве в поисках пристанища и, пережив тяжелые времена, отметили четвертак своей деятельности!

Через несколько лет Г. П. получит в свое распоряжение и системно-структурный семинар, действующий в рамках философской секции Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР. И с ходу узаконит свободные (как и в Комиссии) дис-

куссии, в которые мог включиться (или, напротив, выключиться и уйти) любой предметник, которого заинтересовала методология, после чего в стране началось то, что стало называться методологическим движением.

Оно стартовало в Томске, где распределенному после окончания МГУ Иосафу Ладенко удалось заразить идеей старшего друга нескольких союзников и совместными усилиями открыть еще один «культурный институт» — всесоюзный симпозиум по логике и методологии науки, собравший представителей молодого философско-логического поколения из Ленинграда, Киева, Омска, Красноярска, Новокузнецка, Новосибирска. На такие «слеты» (а в 1990-м г. в Минске пройдет юбилейная, 10-я, конференция), научными инстанциями признанные, но тематикой от них независимые, лидер Кружка выходил с «хорошо организованными групповыми выступлениями», и это «в моем представлении, должно было быть действие, направленное против существующей догматической организации».

Выходя на любые ристалища, включая философские и психологические съезды, с командой сподвижников, Георгий Петрович готовился к ним в своей Кастилии: домашние семинары шли своим чередом, а в них заодно с ветеранами участвовали новички, студенты и выпускники разных московских вузов, вскоре образовавшие новое ядро ММК.

Одному из первых, Владимиру Лефевру, «остро хотелось, чтобы работа психолога напоминала работу физика-теоретика»:

— Это были, конечно, метафизические грезы... с ними я и пришел к Щедровицкому. Впрочем, скорее он пришел ко мне, потому что был моим школьным учителем логики. Его обаяние и воздействие на умы было огромно, хотя все ученики делились на тех, кто его обожал, и на тех, кто его яростно атаковал и задира. Я возглавлял группу последних, но в 10-м классе он меня «победил», и я пришел к нему на семинар.

(Не желая после трех лет армейской службы тратить время попусту, бывший задира, работая в Кружке, заочно окончит мехмат МГУ.)

Также после срочной армейской службы пришел второкурсник физико-технического факультета педвуза Вадим Розин. Он «искал себя в науке, хотел размышлять», а ему «предложили растить кристаллы — скука мертвящая». Прослышав, что у них в прошлом семестре некто Щедровицкий вел кружок по философским проблемам физики, добыл номер телефона, позвонил, был приглашен на «Сокол», где ему в конце беседы было предложено организовать в институте новый семинар, объявив себя

старостой, а Г. П. руководителем. С той поры Вадим навсегда забыл о «физических бреднях».

Выпускник математического факультета того же педвуза Виталий Дубровский «пытался изобрести то, что впоследствии называли нейронными сетями, хотел разобраться с тем, как работает мышление, но застревал на основных понятиях: читать — читал, а понять не мог». Его свели с Алиной Москаевой — жена Розина, не менее убежденная щедровитянка, договорилась о встрече с Г. П., и в ответ на рассказ Виталия о том, чем он занимается, «последовала незабываемая реплика»:

— У вас же только одна жизнь, зачем же ее тратить на мелкие вопросы, заниматься надо глобальными проблемами.

Я ответил, что не страдаю манией величия, не считаю себя гением, я обычный человек, меня просто это интересует, однако Георгий Петрович не унимался:

— Но чтобы решать глобальные проблемы, вовсе не надо быть гением, надо исследовать мышление гениев, чем мы и занимаемся. Приходите на семинар, послушаете и решите, подходит ли это для вас.

Нечто похожее было сказано Олегу Генисаретскому, Александру Голову и Оксане Симоненко, студентам престижного МИФИ. Случайно прознав о докладе Лефевра, они пришли на него «из любопытства», но «послушали и вдохновились». Молодые люди занимались кибернетикой, им предстояло выбирать тему диплома, связанную, как потом вспоминал Олег Игоревич, с последующим трудоустройством:

— Нам было предложено остаться в институте и заняться алгоритмизацией обучения. И на втором или третьем заседании мы подошли Г. П.: вот, мол, есть такая тема, как он к ней относится, согласится ли быть нашим наставником. Он нам за пять минут объяснил, что прежде, чем копать канал в пустыне, надо построить заводы, на них произвести экскаваторы, а уж потом копать... после чего идея алгоритмизации отпала сразу, и мы просто стали ходить к нему на семинар.

(Генисаретского «стандартные пути трудоустройства как-то не удовлетворяли», и, защитив на «отлично» диплом, экзотически названный «Содержательно-генетический анализ метода моделирования», он от аспирантуры отказался, выбрал свободное распределение и «авантюрный», как потом определит, образ жизни, уйдя к Георгию Петровичу в Институт технической эстетики.)

Называть хотя бы только тех щедровитян, кто проявил себя наиболее ярко, можно еще очень долго — в домашних семинарах участвовало до тридцати членов Клуба (большинство высказалось в двух сборниках «ММК в лицах»). Меньшая часть — на «Соколе», а затем в однокомнатной квартире Г. П. на Петрозаводской — составляла «ядро», сидящие в «амфитатре» также могли выступить с докладом, активно включались в дискуссии, однако постоянно в общей работе не участвовали, ритма не выдерживали и уходили, а пребывавшие на «галерке» восхищенно слушали, кто чем мог помогали, но неизменно молчали.

Но не только молчуны, на равных с лидерами принятые в Клубок, огорчали друзей Георгия Петровича:

— Я считал, — скажет мне Александр Пятигорский, — объективной человеческой слабостью Юрки то, что он часто создает себе среду, заведомо бесконечно ниже его. Я не мог слышать его разговоры с учениками, не мог этого видеть. И не в том дело, что они его не понимали — они были на четыре уровня ниже. Но он отказывался меня понимать: «А в чем же тогда смысл учительства?» — и в ответ, что тут необходим какой-то другой дидактический комплекс, что тут начинается то, что замечательный немецко-швейцарский педагог называл нулевой педагогией, твердил: «У этих мальчиков есть перспективы». Это была какая-то методологическая установка, или, если хотите, коммунистическая: из ничего мы сделаем все! Хотя нет, не коммунистическая — я бы назвал это установкой конструктивистской: Юрка был патологический конструктивист: все можно выстроить, все можно построить!

Понимал ли «Юрка» несопоставимость своего и учеников масштабов? Безусловно. Как-то сказал Анатолию Пинскому, что спокоен за будущее, потому что воспитал, называя имена, того-то и того-то, но тут же добавил: «Надо проработать 30 лет, чтобы найти трех человек, с которыми можно работать, и это не гипербола, а жестокая правда жизни». Тем более что шли к нему люди разные. Скажем, Генисаретский, в походе по Кавказу взобравшись на крутую верхотуру, читал с друзьями только что изданную «Феноменологию духа». А его сверстник также с начальным физическим образованием (имя утаю) был убежден, что у Бойля-Мариотта... была жена!

Но Г. П. вербовал клубковцев всюду — в университете, в физтехе, в инфизкульте, где ему доводилось читать лекции. Заканчивая первую, объявлял о начале работе семинара (далее его очередная байка):

— На первые заседания приходило человек пятнадцать, к концу семестра оставалось «полтора». Я выводил их в открытое поле, указывал на горизонт и пояснял, что сколь бы они к нему ни приближались, он будет все так же недосыгаем... после чего «половинка» исчезала, но один-то оставался!

Ирма Даунис вспоминает, что когда директор Института дошкольного воспитания «перепоручил» Щедровицкому всех «аспиранток с разными темами из разных областей», он тут же организовал семинар, объединив принятых в институт «до кучи» школьных учителей с психологами. Готовность выпускников педвузов и университетских психологов была несопоставима, и потому он вынужден был начинать с обучения подопечных работе с книгой: как научный текст читать, разбивая на логически законченные фрагменты, как выделять то главное, что хотел сказать автор, какими средствами он пользовался, как это схематизировать...

Он мгновенно откликался на просьбу о встрече, знакомиться начинал в разговоре «по гамбургскому счету», расспрашивал об интересах «абитуриентов», стремился понять, сколь он (она) амбициозны, упреждал, что «королевского пути» в интеллектуальной работе не бывает, что вхождение в Кружок зависит от их самоопределения. Прощаясь, вручал листок папиросной бумаги с отпечатанными под копирку списком обязательной литературы, от Платона и Аристотеля до Башляра и Уайтхеда, и описанием томов библиотеки-архива, предлагая выбрать тему для исследования, потом наблюдая, как «перспективный мальчик» работает на семинарах — что и как в дискуссиях понимает, какие вопросы задает, как формулирует аргументы.

Вспомнив легенду — она «передавалась из уст в уста»: когда Щедровицкий ехал в метро на работу, то на каждой станции его ожидал очередной ученик, Георгий Петрович беседовал с ним до следующей станции, где в вагон входил следующий, — Михаил Розов добавляет:

— Легенда легендой, но один знакомый лингвист рассказывал мне, что однажды Щедровицкий провожал его до метро и, остановившись у турникета, продолжал говорить, приводя какой-то пример с пищеварением. Возможно, речь шла о знаменитой фразе Гегеля, что логика не учит мыслить, так же как физиология не учит переваривать. Когда Щедровицкий ушел, дежурная у турникета сказала моему знакомому: «Вы знаете, он ненормальный: он здесь уже третьему человеку рассказывает о своем пищеварении».

А уж на любимых учеников, на того же Вадима Розина, не жалел ни времени, ни сил:

— Он влюблялся в ученика и создавал для него идеальное пространство развития, делал он это очень искусно: не только поддерживал всеми возможными способами, окутывая волной расположения, но и подсовывал ему свои результаты, выдавая их за его собственные, за счет этого человек сразу видел результат как бы своей работы, что очень благоприятно для роста. В течение четырех-пяти лет он читал все мои работы, делал по ним замечания, иногда правил. Самые первые, две-три, мои научные работы я написал с его помощью: Юра показывал, как строить рассуждение, сценарировать сюжет и пр.

Или, опустив частности, Виталий Дубровский:

— Он поднимал нам голову. Потом брал за руку и вел.

В 1989 г. отвечая на вопрос журналиста (в связи с началом работы Института человека, создаваемым однокурсником Щедровицкого), есть ли в стране специалисты, готовые работать с разнопредметными знаниями, Георгий Петрович ответил:

— Вы помните начало «Мастера и Маргариты», когда Воланд замечает: про что у них в Москве не спросишь, ничего у них нет... Ну, нету специалистов... как и всего остального, но мы живем, у нас есть молодые люди, и они свободны, они раскованы, они имеют претензии, и они научатся. Поэтому брать надо всех и всяких, и обсуждать со всеми и всякими...

Тогда же в очередной лекции по истории Кружка:

— Без группы я вообще не смог бы работать. Мне надо было создать эту группу для того, чтобы она меня двигала, и чтобы я двигался вместе с нею.

И, наконец, словно бы возвращаясь к спору с Александром Пятигорским — на грани искренности, на пределе откровенности, под диктофон:

— Понимаете, человек в своем развитии до какого-то момента ищет «Великий Рим», — то, где существуют наивысшие образцы человеческого существования, образцы самих людей. И вот где лет в тридцать пять я понял, что эти образцы, по-видимому, заложены в членах самого Московского методологического кружка и в том, что мы сами творим. Это был момент, когда я осознал, что... я не знаю, правильно или ложно, — меня сейчас это не интересует, — но я пришел к выводу, что наш коллектив; Московский методологический кружок, это есть то высшее в каком-то смысле, чего достигло человечество. И с этого момента проблема «Великого Рима» исчезла, ее решение я сформулировал очень четко: «Великий Рим» заключен в нас самих, мы и есть «Великий Рим»...

Его «лет тридцать пять» пришлось на середину 1960-х гг., но помянул он «город на семи холмах» уже после того, как его любимые «римляне» с ним расстались.

Входя в кружок, они заражались его энтузиазмом, переживали «столь важное для молодых людей ощущение причастности к высокому делу» (Швырев), «хотели создать новую эпоху в философии, осознавая свою деятельность как противостояние ее косным идеологическим структурами» (Розин), и отвечая на вопрос, чего хотят сделать, даже превосходили окаянство Г. П.: «Переделать мышление человечества» (Москаева).

Анатолия Пископпеля в семинарах Кружка «более всего подкупала и затягивала подлинность события, она остро ощущалась нами, так как несмотря на молодые наши годы мы уже привыкли, что почти все вокруг — бутафория и имитация. По сравнению с окружающей серой и бесконечно формализованной советской жизнью это был “пир души”, переживание полной интеллектуальной свободы».

Олег Генисаретский «со студенческих лет испытывал чувство интеллектуального голода», утолив его, в чем признается спустя много лет, в Кружке:

— Это было место — другого я не видел тогда и почти не видел потом, где люди всерьез и в полную силу относятся к философии, логике и методологии, не лукавя и не впадая в цинизм, чем и философская, и гуманитарная общественность в целом тогда весьма и весьма грешила. Кроме того, позитивные науки выполняли тогда высвобождавшую идеологическую функцию: Кружок был скрытой альтернативой диамату, официальной идеологии, [и] уже тем, что человек занимается семиотикой, матлогикой, теорией информации или чем-то подобным, он автоматически становился в свободную позицию. Тогда эти знания выполняли не только научную, но и идеологически освобождающую функцию. [И] для меня оказаться в этих райских кущах, где плещется свободная мысль, было воистину счастьем.

И Александр Раппапорт:

— Как и многие другие, я переживал себя попавшим в авангард планетарной мысли, что давало огромную энергию. ММК — это, может быть, единственная серьезная школа, которую я в своей жизни прошел — школа мышления, жизни, даже, может быть, мировоззрения. И я счастлив, что ее прошел.

В середине 1970-х гг. происходящее в Кружке произвело «сильнейшее впечатление» на Сергея Котельникова:

— Я понял, что наконец-то нашел то, что искал, и это, по-видимому, возможный в стране предел. Я же до того какие только институты и семинары не обошел, был даже на лекции Мамардашвили, но очень смутно ее помню, куда только не бегал, а все не то. Хорошо, прекрасно, а не то! (А то — что? — спросил я его). Целостность понимания того, что связывает в одно мир и меня в нем. А больше ничего не нужно.

В 1980-е гг., когда по стране разлилась волна игр, в команду Г. П. вошел Олег Алексеев:

— Если передать мое ощущение в двух словах, то я чувствовал, что попал в то единственное на Земле место, где уровень человеческих отношений и требований к содержательной работе были уникально высокими... прекрасными!

Похожесть их воспоминаний неудивительна: они принадлежали, по Генисаретскому, к «одному если не биологическому, то культурному и политическому поколению».

О том же Петр Щедровицкий:

— Страна несчастная, опыта свободного обмена размышлениями нет, площадок, где в этом можно участвовать, тоже нет. А потому интеллектуально активных людей любая ситуация, в которой такая активность могла быть проявлена и давала возможность реализации, втягивала автоматически. То есть условия интеллектуального вакуума, созданного в Советском Союзе системой гуманитарного образования, идеологической организацией этой сферы, порождали питательную среду для пополнения ММК. Как любых других подобных групп: в философии — у Ильенкова, в социологии — у Левады, в культурологии — у Библера, в лингвистике — у Всеволода Иванова, в семиотике — у Лотмана. Один пример: после репрессий 1968 г. против интеллектуалов количество участников семинара выросло до 200–250 человек.

И все же, несмотря ни на что, почти все они из Кружка уходили. Кто раньше, кто позже. Кто тихо, «по-английски» не прощаясь, кто хлопнув дверью. После отказа Г. П. сменить направление исследований громкое расставание «обустроил» один из тогдашних лидеров Владимир Лефевр. За ним последовал Эрик Юдин: ему, на ту пору также ближайшему сподвижнику Г. П., разонравились методы его руководства. И с того же времени окончательно перестал участвовать в общей работе увлеченный системным подходом Вадим Садовский:

— Юра складывал особый стиль жизни, поведения, отношений, мы должны были становиться его подобиями, далеко не

все к этому стремились. Но никто заявлений не подавал, так складывалось по жизни: один раз не заседание семинара не пришел, какое-то мероприятие пропустил, потом новая работа увлекает, говоришь ему, что пока ходить больше не можешь, некогда... Мой выход, это 64—65-й годы, совпал с периодом сложных отношений Юры с Эриком Юдиным и Лефевром, а я с ними был очень близок...

Г. П. пережил это как «очень сложный период, когда семинар фактически раскололся: образовалось четыре или пять мощных направлений, создавались коалиции и блоки, и все перешло в план коммунальной политики». Тем не менее то, что «несколько довольно активных членов нашего Кружка вышли из него и работают самостоятельно — если убрать все личные моменты — совершенно нормально и естественно. Я бы даже сказал, что к этому нужно стремиться, потому что таков механизм распространения наших идей, и с этой точки зрения такой уход имеет положительное значение».

А жизнь продолжалась, и надо было решать новые задачи, связанные «с выдвижением на передний план социальных и социологических проблем, сменой проблем и средств, расширением фронта работ»:

— Пока наш Кружок был маленьким, он являл собой группу, деятельность которой можно было проектировать, и она как единый организм поворачивалась то в одну, то в другую сторону под влиянием новых задач, новых идей и т. д. Когда люди расходятся, это становится уже невозможным, возникает потребность в новых формах связи... в создании некоторого центра, который бы не проектировал изменение деятельности, а управлял этим как естественным процессом. Это не личностная установка, а объективная задача. Кроме того, в этом году у нас были созданы три научно-учебные группы, которыми руководят Сазонов, Генисаретский и Розин. Опять встает организационная проблема: как связать их работу с общей работой структурно-системного семинара и правильно сочетать освоение того, что было сделано, уже с творческой научной работой.

Организация «единой коллективной работы», тем более что уже возникли группы в других городах, требовала наведения порядка в «понятийно-терминологическом хозяйстве», включая архив-библиотеку, для чего создается «внутренняя информационная группа». Ей вменяется подготовка и распространение каталога всех ранее выполненных исследований, выпуск бюллетеней, ежемесячно или раз в два месяца, с резюме всех исследований и семинарских докладов, а также составление

терминологического глоссария «с введением основных понятий, которыми мы пользуемся: фактически мы стоим перед необходимостью выпустить свой энциклопедический словарь»!..

* * *

Увы, надвигался 1968 г., с которого фактически начался тяжелейший для Кружка и, особенно для его руководителя, этап:

— Это был период, близко совпадающий с каким-то очень важным социальным и социокультурным поворотом в истории нашей страны. Но, помимо этого общего для страны процесса, оказавшего влияние и на развитие ММК, часто прямое и непосредственное, была еще масса обстоятельств внутренних, которые точно так же предопределяли существенные изменения. Может быть, самым важным из них было то, что подавляющее большинство активных членов ММК закончили к этому времени свое обучение и наметили разные направления выходов в самостоятельную работу, в связи с чем состав кружка резко изменился. Появились новые члены Кружка со своими особыми интересами и ориентациями.

Единый до того Кружок распадается на ряд относительно независимых кружков и групп, которые в тот период прежде всего из-за внешних обстоятельств, не могли собираться вместе и функционировать как одно целое. Но эти внешние обстоятельства лишь оформили то, что возникло и все более нарастало внутри: просто в 1969 г. центробежные силы стали много больше центростремительных.

Существенно и важно: на шлейфе 1968 г. к 1970—1971 гг. возникли большие трудности с основными семинарами, которые вел ММК — с Комиссией по психологии мышления и логики и Семинаром по системам и структурам. В силу внешних обстоятельств нормальная работа была практически приостановлена, и, чтобы эти семинары сохранить, приходилось прикладывать очень много усилий. Семинар кочевал с места на место, ввести работу в нормальное русло удалось к 1972—1973 гг...

Увы, ветераны в «нормальное русло» возвращаться не спешили, более того, все резче руководителю перечили, о чем можно судить по распечаткам его ежегодных докладов. «Мы налетали на него как петухи», — признает Виталий Дубровский спустя годы, а самым задиристым проявил себя до удивления, на мой взгляд, простодушный (что на уме, то и на языке) Вадим Розин:

— Мне не нравится сам заход, который ты сейчас начал разыгрывать, и, как я сейчас понимаю, мне не нравился и твой прошлогодний заход.

— У меня другие методы, другое видение, другие способы анализа.

— Я не приемлю твои построения, они висят в воздухе, ни на что не опираются.

— С самого начала была поставлена задача, которую никто, кроме тебя, фактически не принимал... у каждого из нас стояли свои задачи. И в каком-то смысле у нас в методологии вообще потерян контекст.

— Я тебя обвиняю в том, что ты уже давно не знаешь, что мы делаем, и собираешься продолжать двигаться, не зная этого.

Откуда такая перемена с некогда влюбленными учениками? Все очень просто: как тогда же напомнил им Г. П., они давно уже не те «маленькие и начинающие», какими были когда-то — тогда «весь ваш запас умещался в одной ладошке, и все вы ходили строем, держась за руки. Ныне же каждый имеет свой семинар, свою школу, реформирует всю систему философии и человеческого мышления, причем каждый по-своему».

Когда-то им нравилось, что «вся жизнь превращалась в нескончаемый семинар», и они не замечали год от года нараставшей психологической усталости. И самое, быть может, главное: вначале они следовали за ним «по собственному убеждению», не испытывая ущемления личной свободы, но давно уже начали «рыть каждый свою траншею», и «в каком-то смысле ему равномошные», стали тяготиться зависимостью от него, требуя, чтобы он учитывал их интересы.

— Пока ты ощущаешь себя учеником и это для тебя ценность, — сказал Пископпель, — ты во все это включаешься, начинаешь себя менять, переделывая под эту методологическую машину, занимая в ней те или иные позиции, обретая при этом массу способностей, личностно растешь — все хорошо. Но с какого-то момента ты начинаешь понимать, что для тебя все начинает крутиться вхолостую. При этом видишь, что Георгий Петрович все время растет, развивается, для него открываются новые горизонты, но «место» руководителя — одно! И в какой-то момент каждый методологически зрелый человек начинает пытаться, того порой не осознавая, так или иначе реформировать семинар. Однако вся его мегамашина сделана Г. П. «под себя», это был его способ жизни, его способ работы, он создал свою среду обитания, и при всей культурно-исторической

значимости Кружок был калькой с него самого, в наибольшей степени подходил — внутренне, психологически, лично — ему.

Но и это еще не все. Заявляя, что предлагаемые им новые задачи противоречат его же ранним работам и сформулированной в них программе, они вменяли ему в вину и то, что по ходу дела он зачеркивает их эмпирические исследования, на которых держится «наша» работа, и если их не будет, то и остальное не нужно.

Он с ними... соглашался:

— Конечно. Все мои доклады последних трех лет направлены на то, чтобы зачеркнуть эту программу. И не только в своем сознании, но и в сознании других. Если бы я мог переиграть историю, я бы ее переиграл. Предстоит решить заново множество сложных вопросов, и при этом я действительно зачеркиваю беспощадной рукой... хотя у меня в животе так же болит, как у Розина... те эмпирические исследования, которые были сделаны, потому что они были сделаны под другие теоретические представления.

Меня в очередной раз направление деятельности Кружка, Г. П. объявляет тему «Методы, методология и методологическое мышление». Она была «исходной и самой главной, с ее обсуждения в 52-м году родился Логический кружок», но теперь двигаться в ней он хочет на уровне идей, разрабатывая «принципиально новые подходы». Для этого он скликает узкий круг своих методологически оснащенных «гвардейцев» — на первые заседания пришли даже Никита Алексеев и Костеловский, при этом упреждая, что в дискуссиях «будет пользоваться тоталитарными правами широко и жестко», но надеется, что это «никого не будет обижать», потому что «мы должны набраться окаянства и проделать весь этот путь по реконструкции новой онтологии мышления и деятельности».

Неудача работы первого года побуждает его переформулировать тему: новый проект был назван «Теория методологического мышления», что по реконструкции Натальи Кузнецовой означало смену прежней установки — познавательной — на инженерную, или проектировочную:

— Для людей с инженерным образованием ТММ — это Теория Механизмов и Машин, что студенты переводят по-своему — Тут Моя Могила. Вот и мы, все те, кто до того был ориентирован на познавательную установку, со сменой ее стали отваливать, а инженерная установка и практика методологического мышления находит себе соответствующую форму и

в конечном итоге реализуется в системо-мыследеятельностной методологии.

Георгий Петрович пытался воспрепятствовать развалу Кружка:

— Моя задача, личная задача, состоит в том, чтобы на этом семинаре, по возможности двигаясь вместе с вами, если такая возможность будет, решить теоретические проблемы нашей методологической практики. А за этим стоит теоретический вопрос, что такое методология и как она развивается, хотя реально перед глазами у меня стоит, как я не раз говорил, Кружок с его различными направлениями и ответвлениями.

Они ему: это твои проблемы. Он соглашался:

— Совершенно верно, все эти проблемы стоят только передо мной. Потому что каждый из вас сидит в своем учреждении и 90 процентов своего времени и сил тратит на решение частных задач. И, в принципе, вы все близки к тому, чтобы завязать оставшиеся необорванными связи и заняться своим делом. Вот сделать ручку у магнитофона справа или не сделать — это вы будете обсуждать с пафосом и интересно, каждый выдаст много интересных идей, и вы будете знать, о чем говорите. Но чуть речь заходит о каких-то новых идеях, так оказывается, что всем это неинтересно, и никто не понимает, зачем они нужны.

Он еще стремится удержать пространство общей деятельности:

— Я представляю себе это так. У нас организуются три группы и один симпозиум, группы будут обрабатывать теоретически имеющийся материал, в том числе писать хрестоматии с подборкой текстов. А четвертое направление — «методы, методология и методологическое мышление». Все группы работают вместе, мы собираемся также по понедельникам, участники группы прорабатывают определенный материал, другие выступают как оппоненты. Степень и мера участия каждого, будут, конечно, различны, но если не будет никакого участия, то пользы от этого семинара будет мало.

* * *

На исходе тяжелейшего, хотя содержательно вполне плодотворного десятилетия, в 1978 г., Георгий Петрович в очередной раз возвращается к истории Кружка, полагая сделать ее темой семинара для новых его членов. Сохранилось несколько его «набросков к выступлению», первый датирован 11 февраля, последний — 17 августа.

Основатели Кружка и их последователи были, записывает он, единомышленниками, потому что «в ходе становления Кружка происходило выделение общей рамки, общего плацдарма, общей системы представлений, общей программы и т. п. В целом это может быть названо идеологией Кружка».

Но «жизнь [история] Кружка не сводится к одной его идеологии: существует еще масса других плоскостей его существования... в частности, формы взаимодействия отдельных членов, коммуникация и формы ее организации, способы включения новых членов, способы передачи им накопленной культуры, соединение в одном лице разных функций, способы руководства и управления, этика кружка, способы взаимодействия его с другими кружками и группами, отношение к официальной идеологии и многое-многое другое, что определяло подлинную историю Кружка и очень сильно влияло на его идеологию и направление его развития».

Поэтому «разделение отчужденной групповой идеологии и сознания отдельных членов Кружка является неременным условием как правильного представления самого Кружка, так и нормального существования в нем отдельных его членов.

Но моя личная беда состояла всегда в том, что я не разделял этих двух моментов. С одной стороны, мне казалось, что я могу и всегда готов отказаться от своей личной позиции и личной идеологии в пользу групповой позиции и групповой идеологии. А с другой стороны, я всегда настолько активно участвовал в выработке групповой позиции и групповой идеологии, делал в нее настолько большие личные вклады, что мое личное и кружковое для меня постоянно совпадали. Поэтому даже не в плане карикатуры, а совершенно реалистично можно сказать, что моя идеология до последнего времени состояла в том, что я — это Кружок, а Кружок — это я.

В известном смысле я имею на это право, ибо являюсь единственным членом Кружка, прошедшим всю его историю, от начала и до конца. Поэтому можно сказать, что я являюсь носителем и наиболее точным выразителем программ, идеологии и истории Кружка за 25 лет, я являюсь вместе с тем его руководителем и учителем всех, кто остался сейчас в Кружке и вокруг него. Мое сознание — и не только с моей личной позиции, но и объективно — является наиболее точным выражением идеологии Кружка».

И финал размышлений первого дня:

«Поэтому нередко история Кружка представляется мне в виде моей собственной истории, а моя собственная история вы-

глядит как история Кружка. И в силу этого в какую-то горькую минуту, когда я оцениваю сделанное с точки зрения тех программ, которые виделись мне 25 лет назад и развивались дальше в ходе этой 25-летней истории, я могу сказать, что все или почти все изменили исходным идеям и предали то дело, ради которого мы собирались и вкладывали столько труда...

...Никита Алексеев, Ладенко, Швырев, Садовский, Костеловский, Лефевр, Розин, Москаева, Эрик Юдин, Генисаретский, Дубровский, Раппапорт, Наташа Кузнецова — все, с моей точки зрения, изменили и предали (я уже не говорю о тех, кто проходил кратковременно через Кружок или шел рядом, а им несть числа)».

Петр Щедровицкий спустя годы с оценкой отца категорически не согласен:

— Не было никакой измены и быть не могло, потому что никто никаких контрактов не подписывал, а если бы их предупреждали, что они должны забыть о какой-либо нормальной социализации — ни должностей, ни научных степеней и титулов, ни денег не будет, то никто бы в Кружок не вошел. Да, они проникались некой идеологией: им говорили — есть ценность мышления, ценность дискуссии, ценность личности, и они им следовали. Но какие ценности закладываешь, такие и получаешь. А потому ни одно поколение не приняло как ценность сам Кружок и созданное в нем содержательное ядро — и не могло принять, их же приглашали не методологию строить, а включиться в научно-исследовательскую программу. Да, уметь пронести цель через всю жизнь — очень сильное качество, но еще и рассчитывать на то, что ее кто-то будет нести с тобой — избыточный романтизм. Такая иллюзия могла быть лишь на фоне отсутствия в той социальной системе веера выборов, и она мешала работать...

Впрочем, несколько дней спустя Георгий Петрович возвращается к своим «заметам»:

«Но это все же чрезмерно личностная и слишком узкая позиция. Кружок (в отличие от школы) — это не я, а я — это еще не кружок. Кружок — это коллективное образование, его идеология вырабатывалась многими людьми и его история — это история многих людей, их личных судеб и их участия в общей, коллективной работе. И вместе они разработали много новых представлений и подходов, сформулировали идеологию Кружка, создали целый ряд очень важных движений, породили определенный стиль жизни, традиции и т. д. и т. п. И все это, безусловно, не совпадает с тем, что представлялось мне самому

и делалось мной. История Кружка как история совместной коллективной деятельности многих людей имеет свою собственную объективность, несводимую ни к деятельности и взглядам отдельных людей, ни к деятельности и взглядам их всех вместе.

А относительно этой объективной и отчужденной истории мы можем говорить о вкладе каждого отдельно, его роли, его взаимоотношений с другими и его влиянии на других. Но это будет уже другой срез и другой уровень описания истории Кружка.

И если в этом контексте я начинаю говорить, что кто-то изменил исходным взглядам и предал общее дело, то все подобные выражения могут иметь лишь двоякий смысл:

1) либо тот, что они в своих взглядах и делах отклонялись от того что было зафиксировано в общих программах и концепциях кружка — но это не есть измена и предательство,

2) либо тот — теперь уже весьма субъективный и личностный смысл, — что я в процессе обучения и воспитания своих учеников не сумел передать им своих ценностей и программ, не сумел сформировать из них полноценных адептов и представителей, с одной стороны, Кружка, а с другой стороны — моей собственной программы и идеологии. Но тогда это уже какая-то странная форма самокритики.

По сути дела, здесь мы выходим к совершенно новому кругу вопросов: насколько я удовлетворяю обычным требованиям к учителю, воспитателю, руководителю школы, лидеру, руководителю движения и управляющему работами (исследованиями и разработками) неформально организованного коллектива “мыслителей”»...

Кто-то (не помню кто) сказал: «Георгий Петрович не занимался воспроизводством себе подобных, даже Петр ему не подобен — он всегда работал на рост, на усиление того, что в человеке обнаруживал — на усиление Другого, Иного. Он никого не пытался поработить, хотя с его-то психотехниками мог окружить себя если не рабами, то бледными, послушными, безголосыми копиями. И потому вокруг него не было неудачников — каждый, кто успел поработать в его семинарах или играх, что-то в себе приращивал. Вот ключевая, для меня, характеристика его педагогического влияния: после работы с ним любой человек всегда “прирастал”. Да, разрывы бывали обоядно болезненными, но ученики уходили не от Г. П., а к себе: возвращенное иное всегда ищет собственную дорогу. Особенно если люди хотят быть самостными».

Так или иначе, но, пережив расставание с любимыми ветеранами, Г. П. с новой энергией принялся, используя любые

«площадки», рекрутировать в кружок Поколение Next: «В очередной раз начал все сначала, вновь обрел свой прежний темп активности» (Александр Веселов, кружковец с 1977 г.). С остатками старой «гвардии», в окружении молодежи, потенциал которой не уступал, а в чем-то гвардейцев и превосходил, вошел в последний, едва ли не самый активный период своей деятельности — в августе 1979 г. команда Георгия Щедровицкого провела свою первую организационно-деятельностную игру.

* * *

— Он был гением, — скажет в 1994 г. на «слете» щедровитян через пару месяцев после ухода Г. П. его стариннейший друг, первый «младостанковист» Никита Алексеев, — гением в античном, точном значении этого слова, создателем и хранителем рода, рода методологов в том смысле, в каком мы все, участвующие в данном процессе, его понимаем. С этим Георгий Петрович войдет в отечественную и мировую историю культуры, всегда будет символизировать нас, какими бы ни были следующие наши личные судьбы...

Создателем-хранителем рода — да, но только ли методологов, и кто может быть в нем «прописан»? Вот, скажем, Анатолий Тюков полагает, что только москвичи и только те, кто успел поработать с Георгием Петровичем до 1976 г. Почему? Да потому, что в том году, в день рождения Анатолия Александровича, у него дома и с его подачи некто иной, как сам Г. П., согласившись с тем, что пора от семинаров как практики методологии перейти к игровым формам, ММК «закрыл»!

Что Кружок тогда переживал «кризис жанра», что судьба его висела на волоске, что уже практиковались игровые формы организации коллективной мыследеятельности, спору нет, и кто знает, каким был бы финал, не случись в легендарной с того, августа-79, Новой Утке под Свердловском некое мероприятие, ретроспективно названное ОД игрой.

Но Кружок-то — не тайное общество, типа «вольных каменщиков», с утвержденным ритуалом приема в члены и правом Верховного Магистра его распустить? И не акционерное, которое можно в одночасье создать или закрыть.

Может быть, Анатолий Александрович имел в виду, что (по его мнению) Г. П. с тех пор не проводил «классических» семинаров, как в 1950—1960-е гг.? Но все ли они даже тогда были выдержаны в одном ключе и все ли их участники отвечали кри-

терию методологичности? Да и закрыт-то был, позволю себе улыбнуться, всего лишь один из вторичных семинаров — психологический, в котором старостой был... Тюков! По другим же дням недели (и даже по другим вторникам) семинары шли своим чередом, и обсуждалось на них разное содержание, в том числе — с началом игр — их проекты, цели, задачи, результаты и многое другое с ними связанное.

А с критериями и вовсе все неясно. Не случайно же Никита Алексеев оговорился: «В том смысле, в каком мы, участвующие в этом процессе, его понимаем». Однако известно, что один и тот же текст может порождать разные смыслы, а сидящие в зале участвовали, на мой взгляд, не в каком-то единственно «этом» процессе, а во многих и разных, особенно после того, как Кружок породил многоликую ММКовщину и методологическое движение.

Еще одна принципиальная характеристика прозвучала на очередных Чтениях памяти Щедровицкого:

— Совсем не случайно тот Кружок, который основал и в котором действовал Г. П., назывался не только методологическим, но и московским...

Это — Олег Генисаретский, его реакция на стремление «региональных» методологов — харьковских, киевских, челябинских, красноярских, тольяттинских, любых иных — считаться полноправными членами ММК. Потому как «Москва — это не только город, но и еще столица Московской Руси, где когда-то было заложено, запотенцировано совершенно определенное миро- и жизнеотношение, особая модель жизни в истории и деятельности в ней. Пусть со мной мало кто согласится сегодня — я буду настойчив в доказательствах того, что в методологическом проекте реализуется московская, а не какая-то иная доминанта российской истории.

И еще сказал Олег Игоревич:

— В другом повороте мысли «московский вопрос» — это вопрос о русской интеллигенции. Последняя публикация Г. П. недвусмысленно говорит нам, что в конце своего творческого пути он к этому символу вновь вернулся, назвав себя не методологом и не философом, а в первую очередь интеллигентом. И немудрено: ибо это, от И.-Г. Фихте пришедшее в наш обиход понятие недвусмысленно отсылает не только к интеллекту, но и к энтелехии — целостной действительности и завершенности. Я об этом говорю сегодня потому, что, по-моему, схематизм СМД методологии и все то, что им запотенцировано — это серьезная, если не единственная на сегодня реальная претен-

зия — мне известная (хотя бы как претензия, не говорю — как осуществленная реальность) — на разрешение вопроса об умноделательной силе, в России прозвучавшего как вопрос об интеллигенции.

С тем, что Георгий Петрович нес в себе московскую (но только ли ее?) потенцию, согласиться можно. Как и с тем, что именно возрождение интеллигенции (при весьма специфическом к ней отношении) он смолоду определил как «императив» жизни, до последних своих лет собирая вокруг себя «людей, способных осуществлять эту работу, создавая условия для их жизни и развития». Однако собирал-то он их и работал с ними отнюдь не только в столице, а по городам и весям Отечества, от Калининграда до Владивостока и от Сургута до Еревана, обустривая одну «культурную площадку» за другой. В том числе «филиалы» ММК, где каждый обретал возможность у него сколь и как мог учиться: впитывая, кому как удавалось, его идеологию, они стремились освоить разработанные в Кружке интеллектуальные средства-методы и реализовать их в своей деятельности. А рядом с ними начинали учиться и действовать его «внучатые» сторонники — ученики учеников, «коим несть числа».

Да, домашний, да, московский, да, эталонные семинары основа всего и вся. Но как не однолики ветераны Кружка, не похожи на них и друг на друга щедровитяне поколения Next, начавшие работать с Георгием Петровичем накануне и, особенно, в игровой период. Тем более «многолики» неопиты методологического (а более игротехнического) движения, кто ныне входит в него, учится и включается в разнообразные практики в совершенно иных социальных и культурных условиях.

История «канонического» ММК завершилась с уходом Основателя, но живет им зачатое дело, как бы кто это ни оценивал. И никто не знает, как оно повернется завтра. Потому что история рода продолжается.

VII. Слово Г. П. Щедровицкому

Г. П. Щедровицкий

Идея деятельности

и деятельностный подход

(Доклад на системно-структурном семинаре. Март—апрель 1972 г.)

Первое заседание. 1 марта 1972 г.

Первая часть

1. Первое, что я должен здесь отметить, это — исключительная сложность и детализированность того образования, которое обычно в нашем кругу называется «деятельностным подходом», «принципом деятельности» и «теорией деятельности». Очень часто, как те, кто работает в этой области и входит в нашу группу, так и те, кто критикует наши работы и наши устремления, употребляют перечисленные выше выражения, по сути дела, как синонимы, не очень утруждая себя различениями. В этом я вижу весьма существенный недостаток, мешающий разобраться в том, с чем собственно мы имеем дело и что мы делаем. И наоборот, мне представляется, что мы сможем разобраться в нашем нынешнем положении только в том случае, если будем применять для характеристики его все те понятия и категории, которые уже были выработаны в ходе развития человеческой мысли для характеристики знаний, систем знаний и методов. Поэтому я хочу прежде всего наметить блок-схему, которая задавала бы весь набор основных знаниевых структур, которые могут быть применены при анализе нашей работы, и последовательность их рассмотрения.

Здесь прежде всего, как мне кажется, мы должны говорить об *идее деятельности*. Идея деятельности — это самая нерасчлененная, самая суммар-

ная структура, стоящая на вершине той пирамиды знаниевых структур, которую я буду использовать, характеристика того, с чем мы имеем дело. Нередко как синоним выражения «идея деятельности» применяют выражение «*принцип деятельности*». Это неверно — уже хотя бы потому, что сегодня идея деятельности выражается целым рядом принципов, причем эти принципы, что соответствует статусу и характеру «идеи», не организованы в единую и целостную систему.

Кроме того, существует то, что может быть названо «*концепцией деятельности*». С концепцией непосредственно соприкасается то, что можно было бы назвать «*программой исследований*» или «*программой разработок*» в области деятельности.

Наверное, когда вы слышите такое выражение, как «программа разработок в области деятельности», то оно кажется вам весьма несурзным и неопределенным. Но за этим на деле стоит очень важный смысл и важное содержание. Более того, в последнее время благодаря работам И. Лакатоса это выражение стало обозначать очень важное, можно даже сказать, фундаментальное понятие логики. В ряде работ Лакатос показал, что даже в тех случаях, когда мы оцениваем содержание и смысл ньютоновской механики, максвелловской электродинамики, механики Герца и т. д. и т. п., то должны пользоваться не столько понятием научной теории — это приводит к многочисленным ошибкам, — сколько понятием программы. По представлениям Лакатоса — правда, это уже моя интерпретация — «программа» включает в себя онтологическую картину, совокупность проблем и задач, которые должны быть решены, систему контрпримеров — на это Лакатос обращал особое внимание, — эти контрпримеры создают стимул для работы, ибо они должны быть преодолены на основе онтологического и теоретического ядра концепции, входящей в программу и т. д. и т. п.

Я касаюсь этого вопроса, чтобы подчеркнуть, что понятие программы исследований, как и более широкое понятие программы разработок, стоит в том же самом ряду, что и понятие идеи или концепции, и должно быть использовано нами для характеристики того, что мы суммарно и нерасчлененно называем деятельностным подходом и теорией деятельности.

Я подчеркиваю это потому, что понятия идеи и концепции кажутся нам привычными в то время как понятие программы, наоборот, кажется непривычным, хотя, на мой взгляд, именно понятие программы является самым правильным и самым точ-

ным. В особенности, как мне кажется, оно точно в приложении к деятельностному подходу и теории деятельности. Я бы даже сказал, что без этого понятия мы не сможем правильно разобраться в том, что представляет собой этот подход и эта теория. Сегодня они представляют собой прежде всего определенную программу исследований и разработок. Я говорю о разработках, подчеркивая тем самым, что дело не сводится только к анализу и описанию уже существующих объектов, а предполагает также проектирование и реализацию проектов.

Вы прекрасно понимаете, я думаю, что оценка программы должна быть принципиально иной, нежели оценка уже сложившейся или построенной теории. И я хочу таким образом настоять на том, чтобы вы подходили ко всему тому, о чем я буду говорить дальше, прежде всего с мерками программы исследований и разработок.

Кроме того, мы можем говорить о «*деятельностном подходе*», и это — нечто иное, нежели «идея», «концепция» или «программа». В этом же ряду мы можем говорить об особой методологии — *методологии, основанной на идее деятельности*, методологии, реализующей деятельностный подход, и мы можем точно так же говорить об особом типе мышления, реализующем идею деятельности и деятельностный подход. В ином ракурсе мы можем говорить о *понятии деятельности, представлении деятельности* и о *категории деятельности*; каждое из этих образований может быть развернуто в систему — и тогда мы будем говорить о системе понятий деятельности, системе представлений или системе категорий. Завершая этот перечень, мы можем, как мне кажется, говорить о «*науке деятельности*», хотя многие отрицают такую возможность. Они полагают, что деятельность сама по себе представляет такой объект, о котором не может быть науки в прямом и точном смысле этого слова. Но если «наука деятельности», или «наука о деятельности» возможна, то у нас будут *онтология деятельности*, входящая в систему науки и *теория деятельности*.

Самое важное здесь состоит в том, что все эти образования человеческого мышления и знания теснейшим образом связаны между собой и одновременно достаточно обособлены — каждое из них имеет свою особую форму и свое особое строение. Если бы я характеризовал связи между ними, то должен был бы — это, конечно, образ, но он достаточно нагляден и передает основную суть дела — изобразить пленку, как бы обтягивающую множество острых вершин, каждая из которых соответ-

ствуется названным выше образованиям; эти вершины все время движутся, растягивая и трансформируя пленку, но никогда не могут вырваться за ее пределы.

Если перейти к предметным содержательным характеристикам, то нужно будет сказать, что между этими знаниево-методическими образованиями существуют разнообразные рефлексивные связи и отображения; рефлексивные в том смысле, как мы это не раз определяли на наших семинарах. Кратко суть этих отношений отображения состоит в том, что в каждой из этих вершин соответственно ее специфической форме отображается содержание, схваченное и зафиксированное во всех других вершинах.

Наверное, поэтому об идее деятельности, концепции деятельности, деятельностном подходе, деятельностной методологии и теории деятельности говорят как о чем-то едином — в этой практике говорения схватывается тот существенный момент, что подлинное содержание всех этих образований существует как бы между ними. Но это — для суммарного человеческого понимания и смысла. А если мы хотим понять природу и специфику всех этих образований, то должны, во-первых, разделить их, а во-вторых, фокусировать все это содержание последовательно в каждую из форм и каждый раз схватывать его частично, соответственно возможностям этих форм.

Конечно, я предчувствую массу возражений и в первую очередь то возражение, что этот образ недостаточно точен и недостаточно строг, чтобы мы могли его детально и точно обсуждать. Но я глубочайшим образом убежден, что подлинное мышление всегда имеет дело именно с такими образованиями; лишь постепенно, по этапам оно превращает образы в понятия, а понятия в формальные структуры, и когда этот процесс осуществлен, то оно умирает, т. е. перестает быть мышлением.

Я хочу провести и затвердить одну мысль: если мы хотим разобраться в реальности деятельностных исследований и разработок, то мы должны исходить из *множественности форм*, фиксирующих деятельность, из существования *взаимных рефлексивных отображений* между этими формами, из факта пластичности и текучести их, из факта *перетекания содержания из одной формы в другую*. Без учета этих моментов, мне кажется, мы ничего не сможем понять в реальном мышлении и исследовании. Иначе говоря, мы всегда имеем множество форм и единое содержание, зафиксированное в множестве (и в системе) этих форм. Понимание требует ориентации на все эти формы, но анализ требует выделения каждой отдельной

формы, противопоставления ее всем другим и выделения той специфической части единого содержания, которую каждая из них несет в себе.

В дополнение ко всем уже перечисленным формам можно было бы записать еще одну, которая называется *«философией деятельности»*. В настоящее время делаются попытки построить такую философию, в частности об этом говорит и пишет Г. Батищев. Но я не уверен в том, что возможна, в принципе, «философия деятельности». На мой взгляд, сужение философии до рамок деятельности означало бы отрицание философии как таковой. Поэтому это выражение можно употреблять лишь как обозначение одного из предметных содержаний философии, но не как характеристику самой философии или способа философствования; поэтому это выражение является метафорическим и не годится для серьезного анализа и обсуждения.

Итак, обсуждая тот круг проблем, который составляет объявленную мной тему, мы должны, как мне представляется, прежде всего фиксировать множественность тех форм знания и методов, с которыми нам придется иметь дело, затем — их теснейшую связь, далее — примерно тот перечень разных форм, которые я привел выше (возможно, он должен быть дополнен и расширен, но как минимум все перечисленные формы должны учитываться), и, наконец, мы должны понимать, что все эти образования находятся на разных ступенях развитости, что между ними чаще всего нет точных соответствий; если воспользоваться тем же образом пленки или решетки связей и соответствий, то нужно будет сказать, что в них мы нашли бы массу разрывов и противоречий.

Мы должны также иметь в виду, что между всеми этими образованиями существует определенная иерархия, которая должна выявляться и учитываться в ходе нашего анализа. Другими словами, все эти «вершины» пленки нужно рассматривать в определенном порядке и смотреть, как образования, находящиеся на верхних уровнях иерархии, реализуют себя в образованиях, находящихся на более низких уровнях иерархии. И обратно: характеризуя более «высокие» образования, мы должны будем подниматься к ним от всех нижележащих.

Это — первое методологическое замечание, которое мне нужно было сделать, приступая к обсуждению объявленной темы.

2. Второе методологическое замечание, точно так же очень важное для меня, связано с характеристикой способа изложе-

ния и способа мышления, которых я буду придерживаться в дальнейшем. Оно касается способов мышления этой действительности.

Готовясь к этому докладу, я все время чувствовал себя как бы запертым, находящимся в кольце. С одной стороны, мне хочется дать по возможности *обоснованное* изложение всей темы. Во всяком случае, я хочу продемонстрировать те основания, из которых я исхожу (те основания и приемы, которые заставляют меня делать строго определенные утверждения). Но, с другой стороны, этим единственным основанием — как в онтологическом, так и в логическом плане — является *структура и способы принятого мной мышления о деятельности*; это есть мышление, реализующееся в развертывании всех перечисленных мной выше знаниевых и методических образований. Поэтому обосновать то, что я буду излагать — в его форме и содержании — это значит показать и продемонстрировать способы и методы мышления всех этих образований, причем в определенном порядке и в определенной системе.

На мой взгляд, нельзя понять всего того, о чем я дальше буду говорить (все существующие представления о деятельности, все понятия, а также суть деятельностного подхода), не рассматривая одновременно ту технику и те механизмы мышления, которые реализуются во всем этом движении. По сути дела, это очень важный тезис, и я прошу вас обратить на него внимание — *все содержание, зафиксированное в идее деятельности, в концепциях деятельности, в программе работ, в деятельностном подходе и в теории деятельности, есть не что иное, как проекция принятого мной и реализуемого в этом движении способа мышления*.

Но этот способ мышления в свою очередь опирается на деятельностный подход, представления о деятельности и т. п. и в своей основе не традиционен; более того, можно утверждать, что во многих и многих пунктах он прямо и непосредственно противоречит традиции и принятым нами нормам философского, исторического и естественнонаучного мышления. Он допускает и требует таких высказываний, таких структур рассуждения, умозаключения и вывода, имеющие своим специфическим основанием представления о деятельности и принципы деятельности, которые прямо противоречат представлениям о природе и натуралистическим принципам анализа и описания.

Получается, что вся та система исследовательского действия и мышления, которую я сейчас должен произвести и произвожу перед вами, представляет собой замкнутый ор-

ганизм. Моя задача состоит в том, чтобы ввести вас в этот организм (такое введение предполагает отнюдь не согласие с тем, что я буду излагать, а лишь адекватность понимания). Но когда я ставлю вопрос, как, в каком порядке я должен осуществить это введение или включение вас в мою работу, с чего я должен начать — с характеристики метода или с характеристики представлений, на которые этот метод опирается, — то я сталкиваюсь с трудностями, ибо любой элемент этой диады предполагает другой. Излагаемое мной теоретическое содержание может быть мной обосновано только характеристикой метода, а характеристика метода предполагает изложение теоретического содержания.

Итак, я всегда встаю перед вопросом, с чего начинать. Если начинать с изложения знания, но тогда оно может быть только догматическим (тогда на вопрос В. А. Лефевра «как все это обосновать?» я, в принципе, не смогу отвечать). А если начать с характеристики механизмов моего мышления, то они точно так же будут казаться весьма произвольными, ибо основываются на том опыте работ и на тех теоретических представлениях, которые вам пока не известны.

Выход из этого положения, как мне представляется, заключен в том, что единственным средством обоснования является демонстрация путей и методов получения самого знания (а пути и методы получения знаний есть, по сути дела, реализация этих знаний или установок на получение их).

Такая стратегия изложения и демонстрации материала требует от вас совершенно специфической способности и специфических способов работы, а именно — того, что мы называем методологическим и деятельностным мышлением. Если вы хотите понять все то, что я буду излагать, то вы должны на время отказаться от ваших принципов, убеждений и предубеждений (если они являются чисто философскими, историческими или естественнонаучными) и принять на время методологический способ мышления, его специфические приемы и принципы. Конечно, со своей стороны я обязуюсь по возможности облегчить вам эту работу и буду делать все от меня зависящее, чтобы ввести вас в методологическое мышление. Но трудность, конечно, останется, и вам придется приложить массу сил, чтобы ее преодолеть и проникнуть внутрь той системы знаний и мышления, которую я буду демонстрировать и выражать в ходе моего доклада.

При этом вы должны иметь в виду, что я буду излагать метод и знания параллельно друг другу, но предпочтение буду отдавать

всегда методу, а знания будут у меня вторичными. Это значит, что соображения, касающиеся метода, я буду излагать всегда как бы на шаг впереди. Следовательно, в замкнутой двусторонней связи между знаниями и методом я выбрал в качестве исходного пункта методические соображения; именно на них я разрываю эту циклическую связь, и поэтому методические соображения будут казаться у меня необоснованными, во всяком случае — на первых шагах: они будут обосновываться лишь на следующих шагах работы, задним числом, и, что особенно важно, теми знаниями, которые будут получены на основе применения этого метода.

Из этого тезиса следуют очень важные выводы, уже непосредственно касающиеся схем и логики моего движения сейчас. Весь изложенный выше набор различных знаний или, более точно, эпистемологических единиц (во всем том содержании, которое зафиксировано в каждой из них) рассматривается мной в этом контексте не как некоторое знание из системы теории, а как *методическая схема или план моего собственного действия*, точнее даже — как *методическая схема или план намечаемого мной научно-технического или культурно-технического действия*.

Это — очень важный принцип, который вы для себя должны специально отметить, ибо он определяет все критерии подхода к самому этому набору и те оценки, которые к нему могут и, соответственно, не могут применяться. По сути, дела я совершенно отвергаю тем самым все разговоры об объектной истинности всего того, что я буду говорить, отвергаю их, поскольку сам критерий объектной истинности в применении к ситуациям, подобным нашей, и к схемам, подобным той схеме, которую я наметил, представляется мне в принципе ложным. Я исхожу из того, что это уже достаточно доказано всеми современными исследователями по социологии и методологии науки, и поэтому не буду тратить время на повторение всех доводов и аргументов.

Я буду рассматривать все элементы или блоки этой схемы как определенные проекции того культурно-технического действия, которые нам надо совершить, в частности действия по созданию новых форм мышления, тех, которые я назвал «методологическими», и по фиксации этих форм мышления в организованных разного типа, знаковых и вещественных.

Для меня, следовательно, имеет значение только ситуация, с которой мы начинаем работу, и та ситуация, к которой мы идем. Ясно, что вторая ситуация задана определенными про-

ектными установками, а эти проектные установки в свою очередь определяются выбранными мной идеалами и ценностями. Итак, не объект, который должен быть описан в знаниях, а действие, которое должно быть совершено, является моей целью и основанием. Можно также сказать, что цель и продукт моей работы определяются, с одной стороны, той культурной и научной ситуацией, которую нужно преобразовать, а с другой стороны, той ситуацией, которую мы хотим получить. Еще резче я бы сказал, что действительность, с которой мы имеем дело, рассматривается как движение от одной ситуации к другой ситуации, и, следовательно, все, что я буду говорить и делать, должно оцениваться прежде всего относительно организации того перехода из одной ситуации в другую, который я должен буду совершить.

Такой подход, как вы уже, наверное, догадываетесь, теснейшим образом связан с понятием программы исследований или программы разработок. По сути дела, И. Лакатос и К. Поппер вводят деятельностьную установку, когда они заменяют понятие знания и теории понятием программы исследований. Обратите внимание, что даже о таких признанных миром знаниевых образованиях, как ньютоновская механика, они говорят как о программах научных разработок, вокруг которых объединяются исследователи. Поэтому традиционные представления о подтвержденности теории, условиях ее опровержения и, даже более того, сами традиционные понятия истинности и ложности здесь вообще отвергаются. Они апеллируют к понятиям и представлениям, по сути дела, очень близким к понятию относительной исторической истины, развитому в марксизме. Они учитывают тот общеизвестный сейчас факт, что бывшее вчера истинным сегодня становится ложным, и отвергают оппозицию «истина—ложь» в качестве критерия демаркации науки и ненауки. Они обращаются к понятию процесса и, самое главное, переходят на позиции разумной, управляемой деятельности, трактуемой в качестве основного средства и механизма в осуществлении этого процесса. Основной для них становится точка зрения «роста», или развития, знаний.

Вполне возможно, что вам все эти положения будут казаться достаточно банальными. И это неудивительно для людей, которые воспитывались на учебниках марксистской философии. Но нельзя забывать, что между лозунгами и реализацией лежит большая дистанция. Провозглашая марксистский принцип исторической относительности истины, воспроизводя знаменитые рассуждения Ф. Энгельса из «Диалектики природы», наши

логики и методологи в практике своей собственной работы следовали отнюдь не этим принципам и заложенным в них методическим схемам, а исходили из традиционных представлений об абсолютной истине и истинности как соответствию знания объекту. Позиция И. Лакатоса и К. Поппера характеризуется тем, что они перешли от провозглашения лозунгов к реализации их в практике своей работы, превратили эти лозунги в методические схемы и в новую логику рассуждений.

В своих представлениях и методических установках я иду, как мне кажется, еще дальше, нежели И. Лакатос и К. Поппер, ибо пользуюсь деятельностными представлениями в более развитой и рафинированной форме.

Итак, все перечисленные мной эпистемологические образования должны рассматриваться не по отношению к некоторому объекту — скажем, всей совокупности философских, научных, технических, методических и методологических знаний, а по отношению к производимому мной научно-техническому или культурно-техническому действию. И здесь я должен перейти к следующему важному моменту, который непосредственно вытекает из всего сказанного выше, но по своему смыслу и содержанию может и должен быть выделен особо.

3. Речь пойдет об историческом подходе или исторической точке зрения, которую мы должны принять, объединяя и обобщая все сказанное выше. Коротко говоря, суть этого принципа в том, что все знаниевые образования, *все единицы, о которых мы будем говорить, должны браться, рассматриваться и оцениваться в их изменении и развитии*. Это означает, что полностью исключается и отвергается какой-либо «вечный» результат, а вместе с тем и установка на получение результатов такого рода. Это не означает, что отвергается всякая возможность существования каких-то долговечных положений и результатов. Они, конечно, получаются, но получаются как некоторый побочный результат научно-исследовательской, философской или методологической работы. Я тоже считаю, что в результате разработки принципов и средств методологического мышления, а также в результате развития теории деятельности получится много знаний и принципов, которые будут существовать в веках. Но все это, на мой взгляд, будет некоторым побочным и в известном смысле «мертвым», или «умерщвленным», продуктом нашей работы. Установка должна быть взята не на такие «вечные» знания и принципы, а на непрерывное и все время расширяющееся развертывание самой работы, в частности самих исследований.

Но в силу всех этих установок возникает совершенно особое понимание истории. Если до сих пор я все время говорил, что отдельные шаги, а также все средства, используемые нами, должны оцениваться относительно некоторого акта научно-технической или культурно-технической деятельности, то теперь я должен добавить, что сам этот акт действия производится на материале некоторого исторического процесса, в рамках этого исторического процесса и, следовательно, *должен оцениваться с точки зрения критериев, задаваемых этим историческим процессом.*

Но, чтобы осуществить такую оценку, а это значит связать между собой исторический процесс и акт действия, мы должны наложить на историю схему (или трафарет) акта деятельности. Другими словами, мы должны получить определенную склейку из естественно-исторического и деятельностного представления о некотором процессе, т. е. представить его, с одной стороны, текущим независимо от наших действий, а с другой — как результат и продукт определенной последовательности человеческих действий, направленных на то, чтобы преобразовать уже сложившиеся научные и культурные ситуации.

Ниже я буду очень подробно обсуждать этот вопрос, показывая, каким образом схема акта деятельности членит исторический процесс.

Но сейчас мне важно подчеркнуть лишь сам факт исторического подхода и двойственной трактовки — естественной и искусственной* — самого исторического процесса. С одной стороны, вся моя работа должна рассматриваться и оцениваться в плане действия, а с другой стороны, она должна вписываться в особый образ понятый и особым образом представленный исторический процесс, оцениваться с точки зрения его условий, механизмов и закономерностей. Склейка этих двух представлений и должна дать критерий для оценки эффективности или прогрессивности намечаемой мной работы и выражающей ее программы.

В этой связи я хотел бы, воспользовавшись случаем, отослать вас к очень интересным работам И. Лакатоса, в особенности к работе, опубликованной в сборнике «Критицизм и рост

* Более подробно о логике использования категорий естественного и искусственного в работах Г. П. Щедровицкого см. в статье М. В. Раца в настоящем сборнике. — *Примеч. ред.*

знаний» (Кембридж, 1970)*, в которых он пытается соединить критерии оценки различных знаний с процессом роста и развития науки. Он вводит понятие «сдвига проблем», различает прогрессивные и регрессивные сдвиги, причем первые отличаются от вторых ростом проблематизированного содержания.

С точки зрения широко распространенных у нас обыденных представлений о значимости и задачах научной работы это отнюдь не тривиально. Если в результате научного исследования число стоящих перед нами проблем уменьшается, то такое исследование считают хорошим, ибо оно дает важные практические результаты; если же в результате исследования число нерешенных проблем возрастает, то такое исследование считают плохим, ибо оно лишь увеличивает объем предстоящих нам работ и вроде бы ничего не дает для практики.

И. Лакатос оценивает все наоборот — для него самыми лучшими являются те научные исследования, которые после себя оставляют массу нерешенных, но реальных проблем. Такая оценка является результатом того, что Лакатос очень последовательно и четко проводит историческую точку зрения и, более узко и более точно, точку зрения непрерывного и постоянного роста и развития знаний. Поэтому для него продуктивным и важным является то исследование, которое более всего способствует росту и развитию самой научной работы.

Кроме того, для тех, кто знает особенности проектировочного подхода и основные логические критерии его, я скажу, что сформулированный мной выше принцип соединения в рамках исторического подхода «естественной» и «искусственной» точек зрения, соответствует, по сути дела, принципу реализуемости проектной разработки. В принципе, можно было бы ограничиваться и чисто искусственным подходом в организации научно-технического или культурно-технического действия и соответственно этому составлять программу такого действия, но такой подход не обеспечивал бы реализации разработок, ибо шел бы вразрез с естественными историческими тенденциями и процессами.

Когда мы намечаем некоторое научно-техническое или культурно-техническое действие, то мы должны с самого начала позаботиться, чтобы оно могло реализоваться. Для этого мы должны не идти вразрез с деятельностью и устремлениями дру-

* В русском переводе: Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1994. — *Примеч. ред.*

гих людей, а постараться учесть все те устремления и действия, которые сближаются с нашими, идут как бы в одном русле с ними. Только тогда мы можем рассчитывать на эффективность нашего действия. Именно для того, чтобы обеспечить этот аспект действия, мы производим анализ истории в «естественном» плане, т. е. стремимся учесть ее естественные тенденции и процессы.

Теперь я могу перейти к следующему из намеченных мной вводных замечаний.

4. Было бы неправильным рассматривать идею деятельности и программу разработок (вместо всего множества указанных выше знаниевых образований я буду называть дальше только два — идею и программу) как нечто уже сложившееся и оформившееся, как получившие уже свои основные результаты, принципы и средства. Дело обстоит совсем иначе, и именно поэтому я все время подчеркиваю, что буду говорить не о теории деятельности, а только об идее деятельности и программе предстоящих разработок. Я бы даже сказал, что в первую очередь речь идет о программе разработок, а идея деятельности рассматривается и излагается здесь как обосновывающая эту программу.

Нужно помнить также, что такие сроки как 20 или 30 лет не соответствуют по своим масштабам программам такого рода. Мы рассматриваем намечаемую нами программу как рассчитанную на много-много десятилетий, если не говорить о столетиях. То, что мы сейчас имеем, и то, о чем я буду рассказывать — плод нашей двадцатилетней работы — это лишь самые первые наброски и первый очерк того, что мы себе представляем и хотим получить.

Но если я не могу еще говорить об основном структурном и теоретическом абрисе идеи деятельности и даже абрисе программы разработок этой теории, если нет объектно-содержательного скелета репрезентируемых мной представлений, то единственным, за что я могу держаться, систематически развертывая свое изложение, оказывается *история наших собственных исследований и разработок*.

Я должен буду изложить вам содержание наших основных работ — тех работ, которые проводились с 1952 г. членами нашего кружка и в его рамках. Иногда этот кружок называют Кружком по содержательно-генетической логике, иногда — Московской логической школой, но в последнее время стали говорить о Кружке по разработке теории деятельности или о Московской методологической школе (последнее название я

считаю наиболее удачным и более всего соответствующим сути нашей работы на протяжении этих двадцати лет). Но я смогу сделать это только в историческом плане, и никакого другого пути организовать все это в единую систему нет.

Ведь если я подхожу с точки зрения концепции действия и использую определенное представление об истории, на материале которой и в рамках которой строятся действия, если действие и историю я обязуюсь задавать через ситуации, то, в принципе, я уже не могу апеллировать к каким-либо объектам, которые описаны в созданных нами знаниях. На мой взгляд, описывать реальную научную, философскую или методологическую работу можно только исходя из тех проблем и задач, которые задавались ситуациями нашей работы, и саму работу можно описывать только в смене гипотез и представлений, в последовательности тех шагов, которые мы совершали. Именно это я и буду дальше делать.

Я предполагаю дальше рассказывать историю развития проблем, гипотез и представлений, касающихся идеи деятельности, как они постепенно и последовательно развертывались в кружке московских логиков и методологов.

Конечно, здесь В. А. Лефевр мог бы сказать, что не этого он ожидал, когда предлагал мне сделать доклад по основным принципам теории деятельности и настаивал на этом докладе. Он бы, наверное, сказал, что нужно излагать позитивный материал теории деятельности, те результаты, которые уже получены в ее рамках. Но я надеюсь, что в предшествующем изложении мне удалось объяснить, почему я выбрал именно такой план изложения и не мог принять план изложения так называемых «позитивных» результатов. Для меня основной и значимой формой существования философского, научного и методологического мышления являются отнюдь не «позитивные результаты» (на мой взгляд, цена всем этим результатам медный грош в базарный день). Подлинное значение и важность для научных работ имеют именно проблемы и задачи, возникающие из анализа мыслительной, или более узко, философской, научной и методологической ситуации, а также программы научных, философских и методологических разработок, которые содержат в себе, говоря словами Лакатоса, значительную прогрессивную сдвигку проблем и содержания. Вот что, на мой взгляд, нужно организовать в научном мышлении, вот что характеризует подлинную сущность мышления и мыслительной работы и вот что, естественно, я должен излагать, характеризуя нашу работу, наши устремления и предлагаемые нами программы.

И если программа перспективна, она даст такое количество «позитивных результатов», что их просто нет возможности (да и не имеет смысла) сейчас перечислять; во всяком случае, не на них нужно сосредотачивать внимание при организации работы.

Если теперь вы думаете, что я закончу вводные замечания и перейду, наконец, к сути дела, то вы ошибаетесь, хотя в каком-то смысле я перехожу сейчас к сути дела, ибо буду обсуждать один из самых важных и решающих моментов всего моего доклада. Речь пойдет о том членении исторического процесса, которое задается охарактеризованным выше подходом. Это будет вместе с тем членение всего «фактического» материала — исторического, смыслового и эмпирического. Но так как все это будет уже движением как бы по второму кругу, будет уточнением и детализацией того, что я говорил раньше, то мне придется здесь ввести более крупное членение самого доклада. Я выделю все дальнейшее, касающееся этой схемы членения в особую смысловую часть.

Вторая часть

1. Основную проблему, которую мы здесь будем обсуждать, можно сформулировать так: каким образом человеческое действие относится к человеческой истории. Каким образом человек, с одной стороны, планирует и осуществляет свое действие, а с другой стороны, вписывается в историю, т. е. реализует свое действие в системе других действий людей и общей совокупной деятельности человечества? Я надеюсь, вы уже понимаете, что изложение и обсуждение этой темы должно быть прямым продолжением зафиксированных выше пунктов, касавшихся наложения схемы или трафарета акта действия на естественно-исторический процесс.

Всякое культурно-техническое и социотехническое действие как бы разрезает историю на две части — ту, которая была до этого действия, и ту, которая начинается вместе с этим действием и будет продолжаться после него; можно сказать, что каждое культурно-техническое или социотехническое действие начинает историю как бы заново. То, что было в истории до начала этого действия, выступает как его материал, подлежащий анализу и осмыслению.

Наверное, можно сказать, что само это представление является одним из следствий принципа рефлексии. Если человек или некоторая система деятельности наделена способностью к рефлексии, то это значит, что он или она могут встать в особое

отношение к прошлому — в отношение, превращающее это прошлое в материал последующей деятельности. Хотя этот тезис может показаться вам очень претенциозным и очень не-серьезным, я тем не менее настаиваю на том, что каждый человек обладает правом (и даже имеет обязанность) начинать историю заново с себя, со своей активной целенаправленной деятельности. Более того, это в каком-то смысле необходимо, ибо человек всегда должен очень четко различать (и осознавать это различие), что было до него, до того, как он начал работать, и что началось с него, с его специфических целей, задач, с его работы и тех изменений, которые он лично произвел.

Но все то, что я сказал, применимо лишь к тем действиям и к той деятельности, которая производит некоторый культурный и исторически значимый результат. Вместе с тем это можно рассматривать не только как некоторую констатацию, но и как определенное требование: человеческое действие должно произвести некоторый культурный и исторически значимый продукт, во всяком случае — участвовать в этом процессе, а поэтому оно должно строиться так, чтобы удовлетворить этой установке и этому требованию. Лишь в этом случае оно будет некоторым культуротехническим или социотехническим действием.

Но это деление действий «по качеству» (и вместе с тем требование к действиям) оказывается очень важным в плане отношения к истории. Ведь если человек претендует на некоторый социо- или культуротехнический результат и производит деление истории на то, что было до начала его работы, и на то, что связано с его работой, а потом оказывается, что никакого социального и культурного результата он не произвел и не достиг, то это, по сути дела, означает, что такой человек просто не жил. В плане его индивидуального существования ему было бы значительно удобнее и лучше либо жить просто «для себя» (ограничиться планом индивидуального и личного существования), либо же не членить историю на две части — до себя и с собой, а просто подключиться к уже существующим системам культуры (к процессам их постепенного развития и совершенствования) и работать над этим, продолжая дело предшественников и не претендуя на какой-то значительный результат в изменении направления и хода истории. Таким образом, в таком членении истории всегда есть большой риск; это всеми достаточно хорошо осознается, и поэтому, слава Богу, существует весьма мало людей, которые отваживаются на такое членение

истории. Если бы их было больше, то жить, как вы понимаете, было бы очень трудно.

Всякое действие, как это следует из общих определений, направлено на получение определенного продукта, и чем более значительным задуман этот продукт, тем больше времени требуется на осуществление самого действия. Из этого следует, что всякое настоящее социотехническое или культуротехническое действие (во всяком случае, в современных условиях) имеет свою историю. Начало этой истории довольно легко выделить: оно связано с началом работы данного человека, с появлением у него первых замыслов и т. п. Вторая грань этой истории выделяется с трудом: во всяком случае, она в значительной мере связана уже не с субъективными устремлениями и действиями этого человека, а с началом самостоятельной жизни (при этом, может быть, в деятельности других людей) созданных или создаваемых им продуктов. Первоначально, когда появляется первый замысел, когда вырабатываются средства, метод и стратегия действия, то продукт не имеет еще самостоятельного существования, отделенного от деятельности и мышления человека. Но потом происходит разделение того и другого; то, что было в генезисе продуктом данной деятельности, становится самостоятельным объектом (во всяком случае, самостоятельным от этой исходной деятельности). Где-то здесь мы и проводим вторую грань, завершающую историю социотехнического или культуротехнического действия.

Рассматривая историю какого-либо акта деятельности, мы можем наметить целый ряд линий, связывающих это действие с предшествующей человеческой деятельностью, с ее разнообразными историческими фрагментами и составляющими. В каком-то плане мы можем рассматривать историю данного акта деятельности как историю соединения этих линий через привносимые ими элементы. Скажем, сама идея действия могла быть заимствована данным человеком у одних предшественников и с ними его будет связывать одна «линия»; средства действия могли быть заимствованы у других предшественников, причем не сразу целиком, а по частям; с этими предшественниками его будут связывать другие «линии»; общая стратегия действия могла быть заимствована у третьих и т. д. и т. п. И все это будут моменты истории данного акта деятельности до появления или создания им своего продукта, некоторой культуры или социозначимой организованности деятельности. На схеме возникающие здесь отношения и связи могут быть изображены примерно так, как на рис. 1.

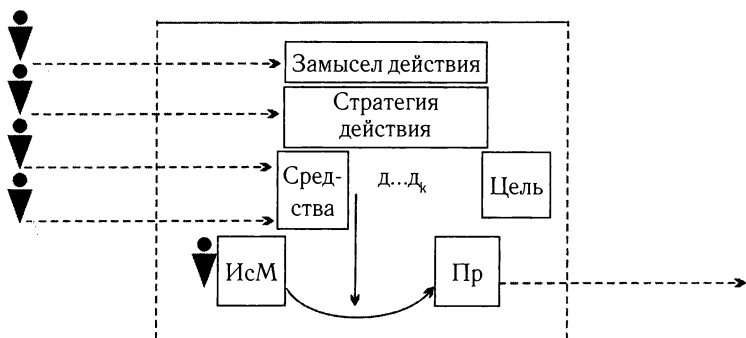

Рис. 1. Действие в истории*

Когда продукт деятельности отделяется от самой деятельности и начинает жить по своим собственным естественным законам, он включается вновь в совокупную историю человечества. С этого момента начинается собственная история данной организованности деятельности, ее естественная история.

Эти расчленения представляются мне исключительно важными и абсолютно обязательными для всякого историко-научного и историко-технического исследования, может быть, даже — для всякого исторического исследования, во всяком случае, если оно учитывает человеческую деятельность или исходит из деятельностного подхода. Произведя такое членение истории, мы, по сути дела, получаем несколько разных историй. Мы выделяем некоторое «ставшее» состояние интересующего нас объекта, или организованности, и оно является элементом того поля действительности, с которым мы имеем дело в историческом исследовании. Мы имеем некоторый процесс формирования или созидания этой организованности; этот процесс вычленен нами из общей истории разных организованностей и в каком-то смысле даже противопоставлен этой истории. Процесс формирования или созидания этой организованности имеет свою собственную историю, которая должна описываться отдельно. Наконец, мы получаем естественную историю развития сформированной организованности, которая начинается

* К сожалению, в расшифровке этого доклада схемы не сохранились. Они восстановлены мной (В. Даниловой) по описанию и контексту. Очевидно, что это — лишь один из вариантов возможной реконструкции этих схем. — Примеч. ред.

после того, как заканчивается история формирования или со-зидания ее. Это три основных раздела или области подобного исторического исследования, но они не исчерпывают еще всех разделов и областей.

По сути дела, я уже начал обсуждать отношение трех на-меченных выше структур к истории всей человеческой деятель-ности, предшествующей им или происходившей с ними парал-лельно. Сами эти отношения весьма разнообразны и точно так же требуют отдельного анализа.

Выше я уже выделил многочисленные «линии», связываю-щие акт деятельности с предшествовавшей ему историей. Эти линии мы можем рассматривать как некоторую предысторию данного акта деятельности, как историю формирования его элементов и составляющих. Ясно, что все исторические пред-ставления такого рода являются продуктом специального реф-лексивного исследования, которое может быть начато лишь после того, как история этого акта завершилась и начинает описываться в знаниях. Таким образом, знание о всех этих ли-ниях, включающих данный акт деятельности в общую, суммар-ную историю человечества, является метазнанием, или знани-ем более высокого уровня и порядка.

Но точно так же мы можем встать в аналогичную рефлексив-ную позицию по отношению к той организованности, которая была создана в результате этого акта деятельности. Мы можем задать вопрос, каковы были условия и предпосылки, опреде-лившие формирование данной организованности, какие тен-денции, закономерности и механизмы привели к ее появлению и предопределили ее характер. Отвечая на этот вопрос, мы «впи-шем» созданную в этом акте деятельности организованность в общую линию человеческой истории. Мы должны будем пред-ставить все дело заведомо в ложном свете: мы будем говорить, что эту организованность породила сама история, действующая по своим имманентным законам, а совсем не мы и не тот акт деятельности, который на самом деле ее произвел.

Мне важно указать на принципиальное различие этих двух способов, позволяющих связывать акт деятельности и его про-дукты с историей. В одном случае мы исходим из нашей актив-ной деятельностной позиции, мы самих себя считаем демиур-гами, мы говорим, что новая организованность произведена деятельностью, и мы игнорируем историю. В другом случае мы исходим, наоборот, из истории, игнорируем деятельность и счи-таем, что сама история произвела рассматриваемую нами ор-ганизованность.

И чем старше мы становимся, тем легче встать на эту вторую точку зрения. В молодости кажется, что переворот в науке можно произвести очень легко. Но потом, когда основная часть работы уже сделана и мы начинаем глядеть на нее со стороны, то становится видно, насколько мало было сделано сравнительно со всем тем, что уже существует. Само напряжение деятельности уходит в прошлое, и мы начинаем видеть значительно больше использованных нами предпосылок и значительно большее число связей с культурной традицией. Тогда мы склонны говорить, что все, что мы сделали, произвела на самом деле история в ее непрерывном и имманентном движении. Мы начинаем рассматривать все как сплошной «поток истории», а себя как агентов исторического процесса, лишь реализовавших то, что было намечено этим процессом.

Но на самом деле это есть новая, вторая реконструкция, как бы снимающая и свертывающая в себе тот разрыв непрерывности исторического процесса, который мы произвели, вводя представление об акте нашего социального действия. Эта реконструкция имеет целью связать продукт, созданный нашей деятельностью, со всей прошлой культурой и историей, показать не только обусловленность, но даже необходимость его появления.

Важно понять, что при такой реконструкции мы будем устанавливать иные линии связи, нежели мы устанавливали тогда, когда показывали историческую обусловленность нашего социального действия. Это будет другая преемственность, другая последовательность, другая история. Если раньше мы говорили об источниках и условиях нашего культуротехнического или социотехнического действия, то теперь мы говорим об источниках и условиях как бы естественного появления той организации, которую мы произвели.

Я говорю обо всех этих моментах по нескольким разным причинам. Прежде всего я должен указать на то, что этот вопрос уже был затронут в докладе Э. Г. Юдина и трактовался, на мой взгляд, таким образом, который, по меньшей мере, принципиально расходится с тем, как все это представляется мне. Но кроме того, мне важно репрезентировать эту схему для того, чтобы осуществить намеченную мной методическую процедуру. Ведь я должен показать, как я работаю, описать мой метод на шаг раньше, чем я буду его реализовать в конкретном исследовании. И это, как вы помните, было объявлено мной одним из важных условий правильного понимания текста доклада. Даже если вы не будете согласны с моей схемой исторической рекон-

струкции, зная и отчетливо представляя ее себе, вы будете точно знать, что именно вас не устраивает, что вы хотите изменить и перестроить. Во всяком случае, эта схема является логическим и онтологическим основанием многих моих дальнейших построений, а может быть, даже всех.

Коротко говоря, я исхожу из существования в рассматриваемом мной «историческом поле» по крайней мере пяти разных систем, которые должны жестко разделяться и противопоставляться друг другу в реконструкции. Эти системы существуют в истории любых и всяких образований, связанных с человеческой деятельностью. Напомню еще раз перечень этих систем.

1. Социотехническое или культуротехническое действие, которое мы производим; оно складывается, организуется и осуществляется ради достижения определенного продукта — созидания определенной организованности деятельности.

2. Сама организованность деятельности, созданная нашим действием, или еще лучше — родившаяся в недрах нашего действия и ставшая в конце его независимой, обладающей собственным движением и развитием в контексте и в системе человеческой деятельности; эта организованность включается в будущую историю и живет в ней сама по себе, независимо от породившего ее действия (в частности, такой организованностью может быть форма самого нашего действия, рефлектируемая и перенимаемая другими людьми).

3. Но сама будущая история этой организованности, ее имманентное развитие образует уже особую, третью систему, которую нужно рассматривать отдельно от системы самой этой организованности; как правило, границы и структура системы развития не совпадают со структурой самой организованности; в нашем ретроспективном анализе этот процесс развития может выступать по-разному — все зависит от того, в какой момент мы начинаем наш анализ: может оказаться, что по отношению к этому анализу часть процесса развития будет лежать уже в прошлом; но если мы берем за точку отсчета саму организованность и все строим относительно этой точки, то, естественно, процесс развития организованности будет лежать в будущем.

4. Линии традиции, заимствования и т. п. образуют особую систему, связывающую социотехническое или культуротехническое действие с прошлой историей; она представляет собой предысторию и праисторию нашего действия.

5. Линии непрерывного как бы естественного развития рассматриваемой нами организованности, связывающие ее со всей прошлой историей; это — та система, в которую мы вписываем созданную нами организованность, чтобы стереть все следы нашего действия, следы нашего произвола и представить все как естественный и необходимый продукт и результат непрерывного исторического процесса.

По сути дела, создавая последнее представление, мы хотим совершенно освободиться от ответственности за свое действие, переложить эту ответственность на историю. И, конечно, именно это, последнее представление является самым далеким от того, что происходит на деле. Вместе с тем последнее представление тоже необходимо, поскольку оно связывает продукт нашей деятельности со всей прошлой культурой.

— *В последних фразах вы употребили такой оборот, который заставляет думать, что вы используете понятие истины и истинности, хотя до этого говорили, что в вашей методологии оно не работает. К примеру, вы сказали, что последнее представление «является самым далеким от того, что происходит на деле»; но что это, как ни использование, хотя и в скрытой форме, отношения истинности.*

Мне кажется, здесь есть недоразумение. Деятельностный подход совершенно не исключает понятия истинности и не отказывается от использования его. В предыдущих частях своего доклада я утверждал лишь то, что понятия истины и истинности перестают быть критериями оценки используемых мной знаний. И это обстоятельство отчетливо проявилось в том числе и в последних фразах моего доклада, на которые вы обратили внимание. Ведь сказав, что это представление является самым далеким от того, что было на деле, я отнюдь не сделал из этого вывод, что это представление нам не нужно, что оно хуже других или что оно может быть заменено другими. Наоборот, я тотчас же подчеркнул, что это представление столь же необходимо для нас, как и все другие, что оно составляет необходимый элемент той системы знаний, которую мы должны построить; квалификация этой системы как «далекой от того, что было на деле» играло у меня совсем иную роль — это была характеристика ее с точки зрения отношения абстрактного и конкретного. Здесь, наверное, нужно заметить, что еще А. А. Зиновьев (см., в частности, Zinověv A. A. K problému abstraktniho a konkrétneho poznatku // Filosofický časopis. 1958. № 2) показал, что отно-

шение «абстрактное-конкретное» является, по сути дела, истинностным отношением, но в его более точной и в более полной формулировке, что оно заменяет (или вытесняет) простые и грубые формулировки Аристотелевой теории истинности. Нечто подобное происходит и у меня. Сказав, что последнее представление является наиболее далеким от того, что было на деле, я, по сути дела, оценил его как предельно абстрактное в этой системе знаний. Но именно это абстрактное представление нам нужно, ибо оно несет на себе особые и специфические функции, причем может обеспечивать эти функции именно благодаря своей абстрактности.

Обратите также внимание на условие и порядок разворачивания всех названных мной представлений. Ведь я исходил из деятельностного представления, и именно с точки зрения него (а вместе с тем — с точки зрения решаемой мной специфической задачи) последнее представление является «самым далеким» от того, что считается или объявляется объективным в рамках деятельностного подхода. Если к тому же мы будем рассматривать все это в идеологическом плане, то значимость последнего представления еще более возрастет: ведь оно нужно для того, чтобы социализировать созданную нами организованность, ввести ее в систему культуры; поэтому само это представление есть — я говорю очень резко и утрированно — социально-необходимая ложь или ложь социализации. И опять-таки это не значит, что это плохо.

Изложенная выше схема исторического исследования, содержащая пять основных систем, по сути дела, предопределяет и намечает план и стратегию моего дальнейшего движения: я буду рассказывать историю наших исследований и буду брать ее в плане формирования и осуществления нашего социотехнического и культуротехнического действия. Другими словами, сама история наших исследований будет изображаться мной как история формирования и осуществления нашего социотехнического или культуротехнического действия, а с другой стороны, и это еще точнее — как само это действие.

2. Последнее замечание открывает перед нами новую, весьма сложную проблему, лежащую на следующем уровне детализации относительно тех проблем, которые я до этого обсуждал. Ведь саму «систему 1» можно рассматривать двояко: с одной стороны, как последовательность произведенных нами действий, а с другой стороны, как историческую последовательность появления отдельных элементов или фрагментов

структуры той организованности, которую мы создаем. Во втором случае это будет, если хотите, искусственно-естественная история формирования или становления этой организованности. Такой подход в особенности важен потому, что в реальной истории человеческой работы часто происходят такие явления, которые я не учел и не мог учесть в моей схеме. Речь идет о том, что отдельные элементы и части создаваемой организованности могут как бы «выходить» из системы действия и начинают естественно эволюционировать или развиться в других системах безотносительно к исходной системе действия и безотносительно к другим элементам этой организованности. Такое часто происходит, когда какие-то представления одной концепции заимствуются людьми, придерживающимися другой концепции, и используются в интересах последней. Из этого следует, что жизнь и движения организованности нельзя свести только к жизни и движениям ее внутри данного действия, а нужно еще учитывать ее естественную эволюцию и разнообразные дрейфы. Здесь необходимо учитывать фактор времени и стыковать искусственные и естественные компоненты исторического процесса по времени.

Это вообще некоторый принцип жизни организованностей деятельности, в частности представлений, знаний и идей. Сразу же после своего создания они начинают жить как бы самостоятельной жизнью, включаясь в разнообразные системы другого рода. Нередко создатели этих идей и представлений буквально хватаются за голову, глядя на жизнь своих творений, и не знают, как с ними бороться. Но это есть некоторый реальный факт и некоторый естественный процесс, который необходимо во всех случаях учитывать.

Таким образом, уже в «системе 1» завязаны самые разнообразные процессы. Это, с одной стороны, последовательности действий, с другой стороны, это — движение частичных организованностей, создаваемых этими действиями, но одновременно живущих своею собственной естественной жизнью. Еще сюда должны быть подключены все линии и связи, соединяющие данное действие и движущиеся в нем организованности с прошлой историей, с традициями общественно-исторической деятельности.

Это значит, что если я не ограничусь одним лишь описанием последовательности действий, осуществленных нами в ходе исследований и разработок, а постараюсь представить все исторически (а это значит — наложу на все явления специальную историческую сетку), то я должен буду еще учесть разные связи,

включающие нашу деятельность в прошлую историю (это будет «система 4» из приведенного мной перечня). А в дополнение я должен буду отметить все те зародыши естественной эволюции элементов создаваемой нами организованности, которые, с одной стороны, включались в сам процесс социотехнического и культуротехнического действия, а с другой — как бы вырывали эти элементы организованности из системы нашего действия (это будут моменты и отдельные линии «системы 3»).

Все эти соображения показывают исключительную сложность и разноплановость того исторического исследования, которое я предполагаю здесь провести.

3. Мне остается сделать еще одно предваряющее замечание. Оно касается схемы, с помощью которой мы можем рассматривать свое собственное социотехническое или культуротехническое действие, одновременно учитывая его разнообразные исторические связи. Здесь я воспользуюсь представлениями, которые сложились в результате соединения трех разных линий и направлений наших исследований. Эти представления были намечены в моих работах, касавшихся развития мышления, в период 1957—1960 гг., затем они были усовершенствованы и весьма существенно дополнены В. М. Розиным и А. С. Москаевой в процессе исследования процессов и механизмов формирования эмпирической науки; частично эти дополнения были отражены в сборнике «Проблемы исследования структуры науки» (Новосибирск, 1967) и в более развернутых работах, написанных В. М. Розиным и А. С. Москаевой после 1967 г. Наконец, свою окончательную форму это представление получило в дискуссии между мной и В. Я. Дубровским при обсуждении доклада В. Я. Дубровского о способе деятельности и принятого им метода работы.

В работах 1957—1960 гг. я показывал, что всякое обобщенное знание, всякое средство мышления и деятельности появляется в результате соединения двух разнородных процессов: процесса решения некоторых задач, которые здесь могут быть названы «практическими» и процессов рефлексивного осознания решений задач и фиксации всех возникших при этом новообразований в виде специально организованных средств.

Развивая эти идеи, В. М. Розин показал, что когда мы имеем дело с весьма сложными организованностями науки и деятельности, то это отношение в принципе сохраняется, но приобретает форму взаимодействия между двумя организмами мышления и деятельности. В частности, рассматривая появление и

формирование эмпирических наук, В. М. Розин и А. С. Москаева показали, что весь этот процесс можно представить как результат взаимодействия двух организмов деятельности и мышления: с одной стороны, организма инженерии, производящего конструктивные схемы, которые могут быть использованы затем в качестве моделей некоторых естественных процессов, а с другой стороны, организма философии, нормирующего процессы создания этих конструктивных схем и употребления их в качестве моделей некоторых естественных процессов. По сути дела, организм философии создает процесс моделирования в связи с необходимостью нормировать конструктивное развертывание схемы.

Сам процесс взаимодействия между организмом философии и организмом инженерии можно представить как процесс поглощения инженерии философией и осуществляемого затем управления дальнейшим развитием инженерии со стороны философии. В частности, В. М. Розин и А. С. Москаева показывали, что организм философии прежде всего организует мышление в сфере инженерии, а одним из побочных результатов этого процесса является создание различных организованностей, превращающих инженерную деятельность и инженерное мышление в научно-эмпирическую деятельность и научно-эмпирическое мышление. Схематически их представление могло бы быть выражено на рис. 2а, хотя сами они обычно — и это отражено в сборнике «Проблемы исследования структуры науки» — предпочитали пользоваться блок-схемами, представленными на рис. 2б.

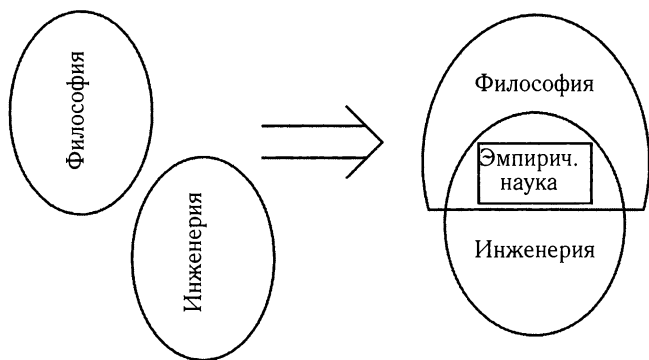

Рис. 2а. Организация философией мышления в сфере инженерии

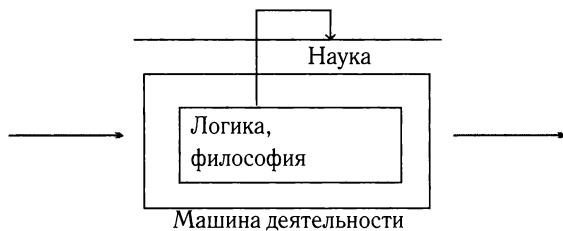

Рис. 26. Возникновение науки в результате организации философией машин деятельности

Вопрос о том, как относятся друг к другу эти два схематических изображения, нужно обсуждать особо, и я думаю, что из этого обсуждения можно будет извлечь много интересного; но это — особая задача, которой я сейчас не могу заниматься.

Позднее, в уже названной мной дискуссии по докладу В. Я. Дубровского представления, выработанные В. М. Розиным и А. С. Москаевой, были уточнены и трансформированы за счет того, что в изображение взаимодействия философии и инженерии были включены изображения тех организаций, на которых эти организмы взаимодействуют и которые они за счет своего взаимодействия развивают. В наглядно-схематической форме это новое представление может быть изображено на рис. 3.

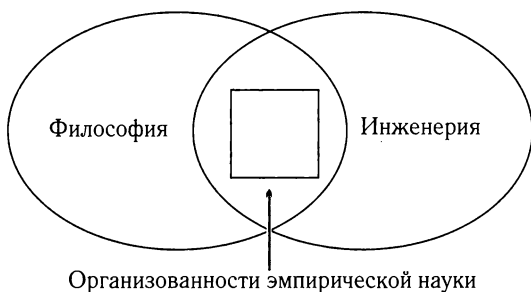

Рис. 3. Взаимодействие философии и науки на общих организованностях

В ходе этой дискуссии было показано, что подобного рода связки или склейки двух организмов деятельности и мышления являются некоторым общим порождающим механизмом в структурах деятельности, что мы можем пользоваться подоб-

ной схемой при объяснении происхождения или возникновения самых разных деятельностных и мыслительных образований.

В дальнейшем в ходе доклада я буду не раз прибегать к помощи подобной схемы. По сути дела, я уже один раз воспользовался этой схемой, когда задавал отношение между методом моей работы и обосновывающими его знаниями, которые получаются в результате применения этого метода к определенному материалу. Если вы захотите представить этот материал, описанный мной, в только что приведенной схеме, то должны будете заменить «организм философии» на «организм методологии», «организованность эмпирической науки» на «организованность знаний теории деятельности», а «организм инженерии» на «организм теории деятельности». Во всяком случае, я все время буду следовать этой схеме и применять ее как некоторый общий трафарет, объясняющий все мои мыслительные движения и рассуждения.

Для большей точности я хотел бы еще только добавить, что обычно «организм философии» и «организмы» инженерии или науки не так легко и просто склеиваются друг с другом через посредство какой-то определенной организованности. Сейчас, как правило, такая склейка предполагает еще дополнительную искусственную позицию и некоторый дополнительный организм деятельности и мышления, который осуществляет работу по склейке. Для нас таким организмом, по сути дела, поглощающим организмы философии, инженерии и науки, является организм методологии; он надстраивается над указанными организмами как бы в третьем измерении. Этот момент точно так же нужно учитывать, понимая и анализируя все то, что я буду вам рассказывать.

Но главное, что здесь должно быть выделено — и именно с этим я буду дальше работать — это, во-первых, взаимодействие и склейка нескольких организмов деятельности, а во-вторых — включение и ассимиляция одним организмом деятельности других; иначе говоря, из того, о чем я рассказываю, вы должны извлечь прежде всего некоторые методические средства, некоторые формальные схемы, которые нужно будет накладывать в дальнейшем на материал.

Нужно также иметь в виду, что первоначально мы анализировали не организмы инженерии и науки. Мы начали свою работу с освоения и организации сфер методологии и логики, а для этого должны были сформировать особый организм метаметодологической работы. Двигаясь в действительности метаметодологии, мы обсуждали отношения и связи методологии

с другими сферами и организмами человеческого мышления — науки, инженерии, практики, проектирования и т. д. При этом, как легко увидеть, методология оказалась связанной сразу с несколькими разными организмами деятельности и должна была выступить в качестве обобщающего и связывающего их средства.

После того как была поставлена (или выявилась) эта задача, начала возникать (или создаваться) теория деятельности. Она нужна была нам в качестве теоретического посредствующего звена, которое дало бы возможность связать разные виды и типы деятельности в едином поле общей методологии. Параллельно теории деятельности с теми же целями создавался еще ряд методолого-теоретических дисциплин — теория мышления, теория знания, семиотика, теория науки, теория проектирования, теория сознания и т. д. и т. п. Именно это составляет существо всей той работы, а вместе с тем и всей истории становления нашей концепции и наших представлений, о которых я буду дальше рассказывать. По сути дела, я привел и нарисовал здесь, в самом общем и грубом виде, схему моего дальнейшего изложения; эта же схема будет заполняться мной материалом и интерпретироваться на материал.

Из сказанного следует, в частности, что первоначально нас интересовала отнюдь не теория деятельности как таковая; более того, первоначально мы и не подозревали, что такая теория нужна и может существовать. Мы решали совсем иные задачи, и если бы кто-нибудь сказал нам, что нужно строить теорию деятельности, то мы, наверное, не поняли и не приняли бы этого тезиса. Теория деятельности появилась в качестве побочного результата нашего движения, нашей работы, направленной на решение совсем иных задач — тех самых, которые возникали в поле метаметодологической работы, направленной на выяснение отношений между методологией и разнообразными организмами деятельности и на построение общей методологии. В своей работе мы создавали методологическое мышление (как особый, новый тип мышления), а в своем осознании мы строили общую методологию. И лишь в ходе построения и развертывания методологического мышления и методологии мы увидели, что должна быть разработана теория деятельности, причем увидели мы это уже после того как реально появились и стали использоваться нами фрагменты теории деятельности.

После того как этот момент был осознан, мы стали говорить о теории деятельности (или, соответственно, об идее деятель-

ности, о программе исследования деятельности и т. д.) и стали разрабатывать ее как таковую.

Но в этом процессе идея и теория деятельности никогда не существовали и не разворачивались как независимые и автономные образования: нашей основной задачей по-прежнему оставалась разработка методологии и создание методологического мышления, а поэтому теория и идея деятельности в своем развитии постоянно испытывали всевозможные воздействия и давления со стороны методологии и методологического мышления. Можно сказать, что *идея деятельности и теория деятельности родились в системе методологических разработок, все время оставались и продолжают оставаться в этой системе.*

Отсюда следует, что как о строении теории деятельности, так и о процессах (или процедурах) ее разработки нельзя говорить, используя традиционные образцы и стандарты естественных наук. Будучи теоретической (и даже в какой-то мере естественнонаучной) дисциплиной, теория деятельности в своих основных определениях является дисциплиной *методологической*. Это обстоятельство кардинально меняет ее статус и заставляет нас по особенному рассматривать ее строение и процедуры построения. Во всяком случае, для нас самих этот момент является главным и решающим.

Третья часть

1. После всех предварительных замечаний мы можем перейти к основному содержанию моего сообщения. Прежде всего я постараюсь очертить и охарактеризовать те ситуации нашей работы, внутри которых возникли те общие и специфические затруднения и проблемы, преодоление и решение которых привело к созданию идеи деятельности, принципа деятельности и программы разработок теории деятельности.

Чтобы понимать все дальнейшее, надо прежде всего иметь в виду, что история нашей работы делится на два четко разграниченных периода: первый период продолжался с 1952 по 1962/63 гг., второй период начинается с 1963 г. В самом общем виде первый период можно охарактеризовать как период исследований мышления как деятельности; второй период в самом общем виде — это период исследования деятельности как таковой.

Когда я говорю о периоде исследования мышления как деятельности, то тем самым я подчеркиваю, что основным предметом изучения в этот период было мышление. Слово «дея-

тельность» (и все связанные с этим представления) выступало прежде всего как некоторая апперцепция, как некоторая точка зрения на мышление, как выражение некоторого особого подхода. Если же мы возьмем самое начало, самые истоки появления этого выражения «мышление как деятельность», то там «деятельность» была просто словом, которое даже и не несло в себе какого-то определенного содержания, хотя вместе с тем было вполне осмысленным.

Сейчас я мог бы сказать, что смысл этого слова заключался в определенном расчленении (или способе разложения) того предмета, который мы называли «мышлением». На этом этапе — и это тоже будет правильная характеристика — не мышление определялось через деятельность, как некоторую категорию и предметно-ориентированную схему, а особый способ расчленения и представления мышления наполнял смыслом (и даже в какой-то мере содержанием) слово «деятельность». Можно сказать, что в этот период выражение «мышление как деятельность» было равносильно выражению «деятельностно представленное мышление», а это «деятельностно представленное» сводилось, как я сейчас буду подробно показывать, к двойному представлению мышления — в виде знаний и процессов, и к особому принципу связи этих двух представлений.

Чтобы все это показать и объяснить, я должен охарактеризовать философскую ситуацию, которая была в этот период и которая определялась основной линией споров и столкновений разных подходов и точек зрения.

Я буду представлять эту ситуацию несколько субъективно — так, как она выступила для меня в тот момент, когда я начал мою философскую работу, и, естественно, начинать я буду тоже с того момента, когда я вклинился в эту ситуацию и начал понимать смысл происходящего. Естественно, что я буду начинать это изложение с работ моего учителя — А. А. Зиновьева.

В 1951 г. А. А. Зиновьев провозгласил тезис: логика должна разрабатываться как эмпирическая наука. Этот тезис нес на себе много разных смыслов, которые выявлялись нами постепенно (и продолжают выявляться сейчас) в зависимости от того, как менялась сама ситуация и в какие отношения вставляли мы к разным ее участникам. На том этапе этот тезис означал прежде всего — во всяком случае, именно это мы больше всего осознавали, — что логика должна перестать ориентироваться на формальные системы (логических единиц или языка — этот момент мы тогда не фиксировали) и на создание таких формальных систем, а должна обратиться к реальным примерам

и образцам научного мышления, зафиксированным в классических произведениях, и постараться оттуда извлечь приемы, методы и способы анализа объектов и построения научных знаний и систем знания. Описания этих приемов, методов и способов, соотнесенные с описаниями соответствующих им знаний, и должны были составить тело Логики.

Будущий историк этого периода развития советской логики столкнется с многочисленными затруднениями в анализе действительного смысла и содержания разных тезисов, поскольку, как я уже сказал, каждый тезис нес на себе разнообразные смыслы, в зависимости от того, каким другим тезисам и точкам зрения он противопоставлялся.

В данном случае тезис логики как эмпирической науки теснейшим образом переплетался с тезисом диалектической логики. В плане чисто словесном то, что говорил А. А. Зиновьев, очень часто совпадало с тем, что говорили многие другие, но подлинный смысл был принципиально иным. Чтобы понять его, нужно обратиться непосредственно к диссертации А. А. Зиновьева*, а также к его рецензии на книжку Розенталя, опубликованную в 1957 г. в журнале «Вопросы философии».

Обычно за тезисом диалектической логики, который был официальным и принимался значительной группой советских логиков — см. дискуссию 1949 г., частично отраженную в журнале «Вопросы философии», — терялся и не фиксировался тезис «логика как эмпирическая наука», специфический для А. А. Зиновьева и имевший, на мой взгляд, куда более важное и принципиальное значение. Я лишь указываю на пересечение этих двух тезисов, чтобы выделить тезис «логика — эмпирическая наука», отделить его от тезиса диалектической логики. Я не обсуждаю различия этих тезисов по существу, ибо все моменты, связанные с концепцией диалектической логики, важные сами по себе, для меня в этом контексте не существенны.

Важно также отметить, что в дальнейшем у самого Зиновьева были известные колебания в проведении и реализации этого тезиса; наверное, можно было даже сказать, что сам он отказался от него где-то на рубеже 1958/59 г. По-видимому, для этого у него были известные основания — я не знаю, соб-

* Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002. — *Примеч. ред.*

ственно логические или социальные. Это очень сложный вопрос, требующий специального разбора.

С тех пор мы прошли очень большой путь, и сама концепция логики претерпела очень существенные изменения, причем в разных направлениях. Сейчас мы бы уже не стали утверждать так грубо и ригористично, что логика должна и может быть наукой (в прямом и точном смысле этого слова) и тем более — эмпирической наукой. Но это опять-таки особый вопрос, а я сейчас рассматриваю историю, и в этом плане мне важно подчеркнуть принципиальное значение тезиса о научно-эмпирическом характере логики для того периода нашего развития. Это был важнейший тезис, по сути дела, определивший во многом направление и результаты наших дальнейших разработок.

Для того чтобы реализовать этот принцип в конкретной работе, нужно было выбирать соответствующие тексты (научные произведения), в которых были зафиксированы образцы подлинного мышления, развивающего науку и системы научных знаний. Ситуация философского факультета конца 1940-х — начала 1950-х гг. предопределяла единственный, по сути дела, выбор: таким образом могли быть только работы К. Маркса, и в частности «Капитал». Естественно, что вся логическая разработка тех лет, шедшая вразрез с традицией формально-логического анализа (прежде всего под лозунгом разработки диалектической логики) строилась в первую очередь и почти исключительно на «Капитале» К. Маркса; на «Капитале» работал Э. В. Ильенков, на «Капитале» работал А. А. Зиновьев (я мог бы назвать еще многих, но принципиальное значение имеют эти два автора).

Но здесь должен был возникнуть и, конечно, возник тот основной вопрос, который встает в каждом собственно научном исследовании, ориентированном на определенный фактический материал: что собственно является предметом и объектом изучения. Вы должны понять, что этот вопрос был предопределен указанным мной выше тезисом Зиновьева. Когда исследователь работает в традиции уже существующего и четко зафиксированного научного предмета, то вопрос о предмете и объекте его исследования не встает; для всех, кто работал в русле традиционной формальной логики, ответ был совершенно очевидным: они изучали умозаключения, суждения и термины-понятия. В этом плане очень интересны работы В. И. Черкесова и М. Н. Алексеева, игравших тогда весьма важную роль в советской логике (во всяком случае, в силу их административного положения): они пытались определить предмет диалектической логики исхо-

дя из традиционных представлений формальной логики — умозаключения, суждения и термина. Для тех же, кто подряжался сформировать новый предмет логической науки исходя из так или иначе очерченного эмпирического материала, этот вопрос необходимо становился основным и решающим.

К этому надо добавить — и это очень важно для понимания всей тогдашней ситуации и путей ее дальнейшего развития, — что логики, работавшие и учившиеся в тот период на философском факультете, ровном счетом ничего не знали о мировой логике, возникшей и развивавшейся после 1850 г. Даже классические работы неокантианцев по методологии науки и общей логике — работы Виндельбанда, Риккерта, Когена, Наторпа и др. — ими, по сути дела, не охватывались и не учитывались. О «Венском кружке» и вообще логическом эмпиризме, о лингвистической философии и логике, о работах Карнапа и Айдукевича, Тарского и Гемпеля они знали лишь понаслышке и только то, что это очень буржуазно и очень плохо. По сути дела, на Гегеле и Марксе вся история логики заканчивалась, проходили ее только до этого места, только историю, подготовившую марксизм и завершившуюся в марксизме; поэтому, естественно, отвечая на вопрос, что является предметом и объектом эмпирического логического исследования, все эти исследователи могли ориентироваться лишь на то, что было у Маркса и до Маркса, а также и в первую очередь на «Философские тетради» В. И. Ленина. Все, что они не могли почерпнуть там, они должны были выдумать сами. В этом было много недостатков, но в этом было и великое преимущество советских логиков перед всеми другими — они могли начать новую линию в развитии логической мысли, могли работать самостоятельно; одним словом, психологически им было легче начинать историю логики с себя.

Именно в этой ситуации возник и стал интенсивно обсуждаться вопрос о том, как соотносятся друг с другом знания и мышление как деятельность, как активность (как выяснилось потом, самый традиционный из всех вопросов, обсуждавшийся, по сути дела, каждым философом).

Желая еще точнее охарактеризовать ситуацию, я должен указать, что на философском факультете в тот период можно было встретить представителей любых точек зрения и любых концепций, существовавших в прошлом (все зависело от того, до какого места в истории философии дошел в своем индивидуальном развитии тот или иной сотрудник факультета — до элейцев, Гераклита, Аристотеля, Канта или Гегеля). Обсуждаться мог, по сути дела, любой вопрос, все осмыслялось по-новому

в данной конкретной ситуации, независимо от того, как обсуждался этот вопрос в прошлом и как он в прошлом решался; никакого порядка в организации материала вообще не было. Но при этом преобладало два направления, между которыми, собственно, и разворачивалась борьба. Одно направление образовывали аристотелианцы (с известной примесью кантианского осознания) — В. Ф. Асмус, П. С. Попов, А. С. Ахманов, Д. П. Горский, М. С. Строгович, П. В. Таванец, Е. К. Войшвилло, А. И. Уемов, А. Ветров и др.; второе направление — гегельянцы: В. И. Черкесов, М. Н. Алексеев, М. М. Розенталь и так называемая логическая молодежь. Некоторые, как, например, П. В. Копнин, стремились эклектически соединить обе точки зрения.

Конкретно эта новая, а вместе с тем предельно традиционная проблема ставилась так: что представляет собой текст «Капитала» К. Маркса — выражение некоторого знания (в таком случае он должен рассматриваться как *изображение определенного объекта*, а именно — буржуазных производственных отношений), или же *фиксацию процедур работы, проведенной К. Марксом*, процедур его мыслительного движения (или процессов мышления).

Несмотря на то, что ту ситуацию, которая существовала в это время на философском факультете, я описывал как весьма плачевную, вопрос был, как говорится, в самую точку. Как мы сейчас понимаем, именно эту проблему испокон веков обсуждали философы, методологи и логики и эту же проблему сейчас обсуждают все существующие философские направления, она остается по-прежнему открытой.

В названных мной дискуссиях Зиновьев первоначально очень определенно и резко утверждал, что текст «Капитала» представляет собой не что иное, как *выражение операций и мыслительных процессов, осуществляемых исследователем*. Таким образом, задавая себе вопрос, что же именно выражено и представлено в тексте «Капитала», и реконструируя содержание текста в ходе ответа на него, мы должны обращаться к операциям и мыслительным процессам. Другими словами, процесс мышления или движение по изучаемому объекту, осуществленное исследователем и зафиксированное им в тексте, есть единственный объект (денотат или референт), обозначенный и представленный в этом тексте. Объясняя и доказывая свои положения, А. А. Зиновьев обращался к очень простому примеру. Он говорил: когда ветеринар режет тело лошади, то его действие прежде всего характеризует специфику его рабо-

ты, и оно никак не должно копировать строение лошади или воспроизводить его. Точно так же, если мы смотрим на картину, нарисованную художником, и спрашиваем, как она произошла и что она выражает, то, отвечая на этот вопрос, должны обращаться к деятельности художника — к процессу создания картины, ко всем его движениям кистью, к порядку наложения краски на холст (и этот порядок рисования существенно и принципиально отличается от строения того объекта, который художник хочет изобразить и представить в своей картине). Точно так же, по мысли А. А. Зиновьева, и исследователь. Когда он анализирует объект, расчленяет его на части, сопоставляет одно с другим, а потом сообщает о своей работе, то он фиксирует в тексте именно свои процедуры анализа, расчленения и сопоставления. И эти процедуры, зафиксированные в тексте, не должны и не могут быть похожи на реальное строение самого объекта.

Когда теперь мы думаем над этой аргументацией, то она предстает, конечно, весьма наивной и даже кажется несколько странной. Но ее подлинный смысл и значение можно понять только через ситуацию и в контексте той реальной ситуации, которая в тот период существовала; нужно знать и понимать против каких представлений и точек зрения она была направлена.

В. И. Черкесов (основной и постоянный оппонент А. А. Зиновьева в тогдашних дискуссиях), возражал таким образом: когда художник рисует картину, то он ставит перед собой задачу изобразить некоторый объект. И хотя то, что возникает на холсте, является продуктом его последовательных действий или операций, это есть образ объекта, «картина», «изображение»; поэтому, характеризуя текст «Капитала» Маркса, мы должны сказать, что хотя он, конечно, является продуктом и результатом деятельности исследователя, его действий и операций, но тем не менее (а может быть, именно поэтому) он является одновременно «изображением» или «картиной» определенного объекта.

Тот же самый вопрос — об отношении между процессами мышления и знаниями, формой фиксации процедур и изображением объекта, был предметом дискуссий между группой (и школой) Э. В. Ильенкова и группой (или школой) А. А. Зиновьева. Но здесь этот вопрос приобретал особую форму и особую специфику. Сам Э. В. Ильенков является крайним гегельянцем, и эту позицию в основном принимали — кто в большей, кто в меньшей мере — его ученики. Очень важной

для них была проблема «диалектических противоречий», которую они не отделяли от проблемы логических антиномий или парадоксов. Некоторым общим фактом, на котором заострялась дискуссия, были ситуации парадоксов (или апорий, или антиномий): если, скажем, мы фиксируем некоторую парадоксальную ситуацию и два противоречащих друг другу суждения, скажем, «А есть В» и «А не есть В», то как, спрашивалось, мы можем рассматривать эти образования — является ли это «узлом» в движении исследователя, тем пунктом, в котором проявляется неадекватность его средств и методов объекту (объект, следовательно, не будет иметь никакого отношения к самой антиномии, не будет ее производить), или же, наоборот, в объектах имеются «противоречия», которые выявляют себя в этих противоречивых, противопоставленных друг другу суждениях (и тогда собственно «противоречивый объект» производит антиномию). Э. В. Ильенков и его ученики придерживались последней точки зрения; они говорили, что в любом объекте, поскольку он является «диалектическим», существуют противоречия, которые проявляются в антиномичных суждениях и, следовательно, сами антиномии мы можем рассматривать как изображения противоречий объекта. А. А. Зиновьев и все те, кто следовал за ним, наоборот, говорили, что антиномичные суждения не изображают никаких объективных противоречий (противоречий, заложенных в самом объекте), что антиномичные суждения как раз и являются тем наиболее ярким и отчетливым пунктом, в котором проявляется независимость мыслительного движения от устройства самого объекта, что они демонстрируют возможность и даже необходимость отделения мысли от самого объекта, ее самостоятельность и имманентность, ее первичность относительно объектов.

Такова была та ситуация философских столкновений и споров на факультете философии МГУ, которая, на мой взгляд, и породила основную проблему, обсуждение и попытки разрешения которой привели к появлению в будущем основной идеи деятельности и программы построения теории деятельности. Но чтобы еще раз зафиксировать и закрепить эту проблему и проблемную ситуацию, я постараюсь ее обобщить и изложить иначе.

Мы имеем некоторый научный текст и в ходе анализа и интерпретации его мы производим два разных, но равно осмысленных и равнозначных отнесения: одно — к операциям и процессам, породившим эти тексты (здесь мы, следовательно, вос-

становливаем устройство и структуру мыслительного движения исследователя), а другое — к изучаемому и описываемому объекту (Рис. 4).

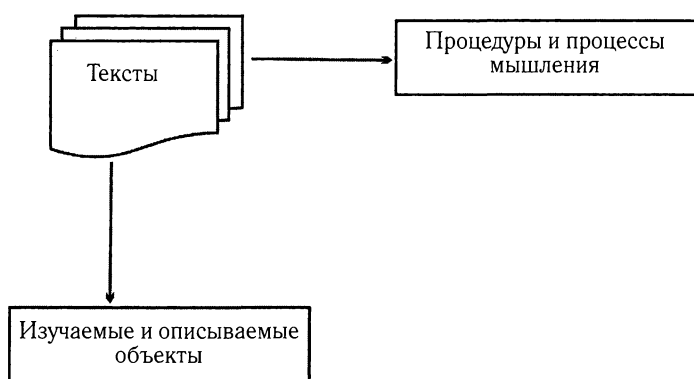

Рис. 4. Два направления анализа и интерпретации текста

В обычных и традиционно принятых терминах (которые нам потом нужно будет специально отвергнуть, и я употребляю их сейчас именно для того, чтобы продемонстрировать и подчеркнуть это отвержение) можно сказать, что первое отнесение фиксирует «субъективность», а второе — «объективность». Но сами эти оппозиции и противопоставления одного другому были продуктами тогдашней ситуации, а реально-то в этих отнесениях и в противопоставлении их друг к другу ставилась во всей остроте проблема соотношения между операциями, процедурами и процессами мышления, с одной стороны, и объектом или фиксируемым в мышлении строением объекта — с другой.

Другими словами, важным и интересным здесь является не само по себе столкновение этих двух позиций, не выяснение вопроса, кто же именно был прав, а постановка проблемы на выяснение и уяснение для себя отношений между этими двумя планами анализа и объяснения смысла и содержания научных текстов. Сейчас мы могли бы сказать, что каждая из спорящих сторон была и права, и не права в определенном смысле, а сам спор в целом был весьма наивным, хотя в нем, повторяю, фиксировалась подлинная и очень важная философская и методологическая проблема. Сейчас мы говорим, что любой текст можно и нужно рассматривать, с одной стороны, как изображение объекта (и мы, следовательно, можем ставить задачу вы-

членить строение объекта исходя из описывающего его текста), а с другой стороны — как форму фиксации движения мысли и работы исследователя (и, следовательно, можно ставить задачу вычленить операции и процедуры этой работы). И тогда, естественно, возникает вопрос, как одно относится к другому.

После того как охарактеризованная мной выше проблема была в достаточной мере осознана, а все связанные с нею оппозиции зафиксированы (каждая из них была положена на некоторое время в основание концепций, которые мы пытались развивать, и дала свой набор отрицательных результатов), было сформулировано положение, что мышление представляет собой, по-видимому, двухплановое образование или, другими словами, что оно имеет две разных формы существования. Один план существования мышления — это план *знаний*. В этом слове, по сути дела, всегда фиксировалась отнесенность знаковой формы текста к объекту, хотя одновременно уже тогда мы выделяли и анализировали *включенность этой знаковой формы в деятельность с объектом* и, соответственно, определяли знание через операциональные моменты деятельности. А другой план существования мышления — это план *операций, процедур и процессов*, которые изображались и фиксировались во многом независимо от объекта. Сейчас по поводу первого плана я бы говорил, что это не объект как таковой и не связь с ним как таковая, а восстановление и реконструкция объекта в соответствии с текстом и в системе деятельности, — но такое понимание, во-первых, пришло позднее, а во-вторых, содержит еще много очень сложных и тонких моментов.

В этом новом представлении описать мышление как деятельность означало представить его в этих двух планах и еще каким-то образом соотнести и связать их друг с другом. Последнее было очень важным, ибо с точки зрения процедур анализа эти два плана замыкались лишь на тексте и через текст, но это был, говоря словами И. Канта, «трансцендентальный» объект, а нам нужно было получить конструктивно-технический объект, следовательно, актуально и откровенно связать эти планы в единой модели движения. Именно потому, что мышление принималось и трактовалось нами как нечто единое, представление его, с одной стороны, как знаний, а с другой стороны, как операций и процедур трактовалось как «планы». Как знание, так и операции, или процедуры, нельзя было понимать и трактовать в качестве частей мышления. Причем это нельзя было делать дважды: нельзя было раскладывать текст на части, соответствующие знаниям, с одной стороны, и процедурам мышления,

с другой стороны, и точно так же нельзя было раскладывать на подобные части модель мышления. Как «знания», так и «процедуры» были лишь разными функциональными представлениями одного и того же — текста или «мышления» как такового, а если они и существовали в некоторых случаях в качестве частей, то это были вторичные и вырожденные образования. Поэтому один и тот же текст один раз реконструировался как некоторое объективное содержание, а далее — как некая структура объекта, а другой раз — как движение или процесс мышления (Рис. 4).

Здесь я еще раз хочу повторить, что иногда казалось, что какие-то части текстов можно трактовать как только знания, как бы без процессов, а другие части текстов — только как процедуры и процессы, как бы без знаний, но все равно в подавляющем большинстве случаев, в особенности когда брались некоторые целостные образования, было совершенно ясно, что все это — лишь особые функциональные определения текстов, особые интерпретации их. И поэтому представить мышление как целое означало найти способ объединения и организации этих двух планов — знаниевого и процессуального.

Следовательно, когда в те годы мы говорили, что наша задача состоит в том, чтобы найти средства и методы анализа мышления как деятельности, то за этим принципом (как и более узко, за самим словом «деятельность») не стояло ничего, кроме только что фиксированного двойственного способа представления мышления. Иначе говоря, слово «деятельность» и означало здесь, в применении к мышлению одновременный анализ его, с одной стороны, как знаний, с другой стороны, как операций и процедур. Задать эти два представления и найти связь между ними это и означало проанализировать мышление как деятельность.

Но когда мы начинали анализировать знания, с одной стороны, и операции или процедуры, с другой, то они получали — и это было для нас совершенно очевидным — принципиально разные категориальные характеристики и определения. Знания с самого начала выступали для нас как структуры, а операции и процедуры, поскольку они выстраивались в последовательности, связанные во времени, выступали как процессы.

Я не буду сейчас обсуждать возможные способы описания и представления знаний — это само по себе очень сложная и многосторонняя проблема, тем более что ни в одном из рассматриваемых нами вопросов наши взгляды не претерпели такой эволюции как в вопросе о природе и строении знаний; поэто-

му я не буду касаться никаких тонкостей в этом пункте, я лишь проиллюстрирую на самых простых примерах сформулированный выше тезис о том, что знания с самого начала выступали для нас как структуры. В самом простейшем виде знание изображалось нами в схемах следующего вида (Рис. 5).

$$\begin{array}{c} (A) - (B) - (C) \\ \uparrow \quad \downarrow \\ X_{\Delta} \end{array}$$

Рис. 5. Простейшая схема знания

Из единиц такого рода можно было набирать и компоновать более сложные структуры, развертывая их как по горизонтали (в каждом ряду схемы), так и по вертикали, как бы надстраивая одну структуру такого типа над другими.

Я еще раз повторяю, что меня здесь интересует только некоторая весьма общая идея. Мышление, которое должно было быть некоторым единым идеальным объектом, раскладывалось и изображалось нами в двух разных планах и эти два плана — именно это сейчас является самым важным — несли на себе разные категориальные характеристики: знание было структурой, а операции и процедуры трактовались нами как процессы.

Теперь я могу углубить и уточнить свой предыдущий тезис. Если раньше я сказал, что в принципе «рассматривать мышление как деятельность» не содержалось ничего, кроме идеи представлять мышление один раз как знание, а другой раз — как операции и процедуры, то теперь я должен сказать, что этот принцип нес в себе еще очень важное категориальное содержание: мы должны были рассматривать мышление один раз как *структуры*, другой раз — как *процессы*, и кроме того, мы должны были объединить эти два разных категориальных представления. Другими словами, согласно этому принципу, мы должны были применить в анализе мышления одновременно и в определенном отношении друг к другу категорию структуры со всеми управляемыми ею понятиями и категорию процесса со всеми обслуживающими ее понятиями; а поскольку мы должны были применить обе эти категории, то, естественно, вместе с тем мы должны были соотнести и каким-то образом связать их друг с другом на создаваемой нами модели мышления.

Именно эта проблема и задача определили на этом этапе проблематику развиваемой нами системно-структурной методологии.

Я уже говорил в начале моего доклада, что все эти построения представляли для нас фактически определенную проекцию того мышления, которое мы должны были создать, но эта общая и глобальная задача естественно распадалась на ряд более мелких подзадач. Соотнесение и соединение категорий структуры и процесса выступили как одна из таких подзадач в контексте исследования и конструирования мышления. Но одновременно в каких-то других планах эта задача была более общей и более широкой; в контексте разработки системно-структурной методологии она могла рассматриваться как автономная (от исследований и конструирования мышления) задача и проблема. Более того, само решение этой проблемы и задачи упиралось в то, чтобы найти или выработать особый способ мышления, который позволил бы это сделать. Это и подобные ему обстоятельства создавали очень сложные организмы знания и мышления, в которых мы должны были двигаться, организмы, имеющие массу аспектов, проекций и теоретических или методологических выходов.

Поэтому я опять-таки должен поправиться в своей характеристике смысла и содержания тезиса «мышление есть деятельность». Было слово «деятельность», предметно это слово ничем не определялось, кроме как тем, что мышление должно было быть представлено в двух разных проекциях — в проекции знания и в проекции процедур; но одновременно, на другом уровне и в другом слое за всем этим стояло противопоставление категорий «структура» и «процесс» и необходимость соотнести и связать их (для начала хотя бы на модели мышления). Эти два момента, как я постараюсь показать, проходят в дальнейшем через всю историю наших исследований и разработок, причем каждый из них решается в своем особом контексте и слое — первый, предметный момент приводит к новому предметному осмыслению деятельности, а второй — к принципиально новому пониманию системно-структурной методологии и ее основных категорий.

2. Уже на этом этапе операции и процедуры стали трактоваться нами двойственно, как естественные и искусственные образования. Не было еще общего осознания и общей парадигмы «естественного—искусственного», которые появились лишь к 1961 г., но реально, в подходе к операциям и в способах их анализа двойственность Е/И-представления не только была намечена, но и осуществлялась в полной мере.

С одной стороны, мы говорили об операциях и процедурах — и они всегда были деянием или действием исследователя, это

было то, что он *делал*, а с другой стороны, эти операции и процедуры трактовались как процессы, как то, что происходило (как бы само собой); в самом слове «процесс» была зафиксирована естественность, и это обыденное значение слова не могло не сказываться во всей нашей работе.

Еще в 1957 г., когда эта проблема встала во всей своей остроте и обсуждалась мной с А. А. Зиновьевым, последний сформулировал, на мой взгляд, очень упрощенную и примитивизирующую все идею — чуть позднее он начал провозглашать ее как краеугольный принцип своей работы, — что между искусственным и естественным представлением операций, процедур и процессов мышления нет и не может быть никакой разницы. Мне представляется, что этот принцип сыграл очень большую роль во всей работе А. А. Зиновьева, и в частности во многом определил его частичное возвращение на позиции традиционной логики. По мнению А. А. Зиновьева эти два представления не влекли за собой никаких различий в логическом, а затем и в онтологическом плане при описании мышления. На его взгляд, мы могли говорить, что бог, природа или человек действуют, осуществляя какие-то преобразования или сопоставления объектов, но точно так же мы можем говорить, что эти преобразования или сопоставления осуществляются или протекают сами собой; и эти две манеры выражаться отличаются лишь словами, они не несут и не выражают в себе никакого принципиального логического и онтологического различия. Таким образом, принцип разделения искусственного и естественного был объявлен им непродуктивным и отвергнут. Частично эта позиция нашла отражение в его опубликованной работе «Логическое строение знаний о связях» — сб. «Логические исследования», М., 1959 г., но только в крайне урезанном и, по сути дела, даже не явном виде, хотя первоначально Зиновьев предполагал подробнейшим образом обсудить и обосновать этот принцип, что он и сделал в первом варианте этой статьи, который хранится в моем архиве; почему в ходе дальнейшей работы над статьей А. А. Зиновьев убрал все эти моменты — этого я не знаю.

Отклоняясь чуть в сторону, я хочу сейчас несколько подробнее обсудить значение и возможные продуктивные результаты этого различения. Здесь прежде всего надо учесть, что сама проблема соотношения естественного и искусственного может обсуждаться в двух принципиально разных планах: один раз — как соотношение естественного и искусственного представления одних и тех же процессов, другой раз — как связь и соединение естественного и искусственного процесса

в одном и том же объекте и на одном и том же материале. По сути дела, в своих рассуждениях и в своей аргументации А. А. Зиновьев касался только первого плана. Здесь ему удалось довольно убедительно показать, что в применении к некоторым выбранным им явлениям и процессам переход из искусственного плана в естественный и обратный переход из естественного плана в искусственный не влекут за собой никаких грубых ошибок и смещений. Вы прекрасно понимаете, что если какой-то автор поставил перед собой задачу обосновать подобный тезис, то он всегда может выбрать достаточно большое количество примеров и таким образом задать сами ситуации и точки зрения, что его положение будет выглядеть весьма убедительным. Но все это — псевдодоказательства, и история этой дискуссии А. А. Зиновьева лишний раз это подтверждает. Вопрос всегда состоит не в том, можем ли мы перейти из одного представления в другое, ибо известно, что такой переход возможен, если вы принимаете логический принцип тождества содержаний в разных представлениях, и невозможен, если вы принимаете логический принцип нетождественности содержания разных представлений. Поэтому сами возражения и аргументация А. А. Зиновьева были осмысленными, но бессодержательными.

Вопрос должен был ставиться совершенно иначе: какие новые результаты и какие новые представления мы получим, если примем, что естественное и искусственное представление операций, процедур и процессов мышления различаются между собой. Поставив таким образом вопрос, мы сразу же (и, по сути дела, совершенно формально) должны переводить его в другой вопрос: не можем ли мы функционально соединить друг с другом эти два представления и что мы получим, если осуществим это соединение. И здесь перед нами сразу же открываются совершенно новые и очень богатые возможности. Забегая вперед, я могу сказать, что многие наши дальнейшие представления получились именно из такой постановки вопроса. Сначала ощутив, потом осознав и зафиксировав это различие, мы в дальнейшем непрерывно обсуждали вопрос о соотношении и связи друг с другом этих двух разных представлений, об их роли в деятельности и ее механизмах. И из этого вышли очень важные результаты. Формально отвергнув это различие, А. А. Зиновьев закрыл для себя многие возможности проникновения в сеть деятельности.

3. Параллельно дискуссии о соотношении естественного и искусственного представления операций и процедур мышления

между нами происходила еще одна дискуссия, касающаяся соотношения объекта и предмета мысли.

Здесь надо прежде всего сказать, что сама эта проблематика, во всяком случае в той форме, как она обсуждалась и решалась в нашем кружке, была определена и навеяна работами самого А. А. Зиновьева. В частности, здесь решающую роль сыграли его представления об отношении между формой и содержанием мышления, соответственно — между формой и содержанием знания. Во всяком случае, именно от него я узнал впервые о возможности такого представления и такой трактовки формы и содержания, когда содержание существует лишь в форме и через форму, а форма является не чем иным, как тем, через что и в чем существует содержание. Повторяя эти тезисы Гегеля и Маркса (а в каком-то плане, наверное, и Канта), А. А. Зиновьев одновременно рисовал форму и содержание как два разных образования, связанных между собой отношением или связью. Получалась какая-то странная и удивительная на первый взгляд двойственность: в структурном изображении форма и содержание существовали как разные и лишь связываемые между собой явления, а в словесном описании этого отношения утверждалось, что они по отдельности (как два разных явления) вообще не существуют, а есть всегда что-то одно, что само по себе не есть ни форма, ни содержание.

Это было какое-то очень странное знание и очень странный способ выражаться и мыслить, над которым тогда, в 1952—1953 гг. я очень много размышлял и при этом меня не оставляло чувство удивления и какой-то очень глубокой растерянности. По-видимому, само чувство растерянности — очень полезное дело в развитии человека. Во всяком случае, примерно через два или три года я понял и увидел, что, по сути дела, всякая мысль и всякий объект человеческой мысли существует именно таким образом — на расхождении и разрыве между тем, что мы мыслим, и тем, как мы это мыслим. Здесь само отношение «форма—содержание» существовало на разнице и расхождении между структурным изображением и словесным описанием объекта, соответствующего этому изображению.

Именно на этом примере, из размышлений по поводу него, у меня родилось различие предмета и объекта мысли — я не говорю уже о схеме знания, которая получалась непосредственно из зиновьевской схемы «форма—содержание». И в течение ряда лет я продолжал углублять и развивать эту мыслительную структуру и эту схему, согласовывая с ней все вводимые мной представления и понятия.

У А. А. Зиновьева, насколько я понимаю, происходил обратный процесс: он стремился избавиться от двойственности этих представлений, свести их к какому-то третьему, «сплюсшив» тот смысл и то содержание, которые задавались этой оппозицией двух разных представлений. Именно в этом контексте, критикуя мои представления о знании и знаке, А. А. Зиновьев сформулировал принцип, что предмет и объект мысли должны быть тождественны друг другу. По этому поводу он совершенно отчетливо и недвусмысленно высказался в двух работах. Этот принцип формулируется им в самом начале уже названной мной выше работы «Логическое строение знаний о связях» (хотя в первом варианте этой работы содержалось также и подробное обсуждение тех оснований, которые заставляют его формулировать этот принцип), а также в статье «Об одной программе исследования мышления» (доклады АПН РСФСР, 1959, № 3), специально направленной против наших первых статей «О возможных путях исследования мышления как деятельности» и «О строении атрибутивных знаний», сообщение 1.

Здесь надо сказать, что сам А. А. Зиновьев не проводил последовательно и до конца своего принципа. Этот принцип нужен был ему как дополнение к реальным способам его работы (положение здесь было аналогично тому, которое я описал для проблемы формы и содержания мышления), и поэтому в тексте своих статей он начинал с различения объекта и предмета и даже вводил для них разные обозначения: одно он писал просто как Ра, а другое — как «Ра», а затем утверждал, что одно и другое тождественны по содержанию — и именно этот момент и выражался в знаковой форме его текста идентичностью знаково-материальных наполнений, т. е. употреблением в одном и в другом случае выражения Ра. Такая символика (и соответствующие ей смыслы и идеология) позволили ему отказаться от структурных изображений знания и предмета мысли и двигаться только в изображениях их содержания, причем эти изображения могли трактоваться им с равным успехом и как чистая форма, и как чистое содержание, и как склейка того и другого, т. е. как предмет; отрицание различия между объективным содержанием и объектом позволяло ему затем говорить об отсутствии каких-либо различий между предметом и объектом; но это он не только утверждал и прокламировал, но и делал реально в своем мышлении и в своих исследованиях.

Для нас же, наоборот, исходным стал принцип структурности знания и многоплоскостности этой структуры. Именно из это-

го, как вы знаете, мы выводили основную идею содержательно-генетической логики, которая требовала анализа плана формы и плана содержания, с одной стороны, отдельно и независимо друг от друга, а с другой стороны, в отношениях и связях друг к другу.

4. Если до сих пор, противопоставляясь Зиновьеву, я обосновывал и доказывал оправданность и правомерность принятых нами принципов и, соответственно, неправомерность зиновьевской критики, направленной против них, то теперь я должен изменить позицию и специально сказать здесь, что как сама критика, продемонстрированная А. А. Зиновьевым, так и выбор им прямо противоположных принципов имели под собой весьма важные и принципиальные основания. Это были основания как общефилософского и теоретического, так и эмпирического характера. Более того, я бы сказал, что само структурное и многоплоскостное представление знания должно было казаться всякому исследователю (предметнику) и всякому логичу и философу совершенно беспредметным, не имеющим никакого отношения к реальному и всем известному строению знаний. К тем представлениям формы и содержания, о которых я выше говорил, А. А. Зиновьев пришел путем очень сложных и опосредованных рассуждений, опираясь на весьма абстрактные и спекулятивные представления Гегеля и Маркса. И пока весь анализ находился в плане теоретической методологии (тем более — на стадии первой предварительной разработки методологических понятий и категорий), эти сложные представления были вполне удовлетворительными и могли даже казаться истинными. Но когда в последующие годы сам А. А. Зиновьев и его ученики второй генерации — В. Финн, Д. Лахути, О. Кузнецов* и В. Швырев, попробовали приложить это понятие в практике эмпирического анализа знаний (в частности, в анализе знаний о связях), то у них ничего не получилось. И они встали перед совершенно ясной и очевидной проблемой — чему отдать предпочтение: теоретическим фикциям или совершенно очевидной практике работы логиков, лингвистов и всех других исследователей, которые всегда имеют дело и работают с сплюснутыми в смыслах и через смыслы образованиями (ведь и знания, и знаки, в их представлении, являются унитарными

* Так в расшифровке. По-видимому, имеется в виду С. О. Кузнецов. — *Примеч. ред.*

образованиями, единицами смысла, или единицами формы, а никакого расщепления на форму и содержание в них нет и не может быть). Когда перед ними возникла эта проблема, то А. А. Зиновьев, немного поколебавшись, отдал предпочтение современной практике работы, а вместе с тем той культурной и научной традиции, с которой она была связана.

В каком-то плане это решение было связано с тем принципом «логика — эмпирическая наука», который А. А. Зиновьев провозгласил в самом начале своей работы, и определялось им. Но при этом, как мне представляется, если говорить словами И. Лакатоса, произошла «регрессивная сдвигка содержания проблемы». Сделав этот ход, А. А. Зиновьев получил возможность работать точно так же, как до него всегда работали логики, и получать новые результаты, аналогичные по своему категориальному типу тем результатам, которые они обычно получали. В противоположность ему, приняв принцип структурности и многоплоскостности знания, мы лишились какой-либо возможности работать на эмпирическом материале и получать такого рода знания, какие получали до нас все логики или историки и теоретики науки. И это очень понятно, ибо в самих определениях, характеристиках и изображениях знаковой формы и содержания отсутствовало какое бы то ни было представление и определение материала. Это очень важный момент, и я хочу обсудить его несколько подробнее.

Прежде всего надо принять во внимание, что сами понятия знаковой формы и содержания были заданы функционально и относительно друг друга: знаковая форма это было то, в чем выражалось объективное содержание, а объективное содержание было то, что выражалось в знаковой форме. Соответственно этому мы говорили, что знаковая форма живет по законам смыслов, выражаемых ею, а в нашем логическом представлении — по законам объективного содержания. Здесь мы могли даже сказать, что знаковая форма, если пытаться понять ее как некое самостоятельное явление, вообще не имеет собственной жизни. Но то же самое приходилось говорить и по поводу содержания. Ведь содержание не имело своего собственного существования, оно существовало только в знаковой форме. Поэтому мы могли сказать, что содержание живет в знаковой форме и по законам знаковой формы.

Фактически мы были здесь в кругу, мы были жертвами тех соотносительных функциональных определений, которые были нами самими заданы и придуманы. Все эти определения были заданы и сформулированы в кандидатской диссертации

А. А. Зиновьева, они имели очень давнюю и глубокую традицию в философии, и не было видно никаких других определений, которые бы лучше схватывали сущность этих категорий и могли бы заменить указанные выше функциональные определения. Тем не менее, когда приходилось применять эти понятия в практике конкретного эмпирического исследования, накладывать их на эмпирический материал, то не было и не могло быть другого мнения, кроме того, что эти понятия не пригодны для работы, что их при всем желании и при всем старании нельзя использовать в эмпирическом анализе. Либо содержание *существует*, и тогда его можно выделить само по себе, независимо от форм, либо оно *не существует*, но тогда зачем им заниматься. И нечто подобное же говорилось по поводу формы: либо она представляет собой самостоятельное явление, обладающее своими собственными процессами и механизмами — и тогда эти процессы и механизмы можно выявить и исследовать независимо от содержания, либо же форма не представляет собой особого и самостоятельного явления, но тогда зачем мы о ней говорим. Короче говоря, получалось, что когда мы чертили схему «объективное содержание — знаковая форма» или — как ее дальнейшее развитие — схему двухплоскостного или многоплоскостного знания, аналогичную приведенной выше, то мы как в самой схеме в целом, так и в ее отдельных элементах (форме, содержании и т. п.) задавали нечто несуществующее, не выявляемое эмпирически; это был чистый идеальный конструкт, причем он был таким, что не мог быть наложен непосредственно на исследуемые нами явления.

И это представление мышления и знаний, как я уже сказал, входило в противоречие с нашим интуитивным опытом рефлексивного осознания практического мышления ученого или логика-теоретика. Ведь и тот, и другой хорошо знают, что в мыслительном движении мы имеем дело не с подобными двухплоскостными образованиями, не с формой как таковой и не с содержанием как таковым, а мы движемся в одной как бы «сплюсненной» плоскости смысловых единиц и связей. Как ученому-предметнику, так и логика-теоретику было не так уж важно, что представляют собой эти смысловые единицы, являются ли они единицами формы, единицами содержания, единицами наших психологических представлений или концептов — к собственно логическому анализу мыслительных форм это не имело никакого отношения (более подробно я обсуждал этот вопрос в серии сообщений, посвященных принципу параллелизма формы и содержания мышления — «Доклады

АПН РСФСР». 1960. № 2, 4, 1961 № 4, 5*, и в статье «К анализу исходных принципов и понятий формальной логики» 1966, 1967, 1968**). Для логического анализа были важны именно эти единицы и отношения между ними, и казалось, что многовековая традиция логики уже выработала методы и приемы выявления и описания таких единиц; если где-то на периферии логики и фиксировались какие-то «незначительные трудности», то на них можно было просто не обращать внимания, тем более что цех логиков уже привык это делать и всячески поддерживал и поощрял в своих адептах позицию замкнутости и непроницаемости для эмпирического опыта.

А новые многоплоскостные схемы просто не соответствовали никакому опыту и никаким известным нам явлениям, они не содержали в себе тех признаков, которые давали бы возможность соотносить эти схемы с каким-либо объективным, эмпирическим содержанием. И поэтому, повторяю, у А. А. Зиновьева были все основания для того, чтобы отвергнуть свои собственные теоретические представления о форме и содержании. Но он даже не отверг их, а лишь усек и трансформировал в дополнительных определениях, перевел их в традиционные «сплюсненные» представления и таким образом по существу выбросил новое им самим зафиксированное содержание, сохраняя одновременно вид, что он удерживает эти категории и ими пользуется. Это новое представление мыслительных форм и мыслительного содержания было точным, строгим, а главное — оно соответствовало действительным способам феноменологической работы и феноменологического осознания в логике и во всех окружающих ее философских дисциплинах. И если каждый из вас попробует представить себе и осознать подлинные механизмы вашей мыслительной работы, то очень скоро он убедится — я в этом несколько не сомневаюсь — что никаких двух или многоплоскостных схем, никакой формы, противостоящей содержанию, и никакого содержания, противостоящего форме, в них нет, а есть какие-то единые смыслы, в которых каждый из нас движется в процессе мышления.

Все сказанное мной выше, между прочим, означает, что те, кто не принимал этого традиционного, апробированного века-

* Переиздано в Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995 (с. 1–33).

** Так в расшифровке. Скорее всего речь идет о работе Щедровицкий Г. П. К анализу исходных принципов и понятий формальной логики // Философ. иссл.: Труды Болгар. акад. наук. 1966. — *Примеч. ред.*

ми представления о логической действительности, а настаивал на структурных, многоплоскостных схемах знания и мышления, по сути дела, подражались непонятно, каким путем, непонятно, как и с помощью чего, найти какие-то способы соотнести всем известный опыт мышления и осознания его со структурными многоплоскостными схемами. И все это нужно было сделать, не меняя сформулированного выше основного принципа, что форма как таковая не существует и точно так же не существует содержание как таковое.

Когда все, что я сейчас говорю, было в достаточной мере понято и осознано, то понятие структуры начало распадаться на два понятия — функциональной структуры и материальной структуры или, как мы стали позднее говорить, материальной организованности и строения материальной организованности. В конце концов мы поняли, что наложение схем на эмпирический материал предъявляет особые требования к этим схемам, что его можно осуществить только в том случае, если понятия, описывающие эти схемы, фиксируют и выражают определенные выражения между функциональными признаками и свойствами элементов, точнее функциональных блоков этих структур и материальными признаками и свойствами тех объектов, которые несут на себе эти функциональные структуры. Мы выяснили, что структурные схемы можно накладывать на эмпирический материал только в том случае, если уже решена и каким-то образом зафиксирована в представлениях и понятиях связь между функциональными структурами и материалом.

С этой точки зрения такие характеристики структур как форма и содержание являются чисто функциональными. Сами по себе они не дают и не могут дать возможность накладывать схемы на материал с одновременной фиксацией связей и отношений между функциональными характеристиками и материальными характеристиками. Структуры, заданные исключительно функциональными определениями и характеристиками, по сути дела, безразличны к материалу, хотя материал может выступать как определенное ограничение для наложений. Но эти ограничения могут быть фиксированы только в том случае, если мы специально ставим перед собой задачу их выделить и описать. Чисто функциональные схемы и структуры выносятся на материал, по сути дела, произвольно или, точнее говоря, формально, и в этом формальном вынесении или отнесении их к материалу мы не встречаем никаких существенных затруднений и никакого сопротивления.

Но из этого, в частности, следовало, что требование эмпирического соотнесения с материалом в принципе не приложимо к функциональным структурам, что это была принципиально неверная постановка вопроса. Из этого следовало также, что функциональные расчленения и противопоставления играют в мышлении и в научном исследовании какую-то принципиально иную роль, что они, следовательно, должны включаться в какие-то другие подразделения и блоки мышления; поэтому мы должны были выяснить, какие именно. И, наконец, из этого следовало, что сама задача и проблема соотнесения схем с эмпирическим материалом переносится в какой-то иной план, по сути дела, первоначально — в план теоретического развертывания функциональных схем, причем такого, которое дает возможность связать функциональные структуры определенного типа с материальными характеристиками объекта.

Конечно, здесь вы можете сказать, что мы вышли к традиционным проблемам философии и многих частных наук, в частности к основным проблемам теоретической биологии, что мы здесь «изобретали велосипеды», что этого не нужно было делать, а нужно было просто лучше познакомиться с историей философии и постараться почувствовать ее проблемы. И в каком-то смысле такая оценка будет верной. Но точно так же верным будет и то, что мы поставили эту проблему на новом материале, на котором она до этого (в силу очень важных и отнюдь не случайных причин) вообще не ставилась, мы поставили эту проблему в совершенно особом категориальном, понятийном и онтологическом контексте. И, наконец, очень важно, что, поставив эту проблему таким образом, мы ее, по сути дела, сразу же и решили, чего не могли сделать все предшествующие направления. Но здесь я забегаю чуть вперед и, кроме того, не совсем это нужно мне для дальнейшего.

Мне важно, что, поставив таким образом проблему, мы должны были обратиться к обсуждению вопроса о том, как же соотносятся друг с другом структурные схемы знаний, от которых мы не могли и не хотели отказываться, и процессуальные схемы операций и процедур мышления. И именно этот вопрос я буду дальше обсуждать.

5. Приняв в качестве исходного принципа положение, что мышление существует в двух формах (процедур и знаний) и эти две формы образуют единство и целостность мышления, мы должны были представить знания с точки зрения операций и процедур (т. е. представить структуры с точки зрения про-

цессов), а операции и процедуры должны были представить с точки зрения знаний (т. е. процессы — с точки зрения структуры). Это означало, что мы должны были получить такую изобразительную, модельную и понятийную склейку, в которой бы между связями и элементами структуры, с одной стороны, и операциями, процедурами, процессами, с другой стороны, существовали бы строго определенные отношения или соответствия. Причем, как я уже говорил, эта задача вставала перед нами дважды, в двух планах и на двух уровнях — один раз на предметном уровне теории мышления и другой раз — в плане самих категорий структуры и процесса.

Собственно говоря, когда мы ввели изображенные выше схемы знаний, включающие в себя операции и процедуры, во-первых, в виде специальных изображений операции в значках, а во-вторых, в виде значков связей или переходов, то мы решали как раз задачу соединения структурных и процессуальных характеристик мышления. Но, как вы понимаете, это было решение в первом плане, т. е. на уровне предметных схем, а отнюдь не в общем плане, не на уровне категорий.

Сейчас мы, конечно, скажем, что это решение проблемы было совсем не лучшим, а может быть, даже и вообще мнимым. Но суть дела совсем не в этом, суть в том, чтобы двигаться вперед, все время достигая прогрессивной сдвижки проблем. Важно было то, что мы осуществили для начала хоть какую-то склейку структурных и процессуальных представлений. И хотя сами операции и процедуры в рамках этих склеенных схем превратились в графические, а в известном смысле и содержательные, элементы структуры знания, тем не менее в описании этих схем и в их понятийном осознании момент процессуальности не только оставался, но и отчетливо фиксировался и подчеркивался. С построением указанных схем проблема не ушла, не была свернута и укрыта в продукте, а наоборот, оставалась во всей своей резкости и обнаженности. Но она получила к тому же дополнительный материал в виде двух планов осознания и трактовки схем знания: один раз мы рассматривали эти схемы как чистое знание и чистую структуру, а другой раз — как особую организацию операций и процесс (или процессы).

Очень важным было также то, что в этих схемах знаний мы получили первые конструктивные элементы, из которых мы могли строить новые более сложные образования, мы могли компоновать эти схемы друг с другом и при этом разлагать их на составляющие элементы и вновь собирать эти элементы в бо-

лее сложные конструкции. Таким образом, мы начали работать с этими схемами, преобразуя и трансформируя их, переходя от одних схем к другим, а следовательно, появился и приобрел реальность в нашей собственной работе некоторый имитирующий процесс.

Это — новый момент, и я обращаю на него ваше внимание. Благодаря особому устройству самих схем знания мы сделали знание и мышление предметом и объектом нашей деятельности, мы включили то и другое в процессы нашей работы, а это значит — «оживили» их. Поэтому процессуальная трактовка и интерпретация всех схем, трактовка, ориентированная на естественные процессы мышления, поддерживалась и подкреплялась процессуальным характером нашей собственной работы. А как вы знаете из специальных исследований по методологии и содержательно-генетической логике, подобные процессы работы со схемами являются обязательным и неперменным условием перехода к естественнонаучному моделированию и представлению объекта изучения (хотя и недостаточным условием для окончательного оформления и закрепления этого представления).

В дальнейшем — и это точно так же очень важно — нам удалось зафиксировать ряд весьма существенных разрывов между структурным и собственно процессуальным представлением знаний. Эти разрывы носили как предметный, так и собственно категориальный характер, и в каждом из этих направлений постепенно разворачивались и собирались, как говорится «до кучи». Таким образом, с одной стороны, накапливался материал для развития общих системно-структурных представлений и системно-структурных методологий, а с другой стороны, материал для дальнейшего развития и совершенствования наших представлений о мышлении (в дальнейшем я более подробно рассмотрю обе эти линии).

В соответствии с тем, что я говорил выше, основная линия предметных разработок пошла по пути поиска и конструирования таких процедур эмпирического исследования, которые позволили бы нам накладывать наши схемы на эмпирический материал, т. е. на различные и разнообразные историко-научные тексты. Это потребовало от нас такой спецификации и дальнейших определений, с одной стороны, операций и процедур, а с другой стороны, знаний, которые должны были соответствовать тому, что мы находили, понимали и видели в текстах, с которыми работали. Эта работа шла во многих сильно отличающихся друг от друга направлениях. По сути дела, все работы,

которые мы делали в период с 1954 по 1961 г., и многие работы после 1961 г. должны быть отнесены к этому циклу. Я назову важнейшие из них.

Прежде всего сюда надо отнести саму диссертацию А. А. Зиновьева, законченную в сентябре 1954 г. В ней рассматривались «процессы исследования», образующие тело метода восхождения от абстрактного к конкретному, различались типы процессов (сведение, выведение, изоляция, абстрагирование и др.), выяснялись возможные типы связей и зависимостей между ними (выведение определяет сведение, сведение осуществляется в форме других процессов и т. п.) и все это постоянно соотносилось со структурами организаций знания в «Капитале» Маркса и в других классических работах из истории политэкономии и естественных наук.

Вторая работа, в которой эта проблематика получила весьма развернутое и богатое выражение, была диссертация Б. А. Грушина, отраженная позднее в его книге «Очерки логики исторического исследования», М., 1961; диссертационная работа Грушина делалась в 1954—1956 гг., а книга готовилась в 1958—1959 гг. В этой работе уже в более обобщенной и отчетливой форме ставились проблемы соотношения процессов, в частности исторических, и структур. До сих пор эта работа остается наиболее полной и лучшей из тех, в которых эта проблема обсуждалась в общем плане.

Во многом в полемике с Б. А. Грушиным была написана моя работа «О методах функционально-генетического и исторического исследования» (1954—1958), ориентированная в первую очередь на проблемы построения теории мышления, но в значительной своей части посвященная обсуждению более общих проблем функционально-генетического и исторического исследования любых системных объектов. Надо отметить, что в этой работе проблема соотношения процессуальных и структурных представлений все время обсуждается в полуявном виде — не как проблема соотношения процессов и структур, а как проблема различения разных процессов и выявления соответствующих им структур (но это было характерно и для названной выше работы Б. А. Грушина).

Обе эти работы были направлены на анализ больших систем знаний, систем теории и только в этом плане они касались мышления как такового; это были, следовательно, разработки, лежащие в плане метатеории мышления. Но параллельно с этим мы все время углублялись в анализе микроединиц мышления, стремились выявить алфавит операций и типологию простей-

ших знаний; и в этом плане точно так же было сделано очень много разнообразных исследований.

Очень важными здесь были два моих исследования — важными прежде всего потому, что они стали в этот период в известном смысле образцами для наших дальнейших разработок: во-первых, исследование процессов развития понятий (скорости, движения, времени, бесконечного, силы, массы, металлов, химических соединений, связи и др.), а во-вторых, гипотетико-конструктивное исследование систем простейших, так называемых «атрибутивных», знаний. Первое направление получило очень слабое отражение в наших публикациях, хотя было очень важным для нашего внутреннего развития. Здесь я имею в виду прежде всего мою статью «О некоторых моментах в развитии понятий», опубликованную в журнале «Вопросы философии», 1958, № 6*. Второе направление было отражено в одной части, касающейся генезиса структур знаний (а не систем знаний) в серии публикаций «О строении атрибутивных знаний. Сообщения I—VI», — «Доклады АПН РСФСР». 1958. № 1, 4, 1959. № 1, 2, 4, 1960. № 6**. Характерно, что если в исходных пунктах нашей работы мы начинали с анализа знаний и их строения, то постепенно в ходе нашей работы мы все больше и больше переходили к анализу операций и процедур мышления, а знания рассматривали как отражение и форму фиксации этих операций и процедур.

В этом русле я должен отметить прежде всего работы Н. Г. Алексеева по анализу процедур измерения в античной математике и в физике (они относятся к 1954—1955 гг.), затем работу, проведенную мной совместно с В. А. Костеловским по анализу развития молекулярно-кинетических представлений в физике (1955); выходом этой работы, кроме дипломной работы В. А. Костеловского была еще статья под названием «О логических процессах сведения-выведения в молекулярно-кинетической теории газа». Двумя другими работами, проведенными в 1955—1956 гг., были мои работы с В. С. Швыревым по анализу механизмов и процессов развития понятия силы в физике и работы с В. Н. Садовским по анализу систем теоретических знаний, выработанных Р. Декартом.

* Эта работа была переиздана в: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995 (С. 575—589).

** Переиздано там же (С. 590—630).

В известном смысле кульминационной была работа, проведенная мной совместно с И. С. Ладенко в 1956—1958 гг. по исследованию операций и структур знания в геометрии. В этих работах по сути дела были суммированы и обобщены все те методы, приемы и представления, которые мы выявили или сконструировали во всех предшествующих разработках. Но еще раньше, в самом начале 1957 г., совместно с Н. Г. Алексеевым мы сделали попытку свести воедино наши представления, и они были опубликованы, правда, в очень краткой и сжатой форме, в виде своеобразной программы исследования мышления; я имею в виду статью «О возможных путях исследования мышления как деятельности», опубликованную в «Докладах АПН РСФСР», 1957, № 3. Она и была воспринята именно как программа, о чем свидетельствует уже упоминавшаяся мной статья А. А. Зиновьева «Об одной программе исследований мышления» (1959). Дальнейшие попытки обобщения этих представлений были сделаны в кратких тезисах, написанных мной совместно с И. С. Ладенко на I съезд общества психологов (1959)* и в двух статьях И. С. Ладенко, опубликованных в «Докладах АПН РСФСР», 1958, № 1 и 2. Я не отмечаю здесь еще нескольких попыток исследования разных понятий и операций (например, исследование В. К. Финна, посвященное понятию функции), поскольку они не привели к каким-либо существенным результатам и не были продолжены (ибо эти люди не смогли освоить наши представления, не овладели методикой логической интерпретации историко-научных исследований и перешли затем к другим формам логической или научно-популяризаторской работы).

Здесь нужно и важно еще отметить, что в этот же период исследования, возникшие как исследования научных знаний, понятий и процедур исследования (или решения научных задач), все более переходили в исследование знаков и их функций. Этот процесс имел под собой весьма важные основания и диктовался, по сути дела, всей логикой наших разработок. С одной стороны, чтобы исследовать знания, нужно было лучше знать и представлять себе природу и функции знака, с другой стороны, существовавшая у нас тогда схема знаний (в частности, та самая структурно-операциональная схема, которую я при-

* Щедровицкий Г. П., Ладенко И. С. О некоторых принципах генетического исследования мышления // Тез. докл. На I съезде Общества психологов. М., 1959. Вып. 1.

вел выше), по сути дела, во многом сводила знания к знаковым структурам (она убирала планы смысла и сознания, понимания и индивидуальной деятельности и т. д. и т. п.). В результате получилось так, что мы, с одной стороны, все больше переходили к исследованию знаков и знаковых систем как таковых (повторяю: это соответствовало нашим тогдашним способам задания самого мышления), а с другой стороны, наши исследования знаний сами собой все больше превращались в исследования знаков, их значений и смыслов, возникавших у них в процессах мышления и деятельности.

По сути дела, уже в серии сообщений об атрибутивных знаниях были построены первые простейшие исчисления значений (хотя в тот период они понимались и использовались нами не как таковые и не в контексте семиотики, а лишь как момент исследования знаний и в контексте логики или эпистемологии). Связь между планами знаний и знаков во всех наших исследованиях того периода была настолько тесной (и как я уже сказал, во многом мы их просто не различали), что это дало возможность многим советским исследователям говорить, что наши работы являются только семиотическими, а отнюдь не логическими и не эпистемологическими; в частности, это обвинение выдвинул А. А. Зиновьев и независимо от него один из ближайших учеников и сподвижников Э. В. Ильенкова — Ю. Н. Давыдов.

Сейчас, рассматривая эти критические замечания сквозь призму опыта, полученного нами в дальнейших исследованиях, я могу сказать, что они во многом были справедливыми, хотя сами квалификации являются весьма проблематичными и требуют очень больших историко-философских исследований. Во всяком случае, ответ на эти замечания потребует очень жесткого и четкого разделения логики и теории мышления, разделения, которого мы в тот период не делали и не могли делать.

Вы все, наверное, хорошо знаете, что уже Кондильяк, а затем и Лейбниц рассматривали логику как вариант общей теории знаков или семиотики; поэтому сказать, что наши работы были семиотическими, а не логическими, с точки зрения этой традиции значит сказать бессмыслицу. Но если сказать то же самое по содержанию, но в чуть другой форме, что наши работы были семиотическими и лишь в этой мере логическими, то с такой характеристикой можно было бы (опять в терминах той же самой традиции) согласиться.

Точно так же весьма проблематичной выглядит подобная критическая характеристика в традиции формальной логики, которая, как известно, объявила предметом своего исследова-

ния язык, а не мышление. И с этой точки зрения, переводя свое исследование из плана знаний в план знаков, мы лишь реализовали весьма общую и широко распространенную традицию современной логики.

Но А. А. Зиновьев и Ю. Н. Давыдов критиковали нас здесь не как логики и не как представители двух названных выше традиций, а как философы и представители кантовско-гегелевской традиции, имеющей совсем иное представление о логике и ее предмете. Если же рассматривать эти замечания в плане теории мышления и логики, претендующей на то, чтобы быть именно теорией мышления, а не теорией языка или знаков вообще, то эти критические замечания должны быть приняты целиком и полностью. Во всяком случае, сегодня мы хорошо понимаем, что наши тогдашние представления о знаниях и операциях не схватывали очень многого и даже, можно сказать, самого главного и существенного в мышлении и знаниях. Сегодня я могу твердо сказать, что те представления знания, которые я выше зафиксировал, явно неадекватны действительному существованию знания как очень сложного, неоднородного и многогранного элемента человеческого мышления и деятельности, что они схватывали лишь одну проекцию знания, причем даже не в его основной структуре, а только одну из его экстериоризованных проекций, именно ту его форму, которая соответствовала существованию знания в текстах и логико-семиотической реконструкции этого существования (обратите внимание на ту сложную форму, в которой я зафиксировал эту мысль).

Таким образом, в значительной части своей критики А. А. Зиновьев и другие были правы, но тогда мы этого не понимали и даже не могли понять. Здесь, по-моему, всегда надо помнить и иметь в виду знаменитую фразу Айера, что любая школа и любое направление непроницаемы для критики со стороны, что любая школа и любое направление могут понять только то, до чего они доходят сами. Я думаю, что это замечание справедливо действительно в отношении к любой школе и к любой концепции, в особенности если они делают ставку на конструктивную работу и не имеют специально развитых средств для понимания «внешних» для них смыслов. Но вы, я думаю, понимаете также, что такая позиция каждой школы и каждого направления во многом оправданы. Ведь что делать с чужим пониманием, если его нельзя ввести в свою конструктивную систему, а чтобы его можно было ввести, оно должно с самого начала исходить из этой конструктивной системы, из задач ее развития, а тако-

го, естественно, нельзя дожидаться ни от одного внешнего оппонента. Поэтому в развитии всякой конструктивной системы значимыми являются лишь те смыслы, которые лежат как бы в «зоне ближайшего развития» этой системы. Но при этом, конечно, всякий теоретик должен иметь в виду и учитывать в своей работе всевозможные смыслы.

Здесь я хотел бы специально отметить, что во всех действительно больших и фундаментальных научных работах, как в прошлом, так и в настоящем, мы без труда найдем два существенно разных слоя: в первом из них обсуждаются на философском, квазифилософском или методологическом уровне разные понимания и создаваемые ими смыслы, а во втором слое строится на базе выбранных смыслов соответствующая им конструктивная система; классический пример такой работы «Беседы...» Г. Галилея — конструктивная система, описывающая свободное падение тел, появляется только в «третьем дне» книги, а до этого идет обсуждение философских проблем.

Анализ классических работ такого рода вообще является очень поучительным для нас — он многое поясняет и разъясняет, в частности, мы начинаем понимать место и взаимоотношение разных типов знания в научной теории. Для названной уже книги Галилея характерно, что конструктивная часть, изложенная в третьем дне, задавала «основное ядро» теории и соответствующей ей онтологической картины; первый и второй день содержали в основном постановку проблем и обсуждение средств их решения, включая сюда анализ категорий; четвертый и пятый дни представляют уже принципиально иное образование. Дело в том, что Галилей не мог еще на этом этапе включить в конструктивную систему понятие силы, как это сделал, скажем, И. Ньютон, но он должен был обсуждать влияние сопротивления среды на свободное падение тел и таким образом неявно вводить силы сопротивления среды. Он только еще не мог конструктивно связать ее с законами свободного падения тел; соответственно этому, и онтологическая картина его теории была неоднородной — вокруг основного конструктивного ядра располагался как бы второй пояс более расплывчатых, более аморфных онтологических представлений, но онтология тем не менее была у него единой, хотя разные элементы ее как бы «приваривались» друг к другу, а не были связаны органично. С точки зрения самого Галилея, эта аморфная онтология непосредственно относилась к делу, но она не могла быть включена в конструктивное ядро, и лишь дальнейшее развитие механики произвело это включение и органическую ассимиляцию.

Мне представляется, что любая научная теория всегда должна иметь именно такое строение; и мы не можем говорить, что конструктивное ядро теории является хоть в какой-то мере более важным и более значимым для самой теории, чем другие ее компоненты; в организме теории все нужно и все равно необходимо. Для практики, конечно, конструктивное ядро имеет большее значение, поскольку позволяет непосредственно инженерные приложения. Но если рассматривать все эти составляющие теории с точки зрения ее собственного развития, то все они в этом плане будут равны. Таким образом, создавая аморфные части онтологии или сталкиваясь с ними в своем анализе, мы не должны относиться к ним пренебрежительно на том основании, что они еще не конструктивны; если бы не было их, то нечего было бы и конструктивизировать.

Обращаясь теперь к нашим собственным исследованиям и разработкам, я могу сказать теперь, что они состояли из некоторого конструктивного ядра (его образовывали многоплоскостные схемы замещений, трактуемые как знания, и операции мышления), а вокруг него разворачивалась система возражений и контрпримеров, которые поставляли материал для проблематизации, производимой относительно конструктивных схем. Суть этих возражений состояла в том, что сведение «знания» к схемам замещения является чрезмерным упрощением, ибо на деле структура знания значительно сложнее и предполагает, среди прочего, также механизмы человеческого сознания; сейчас мы могли бы даже сказать, что без сознания и его механизмов знание как таковое вообще не существует. Но тогда мы не могли понять этого в полной мере, поскольку никак не могли учесть этого в наших конструктивных схемах. Но само это возражение и замечание оставалось и всплывало все вновь и вновь. А поскольку мы постоянно вели эмпирические исследования и, пытаясь объяснить факты научно-исследовательского решения задач и развития мышления, постоянно сталкивались с затруднениями и контрпримерами, постольку это указание на существование и роль механизмов сознания и производимых ими смыслов было для нас некоторым источником, резервуаром, или, может быть, некоторыми направляющими рельсами в разворачивании уже имеющихся у нас схем и в поисках новых схем. Коротко я мог бы сказать, что именно это возражение (при наличии контрпримеров в процедурах эмпирической интерпретации) было основной движущей силой, или движущим противоречием, в развитии наших представлений, именно оно

играло важнейшую роль в трансформации идей содержательно-генетической логики в идеи теории деятельности.

6. Мне также важно подчеркнуть, что на этом этапе развёртывания наших исследований в нашем осознании господствовала естественнонаучная идеология. Я уже говорил выше, хотя и мимоходом, что в тот период мы исходили из тезиса, что логика является наукой. Такое представление было заимствовано у Гегеля, во многом через «Философские тетради» В. И. Ленина. В том, что возможна такая естественнонаучная логика, мы не сомневались, нужно было только найти для нее «правильный» объект. Я специально подчеркиваю этот момент, ибо сегодня для меня совершенно ясно, что логика не является наукой и, главное, не должна ею быть. Но прежде, чем это было понято, прошло много лет, и в это время мы провели массу разработок, направленных на то, чтобы заложить основание такой логики или хотя бы разработать убедительную программу построения ее. Именно эта установка на создание естественнонаучной логики предопределила характер многих наших столкновений и дискуссий с представителями других направлений в логике и методологии науки.

В поисках объекта для логики мы выделяли и определяли «мышление». Уже по самой задаче мышление, формируемое в этом контексте, могло быть только предметом и объектом логического исследования — мы так его определяли и задавали. В ответ на это выдвигалось возражение — смотри, например, статью П. В. Копнина в «Экономической газете» с критикой нашей программы — что-де «мышление» (как реальный сам по себе существующий объект) не может быть предметом изучения одной лишь науки логики, что «мышление» должно изучаться сразу многими разными науками, в том числе психологией, социологией, физиологией и т. п. Это были очень разумные возражения с точки зрения здравого смысла, единственный недостаток их состоял в том, что при этом не было известно, что такое «мышление», что имеют в виду и о чем говорят наши критики; да, они и не считали нужным отвечать на этот вопрос, ибо считали, что все и так знают, что такое мышление, и всем оно дано в качестве объекта изучения; их собственные чувства и смыслы, созданные их «пониманием», приобрели для них совершенно очевидное реальное существование. При этом, ориентируясь на очевидность своих представлений, они совершенно упускали из виду нашу мысль, ход и логику ее формирования и развития. Для нас же, как я уже сказал, «мышление» задавалось в исходном пункте согласно требованию,

что это должен быть объект естественнонаучной логики. Наша ошибка состояла не в том, что мы так задавали и понимали «мышление», а в том, что мы не видели других возможностей существования логики, кроме как существования ее в форме естественной науки.

Но что было, то было. В тот период мы вообще не мыслили себе другой формы организации знаний, нежели форма научной теории, да к тому же — естественной или квазиестественной теории, описывающей некоторый независимо от нее существующий объект. И поэтому мы должны были найти и конституировать этот объект.

Правда, сейчас вы можете увидеть совершенно явное противоречие между тем, как мы понимали свою задачу, и тем, как мы реально работали. Но это было весьма продуктивное и прогрессивное противоречие, ибо работали мы правильнее, нежели понимали свою работу. И впоследствии именно осознание реальных процедур и методов нашей работы привело нас к более глубокому пониманию природы и строения знаний и наук.

Я хотел бы заметить здесь еще, что мы всегда жили в соответствии с нашей деятельностной методологией и идеологией: мы решали задачи, мыслили, не боялись нарушать установившиеся принципы, наше знание всегда шло вслед за нашим действием. Действию мы отдавали предпочтение перед знанием, хотя потом всегда и обязательно выходили в рефлексивную позицию и стремились проанализировать и осознать процедуры и способы нашего действия с тем, чтобы привести наши знания в соответствие с ними. И именно такой подход обеспечивал продуктивность всех противоречий, которые возникали в нашей работе. Если бы в этой и подобной ситуациях мы цеплялись за наши прошлые знания и перестраивали бы в соответствии с ними нашу деятельность, то тогда те же самые противоречия были бы регрессивными, ведущими к уменьшению и сужению выявляемого нами содержания.

7. Был еще один момент, который здесь точно так же необходимо обсудить, ибо он тоже сыграл важную роль в развитии наших представлений. В 1956—1958 гг. была предпринята попытка описать, используя все наработанные нами средства — схемы знаний, схемы операций и их строения, формы и способы композиции операций в сложные процедуры и т. д., некоторый текст, содержащий решение астрономической задачи. Для этого был выбран текст задачи, решенной Аристархом Самосским, об отношении расстояний Земля—Солнце, Земля—Луна.

Первоначально эта работа проводилась мной совместно с И. С. Ладенко и составляла лишь маленький кусочек в общей системе нашей совместной работы, направленной на выяснение логической структуры античной геометрии. Потом эта частная задача была выделена мной в некоторое самостоятельное целое, и работа по логическому описанию и реконструкции рассуждений Аристарха вылилась в огромное исследование, неполный текст которого содержит около 300 страниц. Еще позднее эта работа обсуждалась в самом широком плане — первый раз в 1960 г. на Комиссии по психологии мышления и логике, и это составило том, примерно в 350 страниц, и второй раз в 1962 г. на внутреннем методологическом семинаре, и это составило еще два тома материалов общим объемом в 527 страниц. Уже в первые два года работы мы получили такие результаты и были вынуждены сделать такие выводы, которые кардинальным образом меняли наши исходные представления и, по сути дела, переворачивали вверх ногами программу исследования мышления, намеченную в 1957 г.*

Эти результаты заставили нас осуществить обратное движение к основаниям и выработать принципиально новую систему представлений, которая послужила ядром для формирования идеи деятельности.

Исходная идея этой работы состояла в том, чтобы постараться представить решение задачи в виде некоторого процесса и последовательности операций, осуществляемых исследователем. Я не буду сейчас излагать здесь основные этапы и направления этого анализа, поскольку всякий, кто этим заинтересуется вплотную, сможет прочитать названные мной выше работы. Я буду говорить лишь о самых общих результатах его, да и то лишь в плане интересующего нас процесса перехода от программы разработки содержательно-генетической логики (как некоторой квазиестественной науки) к программе разработки теории деятельности и деятельностной методологии.

Основным результатом, который мы здесь получили, был принцип, что мышление, выступающее в форме решения некоторой задачи, нельзя описать в виде процесса; другими словами, решение задачи не выстраивается в процесс. Несколько

* В 1978 г. Г. П. Щедровицкий начал подготовку монографии на основе работ этого цикла. Эта работа не была завершена. Отрывок из нее опубликован в Г. П. Щедровицкий *Философия. Наука. Методология*. М., 1997. С. 57–203. — *Примеч. ред.*

позднее мы узнали, что этот результат точно так же не был совершенно новым для науки. По сути дела, это положение уже формулировалось в работах Д. Пойя, хотя и не в таком отчетливом виде, а сам он опирался на некоторые данные, полученные в работах Л. Секея, К. Дункера и О. Зельца (несмотря на то, что два последних исследователя стремились представить решение задачи как процесс).

Для того чтобы пояснить этот принцип, я очень коротко изложу нашу исходную установку и покажу, как получались те выводы, к которым мы пришли.

Попробуем представить процесс решения как некоторое последовательное движение от исходных данных к тому результату или продукту, который мы в конце концов должны получить; символизировать это движение будет линия, идущая по горизонтали и соединяющая исходные данные с конечным продуктом, ответом. Если взять сам текст решения задачи, то в нем можно выделить ряд элементов, которые действительно можно соединить в линию, и они зададут как бы непрерывный ряд последовательных переходов по формальным соотношениям; эти переходы будут связывать исходные данные с конечным результатом. Но, во-первых, текст никогда не сводится только к этим элементам, а во-вторых, нам придется все время задавать вопрос, как были получены эти формальные соотношения и мысленно переходить к основаниям; аналогичное движение должен был проделывать всегда и сам исследователь, находящий решение задачи. Поэтому «подлинный» процесс мышления будет всегда выступать как ряд движений, идущих как бы перпендикулярно к этой горизонтали, примерно так, как это представлено на рис. 6.

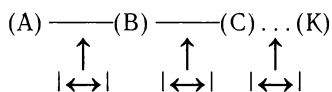

Рис. 6. Процессы мышления при решении задачи

Каждое из вертикальных движений будет иметь своим результатом и продуктом формальную связку (A) — (B) или другую, аналогичную ей, а между собой они будут связаны только некоторой установкой на получение целостной связки, соединяющей исходные данные с ответом, т. е. только представлением всей горизонтали. Рассматривая порядок получения отдельных

компонент горизонтальной связки, а следовательно, и порядок осуществления частичных вертикальных движений, мы убедились в том, что они, как правило, либо строятся от конца к началу, либо же строятся на основе сопоставлений и соотносений конца с началом — обстоятельства, на которые уже указывал Д. Пойа, когда писал, что задача всегда решается не с начала в конец, а наоборот, от конца в начало. Но это замечание, совершенно правильное само по себе, не учитывало того, что реально-то задача всегда решается как бы «перпендикулярно» по отношению к намеченной нами «горизонтали». Наш анализ привел также к необходимости различать «решение» и «решение» задач (термины П. А. Шеварева); мы выяснили, что после того как решение найдено путем указанных выше «вертикальных» движений и смещения от конца в начало, производится еще особая деятельность по выстраиванию всех компонентов формального движения в одну последовательность, в один ряд, а затем уже производится вторичное движение — вычисление или расчет, которое переводит исходные данные в ответ; только здесь, на этом последнем этапе идет движение от начала в конец, и задача приобретает тот канонический формализованный вид, в котором мы ее обычно и находим, после того как решение найдено и построено.

Вместе с тем выяснилось — и я думаю, что вы уже отчетливо видите то, о чем я буду сейчас говорить, — что подлинная цель и установка в решении творческой научной задачи состоит совсем не в том, чтобы получить ответ в прямом и точном смысле этого слова, а она состоит прежде всего и в основном в том, чтобы найти так называемое «решение», т. е. то, что мы изобразили в виде горизонтальной цепочки формальных переходов. Иными словами, подлинная цель творческого мышления состоит не в том, чтобы получить ответ, а в том, чтобы построить ту форму знания, позволяющую осуществить решение, как формальный переход от исходных данных к ответу, т. е. перейти от начала, заданного условиями, в требуемый конец, используя в качестве «дороги» или «канала» для перехода цепь формальных связей.

Одним из побочных результатов этого анализа явилось понимание того, что мышление существует не в обычном «физическом» времени, что оно существует либо вовсе вне времени, либо в каком-то своем особом времени, времени мышления, которое мало похоже на привычное нам время физических явлений уже хотя бы потому, что оно содержит в себе вневременные, логические стыковки, а также целый ряд параллельно раз-

вертывающихся времен. И хотя сам по себе этот результат был достаточно тривиальным, для нас он был важным, поскольку он был насыщен конкретными представлениями мышления и всем эмпирическим материалом, с которым мы в тот период имели дело. Вы, наверное, знаете, что этот результат был зафиксирован уже Платоном и с тех пор неоднократно обсуждался в истории философии. Но чтобы понять все то, что говорил и мыслил Платон, нам нужно было «открыть» и увидеть все это заново в своем собственном материале.

Здесь, как вы понимаете, может быть сколько угодно совершенно справедливых скептических замечаний. Можно говорить, что все те ответвления, которые мы обнаруживаем в процессе решения задач, являются заблуждениями, можно говорить, что сама эта наша схема является заблуждением, поскольку она была получена из заведомо ложных оснований. Все такого рода замечания и утверждения будут совершенно справедливыми и оправданными, но они равным счетом ничего не дают для мыслительного движения.

В предыдущих частях этого сообщения я показывал, что проблемной ситуации, возникшей по поводу категорий формы—содержание, А. А. Зиновьев выбрал заведомо не ложный (а вероятнее всего, истинный вариант решения), и поэтому произвел регрессивную сдвигку содержания и проблем, а мы выбрали явно не истинный (а вероятнее всего, ложный вариант решения) и получили в результате прогрессивную сдвигку содержания и проблем. Кто может сказать в каждый момент деятельности и истории, какое решение является истинным, а какое ложным, если с точки зрения развития (и относительно каких-то будущих состояний мышления) истинное оказывается ложным, а ложное, наоборот, истинным? Можно сколько угодно говорить, что наши выводы были ложными, поскольку мы использовали не лучшие средства и исходили из ложных оснований, но, двигаясь таким образом, мы получили очень важный принцип, который привел к дальнейшему развитию всей нашей концепции и наших представлений. И только в этом, на мой взгляд, заключено оправдание того или иного мыслительного движения (И. Лакатос блестяще показал это в своей книге «Доказательства и опровержения». М., 1967 и в рефлексивной работе «Фальсификация и методология программ научных исследований», сборник «Критицизм и рост знания». Кембридж, 1970).

Во всяком случае, когда мы поняли, что в мышлении не действует обычное понятие времени, мы построили целый ряд

очень интересных моделей таких процессов, в которых действуют иные понятия времени, мы смогли перейти к пересмотру многих исторических представлений и построили модели истории с многими разными временами; и именно это является очевидно прогрессивным результатом нашего мышления, а как вы его оцените — как ложное или как истинное, это уже, на мой взгляд, в данной системе абсолютно несущественно.

Другой очень важный результат, полученный нами из анализа рассуждений Аристарха, может быть выражен в утверждении, что кардинальным и решающим для мышления является не понятие знания и не понятие операции (с которых мы начинали свою работу и которые были зафиксированы в программе 1957 г.), а понятие *средства деятельности* и *средства мышления*.

По сути дела, эти два принципа, первый и второй, теснейшим образом связаны друг с другом и друг друга дополняют. Если бы мы обладали достаточно богатым воображением и достаточно отчетливо и рельефно понимали саму идею формальных средств и формализации, то, наверное, могли бы вывести этот результат заранее, настолько он кажется очевидным после того, как мы его получили. Действительно, если мы имеем какие-то формальные средства, скажем формальные связки, организованные в некоторую последовательность перехода, то мы можем решать задачу, двигаясь по этим формальным связкам, но тогда, как вы понимаете, не будет собственно решения задачи и не будет процесса мышления: надо будет не рассуждать, а исчислять. А решение задачи состоит в том, чтобы создать эти связки формальных переходов, построить «горизонталь», и эта работа будет проводиться лишь в той мере, в какой у нас отсутствуют необходимые блоки; и, наоборот, если какие-то блоки, необходимые для этой горизонтали, уже есть, то нам не нужно будет их строить, а следовательно, не нужно будет осуществлять определенные мыслительные движения. Следовательно, меняя наборы уже имеющихся блоков, переходя от одних блоков к другим, мы будем кардинальным образом менять и перестраивать осуществляемые нами процессы мышления. Так получается тезис, что для мышления как процесса главным являются средства, включаемые в этот процесс (или используемые в этом процессе). Но, конечно, к этому выводу мы шли другим путем, более сложным и опосредованным, нужно было все это получить на моделях, и только после этого мы могли «увидеть» то, что сейчас кажется очевидным и банальным.

К этой мысли подходили многие исследователи. Если в нашем анализе мы показали, что «вертикальные» движения организуются в одну целостность представлением об этом целом, т. е. представлением о всей «горизонтالي», и, следовательно, это представление должно уже быть в какой-то форме в самом начале мыслительного процесса, то к аналогичному выводу приходил уже К. Дункер, трансформируя традиционные гештальтистские представления. Он указывал на то, что эта целостность нашего формального движения уже должна быть дана в мгновенном, симультанном представлении прежде, чем мы начнем разворачивать ее в нашем последовательном, дискурсивном, или сукцессивном, как говорят психологи, движении. Итак, в каждом мышлении должны быть, с одной стороны, симультанная целостная структура, а с другой стороны, последовательный или сукцессивный ряд операций, образующих то, что мы можем назвать процессом решения задач. Но сам сукцессивный процесс, набор его элементов и форма организации зависят от того, какой набор блоков, или средств, мы уже имеем в своем распоряжении до начала самого процесса; если вся симультанная структура уже находится в нашем распоряжении и все ее элементы связаны, скреплены в одно целое, то нам в процессе нужно всего лишь одно движение: мы положим эту структуру как целое перед собой и таким образом решим задачу; если же структура дана в виде разорванных и разрозненных элементов, если к тому же некоторые элементы реально отсутствуют, то нам придется делать очень много движений, собирая и связывая эти элементы друг с другом или создавая сами элементы. То, что я говорю, очень легко представить себе, сравнивая технологии строительства дома из кирпичей, панельных стенок, блоков квартиры и квартир как блоков.

Теперь я могу пояснить также и тот парадокс с временем, который мы выше обсуждали. Ведь вся суть его в том, что все процессы, разворачивающиеся во времени, свертываются затем в те конструкции или блоки, которые мы используем в последующих процессах; значит, временные структуры соединяются и стыкуются здесь не только как последовательные временные отрезки, но и как чисто структурные конструкции.

Конечно, я могу попробовать представить весь процесс решения задачи в сложном ветвящемся графе, и это, безусловно, будет схватывать и изображать некоторые существенные моменты процесса мышления, но в целом такое изображение будет ошибочным, ибо всякий процесс решения задачи включает в себя также сложнейшие развертки блоков-средств в зависи-

мости друг от друга и на основании логических, а не временных связей. И поэтому, если в анализе решения задач мы учитываем не только действия, или карандашно-бумажные операции, но и содержание — а именно в нем заключена суть мышления, — то мы должны будем признать основными и решающими не связи временного следования, а логические связи и структуры, определяющие существо нашей мысли.

Итак, попытаюсь проанализировать и логически описать текст Аристарха, мы пришли к выводу, что главным и решающим для мышления являются именно средства (которые в данном случае выступили в качестве блоков), что, следовательно, наша программа 1957 г., ориентированная на выделение в мышлении знаний и операций, была по меньшей мере неполной и неточной, что мы, чтобы поправить дело, *должны ввести еще третью мыслительную (и логическую) единицу и начинать весь наш анализ заново*, исходя уже из этих трех единиц, а не из двух, и без учета самих средств и их роли в процессах мышления бессмысленно говорить о самих процессах и пытаться проанализировать и представить их состав и структуру.

Таким образом, здесь выявилась еще раз сложность связей между всеми элементами и компонентами мышления (обстоятельство, на которые я обращал ваше внимание в самом начале). Точно так же обнаружился факт непрерывных переходов одного в другое, связанный с постоянным «сворачиванием» и «разворачиванием» мыслительных структур: процессы переходят в знания, знания превращаются в средства, средства влияют на процессы, изменяя их структуру, и одновременно выступают как застывшие или статические компоненты процесса. Включение знаний в процессы мышления означает, как я уже говорил раньше, включение других процессов, но не по принципам времени и временного связывания, а по каким-то иным принципам невременного, материального связывания.

И тогда становится понятной и объяснимой та трудность, с которой мы сталкиваемся, пытаюсь представить решение задачи в виде линейного процесса; ведь на деле, чтобы вернуть решение задачи в процесс, мы должны сначала выделить все те структуры, которые входят в него как статические блоки, и лишь на втором шаге разворачивать их самих в процессы, а у них в свою очередь окажутся свои структуры, которые свертывают другие процессы, и их опять-таки нужно будет выявлять и разворачивать на следующем шаге анализа. Процедура анализа текста как процесса выступает как многоступенчатая процедура, требующая внутреннего структурирова-

ния и иерархирования. Именно поэтому, как вы понимаете, мы и получили соединение процессов мышления по принципу перпендикулярности: это был неизбежный результат того сложного отношения между процессами и структурами, о котором я вам сейчас говорил.

Если попробовать упростить все то, о чем я говорил раньше, свести к некоторым простым формулам, то нужно будет сказать, что процессы переходят в структуры, а структуры опять разворачиваются в процессы; и именно этот феномен нужно учесть и изобразить при описании мышления. Но как это сделать и как это вообще можно делать?

По сути дела, этот вопрос затрагивал уже глубинные структуры нашего собственного мышления. Он никак не мог быть ограничен одними лишь моделями и онтологическими представлениями, а относился к целостным структурам нашего мышления и мыслительной деятельности, и в этом плане включал все — *и логику, и онтологию, и языки, и модели*. Именно в этом широком плане мы и должны были вести все обсуждение проблемы. Оно привело нас к очень важным результатам. Наверное, не будет преувеличением сказать, что именно с этого момента начинается полное оборачивание всей нашей проблематики, всех наших ориентиров и способов работы. Мы сформулировали положение, что мышление не является и не может быть процессом, а является структурой, или, еще более точно, системой. В этом последнем определении — мышление как система — задается, по сути дела, требование объединить функциональные структуры с материальными организованностями и все это связать и соотнести со связками процессов, замыкающимися на функциональных структурах и материальных организованностях.

Именно тогда, когда мы поняли это и сформулировали приведенный мной выше принцип, мы *задали фактически первое специфическое определение деятельности*. Оно не было еще предметным, оно было категориальным и в этом плане пока — чисто формальным, но это было уже ее собственное определение. Можно сказать, что когда мы подвели мышление под категорию системы (в том числе, как я это сейчас пояснил), то именно тогда мы и ввели впервые деятельность как особый смысл и особое содержание, отличное от того смысла и содержания, которое мы связывали с понятием мышления. *Системы, фигурирующие здесь, выступили для нас как то, что называется деятельностью*. Это был первый шаг к переворачиванию всей проблематики наших исследований.

Я наметил таким образом одну линию в формировании идеи деятельности, ту линию, которая шла от исследований мышления. Напомню вам, что я начал с принципа исследования мышления как деятельности. Это «как деятельности» фиксировало описанный мной выше способ расчленения мышления на знания и процедуры. В плане категорий это означало соединение и связь двух категорий — структуры и процесса. Но эмпирические исследования, проводившиеся по этой программе содержательно-генетической логики, привели к таким трансформациям всех наших представлений, в том числе категориальных, которые наполнили термин и понятие деятельности новым содержанием. Первоначально оно было чисто категориальным, но в потенции в нем содержались уже новые чисто предметные определения. Теперь выражение «исследовать мышление как деятельность» означало, что его нужно было проанализировать и представить в виде системы, а это в свою очередь означало, что нужно было связать и объединить процессуальное, структурно-функциональное и материально-организационное представление мышления; поскольку такое объединение представляло проблему и должно было обсуждаться и решаться на своем собственном уровне, постольку возникал новый смысл и новое содержание, которые затем выделились и образовали специфическое содержание деятельности.

Именно в этом отделении и обособлении и заключался тот принципиальный поворот, который претерпели на этом этапе наши исследования. В этом состояла основная линия развития наших представлений.

Но наряду с этим весьма существенным было также и то, что были выделены средства мышления; средства как таковые были противопоставлены продуктам — мы поняли, что решение задачи представляет собой особый продукт мышления, мало чем отличающийся от таких продуктов деятельности, как столы и стулья. В этот же период мы выяснили, что во всяком решении задачи большую роль играют цели, проблемы и задачи, что они не только действуют на мышление, направляют его, но и являются также объектами преобразований и трансформаций в самом решении. И, таким образом, наши представления о структуре мышления (обратите внимание: здесь речь идет уже не о структуре знания, а о структуре мышления) непрерывно конкретизировались, появлялись все новые и новые элементы (или блоки) этой структуры, устанавливались связи и зависимости между ними.

Но все это была лишь одна линия в развитии наших представлений о деятельности. Параллельно ей разворачивалась еще одна линия, оказавшая не меньшее влияние на весь результат. Эта линия была связана с проблемами развития мышления. Именно она наполнила общие представления о системе и необходимости представлять мышление как систему конкретным содержанием, задала и определила вид и характер самого системного представления. Но все это — вопросы, которые я предполагаю обсуждать в следующий раз.

Вопросы и ответы на вопросы

А. Л. Тоом (АЛТ). У меня возникло много недоумений и возражений, но все они упираются в общем в одно — я не согласен с тем, что мышление нельзя представить как процесс. Мне представляется, что ваше изображение решения задачи является в топологическом плане слишком бедным — у вас линия, а обычно его представляют в виде дерева, или даже направленного графа. Конечно, когда вы реализуете мыслительное движение в виде чего-то, подобного машине Тьюринга, у вас возникает формальное время, но совершенно необязательно представлять дерево или направленный граф во времени или как имеющие время. Конечно, я согласен с тем, что движение слева направо в вашей схеме не есть мышление, и я согласен также с тем, что не нужно называть это движение процессом. Ход мышления состоит в построении этой конструкции, и я не вижу никаких оснований для того, чтобы не называть его процессом; правда, вы не определили, что такое процесс в вашем представлении, но у меня не возникло протеста против ваших употреблений этого слова, а вместе с тем я не вижу оснований для того, чтобы не называть это построение конструкции процессом.

Г. П. Щедровицкий (Г. П.). Конечно, категория процесса — очень сложная вещь и требует тщательного анализа; в ней есть много своих сложностей, и я не претендую сейчас на то, чтобы ввести и логически строго определить эту категорию, но я постараюсь пояснить, в каком смысле и с каким содержанием употреблял я это слово и что именно дало мне основание говорить, что мышление не может быть представлено в виде процесса.

Понятие и категория процесса предполагает, что мы имеем какие-то фрагменты или кусочки (в общем-то, неизвестно чего, может быть — рассматриваемого нами объекта, но это не обязательно); я буду называть эти фрагменты или кусочки

«отрезками»; вы понимаете, что таким образом я сразу привношу определенную форму и определенный способ изображения процесса. В принципе, нужно было бы обязательно обсуждать эту форму и задавать понятие и категорию процесса на отношении между формой и способами оперирования с нею, с одной стороны, и содержанием, т. е. объектами и операциями, примененными к объектам, с другой стороны; все это возможно только в специально построенном генетическом анализе, которым мы много занимались (есть специальные работы Б. А. Грушина, посвященные понятию процесса и, кроме того, в 1965 г. я читал специальный курс лекций на эту тему в МИФИ, который называется «Процессы и структуры в мышлении»*), и поэтому сейчас, опираясь на уже полученные результаты, я изложу в трансформированном и сокращенном виде лишь самые важные моменты. Итак, будем считать, что у нас имеются определенные «отрезки», и эти отрезки должны выкладываться в определенной последовательности, а кроме того, связываться или даже точнее «скрепляться» друг с другом в одно целое; именно эта связь или скрепление отрезков друг с другом трактуется нами затем как время или временная связь при условии, что мы накладываем на нее целый ряд логических требований и ограничений. Как вы хорошо знаете, в дальнейшем появляется совокупность требований, связанных с понятием континуума; здесь, в частности, предполагается, что каждый из отрезков в свою очередь может быть поделен на отрезки, что связки отрезков могут быть поделены на отрезки таким образом, что разрывы или границы между ними пройдут не там, где они проходили раньше, и т. д. и т. п.; одним словом, я имею в виду всю ту совокупность представлений математической атомистики, которая свела линию к множеству точек и вместе с тем сохранила линейную метрику. Но это все еще — неспецифические характеристики процесса, хотя и обязательные для него. Главное все же заложено в способах связи отрезков друг с другом, в способах складывания и вкладывания их друг в друга...

АЛТ. Главное здесь в том, что все эти отрезки, или кусочки, в процессе уничтожаются. *Существует* только настоящее, а прошлого и будущего не существует.

* Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении. М., 2003. — *Примеч. ред.*

Г. П. Я понимаю, о чем вы говорите, но я не могу принять ваш подход и вашу точку зрения. Во-первых, вы здесь говорите об интерпретации или понимании тех форм изображения процессов, которые я сейчас рассматриваю, а во-вторых, вы совершенно не учитываете моего замечания о необходимости рассматривать форму изображения процесса. Именно в этом последнем пункте мы с вами и расходимся, ибо для меня не имеет смысла говорить о *понятии и категории* процесса, не рассматривая и не анализируя тех знаковых форм, в которых мы фиксируем наше содержание; вы же, напротив, считаете возможным думать и говорить об одном лишь чистом смысле и содержании.

Именно в силу своих исходных принципиальных соображений я начинаю с тех знаковых форм, которые являются объектом нашей деятельности, и уже затем пойду к пониманиям или интерпретациям. Поэтому у меня и получается, что процесс, взятый со стороны формы своего изображения, не имеет характеристик «настоящее», «прошлое» и «будущее», а имеет лишь одну данность. О времени в этом контексте мы можем говорить лишь как о времени в нашей деятельности — это будет один объектно-ориентированный разговор, — либо же как о времени, которое выявляется в тех отношениях и способах связи, которые мы привносим в отрезки как объекты нашей деятельности, а затем особым образом выносим или переносим на описываемую таким образом и фиксируемую нами действительность. Именно все это я и должен проследить, чтобы ответить на вопрос, что такое «процесс». Но пока я начинаю с формы, у меня нет и не может быть «настоящего», «прошлого» и «будущего».

АЛТ. Когда вы говорите о времени, то вы имеете в виду обычное физическое время?

Г. П. У меня есть подозрение, что никакого «обычного физического времени» вообще нет; во всяком случае, как логик я обязан исходить из такой презумпции — ведь я не могу принимать «обычное физическое время» за некоторый факт, а должен еще показать, как возможно такое и как оно существует. Поэтому уж во всяком случае, когда я говорю о времени, то я имею в виду отнюдь не «обычное физическое время». Для меня время — логическая категория и только так я ее и могу рассматривать. В 1958 г. в журнале «Вопросы философии» (№ 6) была опубликована моя статья «О некоторых моментах в развитии понятия», в которой я, среди прочего, рассматривал логический механизм образования понятия времени; там я пока-

зал, из каких именно сопоставлений в деятельности и на каких именно объектах возникает «физическое понятие времени». Понятие времени всегда связано с определенным способом организации нашей деятельности и тех объектов, которые включены в нашу деятельность. Из этого и нужно, на мой взгляд, всегда исходить.

Но вернемся к непосредственно обсуждаемой нами теме. Введя то изображение связки «отрезков», которое вызвало ваше возражение, я не стремился раскрыть понятие и категорию процесса во всей их полноте, но я, как мне представляется, выделил в этом понятии и категории те моменты, которые особенно важны и существенны в плане применения этого понятия и этой категории в анализе мышления. Ведь, по сути дела, вы спрашиваете, какой смысл и какое содержание вкладываю я в утверждение, что мышление есть процесс, или, наоборот, в утверждение, что мышление не может быть представлено как процесс. Именно в этой связи я и строю то изображение, о котором у нас идет речь. Рассмотреть мышление как процесс это всегда означало — при любом интуитивном, научном или философском подходе — разложить его на кусочки или «отрезки», а затем собрать их воедино таким образом, что у нас получится конструкция, удовлетворяющая принципам организации этих отрезков во времени. При этом, конечно, включается еще много дополнительных условий и требований, в частности, те, которые я связывал с понятием континуума, но они, с одной стороны, принимаются в анализе мышления, а с другой стороны, обходятся за счет введения особой «логической атомистики», а именно — предположения, что процесс мышления разлагается на отрезки не без конца, а лишь до так называемых «элементарных операций», которые входят в «алфавит» мышления.

Первая процедура — расчленение текста и стоящего за ним, гипотетически предполагаемого процесса мышления на отдельные «атомы», или операции — имеет свои трудности, но не они существенны для нас сейчас; более важной в этом контексте является вторая процедура — сборки из этих «атомов», или операций, того, что мы можем назвать процессом мышления.

АЛТ. Я не совсем понимаю, почему мы должны расчленять процесс мышления на какие-то кусочки, или «отрезки», а не можем рассматривать его как непрерывность?

Г. П. Потому что такое рассмотрение процесса как непрерывности будет противоречить процедуре разложения процесса мышления на операции. Я ведь не возражаю против самой

категории процесса и ее значимости для нашего современного мышления в разных предметных областях; я говорю лишь о том, что категория процесса оказалась недееспособной в том анализе мышления на операции и представлении реальных решений задач как процессуально выстроенных последовательностей операций. Вы же мне предлагаете рассматривать процесс мышления как непрерывность безотносительно к той задаче, которую я решаю.

Теперь вы, конечно, могли бы меня спросить, откуда возникает сама задача разложения процессов мышления на операции. И это будет совершенно правильный и законный вопрос. Дело в том, что каждый процесс решения задачи совершенно индивидуален, неповторим, и поэтому, когда мы ставим задачу исследовать и научно описать процессы мышления, то мы должны еще искать особую стратегию и метод такого представления процессов мышления, при котором мы сможем выделять и исследовать некоторые инварианты. Именно эта установка — я думаю, вы согласитесь, что она оправдана, — привела к той стратегии и к той программе исследований, которую я здесь задал, и поэтому, пока не найден другой метод и способ описания мышления, нам приходится исходить из этого как из единственно возможного. Итак, каждый отдельный акт мышления должен быть воспроизведен и описан как таковой — в его индивидуальности и неповторимости; но такая задача, взятая как общая и тотальная, в принципе не может быть решена. Поэтому мы должны искать какие-то обходные пути для ее решения — и мы их находим в предположении, что хотя каждый акт мышления индивидуален, элементы их всех одинаковы, могут быть выделены и исследованы. Это — основной постулат как логики, так и языкознания. На исходных этапах нашей работы мы его приняли и пытались провести в теоретических и эмпирических исследованиях мышления. Но результатом всех наших попыток — я уже об этом говорил — явилось убеждение, что хотя мы и можем попробовать разложить мышление на отдельные процедуры и операции — и это даже в каком-то смысле необходимо, — то потом мы никак не можем собрать и связать эти процедуры и операции воедино, следуя схемам категории процесса. Именно это я и утверждал в своем докладе. Но, у А. Л. Тоома возникли сомнения в оправданности и правомерности моих утверждений. Чтобы пояснить свою позицию, я вынужден был, отвечая ему, обратиться к понятию процесса, чтобы выявить его специфическое содержание. Здесь у нас опять возникли расхождения, связанные уже с пониманием об-

щего принципа и метода разложения мышления на процедуры и операции, и я был вынужден пояснить, откуда взялся сам этот принцип и связанная с ним программа исследований.

АЛТ. Принцип, который вы сформулировали, представляет собой все же слишком сильное требование. Из того, что ваша программа подобного анализа мышления не прошла, не следует, что мышление не является процессом, во всяком случае, в каком-то чуть более широком смысле. Даже процесс растворения чая в сахаре на такие кусочки не расчленишь, а он все же является процессом.

Г. П. Я понимаю (и даже принимаю) все ваши возражения, но они все же не схватывают суть дела. Я очень хочу, чтобы вы постарались представить себе ход моей мысли. Ведь до сих пор я говорил, с одной стороны, о понятии процесса, а с другой стороны, об основном принципе логического анализа мышления. Сейчас, в ответах на вопросы и замечания, я не касался еще аргументов, оправдывающих наш отказ от исследования мышления как процесса. Эти аргументы основываются не на том, что наша программа «не прошла», как выразился А. Л. Тоом, а на некоторых содержательных результатах и соображениях, полученных в ходе этого анализа. Наш тезис, следовательно, является не столько негативным, сколько позитивным — ведь мы утверждаем не только и даже не столько, что мышление нельзя исследовать как процесс, сколько то, что его нужно исследовать как систему, и поэтому, будучи системой, оно не является и не может быть процессом (в прямом и точном смысле этого слова). То, что наша программа не прошла, было лишь одним из результатов работы; ведь на каждом этапе ее мы спрашивали себя, а почему не проходит наша программа, и стремились в ходе ответов на эти вопросы углубить наши представления о мышлении. Ведь мы разлагали решения задач на процедуры и операции, мы собирали эти процедуры и операции в сложные композиции и комплексы, мы определяли и зарисовывали конфигурации этих композиций и комплексов, и именно из анализа этих конфигураций мы получили новый позитивный и содержательный вывод: решение задачи представляет собой сложную систему, оно должно быть представлено как система, и оно должно разбираться на операции и собираться из операций ступенчатым образом, т. е. представляет собой весьма сложную иерархию.

Основным аргументом, оправдывающим наш вывод о системном строении мышления, был аргумент, полученный нами из анализа практики нашей работы, что процедуры и операции

мышления свертываются в материальные организованности, как материальные организованности они собираются и стыкуются в сложные функциональные конструкции, которые потом опять развертываются в процессы мышления, но уже совсем в иные процессы, отличные от тех, которые мы получили бы, если бы собирали в целостности операции и процедуры, полученные из первоначального анализа. В этом и состояла основная аргументация. Я снова повторяю, что она была по смыслу своему позитивной, а отнюдь не негативной, и она была, на мой взгляд, достаточно оправданной.

Но дело даже совсем не в этом, и не это является важным и главным в контексте моих рассуждений. Представьте себе, что наш вывод о природе и характере мышления был совершенно необоснованным. Но из этого ровно ничего не следует. Ведь подлинный смысл всей этой работы, как я уже не раз говорил, заключался совсем не в том, чтобы что-то неопровержимо доказать и обосновать, а в том, чтобы осуществить прогрессивную сдвигку проблем и обогатить теоретическое и эмпирическое содержание наших представлений. Ведь в конце концов можно рассмотреть все то, о чем я рассказываю, как чисто психологическую историю нашего кружкового развития; ведь я не случайно в самом начале доклада построил весьма сложную схему историко-критических исследований, которая предполагает, что новые смыслы и содержания, полученные в ходе нашего индивидуального действия и индивидуального развития, должны быть потом оправданы в контексте соответствующих ретроспективных исторических исследований, связывающих (разными способами) эти смыслы и содержания со всей предшествующей культурой; и только такая связь, на мой взгляд, будет служить подлинным оправданием и обоснованием наших действий и всех тех представлений, которые были в ходе них получены.

Точно так же вы не должны упускать из вида другой аспект всех наших исследований, о котором я сейчас ничего не говорю. Ведь все эти годы, основываясь на представлениях мышления как процесса, мы вели многочисленные исследования, выделяли операции, получили очень интересные представления о микроструктуре этих операций, представления, получившие самое разнообразное и разностороннее подтверждение, нашли массу приложений для этих представлений в психологии и педагогике, в истории науки и в наших методологических разработках — обо всем этом я не говорю. Но все это было, и все это нельзя не учитывать; у нас была масса успехов в анализе совер-

шенно различных объектов, и несмотря на все это, я говорю, что идея и программа исследовать мышление как процесс была неверной. Но я утверждаю это не в плане отрицания всего того, что было сделано, а в плане дальнейшей сдвижки, развития содержания, предполагающего снятие всех тех смыслов и содержаний, которые были накоплены в предшествующей работе.

Вся суть моих предшествующих утверждений только в одном — мы получили очень важный и новый принцип, что мышление есть система, а следовательно, анализ и описание его предполагает объединение и синтез по крайней мере трех категориальных представлений — процессуального, структурно-функционального и материально-организационного. И одно это утверждение (или, если хотите, гипотеза) в сто крат важнее всех споров о том, ошиблись мы или не ошиблись.

Я бы мог сказать — и не только для того, чтобы эпатировать собравшихся, — что главное качество ученого — фантазия, но именно фантазии недостает нам, и мы начинаем фантазировать только, когда приходим к выводу, что без нее нельзя обойтись, что наши старые представления уже не срабатывают.

Э. Г. Юдин (Э.Г.). Но чем фантазии писателя или проповедника отличаются от научных знаний, которые, как мне кажется, получают в лабораториях путем кропотливых экспериментальных проверок и подтверждений.

Г. П. На мой взгляд, отнюдь не так называемыми эмпирическими подтверждениями, а только логикой, которой подчиняется фантазирование ученого. Если вы скажете и покажете мне, что, излагая весь этот материал, я двигался нелогично, что в моем изложении содержатся логические ошибки, тогда я должен буду либо сдаться, либо исправить эти логические ошибки. Но сама эта процедура — обнаружение логических ошибок — очень непростая. Ведь вы должны мне показать, что я допустил логические ошибки с точки зрения моей собственной логической системы и связанной с нею онтологической системой. Когда-то, много лет назад, читая рецензии на книжку Дж. Буля «Законы мысли», в которых было сказано, что автор допустил в своих исходных посылах четыре грубых ошибки, и непонятно, как в конце концов он сумел написать такую интересную и такую продуктивную книгу, я удивлялся вместе с рецензентами. Но потом я понял, что именно потому Дж. Буль и получил новые результаты, что он допустил эти ошибки, а если бы он их не допустил, то у него не было бы результатов, что дело совсем не в этих ошибках (относительно принятой обыденной онтологии), а в том, чтобы быть последовательным и логичным в раз-

вертывании этих «ошибок». Дж. Буль очень последовательно рассуждал и очень последовательно конструктивно развертывал свои представления, поэтому он и считается основоположником математической логики, а про его ошибки вспоминают разве что историки наук. Поэтому для меня особенность науки и научной работы не в том, что она не допускает «ошибок» — и это достаточно подтверждается всей современной социологией знаний и науки, — а в том, как строятся рассуждения, создающие «научные фантазии».

Ведь по сути дела, излагая все то, что я изложил вам, я проделал очень сложное движение, включающее а) реализацию определенной программы исследований в теоретических и эмпирических развертках, б) констатацию неудач (и успехов) в реализации этой программы, в) выяснение причин, вызвавших или обусловивших эти неудачи, г) конструирование новых средств — категорий, понятий, знаний, методов и т. п., — которые могли бы вывести нас к новым представлениям об объекте и задать новую программу исследований, д) рефлексивное ретроспективное обоснование созданных конструкций с точки зрения истории развития научных представлений и всей культуры. И именно это движение, если в нем реализованы все указанные выше этапы, создает впервые норму моей работы, ту норму, относительно которой мы будем оценивать наши мыслительные процессы как обоснованные или, напротив, необоснованные, правильные и неправильные.

АЛТ. Мне все-таки все время кажется, что вы употребляете слова «мышление» и «решение» в двух разных смыслах, а поэтому происходят постоянные смешения объекта. С одной стороны, мы имеем дело с *ходом мысли*, а с другой стороны — с *результатом этого хода мысли*.

Г. П. Давайте уточним, что вы имеете в виду под результатом хода мысли; ну, например, могу ли я считать результатом утверждение, что отношение расстояний Земля—Солнце, Земля—Луна лежит между 18:1 и 20:1?

АЛТ. Нет, это будет уже результат результата.

Г. П. Прекрасно, мы уже существенно уточнили наши понятия и представления; значит то, что я называю решением, вы называете результатом. Наши представления сходятся как нельзя более точно, ибо и мы на том этапе нашей работы считали выработку решения основным результатом работы исследователя.

Теперь опираясь на это уточнение смысла терминов, я могу повторить свои основные утверждения:

1) «решение» (как результат мыслительной работы исследователя) может быть представлено как процесс (например, как процесс вычислений) и как последовательность операций, приводящих нас от исходных данных к конечному значению (результату результата в вашей терминологии), но именно результат мышления (вычислительная форма), а не само мышление;

2) мыслительная работа, или мышление, посредством которого вырабатывается «решение», не может быть представлено в виде процесса, оно представляет собой *систему*, т. е. образование, в котором процессы застывают в виде организованностей материала, а затем вновь включаются в процессы уже **другого уровня** (и с другим временем); поэтому в ретроспективном анализе уже нельзя разложить мыслительную работу в последовательность операций или процедур, стыкующихся между собой во времени, а придется, изобразив процесс одного уровня, переводить двигавшиеся в нем организованности в процессы другого уровня, стыкующиеся с первым не по времени, а через организованность, или объекты; представив таким образом процессы второго уровня, мы должны будем опять перевести движущиеся в них организованности материала в процессы третьего уровня и т. д. и т. п.

АЛТ. Теперь я понял вашу мысль.

Г. П. Но я еще и еще раз хочу повторить, что суть была совсем не в том, были ли мы правы или ошиблись в нашей трактовке результатов своих исследований и в изображении мышления. Суть была в том, что мы перешли или вынуждены были перейти к новой категориальной характеристике мышления, а вместе с тем — к обсуждению новой категории «система», и это обстоятельство, как я стараюсь показать, предопределило, по сути дела, переход к идее деятельности и к изучению деятельности.

Второе заседание. 15.3.1972

Дискуссия по первой части доклада

Э. Г. Юдин* (Э.Г.). Я хочу сделать несколько замечаний по той части доклада Г. П. Щедровицкого, которую мы прослушали.

* Перепечатка текста выступления Э. Г. Юдина была поручена И. Бакштейну. Сейчас уже невозможно выяснить, какими соображениями он руководствовался, сведя 40-минутное выступление к 3 страницам текста. К со-

Первое: не очень ясно в докладе были различены деятельность как принцип и деятельность как предмет изучения. Что касается первого, то здесь все ясно — деятельность как принцип, например, в психологии, позволяет подойти к предмету мышления и рассмотреть его как деятельность, причем на этом пути будут получены определенные конструктивные результаты. Что же касается деятельности как предмета изучения, то это существенно иная реальность. Г. П. Щедровицкий, впрочем, подробно остановился на вопросе, что же собственно исследовалось — деятельность как процесс и деятельность как набор результатов. Но мне так и остался неясным принципиальный вопрос: что именно рассматривалось? Помоему, здесь имеются в виду две различные и несовпадающие реальности: деятельность как процесс может явиться предметом изучения психологии, логики и иных наук; и здесь можно строить среди прочего предметные исследования. Если же мы берем деятельность в ее продуктах, то это и есть собственно культура (К). И в таком случае здесь должен пройти водораздел между теорией деятельности и теорией культуры. Причем это различие должно быть достаточно продвинутом.

Еще одно замечание: рассматривая процессуальный аспект деятельности, надо хотя бы в педагогических целях проследить предысторию вопроса; здесь явно недостаточно ссылок на немецкую классическую философию и иные классические дисциплины. Говоря о теориях человеческого действия, надо вспомнить Т. Котарбиньского, так как его «праксеология» может рассматриваться как вариант теории деятельности. Важно задать сам контекст такого рассмотрения и тогда будет видно, от чего докладчик отказывается, с чем полемизирует.

Другая линия ограничений должна включать постановку такого вопроса: о какой деятельности мы ведем речь — о деятельности продуктивной или деятельности репродуктивной? Правда, с точки зрения процедурной, мы получим схемы близкие, но речь идет о разных феноменах. История куль-

жалению, текст выступления на пленке был стерт раньше, чем я узнал, как была произведена перепечатка и поэтому ничего уже нельзя было исправить. Мне не остается ничего другого, как просить извинения у Э. Г. Юдина и предупредить читателя, что ответственность за эти 3 страницы несет И. Бакштейн; хотя основные положения выступления Юдина переданы точно, все соображения, рассуждения, характеристики, примеры и т. п. опущены. — *Примеч. Г. Щ.*

туры говорит о фундаментальности этого различия. Жизнеспособные культуры смогли культивировать *продуктивную* деятельность, а традиционные — лишь репродуктивную. Конечно, здесь существует масса вопросов. Но либо мы строим теоретическую схему, облегчающую манипулирование повторными операциями, либо мы хотим научить людей продуктивной деятельности, творчеству, способности решать новые задачи, обогащать сокровищницу мировой культуры. Из доклада мне осталось неясным, какой тип деятельности рассматривается. Возможно, это различие на каких-то уровнях анализа не работает, но все же при строгом подходе этот вопрос должен возникнуть.

Еще одно замечание — о типе знаний, которые мы должны получить; мы можем поставить себе цель: изучать деятельность феноменологически, узнать, что такое мир деятельности в его тотальности, — и это одна задача; мы можем строить нормативную дисциплину и выдавать наши результаты за алгоритмы деятельности — и это другая задача. Но и здесь встает вопрос о типологии деятельности: без этого построение схем деятельности заводит в область умозрения. Все это — те вопросы, ограничения, требующие ответа, без которых неясно, как деятельность выделяется из иных предметов изучения. Возможно, теория деятельности — универсальная доктрина, которая внимает в себе и философскую антропологию, и аксиологию, и иные дисциплины.

Далее. Допустим, мы очертили предмет теории деятельности. Как и во всяком другом случае, мы должны нарисовать его связи с иными дисциплинами. В случае теории деятельности такие связи проходят в сфере целеполагания — цели деятельности и зависимость целей деятельности от привходящих обстоятельств. Без указания на такие связи возникает универсализация деятельности, превращение и в самодостаточное основание культуры, превращение ее из средства конструктивного анализа в средство догматизации.

Следующее замечание относится к трактовке Г. П. Щедровицким понятия истины. Если вы помните, Г. П. говорил, что понятие истины является излишним в теории деятельности. Я думаю, что этот тезис можно принять как метафору, но как принцип — это слишком сильно, так как все же теория деятельности строится как теоретическое знание, которое, будучи избавленным от критерия истины, остается знанием, но с особой функцией: возьмем, к примеру, биологию. Многие не считают ее наукой, но и она от истины не отказывается, ибо всякое

теоретическое знание связано с необходимостью доказывать свои положения. Если же мы имеем дело с системами знания, в принципе отказывающимися от критерия истины, то это будут пророчества, вещания, которые обращаются к вере, а не к разуму.

И последнее замечание — относительно понятия содержательно-генетической логики. Я привык относиться к новой для меня дисциплине через призму теоретических положений и полученных результатов. Г. П. Щедровицкий изобрел другую форму изложения — евангелическую. Любое евангелие начинается не с аксиоматики, а по принципу «как было дело». Так же рассказывал Г. П. Щедровицкий: была немецкая классическая философия, был А. А. Зиновьев, был кружок московских логиков, потом появилась теория деятельности и т. д. Я думаю, что это интересно, это делает осязаемыми антиномии. Но мне бы хотелось, чтобы теория и история были разграничены, так как историческое движение таит в себе опасность — нас начинает интересовать сюжет, мы забываем о предпосылках, отдельные тезисы закрывают предмет в целом.

Г. П. Щедровицкий* (Г. П.). Я не считал, что обсуждение первой части доклада будет продуктивным, но я не стал возражать против дискуссии, полагая, что, во всяком случае, она может быть полезной.

Замечания Э. Г. Юдина являются важными, ибо позволяют понять различие подходов и оценок, а также различие ценностей, которых мы придерживаемся. Весь мой доклад Э. Г. Юдин достаточно точно характеризовал, назвав его евангельским, если считать, что евангелие — это рассказ о том, что было. Правда, рассказы о том, как было дело, сами могут быть разными, и одни из них будут правдивыми, а другие нет; мало того, одни рассказы будут *правильными*, а другие *неправильными*. Поэтому и с евангелической формой изложения дело обстоит не так просто, как могло бы показаться из замечаний Э. Г. Юдина, — но об этом я буду говорить дальше еще особо. Во всяком случае, то, что я излагал вам в первой

* Следующие 15 страниц текста (до соответствующего примечания) точно так же были сильно сокращены и трансформированы И. Бакштейном при перепечатке, хотя и в меньшей степени, чем выступление Э. Г. Юдина. Некоторые детали были восстановлены мной по памяти и записям во время дискуссии, но с неизбежными в этой ситуации погрешностями. — *Примеч. Г. Щ.*

части доклада и предполагаю излагать далее, это — рассказ о том, что было. И к такой форме изложения я прибег отнюдь не случайно. Она понадобилась мне для того, чтобы показать, что все вопросы, которые поставил Юдин, — а они выражают обычную точку зрения — не приложимы к данному случаю. И именно ради этого я и рассказывал всю историю. Чтобы показать и доказать это основательно (и с претензией на истину), нужно **все** изложение, которое было задумано, а не только первая часть, ибо начало становится понятным через конец, к которому пришли.

Напомню вам также ту схему рассуждения, какой я придерживался.

Прежде всего я исходил из принципиального различия теории и истории. Подобно Виндельбандту, Риккерт и др., я считаю неправильным сравнивать теорию и историю, перенося признаки теории на историю. Критерий истины в его естественнаучном варианте применим только к теории, а не к истории. В примере Э. Г. Юдина (с Христом) нельзя ответить на вопрос, были ли истинными действия Христа. Если же вопрос ставится так: происходили или нет эти события, то в этом случае история выработала свой метод критики и обсуждения — это может быть текстологический анализ или свидетельство очевидцев. Если я утверждаю, реконструируя историю, что это было, то возражать мне можно, только одним способом — говоря, что этого не было, или показывая, что я неправильно изобразил то, что было. Можно, конечно, еще подвергать сомнению мои положения, спрашивая, на каком основании я утверждаю, что это было. Но это будет уже критика источников и оснований. Одним словом, если пользоваться другим образом Э. Г. Юдина, бессмысленно спрашивать, истинно ли то событие, что ребенок родился. На истину проверяются утверждения, а не сами события — это важно понимать. А в естественной науке или в математике все обстоит иначе: там на истинность должны проверяться модели и даже идеальные объекты. А в истории некоторый факт, как и в практической деятельности, не проверяется на истинность; просто это было — вот и все. Была дева Мария, был Бог-отец, был архангел в виде голубя и, наконец, родился Иисус.

Э. Г. Но для христологии это проблема.

Г. П. Вы смешиваете два вопроса: один касается истинности моего утверждения, другой — характера фактов, о которых я рассказываю. Если вы меня спрашиваете о моих рассуждениях, то это одно дело, но тогда ссылка на евангелический характер

моего изложения к делу отношения не имеет, так как это будет уже апелляция к характеру предъявленных мной фактов.

Э. Г. Проблема истины возникает там, где сопоставляются факты и утверждения.

Г. П. Я делаю утверждение: в 1962 г. начал работу системно-структурный семинар. Если вы ставите вопрос об истинности или логичности моего утверждения — это одно. Здесь нет разницы между историческим или логическим и никакого разговора о евангельском характере изложения быть не может. Вы можете лишь сказать: в 1962 г. такого события не произошло. Тогда мы должны будем обратиться к соответствующим источникам.

И другой вопрос: делаются утверждения типа «было то-то и то-то, а после этого было другое» и т. д. — и тогда вы можете сказать, что это — странная манера изложения — исторический поток, — что-де я излагаю теорию деятельности не в системе ее теоретических принципов, а в истории того, что происходило. Но и в этом случае это разговор не об истинности или логичности моих высказываний, а об ограниченности моего объекта — он-де организован исторически. Причем из разделенности истории и теории, в частности, следует, что *теоретическая история* как система знания строится по совершенно иным законам, нежели теория. Для теоретической истории также не действует естественнонаучный принцип истины. Этот момент четко зафиксирован в книге Б. А. Грушина. Я строю свою работу в историческом изложении, и далее покажу, что только так и можно строить. Если мы подойдем к событиям, которые развивались в рамках кружка с требованиями теории, то мы ничего не поймем, так как 1) это не теория, а история развития идей и представлений, и 2) даже если в результате и получается теория, то это не естественнонаучная теория, а методологическая, т. е. в конечном счете — определенная программа действий, а по поводу программы действий можно говорить, что она «истинная» или, наоборот, «неистинная» только в совершенно особом смысле.

Но то же самое приложимо и ко всему, что я говорил в прошлый раз. Цель всей работы состоит в том, чтобы построить определенную программу работ, и ее истинность доказывается и обосновывается совершенно особым образом. В частности, одним из моментов такого обоснования является реконструкция истории того социотехнического или культурно-технического действия, посредством которого выработали саму программу. Эта историческая реконструкция точно так же требует своего

обоснования, и это обоснование было в прошлый раз осуществлено, когда я подробнейшим образом представлял и обсуждал схему, средства и метод моей исторической реконструкции.

Э. Г. Но тогда вы должны сформулировать критерий, на основе которого мы могли бы видеть, что ваши утверждения обоснованы, а не принимать их на веру. Если же вы утверждаете, что все критерии к истории не применимы, то чем ваше рассуждение отличается от Евангелия от Луки.

Г. П. Легко видеть, что я совсем не утверждаю, что к истории неприменимы «все критерии». Я лишь утверждаю, что к ней должны применяться другие критерии, нежели к теоретическому знанию. А вы, как мне кажется, исходите из единственного критерия — истины, причем понятой не как общественно-историческая практика, а как аристотелевская истина — как соответствие объекту. На это я вам говорю: ваши взгляды устарели на 700 лет. Я считаю, что подходить с такой «истиной» к нашим работам бессмысленно. Когда вы говорите — это единственный критерий, я спрашиваю: какой текст вы выберете — от Маркса, от Луки или пр.?

Если вы обратитесь к кантовской методологии — Виндельбандт, Риккерт, Наторп и др., к попперовской методологии — Лакатос, Файерабенд, и др., вы узнаете, что истина в вашем смысле давно не считается единственным критерием обоснованности знаний. И более того, у Маркса вы обнаружите то же самое. Здесь мы с вами жестко расходимся. Когда в современных физико-математических науках говорят об истине, то имеют в виду не утверждения, а модели и идеальные объекты. Если вы записываете уравнение колебаний маятника, а потом берете реальные маятники и спрашиваете: а действительно ли реальные колебания маятника описываются этим уравнением, то я вам отвечу, что ваш вопрос просто бессмысленен, ибо в реальных маятниках просто нет тех параметров — приведенной длины и приведенной массы, которые входят в уравнение колебаний маятника; мы вводим, рассчитываем и приписываем эти характеристики реальным маятникам так, чтобы их подлинные полупериоды колебаний соответствовали расчетным; если такого соответствия нет, то мы меняем характеристики, чтобы его все-таки достичь. Поэтому никакое сопоставление теоретического знания с так называемыми «фактами» просто невозможно (кстати, именно это обстоятельство заставило философов науки конца XIX и начала XX столетия говорить, что все эти формулы и законы представляют собой просто расчетные средства, чистые схемы, не проверяемые на истинность).

Но что же тогда в научных теориях проверяется на истинность? Как это ни странно на первый взгляд, такой проверке подлежат модели и идеальные объекты, но опять-таки не сами по себе, а в их отношении к определенным конкретным объектам и, главное, в определенных системах деятельности с этими объектами. Можно сказать, что здесь проверяется «*приложимость*» имеющихся моделей и идеальных объектов к конкретным объектам научного исследования, инженерии и практики. И именно в этом контексте исходя из задачи сопоставления реального маятника с «идеальным маятником» искусственно определяются параметры, которые заданы в уравнениях.

АЛТ Это трудный вопрос, но так как в мире много маятников, то где-то существует маятник с соответствующими значениями параметров.

Г. П. Таких маятников нет и не может быть. У вас есть уравнение для идеального объекта, а в физических маятниках нет этих параметров, и вы вводите понятие о приведенной длине и приведенной массе (причем все это — фикции), чтобы с помощью уравнения для математического маятника вычислять период колебаний физического. И проблема истины — проблема соотношения между идеализацией и данным объектом. Но нужно еще учесть, что мое отношение к объектам может быть критическим, т. е. я могу иметь установку на изменение объекта. Наконец, когда мы строим идеализацию, для которой существует класс повторяющихся случаев, то там будет один тип знания и соответствующий ему тип истины, а в истории мы имеем только идеальные случаи и там будет другой тип знания и не будет истины в естественнонаучном смысле.

Э. Г. Получается, что в области истории я могу утверждать все, что угодно?

Г. П. Ваши утверждения, Эрик Григорьевич, искажают то, что я говорю. Просто существуют *разные типы* знаний. К одним классический критерий истины применим, к другим — нет. Поэтому я с самого начала различал: утверждения мои и ваши, с одной стороны, и факты — с другой. И при этом говорил: если вы подвергаете сомнению правильность моих *утверждений*, то это одно, но здесь мы должны спорить конкретно. И эти споры не будут иметь отношения к структуре рассказа — исторической (евангелической) или логической. Тогда вы примете мою (историческую) структур и будете говорить, что я эту историю фальсифицировал. Либо вы обвиняете меня в выборе евангелической манеры изложения материала, но тогда это не имеет ровно никакого отношения к проблеме истины. Либо то,

либо другое. Если же речь идет о «научном снобизме» — либо наука, либо не имеет значения, — то я вам сразу говорю: я занимаюсь методологией и это нечто принципиально иное, нежели наука. Повторяю, ваше утверждение о «евангелическом» характере моего рассказа справедливо, но я-то доказываю, что ничего другого и не может быть. И именно здесь мы с вами расходимся.

В. А. Лефевр (ВАЛ). Рассказ Г. П. Щедровицкого имеет евангелический характер, но не потому, что это история. Всякое описание содержит логические и аксиологические элементы для оценки его самого и всего, что с ним связано. Сама оценка событий Евангелия не может быть проведена с позиций буддизма — это бессмысленно (событие рождение Христа). Самое писание в качестве необходимого элемента содержит способы оценки. Для писания важно неприятие внешней позиции.

Г. П. А для математика?

ВАЛ. Для математика нет.

Г. П. И вы беретесь это показать?

ВАЛ. Да. То, что делает Г. П. Щедровицкий, не отличается от Евангелия. Он сказал, что способы рассуждения и логика задаются рамками его собственного движения. Бессмысленно относиться к рассказу Щедровицкого с позиций, например, здравого смысла или еще чего-нибудь. Надо принять его логику и его способы оценки. В этом смысле его деятельность сродни деятельности проповедника. Всякая критика Г. П. Щедровицкого, кроме социальной, невозможна, так как он сам задает и видоизменяет правила игры. И поэтому истина как философский принцип, т. е. как нечто стоящее над ним, его не интересует. Все принципы работы у него задаются в структуре его собственной теории. Все его утверждения либо конструктивны, либо претендуют на оценку.

Г. П. Я согласен с Лефевром во всем, кроме двух моментов.

1) Он говорил, что существуют иные, кроме евангелического, способы мышления; евангелический способ содержит в себе способы своей оценки, и это плохо. Но есть зато великий мир науки и ученых, в котором все иначе. Там есть внешние позиции, есть надмировые, не устанавливаемые людьми ценности. Я знаю три источника ценностей: люди, бог и природа. Но так как у вас, в науке, это не люди, то, следовательно, ценности науки устанавливаются либо богами, либо природой. В философии так и было. До Возрождения была апелляция к богу: люди играют с богом, который и устанавливает законы, ценности и логику, поэтому о человеческих результатах гово-

рили, как о вторичных. Когда произошла научная революция, то стали считать, что источником ценностей и логики является природа. В 1940—1950-х гг. на философском факультете так и говорили: логика — единая и вечная. Я эту точку зрения не приемлю. Тот, кто считает, что все уважаемые науки живут по таким надчеловеческим законам, — все они лгут. Я же предпочитаю честность. Содержательно-генетическая логика исходила из исторического развития норм логики, она рассматривала их как рукотворное дело. К этому же пришла Лондонская школа К. Поппера.

2) Мы работаем по сдвоенной схеме: у нас есть методология как программа, средство и метод действования и есть теория, описывающая объект. Смысл нашей работы — показать, выявить, продемонстрировать принимаемые нами принципы работы в этой системе, т. е. каждый раз не лгать. Показать, что мы кладем в основу своей работы прежде всего методологические, (а не теоретические) ценности, а потом с помощью созданного аппарата изучать объект. Затем мы обогащаем аппарат, перенося результаты теории в методологию и т. д. Именно так, на мой взгляд, строится всякая подлинная работа. И это давно известно. Новое здесь то, что мы к этому подходим *сознательно*. И мы все время демонстрируем свои процедуры.

БАЛ. Позиция Г. П. Щедровицкого похожа на позицию тоталитарного государства, которое само создает свои законы. Традиция же европейской науки похожа на демократические общества. Ценности и логика существуют вне отдельных наук. Это универсализм, выполняющий функцию полицейской системы. Задача этих систем — безотносительно к средствам и критериям самой этой теории утверждать лжива она или правдива. Возможен суд, организованный этой системой.

В. А. Костеловский (Кост). Кто судит?

БАЛ. Здесь нет локализации, а есть функциональный блок, который вынесен за рамки рассматриваемой системы. Я не могу детально обсуждать этот вопрос — тогда нужно было бы сопоставлять языки и искусственного, и естественного. То, что делает Щедровицкий, создает коллапсирующую систему. В этом смысле концепция Щедровицкого лежит вне культуры. Правда, это может быть отдельная вселенная.

Г. П. Я опять согласен с той постановкой вопроса, которую предлагает Лефевр. Но он допускает одну грубейшую ошибку, путая демократию с тоталитаризмом. Он рассуждает по поводу работающей системы, где есть судебный орган, действующий всегда неизменным образом. Но это и есть тоталитаризм.

В демократии же все наоборот, ибо демократия — это свободно развивающаяся система, в которой решения принимаются и законы устанавливаются (большинством или меньшинством — это не существенно) соответственно ситуации, и никакие вне системы действующие установления не могут влиять и давить на систему, пусть это даже будут *законы*. И здесь все различие в наших подходах. Мы можем рассматривать человечество либо как саморазвивающуюся систему, либо по естественно-научным догмам, считая, что над ним стоит логика, бог, закон (впрочем, неважно, как мы это назовем), ибо ошибка во всех случаях будет одна и та же. Ученые-естественники могли принимать такую точку зрения, и она соответствовала их реальному положению, ибо над наукой всегда стояла философия, которая ее судила и которая управляла ее развитием. Но мы — методологи, а следовательно, мы не можем так считать, ибо над нами никто не стоит, а наоборот, мы стоим над всем и должны всех оценивать и судить, а вместе с тем — и самих себя. И поэтому для нас проблема состоит в том, чтобы построить такую систему, которая была бы законом, а вместе с тем — непрерывно развивалась бы, учитывая и предусматривая изменения оцениваемой системы.

ВАЛ. Мне кажется, что Щедровицкий попал в ловушку. Возможны 2 модели: 1) с верховным жрецом над всем, в том числе — над законом и 2) с законом над жрецом.

Г. П. Лефевру известны только два решения и при этом вы совершенно отвлекаетесь от развития. Именно поэтому вы думаете, что твердо установленные законы дают рай. На мой взгляд, не может быть ничего смешнее этой точки зрения (либерального демократизма XIX столетия). Если же вы поймете, что ваша система меняется, то вы должны будете сказать, что и законы должны меняться. Но тогда мы приходим к вопросу: а как меняются и могут меняться законы. По сути дела, на вопрос, что делать с законом, когда система развивается, В. А. Лефевр отвечает: я все оставлю по-старому. Следовательно, он либо останавливает развитие, либо же должен менять законы, а следовательно, поставить над законом жреца (или ученого, что то же самое). Непонимание в вопросе о верховном жреце происходит из непонимания идеи разделения властей (а не людей). Ведь, по сути дела, у нас есть система, которая должна функционировать и развиваться, в ней обязательно есть и прямые, и обратные связи. Поэтому если говорить о человеке (в том числе и о верховном жреце, как о человеке), то будет как человек в функции «изменение закона», так и в функции «исполнение

закона». Поэтому та проблема «либо—либо», которую вы ставите, является мнимой.

ВАЛ. Когда я говорю о законе, я имею в виду не кодекс, а, например, христианское мировоззрение: входит оно или нет в конфликт с системой? На мой взгляд, оно не меняется, не входит в блок деятельности. У социума есть инварианты деятельности, и это один из них.

Г. П. Я не специалист по теологии: но существование Августина и Фомы Аквинского (как и многих других) опровергает вас. История жестко зависит от наших схем. История зависит от марксовских схем пролетарских революций. Я отвечал на вопросы Лефевра в предположении, что под нарисованными человечками понимаются не индивиды, а функции. Вопрос, кто эту функцию осуществляет — человек с его волей или культура — поставлен неверно, так как в деятельности эти оппозиции не работают. И проблема ответственности — тоже имеет дело с функцией.

Соколовский. Как должна рассматриваться машина деятельности — как онтология, как идеальный объект или как что-то другое?

Г. П. Это схема и онтологическая картина, и модель — все зависит от того, как мы с ней работаем.

Но здесь я хотел бы вернуться, если можно, к обсуждению замечаний, сделанных Э. Г. Юдиным.

Я считаю, что различение принципа деятельности и деятельности как предмета изучения очень важно. Но Э. Г. Юдин говорит об этом как о существующем, а для меня это проблема.

Далее он спрашивает, что мы исследуем — деятельность как процесс или деятельность в ее продуктах как культуру. Само это различение в теории деятельности не существует, как не существует различение продуктивной и репродуктивной деятельности.

Очень серьезный вопрос: какой тип знания мы хотим получить? Я буду его обсуждать весьма подробно.

Вопрос о типологии деятельностей — тоже очень важен, но не с него надо начинать. Сначала надо построить модели, потом их типологизировать, потом наложить на эмпирический материал и т. д. Я стараюсь показать, что если мы рассматриваем теорию деятельности в ее истории, то все посторонние понятия и оппозиции не действуют; надо понять, что в принципе может быть много представлений о деятельности. И если вы хотите обсуждать *нашу* версию теории деятельности, то это надо делать в *наших* понятиях.

Кост. Но, Георгий Петрович, вы в прошлый раз понятий не вводили, вы описывали историю.

Г. П. Чтобы снять это непонимание, я снова (и снова) вернусь к схеме движения, чтобы показать шаги анализа. С нашей точки зрения, эта схема движения и задает то, что я называю понятием (в самом широком смысле слова). Таким образом, я должен резюмировать прошлый рассказ свой, и в этом будет содержаться много новых рефлексивных моментов, приводящих нас к новой проблематике.

1. Мне надо было ввести основные проблемы деятельностного подхода и задать основные направления развития этого подхода через ту ситуацию, в которой появился термин «деятельность», а затем идея и предмет теории деятельности. Основная мысль этой части: нельзя обратиться к окружающей нас реальности, увидеть там «деятельность» и начать ее изучать, ибо такого объекта и предмета как деятельность не было и нет, его еще нужно создать.

Я рассматривал в этом контексте, как этот предмет создавался и какие ходы мысли привели к его созданию. Почему я на этом настаиваю? Здесь может показаться, что возможен и подход Э. Г. Юдина: репрезентируйте ваши представления о деятельности, — говорит он, — мы возьмем ваши основные положения, сравним их с «деятельностью», как она есть, и будем таким путем проверять их на истинность. Такой подход предполагает, что оценивающему известен объект и представления, в которых он фиксируется, я же утверждаю: нет такого объекта. И истина здесь ни при чем. Представление основных идей теории деятельности возможно только как исторический рассказ по типу «так случилось». Чтобы эту манеру изложения оценить, нужны иные ходы мысли, нежели ход на проверку истинности. В прошлый раз я говорил о принципах, которые позволяют реконструировать историю. Не буду напоминать вам эти принципы. Мне важно только то, что я их выявил, назвал, и таким образом выполнил весь кодекс необходимой здесь методологической честности. А дальше весь вопрос — в эффективности предлагаемой схемы. Ведь мне надо рационально реконструировать историю, создать *теоретическую историю* и для этого мне нужна «машина». Это значит, что каждое свое действие я должен сознавать и демонстрировать, и, кроме того, все мои шаги должны быть связаны.

И это возможно благодаря тому, что я с самого начала задаю структуру организации всего материала — это, таким образом, и разборный ящик, и система связей. Я говорю: 1) имеется неко-

торая, развертывающаяся во времени последовательность действий кружка по созданию ядра теории деятельности (при этом я задаю несколько линий); 2) имеется также организованность деятельностного подхода, содержащая сформулированные к этому моменту принципы. Таким образом, я все время пользуюсь двойной машиной, которую постоянно как бы оборачиваю; 3) имеется также — и может обсуждаться иная история — не история действия, а история развития самой структуры теории деятельности; 4) кроме того, для каждого шага внутри действия можно искать источники и предпосылки (исторические); все эти линии идут не к структуре теории, а к действию; 5) после того как все построено, мы будем реконструировать историю теории и представлять дело так, что нас как бы и не было, что эта структура произведена историей, а совсем не нами. После того как я все это рассказал, вы можете проверять меня на основе моей же схемы — удовлетворяю я ей или нет, и смотреть, насколько эта схема эффективна. Эффективность же понимается в плане *рациональной реконструкции* истории. Схема — это программа моего действия. Вы можете сказать, что беретесь все эти события реконструировать и другим способом и эффективней. Отлично, говорю я. При этом вы либо примите мою игру и усовершенствуете ее, либо постройте новую схему и новую игру.

Кост. Раз у вас предполагается объект, то должно предполагаться отношение вами реконструированного к этому объекту.

Г. П. Когда из всего того, что я говорил, вы делаете вывод, что есть объект, то вы не правы. Реконструкция истории не есть реконструкция объекта. История — не объект.

Но продолжим далее схематизацию шагов. Я ввел первую ситуацию: есть текст и два плана отнесения: на объект и на операции. Отсюда возникает проблема связи этих планов.

Кост. Какой текст вы имеете в виду?

Г. П. Какая разница? Это может быть текст «Капитала», текст Бернулли, которым вы занимались. Я говорю: проблема двух трактовок текста и двух планов отнесения определяет всю историю нового подхода. Идея деятельности возникает из необходимости ввести и объяснить связи между ними. Причем если у текста вообще нет объекта, то на схеме будет стоять «ноль» как значащее отсутствие. Важны отнесения, а не сам объект*.

* Здесь кончается текст, перепечатанный И. Бакштейном. — *Примеч. Г. Щ.*

Итак, появляется тезис: нужно рассматривать проблему связи двух планов отнесения и, соответственно, изображения текстов в рамках теории мышления; тотчас же само мышление получает двойственную трактовку — как знание и как операции; при этом само мышление, как я неоднократно подчеркивал, должно рассматриваться как деятельность. Здесь вы все время спрашиваете: в чем был содержательный смысл этого термина — «деятельность». А я все время, отвечая на ваш вопрос, стараюсь объяснить вам разницу между знанием и смыслом (или значением) слова; здесь очень существенно, что между смыслом слова и знанием, которое мы связываем с этим словом, существует большая разница и одно, как правило, не совпадает с другим. Более того, очень часто знание вообще может отсутствовать, и это обстоятельство нисколько не мешает употреблению соответствующих слов, причем — употреблению с пониманием и смыслом. Приведу вам простой пример: недавно мне пришлось читать лекции преподавателям политехнических институтов страны, я пользовался постоянно словом алгоритм, а после нескольких лекций ко мне подошли несколько преподавателей, и они спросили меня: что такое алгоритм? Сначала я опешил, и у меня возникла мысль, как же они могли слушать и *понимать* мои лекции, если они не *знают*, что такое алгоритм. Но потом, размышляя по этому поводу, я сообразил, что ошибся, что совсем необязательно иметь знание, связанное с соответствующими словами, для того, чтобы понимать эти слова. В общем и целом они понимали все, что я говорил, хотя не знали, что такое алгоритм. Более того, всем тем, кто слушает мой текст, в котором я употребляю слово алгоритм, очень часто совсем не надо задумываться над тем, какой объект я в этом слове обозначаю, каково операциональное содержание этого слова — им достаточно значений этого слова (существительное, обозначает какую-то вещь, про которую я что-то говорю, т. е. характеризую ее и т. д.) и некоторого формального смысла, навязываемого этому слову контекстом употребления. Именно так большинство из них и понимало это слово в тексте моих лекций. Я привожу этот пример, чтобы пояснить и проиллюстрировать разницу между двумя употреблениями слов в наших текстах, причем я подчеркиваю, что оба они являются совершенно законными и оправданными, и более того, я подчеркиваю, что в процессе наших рассуждений и мышления мы постоянно пользуемся словами обоими способами, слово включено в наше рассуждение и в функции смыслоносителя и в функции носителя знания. Иногда оно выступает только в одной из этих

функций — и это тоже оправдано, — но нам бывает трудно определить, где и когда оно употребляется в одной или другой функции.

Все это необходимо понимать, чтобы понять мое объяснение истории наших исследований и истории употреблений слова «деятельность». Мы брали слово деятельность в его обыденном значении и смысле, но, так как мы проводили исследование, мыслили, строили модели и т. п., то мы образовывали определенное знание и связывали его с этим словом. Между обыденным значением и смыслом слова «деятельность» и тем знанием, которое мы связывали с этим словом в контексте нашего анализа, существует большая разница. Я все время стараюсь показать и объяснить вам, что знание, которое мы связывали с этим словом (конечно, это моя последующая реконструкция, и я ввожу ее как истинную, не оценивая сейчас, было ли это правильно или неправильно, хорошо или плохо), заключалось в противопоставлении «знаний» и «операций», а на более высоком категориальном уровне — в противопоставлении «структуры» («системы») и «процесса». А наряду с этим существовали и точно так же использовались нами обыденные значения и обыденный смысл слова «деятельность», и мы с ним точно так же работали, мы все время имели его в виду, мнили (как говорил Гуссерль), подразумевали.

Итак, в одном употреблении достаточно ориентации на некоторый интуитивный, смутный подразумеваемый смысл, а в другом употреблении, связанном с подлинным мышлением, необходимо подразумевание строго определенного объекта и строго определенное движение по этому объекту, применение к нему строго определенных операций и категориальных расчленений, когда обязательно должна быть произведена реконструкция как объекта, так и применяемых к нему операций — и без этого мышление быть не может.

Сегодня мы уже достаточно хорошо понимаем, что язык, с его значениями и смыслами, делает мышление ненужным: достаточно иметь слова с их общеупотребительными значениями и смыслами и можно нанизывать слова друг на друга, компоновать их друг с другом, произносить речи и доклады, совершенно не утруждая себя при этом мышлением. Мышление всегда стоит за всем этим, оно сделало свое дело тогда, когда сформировались значения и смыслы этого слова, но все это — история и генезис слов и языка в целом, а после того как они сложились, они делают мышление ненужным.

Поэтому когда мы говорили: мышление — как деятельность, то нам первоначально было совершенно безразлично, какое именно содержание мы вкладывали в слово «деятельность»; это не было, следовательно, мышление в точном смысле этого слова, мы работали с обычными значениями и смыслами этого слова, хотя и в мыслительном контексте. Это была, следовательно, смысловая интенция или смысловая установка, определяемая традиционным смыслом слова «деятельность»; нам было безразлично, в каком именно смысле употребляли это слово Аристотель, Фихте, Шеллинг и Гегель. И сама по себе эта установка была совершенно оправданной, и в нашей ситуации она играла свою положительную роль. Вы можете теперь спросить: могли ли мы мыслить, употребляя слово деятельность таким образом. Конечно, нет.

Но именно поэтому мы прибегли к последующему рефлексивному анализу, мы начали выявлять, в каком же именно смысле употребляем мы это слово, мы начали реконструировать то подлинное мыслительное содержание, которое связывалось с этим словом благодаря ходам нашего мышления, мы старались определить объект, к которому должно быть отнесено это слово. И на этом пути рефлексивного анализа мы получили те самые аспекты подлинного мыслительного содержания, о которых я вам сейчас докладываю. Мы вскрыли то единственно возможное мыслительное содержание, которое в той ситуации могло быть связано с этим словом.

Вы можете сколько угодно говорить, что это — искусственная реконструкция, сделанная постфактум. Я, конечно, соглашусь с вами, но постараюсь при этом объяснить, что это обстоятельство не играет никакой роли, ибо в нашей искусственной реконструкции восстанавливается то, что было на самом деле, то, что вкладывалось в это слово процессами и процедурами нашего мышления.

Мне точно так же важно подчеркнуть, что это смысловое содержание не имело прямого отношения к философской и научной традиции употребления этого слова, во всяком случае в плане осознания. Конечно, какие-то связи и отношения были, но они были так сложно опосредованы, что требуется специальная работа, чтобы выявить их и реконструировать. Но мне важно показать употребление и содержание этого слова в контексте нашего исследовательского действия, и поэтому мне так важно подчеркнуть — в принципиальном плане — отсутствие прямой связи с культурной традицией. Мыслительный анализ и порождаемое им знание стоят в оппозиции к традиции куль-

туры, это некоторый факт, и о нем нельзя забывать. Конечно, мы заимствовали слово деятельность из обыденного окружающего нас употребления, вместе с этим мы заимствовали все те смысловые связи и ориентации, которые были у этого слова, конечно, таким образом мы заимствовали какие-то линии культурной, т. е. философской и научной традиции, но все это создавало лишь фон нашего мышления и нашей аналитической работы; этих обыденных смыслов и значений было достаточно, чтобы заимствовать слово и чтобы весьма определенным образом пользоваться им в рассуждениях и в мышлении; но все это, повторяю, не связано непосредственно с мыслительным содержанием того знания, которое вы хотите видеть за этим словом. Это содержание создавалось *нами самими*, и, чтобы ответить на вопрос, каким оно было, надо проанализировать и уяснить себе те процедуры мышления, которые мы осуществляли, те мыслительные средства, которыми мы пользовались, и те специфические мыслительные структуры (знания), которые мы создавали.

Именно поэтому я столько времени потратил на изложение и объяснение общей схемы моего анализа. Вы не сможете получить ничего существенного и правильного, если не разделите культурную традицию употребления этого слова и то содержание, которое мы создавали своим социокультурным исследовательским действием, вы ничего не поймете в истории нашего движения, если будете исходить из аристотелевского, или фихтевского, или гегелевского, или современного психологистического смысла слова «деятельность».

И я утверждаю, что во всяком научно-исследовательском действии, во всякой концепции нужно искать подобный разрыв.

Но все это не имеет ровно никакого отношения к анализу деятельности как объекта. Мы не дошли еще до анализа деятельности — мы только подходим ко всему этому. И путь этот ведет через изменение смысла слова «деятельность», через последующее рефлексивное выяснение содержания, которое было приписано ему в определенном мыслительном контексте, и через оформление соответствующего предмета и объекта мысли. До сих пор я говорил только о том, как меняются смысл и содержание слова деятельность, как это слово невольно наполнилось новым смыслом, приобрело новое содержание, и как мы затем вынуждены были анализировать этот смысл и содержание. Я, следовательно, говорю не об объекте, который называется деятельность, а я говорю о слове «деятельность» и его смысле, с одной стороны, и содержании, с другой стороны.

Вы можете считать, что я пока ничего не знаю про деятельность точно так же, как ничего не знают все те, кто говорят о «принципе деятельности», «деятельности субъекта», «деятельностном подходе» и т. д. и т. п. Все мы понимаем смысл и значение этих слов, но это не значит, что мы имеем знание, в частности знание, что такое деятельность. Именно эту мысль я и хочу все время провести: когда вы употребляете слово деятельность в своей речи и понимаете это слово, то не думайте ради бога, что вы знаете, что такое деятельность: обычно за этим словом нет мысли и знания, и не только нет, но и быть не может. Я делаю последнее утверждение на основании того, что убежден, что в схеме исторической реконструкции, которую я выше изложил, представлен постоянный и необходимый механизм развития знаний и значений слов, а также смыслов в мышлении и через посредство мышления.

Вы можете заметить также, что сейчас во всех своих рассуждениях я провожу принцип первичности мыслительных операций и процедур, схем мыслительной работы: именно они, на мой взгляд, создают мыслительное содержание, и именно это мы должны вычленять в первую очередь, когда хотим выяснить мыслительное содержание тех или иных слов. Уяснению этой стороны дела мешает то обстоятельство, что с каждым словом, кроме того, связаны еще не мыслительные, а собственно языковые смыслы и значения, и употребление слов идет прежде всего в соответствии с этим смыслом и значением. Именно это лежит на поверхности и именно это выявляется в первую очередь, а специфически мыслительное содержание стоит за всем этим на заднем плане и для своего выявления требует очень сложной реконструкции, поэтому так важно различить и разделить смыслы и значение, с одной стороны, и знания и содержания, с другой стороны. Вопрос о том, как знание и содержание влияют на смыслы и значение слов, нужно обсуждать особо; во всяком случае, на мой взгляд, это — вторичный процесс и вторичная связь.

По сути дела, я утверждаю также иллюзорность того представления, согласно которому слова получают содержание, когда мы обозначаем ими некоторые вещи или объекты; слова получают содержание, когда мы употребляем их в контексте нашего рассуждения и мышления, но это содержание стоит как бы на заднем фоне, оно существует и действует, но оно не выявлено и не осознано, а поэтому оно вошло в смысл, но еще не фиксировано в значениях. Поэтому здесь совершенно не имеет смысла говорить о каких-либо конвенциях и конвенциональ-

ном смысле и значении слов; конвенции как раз нет и не может быть, а есть только употребление в деятельности и в мышлении, создающая специфическое содержание слова.

Точно так же часто возникает вопрос: где и как существует эта оппозиция знания и операций — в объекте или же в мнениях о нем. Но я не могу ответить на этот вопрос, ибо не могу принять такого жесткого разделения и противопоставления объекта и знания — ведь для меня объект существует всегда как объект знания; поэтому обычно я говорю о «предметах», которые представляют собой соединение объекта и знания. И тогда я мог бы ответить на этот вопрос, что различие и оппозиция знания и процедур существует в предмете.

Легко заметить, что реальные факты точно соответствуют этому. Попробуйте сами ответить на подобный вопрос; представьте себе философский факультет МГУ тех лет, — центр философской мысли, — где одна группа профессоров и доцентов говорит, что текст представляет собой изображение объекта, а другая группа, пока аспирантов и студентов, но в будущем тоже профессоров и доцентов того же философского факультета, говорит, что текст представляет собой выражение операций и процедур мысли исследователя. Теперь скажите мне, существует это разделение и противопоставление объективно, т. е. соответствует ли оно строению и функционированию мышления и деятельности, или же только субъективно, т. е. в мнениях людей. Главное здесь в том, что знания и операции имеют разные модели и разные теоретические представления — сначала в мнениях и сознании этих людей, а потом и благодаря первому — объективно.

Спрашивают также, откуда взялось это различие и противопоставление знаний и операций. Я опять-таки не могу ответить на этот вопрос. Когда я начал заниматься логикой и теорией познания на философском факультете МГУ, то я прежде всего увидел и узнал, что основные споры идут вокруг этого пункта. Стал читать классиков философии от наших дней до далекого прошлого, узнал, что и они постоянно обсуждают эту проблему; стал читать ведущих психологов — и там эта проблема выступает в качестве основной. И никто не может предложить для нее удовлетворительного решения. Так, я дошел до Аристотеля и Платона, а дальше неясно, куда двигаться, ибо текстов нет. Поэтому я и не могу ответить на вопрос, откуда взялось это различие и противопоставление. Единственное, что я здесь должен думать, так это то, что оно возникает из осознания подлинных структур нашего мышления, ибо всякий анализ самой мысли, научной, методической, инженерной, де-

монстрирует нам эту двойственность текста. Таким образом, с одной стороны, я беру эту оппозицию из культурной традиции, с другой стороны, я обнаруживаю ее в самом материале, подлежащем анализу. Я беру эту проблему, и я пытаюсь ее решить.

Конечно, можно сказать, что сама эта оппозиция — ложная, и я сам весьма склоняюсь к такому мнению, но эта ложность ее — лишь одна сторона дела, а кроме того, я знаю, что она вроде бы соответствует реальному положению дел, во всяком случае — пока существуют сами понятия знания и процесса мышления. Поэтому я, с одной стороны, принимаю эту проблему, а с другой стороны, хочу преодолеть и снять ее. Как бы там ни было, мы всегда принимаем систему культуры в определенном состоянии и начинаем перестраивать ее исходя из этого состояния; мы не можем сказать: все ложно и все надо начинать сначала.

Теперь напомним вам свой следующий шаг. Необходимость объединения двух представлений мышления очевидна, нужно произвести само объединение. Но здесь мы прежде всего должны подняться еще на ступеньку выше и характеризовать эти два представления в категориальном плане. Так мы выясняем, что знания являются системами, а процедуры и операции — процессами. Следовательно, наша проблема приобретает более общий вид: мы должны связать и соотнести друг с другом сами категории структуры (системы) и процесса; при этом напомним вам, что и структуру, и процесс я определил на моделях, или, точнее говоря, с помощью определенных интерпретаций их на моделях. Процесс представляет собой последовательность операций, связанных между собой в цепочку по времени. Если мы имеем ветвящийся процесс, то уже возникают трудности, ибо в логическом плане мы еще можем сводить дерево к совокупности процессов, происходящих параллельно друг другу, а в психологическом плане мы уже никак не можем превратить это дерево в простой сукцессивный процесс. Структура представляет собой совокупность элементов, связанных между собой решеткой связей или отношений, и она одномоментна, т. е. внутри нее нет временных связей и отношений. Здесь важно понять, что различие временных и не временных связей задается благодаря определенной содержательной интерпретации; если вы будете обращать внимание на одну лишь форму, то вы, конечно, сможете сказать, что мое изображение процесса тоже есть структура; но это будет ошибочное утверждение, ибо оно не учитывает разницы интерпретации. Поэтому проблема заключается в том, чтобы соотнести и связать друг с другом эти два представления, чтобы ответить на вопрос, как мы можем связывать их при описании и изображении одного объекта.

Хроника основных событий жизни и творчества*

Георгий Петрович Щедровицкий родился в 1929 г. в Москве в семье деятеля авиационной промышленности П. Г. Щедровицкого (1899—1972) и К. Н. Щедровицкой (урожденной Баюковой, 1904—1994),

* Основными источниками, касающимися жизни и творчества Г. П. Щедровицкого, остаются: два варианта творческой биографии, подготовленные А. А. Пископелем [6, 7], беседы самого Щедровицкого с Н. В. Шукиным в 1980—1981 гг., касающиеся в основном истории семьи, школьных и студенческих лет (но также и некоторых последующих моментов) [11], и небольшая заметка, подготовленная Г. А. Давыдовой на основе автобиографических материалов и доступная на двух языках [2]. Краткие статьи о нем помещены в справочнике *Философы России XIX—XX столетий. Биографии. Идеи. Труды* (М., 1999. С. 910—911) и *Новой философской энциклопедии* (М., 2000—2001). Интересную информацию о темах, над которыми он размышлял и работал, предоставляет опись его архива, которую можно скачать по адресу <http://www.fondgp.ru/projects/archive>

М. С. Хромченко работает над беллетризованной биографией Г. П. Щедровицкого, часть материалов к которой опубликована [10]. Воспоминания друзей и учеников Щедровицкого по Московским логическому и методологическому кружкам содержатся в разнообразных материалах, публиковавшихся в 1990—2000-х гг. в альманахе «Кентавр», журнале «Вопросы методологии» и двух сборниках [3, 4]. Творчеству Щедровицкого специально посвящен (до выхода настоящей книги) сборник «Познающее мышление и социальное действие» [8] и ряд статей в других изданиях (см. библиографию работ о Г. П. Щедровицком в настоящем сборнике).

впоследствии — врача-микробиолога. Рос и воспитывался вместе с младшим братом Л. П. Щедровицким (р. 1933), впоследствии инженерным психологом и научным издателем.

После окончания в 1946 г. школы с медалью Щедровицкий поступает на физический факультет Московского университета. Область его научных интересов — исследование строения научных теорий с интенцией на разработку проекта теории мышления — сформировалась уже на первых курсах.

Это обстоятельство, а также острый конфликт с руководством факультета в связи с нежеланием специализироваться на вопросах строения вещества (ядерной физики), предопределило его переход в 1949 г. на второй курс философского факультета, в группу, ориентированную на философские проблемы естествознания. С октября 1951 г. он начал также преподавать в школе логику, психологию и физику. Учеба Щедровицкого на философском факультете сопровождалась рядом его столкновений с философской догматикой тех лет. К концу 1952 года эти конфликты привели его на грань ареста, от которого его спасла смерть Сталина в марте 1953 г.

В 1953 г. он с отличием оканчивает университет; его дипломная работа, подготовленная под руководством Е. К. Войшвил-ло, посвящена механизмам развития научных понятий.

Еще на четвертом курсе Щедровицкий знакомится с аспирантом А. А. Зиновьевым, фронтовиком, выпускником того же философского факультета, работавшим тогда над диссертацией о методе восхождения от абстрактного к конкретному на материале «Капитала» К. Маркса. «Это был первый случай, когда какой-то другой человек понимал, видел, знал все то, что понимал, видел, знал я», — вспоминает Щедровицкий [11, 284]. — «[В] общении с ним ... с 1952 по 1957 г. и в общении с другими членами нашего исходного кружка — [Б. А.] Грушиным и [М. К.] Мамардашвили — я действительно сформировался на всю дальнейшую жизнь именно таким, каков я есть» [11, 280].

Московский логический кружок (МЛК) сложился как инициативное объединение в 1952 г. Большую роль в его становлении сыграло Московское совещание по логике (декабрь 1953 г. — март 1954 г.) и совещание «Естествознание и философия» (1954 г.)*. Там впервые была заявлена программа

* На протяжении всей своей творческой деятельности Г. П. Щедровицкий придавал большое значение участию в конференциях, тем более что для него и его последователей это было часто единственной возможностью пу-

создания новой логики, и сложилось ядро МЛК, включающее кроме Щедровицкого еще трех человек — Зиновьева, Грушина и Мамардашвили). Этот кружок официально просуществовал до конца 1957 г. в форме семинара в составе студенческого научного общества*.

Притом что формальными руководителями семинара были сменявшие друг друга преподаватели кафедры логики, идейное лидерство принадлежало Зиновьеву, с постепенным перемещением к Щедровицкому. Еще до официального закрытия семинара пути его основателей разошлись: Зиновьев пошел в сторону формализации (и соответствующего — вплоть до полного отказа — пересмотра) ранее полученных результатов, увлекая за собой П. И. Гелазонию, Д. Г. Лахути, В. И. Столярова и В. К. Финна, позже в близком направлении двинулся И. С. Ладенко; Мамардашвили, а также В. Н. Садовский и В. С. Швырев, сосредоточились на историко-философской проблематике; Грушин занялся исследованиями общественного мнения.

Щедровицкий, вместе с солидарными с ним Н. Г. Алексеевым, В. А. Костеловским и Б. В. Сазоновым, приступил к реализации сформированной к 1955 г. программы исследования мышления как деятельности и созданию содержательно-генетической логики, активно привлекая новых единомышленников, образовавших к 1958 г. то, что впоследствии стало известно как Московский методологический кружок (ММК).

Первые научные статьи Георгия Петровича, где был введен новый логический концепт («языковое мышление») и заявлена программа исследования мышления как деятельности, были опубликованы в 1957 г. [12, 13].

В марте 1958 г. в рамках Всесоюзного общества психологов Щедровицкий организует (совместно с В. В. Давыдовым и при поддержке профессора П. А. Шеварева) Комиссию по психологии мышления и логике — официальную «площадку» для

бликации своих идей и разработок. Насколько интенсивной была такая работа, можно увидеть по списку конференций, на которых он делал доклады в 1970–1979 гг.

* История семинаров, в которых Г. П. Щедровицкий участвовал, которые создавал, которыми руководил, является важнейшим аспектом его творческой биографии. Все, нашедшее выражение в его трудах, лежит в тематическом и идейном русле МЛК—ММК. Сам он считал «индивидуальное мышление» абстракцией, совершенно не соответствующей эпохе, и не верил в «собственность на идеи».

основных семинаров ММК, деятельность которой он обеспечивал до конца жизни. С апреля 1958 г., оставив преподавание в школе, он переходит в издательство Академии педагогических наук (АПН) РСФСР: в редакции педагогического словаря ведет разделы психологии, физиологии и производственного обучения, затем в редакции педагогики редактирует труды Н. К. Крупской, П. П. Блонского, книги по теории и истории педагогики. В те же годы он работает редактором в отделе теории журнала «Вопросы психологии».

Основной круг научных интересов Щедровицкого в эти годы — разработка новых логических и методологических идей (содержательно-генетической логики) и применение их к проблемам методологии гуманитарного знания, в первую очередь — психологии и педагогики.

С октября 1960 по август 1965 г. в должности младшего научного сотрудника лаборатории психологии и психофизиологии НИИ дошкольного воспитания АПН РСФСР Щедровицкий занимается проблемами детской игры и ее роли в развитии ребенка и «детского общества», теоретическим анализом соотношения усвоения и развития, анализом и типологией ситуации учения-обучения. Во всех этих работах он продолжает с одной стороны развивать идеи содержательно-генетической логики, с другой — выходит к идеям методологии и теории деятельности. Тогда же им, совместно с Н. Г. Алексеевым, Н. И. Непомнящей и В. М. Розиным готовится фундаментальный труд «Педагогика и логика»*, в котором были отражены основные направления исследований в рамках содержательно-генетической логики и теории деятельности.

Центр интересов ММК в первой половине 1960-х гг. перемещается от теории мышления к теории деятельности. Но также с 1960 г. Щедровицкий уделяет много внимания проблемам речи и языка, активно сотрудничая с лингвистами и намечая программу построения системодетельностной семиотики.

В 1962 г. при Совете по кибернетике Президиума АН СССР он, совместно с В. Н. Садовским и Э. Г. Юдиным, создает меж-

* Эта монография готовилась к изданию в 1968 г., но набор был рассыпан, и полноценная публикация была осуществлена только через четверть века [5]. Вдова Щедровицкого и Пископпель объясняют это нижеописанной ситуацией с подписанием «письма 170-ти»; сын Щедровицкого — вмешательством идеолога психологизации педагогики А. Н. Леонтьева.

дисциплинарный семинар по структурно-системным методам анализа в науке и технике (ставший второй крупной открытой «площадкой» для ММК), которым фактически руководит до 1976 г. В 1964 г. вышла его работа «Проблемы методологии системных исследований», где был впервые опубликован проект методологии как самостоятельной дисциплины и предложен аппарат системного анализа, который впоследствии стал называться «первой категорией системы». Со второй половины 1960-х гг. (во многом в связи с работами в области проектирования) системно-структурная методология Г. П. Щедровицкого существенно изменяется и усложняется — разрабатывается так называемая «вторая категория системы».

В эти годы складывается разветвленная система методологических семинаров, руководимых Г. П. Щедровицким, куда входят как открытые семинары, куда может прийти любой, узнавший об их существовании, так и «малые» семинары, проходящие на квартире Щедровицкого, где по вечерам обсуждаются наиболее сложные и тонкие идеи нарождавшейся методологии. Постепенно свои собственные «малые» семинары создают и некоторые из учеников Щедровицкого. В то же время Г. П. Щедровицкий не упускает возможности вынести свои идеи на широкое обсуждение, он и его последователи регулярно выступают на всесоюзных конференциях — по психолого-педагогической тематике, по логике и методологии науки, по системному подходу. Участие в конференциях в какой-то мере дает и возможность публикаций — основные идеи этой поры впервые были опубликованы в виде тезисов.

В 1964 г. Щедровицкий успешно защищает кандидатскую диссертацию по философии на тему «Языковое мышление и методы его исследования», работу над которой он начал сразу после окончания университета.

Во ВНИИ технической эстетики Государственного комитета по науке и технике СССР (август 1965 — март 1969 г.) Щедровицкий в должности старшего научного сотрудника руководит группой методологии дизайна, разрабатывающей базовые понятия теории деятельности, исследующей особенности проектного мышления и проектной деятельности, развивающей методы исторического и историко-критического анализа.

Одновременно делается попытка перенести представления о сфере деятельности, разработанные на материале дизайна (и, ранее, педагогики), в область лингвистики. Вместе с тем разрабатываются и углубляются социологические подходы в изучении деятельности и мышления, на передний план все больше

выходят проблемы организации, руководства и управления. Начинаются исследования научно-технических движений: ди-зайнерского, системного, кибернетического, организационно-управленческого.

Достижения этого периода в какой-то мере удалось опубликовать, хотя и со значительным опозданием. В 1975 г. в Строй-издате под редакцией Б. В. Сазонова вышел сборник статей участников методологического семинара «Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология)» [9]. Статья Г. П. Щедровицкого из этого сборника на долгое время стала наиболее полным и развернутым (из опубликованного) изложением идей методологии и системодейтельного подхода.

В 1968 г. Щедровицкий ставит свою подпись под так называемым «письмом 170-ти» в защиту А. И. Гинзбурга и Ю. Т. Галанскова, и его исключают из КПСС (куда он вступил в 1956 г.) «за действия, использованные во вред партии и страны» [1]. В следующем году перепечатанный «Литературной газетой» отрывок из его выступления о том, что до формирования социологией своего научного предмета проводимые конкретные социологические исследования нельзя рассматривать как научно обоснованные [15], подвергается осуждению в «Реплике» заместителя главного редактора «Правды» В. Г. Афанасьева, после чего в марте 1969 г. Щедровицкого увольняют из ВНИИТЭ.

С апреля 1969 по октябрь 1974 г. он работает методистом, а затем руководителем учебно-методической лаборатории Центральной учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР.

В этот период Щедровицкий продолжает разработку проблем семиотики и теории понимания (герменевтики), исследования особенностей проектного, планирующего и программирующего мышления, занимается анализом перспектив развития методологического мышления и методологии, специфических форм методик и методической работы, продолжает разработку системно-структурной методологии. Тогда же осуществляются интенсивные разработки основ общей теории деятельности, процессов рефлексии и их роли в развитии деятельности, начинается более детализированный анализ процессов коммуникации. В конце 1960-х гг. он уделяет большое внимание методологии социологии и перспективам ее развития (эти работы остаются неопубликованными).

В октябре 1974 г. Щедровицкий переходит в Московский областной государственный институт физической культуры

(МОГИФК) старшим преподавателем кафедры педагогических дисциплин. Он читает лекции по педагогике и истории педагогики, введению в специальность, ведет курсы по методологии научно-педагогических исследований в сфере спорта и методологии проектирования систем спортивной подготовки, а также спецкурсы по социально-психологической структуре спортивных коллективов и команд. С 1977 г. он организует исследования по теме «Методические рекомендации по проектированию годичного цикла подготовки (содержание и модели организации учебных занятий с тренерами олимпийского резерва)».

В 1974 г. с приближением Московской олимпиады Щедровицкий становится членом Научного совета Спорткомитета СССР и руководителем Комиссии структуросистемных исследований и разработок в сфере физкультуры и спорта, прошедшей за три года пять всесоюзных совещаний по проблемам системодейтельного анализа физкультуры и спорта. В те же годы он руководит (совместно с Л. Н. Ждановым) научно-методологическим семинаром по проблемам физкультуры и спорта в МОГИФКе (с 1976) и реализацией комплексной научно-методологической программы исследований производственной практики и практической подготовки студентов (с 1979), организованной Минвузом СССР.

В этот период основными предметами исследований становятся формы организации коллективного мышления и деятельности, организационная и социально-психологическая структура коллективов, коммуникация в группах и в коллективе, междисциплинарные связи. Основные тексты («Об основных аспектах социологического исследования физкультуры и спорта как сферы деятельности» (1977), «Об основных проблемах и направлениях научно-методологических исследований в сфере спорта» (1977), «Комплексная организация научно-исследовательских работ как социотехническая система» (1979) и др.) остаются неопубликованными.

В 1980—1983 гг. Щедровицкий работает старшим научным сотрудником в отделе психологии НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (НИИОПП) и руководит исследовательской программой «Анализ техники решения сложных проблем и задач в условиях неполной информации и коллективного действия», совместно реализуемой НИИОПП и МОГИФК.

В эти годы была разработана новая форма организации коллективного мышления и деятельности, направленная на реше-

ние сложных междисциплинарных, производственных, научно-технических и оргуправленческих проблем, которая получила название организационно-деятельностных игр (ОДИ). Первая организационно-деятельностная игра была проведена в 1979 г. по заказу Уральского филиала ВНИИТЭ. С 1979 по 1991 г. Щедровицкий провел свыше 90 ОДИ, послуживших материалом и средством дальнейших разработок в области мышления, деятельности, понимания и рефлексии. (Так, в 1983 г. Георгий Петрович с группой соавторов в рамках темы «Перспективы и пути автоматизации систем мышледеятельности» подготовил следующие работы: «Ситуационный анализ и анализ ситуаций», «Схемы в мышлении и знаки в коммуникации», «Работа со схемами в организационно-деятельностных играх», остающиеся неопубликованными.)

Уже в конце 1970-х гг. он возвращается к обсуждению проблемы мышления. Значимым событием становится здесь сделанный им на Комиссии по психологии мышления и логике доклад о проблемах построения теории мышления (не опубликован). Следующий шаг в развитии этих идей он делает в связи с разработкой идеи мышледеятельности, где стремится показать сущностную связь мышления, деятельности, понимания и рефлексии. Другой темой его размышлений в 1980-е гг. становится идея развития, его условий и механизмов (во многом организационно-деятельностные игры можно рассматривать как экспериментальное исследование этого круга вопросов). Вместе с этим продолжается разработка новых методов мышления, большое внимание Щедровицкий уделяет онтологическому мышлению.

В декабре 1983 г. в связи с решением Президиума АПН о закрытии всех исследований, связанных с психологией оргуправленческой деятельности, он переходит в ЦНИИпроект Госстроя СССР — в отдел методологии и теории инженерных изысканий, который в 1986 г. был передан (в процессе реорганизации) в Производственный и научно-исследовательский институт по инженерным изысканиям и строительству Госстроя СССР (ПНИИИИС). Одновременно Георгий Петрович ведет межвузовский семинар по системному подходу в геологии в МИНХ и ГП им. И. М. Губкина.

Покинув ПНИИИИС и полгода проработав в НИИ экономики и управления АПН СССР, с декабря 1988 по апрель 1992 г. Щедровицкий заведовал лабораторией организации проектно-строительного дела Всесоюзного НИИ теории архитектуры и градостроительства (ВНИИТАГ).

Изменившаяся во второй половине 1980-х гг. общественно-политическая обстановка способствовала организационному оформлению методологического и игрового (ОДИ) движений, сложившихся вокруг ММК. В 1988 г. организуется возглавляемый Щедровицким комитет по системомыследеятельностной методологии и ОДИ при Правлении Союза научных и инженерных обществ СССР, с 1989 г. по его инициативе проводятся всесоюзные совещания (съезды) методологов и игротехников, а в 1991 г. начинает выходить журнала «Вопросы методологии», главным редактором которого становится Г. П. Щедровицкий

В 1991 г. Щедровицкий становится руководителем созданной им совместно с участниками его игротехнической команды Сети методологических лабораторий по проектированию содержания для системы образования с университетским центром, а в 1992 г. переходит из ВНИИТАГ в один из созданных в рамках работы Сети вузов — Международную академию бизнеса и банковского дела (Тольятти), ставшую последним местом его работы.

Скончался Г. П. Щедровицкий в 1994 г. в Болшево.

* * *

Г. П. Щедровицкий остается одним из наиболее широко издаваемых отечественных мыслителей: за прошедшие с его кончины годы опубликовано более двадцати книг, отчасти воспроизводящие прижизненные публикации, но в основном представляющие ранее неизвестные широкому кругу тексты, а также стенограммы докладов, лекций и выступлений Щедровицкого.

Начиная с 1995 г. проводятся ежегодные Чтения памяти Г. П. Щедровицкого.

Литература

1. Внесудебные политические репрессии 1968 года // Хроника текущих событий. Вып. 2 (30 июня 1968 г.).
2. Давыдова Г. А. Биография Г. П. Щедровицкого // <http://www.fondgp.ru/gp/bio>, <http://www.fondgp.org/gp/biography/>
3. Московский методологический кружок в лицах. Вып. 1 М., 2006.
4. Московский методологический кружок в лицах. Вып. 1. М., 2006.
5. Московский методологический кружок в лицах. Вып. 1. М., 2006.

6. Педагогика и логика. М., 1992.
7. Пископпель А. А. К творческой биографии Г. П. Щедровицкого // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
8. Пископпель А. А. Г. П. Щедровицкий — подвижник и мыслитель // Познающее мышление и социальное действие / Под ред. Н. И. Кузнецовой. М., 2004.
9. Познающее мышление и социальное действие / Под ред. Н. И. Кузнецовой. М., 2004.
10. Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975.
11. Хромченко М. С. Диалектические станковисты. М., 2004.
12. Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. М., 2001.
13. Щедровицкий Г. П. «Языковое мышление» и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 56–68.
14. Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г. О возможных путях исследования мышления как деятельности // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 3. С. 41–46.
15. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Знание, 1964.
16. Щедровицкий Г. П. Данные науки или самообман? // Литературная газета. 1969. 5 февраля.

Приложение. Участие Г. П. Щедровицкого в конференциях
(симпозиумах, совещаниях и пр.) в 1970–1979 гг.

Дата	Мероприятие	Доклад, Тезисы
Уточнения по документам		
1970		
00*	III Всесоюзный симпозиум по психолингвистике. Москва	Тезисы «К эмпирическому анализу текстов, связанных с явлением “понимания текста”» в соавторстве с С. Г. Якобсон
00	Всесоюзное совещание по актуальным проблемам лексикографии. Минск	Тезисы «О методе анализа исторических изменений системы значения слова» в соавторстве с В. М. Розиным
00	Конференция «Актуальные проблемы семиотики». Тбилиси	Тезисы «О соотношении понимания и объективных методов в анализе знака» Тезисы «Знания как компоненты знака»
Февраль	Расширенное заседание секции Ученого совета Института востоковедения. Москва	Тезисы «Значения как конструктивные компоненты знака» Тезисы «Знания как компоненты знака» Тезисы «Понимание как компонента знака»

* Так мы обозначаем невозможность в данный момент указать такую дату. — *Примеч. ред.*

3–7 мая	3-я межвузовская конференция «Актуальные проблемы лексикологии». Новосибирск	Тезисы «Методологические замечания к проблеме существования термина». Доклад «Цели и продукты терминологической работы (Методологические заметки о процессах становления сферы терминологической деятельности)»
Июнь	Лингвистическая конференция «Актуальные проблемы лексикологии». Томск	Доклад «О типах знаний, получаемых при описании сложного объекта, объединяющего “парадигматику” и “синтагматику”»
22–24 июня	IV Всесоюзный съезд Общества психологов. Тбилиси. Симпозиум «Сознание и деятельность»	Доклад «Проблема соотношения логических и психологических исследований мышления в истории советской психологии» Выступление «Структура “задачи” и основания классификации задач» Тезисы «Деятельность и понятие деятельности» Тезисы «Понятие деятельности и изучение деятельности»
24 августа	XIII Международный конгресс по истории науки. Секция «История системного подхода и Общей теории систем»	Доклад «Два понятия системы». Выступление «В каком смысле можно говорить о существовании “системы”»
16–19 ноября	Симпозиум «Методологические и теоретические проблемы автоматизации проектирования»	Тезисы «Автоматизация проектирования»
Ноябрь	Симпозиум по методологии науки	Доклад «Историко-научные исследования и логические представления»

1971		
Дата	Мероприятие	Доклад, Тезисы
Уточнения по документам		
Май	Семинар «Теория задач и способов их решения». Киев	Доклад. «О формах существования “проблемы” и “задачи” в деятельности»
Июнь	4-й Всесоюзный симпозиум по психолингвистике	Доклад «Смыслы и значения знаковых выражений как материал мыслительной деятельности»
24–26 октября	Конференция «Соотношение естественных и искусственных языков». Киев	Доклад «Естественное и искусственное в развитии и функционировании знаковых систем». Выступление «Смысл и содержание “семантических языков” в лингвистике»
Октябрь	Конгресс в Болгарии	Тезисы «Историко-научные исследования и логические представления»
1972		
00	Конференция «Проблемы лексикологии». Минск	Доклад «Структура знака: смыслы и значения»
00	Всесоюзный симпозиум «Мышление и общение». Алма-Ата	Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание» в соавторстве с С. Г. Якобсон. Доклад «Системно-структурный подход в анализе и описании эволюции мышления»
17 мая	Конференция «Лингвистика текста». Москва	Тезисы «Логика и лингвистика текста»

22 июня	Институт истории естествознания и техники АН СССР	Доклад «Методология и наука»
Октябрь	Конгресс в Болгарии	Тезисы «Историко-научные исследования и логические представления»
Ноябрь	Конференция «Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки». Москва	Тезисы «Ареальные и генетические отношения в речи-языке с точки зрения многих знаний» в соавторстве с Н. И. Кузнецовой. Тезисы «Генетические отношения и исторические связи в контексте сравнительно-исторической концепции»
18 декабря	Конференция. Киев	Доклад. «“Естественное” и “искусственное” в разработке СОИ»
1973		
Апрель	Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн (ИЗМИРР) РАН	Доклад «Об одном направлении в современной методологии»
18 апреля	Совещание. Херсон	Анализ деятельности тренера
22–24 мая	Всесоюзная научная конференция в ЦНИПИАСС «Автоматизация проектирования как комплексная проблема совершенствования проектного дела в стране»	Доклад «Проблема объекта в системном проектировании» в соавторстве с В. Я. Дубровским
31 мая	Межинститутская методологическая конференция молодых ученых и специалистов. Обнинск	Доклад. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии

Дата	Мероприятие	Доклад, Тезисы
Уточнения по документам		
Май	Семинар тренеров на базе ЦС профсоюзов. Подольск	Доклад
28 июня	Институт механики и математики Уральского центра АН СССР	Доклад «Методология и логика»
Сентябрь	Совещание КГУ. Калинин	Лекции. Методологический подход в программировании новых исследований речи-языка
18 ноября	Семинар по методике. Малаховка	Сообщение «Методическая работа и методика в системе научно-проектных разработок»
25 ноября – 1 декабря	Всемирный научный симпозиум «Спорт в современном обществе»	Тезисы «Типы взаимоотношений тренера и спортсмена»
9–11 декабря	Семинар по методике «Методология спорта». Подольск	Доклад «Основные направления исследования методики и методической работы». Три выступления на совещании
1974		
17–20 марта	«Проектирование и организация систем деятельности». Подольск «Проектирование и исследование». Подольск.	Тема Проектирование спортивной подготовки Доклад «Понятия “искусственное” и “естественное”»
8 февраль	Комиссия по методологии системных разработок Научного Совета Спорткомитета СССР	Доклад «Перспективы развития системно-структурной методологии в сфере физкультуры и спорта»

00	Конференция Одесского политехнического института «О соотношении инженерного и естественно-научного мышления»	Анализ системного движения и анализ развития системного мышления
20 июня	Союз художников СССР	Лекция для преподавателей «Проблемы обучения и воспитания»
Октябрь	Семинар тренеров ДСО профсоюзов. Херсон	Исследования и анализ деятельности тренеров
00	Московское отделение Общества психологов. Секция методология спорта	Выступление
1975		
15–19 марта	Совещание «Проектирование систем деятельности. Программа исследований». Подольск	Доклад «Типологический метод и системно-структурное исследование объекта»
00	«Системная организация сфер деятельности». Подольск	Доклад
Апрель	Семинар, посвященный памяти Э. Г. Юдина	Доклад. «Проблемы методологии типологий и типологических исследований»
Май	7-й Симпозиум по логике и методологии науки	Тезисы. «Методология и наука»
Июль	Семинар-школа. Новоуткинск	Доклад «Пространство и время»
Ноябрь	Всесоюзная конференция по синтаксической семантике	Тезисы
1 ноября	«Художники предлагают городу». Выставка работ межреспубликанского семинара промышленного и оформительского искусства Центральной учебно-экспериментальной студии СХ СССР	Выступления

Дата	Мероприятие	Доклад, Тезисы
Уточнения по документам		
26 января	Семинар по методологии и теории спорта	Доклад «Социальные аспекты физкультуры и спорта» Доклад «Системные методы в организации и управлении сферой физкультуры и спорта»
1976		
Март	Совещание «Взаимосвязь исследования и проектирования при организации систем деятельности». Подольск	«Проектирование и исследование в организации систем деятельности»
7–8 июня	III Всесоюзный симпозиум «Семантические вопросы искусственного интеллекта». Киев	Доклад «Связь естественного и искусственного как основной принцип исследования интеллектуальной деятельности». Доклад «Понимание, рефлексия и мышление»
27 июня– 2 июля	V Всесоюзный Съезд Общества психологов «Проблема деятельности в советской психологии»	Тезисы «К характеристике категориальных определений деятельности»
29 октября, 6 и 13 ноября	Комиссия по психологии мышления и логике (НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР)	Доклады «Рефлексия, понимание и мышление в групповой интеллектуальной деятельности»
30 ноября– 1 декабря	Симпозиум «Логика научного поиска». Свердловск	Тезисы «Проблематизация и проблемы в процессах программирования решения задач» в соавторстве с П. Г. Щедровицким

1977		
00	5-й съезд Общества психологов	Тезисы «К характеристике категориальных определений деятельности»
00	Конференция «Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук». М. - Обнинск	Тезисы «Методологический подход как средство объединения знаний из разных научных предметов»
26 января	Семинар по методологии и теории спорта	Доклад «Об основных аспектах социологического исследования физкультуры и спорта как сферы деятельности (методологический анализ)»
20–23 февраля	Симпозиум «Системные методы в организации и управления физкультурой и спортом». Тарту – Кяэрику	Доклад «Принципы построения программ научных исследований и разработок в области организации и управления физкультурой и спортом»
2 марта	Проектирование и исследование в организации систем деятельности. Подольск	Доклад «Массовый и большой спорт»
26–30 апреля	Школа-семинар «Психологические проблемы построения системы “Человек-ЭВМ” и подготовка пользователей ЭВМ». Киев – Симферополь	Доклад «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем
17–20 мая	Юбилейная научная сессия лингвистического кружка Калининского гос. университета, посвященная 60-летию Октябрьской соц. революции	Доклад «Методические проблемы изучения языка-речи как деятельности»

Дата	Мероприятие	Доклад, Тезисы
Уточнения по документам		
7–10 июня	Всесоюзный симпозиум «Семантические вопросы искусственного интеллекта». Киев	Доклад «Доклад «Понимание, рефлексия и мышление» Связь «искусственного» и «естественного» как основной принцип семантических исследований
7 июня	III симпозиум по проблемам искусственного интеллекта. «Соотношение естественных и искусственных языков». Киев	Доклад «Понимание, рефлексия и мышление в процессах коммуникации»
10–14 октября	Семинар тренеров ДСО профсоюзов. Звенигород	Доклад
21 октября	Методологический семинар по теории физкультуры и спорта. МОГИФК	Доклад «Методологические проблемы исследования профессиональной деятельности и социокультурных функций тренера»
30 ноября — 1 декабря	Симпозиум «Логика научного поиска». Свердловск	Тезисы «Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач». Доклад «Стратегии научного поиска»
00	Совещание «Проблемы общего языкознания». Пятигорск	Доклад

1978		
Январь	«Программирование системы тренировки, соревнований и восстановления в спорте» Николаев	Доклад «Об основных проблемах и направлениях научно-методологических исследований в сфере спорта»
Март	Конференция «Человек и деятельность в социально-психологических исследованиях». Стайки	Анализ деятельности и анализ человека в спортивно-психологических исследованиях
Март	Совещание «Структура организационно-управленческой деятельности в сфере физкультуры и спорта». Подольск	Доклад
5 апреля	Конференции «Комплексная оценка эффективности спортивной тренировки». Алушта	Тезисы. Об основных проблемах и направлениях научно-методологических исследований в сфере спорта. Тезисы «Анализ деятельности тренера — важнейшее направление исследований в сфере олимпийского спорта»
Май	1-й симпозиум по нормативно-деятельностным предметам	Доклад
25 мая	Теоретический клуб. Дом архитекторов	Выступление
3 июля	Семинар-школа «Дизайнерское движение и перспективы его развития». Новоуткинск	Доклад
11 сентября	Семинар в Российском педагогическом обществе	Доклад «Смысл и технология онтологической работы»

Дата	Мероприятие	Доклад, Тезисы
Уточнения по документам		
Сентябрь	Всесоюзный симпозиум «Основы и методы спортивной ориентации и отбора в отдельных видах спорта». Дилижан	Тезисы «Некоторые актуальные социально-организационные вопросы спортивного отбора»
Сентябрь	Конференция «Грамматика правил и норм». Пятигорск	Доклад «Стоики и Александрийская школа»
10–14 октября	Разработка методических рекомендаций по проектированию годичного цикла спортивной подготовки	Доклады: «Становление и организационное оформление сферы большого спорта». «Становление профессии тренера». «Две основные проекции работы тренера: профессиональная деятельность и профессиональное мышление». «О развитии деятельности инвентаризации средств и проектировании годичного цикла подготовки»
Ноябрь – декабрь	Средства и методы структурно-функционального и системного управления в сфере физкультуры и спорта. Подольск	Доклад, выступления
1–14 декабря	Конференция по лингвистическим проблемам искусственного интеллекта. Ленинград Совещание «Производственная практика». Горький	Выступление Тезисы. «Анализ и проектирование студенческой практики как особой формы связи учебной и производственной деятельности»

1—14 декабря	Научный совет Спорткомитета СССР, Комиссия по методологии системно-структурных разработок семинар секции психологии спорта «Цели и задачи психологических исследований в сфере физкультуры и спорта: организационно-деятельностный подход»	Доклад «Современное состояние, основные проблемы и перспективы развития психологии спорта»
22.12—30.12	Конференция «Подход»	О понятии «Подход»
1979		
00	Конференция «Психологическая подготовленность спортсменов высокого класса»	Доклад. «О программе построения психологии спорта»
00	Всесоюзный симпозиум «Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы». Свердловск	Доклады «Комплексная организация научно-исследовательских работ как социотехническая система». «Методологическая организация мышления и деятельности как условие и средство комплексной организации НИР» в соавторстве с С. Б. Поливановой
29 января — 3 февраля	Рабочее совещание «Средства и методы нормативного анализа профессиональной и учебной деятельности». Горький	Доклад «Нормативное описание и анализ ситуаций»
1 марта	Семинар «Машинное обнаружение закономерностей» (МОЗ-2) Рига	Доклад «“Естественное” и “искусственное” в выявлении законов и закономерностей»
12 июня	Симпозиум по проблемам искусственного интеллекта. Киев	Доклад «Нормативно-деятельностный подход в исследовании интеллектуальных процессов»

Дата	Мероприятие	Доклад, Тезисы
Уточнения по документам		
17 июня	3-я Научно-практическая конференция. МОГИФК	Доклад «Курсовая работа как форма учебных занятий в институте физкультуры»
3–7 июля	Семинар-школа «Дизайнерское движение и перспективы его развития». Новая Утка	Пять докладов
8 июля	Семинар в Российском педагогическом обществе «Методология и методы научного анализа педагогической деятельности по физическому воспитанию молодежи»	Доклад
29 октября – 2 ноября	Симпозиум «Развитие эргономики в системе дизайна»	«О двух подходах в разработке теории деятельности — исторические и методологические заметки»
16 ноября	Семинар ЦСПО	Сообщение «О понятии “борьба”. Схемы описания борьбы. Принцип “сцепления”»
15, 24, 27, 29 декабря	Совещание «Современное состояние и перспективы развития исследований мыслительной деятельности по решению задач»	Вступительное слово. Выступление о концепции П. Я. Гальперина. Заключительное выступление
Декабрь	Симпозиум «Интенциональные логики»	Выступление
Декабрь	Российское педагогическое общество. Секция психологии спорта. Семинар по методологии и теории спорта	Цели и задачи психологических исследований в сфере физкультуры и спорта: организационно-деятельностный подход

Библиография работ Г. П. Щедровицкого

Книги Г. П. Щедровицкого

1. Избранные труды. М.: Шк. культ. Полит., 1995 [Избранные труды]*.
2. Философия. Наука. Методология. М.: Шк. культ. полит., 1997 [Философия. Наука. Методология].
3. Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001.
4. На досках: Публичные лекции по философии (1989 г.). М.: Шк. культ. полит., 2004 [На досках].
5. Программирование научных исследований и разработок // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 1. М.: Путь, 1999 [Из архива. Т. 1].
6. Психология и методология // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 2. Вып. 1. М.: Путь, 2004 [Из архива. Т. 2 (1)].
7. Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах. Курс лекций // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 3. М.: Путь, 1999 [Из архива. Т. 3].
8. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций) // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 4. М.: Путь, 2000 (2003 — 2-е изд.) [Из архива. Т. 4].
9. Методология и философия оргуправленческой деятельности: основные понятия и принципы // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 5. М.: Путь, 2003 [Из архива. Т. 5].
10. Процессы и структуры в мышлении (курс лекций) // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 6. М.: Путь, 2003 [Из архива. Т. 6].

* Здесь и далее в квадратных скобках дается сокращенное название книги, которое используется далее в библиографическом описании конкретных работ.

11. Проблемы логики научного исследования // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 7. М.: Путь, 2004 [Из архива. Т. 7].

12. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 8. Вып. 1. М.: Путь, 2004 [Из архива. Т. 8 (1)].

13. Организационно-деятельностная игра: Сборник текстов // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 9 (1). М.: Наследие ММК, 2004 [Из архива. Т. 9 (1)].

14. Организационно-деятельностная игра: Сборник текстов // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 9 (2). М.: Наследие ММК, 2005 [Из архива. Т. 9 (2)].

15. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005 [Мышление. Понимание. Рефлексия].

16. О методе исследования мышления. М.: ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006 [О методе...].

17. Знак и деятельность. Кн. I. Структура знака: смыслы, значения, знания. М.: Вост. лит., 2005 [Знак и деятельность. Кн. I].

18. Знак и деятельность. Кн. II. Понимание и мышление. Смысл и содержание: 7 лекций 1972 г. М.: Вост. лит., 2006 [Знак и деятельность. Кн. II].

19. Знак и деятельность. Кн. III: Методологический подход в языковедении: 11 лекций 1972–1979 гг. М.: ННФ им. Г. П. Щедровицкого, 2007 [Знак и деятельность. Кн. III].

Сборники, включающие работы Г. П. Щедровицкого и других участников ММК

1. Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М.: АН СССР, 1965 [Проблемы исследования систем и структур].

2. Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников. М.: Просвещение, 1965.

3. Психология и педагогика игры дошкольника. М., 1966.

4. Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966.

5. Семиотика и восточные языки. М.: Гл. ред. вост. лит.-ры изд-ва «Наука», 1967 [Семиотика и восточные языки].

6. Проблемы исследования структуры науки (материалы к симпозиуму). Новосибирск, 1967 [Проблемы исследования структуры науки].

7. Теоретические и методологические исследования в дизайне. Избранные материалы. Ч. I–II. Труды ВНИИТЭ. Избранные труды. Техническая эстетика. Вып. 61. М., 1990 (2-е издание — М.: Шк. культ. полит., 2004) [Теория дизайна].

8. Педагогика и логика. М.: Касталь, 1993 (1968) [Педагогика и логика].

9. Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М.: Стройиздат, 1975 [Разработка и внедрение...].

10. Программа разработки методики проектирования. Концепция системного проектирования // *Анналы ММК* (1971). М.: Наследие ММК, 2007.

11. ОДИ-1 [1979] // *Организационно-деятельностные игры*. М.: Наследие ММК, 2006.

12. Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли). М.: Ф.А.С.-медиа, 2004 [Познающее мышление].

13. Методология: вчера, сегодня, завтра. Т. I–III. М.: Шк. культ. полит., 2005 [Методология. Т. I–III].

14. Чтения памяти Г. П. Щедровицкого 2002–2003 гг. (доклады и дискуссии). М.: Шк. культ. полит., 2004 [Чтения 2002–2003].

15. Чтения памяти Г. П. Щедровицкого 2004–2005 гг. (доклады и дискуссии). М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006 [Чтения 2004–2005].

16. Чтения памяти Г. П. Щедровицкого 2006–2007 гг. (доклады и дискуссии). М.: ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2008 [Чтения 2006–2007].

*Хронологический указатель опубликованных работ Г. П. Щедровицкого**

1954

1. Современная наука и задачи развития логики // *Философия. Наука. Методология*.

1957

2. «Языковое мышление» и его анализ // *Вопросы языкознания*. 1957. № 1 [см. также *Избранные труды*].

3. О возможных путях исследования мышления как деятельности [в соавторстве с Н. Г. Алексеевым] // *Доклады АПН РСФСР*. 1957. № 3.

4. Опыт логического анализа рассуждений («Аристарх Самосский») // *Философия. Наука. Методология* [см. также под заголовком «Опыт анализа отдельного текста, содержащего решение математической задачи» в: *О методе...*].

1958

5. О некоторых моментах в развитии понятий // *Вопросы философии*. 1958. № 6 [см. также *Избранные труды*].

* Работы перечислены в соответствии с годом их создания (по данным описи Архива Г. П. Щедровицкого) или прижизненной публикации. Переиздания даются в квадратных скобках.

6. О строении атрибутивного знания. Сообщения I–VI // Доклады АПН РСФСР. 1958. № 1, 4; 1959. № 1, 2, 4; 1960. № 6 [см. также Избранные труды].

1959

7. О некоторых принципах генетического исследования мышления [в соавторстве с И. С. Ладенко] // Тезисы докладов на I съезде Общества психологов. Вып. 1. М., 1959.

8. Логика и методология науки // Философия. Наука. Методология.

1960

9. К анализу процессов решения задач // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 5 [см. также Избранные труды].

10. Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований [в соавторстве с Н. Г. Алексеевым, В. А. Костеловским] Сообщения I–IV // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 2, 4; 1961. № 4, 5 [см. также Избранные труды].

1961

11. О взаимоотношении формальной логики и неопозитивистской «логики науки» // Диалектический материализм и современный позитивизм: Тезисы докладов и выступлений межвузовской научной конференции. М., 1961.

12. Технология мышления // Известия. 1961. № 234.

1962

13. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Методология и логика наук. Ученые записки Томского университета. № 41. Томск, 1962 [см. также Избранные труды].

14. Усвоение мышления и проблемы творческой активности учащихся // О психологических особенностях творческой активности учащихся. Тезисы докладов на межвузовской конференции. М., 1962.

15. К анализу процессов решения простых арифметических задач [в соавторстве с С. Г. Яковсон]. Сообщения I–V // Доклады АПН РСФСР. 1962. № 2–6.

16. О системах воспроизведения «речи-языка» // Тезисы докладов межвузовской конференции на тему «Язык и речь». М., 1962.

17. Из истории ММК (1951–1962) // Из архива. Т. 8 (1).

1963

18. О месте логики в психолого-педагогических исследованиях // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 2. М., 1963.

19. Логико-психологический анализ способов решения простых арифметических задач [в соавторстве с С. Г. Яковсон] // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 2. М., 1963.

20. К методологии педагогического исследования игры // Доклады участников симпозиума по проблемам игры. М.: АПН РСФСР, Ин-т дошкольного воспитания, 1963.

21. Методологические замечания к проблеме происхождения языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1963. № 2 [см. также Избранные труды].

22. Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков // Сопровождение по типологии восточных языков. Тезисы докладов. М., 1963.

1964

23. О методе исследования мышления [Материалы к диссертации «“Языковое мышление” и методы его исследования»] // О методе...

24. «Языковое мышление» и методы его исследования. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964.

25. Проблемы методологии системного исследования // Г. П. Щедровицкий Проблемы методологии системного исследования. М.: Знание, 1964 [см. также Избранные труды; перевод на англ. см. № 207].

26. Игра и «детское общество» // Дошкольное воспитание. 1964. № 4 [см. также Избранные труды].

27. О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетической логики // Вопросы психологии. 1964. № 2 [см. также Избранные труды].

28. Сравнительный логико-психологический анализ способов решения арифметических задач [в соавторстве с С. Г. Якобсон] // Радянська школа. 1964. № 6.

29. Место логических и психологических методов в педагогической науке // Вопросы философии. 1964. № 7.

30. О необходимости типологических исследований в психологии и педагогике // Вопросы активизации мышления и творческой деятельности учащихся. Тезисы докладов на межвузовской конференции. М., 1964.

31. К характеристике критериев интеллектуального развития ребенка // Вопросы психологии. Тезисы докладов на республиканской психологической конференции. Киев, 1964.

32. О применении понятия управления в психологических и педагогических исследованиях [в соавторстве с Э. Г. Юдиным] // Вопросы активизации мышления и творческой деятельности учащихся. Тезисы докладов на межвузовской конференции. М., 1964.

33. Методология науки, логика, теория мышления // Философия. Наука. Методология.

1965

34. К анализу средств и процессов познания пространственной формы [в соавторстве с В. А. Костеловским]. Сообщения I–II // Новые исследования в педагогических науках. Вып. 4, 6. М., 1965.

35. К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании [в соавторстве с В. Н. Садовским]. Сообщения I–III // Новые исследования в педагогических науках. Вып. 4, 5, 6. М., 1965–1966 [см. также Избранные труды].

36. Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков // Лингвистическая типология и восточные языки. М.: Наука, 1965 [перевод на нем. см. № 216].

37. Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач // Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников. М.: Просвещение, 1965 [представляет собой переработанную и значительно дополненную работу № 15].

38. О принципах классификации наиболее абстрактных направлений методологии системно-структурных исследований // Проблемы исследования систем и структур.

39. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах [в соавторстве с В. А. Лефевром, Э. Г. Юдиным] // Проблемы исследования систем и структур [полностью см. в: Семиотика и восточные языки; Избранные труды].

40. Основные направления исследований по общим вопросам технической эстетики: Методологическая картина дизайна [в соавторстве с О. И. Генисаретским] // Теория дизайна.

41. Основные направления исследований по общим вопросам технической эстетики: Проблемы исследований [в соавторстве с О. И. Генисаретским] // Теория дизайна.

42. Процессы и структуры в мышлении (курс лекций) // Из архива. Т. 6.

43. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки // Из архива. Т. 7.

1966

44. Теория деятельности и ее проблемы // Философия. Наука. Методология.

45. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966 [см. также Избранные труды; перевод на англ. см. № 214].

46. Развитие детей и проблемы нравственного воспитания [в соавторстве с Р. Г. Надежиной] // Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966 [см. также Избранные труды].

47. Методологические замечания к педагогическому исследованию игры // Психология и педагогика игры дошкольника. М., 1966 [см. также Избранные труды].

48. Заметки о мышлении по схемам двойного знания // Материалы к симпозиуму по логике науки. Киев, 1966 [полностью под заголовком «Мышление по схемам многих знаний» см. также: Вопросы методологии. 1991. № 3; Методология. Т. I; Избранные труды].

49. «Естественное» и «искусственное» в развитии речи-языка // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию: Основные проблемы эволюции языка. Ч. 1. Самарканд, 1966.

50. К анализу исходных принципов и понятий формальной логики // Философские исследования. Труды Болгарской Академии наук. 1966 [перевод на англ. см. № 208].

51. О логическом смысле проблемы лингвистических универсалий // Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов. М., 1966.

52. О различных планах изучения моделей и моделирования // Метод моделирования в естествознании. Тарту, 1966 [см. также Избранные труды].

53. Педагогика и социология [в соавторстве с Э. Г. Юдиным]. Сообщение I // Новые исследования в педагогических науках. Вып. 7. М., 1966 [см. также Избранные труды].

54. Анализ связей управления в социальных структурах и деятельности [в соавторстве с В. А. Лефевром, Э. Г. Юдиным] [Место публикации не установлено]. 1966.

55. Методологические проблемы теории дизайна: Введение. Дизайн и его наука: «художественное конструирование» — сегодня, а что дальше? // Теория дизайна [см. также Избранные труды].

56. Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах // Из архива. Т. 3.

1967

57. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки.

58. О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки // Проблемы исследования структуры науки [см. также Избранные труды].

59. Что значит рассматривать язык как знаковую систему? // Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967 [см. также: Избранные труды; Знак и деятельность. Кн. I].

60. Научное исследование в системе «методологической работы» [в соавторстве с В. Я. Дубровским] // Проблемы исследования структуры науки.

61. Концепция лингвистической относительности Б. Л. Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления» [в соавторстве с В. М. Розиным] // Семиотика и восточные языки.

62. Дизайн в сфере проектирования. Методологическое исследование: Предисловие. Наука и методология науки дизайна // Теория дизайна.

63. Дизайн в сфере проектирования. Методологическое исследование: Глава IV. Деятельность проектирования и социальная система [в соавторстве с О. И. Генисаретским] // Теория дизайна.

64. Дизайн в сфере проектирования. Методологическое исследование: Глава V. Дизайнерское проектирование [в соавторстве с О. И. Генисаретским] // Теория дизайна.

1968

65. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика [см. также под заголовком «О системе

педагогических исследований (методологический анализ)» в: Оптимизация процессов обучения в высшей и средней школе. Душанбе, 1970].

66. Предисловие // Педагогика и логика.

67. К анализу структуры, оснований и метода эвристики // IV Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Материалы симпозиума. Тбилиси, 1968.

68. Модели новых фактов для логики // Вопросы философии. 1968. № 4.

69. Лингвистика, психоллингвистика, теория деятельности // Теория речевой деятельности. М., 1968 [см. также Избранные труды].

70. Заметки о понятиях «объект» и «предмет» (1968–1971) // Философия. Наука. Методология.

1969

71. Данные науки или самообман? // Литературная газета. 5.2.1969.

72. Проблема объекта в системном проектировании // Вторая Всесоюзная конференция по технической кибернетике. Тезисы докладов. М., 1969 [см. также Избранные труды].

73. Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969.

1970

74. Наброски к методологическому проекту теоретической модели понимания // Мышление. Понимание. Рефлексия.

75. Деятельность и знаки [фрагмент неопубликованной статьи «Методологические проблемы терминологической работы»] // Знак и деятельность. Кн. I.

76. К эмпирическому анализу явлений, связанных с «пониманием текста» [в соавторстве с С. Г. Якобсон] // Знак и деятельность. Кн. II.

1971

77. Значения как конструктивные компоненты знака // Вопросы семантики. Тезисы докладов М., 1971.

78. Понимание как компонента исследования знака // Вопросы семантики. Тезисы докладов М., 1971.

79. Человек и деятельность в инженерно-психологических исследованиях // Проблемы инженерной психологии. Вып. 1. М., 1971.

80. О типах знаний, получаемых при описании сложного объекта, объединяющего «парадигматику» и «синтагматику» // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады лингвистической конференции. Ч. 1. Томск, 1971.

81. «Логическое» и «лингвистическое» в знаках (к характеристике материала терминологической работы) // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. 1. М., 1971.

82. К проблеме существования терминов в тексте и в парадигматических системах // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. 2. М., 1971.

83. Значения и знания // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов. Ч. 2. Новосибирск, 1971.

84. Деятельность и понятие деятельности // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971.

85. Проблема соотношения логических и психологических исследований мышления в истории советской психологии // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971.

86. Историко-научные исследования и логическое представление науки // Философия. Наука. Методология.

87. Методологические замечания к проблеме существования термина // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов третьей лингвистической конференции. Новосибирск, 1971 [см. также Знак и деятельность. Кн. I].

88. Структура знака. Смыслы, значения, знания // Знак и деятельность. Кн. I.

1972

89. Цели и продукты терминологической работы (методологические заметки о процессах становления терминологической деятельности) // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972.

90. Рефлексия в деятельности // Вопросы методологии. 1994. № 3–4 [см. также Мышление. Понимание. Рефлексия; перевод фрагмента на фр. см. № 219].

91. Логико-эпистемологические и социально-психологические мотивы в современной методологии науки // Философия. Наука. Методология.

92. Понимание и мышление. Смысл и содержание // Знак и деятельность. Кн. II [см. также Мышление. Понимание. Рефлексия].

93. О направлениях и путях методологического исследования ситуаций и актов деятельности // Знак и деятельность. Кн. II.

94. «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем // Акмеология. 1996. № 2 [см. также Знак и деятельность. Кн. I.].

95. Заметки и работы 1972–1973 гг. // Знак и деятельность. Кн. II.

1973

96. Структура знака: смыслы и значения // Проблемы лексикологии. Минск, 1973 [перевод на нем. см. № 217].

97. Проблема объекта в системном проектировании [в соавторстве с В. Я. Дубровским] // Методология исследования проектной деятельности. Тезисы сообщений Всесоюзной научной конференции «Автоматизация проектирования как комплексная проблема совершенствования проектного дела в стране». Сб. 2. М., 1973.

98. О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей [в соавторстве с Р. Г. Надежиной] // Вопросы психологии. 1973. № 5 [см. также перевод на англ. № 212].

99. Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание» [в соавторстве с С. Г. Якобсон] // Мышление и общение. Материалы Всесоюзного симпозиума. Алма-Ата, 1973 [см. также: Избранные труды; Мышление. Понимание. Рефлексия].

100. Системно-структурный подход в анализе и описании эволюции мышления // Мышление и общение. Материалы Всесоюзного симпозиума. Алма-Ата, 1973 [см. также: Избранные труды; Мышление. Понимание. Рефлексия].

101. Методология и наука // Философия. Наука. Методология.

102. Современное состояние и перспективы разработки теории мышления // Мышление. Понимание. Рефлексия.

103. Логика и лингвистика текста // Знак и деятельность. Кн. I.

104. Текст и мышление // Знак и деятельность. Кн. II.

1974

105. Смысл и значение // Проблемы семантики. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1974 [см. также: Избранные труды; Мышление. Понимание. Рефлексия.].

106. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // Г. П. Щедровицкий. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии. Обнинск, 1974 [см. также Избранные труды].

107. Два понятия системы // Труды XIII Международного конгресса по истории науки и техники. Т. 1а. М., 1974 [см. также Избранные труды; перевод на англ. см. № 215].

108. Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследование рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974 [см. также фрагмент под заголовком «Рефлексия» в: Избранные труды; Мышление. Понимание. Рефлексия].

109. Логико-психологический анализ процедур и способов решения простых арифметических задач // Психолого-педагогические проблемы обучения и развития. Душанбе, 1974.

110. Общая концепция методики [в соавторстве с В. Я. Дубровским] // Теория дизайна.

111. Ареальные и генетические отношения в речи-языке с точки зрения схемы многих знаний [в соавторстве с Н. И. Кузнецовой] // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки (тезисы докладов). М., 1974.

112. Генетические отношения и исторические связи в контексте «сравнительно-исторической» концепции // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки (тезисы докладов). М., 1974.

113. Об одном направлении в современной методологии // Философия. Наука. Методология.

114. Проблемы профессионализации и социализации методологии // Из архива. Т. 8 (1).

115. Методологический подход в программировании новых исследований речи-языка // Знак и деятельность. Кн. III.

1975

116. Автоматизация проектирования и задачи развития проективной деятельности // Разработка и внедрение... [См. также Избранные труды; перевод на англ. см. № 210].

117. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение... [См. также Избранные труды].

118. Исходная идея метода восхождения от абстрактного к конкретному // Разработка и внедрение....

119. Категории «процесс—механизм» в контексте исследования развития // Разработка и внедрение....

120. Генетическое восхождение // Разработка и внедрение....

121. Проблема исторического развития мышления // Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности. Алма-Ата, 1975 [см. также Избранные труды; Мышление. Понимание. Рефлексия].

122. Эволюция программ исследования мышления в истории ММК // Мышление. Понимание. Рефлексия.

123. Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта // Системные исследования. Ежегодник 1975. М.: Наука, 1976 [см. также Мышление. Понимание. Рефлексия].

1976

124. Смысл и понимание // Вопросы психологии и методики обучения. Вып. 4. Межвузовский сборник. Горький, 1976 [см. также Мышление. Понимание. Рефлексия].

1977

125. К характеристике категориальных определений деятельности // Проблема деятельности в советской психологии: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Ч. 1. М., 1977.

126. Связь естественного и искусственного как основной принцип исследования интеллектуальной деятельности // Мышление. Понимание. Рефлексия.

127. Понимание, рефлексия и мышление // Мышление. Понимание. Рефлексия.

128. Рефлексия, понимание и мышление в групповой интеллектуальной деятельности // Мышление. Понимание. Рефлексия [см. также фрагменты под заголовком «Механизмы работы семинаров Московского методологического кружка» в: Вопросы методологии. 1998. № 1–2; Методология. Т. I; тот же фрагмент с сокращениями под заголовком «О работе семинаров ММК» в: Из архива. Т. 8 (1)].

129. Проблематизация и проблемы в процессах программирования решения задач [в соавторстве с П. Г. Щедровицким] // Логика научного поиска. Тезисы докладов. Свердловск, 1977.

130. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач // *Философия. Наука. Методология*.

131. Стратегия научного поиска // *Философия. Наука. Методология*.

132. Интеллект и коммуникация // *Вопросы философии*. 2004. № 3. 1978

133. Методологический подход как средство объединения знаний из разных научных предметов // *Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук. Тезисы докладов М.: Обнинск, 1978*.

134. Методологическая организация и деятельностный подход в языковедении (1978—1979) // *Знак и деятельность*. Кн. III.

1979

135. Методологическая организация мышления и деятельности как условие и средство комплексной организации НИР [в соавторстве с С. Б. Поливановой] // *Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы (Краткие тезисы к Всесоюзному симпозиуму)*. Ч. 2. Свердловск, 1979.

136. Комплексная организация научно-исследовательских работ как социотехническая система // *Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы (Краткие тезисы к Всесоюзному симпозиуму)*. Ч. 2. Свердловск, 1979.

137. Комплексная организация научно-исследовательских работ и особенности современной социокультурной ситуации [под псевдонимом Г. П. Давыдов] // *Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы (Краткие тезисы к Всесоюзному симпозиуму)*. Ч. 2. Свердловск, 1979.

138. Онтология и онтологическая работа // *Вопросы методологии*. 1996. № 3—4.

139. Проблемы организации исследований: от теоретико-мыслительной к оргдеятельностной методологии анализа // *Вопросы методологии*. 1996. № 3—4 [см. также: *Методология*. Том II; фрагмент под заголовком «Эволюция программ исследования мышления в ММК» см. в: *Мышление. Понимание. Рефлексия*].

140. Онтологические основания исследований мыслительной деятельности по решению задач и проблем: Предварительные методологические замечания о программах и программировании // *Вопросы методологии*. 1996. № 3—4.

141. Нормативно-деятельностный подход в исследовании интеллектуальных процессов // *Мышление. Понимание. Рефлексия*.

142. «Естественное» и «искусственное» в выявлении законов и закономерностей // *Акмеология*. 1996. № 2.

1980

143. Ситуация и условия возникновения концепции поэтапного формирования умственных действий // *Из архива*. Т. 2 (1).

144. Заметки об эпистемологических структурах онтологизации, объективации, реализации // Вопросы методологии. 1996. № 3–4 [см. также Мышление. Понимание. Рефлексия].

145. Эпистемологические структуры онтологизации, объективации // Вопросы методологии. 1996. № 3–4 [см. также Методология. Т. I].

146. Об историческом развитии форм организации мышления // Мышление. Понимание. Рефлексия.

147. О значении исследования коммуникации для развития представлений о мыследеятельности // Мышление. Понимание. Рефлексия.

148. Я всегда был идеалистом... [Интервью 1980–1981 гг.]. М.: Путь, 2001 [перевод фрагментов на фр. см. № 218].

149. Культуротехника и культурология с системомыследеятельностной точки зрения: проблемы и перспективы // Кентавр. 1999. Вып. 21. [Фрагмент]; [см. также фрагменты в: Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 10. М.: Рос. НИИ культ. и прир. наследия, 2004].

150. Понимание и мышление // Мышление. Понимание. Рефлексия [Под заголовком «Понимание и мышление (1)»].

1981

151. Понимание и мышление // Мышление. Понимание. Рефлексия. [Под заголовком «Понимание и мышление (2)»].

152. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1981. М.: Наука, 1981 [см. также Избранные труды; перевод на англ. см. № 211].

153. О двух способах структурно-системного представления объектов // Машинные методы обнаружения закономерностей. Рига, 1981.

154. Методологическая организация сферы психологии // Вопросы методологии. 1997. № 1–2.

155. Мыследеятельность, рефлексия и мышление // Мышление. Понимание. Рефлексия.

156. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология // Из архива. Т. 4.

157. Игра и игровые формы организации мыследеятельности с системомыследеятельностной точки зрения // Из архива. Т. 9 (1).

158. Организационно-деятельностная игра как форма коллективной мыследеятельности и метод ее развития и исследования // Из архива. Т. 9 (1).

159. Судьба «вторничного» семинара // Вопросы методологии. 1999. № 1–2 [см. также под заголовком «Судьба “вторника”» в: Методология. Т. I].

1982

160. Организационно-деятельностные игры как форма и метод развития коллективного мышления и деятельности // Из архива. Т. 9 (2).

161. Средства и методы конструктивно-нормативного представления деятельности и мышления // Мышление. Понимание. Рефлексия.

162. Коммуникация и процессы понимания: методологические проблемы организации, развития и познания // Мышление. Понимание. Рефлексия.

163. Организационно-деятельностные игры // Из архива. Т. 9 (1).

164. Организационно-деятельностная игра // Из архива. Т. 9 (2).

165. К истории развития представлений об игре и игровых формах организации коллективной мыследеятельности // Из архива. Т. 9 (2).

166. Оргдеятельностные игры // Из архива. Т. 9 (2).

167. Из заметок об ОДИ (1982–1986) // Из архива. Т. 9 (2).

1983

168. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыследеятельности // Методы исследования, диагностики и развития международных трудовых коллективов. М., 1983.

169. Системодеятельностный подход в анализе и оценке места и функций естественнонаучных картин мира в современном мировоззрении // Научная картина мира как компонент современного мировоззрения: Материалы симпозиума. М.: Обнинск, 1983.

170. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности [в соавторстве с С. И. Котельниковым] // Нововведения в организациях. Труды семинара ВНИИ системных исследований. М., 1983 [см. также: Избранные труды; Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 21: СМД методология в конфликтологии. М.: УРСС, 2004; перевод на англ. см. № 213; на финский — № 220].

171. Проблемы развития в ОДИ // Из архива. Т. 9 (2).

172. Из беседы с Ю. В. Буркиным об ОДИ-21 // Из архива. Т. 9 (2).

173. Схемы и знаки в мышлении и деятельности // Знак и деятельность. Кн. III.

1984

174. Категории сложности изыскательских работ // Из архива. Т. 1.

175. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективного мышления и деятельности // Из архива. Т. 9 (2).

176. Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М.: Наука, 1984 [см. также Избранные труды].

1985

177. Научные и практические вопросы создания проектов, эффективно реализуемых с точки зрения инженерных изысканий [в соавторстве с М. Т. Ойзерманом, М. В. Рацем] // Проблемы методологии и технологии инженерных изысканий. М., 1985.

178. Категории сложности изыскательских работ как объект исследований с системодеятельностной точки зрения [в соавторстве с

Е. Я. Наградовой] // Проблемы методологии и технологии инженерных изысканий. М., 1985.

179. Проблемы развития прикладной психологии и организационно-деятельностные игры // Из архива. Т. 9 (2).

180. Широкий круг попутчиков становится с каждым днем все больше... // Кентавр. 1992. № 3.

1986

181. Типология ситуаций проведения изысканий // Из архива. Т. 1.

182. Понимание и интерпретации схемы знания // Кентавр, Вып. 8. 1993. № 1 [см. также: Методология. Т. I; более полный вариант под заголовком «Схемы мыследеятельности и работа с ними» см. в: Мышление. Понимание. Рефлексия].

183. Системомыследеятельностные основания и условия психологических исследований [в соавторстве с Л. М. Карнозовой] // Развитие прикладных психологических исследований и разработок. Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции. М.: Общество психологов АН СССР: Красноярский ун-т, 1986.

184. Организационно-деятельностная игра как новая форма и метод активного обучения и воспитания в вузах и ИПК // Развитие прикладных психологических исследований и разработок. Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции. М.: Общество психологов АН СССР: Красноярский ун-т, 1986.

185. Позиционно-системные представления процессов развития мыследеятельности [в соавторстве с С. Б. Поливановой] // Развитие прикладных психологических исследований и разработок. Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции. М.: Общество психологов АН СССР: Красноярский ун-т, 1986.

186. Категории моносистемы и полисистемы в прикладных системных исследованиях [в соавторстве с Е. Я. Наградовой] // Системный подход в геологии (теоретические и прикладные аспекты): Тезисы докладов. II Всесоюзная конференция. Ч. 1. М., 1986.

187. Об основных направлениях прикладных системных исследований в геологии и геотехнике // Системный подход в геологии (теоретические и прикладные аспекты): Тезисы докладов. II Всесоюзная конференция. Ч. 1. М., 1986.

188. «Герменевтика»: проблемы исследования понимания // Вопросы методологии. 1992. № 1–2 [без указания автора]; [см. также Мышление. Понимание. Рефлексия].

189. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М.: Наука, 1987 [см. также Избранные труды; фрагмент в: Мышление. Понимание. Рефлексия; другой фрагмент под заголовком «Организационно-деятельностная игра как средство деструктурирования предметных форм и способ вы-

рацивания новых форм организации коллективной мыследеятельности» см. в: Из архива. Т. 9 (2)].

1987

190. Заметки // Кентавр. 2004. № 33.

191. «Поэтому я бы высказал следующий принцип...» // Кентавр. 1994. № 2.

192. Методологический подход как средство объединения знаний из разных научных предметов // Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук. Тезисы докладов и выступлений. Ч. I—II. М.: Обнинск, 1987.

1988

193. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы // Из архива. Т. 5.

194. История Московского методологического кружка // Альманах Гуманитарного семинара. Рига. 2006. № V, VI.

195. Философия, методология, наука // Философия. Наука. Методология.

1989

196. Анализ ситуации в игротехническом движении // Из архива. Т. 9 (2).

197. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Философия. Наука. Методология.

198. СМД-подход и основные проблемы науки и человека в XX веке // Из архива. Т. 8 (1) [см. также: фрагменты под заголовком «Философия у нас есть» в: Философия. Наука. Методология; в другой редакции см.: На Досках].

199. Будущее есть работа мышления и действия // Вопросы методологии. 1994. № 3—4 [см. также Методология. Т. I].

1990

200. Беседа с С. Поливановой // Кентавр. 1990. № 1 [см. также под заголовком «...Только на основе наших разработок» в: Методология. Том I].

201. Вступительное и заключительное слово на Втором Методологическом съезде // Кентавр. 1990. № 1.

1991

202. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // Вопросы методологии. 1991. № 2 [см. также: Избранные труды; Знание—сила. 2006. № 3].

203. «Народ может быть великим, лишь если он имеет и уважает свою интеллигенцию» // Радикал. 1991. № 7 [см. также: Журнал практического психолога. 2004. № 2].

204. Модели и моделирование в системах «человек—машина» // Вопросы методологии. 1991. № 2.

1992

205. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах // Вопросы методологии. 1992. № 1—2 [см. также Избранные труды].

1993

206. Сладкая диктатура мысли (1993) // Вопросы методологии.
1994. № 1–2.

Переводы

1. Methodological problems of system research // General Systems. 1966. Vol. XI. [Перевод работы № 25].

2. Concerning the analysis of initial principles and conceptions **of formal logic** // Systematics. Vol. 5. 1967. № 2. [Перевод работы № 49].

3. Configuration as a method of construction of complex knowledge // Systematics. Vol. 8. 1971. № 4 [На русском языке работа не публиковалась].

4. Problems in the development of planning activity // General Systems. Vol. XXII. 1977. [Перевод работы № 116].

5. Methodological organization of systems-structural research and development: principles and general framework // General Systems. Vol. XXVII. 1982. [Перевод работы № 152; см. также под заголовком «Methodological organization of systems-structural research and development: principles and general scheme» в: Systems Research, II. Methodological Problems. Pergamon Press, 1985].

6. Two types of leadership relations in children's group activity // Soviet Psychology. Vol. 26. Summer, 1988. [Перевод работы № 98].

7. Organisational activity games — a new way of organising and a method for developing collective thinking activity // Soviet Psychology. Vol. 26. Summer, 1988. [Перевод работы № 170].

8. Basic principles in analyzing instruction and development from the perspective of the theory of activity // Soviet Psychology. Vol. 26. Summer, 1988. [Перевод работы № 45].

9. Two Concepts of System // Proceedings of the 46th Annual Conference of the International Society for the Systems Sciences. Asilomar, CA, July, 2002. [Перевод работы № 107].

10. Methodologische Bemerkungen zum Problem einer typologischen Klassifikation der Sprachen // Linguistics. 1968. № 42. [Перевод работы № 36].

11. Die Struktur des Zeichens: Sinn und Bedeutung // Ideen des exakten Wissens. Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion. 1972. № 12. [Перевод работы № 96].

12. J'ai toujours été idéaliste... // S. Tabatchnikova Le cercle de méthodologie de Moscou (1954–1989): Une pensée, une pratique. P.: École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2007. [Перевод фрагментов работы № 148].

13. La réflexion dans le cadre de l'activité // S. Tabatchnikova Le cercle de méthodologie de Moscou (1954–1989): Une pensée, une pratique. P.: École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2007. [Перевод фрагментов работы № 90].

14. Organisaatio-toimintapeli — uusi tapa järjestää ja kehittää kollektiivista ajatustoimintaa // Yhteiskuntasuunnittelu. Helsinki, 1991. № 1. [Перевод работы № 170].

Библиография публикаций о Г. П. Щедровицком и Московском методологическом кружке*

1. Данилова В. Л. Анализ некоторых особенностей работ ММК в связи с перспективами развития инженерии // Проблемы организации и развития инженерной деятельности. Обнинск, 1990.

2. Мамардашвили М. «Начало всегда исторично, то есть случайно». Интервью // Вопросы методологии. 1991. № 1.

3. Щедровицкий П. Г. Проблема рефлексии в теории деятельности и СМД-методология // Вопросы методологии. 1991. № 2–3.

4. Щедровицкий П. Г. Программный подход в контексте системодейственной методологии // Программирование культурного развития: региональные аспекты. Вып. I. М.: НИИ Культуры, 1991.

5. Алексеев Н. Г. Стратегия разработок по использованию ОДИ в системе педагогического образования // Кентавр. 1992. № 2 (вып. 6).

6. Громыко Ю. В. Организационно-деятельностные игры и развитие образования. М., 1992.

7. Щедровицкий П. Г. Понятие рынка в системомыследеятельностном подходе // Программирование культурного развития: региональные аспекты. Вып. II. М.: НИИ Культуры, 1993.

8. Тюков А. А. Психологи в ММК // Кентавр. 1993. № 1.

9. Садовский В. Н. Философия в Москве в 1950-е и 1960-е годы // Вопросы философии. 1993. № 7.

* Тексты перечислены в хронологическом порядке.

10. Грушин Б. «Мы пытались ответить на кардинальные вопросы». Интервью // Вопросы методологии. 1994. № 1–2.
11. Ладенко И. Методологическое движение: науковедческий обзор // Вопросы методологии. 1994. № 1–2.
12. Воспоминания о Г. П. Щедровицком // Кентавр. 1994. № 2 (вып. 11).
13. Метод: вчера и сегодня: Материалы I Методологического конгресса (20–21 марта 1994 г.). М.: Школа культурной политики, 1995.
14. Пископпель А. А. К творческой биографии Г. П. Щедровицкого // Избранные труды.
15. Терехин А. ОД-игра и ролевые игры // Кентавр. 1996. № 2 (вып. 16).
16. Интеллектуальные торпеды. Материалы научной конференции памяти Г. П. Щедровицкого «Георгиевские чтения» (21–22 февраля 1995 г.). Новосибирск, 1996.
17. Пинский А. А. Воспоминания о Щедровицком // А. А. Пинский Пайдейя. Работы 1986–1996 годов. М.: Частная школа, 1997. С. 325–351.
18. Алексеев Н. Г. Философско-методологические проблемы педагогической теории // Вопросы методологии. 1997. № 1–2.
19. Каменский З. О «содержательной логике» // Вопросы методологии. 1998. № 1–2.
20. Хауэлл Р., Рабкин Д. ОДИ как метод совместного решения проблем в бывшем Советском Союзе // Вопросы методологии. 1998. № 1–2.
21. Розин В. М. К истории Московского методологического кружка // Философия не кончается...: Из истории отечественной философии. XX век. 1960–80-е годы. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1998. С. 547–563.
22. Ладенко И. С. Г. П. Щедровицкий в развитии генетической логики и методологического движения // Философия не кончается...: Из истории отечественной философии. XX век. 1960–80-е годы. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1998. С. 564–595.
23. Гиздатов Г. Г. Когнитивная лингвистика в контексте теории Г. П. Щедровицкого // Ғылыми еңбектері еділеттін. Науч. тр. «Еділет». Алматы. 1999. № 2. С. 86–90.
24. Попов С. В. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений // Кентавр. 2000. Вып. 23.
25. Попов С. В. Метод экспертизы // Кентавр. 2000. Вып. 23.
26. Зинченко А. П. Игровая педагогика (Система педагогических работ Школы Г. П. Щедровицкого) // Кентавр. 2001. Вып. 25.
27. Марача В., Матюхин А. Юридическое мышление: право в методологической перспективе // Кентавр. 2001. Вып. 25.
28. Говорунов А. В. Г. П. Щедровицкий — мыследеятельность как Игра // «Vita Cogitans: Альманах молодых философов». Вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 223–232.

29. Котельников С. И. Пространство МД ГП // Кентавр. 2002. Вып. 30.
30. Генисаретский О. И. Развитие психологических идей в рамках методологии // О. И. Генисаретский Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.: Путь, 2002.
31. Бабайцев А. Ю. СМД-методология // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003.
32. Канке В. А. Системомыследеятельностная методология и этика // В. А. Канке. Этика ответственности. Теория морали будущего. М.: Логос, 2003. С. 115–130.
33. Канке В. А. Георгий Петрович Щедровицкий и системомыследеятельностная методология // В. А. Канке История философии. Мыслители, концепции, открытия. Учебное пособие. М.: Логос, 2003. С. 347–350.
34. Никитаев В. В. Методология и власть: Кант // Кентавр. 2003. Вып. 31.
35. Анисимов О. С. Методология на рубеже веков (к 50-летию ММК). М.: ООО «Вестник АСМБ», 2004.
36. Прусс И. Мышление как дар и окаянство // Знание — сила. 2004. № 2.
37. Данилова В. Л. О Г. П. Щедровицком (интервью) // Журнал практического психолога. 2004. № 2.
38. Хасан Б. И. Красноярское наследие Г. П. Щедровицкого // Журнал практического психолога. 2004. № 2.
39. Марача В. Г. Московский методологический кружок: основные программные идеи и формы организации интеллектуальных практик // Философские науки. 2004. № 1–2; с некоторыми сокращениями см. также в: Полигнозис. 2004. № 2.
40. Вовенко С. Деятельность Г. П. Щедровицкого в сфере физкультуры и спорта (к 75-летию со дня рождения) // Теория и практика физической культуры. 2004. № 2.
41. Пископпель А. А. Г. П. Щедровицкий — подвижник и мыслитель // Познающее мышление... С. 11–57.
42. Швырев В. С. Формирование исходных принципов анализа познающего мышления // Познающее мышление... С. 59–79.
43. Садовский В. Н. Интеллектуальный блеск и творческие трудности раннего Щедровицкого // Познающее мышление... С. 81–129.
44. Стёпин В. С. От философии и методологии науки — к философской антропологии (траектория развития идей: 1950–1990-е гг.) // Познающее мышление... С. 131–169.
45. Лекторский В. А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия // Познающее мышление... С. 171–205.
46. Розов М. А. Проблема способа бытия в гуманитарных науках (по следам Г. П. Щедровицкого) // Познающее мышление... С. 207–247.
47. Литвинов В. П. Мышление по поводу языка в традиции Г. П. Щедровицкого // Познающее мышление... С. 249–305.

48. Юдин Б. Г. Точка зрения искусственного // Познающее мышление... С. 307–335.
49. Зинченко В. П. Комментарий психолога к трудам и дням Г. П. Щедровицкого // Познающее мышление... С. 337–403.
50. Калининченко В. В. Место Г. П. Щедровицкого в «истории безумия» XX столетия (несколько парафраз М. Фуко к трактовке идей ММК) // Познающее мышление... С. 405–427.
51. Подорога В. А. Проект и опыт (Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: сравнительный анализ стилей мышления) // Познающее мышление... С. 429–523.
52. Щедровицкий П. Г. Исторические и логические заметки к анализу программ содержательно-генетической логики и СМД-методологии // Познающее мышление... С. 525–543.
53. Громыко Ю. В. Социокультурное разнообразие как оселок деятельности подхода // Кентавр. 2004. Вып. 33.
54. Никитаев В. В. Философия и власть: Георгий Щедровицкий (последний проект модерна) // Кентавр. 2004. Вып. 34.
55. Зуев С. Э. Методология и проектирование // Сообщение. 2004. № 2.
56. Марача В. Г., Тюков А. А. Чтения памяти Г. П. Щедровицкого // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 117–120.
57. Розов М. А. Рожденный мыслить // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 133–143.
58. Розин В. М. Эволюция взглядов и особенности философии Г. П. Щедровицкого // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 144–155.
59. Морозов Ф. М. Три проблемы в творчестве Г. П. Щедровицкого // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 156–169.
60. Хромченко М. С. Диалектические станковисты (главы из книги о Г. П. Щедровицком). М.: Изд-во «Шк. культ. полит.», 2004.
61. Щедровицкий П. Г. Предисловие // Чтения 2002–2003. С. 7–16.
62. Генисаретский О. И. Схема двойного знания, связи рефлексивного управления и параллельные серии Ж. Делеза // Чтения 2002–2003. С. 17–52.
63. Никулин Е. В. Г. П. Щедровицкий и Жак Деррида: проблемы философской стратегии // Чтения 2002–2003. С. 53–68.
64. Сазонов Б. В. Воля и субъективность у М. Фуко и в ММК // Чтения 2002–2003. С. 69–84.
65. Громыко Ю. В. Системомыследеятельностный подход Г. П. Щедровицкого и теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса: точки соотнесения и несопоставимости // Чтения 2002–2003. С. 85–103.
66. Калининченко и др. Георгий Щедровицкий и Мишель Фуко (крулый стол «Линии и узлы») // Чтения 2002–2003. С. 107–125.
67. Стецюк Т. В. Понятие проблематизации и понимание ее роли в мышлении и исторических процессах развития практики: Г. Щедровицкий и М. Фуко // Чтения 2002–2003. С. 125–133.

68. Розин В. М. М. Фуко и Г. П. Щедровицкий — мыслители XX века (сравнительный анализ) // Чтения 2002–2003. С. 133–150.
69. Морозов Ф. М. Схемы и схематизация в философско-методологическом контексте XX века (генетическая эпистемология Ж. Пиаже, когнитивная наука, Г. П. Щедровицкий): итоги и возможные перспективы // Чтения 2002–2003. С. 165–179.
70. Винов И. Е. Философия как социальное действие (зарисовка неологизмов личности) // Чтения 2002–2003. С. 181–195.
71. Марача В. Г. Г. П. Щедровицкий — Дж. Ролз: проблема социального действия и вопрос о возможности политической философии Московского методологического кружка // Чтения 2002–2003. С. 197–211; 253–275.
72. Попов А. А., Проскуровская И. Д. «Схема» и «символ»: на пути к не-дискурсивной концепции мышления // Чтения 2002–2003. С. 221–250.
73. Бермус А. Г. К определению феномена «гуманитарной методологии» // Кентавр. 2005. Вып. 37.
74. Комаров С. В., Кордон С. И. Основы методологии: системодетельностный подход. Категории. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005.
75. Щедровицкий П. Г. Методология может всё // Эксперт. 2005. № 8.
76. Марача В. Г. Исследование мышления в ММК и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Методология. Т. I. С. 87–112.
77. Щедровицкий П. Г. Мышление, методологическая работа и развитие // Методология. Т. I. С. 231–244.
78. Ладенко И. С. Становление и развитие идей содержательно-генетической логики // Методология. Т. I. С. 245–262.
79. Алексеев Н. Г. Конструктивно-инновационный смысл методологии // Методология. Т. I. С. 263–270.
80. Громыко Ю. В. Московская методологическая школа: социокультурные условия возникновения, идейное содержание, проблемы развития // Методология. Т. I. С. 271–302.
81. Давыдов В. В. История работы Комиссии по логике и психологии мышления (к 25-летию) // Методология. Т. I. С. 335–340.
82. Сазонов Б. В. К истории ММК в свете перспектив игротехнического движения // Методология. Т. I. С. 341–360.
83. Буряк А. П. Общая методология и частные философии // Методология. Т. I. С. 375–390.
84. Тюков А. А. Мы — просветители // Методология. Т. I. С. 391–402.
85. Зинченко А. П. Ремесло методолога // Методология. Т. I. С. 403–410.
86. Генисаретский И. О. Фигуры идентичности методолога // Методология. Т. I. С. 411–422.

87. Никитин В. А. Архитектура и методология // Методология. Т. II. С. 317–326.
88. Щедровицкий П. Г., Попов С. В. Игровое движение и организационно-деятельностные игры // Методология. Т. II. С. 355–412.
89. Попов С. В. Организационно-деятельностные игры: мышление в «зоне риска» // Методология. Т. II. С. 413–476.
90. Табачникова С. В. К постановке вопроса о СМД антропологии // Методология. Т. III. С. 7–16.
91. Громыко Ю. В. Выготскианство (подход Л. Выготского) за рамками концепции Выготского (к идее деятельностной антропологии) // Методология. Т. III. С. 17–48.
92. Данилова В. Л. Антропотехника как проблема методологии // Методология. Т. III. С. 85–96.
93. Спектор Р. И. Homo Seperficiens (человек совершенствующийся) // Методология. Т. III. С. 97–106.
94. Наумов С. В. Представления о программах и программировании в контексте методологической работы // Методология. Т. III. С. 279–316.
95. Литвинов В. П. Предисловие: Демистификация знака // Знак и деятельность. Кн. I. С. 7–30.
96. Розин В. М. Методология: становление и современное состояние. Учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
97. Громыко Ю. В. Введение в теорию мышления и деятельности. М.: Пушкинский ин-т, 2005.
98. Громыко Ю. В. Введение в методологию. М.: Пушкинский ин-т, 2005.
99. Копылов Г. Г. Сила парадокса: Георгий Щедровицкий // Лидеры образования. 2005. № 6–7.
100. Московский методологический кружок в лицах. [Том I]. М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006.
101. Розин В. М. Становление личности и творческий путь Г. П. Щедровицкого // В. М. Розин. Мышление и творчество. М.: ПЕР СЭ, 2006. С. 118–146.
102. Русаков А. В. XII Чтения памяти Г. П. Щедровицкого (обзор) // Вопросы психологии. 2006. № 3.
103. Дубровский В. Нормы и отклонения с системо-деятельностной точки зрения // Кентавр. 2006. Вып. 38–39.
104. Щедровицкий П. Г. Формирование методологического мышления как культурно-исторический и социокультурный проект // Чтения 2004–2005. С. 7–20.
105. Генисаретский О. И. Пересмотр о деятельности // Чтения 2004–2005. С. 21–46.
106. Эльконин Б. Д. Проблематика развития в методологии Г. П. Щедровицкого и психологическая теория деятельности // Чтения 2004–2005. С. 47–52.

107. Данилова В. Л. Проблема человека в наследии Г. П. Щедровицкого // Чтения 2004–2005. С. 52–59.
108. Подорога В. А. Взаимодействие проекта и опыта в современной философии // Чтения 2004–2005. С. 59–67.
109. Щедровицкий П. Г. и др. Горизонты и проблемы развития СМД-методологии и методологического мышления (форум) // Чтения 2004–2005. С. 85–178
110. Малиновский П. В. ММК в эпицентре кризиса цивилизационной идентичности: вызовы развития на пороге нового века // Чтения 2004–2005. С. 189–226.
111. Щедровицкий П. Г. и др. Парадигма развития в деятельности Г. П. Щедровицкого и ММК: идеи, концепции, стратегии (круглый стол) // Чтения 2004–2005. С. 227–266.
112. Сазонов Б. В. Методология как технология // Чтения 2004–2005. С. 267–304.
113. Зарецкий В. К. Использование рефлексии в практике организации решения проблем // Чтения 2004–2005. С. 305–336.
114. Лепский В. Е. Рефлексивные процессы и их исследование // Чтения 2004–2005. С. 337–365.
115. Лепский В. Е. В. А. Лефевр и рефлексия // Рефлексивные процессы и управление. 2006. Т. 6. 2006. № 1.
116. Левинтов А. Е. Методология и рефлексивное управление: Г. П. Щедровицкий и В. А. Лефевр // Рефлексивные процессы и управление. Т. 6. 2006. № 1.
117. Содин С. Л. Логос и методология // Кентавр. 2007. Вып. 40.
118. Никитин В. А. Концепция истории у Г. П. Щедровицкого // Кентавр. 2007. Вып. 40.
119. Генисаретский О. И. Горизонты методологии (беседа) // Кентавр. 2007. Вып. 40.
120. Семёнов И. Н. Фундаментальная роль методологии Г. П. Щедровицкого в междисциплинарном взаимодействии философии и логики с рефлексивной психологией и педагогикой // Рефлексивные процессы и управление. Т. 7. 2007. № 1.
121. Бермус А. Г. Введение в гуманитарную методологию. М.: Канон+: ОИ «Реабилитация», 2007.
122. Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое литературное обозрение. 2007. № 88.
123. Московский методологический кружок в лицах. Т. II. М.: Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2007.
124. Грязнова Ю. Б. Называя вещи своими именами (о «человеке» в СМД-методологии) // Человек.гу: Гуманитарный альманах. № 3. Новосибирск: НГУЭН, 2007.
125. Данилова В. Л. Субъект поступка в организационно-деятельностной игре // Человек.гу: Гуманитарный альманах. № 3. Новосибирск: НГУЭН, 2007.

126. Кукулин И. Зачем нужно контекстуализировать работы Г. П. Щедровицкого? // Новое литературное обозрение. 2008. № 90.
127. Рац М., Хромченко М. О методологии Г. П. Щедровицкого и «прогрессорстве» А. Н. и Б. Н. Стругацких // Новое литературное обозрение. 2008. № 90.
128. Пятигорский А. М. Металингвистическая рефлексия // Чтения 2006–2007. С. 12–17.
129. Малиновский П. В. Категориальный статус схемы мыследеятельности: контексты функционирования и развития // Чтения 2006–2007. С. 20–38.
130. Данилова В. Л. Изображение механизмов изменения деятельности в схемах системомыследеятельностного подхода // Чтения 2006–2007. С. 39–63.
131. Флямер М. Г. Мыследеятельностная трактовка способов организации и организованностей коммуникации // Чтения 2006–2007. С. 64–77.
132. Марача В. Г. Парадигмы нормативности мышления в интеллектуальной традиции Московского методологического кружка: взгляд сквозь призму мыследеятельностного подхода // Чтения 2006–2007. С. 78–107.
133. Сазанов Б. В. Процессы схематизации и схемы в ММК: к проблеме онтологического статуса схем // Чтения 2006–2007. С. 108–133.
134. Буряк А. П. Проблематизация — стержень управленческих технологий // Чтения 2006–2007. С. 174–189.
135. Эльконин Б. Д. Учебная задача и проблематизация // Чтения 2006–2007. С. 190–197.
136. Малиновский П. В. Онтологизация в многомерном эпистемическом пространстве онтономии: опыты ММК // Чтения 2006–2007. С. 223–252.
137. Княгинин В. Н. Онтология как технология мышления // Чтения 2006–2007. С. 253–265.
138. Зинченко А. П. Технологии схематизации в СМД-методологии // Чтения 2006–2007. С. 282–305.
139. Волков А. Е. Опыт схематизации: Свои и Другие // Чтения 2006–2007. С. 306–319.
140. Русаков А. В. XIV Чтения памяти Г. П. Щедровицкого (обзор) // Вопросы психологии. 2008. № 3.
141. Литвинов В. П. Гуманитарная философия Г. П. Щедровицкого. М.: ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2008.
142. Данилова В. Л. Логика, методология и философия науки в работах Г. П. Щедровицкого // Журнал Санкт-Петербургского философского общества «Мысль». 2008. № 8.
143. Марача В. Г. Онтологическое мышление с методологической точки зрения // Наука: от методологии к онтологии / Отв. ред. А. А. Огурцов, В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2009. С. 234–245.

144. Кузнецова Н. И., Ойзерман Т. И. Кастальский ключ Георгия Щедровицкого // Вопросы философии. 2009. № 2.
145. Русаков А. В. XV Чтения памяти Г. П. Щедровицкого (обзор) // Вопросы психологии. 2009. № 3.
146. Розин В. М. Научные исследования и схемы в ММК [в печати].
147. Rotkirch A. The playing -80's. Russian Activity Games // Danny Saunders, Fred Percival and Matti Vartiainen (eds): The Simulation and Gaming Yearbook. Volume 4: Games and Simulations to Enhance Quality Learning. London: Kogan Page. 1996. P. 34–40.
148. Tabatchnikova S. Le Cercle de méthodologie de Moscou (1954–1989): Une pensée, une pratique. Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2007. [Готовится издание на русском языке.]

Библиографию подготовили: Г. А. Давыдова, А. В. Русаков.

Именной указатель

- Августин — 52, 64, 237, 532
Айдукевич К. — 473
Айер А. — 498
Акофф Р. — 354
Алексеев М. Н. — 472, 474
Алексеев О. Б. — 428
Аристарх Самосский — 95, 96,
97, 220, 224, 409, 502, 503,
507, 509
Аристотель — 20, 59, 71, 77, 78,
80, 89, 90, 91, 97, 107, 108,
111, 128, 135, 154, 171, 209,
210, 211, 213, 214, 216, 240,
425, 462, 473, 537, 540
Асмус В. Ф. — 474
Ахманов А. С. — 474
- Бахтин М. М.** — 79, 253
Бауман З. — 369, 400
Бернштейн Э. — 345
Буль Дж. — 519, 520
Бэкон Ф. — 15, 21, 59, 60, 61, 85
- Вебер М.** — 339, 343
Веселов А. А. — 437
Виндельбанд В. — 59, 473, 525,
527
Войсвилло Е. К. — 474, 543
Волошинов В. Н. — 79, 80
Выготский Л. С. — 79, 80, 86, 91,
104, 105, 119, 185, 389, 400
- Галилей Г. — 59, 100, 101, 499
Гегель Г.-В.-Ф. — 35, 105, 180,
236, 325, 425, 473, 484, 486,
501, 537
- Гелазония П. И. — 407, 410, 544
Гемпель К. — 473
Генисаретский О. И. — 10, 19–20,
21, 30, 45, 64, 91, 103, 169, 183,
328, 333, 336, 356, 411, 423,
424, 427, 428, 429, 435, 438,
570, 571, 585, 586, 587, 588
Гераклит — 124, 473
Гинзбург В. Я. — 413, 414, 547
Горский Д. П. — 474
Громыко Ю. В. — 56, 57, 158–192,
397, 400, 583, 586, 587, 588
Грушин Б. А. — 71, 200, 405, 408,
494, 513, 526, 543, 544, 584
Гумбольдт В. фон — 131, 250, 255,
256, 260
Гуссерль Э. — 22, 64, 271, 283,
316, 410, 536
- Давыдов В. В.** — 98, 416, 544,
587
Давыдова Г. А. — 202, 542, 550,
591
Давыдов Ю. Н. — 497, 498
Даль В. И. — 343
Данилова В. Л. — 65, 67, 261–
318, 356, 457, 583, 585, 588,
589, 590
Даунис И. Б. — 425
Декарт Р. — 25, 31, 59, 60, 61, 64,
85, 406, 407, 495
Дубровский В. Я. — 109–157,
174, 230, 285, 423, 426, 430,
435, 464, 466, 555, 571, 573,
574, 588
Дункер К. — 504, 508

- Зельц О. — 504
 Зенон Элейский — 198
 Зеньковский В. В. — 319
 Зиновьев А. А. — 48, 64, 71, 72, 73, 74–75, 76, 77, 78, 88, 89, 91, 93, 94, 95, 196, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 207, 208, 210, 211, 228, 405, 408, 461, 470, 471, 472, 474, 475, 476, 482, 483, 484, 485, 486, 487–488, 489, 494, 496, 497, 498, 506, 524, 543, 544
 Зинченко А. П. — 11, 64, 397, 584, 587, 590
 Зинченко В. П. — 223, 390, 391, 400, 586
 Ильенков Э. В. — 17, 35, 48, 64, 111, 181, 199, 264, 428, 472, 475, 476, 497

 Кант И. — 30, 32, 33, 36, 38, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 71, 78, 154, 323, 360, 473, 478, 484
 Карнап Р. — 410, 414, 473
 Кедров Б. М. — 324, 356
 Коген Г. — 59, 473
 Кондильяк Э. Б. — 497
 Копнин П. В. — 474, 501
 Копосов Н. Е. — 355, 356
 Копылов Г. Г. — 19, 36, 39, 64, 357, 584, 588
 Костеловский В. А. — 65, 69, 212, 406, 432, 435, 495, 530, 533, 534, 544, 568, 569
 Коровиков В. И. — 17, 48
 Котельников С. И. — 69, 168, 403, 428, 578, 585
 Кроче Б. — 349, 350, 356
 Кузнецов С. О. — 486, 410
 Кузнецова Н. И. — 400, 401, 409, 413, 432, 435, 551, 555, 574, 591
 Курнаков Н. С. — 207–208
 Кэрролл Л. — 245

 Лавджой А. — 351
 Ладенко И. С. — 95, 222, 225, 407, 408, 422, 435, 496, 503, 544, 568, 584, 587
 Лакатос И. — 163, 441, 448, 449, 450, 451, 453, 487, 506, 527
 Лахути Д. Г. — 410, 486, 544
 Левада Ю. А. — 411, 412, 428
 Левинтов А. Е. — 336, 589
 Лейбниц Г. — 497
 Ленин В. И. — 201, 473, 501
 Лефевр В. А. — 27, 28, 65, 155, 316, 356, 422, 423, 428, 429, 415, 446, 453, 529, 530, 531, 532, 570, 571, 589
 Литвинов В. П. — 216, 234–260, 395, 585, 588, 590
 Луман Н. — 259

 Мамардашвили М. К. — 71, 72, 73, 92, 200, 274, 316, 405, 408, 428, 543, 544, 583
 Мандевиль Б. — 327
 Маркс К. — 13, 26, 49, 64, 66, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 80, 87, 91, 94, 112, 125, 166, 199, 200, 201, 202, 204, 205, 207, 208, 226, 228, 232, 266, 272, 274, 325, 338, 472, 473, 474, 475, 484, 486, 494, 527, 543
 Меерович М. Г. — 188, 340, 357
 Морзе С. — 334
 Москаева А. С. — 217, 423, 427, 435, 464, 465, 466

 Наторп А. — 59, 473, 527
 Непомнящая Н. И. — 98, 545
 Никулин Е. В. — 59, 66, 586
 Никитаев В. В. — 59, 61, 66, 585, 586
 Нисбет Р. — 351, 352, 357

 Ойзерман Т. И. — 17, 357, 578, 591
 Орем Н. — 100
 Ортега-и-Гассет Х. — 355, 357
 Оукшотт М. — 341, 345, 357

 Пантина Н. С. — 98, 274
 Пиаже Ж. — 264
 Пинский А. А. — 66, 164, 424, 584
 Пирс Ч. С. — 235, 245

- Платон — 89, 119, 135, 180, 211, 212, 238, 280, 320, 425, 506, 540
Полани М. — 345
Подорога В. А. — 11, 362, 401, 586, 589
Пойа Д. — 504, 505
Попов П. С. — 474
Попов С. В. — 37, 66, 345, 368, 397, 401, 584, 588
Поппер К. — 283, 345, 415, 448, 449, 530
Пятигорский А. М. — 424, 426, 590
- Райл Г.** — 345
Раппапорт А. Г. — 103, 401, 409, 410, 427, 435
Риккерт Г. — 473, 525, 527
Розенталь М. М. — 471, 474
Розеншток-Хюсси О. — 329, 357
Розин В. М. — 11, 21, 22, 37, 54, 59, 62, 65, 66, 71–108, 217, 222, 260, 294, 316, 345, 358, 410, 422, 423, 425, 427, 429, 430, 432, 435, 464, 465, 466, 545, 552, 571, 584, 586, 587, 588, 590, 591
Розов М. А. — 525, 585, 586
Рождественский Ю. В. — 416
- Садовский В. Н.** — 70, 206, 267, 298, 299, 316, 406, 410, 416, 428, 435, 495, 544, 545, 569, 583, 585
Сазонов Б. В. — 12, 89, 90, 91, 103, 193–260, 283, 397, 400, 401, 407, 429, 544, 547, 586, 587, 589, 590
Саймон Г. — 324, 357
Секей Л. — 504
Симоненко О. Д. — 423
Скиннер Б. Ф. — 252
Скотт Д. — 345, 357
Слепцов Б. Г. — 356, 357
Смит Адам — 200
Сорос Дж. — 332
Спектор Р. И. — 409, 588
Соссюр Ф. де — 147, 246, 253, 257, 260
- Спиноза Б. — 35
Столяров В. И. — 407, 544
Стругацкие (А. Н. и Б. Н.) — 39
Строгович М. С. — 474
- Таванец П. В.** — 474
Тарский А. — 473
Тюков А. А. — 45, 46, 67, 374, 401, 437, 438, 583, 586, 587
Тьюринг А. — 240, 512
- Уемов А. И.** — 474
- Федотова В. Г.** — 351
Фергюсон А. — 327
Финн В. К. — 410, 486, 496, 544
Фихте И.-Г. — 59, 105, 106, 171, 180, 325, 438, 537
Флоренский П. А. — 31, 34, 67
- Хабермас Ю.** — 251, 253
Хайдеггер М. — 33, 34, 39, 67, 235, 248, 249, 399, 402
Хайек Ф. А. фон — 321, 324, 327, 328, 341, 347, 350, 353, 357
Хомский Н. — 258
- Черкесов В. И.** — 472, 474, 475
Часовикова В. С. — 409
Черномырдин В. С. — 339
- Швырев В. С.** — 317, 406, 410, 427, 435, 486, 495, 544, 585
Шеварев П. А. — 421, 505, 544
Шеллинг В. Ф. Й. — 106, 325, 537
Щедровицкий Л. П. — 230, 543
- Щедровицкий П. Г.** — 29, 70, 81, 82, 83, 270, 279, 285, 318, 358, 368, 397, 403, 414, 428, 435, 545, 558, 575, 583, 586, 587, 588, 589
Щукин Н. В. — 52, 405, 542
- Эйнштейн А.** — 355, 415
- Юдин Б. Г.** — 155, 319, 358, 386
Юм Д. — 327

Сведения об авторах

Громыко Юрий Вячеславович — доктор психологических наук, опубликовал более 100 научных работ, из них 11 монографий, 4 коллективные монографии, директор Института опережающих исследований им. Е. Л. Шифферса, Москва.

Данилова Вера Леонидовна — участник ММК с 1972 г. Кандидат психологических наук. Научный руководитель Фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого».

Дубровский Виталий Яковлевич — был членом ММК с 1964 по 1978 г., руководил несколькими дочерними семинарами. Окончил математический факультет МГПИ (1963) и аспирантуру ВНИТЭ (1968, рук. Г. П. Щедровицкий). В настоящее время — Professor Emeritus, School of Business, Clarkson University, где преподавал курсы по специальности Management Information Systems (1982–2003). Членство в обществах: New York Academy of Sciences, International Society for the Systems Sciences (член совета), Human Factors and Ergonomics Society, Association for Information Systems и др.

Карнозова Людмила Михайловна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН. В ММК с 1981 г. С 1988 г. стала проводить ОДИ в качестве руководителя игры.

Литвинов Виктор Петрович — кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Пятигорского государственного лингвистического университета, автор около 150 работ, в том числе 8 книг по лингвистике, методологии, философии.

Марача Вячеслав Геннадиевич — участник семинаров Московского методологического кружка с 1986 г. В настоящее время — руководитель проектов Фонда «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», заместитель генерального директора компании «РОЭЛ Консалтинг — Регион». Более 100 научных публикаций. Кандидат философских наук.

Рац Марк Владимирович — профессор, доктор геолого-минералогических наук, участник методологического движения с 1983 г. Основные интересы: приложения методологии к инновационной и научной политике, политической философии и науке, книжному делу и библиофильству.

Розин Вадим Маркович, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, академик академии педагогических и социальных наук.

Сазонов Борис Васильевич — член ММК, кандидат философских наук, заведующий лабораторией Института системного анализа РАН.

Хромченко Матвей Соломонович — журналист.

Содержание

От редактора	5
I. Вместо введения.....	9
<i>В. Г. Марача</i>	
Отличительные черты методологического мышления как «идеального ядра» интеллектуальной традиции Московского методологического кружка	9
II. От мышления к мыследеятельности?.....	71
<i>В. М. Розин</i>	
Построение теории мышления — «синяя птица» Г. П. Щедровицкого.....	71
<i>В. Я. Дубровский</i>	
Онтология деятельности Г. П. Щедровицкого	109
<i>Ю. В. Громыко</i>	
Системно-мыследеятельностный подход: схема мыследеятельности Г. П. Щедровицкого — philosophia nova?	158
III. Эпистемология и семиотика.....	193
<i>Б. В. Сазонов</i>	
Понятие «проблема» и процессы проблематизации в ММК как ключевые для понимания методологического мышления	193
<i>В. П. Литвинов</i>	
Феноменология знака.....	234
<i>В. Л. Данилова</i>	
Концепция знания в работах Г. П. Щедровицкого: на пути к новому синтезу	261

IV. Мир категорий	319
<i>М. В. Рац</i> «Искусственное» и «естественное»	319
V. Опыт игры	359
<i>Л. М. Карнозова</i> Организационно-деятельностная игра	359
VI. Воспоминания	404
<i>М. С. Хромченко</i> Символ рода	404
VII. Слово Г. П. Щедровицкому	440
<i>Г. П. Щедровицкий</i> Идея деятельности и деятельностный подход	440
Хроника основных событий жизни и творчества	542
Приложение. Участие Г. П. Щедровицкого в конференциях (симпозиумах, совещаниях и пр.) в 1970–1979 гг.	552
Библиография работ Г. П. Щедровицкого	565
Библиография публикаций о Г. П. Щедровицком и Московском методологическом кружке	583
Именной указатель	592
Сведения об авторах	595

Научное издание

Философия России второй половины XX века

Георгий Петрович Щедровицкий

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*

Компьютерная верстка *Н. А. Ищик*

Корректор *Н. В. Филиппова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.01.2010.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,5.

Тираж 2000 экз. Заказ 103

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Смысл своей работы я видел в том, чтобы всячески, по всем линиям, во всех возможных формах способствовать восстановлению интеллигенции. И я для себя решил, что остальное – включая коллизии социально-политической жизни – никогда не должно меня интересовать, и я никогда не должен выходить на уровень прямого участия в этом, что назначение и смысл моей работы (в том числе и как философа, как социального мыслителя, как логика и методолога) состоят лишь в развитии средств, методов, способов, форм мышления. И что жизнь моя и работа должны заключаться в том, чтобы выискивать людей, способных осуществлять эту работу, и создавать условия для их жизни, для их развития. На это должны быть направлены все мои усилия, и этим же они вместе с тем и должны ограничиваться.

Г. П. Щедровицкий

Институт философии

Некоммерческий фонд
«Институт развития»

Издательство «РОСС

Георгий Петрович Щедровицкий

9 785824 313871

ИЯ»